

Заостровье-2. Могильник римского времени в Северной Самбии

Anna Mastykova, Kirill Juganov

▶ **To cite this version:**

Anna Mastykova, Kirill Juganov. Заостровье-2. Могильник римского времени в Северной Самбии. Институт археологии Российской академии наук,. Институт археологии Российской академии наук„ 2025, 978-5-94375-473-9. ⟨10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-473-9⟩. ⟨hal-05365219⟩

HAL Id: hal-05365219

https://hal.science/hal-05365219v1

Submitted on 14 Nov 2025

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

HAL Authorization

В монографии публикуются результаты комплексного исследования грунтового могильника римского времени Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4), принадлежавшего западным балтам (эстиям). Памятник исследован Институтом археологии РАН в ходе спасательных раскопок в Зеленоградском районе Калининградской области в 2010–2011 гг. При изучении материалов могильника были привлечены и архивные данные о немецких раскопках этого памятника Шлакалькен-2 (4) в XIX в. На основе анализа погребальных комплексов выявлены особенности погребального обряда и материальной культуры древних эстиев, получены палеоантропологические и археозоологические данные, предложены исторические выводы. Книга предназначена для историков, археологов, антропологов, палеозоологов и всех интересующихся прошлым Юго-Восточной Прибалтики.

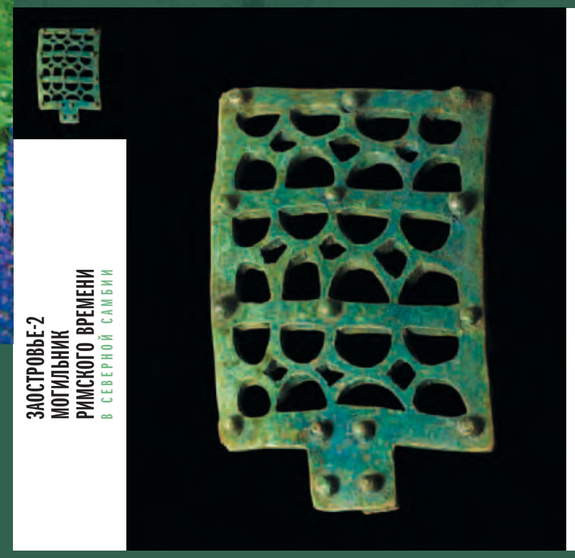
Институт археологии Российской академии наук

ЗАОСТРОВЬЕ-2 МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОЙ САМБИИ

Материалы спасательных археологических исследований

35

2025

А.В. Мастыкова, К.Л. Юганов

ЗАОСТРОВЬЕ-2 МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В СЕВЕРНОЙ САМБИИ

Институт археологии Российской академии наук

Материалы спасательных археологических исследований

35

ЗАОСТРОВЬЕ-2
МОГИЛЬНИК
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
В СЕВЕРНОЙ САМБИИ

INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE
RUSSISCHE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

A. V. MASTYKOVA, K. L. JUGANOV

ZAOSTROVIE-2
GRÄBERFELD DER RÖMISCHEN ZEIT IN NORDSAMLAND

Unter Mitwirkung von E. E. Antipina,
M. V. Dobrovol'skaja, M. M. Kazanski, E. V. Lagutkina,
I. A. Saprykina, K. N. Skvorcov

ИА РАН

MOSKAU, 2025

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. В. МАСТЫКОВА, К. Л. ЮГАНОВ

ЗАОСТРОВЬЕ-2
МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОЙ САМБИИ

При участии Е. Е. Антипиной, М. В. Добровольской,
М. М. Казанского, Е. В. Лагуткиной, И. А. Сапрыкиной,
К. Н. Скворцова

ИА РАН

МОСКВА, 2025

УДК 902/904
ББК 63.4
М32

Издание подготовлено в рамках работы по теме
«Сохранение археологического наследия: методические аспекты
и материалы полевых исследований» (№ НИОКТР 122011200265-6)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик РАН *Н. А. Макаров*

РЕЦЕНЗЕНТЫ
доктор исторических наук *В. Б. Ковалевская*
доктор исторических наук *И. В. Исланова*
кандидат исторических наук *Э. Б. Зальцман*

Перевод резюме на немецкий язык: *Д. А. Шалыга*

Мастыкова А. В., Юганов К. Л.

М32 Заостровье-2. Могильник римского времени в Северной Самбии / Отв. ред. Н.А. Макаров. Материалы спасательных археологических исследований. Том 35. М.: ИА РАН, 2025. 422 с.

ISBN 978-5-94375-473-9

В монографии публикуются результаты комплексного исследования грунтового могильника римского времени Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4), принадлежавшего западным балтам (эстиям). Памятник исследован Институтом археологии РАН в ходе спасательных раскопок в Зеленоградском районе Калининградской области в 2010–2011 гг. При изучении материалов могильника были привлечены и архивные данные о немецких раскопках этого памятника Шлакалькен-2 (4) в XIX в. На основе анализа погребальных комплексов выявлены особенности погребального обряда и материальной культуры древних эстиев, получены палеоантропологические и археозоологические данные, предложены исторические выводы.

Книга предназначена для историков, археологов, антропологов, палеозоологов и всех интересующихся прошлым Юго-Восточной Прибалтики.

УДК 902/904
ББК 63.4

На лицевой стороне обложки:
Деталь пряжки самбийского пояса, погребение 137.2011 г.; Ожерелье из стеклянных бус с металлическими кольцами, погребение 86.2011 г. Фото: Т. Ш. Гацаев
На обороте обложки:
Территория могильника Заостровье-2 до начала работ в 2011 г. Фото: А. В. Мастыкова

ISBN 978-5-94375-473-9
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-473-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2025
© Мастыкова А.В., Юганов К.Л., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Историко-географическая характеристика региона, общая характеристика памятника и история археологического изучения памятника

Грунтовый могильник Заостровье-2 расположен в северной части Самбийского полуострова, в Зеленоградском районе Калининградской области[1] (рис. 1: *1*).

Он находится в междуречье ручья Мотыль и реки Спокойная, в 1,2 км к северо-востоку от южной окраины поселка Обухово, в 1,4 км к юго-востоку от южной окраины поселка Доброе, в 1,45 км к юго-западу от южной окраины поселка Заостровье (Летное), в 3,1 км к северо-западу от северной окраины поселка Романово (рис. 1: *2*). Высота площадки могильника – 41–42,5 м в Балтийской системе высот. Небольшая в настоящее время река Спокойная имеет много мелких притоков и впадает в Балтийское море на северном побережье Самбийского полуострова. Раньше же эта река и ее многочисленные притоки были более полноводными, и в периоды благоприятных климатических условий сюда заходили промысловые виды рыб. Вполне вероятно, это являлось одной из причин наличия на этой территории памятников бронзового и раннего железного веков, уже известных к началу XX в.: Калькшберг (Kalkschberg), Лаукникен (Lauknicken), Шлакалькен (Schlakalken), Тикренен (Tykrehnen) (*Hollack*, 1908. S. 88, 144, 169).

Окружающая местность – это слабохолмистая равнина, поверхность которой до сравнительно недавнего времени активно распахивалась. Пахотный слой начал образовываться не позднее XVIII в. Вдоль реки Спокойная в северном направлении ландшафт не меняет свой облик вплоть до берега Балтийского моря. Важнейшим фактором рельефообразования в данной местности явилось воздействие ледника и его последующих стадий деградации. При отступлении ледника захваченный им материал в виде смеси из глины, песка, гравия и валунов оставался на поверхности, образуя, таким образом, холмисто-западинный моренный рельеф (*Зальцман*, 2013. С. 3, 4).

Территория могильника сейчас представляет собой задернованное поле (ранее использовалось под пашню). Перепад высот поверхности здесь колеблется в пределах 1,5 м с уклоном к юго-востоку. Судя по данным из источников довоенных (см. ниже) археологических исследований, размеры грунтового могильника составляют 70 м (западная граница) × 100 м (северная граница) × 70 м (восточная граница) × 100 м (южная граница), площадь – 7000 кв. м.

Некрополь Заостровье-2 относится к так называемым полям погребений самбийско-натангийской культуры (культура Долькайм-Коврово по терминологии польских археологов)[2]. Памятник был известен уже со второй половины XIX в. как Шлакалькен (Schlakalken), по наименованию располагавшегося здесь хутора (Kr. Fischhausen). В послевоенное время в публикациях он именовался Ярославское, по названию одноименного населенного пункта, не существующего в настоящее время.

Памятник располагался к востоку от имения Шлакалькен на двух невысоких песчаных холмах и был впервые исследован интендантом К. Кретчманом и Г. Кемке летом 1893 г., раскопки финансировало Физико-экономическое общество в Кёнигсберге (*Jentzsch*, 1896. S. 119, 123) (рис. 2: *1*). Насколько можно понять из материалов в архиве Р. Гренца (Rudolf Grenz Archiv, B. 39; см. также: Samland-Archiv. Fundkartei. MBl. 105), работы производились западнее

---

[1] В данной работе для удобства географической локализации памятников также используются названия исторических провинций Балтийского региона, такие как Самбия, Натангия, Вармия, Надровия и т.д., относящиеся к более позднему времени.

[2] Предлагаемый польскими коллегами термин «культура Долькайм-Коврово», несомненно, лучше соответствует современному состоянию археологических исследований в Европе (подробнее о терминологии для определения культур/культурных групп на территории Восточной Пруссии см.: *Хомякова*, 2014), однако в российской археологии более устоялся термин «самбийско-натангийская культура», который мы и используем.

и юго-западнее имения Шлакалькен, к северу от грунтовой дороги на хутор Ликсайден (Lixeiden), а также к востоку от него (рис. 2: *1, 2*). Остатки дороги видны и поныне. В ходе данных работ было исследовано 40 погребений, позднее, в 1939 г., опубликованных Г. Янкуном (*Jankuhn*, 1939). Основная масса исследованных на могильнике погребений была представлена, как утверждал Г. Янкун, невысокими насыпями, диаметром до 5 м, перекрытыми 2–4 ярусами/слоями каменных закладов. Большинство насыпей имело следы разрушений. Отмечены могилы с конструкциями – каменные «ящики» прямоугольной формы в центре округлых каменных обкладок. Встречались погребения, совершенные как по обряду трупоположения, так и по обряду урновой и безурновой кремации. Были обнаружены конские захоронения (подробнее см.: Каталог 2). Исследователи датировали все обнаруженные на могильнике погребения в рамках фазы B2/C1, что соответствует 160/180 – 200 гг. хронологии европейского Барбарикума[3].

Первая сводка самбийско-натангийских памятников содержится в археологической карте Э. Холлака (рис. 3), где указаны могильники римского времени по данному региону[4]: Шлакалькен, Тенкитен (Tenkieten) (*Hollack*, 1908. S. 144, 163).

Впоследствии исследования полей погребений у хутора Шлакалькен продолжились. В 1906 г. Э. Холлак проводил раскопки расположенной севернее имения зоны с погребениями «позднеязыческого» времени (период H, согласно периодизации восточнопрусских древностей, принятой в довоенное время). В 1934 г. К. Фойгтманн провел новые изыскания на участке могильника южнее дороги от Шлакалькена на Ликсайден (*Hilberg*, 2009. S. 487; *Nowakiewicz*, 2011. S. 421). В 1935–1936 гг. южнее этой дороги также проводил исследования В. Гронау, в ходе которых им были обнаружены погребения без каменных закладов, датированные позднеримским временем (*Hilberg*, 2009. S. 487; *Nowakiewicz*, 2011. S. 421) (рис. 2: *1*).

Всего на землях хутора Шлакалькен к 1939 г., по данным Г. Янкуна, было известно три могильника (рис. 2: *2*):

– один к северу от хутора, уже тогда очень разрушенный, – Schlakalken-I;

– один к западу, по дороге на хутор Ликсайден, исследованный в небольшой своей части, – Schlakalken-II (в документах Музея Пруссии и в картотеке архива Р. Гренца материал из южного сектора данного могильника, опубликованный Г. Янкуном в 1939 г., фигурирует как могильник Schlakalken-IV: Rudolf Grenz Archiv, B. 31), где проводились довольно широкие раскопки (*Jankuhn*, 1939. S. 245, 246. Abb. 1);

– и один к востоку – Schlakalken-III[5] (подробнее см.: Приложение 2).

По всей видимости, могильник Schlakalken-II и Schlakalken-IV соответствует могильнику римского времени Заостровье-2.

Данный памятник неоднократно упоминался в различных работах (например, *Almgren*, 1897. S. 30, 152, 174; *Bezzenberger*, 1904. S. 55; *Hollack*, 1908. S. 144; *Åberg*, 1919. S. 96; *Almgren*, 1923. S. 227; *Engel*, *La Baume*, 1937. S. 255; *Гуревич*, 1960. С. 381; *Jaskanis*, 1977. S. 180, 181; *Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 331; *Nowakowski*, 1996. S. 153; *Hilberg*, 2009. S. 487, 488). Незначительное количество чертежей, полевой документации и собственно находок сохранилось в архиве музея «Пруссия» в Музее доисторической археологии в Берлине (Staatliche Museen zu Berlin- Preußischer Kulturbesitz Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv). Также сохранились черновики и иллюстрации к статье Г. Янкуна, хранящиеся в архивах Г. Янкуна и Р. Гренца в замке Готторф археологического музея

---

[3] Для древностей римского времени и начала эпохи Великого переселения народов в данной работе используется общепринятая хронология европейского Барбарикума (*Shchukin, Kazanski, Sharov*, 2006. P. V): период (фаза) B1a: 10/20 – 40 гг. н. э.; период B1b: 20/40 – 70/80 гг. н. э.; период B2: 70/80 – 160/170 гг. н. э.; период B2/C1: 160/180 – 200 гг. н. э.; период C1a: 160/180 – 210/230 гг. н. э.; период C1b: 220/230 – 250/270 гг. н. э.; период C2: 250/260 – 300/320 гг. н. э.; период C3: 300/320 – 350/370 гг. н. э.; период D1: 360/370 – 400/410 гг. н. э.; период D2: 380/400 – 440/450 гг. н. э.

[4] Разумеется, для территорий, не входивших в состав Римской империи, более точным является громоздкое определение «эпоха римских влияний» или же входящий в моду в прибалтийской археологии термин «римский железный век», который мы также используем.

[5] В точке, указанной Г. Янкуном, выявлен могильник Заостровье-1 (см.: *Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018).

земли Шлезвиг-Гольштейн (PM-A 877/1 Ortsakte Schlakalken – ALM Schleswig, Nachlass Grenz, Zentralkatalog Bd. 39, Fischhausen, Schlakalken, Handschrift l). Имеются данные об этом могильнике и в архиве Ф. Якобсона в Национальном музее истории Латвии в Риге (Fēliksa Jākobsona arhīvs. Ieraksti «Kreis Fischhausen»/Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, Riga)[6].

В 2010 г. отряд Самбийской археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством Е. В. Лагуткиной (*Лагуткина*, 2012) в рамках спасательных археологических раскопок возобновил работы на этом могильнике, который был назван Заостровье-7. Было раскопано 1537 кв. м и открыто 17 объектов римского времени, из них 10 погребений и 7 ям (см.: Приложение 1). В 2011 г. Самбийской археологической экспедицией под руководством А. В. Мастыковой и К. Л. Юганова были продолжены раскопки на этом памятнике, названном теперь Заостровье-2 (*Мастыкова*, 2012; *Юганов*, 2012). В ходе работ 2011 г. была обследована площадь 1760 кв. м, на которой было исследовано 42 погребения римского железного века (см.: Каталог 1) (рис. 4: *1*, *2*; 5). Изучаемая площадь долгое время использовалась под пашню, вследствие чего культурный слой в значительной степени поврежден. Исследованные в ходе полевых сезонов 2010 и 2011 гг. участки могильника Заостровье-7 и Заостровье-2 соотносятся с довоенным памятником Шлакалькен-2 (Schlakalken-II), который вместе с участком Шлакалькен-4 (Schlakalken-IV), несомненно, представлял собой две зоны одного поля погребений (см.: Каталог 2) (рис. 6).

В связи с тем, что публикуемый нами памятник изучался в разные годы и разными исследователями, а он тем не менее является единым, мы будем использовать объединенное название – Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4), включающее все годы его изучения. Таким образом, всего будет рассмотрено 99 объектов, из них 92 погребения и 7 ям. В тексте же при упоминании номеров могил будет указан год раскопок:

– погребения, открытые в 1893 г. К. Кретчманом и Г. Кемке и опубликованные Г. Янкуном в 1939 г., будут обозначены как 1.1893 г. и т. д.;

– погребения, раскопанные в 2010 г. Е. В. Лагуткиной, – 1.2010 г. и т. д.;

– погребения 2011 г., исследованные А. В. Мастыковой и К. Л. Югановым, – 1.2011 г. и т. д.

Изученные объекты представляли собой погребальные ямы, датированные римским железным веком (I–II вв. н. э.), а также поселенческие комплексы, которые предварительно можно разделить на три хронологические группы:

1) объекты, относящиеся к периоду ранней бронзы (например, объект 71.2011 г.);

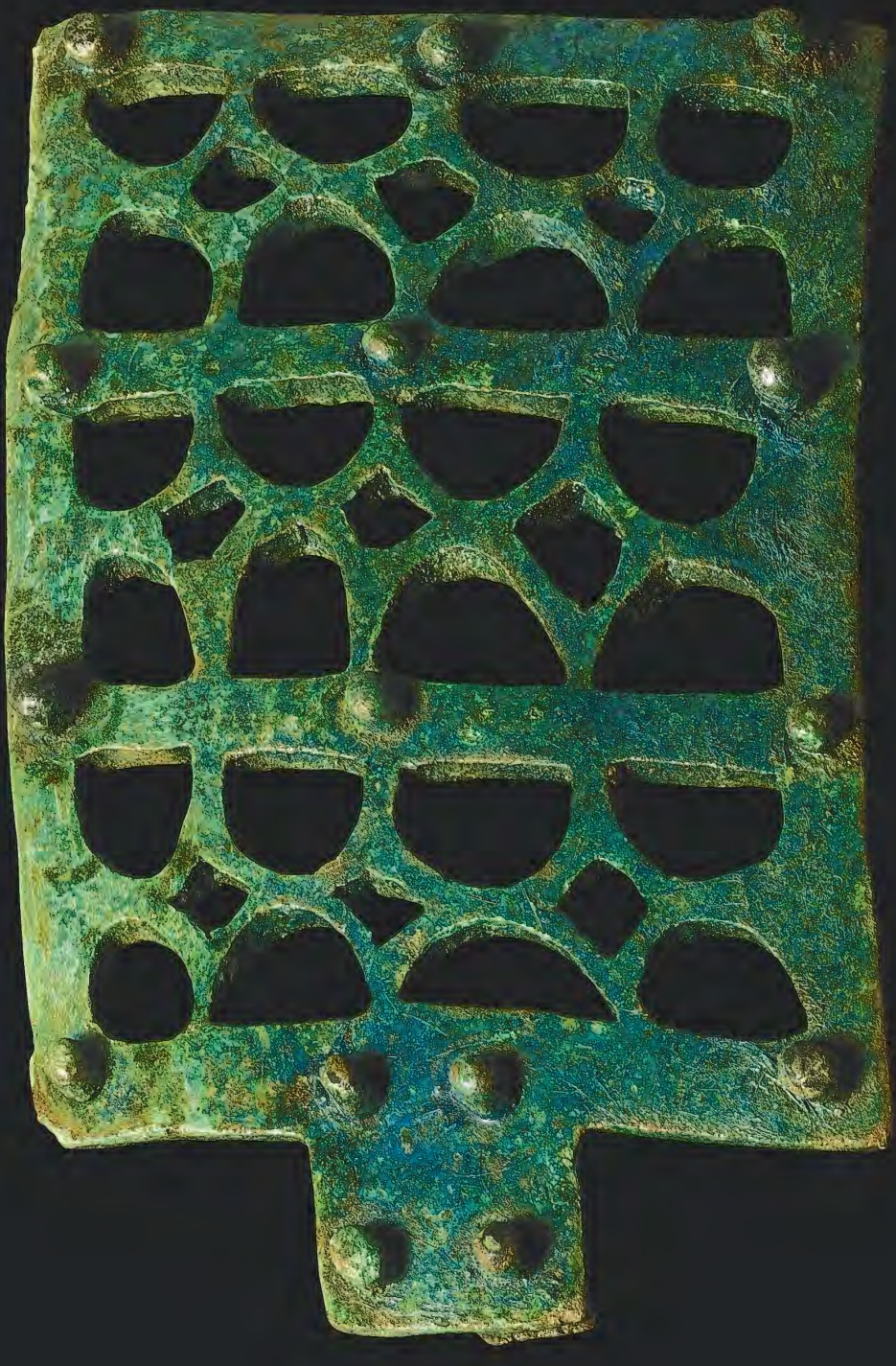
2) объекты, относящиеся к периоду раннего железного века (такие, как объекты 91–95.2011 г., 99.2011 г.);

3) объекты, относящиеся к периоду функционирования хутора Шлакалькен.

В данной работе эти находки вне рамок римского времени не рассматриваются.

При изучении памятника большую помощь оказали немецкие коллеги, благодаря которым был получен доступ к архивным и музейным материалам в Германии. Кроме того, они очень помогли своими любезными консультациями по древностям Восточной Пруссии. Это Dr. Клаус фон Карнап-Борнхайм, Dr. Дитер Кваст, Dr. Хейно Ноймайер, Dr. Фолькер Хильберг, Dr. Тимо Ибсен, Dr. Мара-Юлия Вебер, Dr. Йорг Новотный. Мы приносим им глубокую благодарность.

[6] Пользуемся случаем поблагодарить Фолькера Хильберга за любезно предоставленную электронную копию карточек из архива Ф. Якобсона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Погребальный обряд

Могильник Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) располагался на возвышенном месте, что обычно для могильников самбийско-натангийской культуры (*Jaskanis*, 1974. S. 71) (рис. 1). Он представляет собой погребальное поле (грунтовый некрополь), типичное для самбийско-натангийской культуры римского времени (*Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 225, 231), где совершались захоронения, ингумации и кремации, обычно под каменными закладами[7], на сегодняшний день не имеющие внешних признаков. В целом биритуализм, сочетающий ингумации и кремации, в римское время обычен для самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski,* 1996. S. 61–63). Биритуальные могильники также хорошо известны в соседней вельбаркской культуре на Нижней Висле уже с ранней любовидзской фазы (*Могильников,* 1974. С. 137, 148; *Wołągiewicz,* 1981b. S. 172) и в Скандинавии, где в римское время число биритуальных некрополей все более нарастает (*Могильников,* 1974. С. 192). Зато биритуализм не характерен для пшеворской культуры бассейна Вислы, где доминируют кремации, безурновые и урновые, хотя есть и немногочисленные ингумации (*Godłowski,* 1981. S. 106–120).

ИНГУМАЦИИ

Ингумации численно преобладают. Обряд трупоположения хорошо известен на могильниках самбийско-натангийской культуры римского времени. При этом наибольшая концентрация таких захоронений у западных балтов приходится на Самбийский полуостров (*Nowakowski,* 1996. Karte 14).

Человеческие останки в могильных ямах, ввиду особенностей почвы, сохранились лишь в нескольких случаях. Это следующие захоронения на рассматриваемом могильнике:
погребение 40.2011 г. – ребенок, возможно мальчик, в возрасте около 5 лет[8];
погребение 44.2011 г. – молодой мужчина около 20 лет;
погребение 68.2011 г. – женщина (?) в возрасте 35–45 лет;
погребение 86.2011 г. – вероятно, женщина;
погребение 104.2011 г. – индивид (женщина?) в возрасте 30–39 лет;
погребение 137.2011 г. – определение невозможно;
погребение 1.2010 г. – мужчина старше 40 лет[9];
погребение 2.2010 – женщина (?), определение автора раскопок [10];
погребение 3.2010/захоронение 2 – женщина (?), определение автора раскопок;
погребение 5.2010 – мужчина (?), определение автора раскопок;
погребение 10.2010 – девочка-подросток (?), определение автора раскопок;
погребение 3.1893 г. – определений нет[11];
погребение 29.1893 г. – определений нет.

Кроме того, по размерам и форме ям, по присутствию плохой сохранности человеческих костей к ингумациям могут быть с большой долей вероятности отнесены следующие погребения:

---

[7] Многочисленные камни, которыми, как правило, были перекрыты могилы, в литературе называют кладками, закладами, слоями и т. д. Здесь и далее мы будем их называть закладами. При этом, как уже было сказано выше, площадь могильника подвергалась распашке и каменные заклады зачастую разрушены.

[8] Палеоантропологические материалы из раскопок 2011 г. были исследованы М. В. Добровольской, подробнее см.: Приложение 3.

[9] Половозрастное определение выполнено М. В. Добровольской.

[10] Подробнее о погребениях 2.2010 г., 3.2010 г., 5.2010 г.,10.2010 г. см.: Приложение 1.

[11] Подробнее о погребениях 1893 г. см.: Каталог 2.

1.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., возможно, 4.2010 г., 6–9.2010 г.; 1–4.2011 г., 10.2011 г., 12.2011 г., 20.2011 г., 36.2011 г., 42.2011 г., 51.2011 г., 53.2011 г., 54.2011 г., 58А.2011 г., 59.2011 г., 69.2011 г., 85.2011 г., 88.2011 г., 102.2011 г., 114.2011 г., 116.2011 г., 118.2011 г., 121–122.2011 г., 135.2011 г., 145.2011 г., 156.2011 г.

Зафиксирован случай, когда в одной могильной яме (погребение 68.2011 г.) была выявлена кремация и, как уже сказано выше, ингумационное захоронение женщины в возрасте 35–45 лет (см.: Каталог 1; Приложение 3), судя по расположению предметов, положенной головой на север (табл. 51: *2*; 52). К сожалению, из-за очень сильной фрагментарности кальцинированных костей провести диагностику не представлялось возможным.

Сложно интерпретировать погребение 18.2011 г. (табл. 21: *1*). Оно сильно разрушено, за пределами могильной ямы найден железный наконечник копья (табл. 22: *1*), в пределах погребения много фрагментов железных изделий и керамических фрагментов (см.: Каталог 1). Следов ингумации в погребении не обнаружено, но зафиксированы отдельные кальцинированные кости, которые могли попасть в результате распашки.

Ямы имеют овальную или подпрямоугольную, часто неправильную форму, их стенки покатые, но довольно отвесные. Размеры ям: самые крупные достигают 3,4–3,5 м по оси север – юг и 1,9–2 м по оси запад – восток, наибольшая глубина от уровня материка – до 1 м.

Чаще всего погребальные ямы располагались по оси север – юг, с отклонениями иногда значительными (погребения 1–5.2010 г., 10.2010 г. (Приложение 1. Рис. 4; 11; 14; 19; 20; 26), 1–4.2011 г., 10.2011 г., 12.2011 г., 20.2011 г., 36.2011 г., 40.2011 г., 42.2011 г., 44.2011 г., 51.2011 г., 53.2011 г., 54.2011 г., 59.2011 г., 68.2011 г., 69.2011 г., 85.2011 г., 86.2011 г., 88.2011 г., 102.2011 г., 104.2011 г., 114.2011 г., 116.2011 г., 118.2011 г., 121–122.2011 г., 135.2011 г., 137.2011 г., 145.2011 г., 156.2011 г. (табл. 1; 2; 6; 9; 10; 13; 17; 23–26; 28; 36; 37; 40; 47; 51; 58; 60; 61; 67; 69; 70; 72; 73; 77; 84; 89; 91; 100; 104).

Другая ориентировка погребальных ям с ингумациями встретилась только дважды: погребения 50.2011 г. и 58А.2011 г. (табл. 35; 42) были ориентированы по оси запад – восток.

Погребенные, скорее всего, помещались в могилы вытянуто на спине. В двух случаях прослежены остатки тлена деревянных гробов (погребения 85.2011 г. и 104.2011 г.), причем погребальный инвентарь фиксировался (там, где это можно было проследить) всегда внутри гробовин (табл. 60: *2*; 70: *2*). Наличие деревянных гробов отмечается и на других могильниках самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski,* 1996. S. 62; *Кулаков,* 2003. С. 50, 52, 53. Рис. 15), известны они и в вельбаркской культуре (*Могильников,* 1974. С. 152, 155. Рис. 12: *а, б*; *Wołągiewicz,* 1981b. Ryc. 48–50; см. также многочисленные примеры: *Wołągiewicz,* 1995; *Pietrzak,* 1997; *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozarin,* 2011; *Machajewski,* 2013), а также в Скандинавии, в первую очередь в погребениях с каменными конструкциями (*Могильников,* 1974. С. 193).

Отмечена ориентация предположительно головой на юг (погребение 40.2011 г. – по местоположению найденных здесь зубов и, может быть, погребение 51.2011 г., где в южной части ямы найдены фибулы, обычно носимые в верхней части корпуса тела) и головой на север (погребения 44.2011 г., 104.2011 г. и 137.2011 г. – по местонахождению зубов; видимо, также погребение 68.2011 г., 88.2011 г. – по положению деталей убора в могильной яме; см.: Каталог 1; погребения 1.2010 г. – по расположению останков и сопровождающих вещей и 10.2010 г. – по местонахождению зубов и предметов убора; см.: Приложение 1).

Ингумации головой на север отмечены и на других памятниках самбийско-натангийской культуры римского времени (например: *Кулаков,* 2003. С. 53; *Skvorzov,* 2007. Taf. 3; 5; 8), а также за ее пределами, в западнобалтских культурах (например: *Jaskanis,* 2013. Tabl. 4; 6; 12; 16 и т. д.), в соседней вельбаркской культуре (*Могильников,* 1974. С. 155, 156. Табл. 4; *Wołągiewicz,* 1981b. Ryc. 49; 50; 64; см. также многочисленные примеры: *Wołągiewicz,* 1995; *Pietrzak,* 1997; *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozarin,* 2011; *Machajewski,* 2013), в Южной Скандинавии в раннеримское время (*Могильников,* 1974. С. 193), на Готланде (*Могильников,* 1979. С. 151, 152).

Зафиксирован случай парного захоронения (мужчины? и женщины?[12]) – погребение 3.2010 г. (см.: Приложение 1). Однако, учитывая сильную разрушенность многих могил

[12] Предположение автора раскопок Е. В. Лагуткиной (см.: Приложение 1), антропологическая экспертиза не проводилась.

распашкой и плохую сохранность человеческих останков из-за особенностей почвы, трудно сказать, насколько этот обычай был распространен.

Достаточно часто в могилах отмечаются следы угля или небольшие угольные прослойки (например, погребения 3.2011 г., 4.2011 г., 12.2011 г., 50.2011 г., 85.2011 г., 104.2011 г., 121–122.2011 г.). Подобного рода остатки угля в синхронных погребениях, совершенных по обряду трупоположения, распространены и на других могильниках самбийско-натангийской культуры и связываются исследователями с какими-то погребальными ритуалами.

Практически всегда ингумационные погребения были перекрыты каменными закладами – как одноярусными (однослойные), так и многоярусными (многослойные) (погребения 3.1893 г., 1–10.2010 г., 1–4.2011 г., 10.2011 г., 12.2011 г., 18.2011 г., 20.2011 г., 36.2011 г., 40.2011 г., 42.2011 г., 44.2011 г., 51.2011 г., 53.2011 г., 54.2011 г., 58А.2011 г., 59.2011 г., 68.2011 г., 69.2011 г., 85.2011 г., 86.2011 г., 88.2011 г., 102.2011 г., 116.2011 г., 118.2011 г., 121–122.2011 г., 135.2011 г., 137.2011 г., 145.2011 г., 156.2011 г.). Однако каменные заклады характерны не только для погребений с ингумациями, они отмечены и в кремациях (см.: ниже).

Подобные заклады встречаются на могильниках самбийско-натангийской культуры повсеместно, они хорошо известны и в других балтских культурах римского времени как для ингумаций, так и для кремаций (многочисленные примеры: *Bitner-Wróblewska,* 2007; *Jaskanis,* 2013; см. также: *Скворцов, Ибсен,* 2010. С. 261–264).

Насколько можно судить по довольно схематическим зарисовкам в картотеке Г. Янкуна, в погребениях 1.1893 г., 3.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 20.1893 г., 29.1893 г. могильника Шлакалькен-2 (4) прослежены каменные круги, выложенные вокруг захоронений (табл. 107: *1*; 108: *1*; 110: *8*; 111: *1*; 113: *1*; 120: *1*). Помимо этого в погребениях 1.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 29.1893 г. в северной части круга имеются каменные обкладки – «ящики» вытянутой прямоугольной формы, расположенные по линии север – юг (рис. 7; 8). К сожалению, в этих могилах человеческие останки упоминаются лишь при описании захоронения 29.1893 г. и они находились как раз в каменном «ящике».

Погребения с различными каменными конструкциями (кладки/заклады, обкладки и пр.) в римское время хорошо представлены также в Скандинавии (*Могильников,* 1974. С. 193, 195, 196; *Скворцов, Ибсен,* 2010. С. 261–264), а еще и в вельбаркской культуре, включая ее любовидзскую стадию (*Могильников,* 1974. С. 159, 160, 162, 163; *Wołągiewicz,* 1981b. S. 175–177; 1986. S. 67. Abb. 6: *3*; *Cieślinski,* 2010. S. 282. Taf. 37: *11*). Каменные обкладки погребений засвидетельствованы и в пшеворской культуре (*Godłowski,* 1981. S. 112, 113).

Что касается погребений в каменных кругах, то они известны и на других самбийско-натангийских могильниках (*Кулаков,* 2003. С. 50, 54–57. Рис. 18; *Скворцов, Ибсен,* 2010. С. 254–259; *Chilińska-Drapella,* 2010. Tab. 13; 18a; *Кулаков*, 2017б), а также в других балтских культурах. Например, следы круговой обкладки наблюдаются в курганах судавской группы (*Bitner-Wróblewska,* 2007. Pl. 53; 58; 61; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 2; 3; 5; 7, 10 и т.д.). На территории Литвы, в частности в Жемайтии, хорошо известны для римского времени курганы с ингумациями, окруженные каменными кругами (*Michelbertas*, 1986. P. 57–59. Pav. 5; 6; *Bliujienė,* 2013. Pav. 122, 320, 324; многочисленные примеры: *Michelbertas,* 1997; 2006a).

Захоронения в каменных кругах принято рассматривать как свидетельство германского влияния на погребальный обряд населения самбийско-натангийской культуры и даже как доказательство германской принадлежности, по крайней мере, части ее носителей (*Кулаков,* 2003. С. 57–59, 73; 2017а. С. 105, 106). Каменные круги действительно являются характерными для могильников вельбаркской культуры (*Могильников*, 1974. С. 161–164; *Walenta,* 1981; *Wołągiewicz,* 1981b. S. 175, 176. Ryc. 51; 63; 1986. S. 65–69, 74–78; *Walenta,* 2007; *Cieślinski,* 2010. Taf. 37). Каменные круговые конструкции вокруг погребений в курганах или без них хорошо известны в Скандинавии (*Могильников,* 1974. С. 200, 201. Рис. 19; *Hagberg*, 1986. P. 18–25), встречаются они и на территории Шлезвиг-Гольштейна (*Bemmann,* 1999. S. 8, 16, 25, 26. Abb. 4: *A*–*C*).

В то же время, как уже говорилось, конструкции в виде каменных кругов в римское время хорошо представлены и в балтских культурах (например: *Jaskanis, Okulicz*, 1981. S. 232.

Рис. 96). Каменные круги, часто с каменными «ящиками» в центре, известны для раннего железного века и римского времени на грунтовых и курганных могильниках у прибалтийских финнов на территории современной Эстонии, особенно на южном берегу Финского залива и на о. Сааремаа, в частности, для римского железного века в Яабара (Jabara), Лагеди (Lagedi), Муукси (Muuksi), Яаани (Jaani), Ребала (Rebala) (*Tallgren,* 1922. Abb. 18; *Шмидехельм,* 1955. С. 42; *Вассар,* 1956. С. 196, 197. Рис. 33; 34; *Lang,* 2007. P. 147–155, 167–170) (рис. 9: *3, 4*).

Могилы с каменными обкладками, «ящиками» прямоугольной формы, в самбийско-натангийской культуре встречаются нечасто (*Кулаков*, 2003. С. 52). За ее пределами такие каменные «ящики» известны в некрополях вельбаркской культуры, например в Мозгово (Mosgau/Mózgowo) (*Могильников*, 1974. С. 159, 160; *Cieśliński,* 2010. S. 249, 250. Taf. 64; 65), а также в Скандинавии (*Могильников,* 1974. С. 193–197), в том числе и в погребениях с каменными кругами, в частности на Готланде для позднелатенского и раннеримского времени (*Almgren, Nerman,* 1923. Textfigur 43; 84; 86; 154; 155; *Могильников,* 1979. С. 148–158. Рис. 4: *4*; 5: *3, 4*) (рис. 9: *1, 2*). При этом на Готланде в раннеримское время среди погребений в каменных «ящиках» представлены ингумации, ориентированные головой на север (*Могильников*, 1974. С. 203), что также напоминает ориентировку «ящиков» в Шлакалькен-2 (4). Наличие оружия в ингумациях в каменных кругах, как в погребениях 1.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г. (остальные ингумации и кремации в каменных кругах – 3.1893 г., 20.1893 г. и 29.1893 г. – содержали типично женские предметы убора), также характерно для Скандинавии и полностью отсутствует в вельбаркской культуре, что свидетельствует скорее в пользу скандинавских истоков каменных кругов на публикуемом нами могильнике. Впрочем, как уже было сказано, в римском железном веке каменные «ящики» с ингумациями в каменных кругах, хотя и без оружия, есть и у прибалтийских финнов, в Эстонии.

В то же время курганы с каменными кругами и каменным «ящиком» часто у края круга, содержавшими урны с кремациями, известны в Восточной Пруссии для более раннего времени, в культуре западнобалтских курганов раннего железного века (например: *Bezzenberger,* 1909. S. 11–29. Taf. 2; 3; 6–8; *Okułicz*, 1970. Ryc. 8; 12. Tabl. 4: *14*; 11: *15*; реминисценции этого обряда в самбийско-натангийской культуре: *Кулаков*, 2019). Скорее всего, речь идет о погребальной традиции, в той или иной степени охватившей в эпоху бронзы и раннем железном веке значительную часть циркумбалтийского региона, от Финляндии и Швеции до Восточной Пруссии (*Lang,* 2007. P. 161–170; *Казанский, Мастыкова*, 2022а). Для римского времени захоронения в прямоугольных каменных обкладках, помещенных в каменный круг, зафиксированы, как уже говорилось, на Готланде и в Эстонии[13]. Впрочем, в Эстонии, насколько нам известно, такие захоронения никогда не содержали предметы вооружения, как на Готланде или в изучаемом некрополе. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что на могильнике Шлакалькен-2 (4) погребения в прямоугольных обкладках, заключенных в каменные круги (1.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 29.1893 г.), и в трех случаях из четырех содержащие предметы вооружения, могут отражать присутствие здесь какой-то группы выходцев из Скандинавии. Такие погребения зафиксированы на участке, исследованном в 1893 г. в северной и юго-западной группах могил.

КРЕМАЦИИ

Погребения по обряду кремации на изучаемом могильнике не такие многочисленные, хотя данный обряд, представленный урновыми и безурновыми грунтовыми погребениями,

[13] Погребальные каменные конструкции в виде кругов и каменных ящиков в некоторых регионах могли распространяться и под влиянием носителей вельбаркской культуры. Об этом свидетельствуют отдельные погребальные памятники в зоне черняховской культуры, где, как общеизвестно, вельбаркское влияние было очень сильным. Можно назвать по меньшей мере две находки: погребение 2 могильника Августиновка-Балка Кролівська в Надпорожье, где зафиксирован каменный «кромлех» диаметром 7 м, а также погребение 4 могильника Чубовка на Южнобугском лимане, где вокруг ингумации обнаружена каменная кладка (*Казанский, Мастыкова*, 2022а. С. 159).

хорошо известен у западных балтов с эпохи бронзы и до Средневековья (*Okulicz,* 1973. S. 229; *Jaskanis,* 1974. S. 126; *Nowakowski,* 1996. S. 61, 62).

К числу безурновых, совершенных в ямах округлой или неправильной формы, реже овальной (например, погребение 151.2011 г.; табл. 103) относятся следующие погребения: 16.1893 г., 20.1893 г., 35.1893 г., 15.2011 г., 151.2011 г. (табл. 20; 103; см.: Каталог 2), возможно, погребения 31.1893 г., 36–38.1893 г., где в описании упоминаются какие-то кости в углистом слое, но не уточняется, кальцинированные они или нет (см.: Каталог 2).

В разрушенном погребении 55.2011 г., где помимо кремации зафиксировано захоронение лошади, были найдены отдельные фрагменты керамического лепного сосуда, но поскольку погребение было разрушено траншеей, то трудно сказать, к какому объекту они относились (табл. 41; см.: Каталог 1).

Урновые захоронения зафиксированы в могильных ямах округлой, овальной и неправильной формы: 21.1893 г., 73.2011 г., 123.2011 г. (табл. 59; 77), возможно, 117.2011 г. (скопление фрагментов керамического сосуда), 130.2011 г. (развалы двух керамических сосудов), 138.2011 г. (развал керамического сосуда) (табл. 76; 87; 97). Возможно, к урновым можно отнести и разрушенное погребение 120.2011 г., где были найдены лишь отдельные фрагменты керамического лепного сосуда (табл. 83).

Погребальные ямы располагались по оси север – юг, но иногда с отклонениями: 15.2011 г., 55.2011 г., 73.2011 г., 117.2011 г., 120.2011 г., 123.2011 г., 151.2011 г. (табл. 20; 41; 59; 76; 77; 83; 103). Отмечена ориентировка ям по оси запад – восток, это погребения 130.2011 г., 138.2011 г. (табл. 87; 97).

Погребения с кремациями встречаются как перекрытые каменными закладами, так и без них. С каменными перекрытиями (или их остатками – отдельные камнями): 16.1893 г., 20.1893 г., 24А.1893 г., 35.1893 г., 55.2011 г., 117.2011 г., 120.2011 г., 130.2011 г., 138.2011 г., возможно, 31.1893 г., 36–38.1893 г., при этом погребальные ямы могут быть различной формы (табл. 41: *1*; 76: *1, 2*; 83: *1, 2*; 87: *1, 3*; 97: *1, 2*; см.: Каталог 1; Каталог 2).

Погребение 20.1893 г. находилось в каменном круге, часть которого оказалась разрушенной (табл. 113). Подобные круги вокруг погребений-кремаций известны и на других могильниках самбийско-натангийской культуры римского времени, например Хюненберг (Hünenberg) – Доброе («Гора великанов») (*Кулаков*, 2014. Рис. 6: *1*; 2017б. Рис. 3: *3*), а также за ее пределами, в вельбаркской культуре (*Могильников*, 1974. С. 162; *Wołągiewicz,* 1981b. Ryc. 46) и на Готланде (например: *Almgren, Nerman,* 1923. Textfigur 42).

Погребения без каменных перекрытий имеют круглую форму: 73.2011 г. (урновое), 123.2011 г. (урновое) и, видимо, 15.2011 г. (безурновое) – аморфной формы, но имеющее в северном секторе четкое круглое углубление; вероятно, первоначальная форма могильной ямы была нарушена в ходе распашки (табл. 20: *1*; 59: *1*; 77: *1*). У погребений 117.2011 г. (вероятно, урновое), 130.2011 г. (возможно, урновое) и 151.2011 г. (безурновое) могильные ямы имеют овальную форму (табл. 76: *1*; 87: *1*; 103: *1*). Погребение 138.2011 г. (скорее всего, урновое) имеет неправильную форму (табл. 97: *2*).

В одном случае (как уже говорилось выше), в погребении 68.2011 г. зафиксировано как ингумационное захоронение, принадлежавшее взрослому человеку, предположительно женщине в возрасте 35–45 лет (см.: Приложение 3), так и кремационное, диагностику которого провести не удалось (табл. 51: *1*).

Количество кальцинированных костей в погребениях, как правило, невелико, хотя есть и исключения (погребения 55.2011 г. и 123.2011 г.), в безурновых кремациях они часто встречаются в рассеянном виде, скопления костей отмечены лишь в погребении 15.2011 г. (табл. 20: *1, 2*). В тех кремациях (погребения 73.2011 г., 123.2011 г.), в которых сохранились урны целиком, кальцинированные кости отмечены как в виде прослойки на дне могильной ямы, так и внутри урн, на дне (табл. 59: *3*; 78: *3*).

Биоархеологическая экспертиза кремированных останков не проводилась, поскольку фрагменты костей были слишком малы и выявить анатомически определимые участки не представлялось возможным. По мнению М. В. Добровольской, такие малые количества

мелких кремированных костей, оставшихся после высокотемпературной кремации, являются особенностью погребального обряда (подробнее см.: Приложение 3).

Как правило, в погребениях вместе с кальцинированными костями фиксируются отдельные угли или углистые линзы (погребения 55.2011 г., 73.2011 г., 117.2011 г., 120.2011 г., 123.2011 г., 130.2011 г., 138. 2011 г., 151.2011 г.; см.: Приложение 1).

КОНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Как ингумации, так и кремации сопровождались конскими захоронениями. Опять же в силу особенностей почвы сохраняются лишь отдельные кости, чаще всего зубы. Они были отмечены в следующих ингумациях: 1.1893 г., 1.2010 г., 1.2011 г., 10.2011 г., 44.2011 г., 121–122.2011 г., 156.2011 г.[14], в кремации 55.2011 г. и, наконец, в погребениях 7.1893 г. и 26.1893 г., где обряд захоронения неизвестен (см.: Каталог 1; Каталог 2; Приложение 1; Приложение 4).

В основном захоронения коней одиночные (по одной особи), но встречены и парные:

в погребении 1.2011 г. – две лошади (половая принадлежность не установлена) примерно одного возраста 3,5–4 года;

в погребении 121–122 также две лошади (пол не установлен), возрастом 3,5–4 года и 24–36 месяцев (см.: Приложение 4).

В ингумационных погребениях кости лошадей, как правило, находились к западу в южном секторе могильных ям. При этом такие погребения были перекрыты каменными закладами, состоящими из двух или трех, в одном случае четырех ярусов камней[15]:

1.1893 г. – в западной части каменного круга; перекрытие из трех ярусов камней (см.: Каталог 2);

1.2010 г. – в юго-западном углу могильной ямы – зубы и кости лошади, погребенной головой на юг; перекрытие из двух ярусов камней (Приложение 1. Рис. 5: *1*);

1.2011 г. – у западного борта в южной части могилы – зубы и кости лошадей; видимо, животные лежали головой на юг, туловом вдоль западного борта; перекрытие из четырех ярусов камней (табл. 2: *1*; 5: *1*);

10.2011 г. – в южном секторе могильной ямы; перекрытие из трех ярусов камней (табл. 13: *1*);

44.2011 г. – кости лошади у западного борта, зубы – у южного борта; по всей видимости, животное лежало вдоль западного борта, головой на юг; перекрытие из двух ярусов камней (табл. 28: *2*);

121–122.2011 г. – кости и зубы двух лошадей выявлены в траншее, в южной части разрушенной могильной ямы; перекрытие из двух ярусов камней (табл. 84: *1, 2*).

156.2011 г. – кости лошади у западного борта, зубы – у южного борта; по всей видимости, животное лежало вдоль западного борта, головой на юг; перекрытие из двух ярусов камней (табл. 104: *2*);

Положение лошадей к западу от основного погребения типично для самбийско-натангийской культуры, особенно для римского времени (см.: *Скворцов,* 2010а. Т. 1. С. 26–28; *Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 12).

В кремационном погребении 55.2011 г. трудно определить, как располагалась лошадь, поскольку и кремация, и конское захоронение были разрушены траншеей (табл. 41: *1, 2*).

Обнаружены останки (отдельные зубы) лошади 4–6 лет (половая принадлежность животного не определена) и в погребении 50.2011 г. (табл. 35). Оно представляет собой изолированное захоронение, без человеческих останков, но в нем зафиксированы еще и кости, возможно, другого крупного копытного животного (оленя, быка, лошади – более точно

---

[14] Археозоологические материалы из раскопок 2011 г. были исследованы Е.Е. Антипиной, подробнее см.: Приложение 4.

[15] Однако следует учитывать, что площадь могильника подвергалась распашке, что разрушало погребения, поэтому сохранившееся количество ярусов в каменных закладах может не соответствовать изначальному.

идентифицировать не удалось; подробнее см.: Приложение 4). Захоронение изначально было с каменным закладом, от которого сохранились лишь отдельные камни, и располагалось в центральной части могилы, ближе к западному борту. Находилось оно в яме, ориентированной по оси запад – восток, что не редкость для балтских археологических культур (см.: *Скворцов,* 2010а. Т. 1. С. 30, 31). Связать его с каким-либо погребением затруднительно. Не исключено, что и погребение 7.1893 г. также может быть конским захоронением под каменным закладом, в нем не обнаружено человеческих останков, но была найдена железная пряжка с плоским язычком – возможно, подпружная (табл. 109: *7*).

Изолированные конские захоронения хорошо известны на могильниках самбийско-натангийской культуры, но их сложно привязать к конкретному погребению. Для территории Восточной Пруссии в могильниках римского времени и эпохи Средневековья на 1990 г. был зафиксирован 121 случай одиночного погребения коня (*Кулаков,* 1990. С. 22). Изолированные конские могилы редко встречаются в некрополях западных балтов, хотя и представлены, например в Мойтынах (Mojtyny/Moythienen), на могильнике богачевской культуры (*Hollack, Peiser,* 1904. S. 57. № 93–95).

В захоронениях могильника Заостровье-2 отмечены случаи наличия костей других животных. Так, в погребении 58А.2011 г. были обнаружены только кости крупного рогатого скота, а в кремационном погребении 55.2011 г. помимо костей лошади находились и кости копытного животного крупных размеров, таксономическую идентификацию которого установить не удалось (подробнее см.: Приложение 4).

Подобные случаи известны и на других памятниках самбийско-натангийской культуры римского времени. Так, например, на могильнике Романово – Пугачевский пруд[16] в урновом погребении 3.2017 г., времени 70/80 – 200 гг., т. е. периодов B2 и B2/C1, помимо кремированных останков мужчины и подростка было зафиксировано наличие в той же урне пережженных костей животного, принадлежавших одной особи мелкого рогатого скота (*Ovis arias / Capra hircus*). Это погребение сопровождалось захоронением коня (*Мастыкова, Добровольская, Антипина*, 2021. С. 66–70). Присутствие кальцинированных костей животных, не поддающихся определению, отмечалось и в раннесредневековом могильнике Заостровье-1, в погребениях 29.1, 14.3, 37.3 (*Добровольская*, 2018. Табл. 1).

На изучаемом могильнике конские погребения сопровождают «мужские» захоронения с оружием и всадническим снаряжением 1.1893 г., 26.1893 г., 1.2010 г., 1.2011 г., 10.2011 г., 44.2011 г. и ни разу не отмечены для погребений с «женским» убором или определенных по антропологическим данным как женские. В погребении 1.2010 г. был захоронен мужчина зрелого возраста, более 40 лет (см.: Приложение 1), а в погребении 44.2011 г. засвидетельствовано присутствие останков молодого мужчины около 20 лет (см.: Приложение 3).

В целом это подтверждает общепринятую точку зрения о том, что в самбийско-натангийской культуре конские погребения являются индикатором мужских захоронений (*Okulicz,* 1973. S. 384; *Nowakowski,* 1996. S. 63; *Скворцов,* 2010а. С. 25; *Мастыкова, Добровольская*, 2013. С. 77). Действительно, в римское время, да и в эпоху Великого переселения народов конские захоронения и помещение в могилу конского снаряжения очень часто коррелируются с погребениями, содержавшими оружие, что практически во всех археологических культурах всегда считается признаком мужских погребальных комплексов (*Кулаков,* 2005; *Мастыкова, Юганов,* 2019, там же библиография с указанием конкретных погребений). Немногочисленные антропологические анализы, проведенные для погребений римского времени с конями, подтверждают это предположение. На могильнике Заостровье-2 (7) костные останки лошадей встречены в восьми «мужских» погребениях: 1.2010 г., 1.2011 г., 10.2011 г., 44.2011 г., 50.2011 г., 55.2011 г., 121–122.2011 г., 156.2011 г. (подробнее см.: Приложение 4), но из них

[16] Могильник самбийско-натангийской культуры Романово – Пугачевский пруд (Зеленоградский район Калининградской области) в целом датируется в рамках конца I/II – середины/второй половины IV в., что соответствует периодам B2 – C3/D1 хронологии европейского Барбарикума (*Мастыкова,* 2019; 2020; *Мастыкова, Добровольская, Антипина*, 2021; *Мастыкова*, 2024).

лишь только два увязываются с антропологически определяемыми мужскими захоронениями – 1.2010 г. и 44.2011 г. (см.: Приложение 1; Приложение 3).

На уже упоминавшемся выше могильнике римского времени Романово – Пугачевский пруд урновое погребение 3.2017 г. (периодов B2 и B2/C1, т. е. 70/80 – 200 гг.) с кремированными останками мужчины около 30 лет и подростка (пол не определен) и с двумя комплектами «профессионального» оружия, всаднического и конского снаряжения сопровождалось захоронением боевого коня 6–8 лет (пол определить не удалось) (*Мастыкова, Добровольская, Антипина*, 2021; *Мастыкова*, 2024).

Впоследствии, в меровингское время[17], ситуация меняется, и на могильниках Митино и Заостровье-1, где проведены антропологические исследования (*Добровольская*, 2010; 2018; *Мастыкова, Добровольская*, 2013), конские захоронения сопровождают как мужские, так и женские, а также детские кремации. Так, конские захоронения отмечены в шести погребениях, антропологически определенных как мужские (из них пять – предположительно), и в восьми антропологически идентифицированных как женские (из них четыре – предположительно). Кроме того, на этом памятнике конские останки отмечены в трех детских погребениях (два – предположительно) (*Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 30). Это значит, что по крайней мере в начале Средневековья связь конских захоронений исключительно с мужскими могилами не является бесспорной для всех памятников (см. также: *Мастыкова, Добровольская*, 2013).

Присутствие коня в погребениях в римское время типично для самбийско-натангийской культуры и вообще для балтов римского времени (*Jaskanis,* 1966; *Müller-Wille,* 1971. S. 176–189. Liste V; *Jaskanis,* 1974. S. 471; *Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 226; *Nowakowski,* 1996. S. 63; *Кулаков,* 2003. С. 89–93; *Grężak,* 2007; *Скворцов,* 2010a. Т. 1. С. 25; *Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 12). При этом наибольшая концентрация конских захоронений у западных балтов наблюдается на Самбийском полуострове (*Müller-Wille,* 1971. Abb. 39; 40; *Nowakowski,* 1996. Karte 13). Нередко здесь встречаются и захоронения с предметами конского снаряжения (*Кулаков*, 2003. С. 84–93. Рис. 26–28). Захоронения коней появляются вместе с возникновением самой культуры, в периоды B1 – B2 (соответственно 10/20 – 70/80 и 70/80 – 160/170 гг.) (*Müller-Wille,* 1971. S. 178. Abb. 40: *2*) по хронологии европейского Барбарикума и фиксируются вплоть до «позднеязыческого» времени (период H по западнобалтской шкале, см.: *Скворцов*, 2010. С. 9), т. е. по XIII в. включительно. Конские захоронения достаточно хорошо представлены и на могильниках других культур/групп западных балтов, в частности в богачевской культуре (*Grężak,* 2007; *Nowakowski,* 2009b). Погребения с лошадьми известны и у восточных балтов, также с римского времени и до эпохи Средневековья, например, на территории Литвы, где на Куршском побережье они появляются еще в эпоху позднего латена (*Müller-Wille,* 1971. S. 178) и широко распространяются в римское время (*Bliujienė et alii,* 2017).

Появление обряда захоронения лошадей у балтов связано то ли с культом коня, известным у многих народов Европы, то ли с влиянием воинских обрядов сармато-германского происхождения, распространившихся во время Маркоманнских войн (*Скворцов,* 2010б; 2010а. С. 25, 26). Однако конских захоронений нет у соседних континентальных германцев, т. е. у населения вельбаркской культуры, занимавшего в I–V вв. бассейн Нижней Вислы, хотя в вельбаркских погребениях нередко обнаруживаются всаднические шпоры. В римское время захоронения коней вообще редко встречаются в германском Барабарикуме (*Müller-Wille,* 1971. S. 169–176. Abb. 39. Liste IV-12–15), хотя сам обычай у германцев засвидетельствован Тацитом уже в конце I в. н. э. (*Tacite*, La Germanie, XXVII). Захоронения коней появляются на Нижней Висле лишь с появлением здесь в эпоху Великого переселения народов сменяющей вельбаркскую культуру эльблонгской группы, с заметным балтским культурным

[17] Мы считаем уместным использование этого термина для Южной Прибалтики, где в V–VII вв. хорошо представлены следы культурного воздействия меровингского мира. Напомним, что данная апелляция применяется и для древностей тех территорий, которые никогда не входили в состав меровингского королевства, таких как Норвегия, Финляндия, Чехия.

компонентом. В Скандинавии погребения коней как заметное явление появляются сравнительно поздно, в вендельское время (*Müller-Wille,* 1971. S. 160–163). Исключение составляет находка в «княжеском» захоронении позднеримского времени в Варпелев (Varpelev) в Дании (*Müller-Wille,* 1971. Liste IV-15). В то же время жертвоприношения коней, не связанные напрямую с погребениями, в скандинавской зоне известны уже в эпоху бронзы (*Müller-Wille*, 1971. S. 180. Abb. 43).

В самбийско-натангийских некрополях скелеты коней находят уложенными на брюхе с подогнутыми ногами, обычно головой на юг. Отмечаются случаи находок изолированного конского черепа, иногда конечностей, что интерпретируется как помещение в могилу шкуры животного. Особенно этот погребальный обычай распространяется с начала Средневековья (*Кулаков,* 1994. С. 36, 37; 2003. С. 93). Захоронение шкуры коня, когда сохраняются череп и кости конечностей, хорошо известны в уже упоминавшихся скандинавских жертвоприношениях (*Müller-Wille,* 1971. S. 182. Abb. 44). В эпоху бронзы и в раннем железном веке они единичны и отмечены в Средней Швеции, а также на датских островах. В римское время и в эпоху переселения народов такие жертвенные захоронения более многочисленны, они зафиксированы на датских островах, в Ютландии, в Шлезвиг-Гольштейне, на Борнхольме и Эланде (*Müller-Wille*, 1971. S. 180–186. Abb. 44. Liste VI). Поэтому не исключено, что западнобалтский обычай помещения в могилу черепа и конечностей коня связан с северогерманским влиянием (*Кулаков*, 2003. С. 93).

В римское время, реже в меровингскую эпоху конь обычно размещался рядом с погребением, чаще всего к западу от всадника (*Кулаков,* 1994. С. 34, 36; *Скворцов,* 2010а. С. 26–28). Однако с эпохи Великого переселения народов наибольшее распространение получают так называемые ярусные погребения, когда конь помещается в нижней части погребальной ямы, а сверху его перекрывает захоронение остатков кремации[18]. Такие захоронения изредка фиксируются уже в римское время (*Кулаков*, 2003. С. 295).

ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ

Этой теме уже была посвящена специальная статья (*Мастыкова, Юганов,* 2019), здесь мы воспроизводим основные выводы с некоторыми дополнениями. Мужские погребения на изучаемом могильнике отличаются присутствием предметов вооружения, что обычно и для других некрополей Самбии и Натангии в первые века н. э. (*Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 225, 226).

Предметы вооружения и экипировки всадника были найдены в 16 могилах: 1.1893 г., 12–16.1893 г., 18.1893 г., 22.1893 г., 26.1893 г., 1.2010 г., 5.2010 г., 1.2011 г., 10.2011 г., 18.2011 г., 44.2011 г., 59.2011 г. Из них антропологически как мужские определены погребения 1.2010 г.[19] и 44.2011 г. (см.: Приложение 1; Приложение 3).

Распространение обряда помещения оружия в погребения связывают с влияниями и даже с присутствием мигрантов из зоны пшеворской культуры и из Скандинавии (*Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 225, 226; *Кулаков*, 2003. С. 57, 88; *Скворцов,* 2013. С. 42). Действительно, предметы вооружения и всаднического снаряжения – копья, щиты, шпоры, мечи – повсеместно встречаются в погребениях пшеворской культуры (*Никитина,* 1974. С. 60, 61; *Godłowski,* 1981. S. 107, 110, 115, 116). В Скандинавии оружие в погребениях римского времени немногочисленно, но не является чем-то исключительным; это в основном копья, щиты, мечи, шпоры (*Могильников*, 1974. С. 197–200. Табл. 9, сводка; *Ilkjær,* 1990. S. 257–322, 341–394). На Готланде в период IV: 2, по местной хронологии 100–250 гг., оружие встречено в 13% ингумаций (*Могильников*, 1979. С. 155). Показательно, что в ряде случаев эти погребения – ингумации с северной ориентировкой и кремации под курганами, окруженными каменными кольцами, в том числе и в каменных

[18] Ярусные захоронения известны не только в самбийско-натангийской культуре, но и у восточных балтов на территории Литвы (см., например: *Куликаускене,* 1953. С. 214, 215. Рис. 1), а также у носителей культуры псковских длинных курганов (*Михайлова*, 2018. С. 178).

[19] Половозрастная экспертиза проведена М. В. Добровольской.

«ящиках» (*Могильников,* 1979. С. 151, 152), как погребения 1.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 29.1893 г. на могильнике Шлакалькен-2 (4) (табл. 107: *1*; 110: *8*; 111: *1*; 120: *1*).

В то же время необходимо отметить, что оружие и всадническое снаряжение, такое как копья, щиты, шпоры, топоры, в римское время очень распространены в балтских культурах – как у западных балтов (многочисленные примеры: *Kontny,* 2019), так и у восточных (многочисленные примеры: *Казакявичюс,* 1988; *Bliujienė,* 2013), поэтому, наверное, не стоит преувеличивать роль внешнего фактора. Присутствие оружия в захоронениях может быть археологическим выражением процесса милитаризации эстиев, например, в результате конфронтации с вельбаркскими соседями в период возникновения и формирования самбийско-натангийской культуры. Подобного рода явления, связанные с кристаллизацией воинских элит, хорошо известны в археологии, например в древностях франков и континентальных саксов IV–V вв. или у славян в конце VIII – IX в., в частности в Хорватии и в Великой Моравии. Выяснять, какая из двух возможностей – «миграционная» или «социально-эволюционная» – ближе к реальности, в данном случае не входит в наши задачи, тем более что оба процесса могли происходить параллельно.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь могильника Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) в целом типичен для некрополей самбийско-натангийской культуры периода B2 – B2/C1 (70/80 – 160/180 – 200 гг.). Практически все категории вещей в той или иной степени известны и по другим памятникам римского железного века в Самбии и Натангии. Некоторые типы вещей, в первую очередь фибулы, поясные гарнитуры, браслеты, копья, умбоны щитов, шпоры, удила, были объектом специальных работ как в контексте балтских древностей, так и на соседних территориях Барбарикума римского времени. Поэтому чаще всего мы ограничиваемся лишь кратким изложением результатов исследований наших предшественников и отсылаем читателя к их публикациям.

ПРЕДМЕТЫ УБОРА И РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА

Фибулы

В погребениях, открытых как в XIX в. (1893 г.), так и в ходе работ Самбийской археологической экспедиции (2010 г., 2011 г.), выявлено более 20 фибул раннеримского времени. Все они арбалетные, с литой ножкой и относятся к типам, хорошо известным в Барбарикуме.

Фибулы с закрытой пружиной (*Rollenkappenfibeln*) (рис. 10: *1*): погребение 24А.1893 г.

Фибула с довольно широкими уплощенными спинкой и ножкой, коротким приемником на конце ножки и гребнем на переходе от спинки к ножке, со следами починки. Ножка несколько короче спинки, пружина длинная, с верхней тетивой. На спинке – гравированный декор из продольных линий. Она определена Г. Янкуном как фибула с закрытой пружиной.

Застежка относится к типу Альмгрен 42, т.е. к особому варианту «восточной ведущей серии» (*Östlische Hauptserie*) (*Almgren,* 1923. S. 19. Taf. II: *42*). Она распространена более всего в Южной Прибалтике, от Восточной Померании до Немана, больше всего их встречено на территории по правому берегу Вислы (рис. 13) (*Olędzki*, 1998. S. 80, 81. Abb. 18). В самбийско-натангийской культуре эти фибулы известны на таких памятниках, как Долькайм (Dollkeim) – Ковррово, Фюрстенвальде (Fürstenwalde) – Поддубное, Лобиттен (Lobitten) – Луговское, Варенген (Warengen) – Котельниково, Виекау (Wiekau) – Хрустальное, Алейка (*Chilińska-Früboes*, 2019. S. 37–39; *Хомякова*, 2022а. С. 21, 22). Они наиболее характерны для хронологической фазы B2a и B2b (приблизительно 70/80 – 120/150 гг.) и доживают до фазы B2/C1 (160/180 – 200 гг.) по хронологии европейского Барбарикума (*Chilińska-Früboes*, 2019. S. 38). Отдельные экземпляры могли бытовать и позднее, вплоть до периода C1 (160/180 – 250/270 гг.) (*Хомякова*, 2011. С. 52, 53).

Сильнопрофилированные фибулы (рис. 10: *2*; 11: *2*): погребение 4.2011 г.

Фибула с длинной ножкой и короткой спинкой, обе подтреугольного сечения, спинка расширяется к пружине. На переходе от спинки к ножке и близ окончания рельефной ножки имеются гребни, окончание ножки профилированное. Приемник иглы довольно длинный и относительно высокий, пружина длинная, закрыта цилиндром.

Наиболее близкими являются фибулы типа Альмгрен 72, серии 1, точнее, младшей их серии с втулкой-оболочкой (*Hülse*) на пружине (*Almgren,* 1923. S. 38, 39. Taf. IV: *72*). Эта форма типична для Пруссии, особая концентрация находок наблюдается в районе устья Вислы на памятниках вельбаркской культуры и на Самбийском полуострове, соответственно

в контексте самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski*, 1996. S. 99; *Ibsen*, 2003. S. 67; *Chilińska-Früboes*, 2019. S. 39–41; *Хомякова*, 2022а. С. 19, 20). Отдельные находки имеются в балтских культурах в Мазурии, в Литве, на Немане и на Куршском побережье, одна фибула найдена на правобережье нижнего течения Западной Двины (рис. 14). Этот тип характерен для фазы 1 самбийско-натангийской культуры по В. Новаковскому, т. е. для конца периода B1 (10/20 – 70/80 гг.) и для периода B2 (70/80 – 160/170 гг.), и, вероятно, связан по происхождению с влиянием носителей вельбаркской культуры, где хорошо известны ранние формы (*Nowakowski*, 1996. S. 48, 49, 155, 156. Taf. 107. Karte 4).

Видимо, дериватом этой же серии фибул является и застежка из погребения 51.2011 г. (рис. 10: *3*; 11: *1*). Она небольшая, с прямоугольными в сечении спинкой и ножкой, имеются рудименты гребней близ пружины и рельефного окончания ножки. Приемник иглы довольно длинный и относительно высокий, пружина длинная, открытая, с верхней тетивой. Фибула напоминает находки в Корейтен (Corejten) – Путилово и Кирпенен (Kirpenen) – Поваровка (ср.: *Nowakowski*, 1996. Taf. 61: *1*; 80: *2*). Их дата также, скорее всего, соответствует фазе 1 самбийско-натангийской культуры согласно В. Новаковскому, т. е. периоду B2 (70/80 – 160/170 гг.) по шкале европейского Барбарикума. Впрочем, возможно, эти фибулы представляют собой дериваты «трубчатых» сильнопрофилированных фибул типов Альмгрен 74–84, характерных для вельбаркской и пшеворской культур раннеримского времени (о них см.: *Almgren*, 1923. S. 39–45. Taf. IV: *74–84*; *Dąbrowska*, 1998).

Сильнопрофилированные фибулы (рис. 10: *25, 27*): погребение 1.2010 г.

Относятся к группе IV сильнопрофилированных фибул по О. Альмгрену, типы 80 и 92. Такие фибулы, как уже говорилось, характерны для раннеримского времени и представлены в древностях Южной Прибалтики и бассейна Вислы (*Almgren*, 1923. S. 40–46. Taf. IV: *80, 92*).

Слабопрофилированные фибулы с гребнем у головки, серия 8 (рис. 10: *5–7, 24*): погребения 44.2011 г., 1.1893 г., 29.1893 г., 10. 2010 г.

Они представляют собой небольшие застежки с короткой ножкой. У пружины – рудиментированный гребень (рис. 10: *5*) или небольшой щиток (рис. 10: *7*). Пружина длинная, с верхней тетивой, довольно высокий приемник иглы занимает всю длину ножки. На одной из найденных фибул есть декор из гравированных поперечных линий на спинке и ножке (рис. 10: *7*).

Фибулы из публикуемого здесь памятника относятся к дериватам типов Альмгрен 120, форма 1 по Х. Махаевскому (рис. 10: *5, 24*) и Альмгрен 123, форма 2 по Х. Махаевскому (рис. 10: *7*). Вариантом той же серии является застежка из погребения 1.1893 г. с короткой расширенной ножкой и диском у головки, приемник иглы во всю длину ножки, довольно высокий, пружина длинная (рис. 10: *6*). Эти фибулы распространяются на территории к востоку от Эльбы вплоть до Восточной Пруссии, отдельные находки обнаружены и на Куршском побережье. Они также встречаются в Скандинавии (Дания, Борнхольм, Южная Швеция и Восточная Норвегия), а на юге – вплоть до Дуная. Находки таких фибул известны и восточнее, в бассейнах Днестра и Припяти. Данные застежки датируются периодами B2 (70/80 – 160/170 гг.) и B2/C1 (160/180 – 200 гг.) и бытуют у населения самбийско-натангийской культуры под вельбаркским влиянием (*Almgren*, 1923. S 58–61. Taf. VI: *120*; *Nowakowski*, 1996. S. 49; *Machajewski*, 1998. S. 188, 189, 192. Abb. 1; 2: *1–12*).

Так называемые глазчатые фибулы «основной» серии (*Augenfibeln*) (рис. 10: *4*): погребение 104.2011 г.

У фибулы этого типа уплощенные спинка и ножка примерно равной длины, пружина короткая, с верхней тетивой, удерживаемой крючком, приемник иглы по длине равен ножке. Спинка украшена гравированным декором в виде рубчатой продольной линии по срединной части, на ножке характерный для данных фибул гравированный декор в виде треугольника.

Фибула относится к типу Альмгрен 52 (*Almgren,* 1923. S 23–28. Taf. III: *52, 53*). Подобные застежки широко распространены от рейнских и дунайских провинций Римской империи до Скандинавии, при этом считается, что их распространение идет с Запада. В восточной половине европейского Барбарикума концентрация этих фибул намечается в северной части Самбийского полуострова. Встречаются они и в Восточной Прибалтике – в Курземе (Латвия), Северо-Восточной Эстонии и в Юго-Западной Финляндии, на Украине, в Белоруссии и в прилегающих регионах Центральной России (рис. 15). Эти застежки, видимо, являются непосредственными предшественниками популярных в Самбии фибул так называемой прусской серии (о них см. ниже). Данные фибулы также считаются типичными для поздней части периода B1 и ранней части периода B2, т. е. около 70/80 – 100 гг., а в самбийско-натангийской культуре – для фазы Новаковский 1 (см. выше) (*Nowakowski,* 1996. S. 49; *Kunov,* 1998; *Beljavec*, 2016. P. 54–56; *Chilińska-Früboes*, 2018).

«Глазчатые» фибулы так называемой прусской серии (рис. 10: *8–22, 28, 29, 31–35*; 11: *3*; 12: *1–7*): погребения 1.1893 г., 3.1893 г., 13.1893 г., 20.1893 г., сборы 1893 г., 1.2011 г., 2.2011 г., 44.2011 г., 51.2011 г., 68.2011 г., 88.2011 г., 104.2011 г., 3.2010 г. /захоронение 2, 10.2010 г.

Они довольно крупные, с уплощенной спинкой и ножкой, примерно равной длине, иногда ножка чуть длиннее. В отдельных случаях при переходе от спинки к ножке имеются рудименты гребня (рис. 10: *10*). Отличительная особенность этой серии – декор в виде концентрических кругов – «глазков» на ножке, расположенных попарно, обычно имеется три пары. На спинке, как правило, есть декор из гравированной рубчатой линии вдоль срединной части спинки. Держатель иглы длинный, во всю длину ножки, невысокий. Пружина короткая, с верхней тетивой, удерживаемой крючком.

Это очень широко распространенная серия Альмгрен 57–61, фибулы из Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4) ближе всего к типам Альмгрен 60–61 (*Almgren,* 1923. S. 29–32. Taf. III: *57–61*). Их ареал охватывает практически весь центральноевропейский Барбарикум, южную половину Скандинавии, Прибалтику и Юго-Западную Финляндию, а также Украину, Белоруссию и прилегающие регионы России. Особая концентрация этих фибул отмечена в Самбии, Натангии и в Мазурском поозерье (рис. 16).

У населения самбийско-натангийской культуры данные фибулы были самыми популярными в раннеримское время (см., например: *Ibsen,* 2003. S. 60–66; *Хомякова*, 2022а. С. 18, 19). Они считаются показательными для периода B2 (70/80 – 160/170 гг.) (см.: *Щукин*, 1994. С. 57. Рис. 24: *16, 19, 20,* там же библиография), что соответствует в самбийско-натангийской культуре фазе 1 по В. Новаковскому (*Амброз,* 1966. С. 35, 36; *Jaskanis, Okulicz,* 1981. Tabl. XXXIII: *4*; *Щукин,* 1994. Рис. 74: *16, 19, 20*; *Nowakowski*, 1996. S. 49. Taf. 107; *Pfeffer-Frohnert,* 1998; *Белевец,* 2014; *Chilińska-Früboes*, 2017).

Глазчатые фибулы, «варианты» (рис. 10: *26*): погребение 1.2010 г.

Относятся к вариантам (по терминологии О. Альмгрена: *Almgren*, 1897. S. 30, 32) глазчатых фибул, известных на территории Восточной Пруссии.

Профилированные перекладчатые фибулы (*Dreistrossenfibeln*): погребение 5.2010 г. (рис. 10: *30*).

Застежка этой группы относится к типу Альмгрен 96 (*Almgren*, 1923. S. 50, 51. Taf. V: *96*). Фибулы этого и родственных типов хорошо представлены в раннеримское время в древностях как западных, так и восточных балтов, в том числе и на памятниках самбийско-натангийской культуры (см. распространение: *Nowakowski*, 1996. Karte 6). Они принадлежат фазе 2 самбийско-натангийских древностей, около 50 – 150 гг. по периодизации В. Новаковского (*Nowakowski*, 1996. Taf. 107). В целом фибулы этой группы распространены у эльбских германцев, на островах Балтийского моря, в пшеворской и вельбаркской культурах (*Хомякова*, 2021. С. 76–79, там же библиография).

Ременная / поясная гарнитура

Металлические элементы поясных/ременных украшений самбийско-натангийской культуры раннеримского времени в целом хорошо изучены. На могильнике Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4) они встречены в погребениях как в виде отдельных предметов, так и целыми гарнитурами, дающими представление о характере поясов, например, в погребениях 3.1893 г., 20.1893 г., 44.2011 г., 68.2011 г., 86.2011 г., 137.2011 г. Среди элементов выделяются основные формы предметов.

Самбийские застежки/пряжки (рис. 17: *1–4, 25, 26*; 18: *1–4*): погребения 68.2011 г., 86.2011 г., 137.2011 г., 3.1893 г., 20.1893 г.

Они состоят из двух прямоугольных щитков, снабженных крючками (рис. 17: *2, 3*; 18: *2, 3*) или подвижными кольцами с рельефным держателем (рис. 17: *25, 26*). Пластины прямоугольные, ажурные, с прорезным и тисненым декором. По типологии Р. Мадыды-Легутко такие застежки/пряжки принадлежат группе С и составляют типы 10–12. Их зона распространения не выходит за границы самбийско-натангийской культуры, с особой концентрацией в Самбии (список находок: *Chilińska-Drapella*, 2010; *Хомякова*, 2015). Датируются они периодом B2 (70/80 – 160/170 гг.), т. е. фазой 1 по В. Новаковскому, самые поздние могут быть отнесены к периоду B2/C1 (160/180 – 200 гг.) (*Madyda-Legutko*, 1986. S. 18. Taf. 6: *10, 11*; 7: *12*; *Nowakowski,* 1996. Taf. 107; наиболее подробно: *Chilińska-Drapella*, 2010; *Хомякова*, 2022а. С. 49–52).

По географическому распространению (рис. 19) гарнитуры из двух пластин получили у археологов название «самбийские пояса» (*Jankuhn,* 1933; *Chilińska-Drapella*, 2010; *Хомякова*, 2015. С. 191–193; *Хомякова*, 2016; *Кулаков,* 2016а). Скорее всего, непосредственными прототипами самбийских поясов являлись некоторые ременные гарнитуры вельбаркской культуры (*Chilińska-Drapella*, 2010), а изначальной моделью были поясные гарнитуры с ажурным декором со среднедунайского лимеса (*Jankuhn,* 1933). Отмечено, что самбийские пояса характерны для могил с женским инвентарем и чаще всего сопровождаются сравнительно богатым инвентарем, в том числе римскими импортами. Погребения, где они встречены, отличаются размерами. Вероятно, они принадлежат социально значимой части древнего населения (*Хомякова*, 2016).

Пряжки-«омега» (рис. 17: *19*): погребение 44.2011 г.

Пряжка с рамкой в форме омеги, с рельефными концами рамки, язычком, слабо выступающим за рамку, и длинным прямоугольным щитком с тремя рядами заклепок. Пряжка является переходной от группы А к группе В по типологии Р. Мадыды-Легутко (*Madyda-Legutko,* 1986. S. 8, 12. Taf. 3: *A19*, *20*; 4: *B1*).

Такие пряжки характерны для поздней части периода B1 и для ранней части периода B2 (около 70/80 – 100 гг.), где они выступают хроноиндикаторами (см.: *Щукин,* 1994. Рис. 74: *15*). Они распространяются в северной половине центральноевропейского Барбарикума и лучше всего представлены в мужских погребениях (*Madyda-Legutko,* 1986. S. 10, 11, 14, 15. Karte 7; 9), а также в Скандинавии (*Almgren, Nerman*, 1923. Taf. 9: *136*; 15: *246*). Известны такие пряжки и на других памятниках самбийско-натангийской культуры (например: *Nowakowski,* 1996. Taf. 1: *14*; 89: *7*), а также и в сопредельных балтских культурах римского времени (*Banytė-Rowell*, 2015a. Fig. 2: *4*).

Железные овальные пряжки (рис. 31: *12–14, 16–19, 23*; 32: *7, 8*): погребения 44.2011 г., 68.2011 г., 1.1893 г., 7.1893 г., 23.1893 г., 35.1893 г., 5.2010 г.

Это пряжки с овальной рамкой круглого и прямоугольного сечения с коротким слегка прогнутым язычком. Их сводка для самбийско-натангийской культуры римского времени приведена в монографии О. А. Хомяковой (см.: *Хомякова*, 2022а. С. 55–57). Они являются обычными для европейского Барбарикума римского времени, причем их типологическая

дефиниция является очень условной, поэтому поиск аналогий и установление их датировки теряют смысл.

Железные прямоугольные пряжки (рис. 31: *15*): погребение 1.1893 г.

Пряжка имеет прямоугольную рамку, уплощенную в сечении, одна сторона рамки слегка выгнута, язычок отсутствует. Как и для овальных пряжек, поиск параллелей смысла не имеет, поскольку подобные пряжки в Барбарикуме распространены повсеместно и имеют довольно широкую хронологию.

Ладьевидные накладки (рис. 20; 21: *2–22*): погребения 3.1893 г., 20.1893 г., 24А.1893 г., 2.2010 г., 68.2011 г., 86.2011 г., 118.2011 г., 123.2011 г., 137.2011 г., 145.2011 г.

Вытянутые, с плавным расширением в средней части, концы иногда веерообразные, с двумя заклепками на концах. Присутствует декор в виде гравированных линий.

Ладьевидные накладки известны на многих памятниках самбийско-натангийской культуры (например: *Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 5: *10, 12*; 7; *Nowakowski,* 1996. Taf. 3: *11;* 6: *1, 10*; 63: *7*; 101: *6, 8*; *Хомякова*, 2022а. С. 63, 64; большая подборка: *Chilińska-Drapella*, 2010). Очень часто эти накладки входят в состав гарнитур с женскими самбийскими поясами (многочисленные примеры: *Chilińska-Drapella*, 2010; *Хомякова*, 2015). Ладьевидные накладки известны и в погребениях других западнобалтских культур римского времени (*Jaskanis,* 2013. Tabl. 24: *1*; 31: *9a*). Такие же накладки хорошо представлены и в поясных наборах центральноевропейского Барбарикума раннеримского времени, в частности в норикско-паннонских гарнитурах периода B1 (10/20 – 70/80 гг.) (*Madyda-Legutko,* 1983. S. 96. Ryc. 1: *10*).

Накладки-скобы – «держатели» в форме U (рис. 17: *21, 22*): погребения 3.1893 г., 44.2011 г.

На расплющенных концах накладок имеются заклепки. Такие накладки известны в погребениях самбийско-натангийской культуры (*Хомякова*, 2022а. С. 65), иногда входят в состав самбийских поясов (например: *Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 29: *g, h*).

Подобные накладки в поясных наборах центральноевропейского Барбарикума представлены в пшеворской культуре (*Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 2: *5, 7, 10;* 3: *3, 4*; 5: *3*; 2011. Tabl. XLVII: *2, 3*; XLVIII: *3, 5*; XLIX: *2, 3*; L: *2, 3*; LI: *1*), в том числе вместе с рельефными наконечниками периода B2 (70/80 – 160/170 гг.), как в погребении 44.2011 г. (см.: ниже), а также в погребениях эльбского круга (*Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 2: *4*), в вельбаркской культуре (*Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozarin*, 2011. Pl. 138. Grave 315: *2*) и в Скандинавии (*Almgren, Nerman*, 1923. S. 39. Textfigur 66. Taf. 27: *406–408*; *Ilkjær,* 1993. Abb. 67).

Прямоугольные узкопластинчатые накладки (рис. 17: *23, 24*): погребения 5.1893 г., 44.2011 г.

Представляют собой узкие прямоугольные пластинки с заклепками на концах. Такие накладки известны и на других памятниках самбийско-натангийской культуры (*Tischler,* 1879. Taf. X: *29*; *Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 5: *103*; 11; *Nowakowski,* 1996. Taf. 92: *10*; *Ibsen,* 2003. Taf. 11: *f, g, h*; 20: *e*; 30: *b*; *Хомякова*, 2022а. С. 64, 65) и в других западнобалтских культурах римского времени (*Jaskanis, Jaskanis,* 1961. Pl. 9: *8, 9*; *Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 5: *11*; *Nowakowski,* 1998. Taf. 14: *261, 262*; *Шиманski*, 2003. Рис. 3: *11–14*; *Bitner-Wróblewska,* 2007. Pl. 16: *16*; 62: Grave 116, *1;* 63: Grave 120, *1*; 72: *12*; 75: *5*; 77: Grave 151, *3*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 4: *4*; 45. Kurhan XXXVI: *1, 2*; 124: *1*).

В центральноевропейском Барбарикуме такие накладки известны в поясных гарнитурах римского времени, в частности, в соседних с западнобалтскими территориями вельбаркской и пшеворской культурах (*Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 3: *6, 7, 8*; 5: *8*; 2011. Tabl. XLVIII: *5*), а также в древностях эльбского круга (*Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 3: *1*; 5: *4*).

Округлые накладки (рис. 26: *9*): погребение 5.2010 г.

Бронзовая пластинчатая накладка округлой формы с несколькими концентрическими рельефными кругами была обнаружена, судя по погребальному контексту (два железных

копья, наконечник дротика; о них см. ниже), в мужском погребении. В то же время в этой могиле найдены три стеклянные бусины (подробнее см.: Приложение 1. Рис. 21; 22).

Заклепки с прямоугольной плоской шляпкой (рис. 26: *12*): погребение 1.2010 г. Они встречены лишь один раз, их предназначение неясно. Не исключено, что они могли входить в состав поясной гарнитуры.

Рельефные (сильнопрофилированные) наконечники ремней (рис. 17: *10–18*): погребение 44.2011 г.

Они имеют рельефную форму, округлую в сечении, с обоймой и заклепкой для крепления к ремню и рельефным окончанием. Один из наконечников (рис. 17: *18*) имеет плоскую форму с рельефным концом и большую обойму для крепления к ремню и напоминает наконечник из погребения 4, уже неоднократно цитировавшегося, могильника Доллькайм-Ковово (сравнить: *Nowakowski,* 1996. Taf. 1: *9*; *Хомякова*, 2015. Рис. 16: *2а*).

Наконечники ремня, представленные в погребении 44.2011 г., принадлежат типу Раддатц О 1–3 (*Raddatz,* 1957. S. 85, 86. Abb. 1: *1–3*) или Мадыда-Легутко I/3–4 (*Madyda-Legutko,* 2011. S. 17, 18. Tabl. I: *8–10, 13*). Наконечники этого типа хорошо известны в самбийско-натангийской культуре (*Хомякова*, 2022а. С. 58, 59).

Такие наконечники распространены в период В1 (10/20 – 70/80 гг.) и в ранней части периода В2, соответствует 70/80 – 100 гг., в Скандинавии (*Almgren, Nerman*, 1923. Taf. 9: *137, 138*; 14: *229–231*; *Raddatz,* 1957. S. 85. Taf. 11: *26, 31–34, 37*), а также в центральноевропейском Барбарикуме, в частности, в Средней и Южной Польше на территории пшеворской культуры (*Madyda-Legutko,* 2011. S. 19, 20, 23, 24. Мара 1: *5, 6*; 3: *1*) и в вельбаркской культуре в период В2 (70/80 – 160/170 гг.) (*Wołągiewicz,* 1981b. Tabl. 23: *26, 47*).

Кроме того, имеется еще один предмет из погребения 5.1893 г., возможно, также принадлежащий наконечникам (рис. 17: *7*).

Разделители-четверики (рис. 17: *8*): погребение 44.2011 г.

Они представляют собой пластины с четырьмя фигурными окончаниями, с заклепками в центральной части и на концах. Этот элемент ременной гарнитуры встречен только один раз – в погребении, где был захоронен молодой мужчина около 20 лет (см.: Приложение 3). Разделители, скорее всего, принадлежат ременной гарнитуре, обнаруженной в южной части погребения.

Соединительные обоймицы (рис. 17: *5, 9, 20*): погребение 44.2011 г.

Они состоят из одной, двух или трех пластинчатых обоймиц с заклепами, объединенных кольцом. Известны и в других некрополях самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski,* 1996. Taf. 1: *13*; *Хомякова*, 2022а. С. 66, 67). В центральноевропейском Барбарикуме такие обоймицы представлены, например, в поясных гарнитурах пшеворской культуры (*Madyda-Legutko,* 2011. Tabl. XLVII: *1, 2*; XLVIII: *2*) или в погребениях эльбского круга (*Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 3: *1*). Имеются они и в Скандинавии (*Ilkjær,* 1993. S. 209. Abb. 71).

Как уже говорилось, в ряде погребений восстанавливаются ременные гарнитуры. В первую очередь это относится к поясному набору из мужского погребения 44.2011 г., состоявшему из пряжки, ременных наконечников, соединительных обоймиц, U-образной накладки-скобы (рис. 17: *21*; табл. 32). Подобные пояса в центральноевропейском Барбарикуме известны у населения пшеворской культуры (*Madyda-Legutko,* 2011. Tabl. XLVII; XLVIII), вельбаркской культуры (*Madyda-Legutko,* 2015. Abb. 1; *Pietrzak, Roźnowski,* 2015. Ryc. 4: *4–12*), а также у германцев на территории Моравии и в бассейне Эльбы (*Madyda-Legutko,* 1983. Ryc. 1: *6, 9*). Также хорошо восстанавливаются и гарнитуры «женских» самбийских поясов – погребения 3.1893 г., 20.1893 г., 68.2011 г., 86.2011 г., 137.2011 г. – с характерными двухчастными ажурными застежками/пряжками, ладьевидными, прямоугольными и U-образными накладками (табл. 53; 54; 64; 93; 95; 108; 113; 114).

Браслеты

Для самбийско-натангийской культуры римского времени браслеты достаточно типичны (*Хомякова*, 2022а. С. 81–92). Специальные публикации были посвящены пластинчатым и манжетовидным браслетам, а также браслетам с расширенными концами (*Хомякова*, 2010; *Khomiakova,* 2017; *Хомякова*, 2024б), которые отсутствуют в коллекции предметов из могильника Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4). На исследованном нами памятнике выделяются следующие формы.

Гладкие браслеты без декора (рис. 22: *1–3*; 23: *1, 2*): погребение 88.2011 г.

Браслеты сделаны из узкого бронзового стержня, полукруглого в сечении, плоской стороной внутрь. Подобные браслеты известны в вельбаркской культуре (*Pietrzak,* 1997. Taf. 45: Grab 130, *4*, 60; Grab 168, *11*) и в древностях Литвы римского времени (*Michelbertas*, 1986. Pav. 14: *5*; 1997. Pav. 26: *3*; 64: *4, 5*).

Гладкие браслеты со сфероидными окончаниями (рис. 22: *4*): погребение 104.2011 г.

Данный экземпляр сделан из бронзового, округлого в сечении стержня, концы украшены рельефными шишечками и гравированным декором из поперечных линий. Браслеты с шишечками на концах в контексте самбийско-натангийской культуры встречаются нечасто.

Такие изделия имеются в материалах могильников Долькайм-Коврово и Айслитен (Eisliethen) – Геройское, а также в ряде депаспортизированных и случайных находок (*Хомякова*, 2022а. С. 81, 82). Представлены подобные браслеты в литовских древностях римского времени (*Michelbertas*, 1986. Pav. 49: *2, 3*; 1997. Pav. 28: *1, 4*; 36: *2*; 41: *1*; 43: *4* и т. д.; *Banytė-Rowell*, 2015a. Fig. 2: *1*). Хорошо известны эти украшения и в других культурах лесной зоны, в частности, в культуре таранд на территории Эстонии и Северной Латвии (*Шмидехельм,* 1955. С. 65–67. Рис. 13: *10*), а также в вельбаркской культуре, на ее любовидзской стадии, в период B1 (10/20 – 70/80 гг.) (например: *Wołągiewicz,* 1981a. Ryc. 1: *185*; 1981b. Tabl. 23: *10*; 1995. Taf. 22: Grab 185, *3*; *Pietrzak,* 1997. Taf. 92: Grab 262, *5*; *Kleeman,* 2017. Taf. 70: Grab 1007, *3;* 97: Grab 1703, *2*). Возможно, они восходят к прототипам, представленным в оксывской культуре предшествующего времени (см.: *Pietrzak,* 1997. Taf. 118: Grab 365, *2*).

Браслеты с профилированными окончаниями, или т. н. змеевидные (рис. 22: *5–11*; 23: *3–6*): погребения 68.2011 г., 137.2011 г., 29.1893 г., сборы 1893 г.

Браслеты изготовлены из бронзового уплощенного стержня, с гладкой внутренней стороной, полукруглого или трапециевидного в сечении, декорированы продольными врезными и рельефными линиями. Концы браслетов несомкнутые, гладкие, украшены поперечными врезными линиями (рис. 22: *6, 7*) или перемычками (рис. 22: *5, 9–11*; 23: *6*). Браслет из погребения 137.2011 г. декорирован тремя продольными рельефными линиями с поперечными насечками, сильнопрофилированные окончания имеют перемычки и поперечные канавки (рис. 22: *8*; 23: *5*). Те и другие концы браслетов, несомненно, имитируют змеиные головки (о «змеевидных» браслетах подробно: *Хомякова*, 2022а. С. 83–87).

Браслеты близкой формы, рельефные в сечении или иногда более уплощенные, имеют параллели прежде всего в погребениях самбийско-натангийской культуры периода B2 (70/80 – 160/170 гг.) (*Nowakowski*, 1996. Taf. 4: *9*; 5: *8*; *Кулаков,* 2003. С. 279. Рис. 99; 2004. Рис. 9: *3*; 12: *5*; 14: *7*), где они нередко сопутствуют самбийским поясным гарнитурам, как в погребениях 68.2011 г. и 137.2011 г. (*Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 6: *d*; 8: *a, k, l*; 12: *d, e*; 14: *a, b*; 17: *d, e*; 19: *b, c*; 20: *g, h*; 21: *a, t*; 24: *d, e*; 25: *r, s*; 32: *g, k*; 35: *b, c*; 36: *a, b*; 39: *d–h*). В целом различные виды змеевидных браслетов широко распространены в Барбарикуме, от Дуная до Скандинавии. Для самбийско-натангийских браслетов прототипами прежде всего были вельбаркские украшения (*Хомякова*, 2022а. С. 87), что не исключает возможности и других влияний, например из Скандинавии и Центральной Европы.

Бусы

В целом было найдено около 635 экз. бус, которые разделены на три группы по материалу. Бусы в каждой группе делятся по форме и цветовой гамме. Таким образом, выделено шесть типов янтарных бус, среди стеклянных – пять типов монохромных, пять типов бус с металлической «золотой» прокладкой и один тип с «серебряной» прокладкой, десять типов полихромных и один тип бус из металла.

1. Янтарные бусы – 16 экз. (рис. 24: *1.1–1.6*)

1.1. ***Округлые, шаровидной и шаро-кольцевидной формы*:** погребения 86.2011 г. – 1 экз., 104.2011 г. – 4 экз. (рис. 24: *1.1*).
1.2. ***Округлая, эллипсоидной формы*:** погребение 104.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *1.2*).
1.3. ***Округлые, биконической формы*:** погребения 104.2011 г. – 3 экз., 20.1893 г. – 2 экз. (рис. 24: *1.3*).
1.4. ***Округлые уплощенной формы*:** погребения 20.1893 г. – 2 экз., 29.1893 г. – 1 экз.
1.5. ***Ребристая, шаровидной формы*:** погребение 104.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *1.5*).
1.6. ***Граненая, бипирамидальной формы, усеченная*:** погребение 104.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *1.6*).

2. Стеклянные бусы – 610 экз.

Монохромные – 5 экз. (рис. 24: *2.1–2.5*)

2.1. ***Округлая, шаровидной формы из красно-коричневого глухого стекла***: погребение 145.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *2.1*).

По классификации М. Темпельманн-Мончиньской (далее – ТМ) относятся к типу 10 группы I (*Tempelmann-Mączynska*, 1985. S. 27, 28. Taf. 1: *10*). Хронологические рамки этого типа очень широкие, бусы появляются в период B1 (10/20 – 70/80 гг.) и существуют вплоть до эпохи Великого переселения народов (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 27. Taf. 1: *10*).

Подобной формы бусы, красно-коричневого и оранжевого цвета (ТМ типы 10, 12), представлены в коллекции А. Бецценбергера (хранение ГИМ) из следующих памятников: могильник богачевской культуры Лётцен (Lötzen) (Гижицко, Польша); могильники самбийско-натангийской культуры в Калининградской области Траузиттен (Trausitten) – Гурьевск-Новый, Варенген-Хрустальный, Штобинген (Stobingen) – Ливны, Полльвиттен (Pollwitten), Гребитен (Grebieten) – Окунево (*Хомякова*, 2018. С. 226. Рис. 3: *6–11, 13, 15, 16*).

2.2. ***Округлая, фрагментированная, из глухого бесцветного стекла*:** погребение 104.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *2.2*).

2.3. ***Округлая, кольцевидной формы, из темно-синего полупрозрачного в сколе стекла***: погребение 104.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *2.3*).

Принадлежит типу 30 группы II по ТМ. Такие бусы известны с периода B2 (70/80 – 160/170 гг.), их пик распространения – периоды C1b–C2 (220/230 – 300/320 гг.), однако существуют они до эпохи Великого переселения народов (*Tempelmann-Mączynska*, 1985. S. 29, 94. Tab. 8. Taf. 1: *30*).

2.4. ***Ребристая, шаровидной формы, из темно-синего полупрозрачного в сколе стекла*:** погребение 68.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *2.4*).

Соответствует типу 162 группы XVIII по ТМ, который появляется в период B1 (10/20 – 70/80 гг.), наиболее распространен в период B2 (70/80 – 160/170 гг.) и продолжает встречаться до эпохи переселения народов (*Tempelmann-Mączynska*, 1985. S. 39, 40, 94. Tab. 8. Taf. 3: *162*).

Такие бусы известны на могильниках самбийско-натангийской культуры: Гросс Оттенхаген (Gross Ottenhagen) – Березовка, погребение 119 и Долькайм–Коврово, погребение 6 (*Хомякова*, 2024а. Рис. 3: *10, 11*).

2.5. ***Трехчастная, шаровидная, удлиненной формы, из синего полупрозрачного стекла, сделанная из трубочки-заготовки и разделенная инструментом на три части шаровидной формы*****:** погребение 40.2011 г. – 1 экз. (рис. 24: *2.5*).

По классификации М. Темпельманн-Мончиньской относится к типу 91a группы X. Эти бусы появляются в небольшом количестве в периоды B1 и B2 (10/20 – 160/170 гг.). Они особенно характерны для периодов C1b – C2 (220/230 – 300/320 гг.), существуют до эпохи Великого переселения народов (*Tempelmann-Mączynska*, 1985. S. 33, 94. Tab. 8. Taf. 2: *91a*).

Бусы с «золотой» прокладкой (золотостеклянные) – около 496 экз. (рис. 24: *2.6*–2.*10*)

2.6. ***Округлые, шаровидной формы*****:** погребениия 145.2011 г. – 2 экз., 2.2010 г. – 1 экз., 10.2010 г. – 7 экз., вероятно, погребение 3.1893 г. – 2 экз., вероятно, 20.1893 г. – 8 экз. (рис. 24: *2.6*).

2.7. ***Округлые, шаро-кольцевидной формы:*** погребение 1.2010 г. – 1 экз. (рис. 24: 2.*7*).

2.8. ***Округлые, эллипсоидной формы:*** погребение 2.2010 г. – около 14 экз., многие фрагментированные (рис. 24: *2.8*).

2.9. ***Ребристые, шаровидной формы*****:** погребение 29.1893 г. – 12 экз.

2.10. ***Одночастные, двухчастные и трехчастные, шаровидной и эллипсоидной формы*****:** погребения 10.2010 г. – около 22 экз., некоторые фрагментированные, 29.1893 г. – 427 экз. (рис. 24: *2.10*).

Подобные бусы с «золотой» прокладкой различных форм – округлые, эллипсоидные, двухчастные, ребристые – представлены в материалах и других могильников самбийско-натангийской культуры: Гребитен-Зюйд-Окунево (1886), погребение 163; Виекау-Хрустальное, погребение 38a; Варенген-Котельниково, погребение Depotfund; Блудау (Bludau) II – Кострово, погребение 29; Лаут (Lauth) – Большое Исаково, погребения 9, 195 (*Хомякова*, 2024a. Рис. 3: *18*–*23*). А также известны в коллекции А. Бецценбергера – могильник Гребитен (ГИМ; архив Г. Янкуна; *Хомякова,* 2018. С. 228, 229. Рис. 3: *17*).

Золотостеклянные бусы различаются по форме, но, надо согласиться с М. Темпельманн-Мончиньской, хронологической разницы между ними нет, по ее классификации они относятся к типу 387a, b группы XXIX. Такие бусы появляются в период B1 (10/20 – 70/80 гг.) и наиболее многочисленны в период B2 (70/80 – 160/170 гг.), но продолжают бытовать и в последующее время – 160/180 – 250/270 гг. (периоды B2/C1 – C1a/C1b (*Tempelmann-Mączynska*, 1985. S. 64, 65, 94. Tab. 8. Taf. 14: *387a, b*).

Бусы с «серебряной» прокладкой – 5 экз. (рис. 24: *2.11*)

2.11. ***Округлые, шаровидной формы*****:** погребение 10.2010 г. – 5 экз. (рис. 24: *2.11*).

Полихромные бусы – 104 экз. (рис. 25: *2.12*–*2.21*).

2.12. ***Округлая, шаровидной формы бусина с накладным декором по центру тулова в виде горизонтальной ленты в технике миллефиори*****:** погребение 68.2011 г. – 1 экз. (рис. 25: *2.12*).

Бусина изготовлена путем одноразового обертывания основы вокруг инструмента, имеется место соединения. Основа бусины сделана из монохромного серо-зеленого полупрозрачного стекла, тулово и канал покрыты тонким слоем красного глухого стекла. По центру этого красного непрозрачного ядра бусины наложена мозаичная лента, имеющая декор в виде горизонтально расположенной веточки с желто-белыми листьями на зеленом фоне.

Подобная бусина известна в погребении 216 раннеримского могильника самбийско-натангийской культуры Лаут – Большое Исаково (*Хомякова*, 2024a. Рис. 4: *12*).

Такие бусы выделены М. Темпельманн-Мончиньской в тип 355a–c, группа XXIII, и на территории центральноевропейского Барбарикума они крайне редки; ей известно только шесть находок, которые концентрируются на компактной территории – Нижняя Висла

и зона Вислинского залива: Любовидз (Lubowidz), Щитно (Szczytno), Цепле (Ciepłe), Мацеево (Maciejewo), Кунтерштраух (Kunterstrauch). Фиксируются находки этих бус со второй половины периода B1 (20/40 – 70/80 гг.) по B2 (70/80 – 160/170 гг.) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 59, 94, 186. Tab. 8. Taf. 11: *355a–c*; 54).

Бусы из красного глухого стекла, декорированные черной полосой с желтыми листиками, известны также на могильнике вельбаркской культуры Веклице (Weklice) (восточная окраина дельты Вислы). Два таких экземпляра были найдены в погребении 330 (*Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. P. 90, 91. Pl. CXLIV: Grave 330, *14, 15*), оно отнесено к стадии IIB/IIC относительной хронологии этого могильника, что соответствует фазам B2b – B2c[20], т. е. примерно от 100 до 150/160 гг. (*Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. P. 126. Tab. 1).

Эти бусы отмечены на территории Литвы в могильнике Павекяй (Paviekiai) (Шауляйский район) в погребении 9, периода B2b/C1, т. е. 150–200 гг.; в курганном захоронении 6, датированном 150–220 гг. (B2/C1 – C1a), могильника Паюости (Pajuostis) VIII (Паневежеский район) (*Bliujienė*, 2013. Pav. 315: *1, 2*; 337; 338)[21].

Бусы с подобным декором известны и на других территориях, вне циркумбалтийской зоны, например в кладе, обнаруженном на городище Велегож (Тульская область) в слое мощинской культуры. По всей видимости, клад формировался поэтапно, в целом его можно отнести к фазам C2 и C3 (250/260 – 300/320 и 300/320 – 350/370 гг.), и эта бусина в нем выделяется своей архаичностью (*Мастыкова*, 2015. С. 59, 60. Рис. 50: *1*). Схема ее изготовления полностью совпадает с технологическими характеристиками бусины из Заостровья-2.

Отмечены немногочисленные находки таких бус на памятниках Северного Причерноморья в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Кепах. Они отнесены Е. М. Алексеевой к типу 415 и датируются ею суммарно: концом I в. до н. э. – II в. н. э. (*Алексеева*, 1982. С. 38. Табл. 48: *16, 17*). На могильнике Бельбек IV (Нахимовский район Севастополя) аналогичные бусы обнаружены в погребении 11, датированном третьей четвертью I в., и в погребении 187 последней четверти I в. (*Гущина, Журавлев*, 2016а. Часть 1. С. 121, 159; 2016б. Часть 2. Табл. 9: *6*; 121: *24*). Причем бусы из Бельбека (*Столярова*, 2001. С. 246, 247) имеют те же технологические особенности, что и подобные бусы из Заостровья-2 и Велегожа.

2.13. ***Округлые, шаро-эллипсоидной формы, из темно-голубого, полупрозрачного в сколе стекла, мозаичное ядро бусин составлено из многочисленных голубых мелких прямоугольников с белой обводкой, расположенных по тулову продольными рядами*:** погребение 68.2011 г. – 3 экз. (2 экз. фрагментированные) (рис. 25: *2.13*).

По классификации М. Темпельманн-Мончиньской относятся к типу 225a группы XXI. Такие бусы встречаются нечасто, они появляются в периоды B2/C1 – C1a (160/180 – 210/230 гг.), продолжают существовать в C1b и C2 (220/230 – 300/320 гг.) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 51, 52, 95. Tab. 8. Taf. 5: *225a*).

Эти бусы известны в Дании, например на о. Борнхольм, относятся к типу 2404 по И. Олльдаг, все находки датируются не позднее периода C2 (250/260 – 310/320 гг.) североевропейской хронологии (*Olldag*, 1992. S. 232. Pl. 4: 3 rk. Nr. 2404).

Подобные бусы, типы 92 (вариант а) и 93 по Е. М. Алексеевой, фиксируются на северопричерноморских памятниках – Кепы, Тирамба, Совхоз 10, при этом они датируются Е. М. Алексеевой достаточно широко, от I в. по III в. (*Алексеева*, 1975. С. 69. Табл. 15: *22*; 16: *12*).

2.14. ***Округлые, шаровидной формы, изготовлены так же, как 2.13, но из глухого красно-коричневого стекла с многочисленными мелкими прямоугольниками, центр у которых зеленого цвета в желтой обводке*:** погребение 68.2011 г. – 2 экз. (рис. 25: *2.14*).

---

[20] Авторами используются следующие хронологические схемы: *Eggers*, 1951; *Godłowski*, 1974; *Wołągiewicz*, 1968; 1981a; 1981b.

[21] Для памятников на территории Литвы здесь и далее используется хронологическая система по: *Michelbertas*, 1986; 2006a.

Они выделены в тип 225e по ТМ, на территории центральноевропейского Барбарикума он, как и тип 225a (см. выше), датируется с периода B2/C1 – C1a (160/180 – 210/230 гг.) по C1b – C2 (220/230 – 300/320 гг.) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 51, 52, 94. Tab. 8. Taf. 5: *225e*). Бусина такого типа известна в погребении 216 могильника самбийско-натангийской культуры Лаут – Большое Исаково (*Хомякова*, 2024a. Рис. 4: *8*).

Подобные бусы известны на античных памятниках Северного Причерноморья (*Алексеева*, 1975. С. 98. Табл. 14: *106, 107*).

2.15. ***Плоская, ромбовидной формы, из красно-коричневого глухого стекла, на каждой широкой грани – три плоских глазка. В центре глазков вставлена «золотая» фольга, каждый глазок обведен желтым и голубым кругами*:** погребение 86.2011 г. – 1 экз. (рис. 25: *2.15*).

В центральноевропейских древностях бусы такой формы (тип 125a группы XIII по ТМ), но из синего и зеленого стекла, встречаются спорадически в периоды B2 – C1b/C2, т. е. с 70/80 по 300/320 гг. (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 35, 36, 94. Tab. 8. Taf. 3: *125 a, b*).

Аналогичные бусы красно-коричневого цвета с «золотыми» глазками, тип 132, крайне редки на территории Северного Причерноморья, датируются суммарно I – началом II в. Выделен тип 133 такой же формы и с такими же глазками, но из глухого темно-синего стекла (*Алексеева*, 1975. С. 73. Табл. 14: *100*; 15: *80*).

2.16. ***Округлые, шаровидной формы, из красно-коричневого глухого стекла с накладными плоскими двухслойными глазками – зеленым центром и желтой обводкой*:** погребения 68.2011 г. – 5 экз., 86.2011 г. – 2 экз., 20.1893 г. – 2 экз. (рис. 25: *2.16*).

По классификации М. Темпельманн-Мончиньской они относятся к типу 223g группы XXI, известны на памятниках вельбаркской культуры, в частности Любовидз (Lubowidz), Гроново (Gronowo). Эти бусы характерны для времени 70/80 – 180/200 гг. (B2 и B2/C1), в меньшей степени они продолжают существовать до эпохи Великого переселения народов (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 49, 51, 94. Tab. 8. Taf. 4: *223g*). Эти бусы известны на памятниках самбийско-натангийской культуры: в погребении 119 могильника Гросс Оттенхаген – Березовка; погребении 38a Викау-Хрустальное; в погребении 216 могильника Лаут – Большое Исаково (*Хомякова*, 2024a. Рис. 4: *6, 7*; 5: *2*).

2.17. ***Округлая, шаро-кольцевидной формы, из белого глухого стекла с тремя накладными трехслойными плоскими глазками, центр которых темно-синего цвета обведен белыми и темно-синими кругами*:** погребение 104.2011 г. – 1 экз. (рис. 25: *2.17*).

Подобного типа бусы были найдены в женском погребении A могильника самбийско-натангийской культуры Кирпенен (Kirpehnen) – Поваровка. Они (3 экз.) вместе с янтарными бусами были надеты на свернутую в кольцо булавку с листовидным навершием (*Хомякова*, 2022a. С. 45. Рис. 33: *1*).

Соответствуют типу 26 (варианты a, и) по классификации А. М. Алексеевой; по ее мнению, такие бусы появляются в Северном Причерноморье в III в. до н. э. и существуют до II в., но их наибольшее распространение приходится на I в. (*Алексеева*, 1975. С. 59. Табл. 14: *3, 4*).

2.18. ***Округлые, шаровидной формы, из темно-лилового, полупрозрачного в сколе стекла с белым зигзаговидным поперечным плоским декором по центру тулова. Декор состоит из трех параллельных линий, между которыми две линии зигзага*:** погребение 5.2010 г. – 2 экз. (рис. 25: *2.18*).

Аналогичные бусы известны в северопричерноморских материалах, выделены в типы 346 и 347, отнесены к II–III вв. (*Алексеева*, 1978. С. 54. Табл. 29: *8, 9*). На могильнике Фронтовое 3 (Нахимовский район Севастополя) такие бусы цилиндрической формы обнаружены в могиле 70 конца II – первой половины III в. (*Свиридов, Язиков*, 2023. С. 91–94. Рис. 221: *5, 6, 11, 13*), в могиле 125 середины II в., могиле 205 второй половины II в. – первых десятилетий III в., в могилах 212, 232 конца II в. – первой половины III в. (*Свиридов, Язиков*, 2024. Рис. 29: *2, 6*; 272: *32–34*; 295: *13–15*; 358: *5, 6*).

2.19. ***Округлая, шаровидной формы, аналогична бусам 2.18, но ячейки между зигзагами окрашены красным стеклом*:** погребение 5.2010 г. – 1 экз. (рис. 25: *2.19*).

2.20. ***Округлые, шаровидной формы, из глухого красно-коричневого стекла, с накладным декором по центру тулова в виде горизонтальной ленты с разноцветными полосами*:** погребения 68.2011 г. – 4 экз. (у одной бусины по центру тулова остался след от утраченной накладной полосы), 86.2011 г. – 7 экз., 137.2011 г. – 1 экз., 10.2010 г. – 1 экз., 3.1893 г. – 3 экз. (одна фрагментированная), вероятно, 5.1893 г. – 1 экз., 20.1893 г. – 1 экз., 29.1893 г. – 4 экз. (рис. 25: *2.20*).

По классификации М. Темпельманн-Мончиньской они отнесены к типу 287b, с группы XXII. Эти бусы характерны для вельбаркской, самбийско-натангийской и других западнобалтских культур, отдельные экземпляры встречаются в Южной и Центральной Польше, в западной прибрежной зоне Балтийского моря. Наибольшая концентрация бус приходится на периоды B2 – B2/C1–C1a, с 70/80 по 210/230 гг., затем они изредка встречаются до периода C2 (250/260 – 300/320 гг.) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 55, 94. Tab. 8. Taf. 7: *287 b, c*). Известны на памятниках самбийско-натангийской культуры: в погребении 216 могильника Лаут – Большое Исаково и погребении 15 могильника Корейтен (Corjeiten) – Путилово (*Хомякова*, 2024a. Рис. 4: *1, 2*).

Такие бусы отмечены на памятниках Литвы: могильник Саргенай (Sargėnai) (г. Каунас), погребение 124 периода B2b/C1, т. е. 150–200 гг.; вышеупомянутый могильник Павекяй, погребение 9, датированное также 150–200 гг. (*Bliujienė*, 2013. Pav. 314: *2*; 315: *1*; 338).

2.21. ***Округлые, шаровидной формы, среднего и мелкого размера, с декором из чередующихся продольных наклонных разноцветных полос / лент. Разноцветный декор наложен на монохромное тулово из зеленовато-серого стекла*:** погребения 68.2011 г. – 3 экз., 86.2011 г. – 16 экз., 137.2011 г. – 20 экз., 2.2010 г. – 2 экз., 10.2010 г. – 3 экз., 3.1893 г. – около 8 экз., 20.1893 г. – 2 экз., 29.1893 г. – 6 экз., вне комплекса 1893 г. – 2 экз. и одна фрагментированная (рис. 25: *2.21*).

Они относятся к типам 290 и 291 группы XXII по ТМ, их зона распространения та же, как и у бус **2.20**. Наиболее часто они встречаются на памятниках вельбаркской, самбийско-натангийской и других западнобалтских культур, время интенсивного бытования – с 70/80 по 210/230 гг. (B2 – B2/C1–C1a), «доживают» до периода C2 (250/260 – 300/320 гг.) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 55, 94. Tab. 8. Taf. 7: *290, 291*).

Представлены в самбийско-натангийских могильниках: Гросс Оттенхаген – Березовка, погребение 119 и Лаут – Большое Исаково, погребение 216 (*Хомякова*, 2024a. Рис. 4: *3*; 5: *2*). Также имеются в коллекции А. Бецценбергера (ГИМ) с указанием «из различных мест Восточной Пруссии» (*Хомякова,* 2018. С. 230. Рис. 3: *21*).

И. Олльдаг приводит немногочисленные находки подобных бус, тип 2304, найденных на памятниках Дании. В основном встречаются в периоды B2 (около 70 – 150/160 гг.) и C1 (150/160 – 250/260 гг.), но единичные бусы фиксируются в период B1, примерно 40–70 гг. и C1b, т. е. 210/220 – 250/260 гг. североевропейской хронологии (*Olldag*, 1992. S. 228. Pl. 4: 2 rk. nr. 1–2: typ 2304).

Они отмечены на территории Литвы: в погребении 91, времени 150–220 гг. (периоды B2/C1 – C1a), могильника Бандужяй (Bandužiai) (г. Клайпеда) вместе с металлическими кольцами с закраинами у канала, как и в Заостровье-2; в погребении 124, периода B2b/C1: 150–200 гг., уже упоминавшегося могильника Саргенай; в погребении 9, того же времени 150–200 гг., могильника Павекяй (*Bliujienė*, 2013. Pav. 313: *1*; 314: *2*; 315: *1*; 335; 338).

На памятниках Северного Причерноморья эти бусы фиксируются в материалах I в. до н. э., максимальное распространение в I–II вв., доживают до III в. (*Алексеева*, 1978. С. 46, 47. Табл. 29: *46, 66, 67*).

3. Металлические бусы – 9 экз. (рис. 25: *3.1*)

3.1. ***Округлые, шаровидной и шаро-кольцевидной формы, литые*:** погребения 68.2011 г. – 4 экз., 137.2011 г. – 3 экз., 13.1893 г. – 1 экз., вероятно, 20.1893 г. – 1 экз. (рис. 25: *3.1*).

На территории центральноевропейского Барбарикума бусы из металла шаровидной формы, тип 520 группы LX по ТМ, встречены на 13 памятниках, в основном западнобалтских

и вельбаркской культур, времени B2/C1 – C2, т.е. с 160/180 по 300/320 гг. (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 91, 95. Tab. 8. Taf. 20: *520*).

Аналогичного типа литая бусина из могильника самбийско-натангийской культуры Штобинген (Stobingen) имеется в коллекции А. Бецценбергера (ГИМ) (*Хомякова,* 2018. С. 225. Рис. 3: *3*).

Металлические кольца, пронизи, цепочка

Кольца (рис. 26: *1–4*): погребения 1.2011 г., 12.2011 г., 36.2011 г., 68.2011 г., 86.2011 г., 137.2011 г., 20.1893 г.

Бронзовые сплошные кольца из полукруглого в сечении стержня обнаружены в погребениях как с мужским (погребение 1.2011 г.), так и с женским инвентарем (погребения 68.2011 г., 86.2011 г., 137.2011 г. (табл. 56: *1*; 57: *3*; 63: *1, 2*; 66; 94: *2–22*), в одном случае (погребение 86.2011 г.) антропологически определенным как женское. В основном кольца представлены в бусинных наборах, это кольца гладкие (погребения 68.2011 г. – 1 экз., 86.2011 г. – 10 экз., 20.1893 г. – 1 экз.) и кольца с рельефным линейным декором или с закраинами у канала (погребения 68.2011 г. – 1 экз., 86.2011 г. – 11 экз., 137.2011 г. – 10 экз.). Подобные кольца, как гладкие, так и с закраинами, имеются в ожерелье с полихромными бусами типов **2.12, 2.14, 2.16, 2.20, 2.21** в погребении 216 могильника Лаут – Большое Исаково (*Хомякова*, 2024а. Рис. 5: *2*).

На могильнике Бандужяй в Литве, в погребении 91, датированном 150–220 гг. (периоды B2/C1 – C1a) (*Bliujienė*, 2013. Pav. 313: *1*; 335), такие металлические кольца найдены, как и в Заостровье-2, в сочетании с полихромными бусами типа **2.21**.

Впрочем, такие кольца могут быть и соединителями ремней (*Хомякова*, 2022а. С. 66), как, например, в погребении 1.2011 г. с мужским инвентарем. В целом кольца достаточно часто встречаются в погребальном контексте самбийско-натангийской культуры. В римское время они также известны на соседних балтских территориях, в Скандинавии и на южном побережье Балтийского моря. Считается, что распространение таких уборов связано с североевропейским влиянием (подробнее см.: *Хомякова,* 2011. С. 197–199).

Пронизи спиральные, цилиндрической формы (рис. 26: *7*): погребение 104.2011 г. – 3 экз.

Пронизи-спиральки из гладкой овальной в сечении проволоки, в одном случае (погребение 104.2011 г.; табл. 71: *3, 4, 9*) пронизь застряла в канале янтарной бусины (рис. 26: *7*), что указывает на их использование в бусинных ожерельях.

Надо отметить, что в некоторых захоронениях рассматриваемого могильника бусы найдены практически целыми ожерельями или их частями. Так, в погребениях 68.2011 г. (табл. 56: *1*; 57: *3*), 86.2011 г. (табл. 63: *1*; 66), 137.2011 г. (табл. 94: *2–22*) эти полихромные бусы в сочетании с металлическими кольцами подобны ожерелью из погребения 216 могильника Лаут – Большое Исаково, где также полихромные бусы представлены с бронзовыми кольцами (*Хомякова*, 2024а. Рис. 5: *2*). В погребении 10.2010 г. это ожерелье, состоящее из 29 золотостеклянных в сочетании лишь с 4 полихромными бусами (Приложение 1. Рис. 27: *1*), а в погребении 29.1893 г. – 439 золотостеклянных бусин разных форм с 8 полихромными (табл. 120; см.: Каталог 2). Похожее ожерелье, но в составе которого были только золотостеклянные бусы, известно в погребении 195 могильника Лаут – Большое Исаково (*Хомякова*, 2024а. Рис. 5: *3*).

В целом же для изученной коллекции бус отмечается преобладание полихромных бус, а именно типов **2.16, 2.20, 2.21** (рис. 25; табл. 56: *1, 7, 11, 12*; 63: *1*; 66; 94: *2–22*), которые наиболее характерны для самбийско-натангийской культуры. Ожерелья из полихромных бус на рассматриваемом памятнике представлены в погребениях с самбийскими поясами (3.1893 г., 20.1893 г., 68.2011 г., 86.2011 г., 137.2011 г.), присущих женским богатым могилам; вероятно, погребенные женщины принадлежали к какой-то определенной социально значимой

группе населения. Ожерелья из золотостеклянных бус с небольшим количеством полихромных встречены в погребениях 29.1893 г., 10.2011 г., где поясная гарнитура отсутствует (табл. 120; см.: Каталог 2; Приложение 1. Рис. 27: *1*).

Цепочка плетеная (табл. 79: 7): погребение 118.2011 г.

Фрагмент металлической цепочки – плетение «косичка» из двух тонких проволок. Параллелей не найдено.

Элементы головного убора

Умбоновидные накладки (рис. 21: *23–27, 29;* 26: *6, 8*): погребения 135.2011 г. – около 17 экз. (многие фрагментированные), 145.2011 г. – 1 экз.

Это небольшие округлые накладки из бронзы с выпуклой центральной частью, чаще всего без декора или же с рельефным концентрическим декором по полю, с двумя отверстиями. Погребение 145.2011 г. по инвентарю является женским, поэтому и данные накладки в нем, скорее всего, принадлежат женскому убору. Интерпретация погребения 135.2011 г. затруднительна.

З. Блумбергс относит подобные накладки к деталям женских головных уборов балтов, и, согласно ее типологии, они соответствуют типу IA (*Blumbergs*, 1982. Abb. 9). Такого типа накладки известны и на других памятниках самбийско-натангийской культуры: Корейтен-Путилово, Долькайм-Коврово, Гросс Оттенхаген – Березовка, Имтен (Imten) – Ровное и др. (*Хомякова*, 2022а. С. 69). Также в качестве аналогий можно привести находки в контексте западнобалтских культур римского времени (например: *Bitner-Wróblrwska,* 2007. Pl. 36: *12*; *Jaskanis*, 2013. Tabl. 116: *6*).

Накладки с зажимами на оборотной стороне (рис. 21: *28*; 26: *5, 10, 11*): погребение 3.1893 г. – 1 экз., 29.1893 г. – 48 экз., 68.2011 г. – 1 экз.

Это бронзовые пластины шестигранной формы с концентрическими рельефными кругами на лицевой стороне и прямоугольной формы с овальным рельефом по центру, также на лицевой части накладки; концы у накладок загнуты внутрь для крепления. Судя по инвентарю, погребения 3.1893 г. (табл. 108: *21*) и 29.1893 г. являются женскими, как правило, исследователи считают такие накладки деталями женских головных уборов (рис. 26: *10, 11*).

Округлая плоская накладка с отверстием по центру и с зажимом с оборотной стороны происходит также из женского (по погребальному контексту) захоронения 68.2011 г. и, по всей видимости, тоже была элементом головного убора (рис. 21: *28*; 26: *5*).

Подобные детали головных уборов известны и на других памятниках самбийско-натангийской культуры раннеримского времени, также в «женском» контексте, например, Долькайм-Коврово (*Tischler, Kemke,* 1902. Taf. X: *7*; *Nowakowski,* 1996. Taf. 6: *14*; 9: *9*; *Кулаков,* 2004. Рис. 9: *1, 2*); Волиттник (Wolittnick) – Приморское (*Gaerte,* 1929. Abb. 146: *b*); Альтхоф (Althof) (*Gaerte*, 1929. Abb. 146: *e*); Гросс Оттенхаген – Березовка (*Ibsen,* 2003. S. 90–92. Taf. 63: *G*, 80). Головные уборы с накладками разных форм в римское время хорошо известны в ареале балтских культур и на Готланде (подробнее см.: *Хомякова,* 2022а. С. 68–70).

Согласно хронологии элементов женского костюма по О. А. Хомяковой, головные уборы с такими многочисленными накладками в самбийско-натангийском контексте существуют в период B2 (70/80 – 160/170 гг.) (*Хомякова*, 2022а. С. 70. Рис. 91: *18*).

Накладки в виде многолепестковой розетки (рис. 17: *27*): погребение 24А.1893 г. – 1 экз.

У накладки с округлыми выступами-лепестками по краю и декором на щитке в виде концентрических линий на рисунке из архива Г. Янкуна система крепления отсутствует. Не исключено, судя по фотографии этой вещи из того же архива, что в центре каждого лепестка имеются отверстия (табл. 118: *4*).

Аналогичная накладка с креплением на оборотной стороне в виде заклепки найдена в погребении 30 могильника Долькайм-Коврово, похожей формы – в погребении Grabstätte Pb некрополя Гребитен Зюйд – Окунево. Они отнесены к элементам головного убора, и, по мнению О. А. Хомяковой, такая форма появилась под влиянием провинциально-римских фибул-брошей (*Хомякова*, 2022а. С. 70. Рис. 55: *15, 16*).

Действительно, эти накладки сильно напоминают фибулы-розетки. Например, фибула подобной формы известна в литовских материалах, где на обратной стороне опубликованного предмета имеется приемник иглы (*Michelbertas,* 1998. Abb. 7: *1*). Такие фибулы относятся к большой группе дисковидных брошей, представленных как в самбийско-натангийской культуре, где наиболее близкие параллели известны в Гребитен и в Грейбау (Greibau) (*Ibsen,* 2003. S. 76–78; *Khomiakova*, 2015. P. 20, Fig. 6: *1–3*), так и на территории восточно-балтских и прибалтийско-финских культур (*Хомякова,* 2017; *Olli, Roxburgh,* 2018). Скорее всего, эти застежки являются подражаниями вещам римского импорта (ср., например: *Riha,* 1979. Taf. 60: *1591–1593*; *Fauduet,* 1999. Pl. XV: *110*, XVI; *116*; *Генчева,* 2004. Табл. XXV: *14*; *Elschek,* 2017. Obr. 5: *1*).

Стоит отметить, однако, что близкие формы встречены и среди накладок на поясах римского времени (см.: *Przybyła*, 2010. Abb. 11: *3*).

Округлые ажурные накладки (рис. 17: *6*; 21: *1*): погребение 145.2011 г. – 1 экз.

Округлая накладка с прорезным декором и заклепкой в центральной части с оборотной стороны[22].

Вполне возможно, что это элемент мужской поясной гарнитуры римского происхождения, *cingulum*, *balteus*, хотя подобные накладки имеют большую петлю с тыльной стороны.

Круглые накладки от поясов хорошо известны в Барбарикуме, в частности в Южной Скандинавии и в Юго-Восточной Прибалтике (*Przybyła*, 2010. S. 93–97. Abb. 2; *Rau*, 2016. Abb. 1). Имеются среди них и бляхи с ажурным декором (*Rau*, 2016. Abb. 3: *3*). Впрочем, стоит иметь в виду, что округлые ажурные бляхи в римское время входили и в состав гарнитуры конского убора (см., например: *Lau,* 2014. Abb. 115. Taf. 51: *PG 837*).

Как нам представляется, погребение 145.2011 г. было женским, на это указывают такие предметы женского убора, как бусы, ладьевидная накладка на пояс, деталь головного убора (табл. 102: *1–4, 6*). Данная ажурная накладка (табл. 102: *5*) могла быть также частью головного убора. Останки коня в этой могиле не обнаружены, и если допустить, что речь все-таки идет об элементе мужского пояса или конского убора, то, вероятнее всего, он здесь был вторичного использования.

КОСТЮМ

К сожалению, на изучаемом могильнике число антропологически определимых погребений с предметами костюма недостаточно для каких-либо определенных выводов. Поэтому отнесение могил с одной (например, погребения 2.2011 г., 38.1893 г.; табл. 7: *3*; 121: *6*) или двумя фибулами (например, погребение 51.2011 г.; табл. 36: *4, 5*) к числу женских или мужских может быть чисто условным.

В число женских захоронений обычно включают погребения, содержавшие помимо фибул бусы, браслеты (от двух до четырех) и так называемые самбийские пояса (см.: *Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 226). В целом такая дефиниция подтверждается и антропологическими данными. Так, погребение 68.2011 г. (табл. 50–57), к сожалению ограбленное, содержало останки женщины 35–45 лет с сохранившимися в могиле тремя фибулами, металлическими элементами поясной гарнитуры, тремя браслетами и бусами, а в погребении 86.2011 г. (табл. 61–66), также ограбленном, вместе с останками, вероятно, женщины были найдены

[22] О. А. Хомяковой данный предмет был интерпретирован как фибула (*Khomiakova*, 2015. Fig. 5: *9*), однако отсутствие иглы и приемника, в отличие от дисковидных брошей (ср.: *Хомякова*, 2017. Рис. 3: *7, 9, 10, 12*), вызывает сомнение в данной идентификации.

элементы самбийского пояса и бусы. В то же время в погребении 40.2011 г. (табл. 25), где находились бусы, были выявлены останки ребенка, вероятно мальчика, в возрасте около 5 лет, что ставит под сомнение однозначность атрибуции пола и возраста исключительно на основании погребального инвентаря.

В материалах рассматриваемого некрополя известны два случая наличия трех фибул в женских захоронениях, причем в обоих случаях это были фибулы т. н. прусской серии:
- погребение 68.2011 г., в котором, как уже перечислялось выше, имелись браслеты, застежка самбийского пояса, ладьевидные накладки, бусы и деталь головного убора (табл. 50–57);
- погребение 3.1893 г. – поясная гарнитура с застежкой самбийского пояса, бусы, элементы головного убора (табл. 108).

Показательно, что в обоих погребениях присутствовали так называемые самбийские пояса (табл. 53: *1*; 108: *7*).

Некоторые захоронения с элементами женского убора содержали пару фибул:
- погребение 88.2011 г. с двумя парными фибулами (глазчатые т. н. прусской серии) и фрагментами двух браслетов (табл. 68: *1–5*);
- погребение 104.2011 г. с двумя парными фибулами (глазчатая основной серии и глазчатая прусской серии), бусами и металлическими пронизями от ожерелья, браслетом (табл. 71);
- погребение 20.1893 г. с двумя парными фибулами (глазчатые прусской серии), элементами пояса – самбийской застежкой, бусами и металлической иголкой (табл. 113);
- погребение 10.2010 г. с двумя непарными фибулами (глазчатой прусской серии и слабопрофилированной с гребнем у головки, серии 8) и ожерельем из бус (Приложение 1. Рис. 27).

Два погребения содержали одну фибулу:
- погребение 24А.1893 г. – фибула с закрытой пружиной с гребнем на переходе от спинки к ножке, элементы поясной гарнитуры, бусы и накладка в виде лепестковой розетки, вероятно, элемент головного убора (табл. 118: *3–8*);
- погребение 29.1893 г. – слабопрофилированная фибула с гребнем у головки, два браслета, бусы и накладки-детали головного убора (табл. 120).

Надо также отметить, что т. н. глазчатые фибулы встречаются как в женских, так и в достоверно мужских погребениях (например, погребение 44. 2011 г.; табл. 28–34; см. Приложение 3). Что касается остальных типов фибул, то они представлены на рассматриваемом могильнике единичными экземплярами, и поэтому закономерности их гендерной принадлежности не могут быть выявлены.

По наблюдениям О. А. Хомяковой, в целом для самбийско-натангийской культуры основная часть погребений римского времени с фибулами, идентифицированных по инвентарю как женские, содержала две застежки (38%), несколько меньше могил содержали одну фибулу (29%), наличие трех фибул отмечено в 19% «женских» могил, и, наконец, четыре фибулы присутствовали в 11% погребений, большая часть последних принадлежит периодам B2 (70/80 – 160/170 гг.) и B2/C1 (160/180 – 200 гг.) (*Хомякова*, 2011. С. 104).

В нескольких могилах отмечено наличие бесфибульных костюмов со следующими элементами женского убора:
- 5.1893 г. – элементы поясной гарнитуры и бусы (табл. 109: *1–6*);
- 2.2010 г. – элементы поясной гарнитуры и бусы (Приложение 1. Рис. 12: *1–22, 24*);
- 86.2011 г. – самбийский пояс с ладьевидными накладками и ожерелье из полихромных бус с металлическими кольцами (табл. 63–64; 66).
- 118.2011 г. – ладьевидные накладки на пояс, цепочка (табл. 79: *1–7*);
- 135.2011 г. – элементы головного убора (табл. 90: *1–19*);
- 137.2011 г. – самбийский пояс с ладьевидными накладками, браслет, полихромные бусы с металлическими кольцами от ожерелья (табл. 93–96);
- 145.2011 г. – поясные ладьевидные накладки, детали головного убора, в том числе и ажурная накладка, бусы (табл. 102: *1–6*);

Самбийские пояса, как уже было сказано, свидетельствующие, вероятно, об определенном социальном статусе покойной, присутствуют в женском уборе на могильнике Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) как с тремя фибулами (погребения 68.2011 г., 3.1893 г.), с двумя фибулами (20.1893 г.), так и в бесфибульном костюме (86.2011 г., 137.2011 г.).

На могильнике, как уже говорилось выше, выделяется одно характерное ожерелье, состоящее в основном из золотостеклянных бус. Оно отмечено в уборе с двумя непарными фибулами, в котором отсутствует поясная гарнитура, – погребение 10.2010 г. (Приложение 1. Рис. 27–29) и погребение 29.1893 г. с одной фибулой, но также без поясной гарнитуры (табл. 120; см.: Каталог 2).

Выявленный в погребальном инвентаре еще один элемент женского костюма – головной убор, украшенный различными металлическими накладками, встречен в фибульном костюме: погребения 3.1893 г. и 68.2011 г. с тремя фибулами и с самбийскими поясами; погребения 24А.1893 г. и 29.1893 г. с одной фибулой. А также в бесфибульном костюме с другими элементами: погребения 135.2011 г. и 145.2011 г.

Как видим, головной убор встречается в равной степени в разных женских костюмах и каких-либо закономерностей в его ношении с определенными костюмными типами не прослеживается, по крайней мере в материалах данного памятника. По мнению О. А. Хомяковой, такие головные уборы в самбийско-натангийском контексте существуют в период B2 (70/80 – 160/170 гг.), а затем их перестают использовать. И это характерно именно для самбийско-натангийской культуры, поскольку в других балтийских культурах украшенные металлическими накладками головные уборы продолжали бытовать и в более позднее время (*Хомякова*, 2022а. С. 70). В целом исследователи сходятся во мнении, что головные уборы в самбийско-натангийской культуре появились в результате североевропейских контактов (*La Baume*, 1942. S. 16; *Blumbergs*, 1982. S. 22–30; *Nowakowski*, 2009a. P. 57).

Традиционно в самбийско-натангийской культуре к числу мужских относят погребения, содержавшие оружие и всадническое/конское снаряжение. В таких захоронениях присутствуют, как правило, элементы поясной/ременной гарнитуры, сопровождавшиеся двумя или одной фибулами:

- погребение 44.2011 г. (две непарные фибулы: глазчатая прусской серии и слабопрофилированная с гребнем у головки, серии 8; табл. 31);
- погребение 1.1893 г. (две непарные: глазчатая фибула прусской серии и слабопрофилированная с гребнем у головки, серии 8; табл. 107);
- погребение 13.1893 г. (две фибулы, одна из них прусской серии; см.: Каталог 2; табл. 111);
- погребение 26.1893 г. с оружием без ременной гарнитуры, но с фибулой (обломок спирали) (табл. 119: *1–8*).

В погребении 5.2010 г. помимо двух втульчатых наконечников копий, наконечника метательного копья-дротика, топора-кельта, профилированной перекладчатой фибулы, железной пряжки и пластинчатой накладки были обнаружены три бусины (Приложение 1. Рис. 21, 22). Вполне возможно, что бусы здесь попали в погребальный контекст в качестве заупокойных даров и не входили в состав собственно костюма.

ВООРУЖЕНИЕ, ВСАДНИЧЕСКОЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Предметы вооружения, конского и всаднического снаряжения были встречены в нескольких могилах изучаемого некрополя. Чаще всего это копья, но встречены и другие предметы данной категории. Материал могильника Заостровье-2, раскопки 2011 г., уже изучался (*Мастыкова, Юганов,* 2019), в данной публикации будут рассмотрены и предметы из раскопок 1893 г. и 2010 г.

Клинковое оружие

Элемент рукояти (рис. 27: *16*): погребение 16.1893 г.

Железный предмет, видимо, перекрестье клинкового оружия, со следами двух заклепок. Б. Контный интерпретирует такие предметы как элементы рукояти однолезвийного

клинкового оружия, параллели которому имеются на западнобалтском поселении Щурпилы (Szurpiły), а также на тесаках пшеворской культуры и на одном из клинков в болотной находке Вимозе (Vimose) в Дании (*Sawicka*, 2007. Fig. 2; *Kontny,* 2017b. P. 94. Fig. 4: *3, 4*; 2019. S. 127. Ryc. 12: *3*; 47: *1*). В целом клинковое оружие крайне редко встречается на памятниках самбийско-натангийской культуры римского времени (*Kontny,* 2019. P. 124–128, там же библиография).

Копья и дротики

На могильнике Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) обнаружено несколько копий (рис. 27: *1–6*). Все они втульчатые и различаются размерами, пропорциями пера и втулки, наличием и формой пера. В зарисовках Г. Янкуна представлен фрагмент копья из погребения 22.1893 г. (рис. 27: *15*), который типологически и хронологически определить не представляется возможным.

Малое втульчатое копье с пером листовидной формы, расширенным в средней части, ромбического сечения, несколько большей длины, чем втулка. На переходе от средней части пера к острию и втулке намечаются углы (рис. 27: *1*; 29: *2*): погребение 10.2011 г. (о нем см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 219, 220).

Похожее копье известно на самбийско-натангийском могильнике Лаут – Большое Исаково (*Skvorzov,* 2007. Taf. 3: *2*). Встречаются они и на памятниках богачевской культуры римского времени (например: *Karczewski,* 1999. Ryc. 14: *6*). Это оружие может быть сопоставлено с пшеворскими копьями типа Качановский XVI (*Kaczanowski,* 1995. S. 23, 24. Tabl. XIII: *1, 2*). Согласно П. Качановскому, такие копья в пшеворском контексте появляются к началу периода C1a (160/180 – 210/230 гг.), когда они получают наибольшее распространение, хотя бытуют до конца периода C2 (250/260 – 300/320 гг.) (*Kaczanowski,* 1995. Tabl. XX). Похожие копья, но скорее вытянуто-подтреугольной формы, в период B2 (70/80 – 160/170 гг.) известны и в Среднем Подунавье (*Tejral,* 1994. Abb. 1: *3, 4*). Близкие формы наконечников копий известны в среднедунайском регионе и в позднеримское время (*Istvanovits, Kulcsár,* 1995. Kép. 4: *1–3*).

Втульчатое копье с довольно длинной втулкой, приблизительно равной длине пера, имеет листовидную форму с выраженной продольной нервюрой и расширено ближе к втулке (рис. 27: *2*; 29: *5*): погребение 18.2011 г. (о нем см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 220).

На памятниках самбийско-натангийской культуры римского времени похожие копья найдены, например, на могильниках Лаут – Большое Исаково (*Skvorzov,* 2007. Taf. 4: *4*; 5: *1*; 28: *3*), Долькайм-Коврово (*Кулаков*, 2007. Рис. 6: *3*; 219: *6*) или Гребитен (*Nowakiewicz,* 2011. S. 191), Нускерн (Nuskern) – Безымянка (*Nowakiewicz,* 2011. S. 355) и др.

В соседних западнобалтских культурах римского времени тоже имеются близкие копья (*Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 9: *75c*; *Ziemlińska-Odojowa,* 1961. Tabl. 11: *4*; 12: *9*; *Jaskanis, Jaskanis,* 1966. Taf. 5: *5*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 40: *1*; 58: *1*). В Литве подобные копья также представлены в римское время (*Michelbertas,* 1986. Pav. 68: *1*; *Казакявичюс*, 1988. С. 42–45. Рис. 16). В пшеворской культуре такие копья составляют тип VIII, вариант 1, который появляется в период B2 (70/80 – 160/170 гг.), особенно распространяется в период C1a (160/180 – 210/230 гг.) (*Kaczanowski,* 1995. S. 18, 19. Tabl. IX: *2*) и, видимо, доживают до эпохи переселения народов (*Кулаков,* 2007. Рис. 219).

Похожие копья в римское время есть и в Скандинавии (например, тип Илькер 10 и 15), но у них более короткая втулка (*Ilkjær,* 1990. S. 73, 74, 95, 96. Abb. 58; 197). Копья с продольной нервюрой на пере встречены в позднеримское время на Среднем Дунае (*Istvanovits, Kulcsár,* 1995. Kép. 3: *6*; 11: *1*).

Втульчатые копья с листовидным пером ромбического сечения, со слабо выраженным продольным ребром и с наибольшим расширением ближе к втулке; перо длиннее,

чем втулка (рис. 27: *3, 4, 6, 22, 23, 25, 26*; 29: *3, 4*): погребения 1.1893 г., 1.2010 г., 5.2010 г., 59.2011 г. Вероятно, к этому типу относятся, насколько можно судить по зарисовкам из архива Г. Янкуна, и копья из погребений 15.1893 г., 26.1893 г., а также второе копье из погребения 1.1893 г. (рис. 27: *7, 11–14*).

Подобные копья известны на памятниках самбийско-натангийской культуры (*Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 220, 221). Имеются они и в других балтских культурах (см., например: *Jaskanis, Jaskanis,* 1966. Pl. 3: *6, 7*; *Karczewski,* 1999. Ryc. 12: *6*; 16: *5*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 36: *1*; 47: Kurhan XL, *1*; *Kontny,* 2017a. Fig. 2: *1, 2*). Они напоминают пшеворские копья типа Качановский I, варианты 2 и 3, типичные для периодов B1 и B2, т. е. с 10/20 по 160/170 гг. (*Kaczanowski,* 1995. S. 12, 13. Tabl. IV: *2*; V: *2*; XX). В Скандинавии им соответствовали бы копья типа Илькер 4, также периодов B1 и B2, но у них нет нервюры (*Ilkjær,* 1990. S. 48–52, Abb. 35; 38; 197). По этому признаку оружие из могильника Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) скорее сопоставимо со скандинавскими копьями типа Илькер 10, распространенных в периоды B2 (70/80 – 160/170 гг.) и C1a (160/180 – 210/230 гг.) в Ютландии, Южной Норвегии, Норрланде и на Эланде (*Ilkjær,* 1990. S. 73, 74. Abb. 58; 197; Taf. 32; 33). Эти копья также близки литовским копьям римского времени типа Казакявичюс, IVA. Они появляются в Литве со II в., но более распространены в III в. (*Казакявичюс,* 1988. С. 42–45. Рис. 16: *5, 9*). Подобные копья известны и в Среднем Подунавье (*Istvanovits, Kulcsár,* 1995. Kép. 3: *5*).

Известные только по зарисовкам Г. Янкуна копья из погребений 12.1893 г. и 13.1893 г. (рис. 27: *8–10*) очень напоминают предыдущий тип, но имеют втулку, по длине превосходящую перо, ромбическое в сечении, если судить по одному из экземпляров из погребения 26.1893 г. (рис. 27: *14*), но без выраженной продольной нервюры. По пропорциям они напоминают пшеворские типы Качановский XI–XII периодов B2 – C1 (70/80 – 160/170 гг. и 160/180 – 250/270 гг.) (*Kaczanowski,* 1995. S. 21. Tabl. X: *6*; XI: *1*), а также некоторые литовские наконечники типа Казакявичюс IГ, правда, характерные для более позднего времени, начиная с IV в. (*Казакявичюс*, 1988. С. 29–32. Рис. 9: *1, 5, 7*).

Копье из погребения 18.1893 г. (рис. 27: *5*) имеет относительно длинную втулку и короткое широкое перо, расширенное в средней части, вытянуто-ромбическое в сечении. Оно напоминает пшеворские копья типа Качановский IX-2, относящиеся к периодам B1 – B2, т. е. 10/20 – 70/80 гг. и 70/80 – 160/170 гг. (*Kaczanowski,* 1995. S. 19. Tabl. X: *2*; XX). Близки к нему некоторые литовские копья позднеримского времени и эпохи переселения народов типа Казакявичюс IVB (*Казакявичюс*, 1988. С. 45–48. Рис. 17: *8, 10*), а также некоторые формы копий богачевской культуры (*Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 9: *67b*; *Kontny,* 2019. Ryc. 5) и судавской культуры (*Jaskanis,* 2013. Tabl. 106: Grób płaski. S. 16: *1*).

Несомненно, к **метательным копьям-дротикам относится втульчатый наконечник** из погребения 5.2010 г. (рис. 27: *24*). Он, вероятно, был двушипным, но один из шипов не сохранился. Подобное оружие нечасто встречается на памятниках самбийско-натангийской культуры (см., например: *Nowakowski*, 1996. Taf. 56: *1*). В других западнобалтских культурах они встречаются в первые века н. э., а также на памятниках пшеворской культуры и в лесных древностях римского времени, например, в культуре штрихованной керамики (*Казакявичюс*, 1988. С. 56, 57). Втульчатые двушипные наконечники имеются и у восточных балтов, на территории Литвы и Латвии, но в основном в более позднее время, в V–VII вв. (*Казакявичюс*, 1988. С. 55–57).

Топоры

Железный топор-кельт происходит из погребения 5.2010 г. (рис. 27: *21*). Топоры-кельты в погребениях 1.1893 г., 12.1893 г., 13.1893 г., 22.1893 г. известны нам только по зарисовкам из архивов Г. Янкуна и Р. Гренца (рис. 27: *17–20*). Рисунки довольно схематичны, но они позволяют все-таки идентифицировать данный тип вооружения.

Топоры-кельты в раннеримское время довольно многочисленны на памятниках Юго-Восточной Прибалтики, в том числе в самбийско-натангийской культуре (например: *Nowakowski,* 1996. Taf. 8: *7, 8*; 50: *15*; 52: *2*; 89: *4*; 99: *6*; *Кулаков,* 2003. Рис. 24: *6*; 2004. Рис. 18: *21, 22*; 29: *2, 3*; *Nowakiewicz,* 2011. S. 191), в богачевской и судавской западнобалтских культурах (*Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 3: *s*; *Bitner-Wróblrwska,* 2007. Pl. 7: *6*; 73: *16*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 53: *5*; 57: *2*; 73: *1* и т. д.; *Kontny,* 2017a. Fig. 8; 9; 2019. S. 131. Рус. 21; 22), а также в Литве (например: *Michelbertas*, 1986. P. 160. Pav. 66; *Казакявичюс,* 1988. Рис. 29: 5; *Bliujienė,* 2013. Pav. 3), в то время как в других регионах Барбарикума они к этому времени исчезают.

Детали щита – умбоны и манипулы

Умбоны довольно часто встречаются в погребениях самбийско-натангийской культуры римского времени и эпохи Великого переселения народов. Всего К. Н. Скворцовым и О. А. Радюшем на 2008 год было учтено 57 находок, в первую очередь на территории Самбийского полуострова (*Радюш, Скворцов,* 2008).

На изучаемом памятнике зафиксировано пять находок умбонов в погребениях: 1.2011 г., 12.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 22.1893 г. (рис. 28: *1–4*), из них фрагмент умбона из погребения 22.1893 г. (рис. 28: *3*) типологически и хронологически не определяется, а для фрагмента из погребения 12.1893 г. отсутствует изображение.

В погребении 13.1893 г. найдена манипула щита (рис. 28: *5*), а в погребении 12.1893 г. – фрагменты манипулы (иллюстраций этих фрагментов нет).

Умбон щита с шипом, с довольно низкой сферо-конической калоттой и неширокими полями (рис. 28: *1*; 29: *1*): погребение 1.2011 г. (о нем см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 221).

Он близок умбонам типа Цилинг B1 (*Zieling,* 1989. Taf. 3: *1, 2*; 9: *4, 5*). Умбоны типа B1 появляются достаточно рано – в позднелатенскую эпоху, существуют все раннеримское время (периоды B1 – B2, т. е. 10/20 – 160/170 гг.) и доживают до позднеримского периода C1 (160/180 – 250/270 гг.). Эти умбоны распространены на Нижней Эльбе, в Ютландии, в Южной Швеции, на Готланде и в Южной Прибалтике, в контексте оксывской культуры, а также в бассейне Вислы в пшеворском контексте (*Zieling,* 1989. S. 42–44).

В типологии Й. Илькера умбону из погребения 1.2011 г. более всего соответствует скандинавский тип 2, характерный для периода B2 (70/80 – 160/170 гг.) (*Ilkjær,* 1990. Abb. 199). Среди умбонов самбийско-натангийской культуры похожие известны для раннеримского времени в Виекау-Хрустальном, в Марген (Margen) – Жуковском (*Радюш, Скворцов,* 2008. С. 136–138. № 35; 53. Рис. 3: *22, 23*), а также в Кляйн Флис (Klein Flies) – Изобильном (*Nowakowski,* 1996. Taf. 99: *4*) и в Варенген-Котельниково (*Nowakiewicz,* 2011. S. 486). Имеются похожие умбоны и в соседней западнобалтской судавской культуре, в том числе контексте периода C1a (160/180 – 210/230 гг.) (*Bitner-Wróblrwska,* 2007. Pl. 7: *5*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 67: *1*; *Kontny,* 2019. S. 134. Рус. 28: *2*).

Умбон с цилиндро-конической калоттой с шипом, имеющим плоское окончание и сравнительно небольшие поля (рис. 28: *2*): погребение 14.1893 г.

Насколько можно судить по схематической зарисовке Г. Янкуна, этот умбон напоминает типы Цилинг A1-A1a (*Zieling*, 1989. Taf. 1: *2, 3*) и B1a-B1b (*Zieling*, 1989. Taf. 3: *3, 4*). По Н. Цилингу, умбоны типа A1-A1a типичны для позднелатенского времени, отдельные экземпляры засвидетельствованы и для раннеримского времени. Эти умбоны распространены в регионе Эльбы, в Южной Скандинавии и в бассейне Вислы (*Zieling*, 1989. S. 28–34). Умбоны типа Цилинг B1a-B1b датируются временем от конца латена, т. е. с I в. до н. э. до 160/180 – 210/230 гг. (стадия C1a) римского времени. Они распространены от бассейна Эльбы до бассейна Вислы, а также в Южной Скандинавии и на Готланде (*Zieling*, 1989. S. 41–44). На памятниках самбийско-натангийской культуры похожий умбон был найден в Меденау (Medenau) – Логвино (*Радюш, Скворцов,* 2008. Рис. 4: *11*).

Умбон с цилиндро-конической калоттой, с длинным шипом и небольшими полями (рис. 28: *4*): погребение 13.1893 г.

Он близок умбонам типов Цилинг С2, особенно С2d (*Zieling*, 1989. Taf. 5: *5*; 6: *4*) и Е2 (*Zieling*, 1989. Taf. 8: *3, 4*). Первые наиболее оптимально датируются периодами В2 – С1 (70/80 – 160/170 гг. и 160/180 – 250/270 гг.) и широко распространены в Центральной Европе (*Zieling*, 1989. S. 64–69), а также встречаются в Скандинавии, где им соответствует тип Илькер 3 периодов В2 – С1а, т.е. 70/80 – 160/170 гг. и 160/180 – 210/230 гг. (*Ilkjær*, 1990. Abb. 199). Умбоны Цилинг Е2 лучше всего представлены в закрытых комплексах периодов В2 и С1 по всей Свободной Германии (*Zieling*, 1989. S. 80–83). В самбийско-натангийском контексте похожий умбон найден в Рингелс (Ringels) – Искрово (*Радюш, Скворцов,* 2008. Рис. 3: *17*).

Рукоять щита – манипула (рис. 28: *5*): погребение 13.1893 г.

Манипула из этого комплекса имеет подтреугольные окончания и, вероятно, относится к типу Цилинг V1 (*Zieling*, 1989. Taf. 30: *2*). Такие манипулы датируются в Свободной Германии периодами В2 и С1 (70/80 – 160/170 гг. и 160/180 – 250/270 гг.), они распространены в Центральной Европе от Эльбы до Вислы и в Северной Европе вплоть до Финляндии, а также в Закарпатье (Арданово) (*Zieling*, 1989. S. 218, 219, 975). В Восточной Пруссии подобные рукояти щитов были обнаружены в Вакерн (Wackern) – Елановка в погребении 20 и в Грейбау (*Радюш, Скворцов,* 2008. Рис. 4: *9*).

Шпоры

Шпоры с короткой пластинчатой дужкой (рис. 28: *6*; 30: *1*): погребение 1.2011 г. Шпора имеет короткую дужку в виде пластины, расширенную к краям, и большой шип (о ней см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 221).

Такие шпоры известны для раннеримского времени, особенно в период В2 (70/80 – 160/170 гг.), как у населения самбийско-натангийской культуры (например: *Tischler, Kemke,* 1902. Taf. XVI: *1*; *Nowakowski,* 1996. Taf. 36: *13*; 48: *3*; 83: *9*; *Кулаков,* 2004. Рис. 28: *5*; *Smółka,* 2015. Fig. 4: *1, 2*), так и в других балтских культурах (например: *Jaskanis, Okulicz,* 1981. Tabl. XXXIII: *12*; *Michelbertas,* 1986. Pav. 75; 2006b. Pav. 8: 2; *Smółka,* 2015. Fig. 3: *1*), а также у германцев Центральной Европы (*Jahn,* 1921. S. 24. Abb. 19; 21; 23; *Godłowski,* 1994. Abb. 1: *16*; *Tejral,* 2001. Abb. 20: *3*; *Prochowicz*, 2018. Ryc. 1: *2*) и в Скандинавии (например: *Hedeager,* 1992. Fig. 3: *45*). Они представлены, в частности, в материалах вельбаркской культуры (*Smółka,* 2015. Fig. 1: *I–II*).

Шпоры с арочной дужкой (рис. 28: *7, 8*; 30: *2, 3*): погребение 44.2011 г.

Они имеют дужку, расширенную в средней части, кнопки на концах и довольно массивный шип и напоминают шпоры типа Гинальский С, более всего типичные для периода В1 (10/20 – 70/80 гг.), но которые существуют и позднее (о них см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 221).

Шпоры этого типа известны в контексте самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski,* 1996. Taf. 5: *1, 3*; *Кулаков,* 2005. Рис. 27: *3*; *Skvortsov*, 2009. Fig. 4.2: *2, 3*), а также в соседних западнобалтских культурах (например: *La Baume, Gronau,* 1940. Abb. 1: *t*; *Ziemlińska-Odojowa,* 1961. Tabl. 12: *4*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 182: Kurhan 38, *1*). Эти шпоры распространены и в ареале пшеворской культуры (*Ginalski,* 1991. S. 57–59. Ryc. 7; 19; *Godłowski,* 1994. Abb. 1: *31*) и в зоне вельбаркской культуры (*Wołągiewicz,* 1981b. Tabl. XXIII: *94, 95*).

Удила

Кольчатые двухчастные удила с большими кольцами (рис. 28: *10*; 30: *4*): погребение 1.2011 г. (о них см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 221).

Они соответствуют скандинавской форме 2А–2В (*Ørsnes,* 1993. Fig. 9: *a, b*) и имеют относительно короткие прямоугольные в сечении грызла скандинавского типа 1С1 (*Ørsnes*,

1993. Fig. 9: *a*). Подобные удила хорошо известны в Скандинавии и в Центральной Европе, от Южной Прибалтики до Дуная. Согласно типологии М. Орзнеса, созданной для Северной и Центральной Европы, двухчастные удила с большими кольчатыми псалиями относятся к типу OD, датируются широко, от раннеримского времени до эпохи меровингов, и особенно характерны для всего периода С «варварской» хронологии (*Ørsnes*, 1993. S. 245–247. Fig. 53a; 53b; там же список находок в древностях западных балтов).

Большие кольчатые удила с «коленчатым» грызлом (рис. 28: *9*; 30: *5*): погребение 44.2011 г. (о них см.: *Мастыкова, Юганов,* 2019. С. 221, 222).

Они принадлежат типам Орзнес OA–OB (*Ørsnes,* 1993. Fig. 53: *a*; 53: *b*). Эти типы удил существуют с периода B1 (10/20 – 70/80 гг.) и вплоть до эпохи Великого переселения народов (см., например: *Кулаков*, 2007. Рис. 62: *3*) и хорошо представлены в Ютландии и на датских островах (например: *Lau*, 2014. Abb. 37; 45; 57; 85: *2*; 86: *1–3*; 87), а также на территории Восточной Пруссии как на памятниках самбийско-натангийской (*Nowakowski,* 1996. Taf. 81: *4*; *Кулаков,* 2005. Рис. 34: *28, 35*; 2007. Рис. 59: *3*; 62: *3*; 141), так и у других балтских культур римского времени (*Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 3: *r*; *Jaskanis, Jaskanis,* 1966. Taf. 5: *1*; *Karczewski,* 1999. Ryc. 9: *4*; *Kontny,* 2017a. Fig. 13: *14*). Реже они встречаются на территории Южной Швеции, в Западной и Средней Германии, от Рейна до Эльбы, попадают на территорию бассейнов Одера и Вислы, а также в северную часть Среднего Подунавья (*Ørsnes,* 1993. S. 193–234. Fig. 31; 32; 53: *a*; 53: *b*).

ПАНОПЛИЯ

Состав предметов вооружения, представленного на могильнике, в целом типичен для самбийско-натангийской культуры римского железного века (*Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 225, 226). Наборы предметов вооружения в погребениях распределяются следующим образом и соответствуют разным уровням самбийско-натангийских погребений с оружием (о них см. подробно: *Мастыкова, Юганов*, 2019. С. 223–230).

Уровень 2а. Погребения с «профессиональным» оружием[23], конским снаряжением и шпорами: 1.2011 г. – удила, щит, шпоры (табл. 4); 44.2011 г. (молодой мужчина около 20 лет; подробнее см.: Приложение 3) – удила, шпоры (табл. 30) (подробнее см.: Каталог 1).

Уровень 2б. Погребения с «профессиональным» и «народным»[24] оружием: 12.1893 г. (щит, два копья, топор; табл. 110: *2–4*); 13.1893 г. (щит, копье, топор; табл. 111); 14.1893 г. (щит, копье; табл. 110: *9*); 16.1893 г. (перекрестье клинкового оружия; табл. 112: *4*); 22.1893 г. (щит, копье, топор; табл. 117: *2–4*); 26.1893 г. (два копья, конская сбруя?; табл. 119: *3, 4*) (подробнее см.: Каталог 2).

Уровень 3. Погребения с «народным» оружием: 1.1893 г. (два копья, топор; табл. 107: *5, 6, 8*); 15.1893 г. (два копья; табл. 112: *2, 3*); 18.1893 г. (копье; табл. 109: *12*); 1.2010 г. (два копья: Приложение 1. Рис. 7: *1, 3*); 5.2010 г. (три копья, из них одно копье-дротик, топор; Приложение 1. Рис. 22: *1, 2, 4, 5*); 10.2011 г. (копье; табл. 15: *1*); 18.2011 г. (копье; табл. 22: *1*); 59.2011 г. (два копья; табл. 48: *1, 2*) (подробнее см.: Каталог 1; Каталог 2; Приложение 1).

В реальности выделения этих уровней убеждает наличие повсеместного присутствия могил с такими наборами оружия на территории всей самбийско-натангийской культуры римского времени (*Мастыкова, Юганов*, 2019. С. 223–230). Однако, на наш взгляд, пока нет достаточных оснований для обоснованной социальной идентификации той или иной группы погребений с предметами вооружения.

---

[23] К числу такого вооружения в самбийско-натангийской культуре относятся клинковое оружие и щиты.

[24] К «народному» оружию отнесены копья и топоры.

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ОРУДИЯ ТРУДА

Состав этих предметов также обычен для могильников самбийско-натангийской культуры римского железного века. Большинство этих предметов – ножи, шила, проколки, серповидные ножи, пинцеты – могут встречаться в самбийско-натангийских погребениях как с мужским, так и с женским инвентарем (*Jaskanis, Okulicz,* 1981. S. 226).

Ножи

Железные ножи найдены в захоронениях как с мужским, так и с женским погребальным инвентарем и подразделяются на следующие типы, граница между которыми подчас условна. Ножи из раскопок 1893 г. известны нам только по зарисовкам Г. Янкуна, по некоторым его рисункам тип находок определяется, два ножа идентифицировать не удалось (рис. 31: *27, 30*).

Ножи с горбатой спинкой (рис. 31: *4, 29*; 32: *3*): погребения 68.2011 г., 31.1893 г. Рукоять находится на продольной оси лезвия.

Подобные ножи имеются и на других памятниках самбийско-натангийской культуры римского времени (например: *Nowakowski,* 1996. Taf. 85: *10*; *Кулаков,* 2007. Рис. 13: *4*; 16: *6*; 20: *4*; 221: *1*; *Skvorzov,* 2007. Taf. 17: *6*; 26: *7*; 30: *3*; 36: *6*; 40: *9*; 45: *5*; 52: *41*; 63: *16*; *Nowakiewicz,* 2011. S. 188, 193, 271, 304 и т. д.). Представлены они и в контексте других западнобалтских культур, таких как богачевская и судавская (см., например: *Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 2: *37*; 3: *f*; 8: *d*; 10: *71b*; 11: *e*; *Karczewski,* 1999. Ryc. 9: *13*; 16: *2, 4*; 17: *1*; *Bitner-Wróblrwska,* 2007. Pl. 11: Grave 23B, *9*; 13: *13*; 42: *3* и т. д., *Jaskanis,* 2013. Tabl. 22: Kurhan XV. Grob 2, *3*; 68: *3*; 71: *7* и т. д.).

Ножи с прямыми лезвием и спинкой (рис. 31: *1, 2, 28, 32, 34, 35*; 32: *5*): погребения 35.1893 г., 3.2010 г. /захоронение 1, 5.2010 г., 9.2010 г., 1.2011 г., 114.2011 г. Рукоять находится на продольной оси лезвия. Судя по значительным размерам, нож из погребения 1.2011 г. мог иметь и боевые функции.

Боевые ножи идентифицированы и в соседних западнобалтских культурах (*Kontny,* 2019. S. 128, 129). Что касается ножей малых размеров этого типа, то они иногда встречаются и на других памятниках самбийско-натангийской культуры римского времени (например: *Nowakowski,* 1996. Taf. 94: *6*; *Skvorzov,* 2007. Taf. 19: *10*; 66: *6*; *Радюш, Скворцов,* 2008. Рис. 10: *4*; *Кулаков,* 2016б. Рис. 10: *о; Nowakiewicz,* 2011. S. 255), а также в могильниках богачевской и судавской культур (например: *Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 9: *75b*; 10: *72*; *Jaskanis,* 1958. Pl. 18: *4*; *Ziemlińska-Odojowa,* 1961. Tabl. 12: *2*; *Karczewski,* 1999. Ryc. 3: *1*; 5: *2*; 9: *1*; 10: *2*; 11: *4*; 13: *1*; 15: *4, 6*; *Bitner-Wróblrwska,* 2007. Pl. 9: *15*; 13: *12*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 14: Kurhan IX, *2*; 16: Kurhan X, Grób 2, *4*; 83: *3* и т. д.).

Ножи с прямой спинкой и выступающей режущей частью (рис. 31: *3, 25, 26, 33*; 32: *4*): погребения 16.1893 г., 18.1893 г., 1.2010 г., 86.2011 г. Рукоять находится на продольной оси лезвия.

Такие ножи представлены в самбийско-натангийском контексте различных памятников римского времени (например: *Nowakowski*, 1996. Taf. 56: *6*; 68: 5; *Кулаков*, 2005. Рис. 71; *Skvorzov,* 2007. Taf. 1: *13*; 4: *6*; 5: *3*; 13: *25*; 15: *18, 19*; 43: *1*; 44: *5*; 48: *2*; 67: *1*; *Кулаков*, 2016б. Рис. 8: *8*; *Nowakiewicz,* 2011. S. 488), а также в материалах богачевской и судавской культур (*Hollack, Peiser,* 1904. Taf. 2: *9b*; 7: *45a*; *Nowakowski,* 1998. Taf. 21: *411, 412*; *Karczewski,* 1999. Ryc. 4: *1*; *Bitner-Wróblrwska,* 2007. Pl. 10: Grave 206, *2*; 11: Grave 19, *4*; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 11: Kurhan VII, *1*; 104: *3*; 107: Grób płaski S. 21, *1*).

Шила или проколки

Железные шила или проколки с ручкой прямоугольного сечения (рис. 31: *6–8, 10, 21, 22*; 32: *2, 6*): погребения 16.1893 г., 21.1893 г., 2.2011 г., 20.2011 г., 44.2011 г., 121–122.2011 г.

Такие шила и проколки известны и на других могильниках самбийско-натангийской культуры римского времени (например: *Skvorzov,* 2007. Taf. 20: *12*; 21: *9*; 23: *13*; 31: *14*;

48: *12*; 63: *14*), а также в материалах соседних западнобалтских культур римского времени (например: *Bitner-Wróblewska,* 2007. Pl. 82: Grave 156C, *1*; *Jaskanis,* 2013. Pl. 107: Grób płaski S. 19, *1*).

Бритвы

В погребении 1.1893 г. с «мужским» инвентарем был найден предмет в виде **серповидного лезвия с завитком на конце** (рис. 31: *24*). Это, скорее всего, бритва вроде тех, что известны в европейском Барбарикуме, а также и на других могильниках самбийско-натангийской культуры римского времени, например: Тенген, Лаут – Большое Исаково или Гросс Оттенхаген – Березовка (*Klebs*, 1876. Taf. I: *10; Ibsen,* 2003. Taf. 79: *d*; *Skvorzov,* 2007. Taf. 31: *13*; 50: *3*). Бритва (правда, с длинной рукоятью) встречена и на самбийско-натангийском поселении Некрасово 1 (*Скворцов,* 2013. Рис. 4: *7*).

Бритвы с завитком на рукояти или с прямой ручкой представлены в материалах западнобалтских богачевской и судавской культур (например: *Hollack, Peiser*, 1904. Taf. VIII: *60, к*; *Kaczyński*, 1958. Tabl. XXXIX: *8*; *Żurowski,* 1961. Tabl. 18: *11*; *Nowakowski,* 1998. Taf. 17: *356*; *Karczewski,* 1999. Ryc. 16: *6*; *Bitner-Wróblewska,* 2007. Pl. 52: Grave 100, *2*; 82: Grave 156A, *2*; 2008. Табл. 61; 97; 110; 211; *Nowakiewicz,* 2011. S. 79; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 97: *10*), а также у восточных балтов (*Michelbertas,* 1997. Pav. 67: *3*; 108).

Бритвы, в основном с прямой рукоятью, встречаются в погребениях соседней вельбаркской культуры (*Tomaszewska,* 1988. Ryc. 11: *4*; *Wołągiewicz,* 1995. Taf. 32: Grab 280, *10*; *Pietrzak, Roźnowski*, 1996. Ryc. 3: *8*; *Pietrzak,* 1997. Taf. 33: Grab 105, *4*; 34: Grab 106, *3*; *Machajewski,* 2013. Taf. 53: Grab 3/1929–1940, *2*; Grab 4/1939–1940, *1*). Представлены они и в погребениях оксывской культуры латенского времени, предшествующей вельбаркской (например: *Wołągiewicz,* 1995. Taf. 27: Grab 261, *4*; *Pietrzak,* 1997. Taf. 1: Grab 2, *2*, *3*; Grab. 13A, *2*; Grab 13B, *2* и т. д.).

Бритвы известны у германцев добродзеньской группы (*Szydłowski*, 1974. Tabl. I: *m*; LXXXI: *e, f*), а также в Скандинавии (*Rygh*, 1885. P. 45: N° 142; *Stjernquist*, 1955. Pl. XVI: *5*; XXVI: *6*; *Sjøvold*, 1962. Pl. 19: *d*, E 144; *Beskow-Sjöberg*, 1977. Fig. 61; *Ilkjær*, 1990. Abb. 193; 194; 195; *Ramqvist*, 1992. Pl. 138: *149*; *Straume*, 1987. Taf. 15: *6*; 52: *16*; 1993. Fig. 41: *m*; 43: *d*), в Эстонии, в каменных могильниках (*Шмидехельм*, 1955. Рис. 20: *11*; 26: *7*; 31: *17, 18; Lang*, 1996. Joon 65: *7*; 67: *5*), в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. Taf. 20: *173*; 40: *365*).

Серпы и серповидные ножи

Еще один предмет с загнутым лезвием и остатками дерева на рукояти, который можно идентифицировать как серп, происходит из погребения 20.2011 г. (рис. 31: *5*; 32: *1*).

Похожие серпы (или серповидные ножи) в погребениях самбийско-натангийской культуры встречаются нечасто (см., например: *Nowakowski,* 1996. Taf. 38: *5; Nowakiewicz,* 2011. S. 462). Есть они и в погребениях других западнобалтских культур (например: *Jaskanis,* 2013. Tabl. 55: Kurhan XLIX, *1*; 104: *9*), а также у восточных балтов (например: *Michelbertas,* 1997. Pav. 37: *1*; 46: *2*; 57: *2* и т. д.; *Bertašius,* 2005. Taf. 22: *2*; 24: *Grab 56*; 30: *7* и т. д.; *Michelbertas,* 2006a. Pav. 43: *6*; 44: *3*; *Bliujienė,* 2013. Pav. 2: *6*; *Banytė-Rowell,* 2015b. Fig. 6: *1*). В целом же в западнобалтском погребальном контексте чаще встречаются более крупные по размерам косы.

Пинцеты

Железный и бронзовый предметы с широкими лопастями из погребений 44.2011 г. и 1.2010 г. идентифицируются как пинцеты (рис. 31: *11, 31*; 32: *9*). Подобные пинцеты характерны для начальной фазы самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski*, 1996. Taf. 80: *6*, 83: *1, 7*; *Chilińska-Früboes*, 2015. Ryc. 1: *14*). Пинцеты подобной формы в римское время известны и в Литве (*Bezzenberger,* 1900. Abb. 32; *Michelbertas,* 1986. Pav. 70; 2006a. Pav. 17: *3*; *Bliujienė,* 2013. Pav. 213: *2*).

Иглы

Известны на изучаемом могильнике и бронзовые иглы. Они найдены в погребениях с «женским» инвентарем: 20.1893 г., 86.2011 г. (рис. 31: *9, 20*). Иглы представлены и на других могильниках самбийско-натангийской культуры (например: *Skvorzov*, 2007. Taf. 31: *18*). Их параллели имеются в вельбаркской культуре (многочисленные примеры: *Pietrzak,* 1997; *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozarin*, 2011; *Kleeman,* 2017). Кроме того, иглы иногда встречаются в погребениях соседних западнобалтских культур римского железного века (например: *La Baume, Gronau,* 1940. Abb. 1: *e*; *Grenz,* 1961. Abb. 31; *Jaskanis,* 2013. Tabl. 26: *2*; 99: *6*; 109: Grób płaski S. 24, *3*; *Кулаков*, 2016в. Рис. 9: *1*).

Пряслица

Керамическое биконическое пряслице было обнаружено в погребении 33.1893 г. (рис. 31; *36*). Оно более или менее соответствует типу I.1.Б по О. А. Хомяковой (*Хомякова*, 2022б. Рис. 1: *I*; 2: *20*). Попадаются биконические пряслица и на других самбийско-натангийских памятниках, например на могильниках Гребитен-Окунево, Варенген-Котельниково, Митино, Лаут – Большое Исаково и на поселении Тимофеевка 2 и датируются временем от B2/C1, т. е. с 160/180 – 200 гг. до раннего Средневековья (*Хомякова*, 2022б. С. 245–247. Рис. 1: *II*).

Точильные камни

В погребениях 59.2011 г., 86.2011 г., 114.2011 г., 121–122.2011 г., 3.2010 г. /захоронение 1, как с мужским, так и с женским инвентарем, были найдены точильные камни разного размера и формы (рис. 33: *1–8*). Такие камни, идентифицированные как точильные, время от времени встречаются в погребениях самбийско-натангийской культуры (например: *Кулаков,* 2007. Рис. 15; *Skvorzov,* 2007. Taf. 26: *8*; 40: *3–6*; 44: *13*; 50: *4*). Разумеется, их точная функциональная принадлежность может быть различной. Стоит обратить внимание и на упоминание Г. Янкуном находок точильных камней и плоского камня ладьеобразной формы в погребениях 13.1893 г. и 21.1893 г., сопровождавшихся предметами вооружения (подробнее см.: Каталог 2). К сожалению, их рисунки отсутствуют. Может быть, речь идет о так называемых блоковидных кресалах, хорошо известных в циркумбалтийском регионе в римское время и в эпоху Великого переселения народов?

КЕРАМИКА

Вся керамика из могильника Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) лепная. Некоторые сосуды имеют залощенную поверхность. К сожалению, для самбийско-натангийской культуры до сих пор не существует общепринятой типологии керамики римского железного века. Поэтому в нашем исследовании предлагается предварительная группировка сосудов в первую очередь по их форме.

В керамической коллекции рассматриваемого могильника имеются фрагментированные сосуды, полная форма которых не определяется. Это собранная из обломков нижняя часть урны из погребения 12.2011 г. (рис. 38: *4*) и высокий поддон от сосуда из погребения 130.2011 г. (рис. 39: *3*).

Миски

Сосуд открытой формы, округлобокий, с вертикальным выраженным венчиком, ребром в верхней части тулова и линейным декором в нижней части миски происходит из погребения 130.2011 г. (рис. 34: *10*; 38: *5*).

Открытые ребристые миски время от времени встречаются в контексте самбийско-натангийской культуры (*Tischler,* 1879. Taf. VII: *4, 15*; *Tischler, Kemke,* 1902. Taf. XXIII: *15*; *Nowakowski*,

1996. Taf. 58: *6*). Похожие формы представлены и в богачевской западнобалтской культуре (*Шимански*, 2003. Рис. 4: *4*; *Iwanicki, Szymański*, 2007. Tabl. 2: *2*).

Кружки

К этой группе мы относим два сосуда (одноручные кружки). Один из погребения 116.2011 г. – цилиндрической формы с ребром в верхней части, без выраженного венчика (рис. 34: *1*; 39: *2*). Второй из погребения 10.2011 г. – биконический, с выраженным венчиком (рис. 34: *7*; 37: *2*): Похожая посуда известна и на других памятниках ранних фаз самбийско-натангийской культуры (*Tischler, Kemke,* 1902. Taf. XVII: *2*; XXIV: *2, 5, 10*; *Nowakowski*, 1996. Taf. 9: *3*; 58: *19*; 59: *12*; 63: *3*; 105: *7*; 106: *3*). Кружки, напоминающие сосуд из погребения 10.2011 г., имеются и в вельбаркской культуре (*Wołągiewicz*, 1993. Tabl. 21: *2*).

Сосуды с многочастной ручкой

Они происходят из погребений 53.2011 г., 58А.2011 г., 121–122.2011 г., 3.2010 г. / захоронения 1 и 2, 12.1893 г., 15.1893 г., 17.1893 г., 22.1893 г., 26.1893 г., 61.1893 г., сборы 1893 г. (рис. 34: *6, 8, 9, 14, 15*; 36: *1, 3, 5, 7, 8, 10, 11*; 37: *3–5*).

Это округлобокие, иногда приближающиеся к биконическим, сосуды с наибольшим расширением тулова в средней части, выраженным, слегка отогнутым венчиком. В одном случае имеется высокий поддон-ножка (рис. 36: *5*). Поверхность подлощена, некоторые сосуды имеют на тулове прочерченный геометрический декор, чаще всего в виде горизонтальных линий (рис. 34: *8, 9, 14, 15*; 36: *5, 8*; 37: *3, 4*). Сосуды с высоким поддоном и ручкой, одночастной и многочастной, получили название «тип Виекау» (*Nowakowski,* 1996. S. 59; *Кулаков*, 2018).

Сосуды с многочастной ручкой известны на ряде памятников самбийско-натангийской культуры и характерны для ее ранних стадий (*Tischler,* 1879. Taf. 7: *3*; *Tischler, Kemke,* 1902. Taf. 19: *8*; *Nowakowski,* 1996. S. 59. Taf. 11: *3*; 48: *10*; 52: *4*; 83: *3*; 103: *3*; *Ibsen,* 2003. S. 48, 49; *Скворцов,* 2014. Рис. 5: *13*). По В. Новаковскому, сосуды на высокой ножке в самбийско-натангийской культуре типичны для второй фазы по предложенной им периодизации, а появляются уже в конце первой фазы, то есть эта керамика характерна для периодов B2 (70/80 – 160/170 гг.) и B2/C1 (160/180 – 200 гг.) (*Nowakowski,* 1996. S. 59). Встречаются такие сосуды и в контексте соседней богачевской культуры западных балтов (например: *Bezzenberger,* 1896. Abb. 19; 21; 28, Taf. 2: *4, 8*; *Jaskanis, Okulicz,* 1981. Ryc. 95: *1*; *Nowakowski,* 1998. Taf. 16: *307*; *Iwanicki, Juga-Szymańska,* 2007. Tabl. 3: *9*; *Iwanicki, Szymański*, 2007. Tabl. 1: *2*; *Juga-Szymańska,* 2007. Tabl. 1.4: *1a*; *Łapo*, 2007. Ryc. 2: *a*), а также в Литве (*Grižas, Bitner-Wróblewska*, 2007. Ryc. 2). Сосуды на высоком поддоне-ножке появляются у западных балтов под влиянием вельбаркской керамики, где подобные формы хорошо представлены, в частности, на Нижней Висле (*Nowakowski,* 1996. S. 59; *Ibsen,* 2003. S. 49; *Кулаков*, 2018. С. 418).

Округлобокие сосуды с одинарной ручкой

К ним относятся сосуды из погребений 130.2011 г., 1.2010 г., 14.1893 г., 28.1893 г. Они имеют округлое тулово, расширенное в средней части, с выделенным поддоном в виде ножки, что сближает их с посудой так называемого типа Виекау раннеримского времени (см. выше) (рис. 34: *11, 13*; 36: *9*; 39: *4*). Короткий, слегка отогнутый венчик сохранился у сосуда с залощенной поверхностью из погребения 14.1893 г. (рис. 36: *9*). Сосуды из погребений 130.2011 г. и 1.2010 г. имеют прочерченный декор в виде горизонтальных линий (рис. 34: *11, 13*; 39: *4*).

К числу сосудов с одинарной ручкой относятся находки из погребений 22.1893 г. и 24.1893 г., имеющие залощенную поверхность, короткий слегка отогнутый венчик, наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть, дно плоское, поддон не выражен

(рис. 36: *2, 4*). В.И. Кулаков относит эти сосуды к типу Виекау, в частности, к его деградированным формам (*Кулаков*, 2018. С. 423. Рис. 1: *6, 7, 16, 18*).

Они известны на ряде ранних памятников самбийско-натангийской культуры (*Tischler, Kemke,* 1902. XVIII: *1–4, 6–8*. Taf. XIX: *1, 4–6*; *Nowakowski,* 1996. S. 59, 60. Taf. 1: *2, 6, 8*; 2: *2*; 3: *1, 3, 7*; 6: *11, 13*; 7: *2*; 9: *8*; 49: *7–10*; 52: *6*; 81: *1*; 94: *10*; *Скворцов, Ибсен,* 2010. Рис. 5: *4*; *Скворцов*, 2014. Рис. 5: *15*), а также в богачевской культуре (например: *Bezzenberger,* 1896. Abb. 24). Возможно, они связаны по происхождению с вельбаркской или скандинавской посудой (*Nowakowski,* 2007; *Скворцов, Ибсен,* 2010. С. 266, 268).

Округлобокие сосуды без ручек

Такие сосуды представлены в погребениях 1.2011 г., 73.2011 г., 118.2011 г., 138.2011 г., 8.1893 г., 26.1893 г. (рис. 35: *1, 4, 7, 9, 11, 12*; 37: *6*; 39: *5*). Это довольно приземистые горшки с округлым туловом, расширенным в средней части, слегка выделенным отогнутым венчиком, в одном случае имеется поддон. Представлен врезной орнамент в виде горизонтальных и зигзагообразных линий. В самбийско-натангийской культуре похожие формы известны на раннем этапе ее существования (*Tischler, Kemke,* 1902. XVIII: *10*; Taf. XIX: *9, 10*; *Nowakowski*, 1996. Taf. 9: *6*; 10: *1*; 11: *5*).

Малые цилиндрические и цилиндро-конические сосуды

Таких сосудов два – в погребениях 59.2011 г. и 86.2011 г. (рис. 35: *3, 6*; 38: *1, 3*). Они не имеют выделенного венчика и поддона и не несут декора. Близкие сосуды характерны для второй фазы самбийско-натангийской культуры по В. Новаковскому, т.е. для периода B2/C1 – C1a (160/180 – 200 гг. и 160/180 – 210/230 гг.) (*Tischler, Kemke,* 1902. Taf. XXVI: *13–21*; *Nowakowski*, 1996. S. 69. Taf. 13: *10*; 59: *13, 14*; 75: *2–5*; 105: *8, 9*). Схожие формы имеются и в вельбаркской культуре (*Wołągiewicz*, 1993. Tabl. 29: *2*).

Отдельные формы

К числу индивидуальных форм относятся следующие сосуды.

- Сравнительно небольшой горшок, с ребром в верхней части и выделенным венчиком из погребения 116.2011 г. (рис. 35: *2*; 38: *2*). Он отдаленно напоминает некоторые формы из уже упоминавшегося самбийско-натангийского могильника Вакерн-Елановка (*Tischler, Kemke,* 1902. Taf. XXIV: *9*).
- Небольшой горшок с округлым туловом, расширенным в средней части, и небольшим отогнутым венчиком, с рельефным налепом на венчике, из погребения 145.2011 г. (рис. 35: *5*; 37: *1*).
- Высокий горшок (урна) с округлым туловом, расширенным в верхней части, отогнутым довольно высоким венчиком, из погребения 123.2011 г. (рис. 35: *8*; 38: *6*). По общей морфологии напоминает самбийско-натангийские сосуды второй фазы по В. Новаковскому, т.е. периода B2/C1 – C1a (160/180 – 200 гг. и 160/180 – 210/230 гг.) (*Tischler, Kemke,* 1902. Taf. XIX: *7*; *Nowakowski,* 1996. S. 60. Taf. 7: *1*; 11: *8, 13*; 100: *11*), а также некоторые находки на могильниках Хюненберг (Hünenberg) – Доброе («Гора великанов») и Гребитен (*Кулаков*, 2016б. Рис. 1: *4*).
- Приземистый округлобокий горшок с наибольшим расширением в верхней части тулова, без выраженного венчика. Он происходит из погребения 24А.1893 г. (рис. 35: *10*), отдалено напоминает некоторые сосуды вельбаркской культуры (*Schindler,* 1940. Taf. 1: *12;* 3: *9;* 8: *1*).
- Округлобокий горшок с расширением тулова в средней части и высоким цилиндрическим горлом, без поддона, найден в погребении 5.2010 г. На плече сосуда – имитация прямоугольной ручки. На тулове – врезной орнамент из зигзагообразных линий (рис. 35: *15*).

По наблюдению Е. В. Лагуткиной, похожий сосуд известен на могильнике Изобильное (Klein Flieβ), где он встречен в погребальном контексте периода B2/C1 (160/180 – 200 гг.) (см. подробнее: Приложение 1).

– Округлобокий сосуд на довольно высоком поддоне с широко открытым выделенным горлом найден в погребении 10.2010 г. (рис. 35: *14*). Согласно Е. В. Лагуткиной, аналогичный сосуд встречен в одном из погребений могильника Виекау-Хрустальное периода B2/C1 (160/180 – 200 гг.). Е. В. Лагуткина приводит мнение В. И. Кулакова о возможных пшеворских истоках этого типа керамики (*Кулаков*, 2003. С. 54) (Приложение 1).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Анализ материала

ПЛАНИГРАФИЯ

На участке, исследованном в 2011 г., к юго-востоку от места бывшего хутора Шлакалькен (остатки хутора были выявлены раскопками 2010 г.), практически все погребения сосредоточены в северной половине изученной площади. Создается впечатление, что работами 2011 г. зафиксирована южная граница погребального поля (рис. 40). Выявленные объекты римского железного века на плане распадаются на две группы – северо-восточную (погребения 2, 3, 4, 10, 12, 15, 18, 20, 51, 58A, 73, 85, 86, 88, 116, 117, 118, 120, 121–122, 123, 130, 135, 151) и юго-западную (погребения 1, 36, 40, 42, 44, 50, 53, 54, 55, 59, 68, 69, 102, 104, 114, 137, 138, 145, 156), разделенные свободным «коридором».

На участке, исследованном в 1893 г., который находился западнее хутора Шлакалькен, раскопанные могилы образуют три группы – северную (погребения 1–17), юго-западную (погребения 18–34) и юго-восточную (погребения 35–38) (рис. 41).

На участке, раскопанном в 2010 г., все могилы сосредоточены в южной части исследованного сектора, прослеживаются два ряда захоронений, тянущихся с запада на восток (см.: Приложение 1. Рис. 3).

ХРОНОЛОГИЯ

Основная часть находок из погребений Заостровья-2 (7)/Шлакалькена-2 (4) принадлежит периоду B2 хронологии варварского Барбарикума: 70/80 – 160/170 гг. – и в ряде случаев продолжает бытовать в период B2/C1 (160/180 – 200 гг.), что соответствует фазе 1 самбийско-натангийской культуры по периодизации В. Новаковского (*Nowakowski,* 1996. S. 48–50), в основных чертах воспроизведенной и О. А. Хомяковой в ее хронологическом исследовании элементов женского убора (*Хомякова*, 2012). Среди показательных предметов можно назвать фибулы типа Альмгрен 42, 57–61, 72/1, 120, так называемые самбийские пояса, профилированные браслеты, умбоны типа Цилинг B1, копья, шпоры, удила, керамические сосуды на ножке, близкие типу Виекау, и пр. Видимо, этот хронологический отрезок второй половины I – конца II в. и соответствует времени функционирования изученной части некрополя.

В то же время в погребальном инвентаре встречены отдельные вещи, дата которых может быть несколько более ранней (см.: Глава вторая). Это глазчатая фибула основной серии типа Альмгрен 52, из погребения 104.2011 г. (рис. 10: *4*), которая может быть отнесена к концу периода B1, т. е. к фазе B1b (20/40 – 70/80 гг.) или ранней части периода B2 (около 70/80 гг.), а также пряжка-«омега» из погребения 44.2011 г. (рис. 17: *19*), дата которой также определяется в рамках конца периода B1 – ранней части периода B2.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРАТИФИКАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

Женские захоронения

Женские могилы содержат прежде всего предметы убора. Их отличает наличие не столько фибул, которые в данном некрополе имеются и в мужских погребениях с оружием и всадническим снаряжением, сколько находки бус и браслетов, а также самбийских поясов (см. выше).

По количеству фибул захоронения, условно относимые к женским, как уже говорилось, разделяются на несколько категорий.

Категория 1. Погребения ***с тремя фибулами,*** всего два захоронения: 3.1893 г. и 68.2011 г.[25]

Категория 2. Погребения ***с двумя фибулами,*** четыре погребения: 20.1893 г., 10.2010 г., 88.2011 г., 104.2011 г.[26]

Категория 3. Погребения с элементами женского костюма, содержавшие ***по одной фибуле***, три погребения: 24А.1893 г., 29.1893 г., возможно, 3. 2010 г. / захоронение 2.

Категория 4. Погребения ***без фибул,*** но содержавшие элементы женского убора, семь погребений: 5.1893 г., 2.2010 г., 86.2011 г., 118.2011 г., 135.2011 г., 137.2011 г., 145.2011 г.

Каким социальным/половозрастным группам соответствуют эти категории, трудно сказать. Показательно, что самбийские пояса, считающиеся маркером относительно высокого социального положения, были найдены в погребениях, относящихся к **категории 1** (погребения 68.2011 г. и 3.1893 г.), к **категории 2** (погребение 20.1893 г.) и **категории 4** (погребения 86.2011 г., 137.2011 г.). При этом, как уже говорилось выше, они всегда сочетаются в уборе с богатыми ожерельями из полихромных бус. Однако чаще всего самбийские пояса все же встречаются в женских погребениях с двумя-тремя фибулами. При этом во всех случаях в составе этих уборов имеются богатые ожерелья из полихромных бус в сочетании с металлическими кольцами. Вполне возможно, что социальным (или возрастным?) маркером является именно наличие самбийского пояса с дорогим украшением из бус, независимо от количества или отсутствия фибул в костюме. Как обоснованно полагает О. А. Хомякова, погребения с престижными самбийскими поясами принадлежат группе населения, занимавшей достаточно высокое социальное положение и, вероятно, связанной с торговлей янтарем (*Хомякова*, 2016). Если привилегированный характер убора с этими поясами особых сомнений не вызывает, то конкретная их атрибуция нам представляется преждевременной. Самбийские пояса могли носить женщины, выполнявшие различные статусные функции – как социальные (главы семейств/кланов, члены семей местных лидеров), так и сакральные (отправительницы культов) или экономические (торговля янтарем). На сегодняшний день любая интерпретация носит гипотетический характер и целиком зависит от живости воображения исследователя.

Мужские захоронения

Как уже говорилось выше, в мужских погребениях встречены предметы вооружения, что типично для памятников самбийско-натангийской культуры римского времени. В 2019 г. нами была предложена схема градации погребений с оружием римского железного века в Самбии и Натангии по набору оружия (*Мастыкова, Юганов*, 2019). Согласно этой схеме погребения могильника Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) могут быть отнесены к трем уровням, более или менее соотносимым со «средним классом» древних эстиев.

Уровень 2а. Погребения с «профессиональным» оружием (щиты), конским снаряжением и шпорами, всего 2 погребения: 1.2011 г., 44.2011 г.

Уровень 2б. Погребения с «профессиональным» (щиты, клинковое оружие) и «народным» (копья, топоры) оружием, всего 5 погребений: 12.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 16.1893 г., 22.1893 г.

---

[25] Впрочем, три фибулы встречены и в погребении 1.2010 г., определенном М.В. Добровольской как мужское (см.: Приложение 1. Рис. 6: *1–3*).

[26] Наличие двух фибул фиксируется и в могилах с оружием или всадническим снаряжением, которые соотносят с мужскими захоронениями: погребение 44.2011 г. антропологически определено как мужское (табл. 31; Приложение 3); погребение 1.1893 г. (табл. 107); погребение 13.1893 г. (табл. 111; Каталог 2).

Уровень 3. Погребения с «народным» оружием (копья, топоры), всего 9 погребений: 1.1893 г., 15.1893 г., 18.1893 г., 26.1893 г., 1.2010 г., 5.2010 г., 10.2011 г., 18.2011 г., 59.2011 г.

Весьма вероятно, что различные наборы оружия в могилах соответствуют определенному социальному статусу погребенных. Однако по этому поводу при полном отсутствии других видов источников, в первую очередь письменных, можно строить лишь догадки, исходя из общеизвестного факта, что чем больше предметов вооружения в захоронении и чем они дороже, тем выше социальная позиция погребенного человека.

Конские погребения сопровождают следующие погребения с оружием и конским снаряжением: 1.1893 г., 26.1893 г., 1.2010 г., 1.2011 г., 10.2011 г., 44.2011 г. и практически никогда (в данном некрополе) могилы с женским убором. Известно, что в римское время захоронение коня служит социальным маркером (*Кулаков*, 1994. С. 145, 146; *Мастыкова, Добровольская, Антипина,* 2021). Позднее, в меровингское время, как показали исследования на могильнике Заостровье-1, конские захоронения теряют роль социального маркера и встречены повсеместно, в том числе в могилах без погребального инвентаря (*Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 12, 13).

Захоронения с различным набором инвентаря не образуют каких-либо групп на плане некрополя. Между тем интересно отметить, что женское погребение 68.2011 г. (табл. 50–57) с убором из трех фибул и самбийским поясом – **категория 1**, а также мужские могилы 1.2011 г. и 44.2011 г. (табл. 1–5; 28–34) с наиболее полным набором оружия и захоронениями коней – **уровня 2а** – находятся в юго-западной группе погребений, раскопанных в 2011 г. (рис. 40).

Женские погребения (68.2011 г., 86.2011 г., 88.2011 г., 104.2011 г., 137.2011 г.) с двумя-тремя фибулами и/или самбийскими поясами на участке 2011 г. встречены в обеих группах (рис. 40), в то время как на участке 1893 г. погребения (3.1893 г., 20.1893 г.) с двумя-тремя фибулами и самбийскими поясами встречены только в северной и юго-западной группах и полностью отсутствуют в юго-восточной (рис. 41).

Могилы с «профессиональным» оружием представлены прежде всего в восточной части северной группы – 12.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 16.1893 г. и только одно погребение 22.1893 г. – в юго-западной (рис. 41). Видимо, на этом участке 1893 г. выявленные скопления погребений принадлежали группам, неравнозначным в социальном плане.

Стоит указать, что в погребениях 2011 г., содержавших «профессиональную» воинскую и всадническую экипировку, 1.2011 г. и 44.2011, характерную для погребений достаточно высокого социального уровня, присутствовали останки коней. В других некрополях самбийско-натангийской культуры римского железного века также есть могилы, содержащие профессиональное вооружение и конское захоронение (например, могильник Романово – Пугачевский пруд; *Мастыкова*, 2024). Однако в погребениях с «профессиональным» снаряжением, исследованных в 1893 г., останки коней не отмечены ни разу. Точно так же женские погребения с престижными самбийскими поясами на рассматриваемом могильнике не встречены с конскими захоронениями. Вероятно, здесь также речь идет о каких-то социальных различиях между погребенными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурно-исторический контекст памятников Самбии в римское время

Итак, могильник Заостровье-2 (7)/Шлакалькен 2 (4) как по погребальному обряду, так и по сопровождающему инвентарю представляет собой типичный памятник самбийско-натангийской культуры и в целом соответствует ее первой, самой ранней фазе самбийско-натангийской культуры, т. е. второй половине I – второй половине II в., что соответствует периодам B2 (70/80 – 160/170 гг.) и B2/C1 (160/180 – 200 гг.) по хронологии европейского Барбарикума или фазе 1 самбийско-натангийской культуры по периодизации В. Новаковского (*Nowakowski,* 1996. S. 48–50).

В настоящее время практически все исследователи сходятся на соотнесении самбийско-натангийской культуры с эстиями, *Aestii*, по свидетельствам античных письменных источников населявшими в римское время территорию к востоку от Вислы, особенно янтароносные районы (подробно см.: *Nowakowski,* 1996. S. 109–116; *Казанский, Мастыкова*, 2022б). Времени первой фазы самбийско-натангийской культуры как раз и соответствует известное описание эстиев у Тацита в его «Германии» (около 98 г. н. э.) (см.: *Nowakowski,* 1996. S. 110). Эстии Тацита живут на берегу Свевского моря (т. е. Балтики), имеют внешность и нравы свевов, но язык у них другой, более похожий, по мнению Тацита, на язык бриттов. Они поклоняются Матери богов и эмблемой своей религии считают изображения кабанов, которые они носят и которые им служат защитой даже в окружении врагов. Железо (железное оружие?) у них редкость, и они повсеместно используют дубины. Эстии выращивают пшеницу и другие продукты с большим тщанием, чем ленивые германцы, но более всего они занимаются морской добычей янтаря, который они сами никак не используют, а продают в необработанном виде (*Tacite*. La Germanie, XLV). В своем описании Германии Тацит, несомненно, пользовался самыми разными источниками. Е. Колендо отметил, что для Балтийского региона Тацит называет исключительно прибрежные народы, это свидетельствует о получении данной информации в результате каких-то морских контактов, возможно, торговых поездок (*Kolendo,* 1981. P. 100, 101). Также считается, что информация Тацита, по крайней мере частично, восходит к какому-то более раннему греческому источнику, где сведения о Балтике черпал и Плиний Старший (погиб в 79 г. н. э.) для своей «Естественной истории» (*Pekkanen,* 1968. P. 47). Впрочем, Плиний эстиев не упоминает.

Обычно эстиев соотносят с западными балтами, хотя подчеркивается и возможная полиэтничность группы, где балты были лишь одним из компонентов (*Kolendo,* 1981; *Okulicz,* 1986; *Nowakowski,* 1995; 1996. S. 113–115; *Kolendo,* 2008; 2009. S. 22; *Nowakowski*, 2009a. S. 44–47; *Bitner-Wróblewska,* 2010; *Bitner-Wróblewska, Wróblewski,* 2015). Высказывались и иные точки зрения – эстиев относили к финнам, германцам, кельтам и к «древнеевропейскому» населению Европы (подробнее см.: *Nowakowski,* 1996. S. 112, 113, там же библиография).

Эстии так же хорошо известны и в более позднее время, в VI–IX вв., когда они по-прежнему занимают приморский регион к востоку от Вислы (Кассиодор, Иордан, «Орозий» короля Альфреда, Эйнхард; см. подробнее: *Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 38, 39, там же библиография). Некое смятение в эту картину вносит Клавдий Птолемей, автор «Географического руководства», написанного в первой половине II в.[27] Согласно Птолемею, «по всему Венедскому заливу» (южное побережье Балтийского моря, в первую очередь Вислинский залив) (*Wołągiewic,* 1981a. S. 92; *Kolendo,* 1992. P. 187) живут венеды (*Οὐενέδαι, Venedai*), а ниже них,

[27] Сочинение Клавдия Птолемея, по мнению ряда исследователей, отражает появление в Римской империи какой-то новой информации о Юго-Восточной Прибалтике, возможно восходящей к несколько более раннему времени, может быть, к Марину Тирскому (*Kolendo,* 1981. P. 99). Другие историки настаивают на вторичном, компилятивном характере труда Клавдия Птолемея (*Шелов-Коведяев,* 1994. С. 47, 55–58).

то есть уже в глубине материка, указываются гитоны (*Γύθωνες, Gythones*), галинды (*Γαλινδαι, Galindai*), судины (*Σουδινοι, Soudinoi*) и ставаны (*Σταυανοι, Stavanoi*) «до алан». Северо-восточнее венедов на побережье живут вельты (*Οὐέλται, Veltai*), выше них, судя по контексту по морскому берегу, – оссии (*Οσσιοι, Ossioi*) (*Клавдий Птолемей*. Географическое руководство, III.5.7–10). Как видим, эстиев он не упоминает.

Впрочем, тождество оссиев Птолемея и эстиев Тацита представляется очень вероятным, что уже давно замечено исследователями (*Kolendo,* 1992. P. 188; *Nowakowski,* 1995. S. 82; *Kolendo,* 2009. S. 27). Однако часто оссиев локализуют к северо-востоку от Самбийского полуострова, вне зоны самбийско-натангийской культуры (*Nowakowski,* 1996. S. 111; *Žulkus,* 2000. S. 92. Abb. 3). При этом отмечается, что в балтийских языках *-usta*, *-osts*, *-uosts* означает «дельта», а созвучные имени оссиев топонимы известны в районе дельты Немана и в окрестностях Клайпеды (*Žulkus,* 2000. S. 92). Это, в частности, река Осса, приток Лаукне, впадающая в Куршский залив (*Удальцов,* 1946). Еще одна возможность – соотнесение с оссиями Птолемея народа *Oxionas*, упоминаемого Тацитом где-то на окраинах ойкумены. Это народ с человеческим лицом и звериным телом (*Tacite*. La Germanie, XLVI.6).

Для локализации оссиев Птолемея, а следовательно, для решения вопроса об имени носителей самбийско-натангийской культуры имеющиеся данные представляются явно недостаточными, что и является причиной разногласий в их интерпретации (подробнее см.: *Казанский, Мастыкова*, 2022б). Так, одни исследователи расселяют упомянутых Птолемеем венедов и вельтов на всем Балтийском побережье от Вислы до Немана (*Кулаков,* 2003. С. 82), другие же – только на территории, занятой тогда памятниками вельбаркской культуры к востоку от Нижней Вислы, где сосредоточена «венедская» топонимика (*Wołągiewic,* 1981a. S. 96, 101, 102. Ryc. 4; *Kolendo,* 1984. S. 644). В период B2 (70/80 – 160/170 гг.) вельбаркская зона охватывает территории до реки Пассарг / Пасленка (*Wołągiewic,* 1981a. S. 86. Ryc. 3; *Nowakowski,* 1996. Karte 16; *Казанский*, 2019).

Культурная и, видимо, этническая гетерогенность вельбаркского массива для любовидзской фазы признается практически всеми исследователями. Выделяются два основных компонента формирования вельбаркской культуры. Аллохтонный компонент, возможно связанный с каким-то скандинавским импульсом, представлен памятниками с каменными кругами группы Одры – Венсеры – Гжибница (Odry – Węsiory – Grzybnica), в любовидзской фазе известными только к западу от Вислы (см. карты: *Wołągiewic,* 1986. Abb. 2; 5; 7), и местный, связанный по происхождению с предшествующей вельбаркским памятникам по времени оксывской культурой, атрибуция которой остается неясной (*Wołągiewic,* 1981a. S. 86–88, 102. Ryc. 3; 1986. S. 65–70; см. также: *Щукин,* 2005. С. 35, 38, там же библиография). Вполне возможно, что искомые венеды, языковая принадлежность которых неясна (иллирийцы? кельты? романизированные выходцы из адриатической Венетии? носители каких-то древнеевропейских языков?: *Wołągiewic,* 1981a. S. 96; *Щукин,* 2005. С. 70; *Шувалов,* 2015)[28], могли входить в состав носителей этих автохтонных элементов вельбаркской культуры.

На связь этих балтийских венедов с территорией вельбаркской культуры может указывать и присутствие в «Географическом руководстве» Птолемея каких-то Венедских гор, последние находятся в Сарматии, т. е. к востоку от Вислы (*Клавдий Птолемей*. Географическое руководство. III. V.5) и явно недалеко от Балтийского побережья, учитывая приморскую локализацию птолемеевых венедов. По Е. Колендо, эти горы должны располагаться где-то около Мазурского поозерья (*Kolendo,* 1984. S. 644). Действительно, единственным местом вблизи южного берега Балтийского моря, где наблюдается хоть какой-то «горный» пейзаж, являются останцы Балтийской гряды. Один из таких останцов находится на территории современного Варминьско-Мазурского воеводства в Польше, западнее г. Ольштын; это Дылевские взгорья (Wzgórza Dylewskie) с наибольшей высотой на Дылевской Гуре (Dylewska

[28] Здесь мы не рассматриваем вопрос атрибуции средневековых венедов Юго-Восточной Прибалтики, см. о них, в частности: *Казанский*, 2010. С. 126–128.

Góra / Kernsdorfer Höhe) в 312 м от уровня моря, как раз на южной окраине территории вельбаркской культуры (см.: *Cieślinski,* 2010. Karte 1).

Еще более загадочны вельты Птолемея, которых не удается идентифицировать, хотя иногда их относят к славянам (см. библиографию: *Jaźdźewski,* 1988. S. 98, 99; *Шелов-Коведяев,* 1994. С. 59, 60). Если отождествление венедов с вельбаркскими памятниками к востоку от устья Вислы, на территории вельбаркской культуры, предложенное Р. Волангевичем и Е. Колендо, справедливо, то вельтов надо искать непосредственно к востоку от них (*Wołągiewic,* 1981a. S. 96, 101, 102. Ryc. 4; *Kolendo,* 1984. S. 644). Поскольку территория от Вислы до бассейна реки Пасленка в период B2 (70/80 – 160/170 гг.), т. е. в эпоху Птолемея, занята памятниками вельбаркской культуры, то вельты скорее локализуются на территории Натангии, к востоку от р. Пасленка, занятой в этот период памятниками самбийско-натангийской культуры (*Andrzejowski, Cieśliński*, 2007. Ryc. 2; *Кулаков,* 2003. Рис. 1В; *Казанский,* 2010. С. 128; 2019). Их восточными соседями (на Самбийском полуострове или еще восточнее?) как раз и оказываются оссии Птолемея, которых соотносят с эстиями Тацита, хотя, как уже было сказано, для неопровержимого доказательства их тождества данных явно недостаточно. Но, с другой стороны, вельты вместе с венедами также могли быть носителями вельбаркской культуры, и в этом случае их территория находилась к западу от р. Пасленка, земли к востоку от этой реки занимали оссии.

Таким образом, сведения Клавдия Птолемея не дают надежных оснований для «выселения» эстиев из Самбии. Другое дело, что их исключительное «балтийство» вызывает обоснованные сомнения у археологов. Прямая эволюция культуры западнобалтских курганов раннего железного века в самбийско-натангийскую культуру римского времени надежно пока не прослеживается, следовательно, характеризовать носителей самбийско-натангийской культуры как исключительно автохтонов нельзя. Здесь представляется уместным остановиться на свидетельствах присутствия внешнего, точнее германского, компонента в составе носителей самбийско-натангийской культуры.

Контакты эстиев с их соседями, носителями вельбаркской культуры, представлены целым рядом артефактов (украшения и элементы костюма, керамика), имеющих прототипы в вельбаркских древностях (*Nowakowski*, 1996. S. 59, 98–100). Судя по картографии вельбаркских и самбийско-натангийских памятников, между ними сначала существовала зона «взаимного страха», выразившаяся в отсутствии следов обитания вдоль пограничья этих культур. Затем, уже в течение периода B2, т. е. в 70/80 – 160/170 гг., отношения между ними налаживаются и незаселенная полоса между ареалами этих двух культур исчезает (*Andrzejowski, Cieśliński,* 2007. S. 280, 281; *Скворцов*, 2013. С. 41, 42). Особенно тесные контакты носителей вельбаркской и самбийско-натангийской культур устанавливаются уже в позднеримское время (*Andrzejowski, Cieśliński,* 2007. S. 282; *Скворцов,* 2013. С. 43).

В. И. Кулаков вслед за исследователями начала – первой половины XX в. (Н. Оберг, В. Герте, К. Энгель, В. Ла Бом; подробнее см.: *Хомякова,* 2014. С. 164, там же библиография) объясняет германское влияние, особенно ощутимое с конца II в., переселением в самбийско-натангийскую зону носителей вельбаркской и пшеворской культур, а также выходцев с острова Готланд и из Дании. Признаками влияния этих пришельцев в погребальном обряде самбийско-натангийской культуры является наличие каменных обкладок концентрической конструкции, таких как в погребениях 1.1893 г., 3.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г., 20.1893 г., 29.1893 г. некрополя Шлакалькен-2 (4) (табл. 107: *1*; 108: *1*; 110: *8*; 111: *1*; 113: *1*; 120: *1*), каменных стел, присутствие в могилах оружия, обычай ритуального захоронения шкуры лошади. При этом собственно западные балты оказываются здесь, по В. И. Кулакову, в меньшинстве, поскольку потомки носителей культуры западнобалтских курганов раннего железного века оттеснены пришельцами в Мазурское поозерье и на Литовское взморье (*Кулаков,* 2003. С. 57–59, 88, 127, 128; 2017a. С. 105, 106).

Идея о хотя бы частичном «германстве» эстиев вроде бы подтверждается и сообщением Тацита, оно уже цитировалось выше, о том, что эстии по внешности и нравам напоминают

свевов, хотя и имеют другой язык, по его мнению, близкий бриттскому (*Tacite*. La Germanie. XLV).

В том, что касается вельбаркского воздействия на погребальный обряд самбийско-натангийской культуры, все же надо помнить, что у «вельбаркцев» практически полностью исключено помещение оружия в могилы, столь обычное для самбийско-натангийских захоронений, а также отсутствуют захоронения коней или конской шкуры (обычно выражается в присутствии черепа и костей конечностей лошади). В то же время вельбаркское влияние на материальную культуру эстиев проявляется в керамике и в личном уборе, что неоднократно подчеркивалось исследователями.

При изучении германских параллелей погребальным обрядам самбийско-натангийской культуры более перспективным представляется их поиск скорее в Скандинавии римского времени (*Скворцов,* 2013. С. 41, 42). Это подтверждается не только наличием в обоих регионах общих черт погребального обряда, но и аналогиями в материальной культуре, в частности, в типах фибул и поясной гарнитуры (*Nowakowski,* 1996. S. 102, 103; *Nowakowski*, 2009a. S. 53–55).

Что касается погребений с различными каменными конструкциями (заклады, обкладки, каменные круги и пр.) в Самбии и Натангии, то они в римское время, как уже говорилось, хорошо представлены в Скандинавии. В первую очередь это касается захоронений в каменных, прямоугольной формы, обкладках/«ящиках» внутри каменного круга, как в могильнике Шлакалькен-2 (4), часто с оружием (на Шлакалькене – три из четырех погребений этого типа: 1.1893 г., 13.1893 г., 14.1893 г.; табл. 107: *1*; 110: *8*; 111: *1*). Также в скандинавском регионе имеются параллели использования шкуры коня в ритуальных целях. Типичен для Скандинавии римского времени и биритуализм, т. е. сочетаемость в одном некрополе ингумаций и кремаций (см.: Первая глава). В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что появление в некрополе Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4) нескольких могил с оружием и каменными конструкциями (кругами, «ящиками») отражает появление здесь какой-то группы выходцев из Скандинавии (*Казанский, Мастыкова*, 2022а).

Публикуемый нами могильник Заостровье-2 (7)/Шлакалькен-2 (4) входит в плотную группу памятников, занимавших в римское время северную часть Самбийского полуострова (*Khomiakova*, 2016. Fig. 2; 3). В эту группу входят такие важные могильники римского времени, как, например, Долькайм-Ковово, Айслитен-Геройское, Романово – Пугачевский пруд или Алейка-3. Эта группа фиксируется здесь и в более позднее меровингское время (см.: *Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. Рис. 38), по всей вероятности, она соответствует какой-то группе населения, структура которой (племя? вождество?; см.: *Казанский, Мастыкова, Скворцов*, 2017) может быть темой последующих исследований.

РИСУНКИ

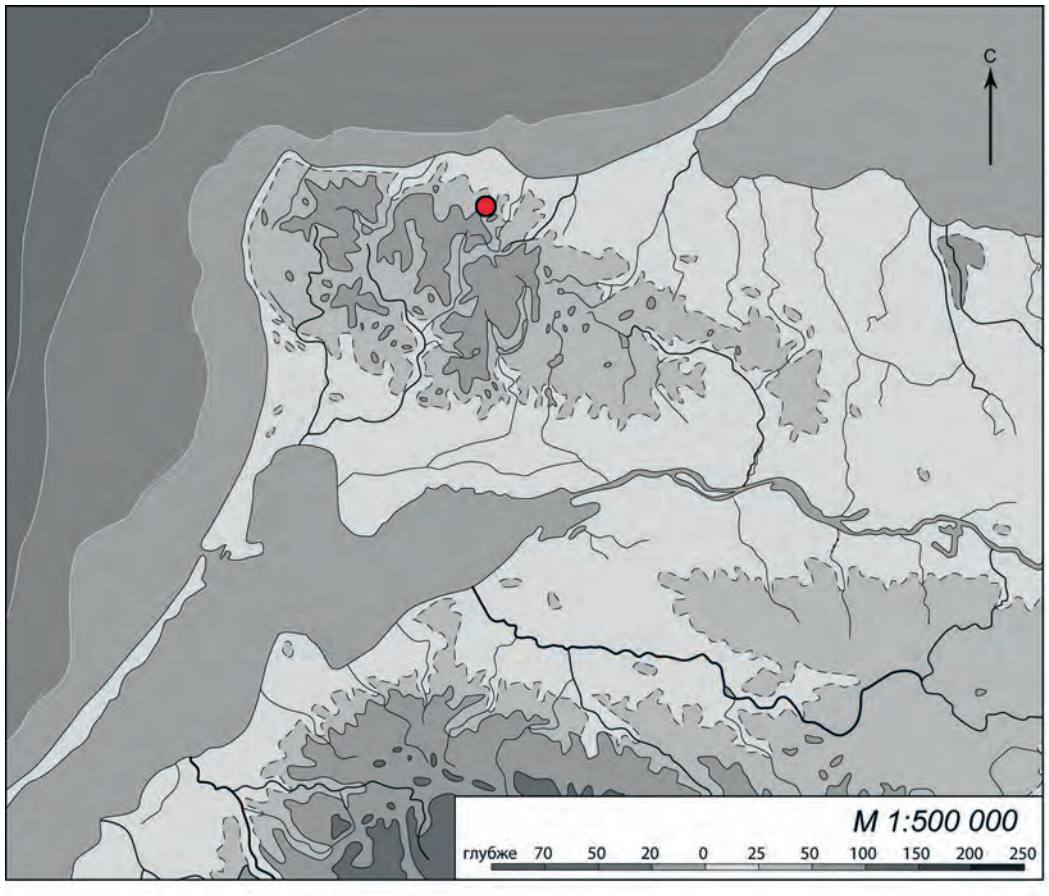
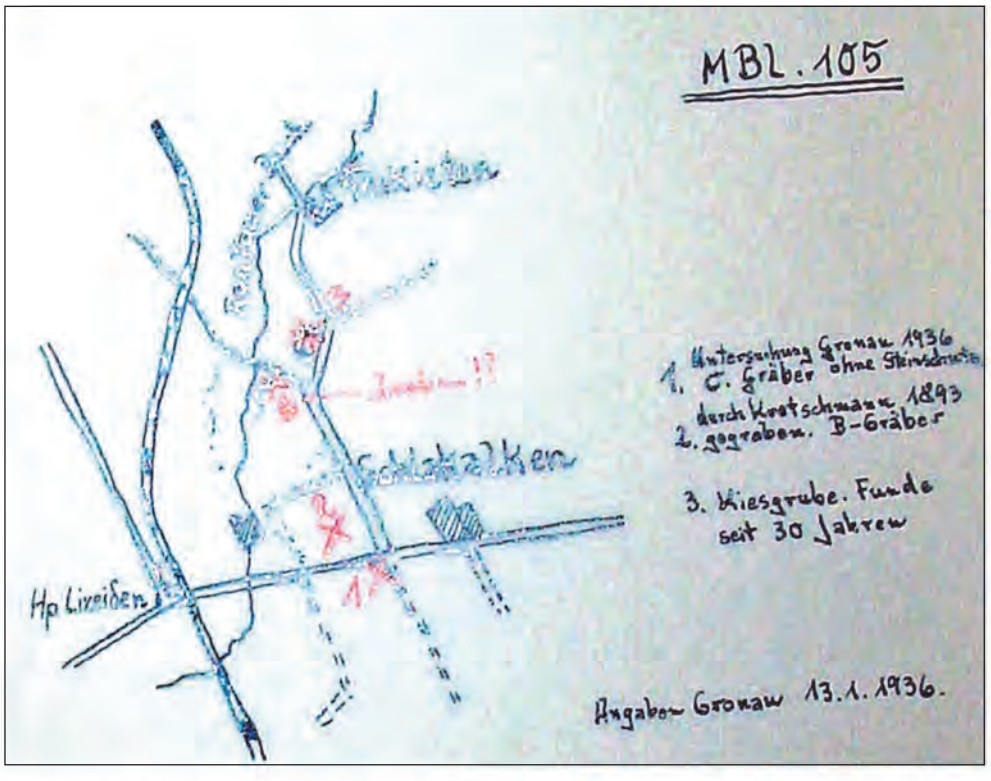
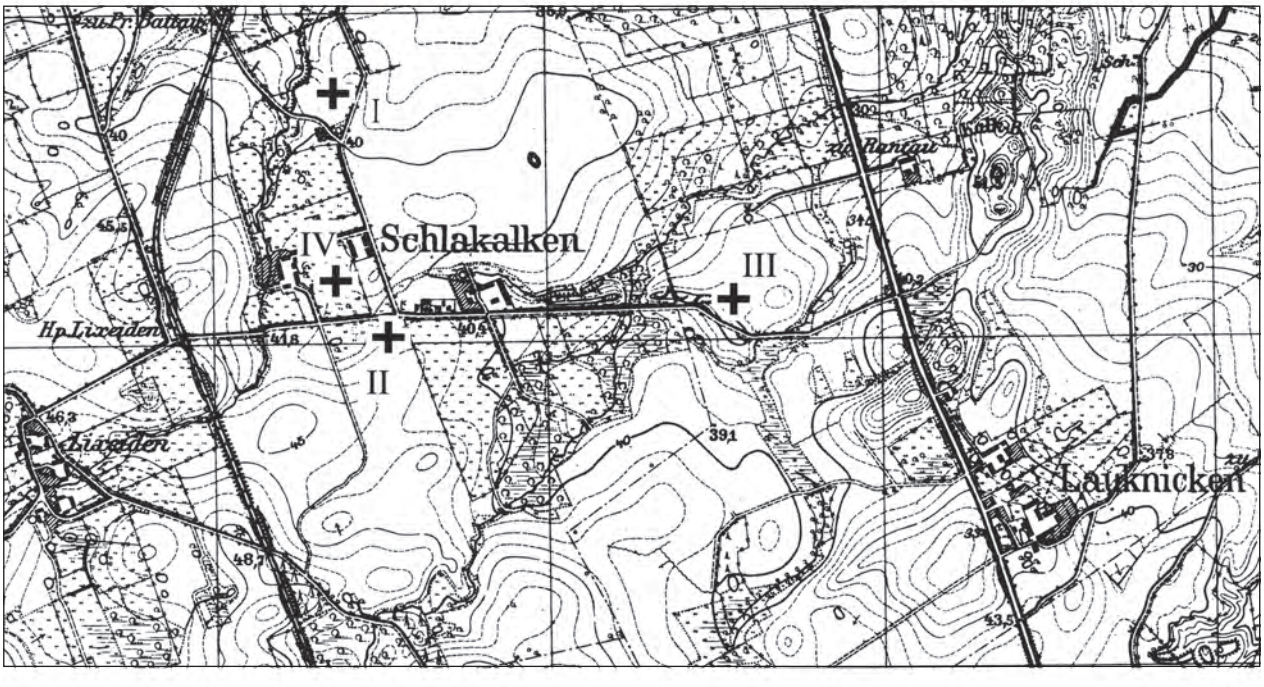

Рис. 1. Местоположение могильника Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4)

1

2

Рис. 2. Местоположение некрополей у хутора Шлакалькен по данным немецких исследователей

1: схематический план мест довоенных раскопок у хутора Шлакалькен.

1 – место раскопок В. Гронау в 1936 г., погребения без каменных закладов; 2 – место раскопок К. Кретчмана в 1893 г.; 3 – находки в гравийном карьере в 30-е гг. XX в.

2: расположение могильников Шлакалькен у хутора Шлакалькен по данным Г. Янкуна.

1: по Rudolf Grenz Archiv, B. 39; Samland – Archiv. Fundkartei. MBL 105; 2: по *Hilberg*, 2009. Abb. 10.41

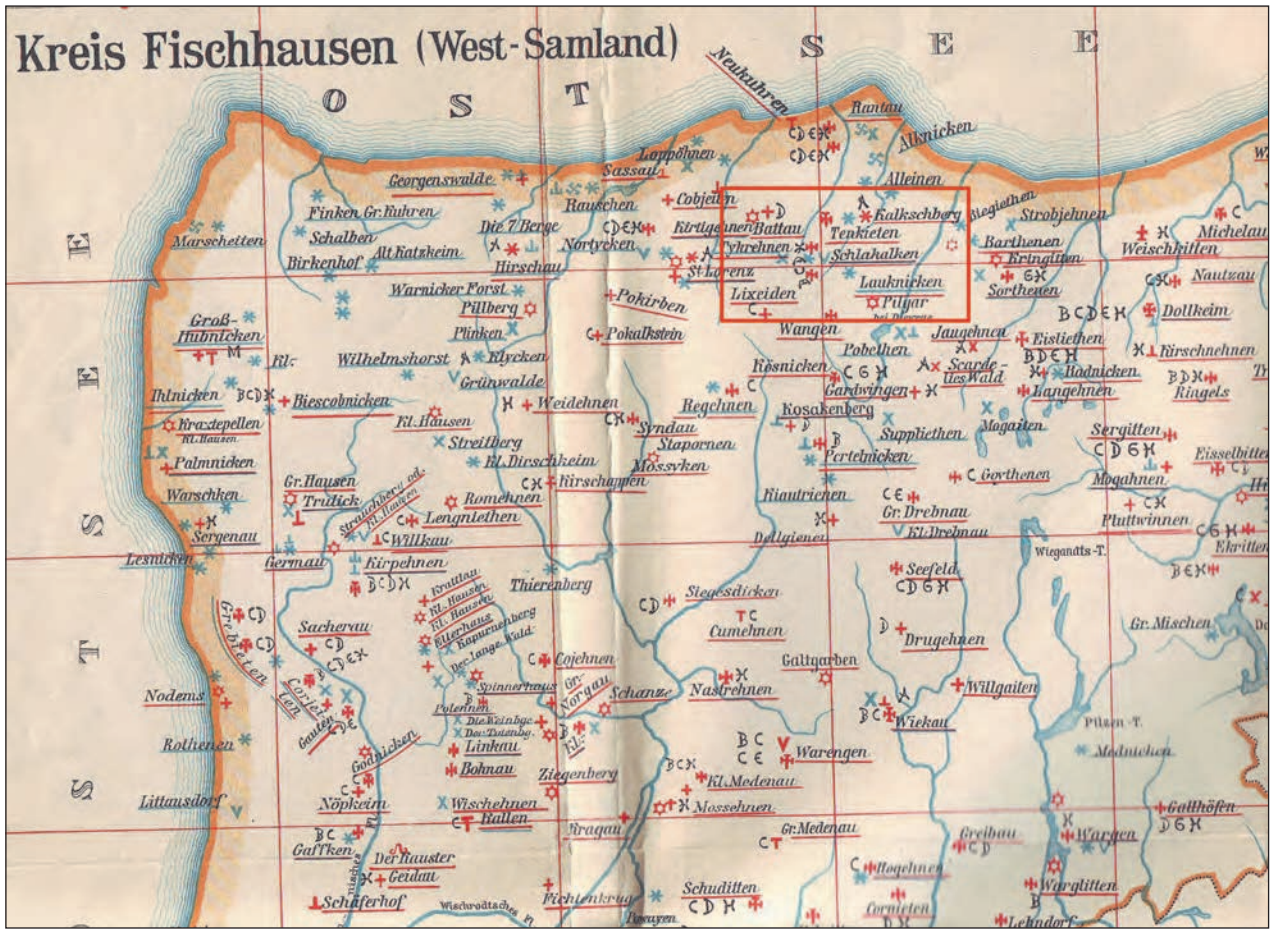

Рис. 3. Некрополи в районе хутора Шлакалькен на карте Э. Холлака
По: *Hollack*, 1908. Sektor Karten 21/22. S. 144

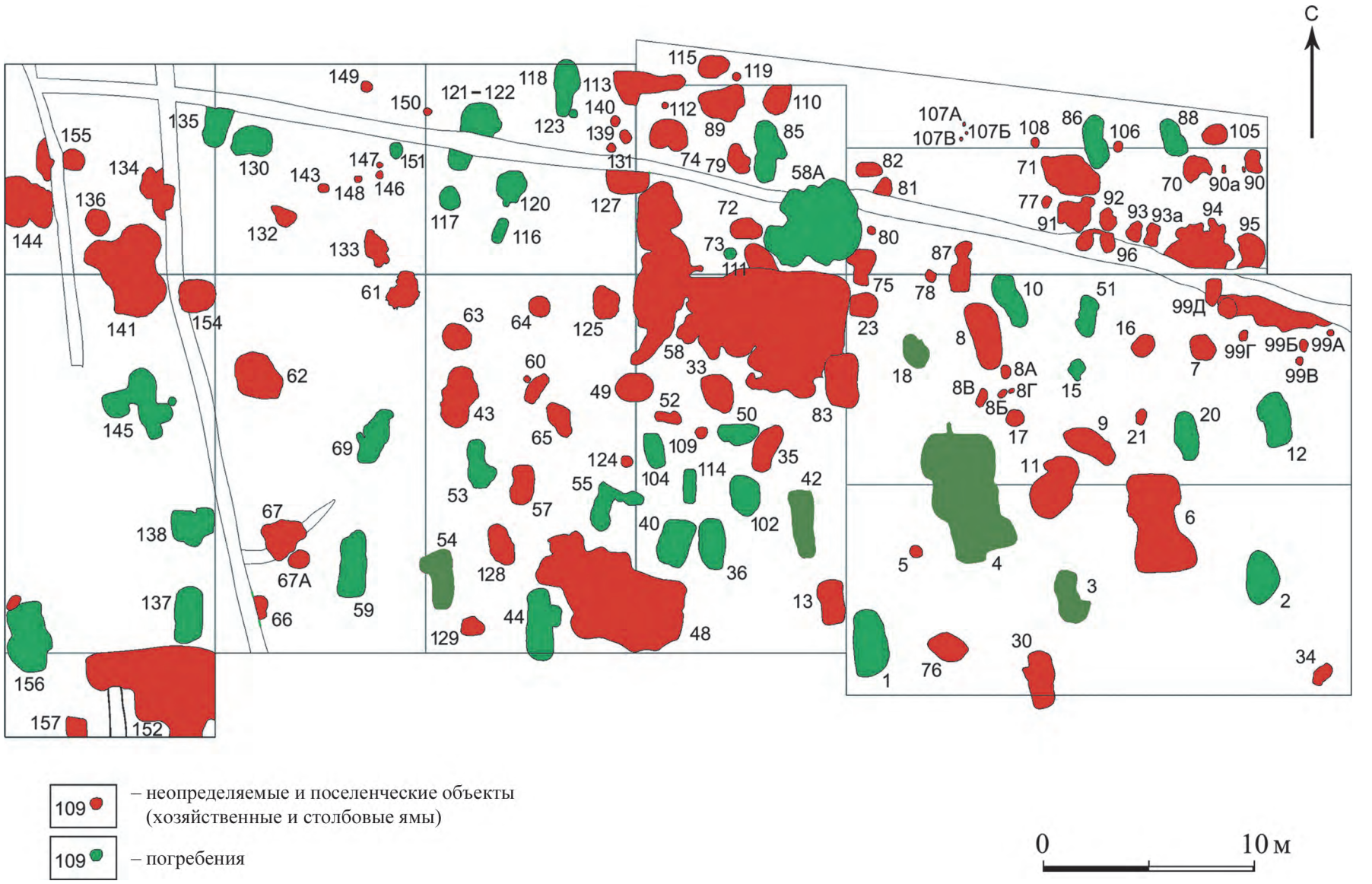

Рис. 4.1. Заостровье-2. Раскопки 2011 г. Северный сектор

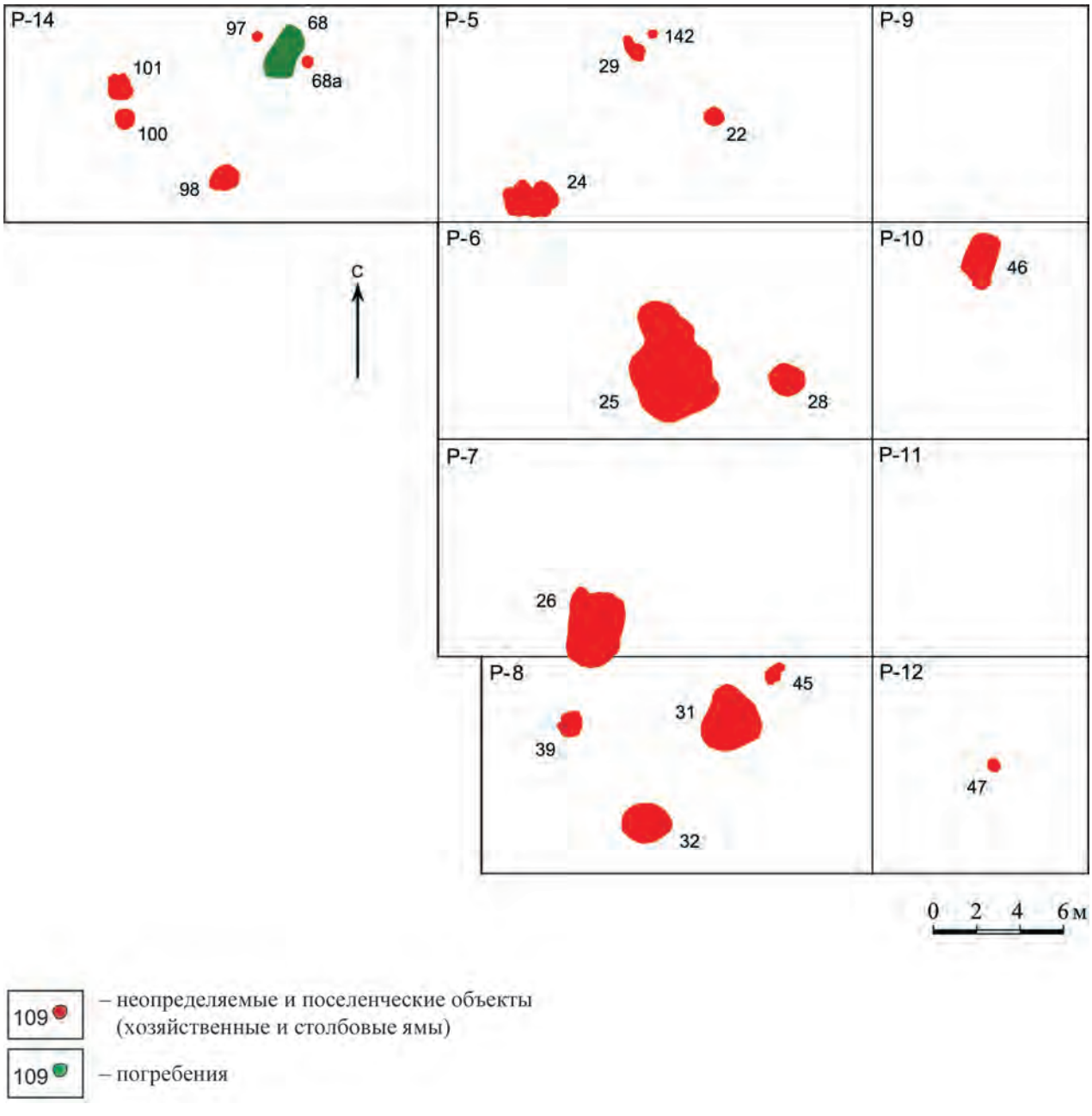

Рис. 4.2. Заостровье-2. Раскопки 2011 г. Южный сектор

Рис. 5. Заостровье-2. Раскопки 2011 г. Сводный план изученных погребений

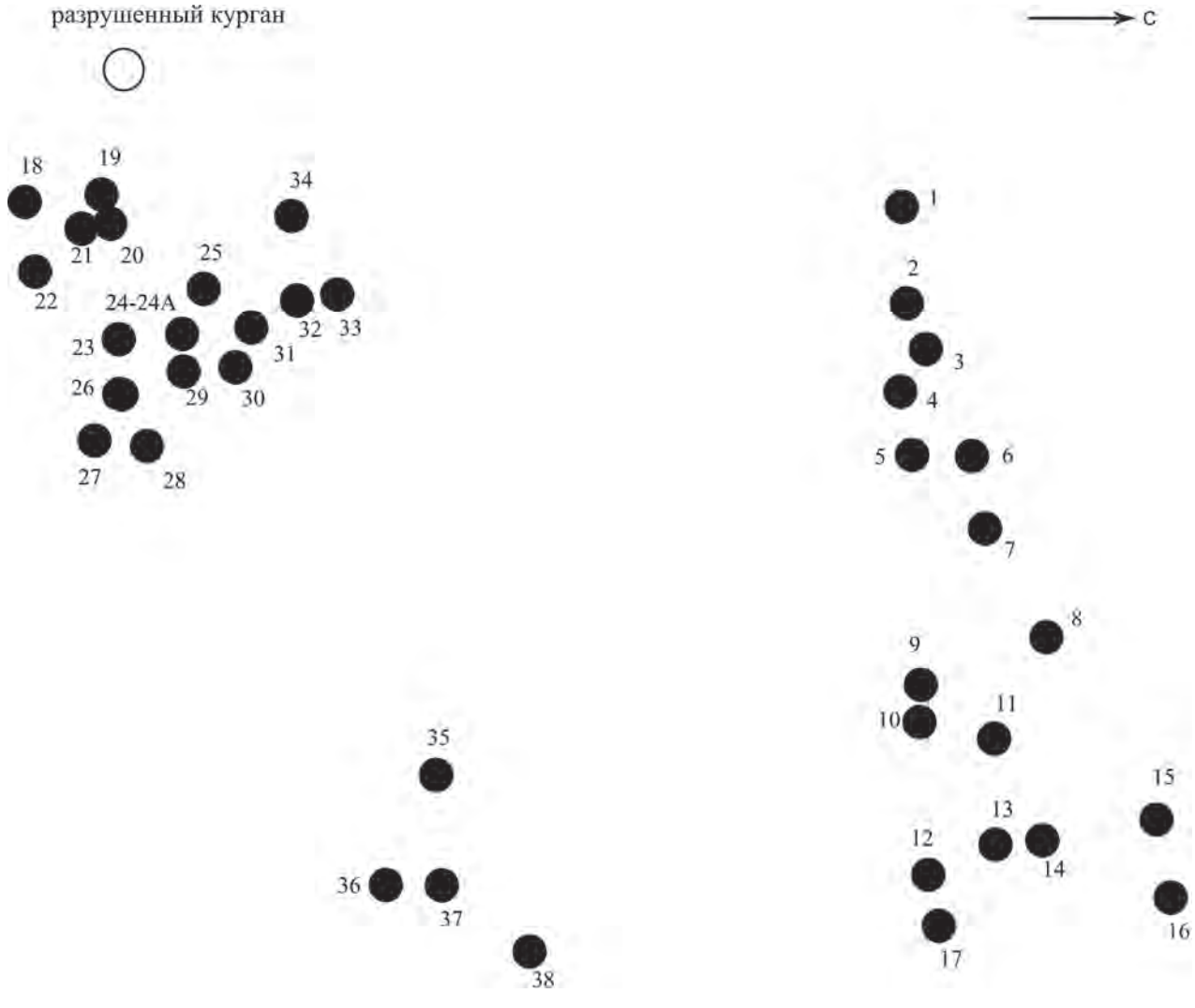

Рис. 6. Могильник Шлакалькен-2 (4). План участка, исследованного в 1893 г.
По: *Jankuhn*, 1939. Taf. II

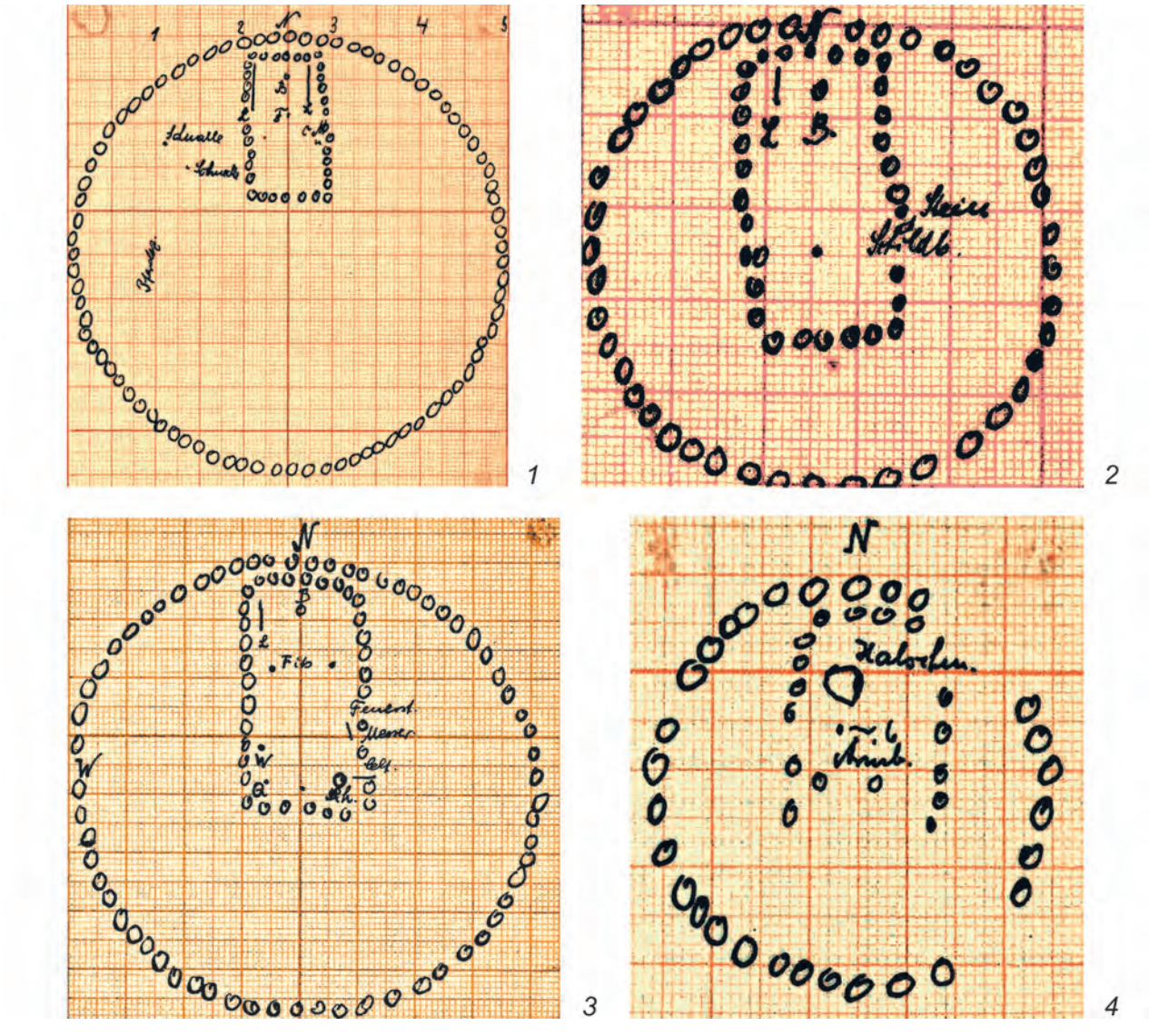

Рис. 7. Могильник Шлакалькен-2 (4). Планы погребений с каменными кругами и прямоугольными обкладками
1: погребение 1.1893 г.; *2*: погребение 14.1893 г.; *3*: погребение 13.1893 г.; *4*: погребение 29.1893 г.
По: Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken

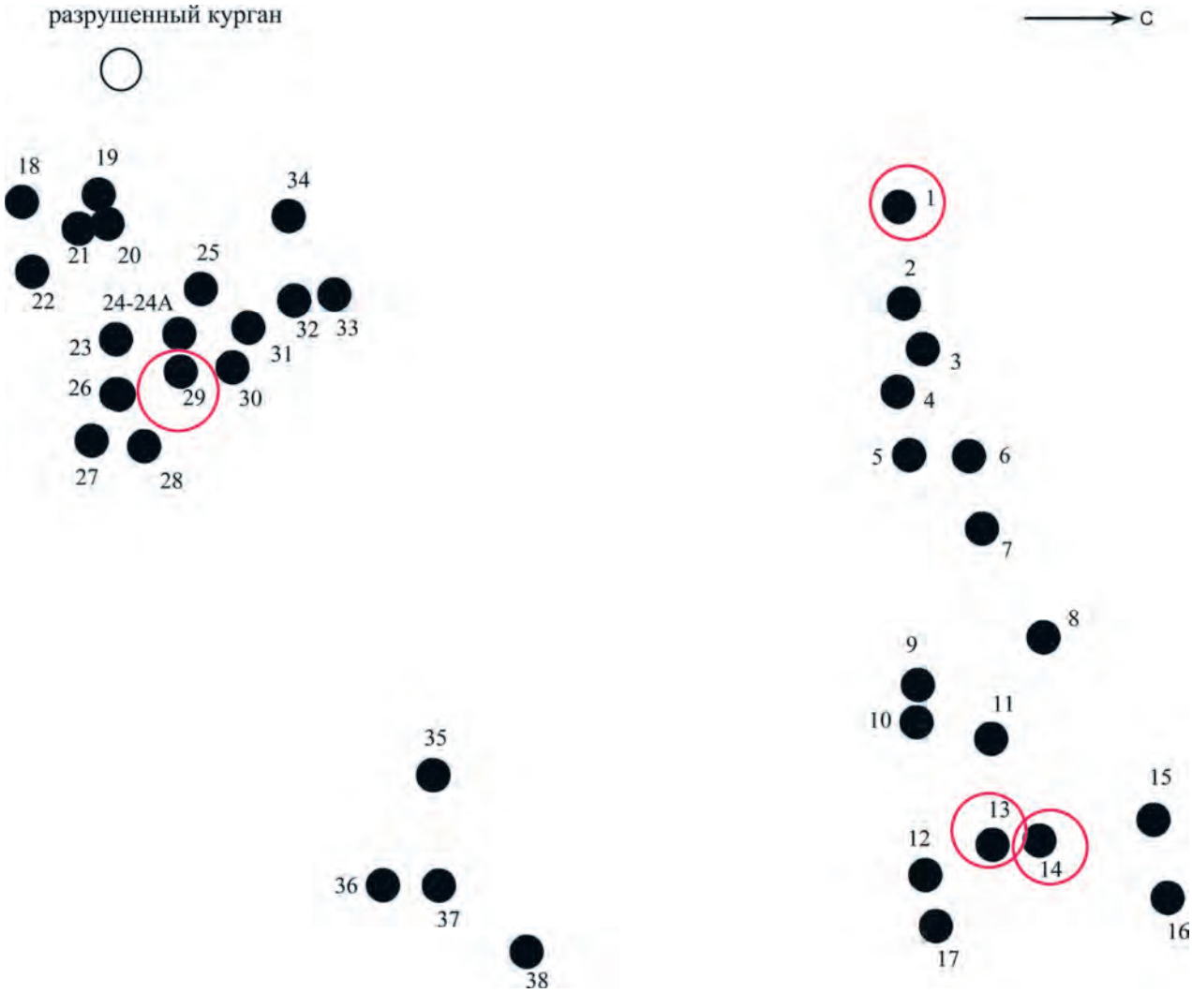

Рис. 8. Могильник Шлакалькен-2 (4). Топография погребений с каменными кругами и прямоугольными обкладками

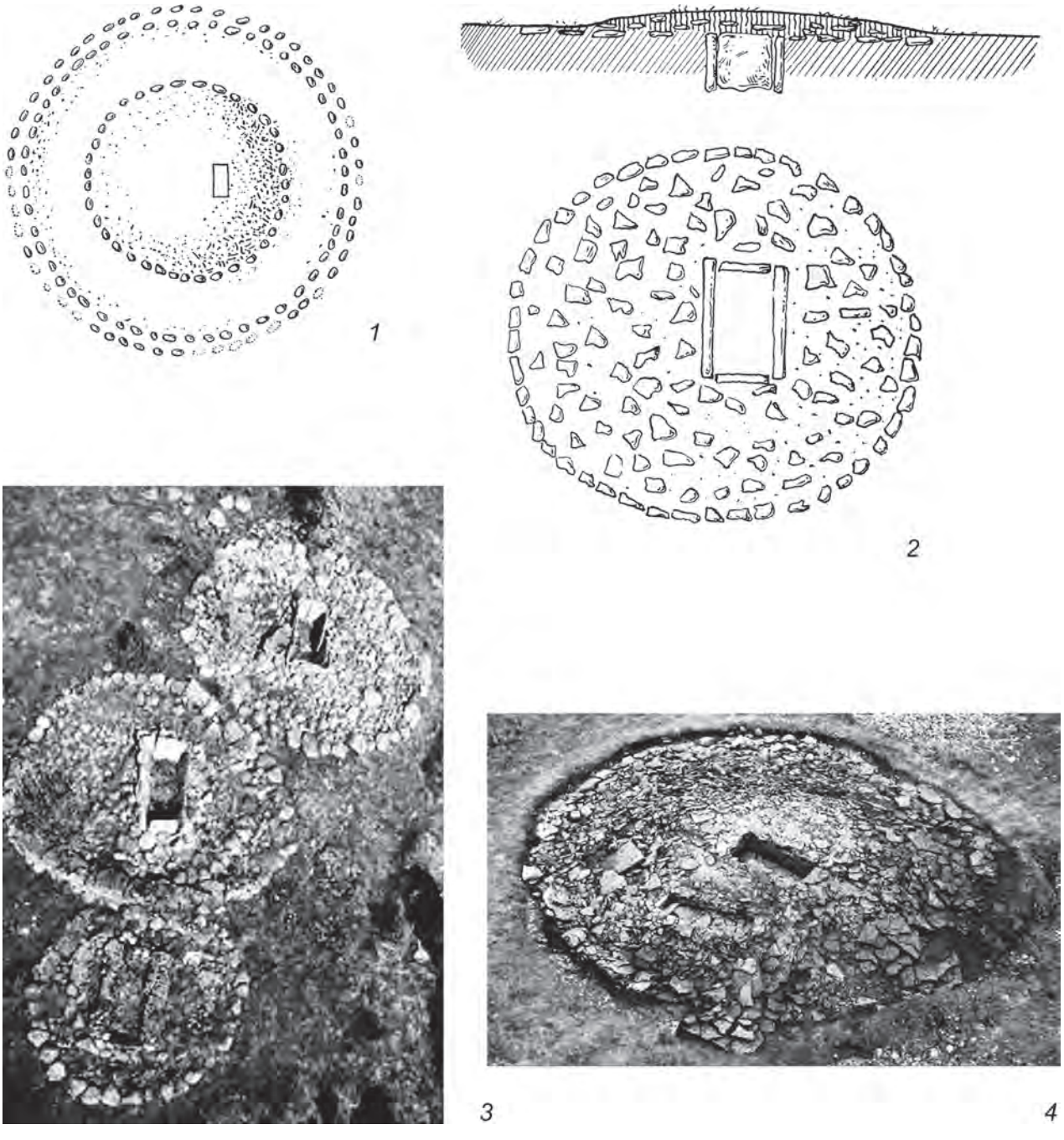

Рис. 9. Могильники с каменными кругами Балтийского региона
1: Эндрегерда / Endregårda, Готланд; *2*: Кнутс / Knuts, Готланд; *3*: Муукси / Muuksi, Эстония; *4*: Ребала / Rebala, Эстония.
1, 2: по *Almgren, Nerman*, 1923. Textfigur 154, 155; 3, 4: по *Lang*, 2007. Fig. 85, 86

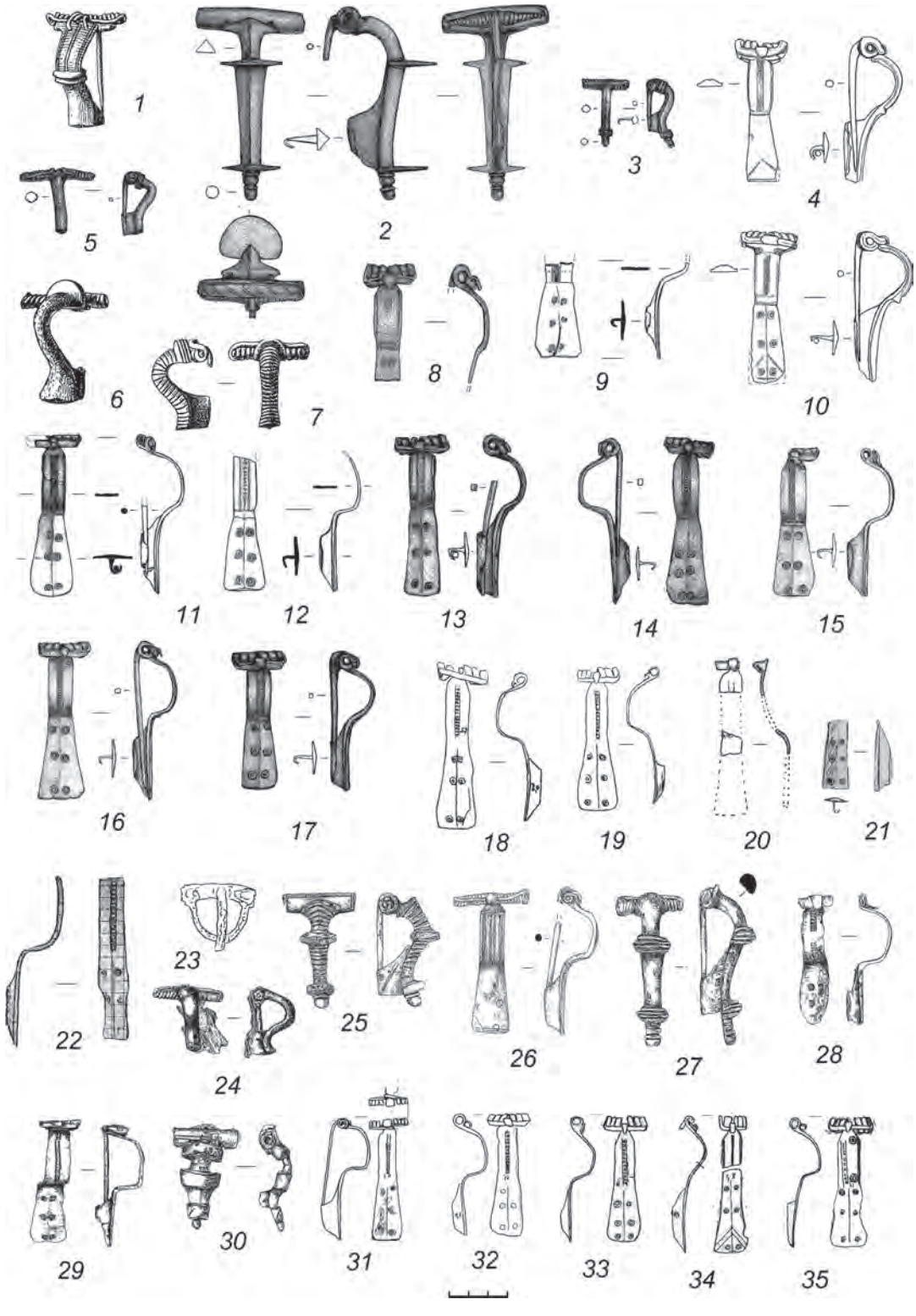

Рис. 10. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Фибулы
1: погр. 24А.1893 г.; *2*: погр. 4.2011 г.; *3*: погр. 51.2011 г.; *4*: погр. 104.2011 г.; *5*: погр. 44.2011 г.; *6*: погр. 1.1893 г.; *7*: погр. 29.1893 г.; *8*: погр. 1.2011 г.; *9*: погр. 68.2011 г.; *10*: погр. 104.2011 г.; *11, 12*: погр. 68.2011 г.; *13*: погр. 2.2011 г.; *14*: погр. 44.2011 г.; *15, 16*: погр. 88.2011 г.; *17*: погр. 51.2011 г.; *18–20*: находки вне контекста 1893 г.; *21*: погр. 1.1893 г.; *22*: погр. 13.1893 г.; *23*: погр. 38.1893 г.; *24*: погр. 10.2010 г.; *25–27*: погр. 1.2010 г.; *28*: погр. 3.2010 г. / захоронение 2; *29*: 10.2010 г.; *30*: погр. 5.2010 г.; *31, 32*: погр. 20.1893 г.; *33–35*: 3.1893 г.
Масштаб для фибул из раскопок 2010 и 2011 гг.

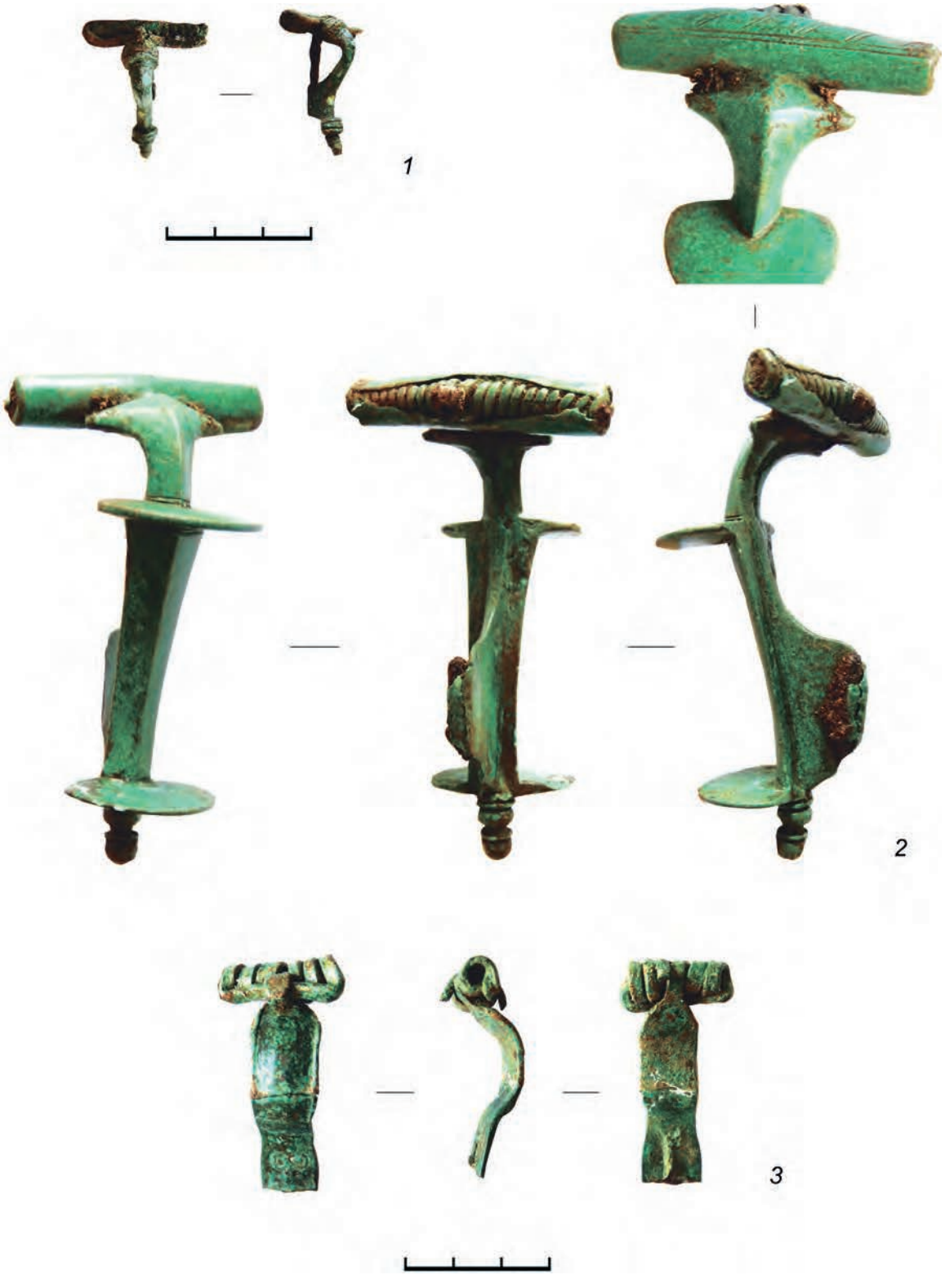

Рис. 11. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Фибулы
1: погр. 51.2011 г.; *2*: погр. 4.2011 г.; *3*: погр. 1.2011 г.

Рис. 12. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Фибулы
1: погр. 2.2011 г.; *2*: погр. 51.2011 г.; *3–5*: погр. 68.2011 г.; *6, 7*: погр. 88.2011 г.

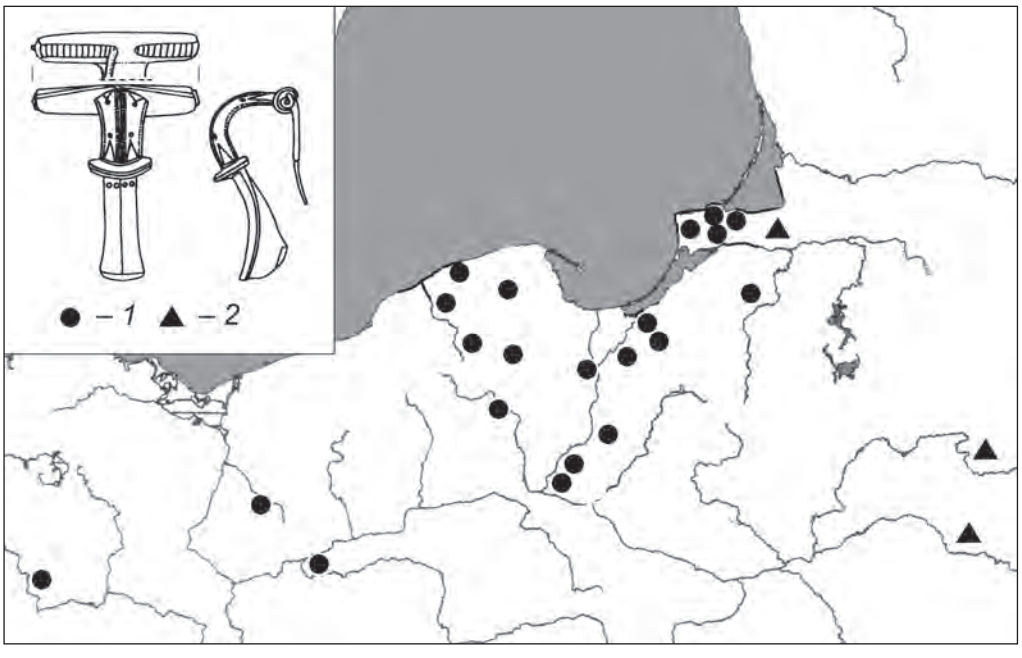

Рис. 13. Распространение фибул Альмгрен 42 в Южной Прибалтике
1 – тип 42; *2* – тип 41/42. По: *Olędzki*, 1998. Abb. 18

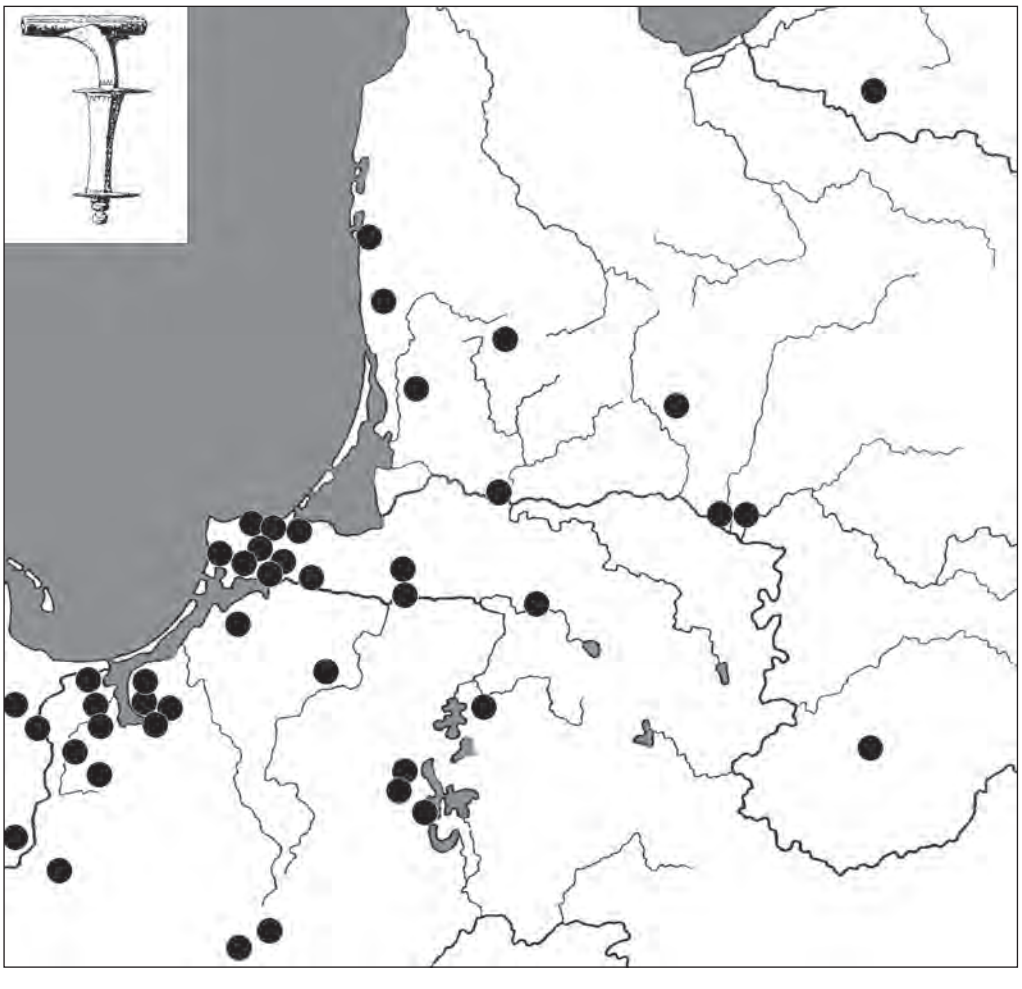

Рис. 14. Распространение фибул Альмгрен 72
По: *Nowakowski*, 1996. Karte 4

Рис. 15. Распространение фибул Альмгрен 52 в Южной Прибалтике
По: *Chilińska-Früboes*, 2018. Мара 1

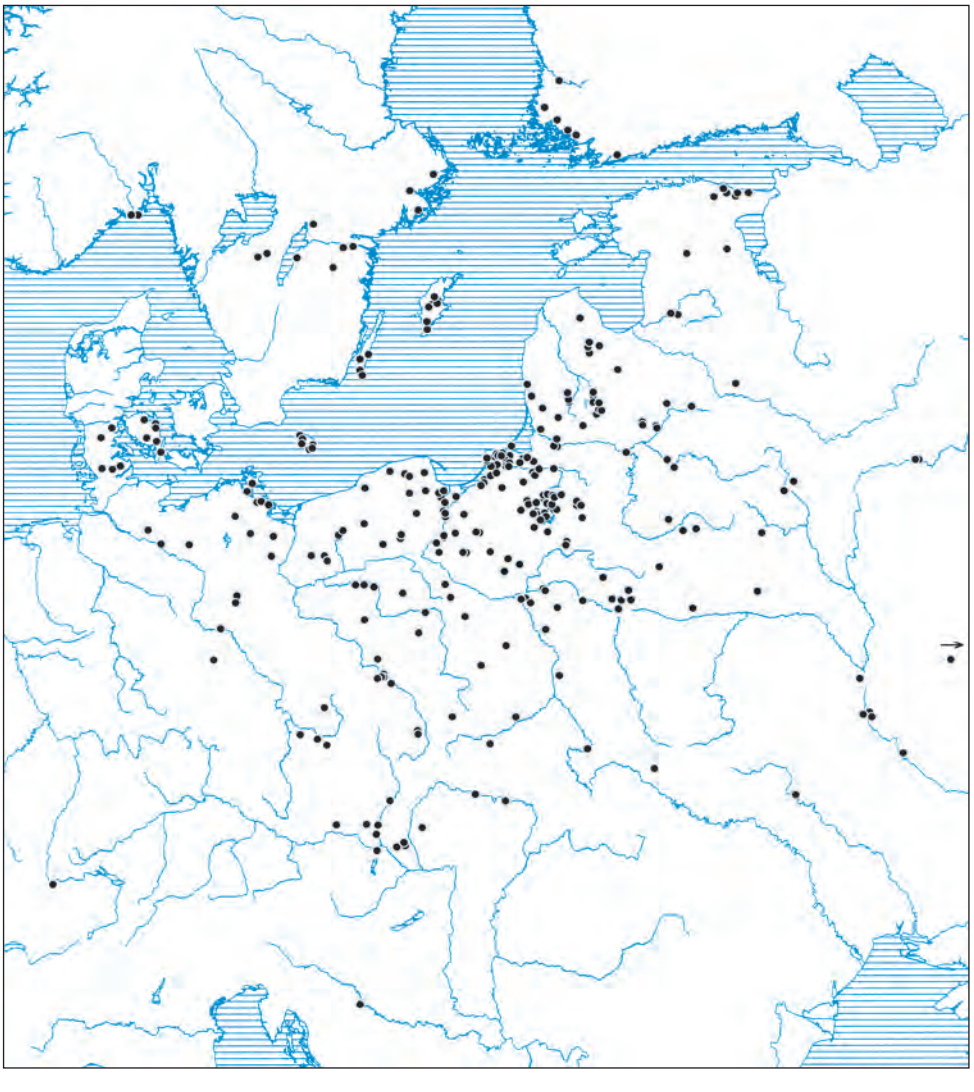

Рис. 16. Распространение фибул прусской серии
По: *Pfeffer-Frohnert*, 1998. Abb. 1, с некоторыми дополнениями

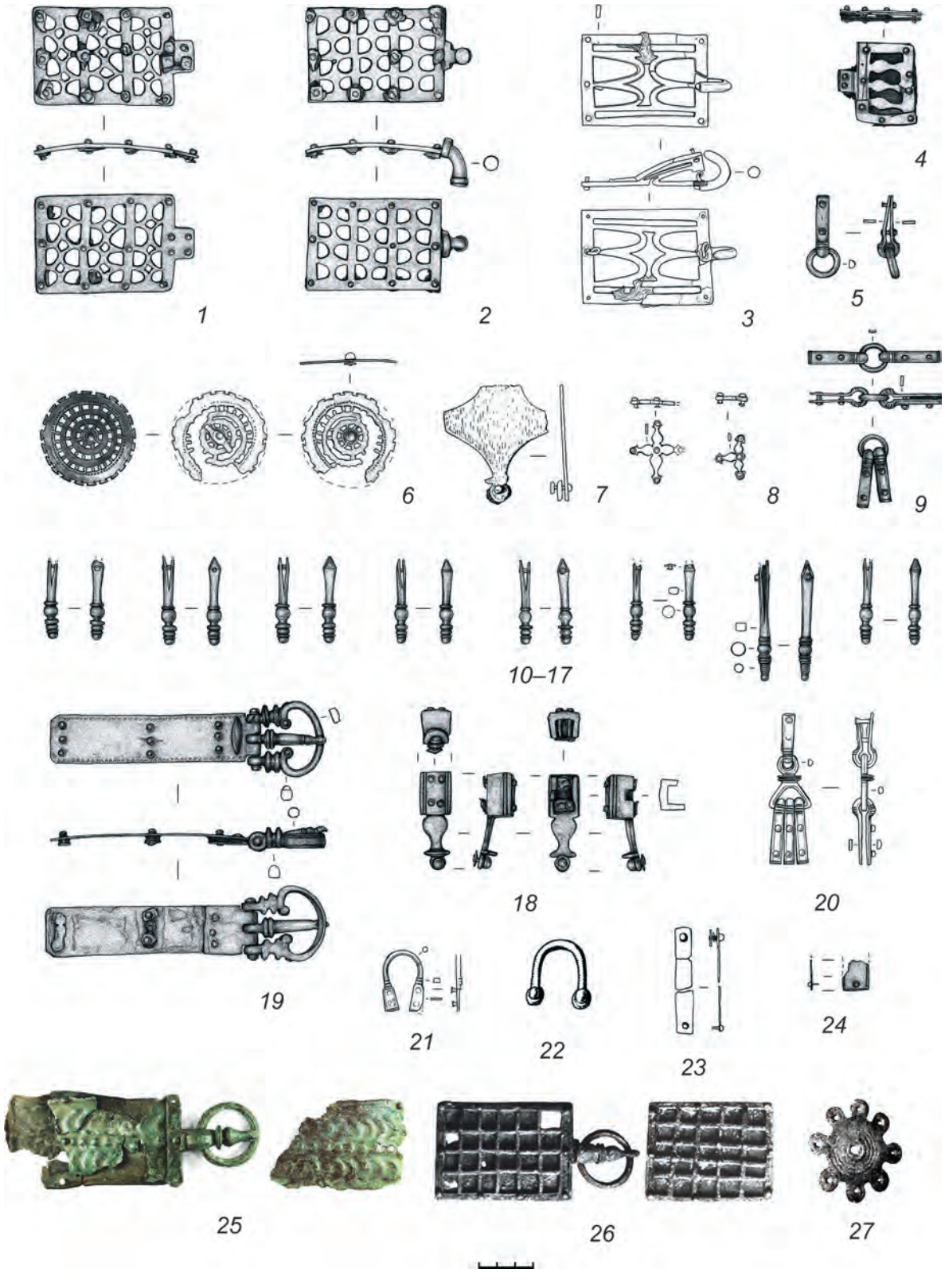

Рис. 17. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Элементы ременной гарнитуры
1, 2: погр. 137.2011 г.; *3*: погр. 68.2011 г.; *4*: погр. 86.2011 г.; *5*: погр. 44. 2011 г.; *6*: погр. 145.2011 г.; *7*: погр. 5.1893 г., *8–21*: погр. 44.2011 г.; *22*: погр. 3.1893 г.; *23*: погр. 5.1893 г.; *24*: погр. 44.2011 г.; *25*: погр. 20.1893 г.; *26*: погр. 3.1893 г.; *27*: погр. 24А.1893 г.

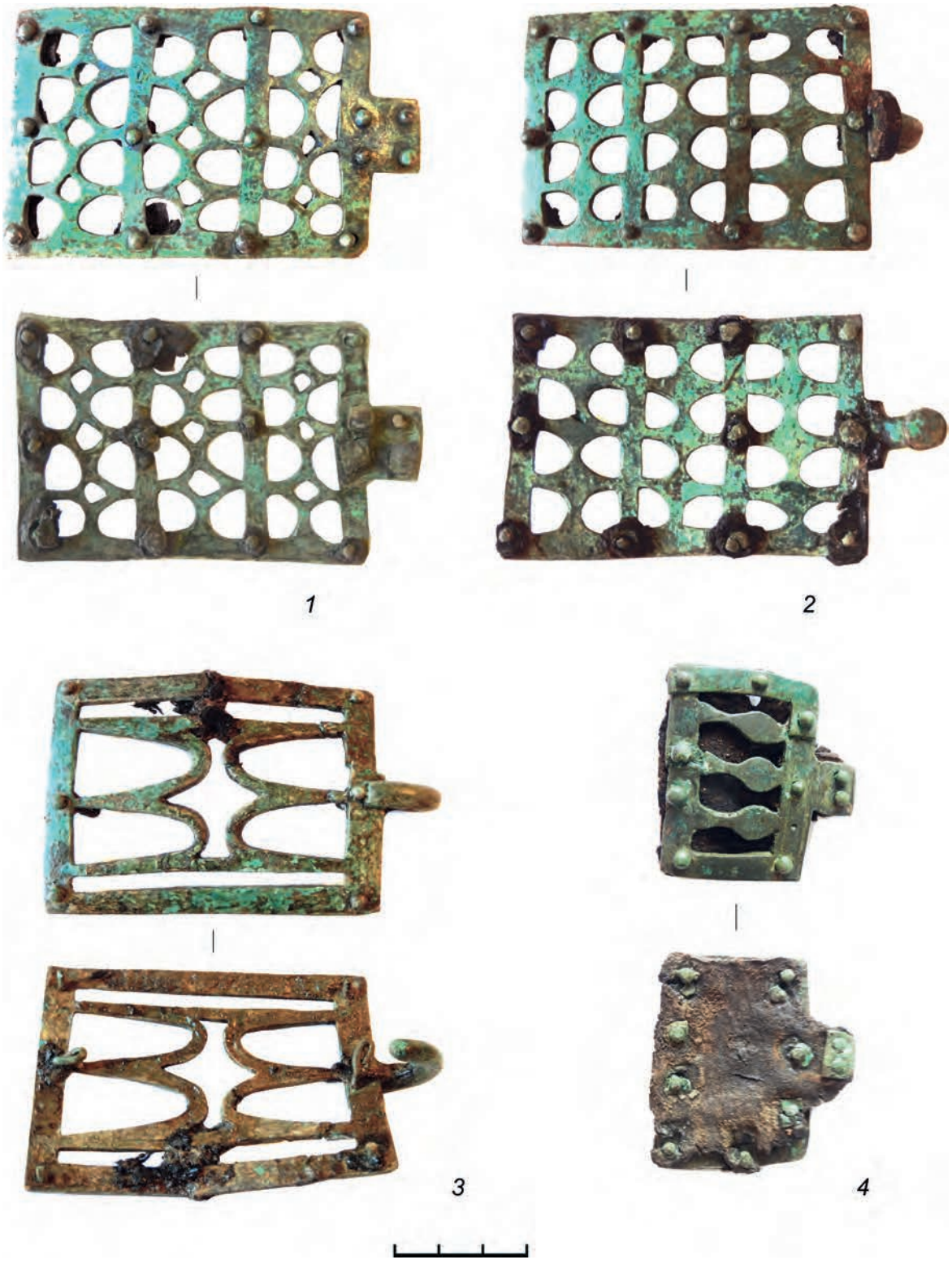

Рис. 18. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Самбийские пояса
1, 2: погр. 137.2011 г.; *3*: погр. 68.2011 г.; *4*: погр. 86.2011 г.

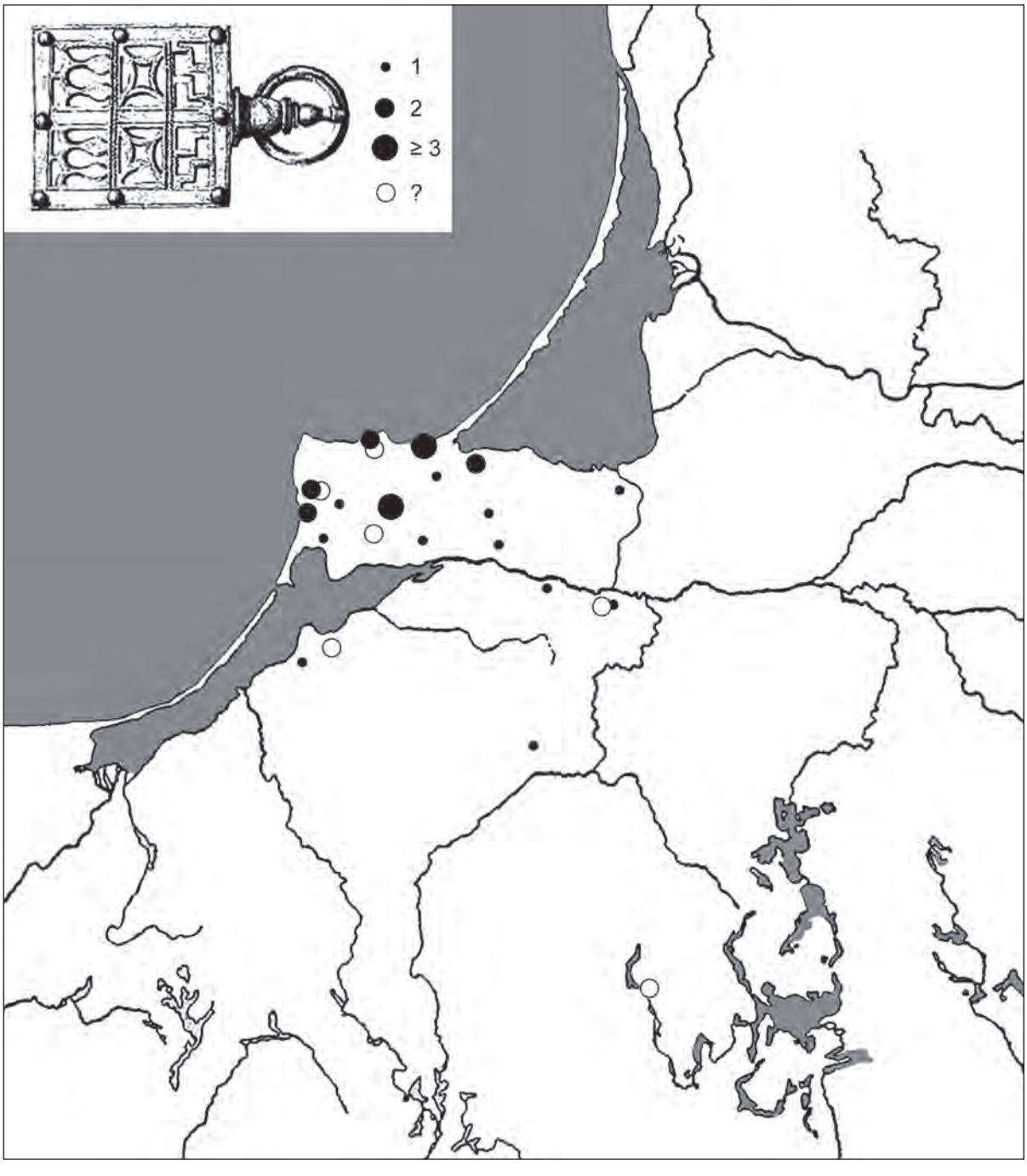

Рис. 19. Распространение самбийских поясов
По: *Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 1

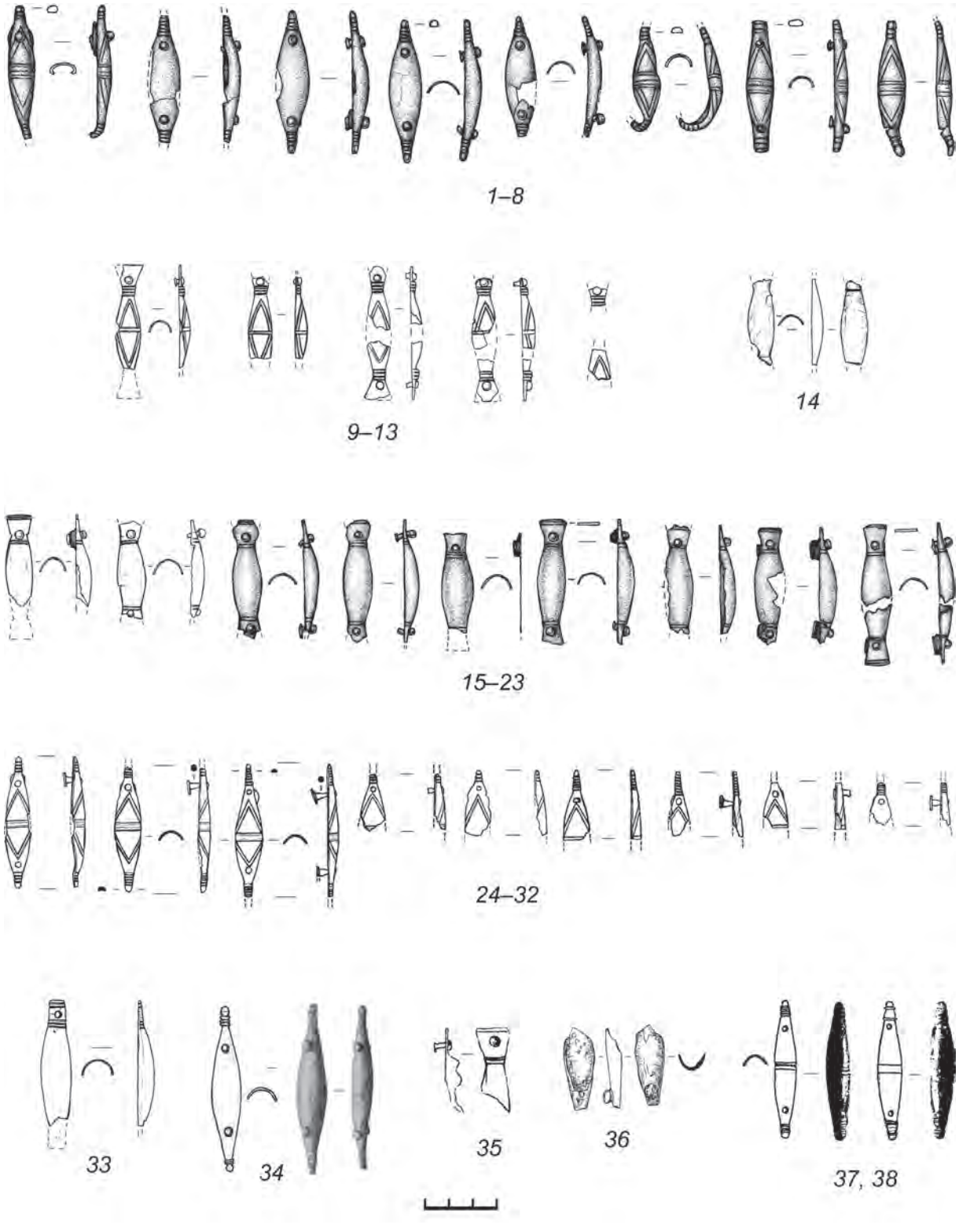

Рис. 20. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Поясные ладьевидные накладки *1–8*: погр. 86.2011 г.; *9–13*: погр. 118.2011 г.; *14*: 145.2011 г.; *15–23*: погр. 137.2011 г.; *24–32*: погр. 68.2011 г.; *33*: погр. 123.2011 г.; *34*: погр. 3.1893 г.; *35*: погр. 24А.1893 г.; *36*: погр. 2.2010 г.; *37, 38*: погр. 20.1893 г.

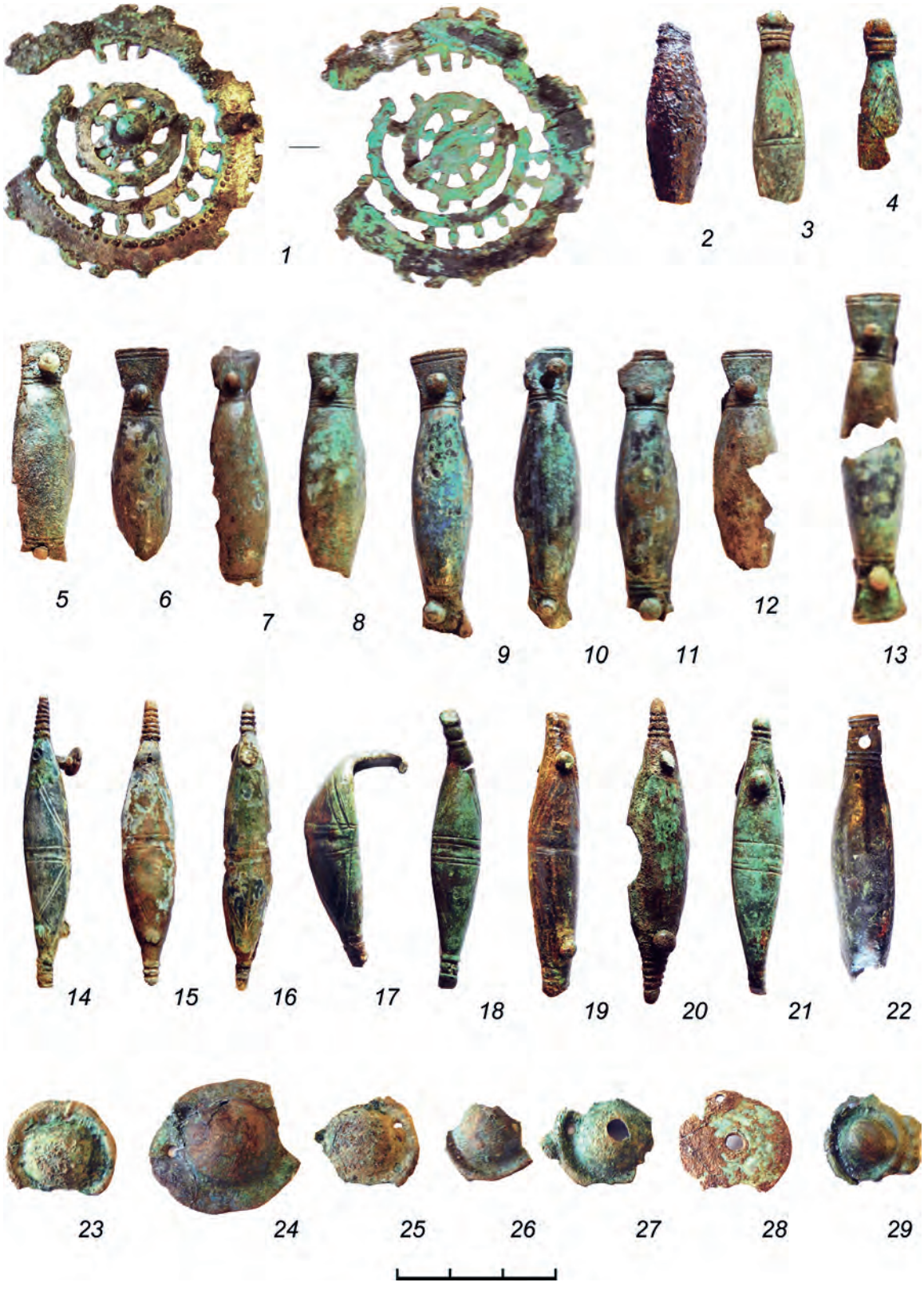

Рис. 21. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Ременная гарнитура (*2–22*) и элементы головного убора (возможно, *1, 23–29*)
1, 2, 29: погр. 145.2011 г.; *3, 4*: погр. 118.2011 г.; *5–13*: погр. 137.2011 г.; *14–16*: погр. 68.2011 г.; *17–21*: погр. 86.2011 г.; *22*: погр. 123.2011 г.; *23–27*: погр. 135.2011 г.; *28*: погр. 68.2011 г.

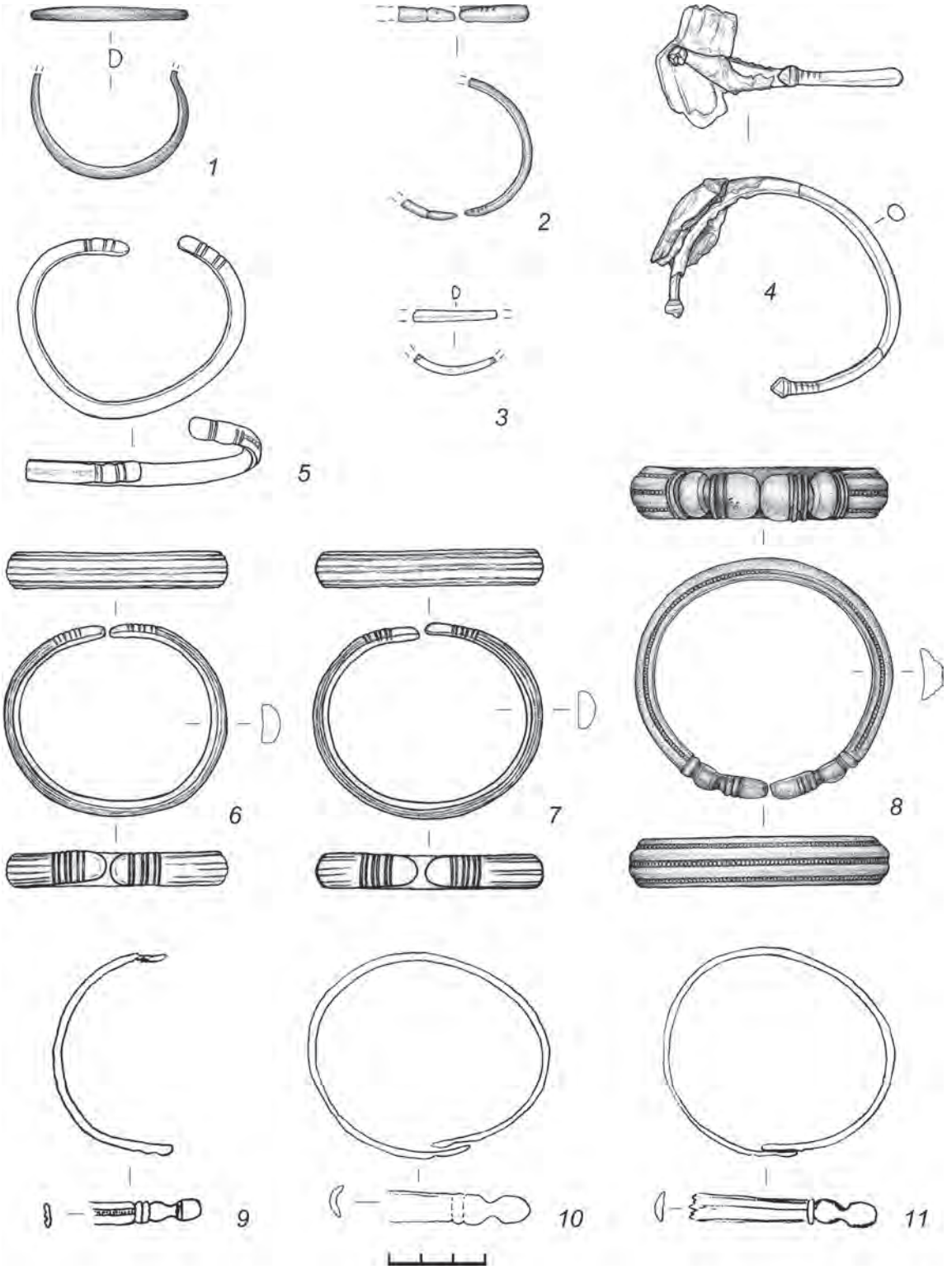

Рис. 22. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Браслеты
1–3: погр. 88.2011 г.; *4*: погр. 104.2011 г.; *5–7*: погр. 68.2011 г.; *8*: погр. 137.2011 г.; *9*: находки вне контекста 1893 г.; *10, 11*: погр. 29.1893 г.

Рис. 23. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Браслеты
1, 2: погр. 88.2011 г.; *3, 4, 6*: погр. 68.2011 г.; *5*: погр. 137.2011 г.

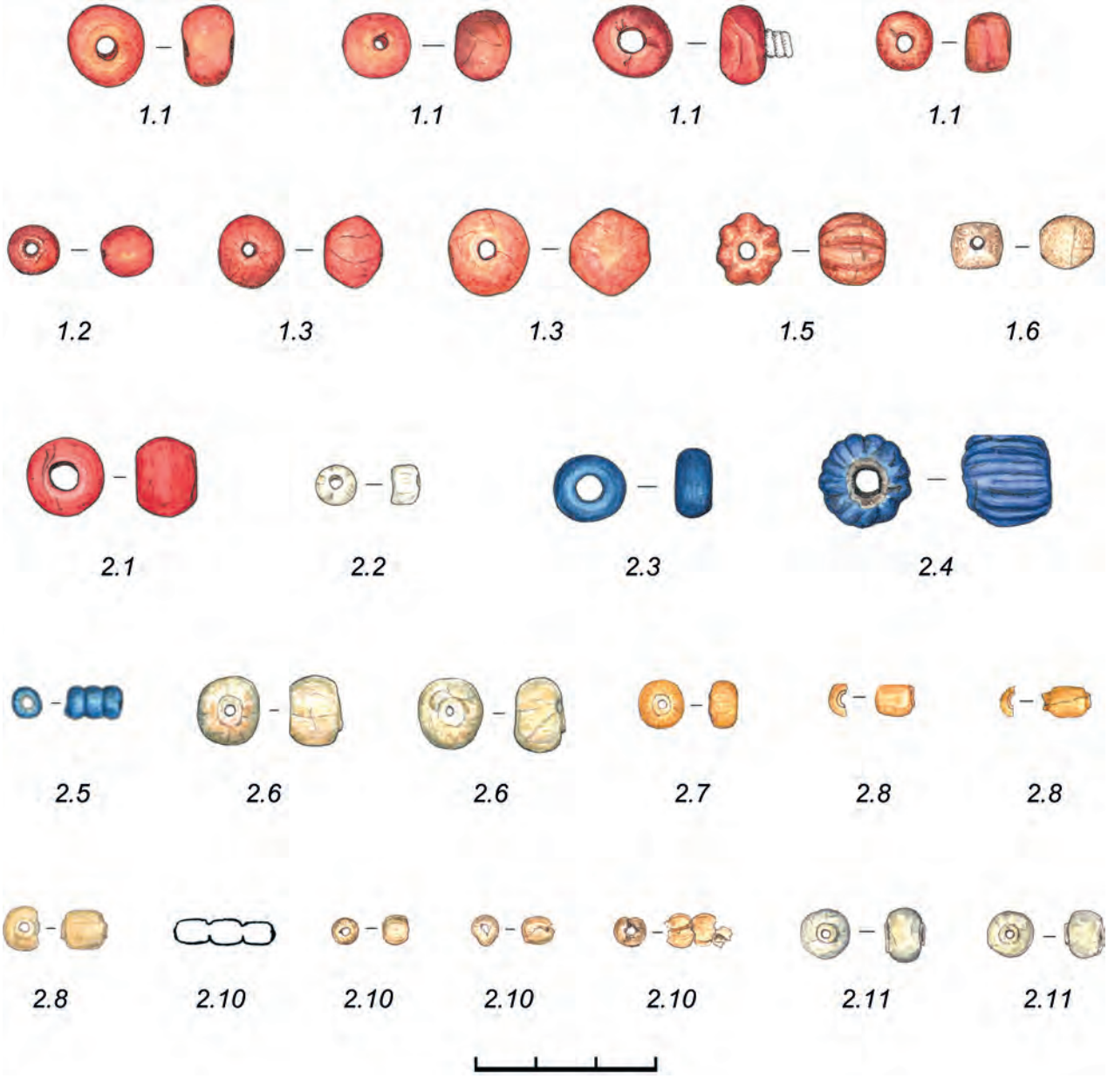

Рис. 24. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Типология бус
1.1–1.6 – типы янтарных бус;
2.1–2.5 – типы стеклянных монохромных бус;
2.6–2.10 – типы стеклянных бус с «золотой» прокладкой;
2.11 – типы стеклянных бус с «серебряной» прокладкой

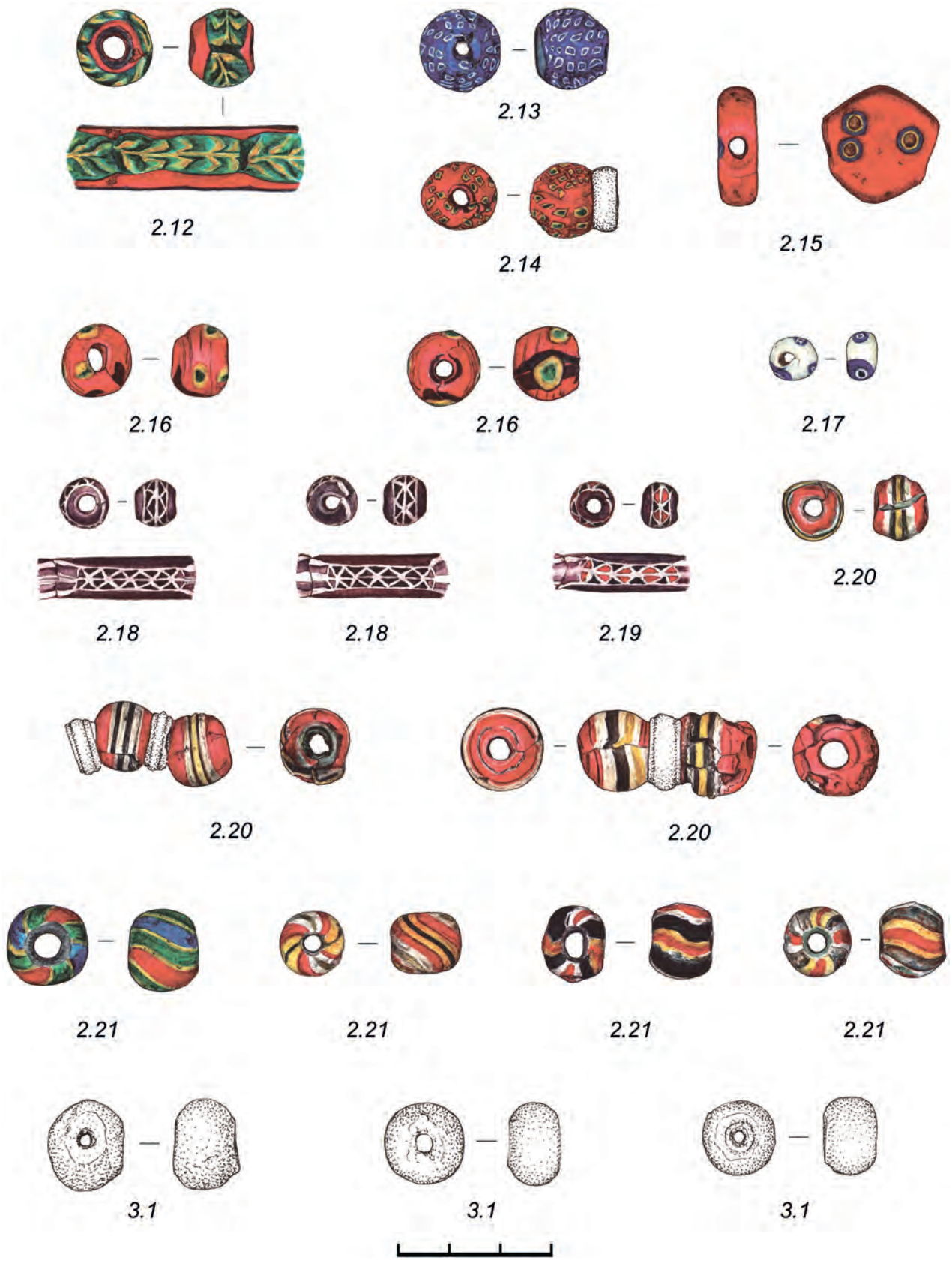

Рис. 25. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Типология бус
2.12–2.21 – типы стеклянных полихромных бус;
3.1 – типы металлических бус

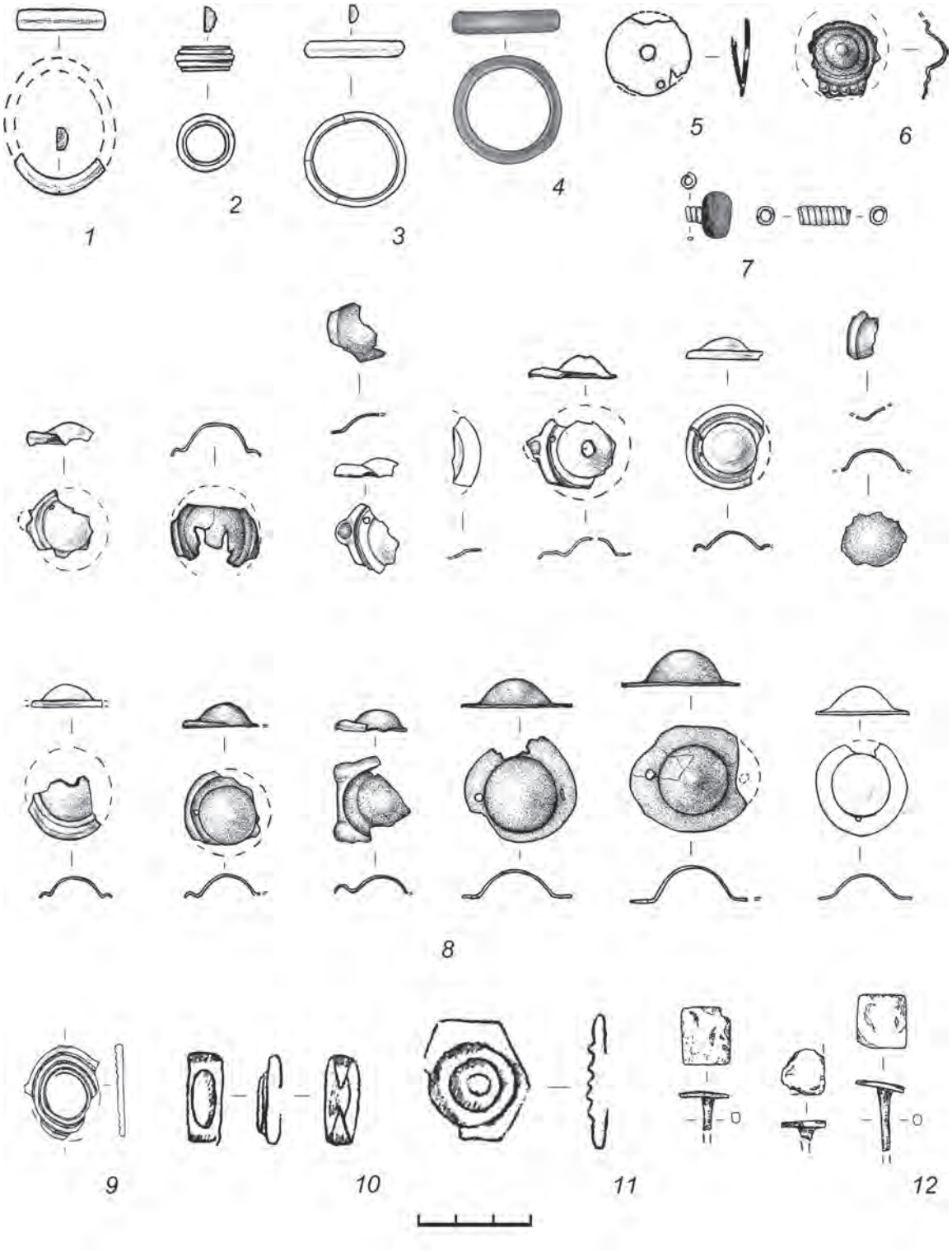

Рис. 26. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Металлические кольца, пронизи, накладки
1: погр. 1.2011 г.; *2*: погр. 12.2011 г.; *3*: погр. 36.2011 г.; *4*: погр. 86.2011 г.; *5*: погр. 68.2011 г.; *6*: погр. 145.2011 г.; *7*: погр.104.2011 г.; *8*: погр. 135.2011 г.; *9*: 5.2010 г.; *10, 11*: погр. 29.1893 г.; *12*: погр. 1.2010 г.
Масштаб для вещей из раскопок 2010 и 2011 гг.

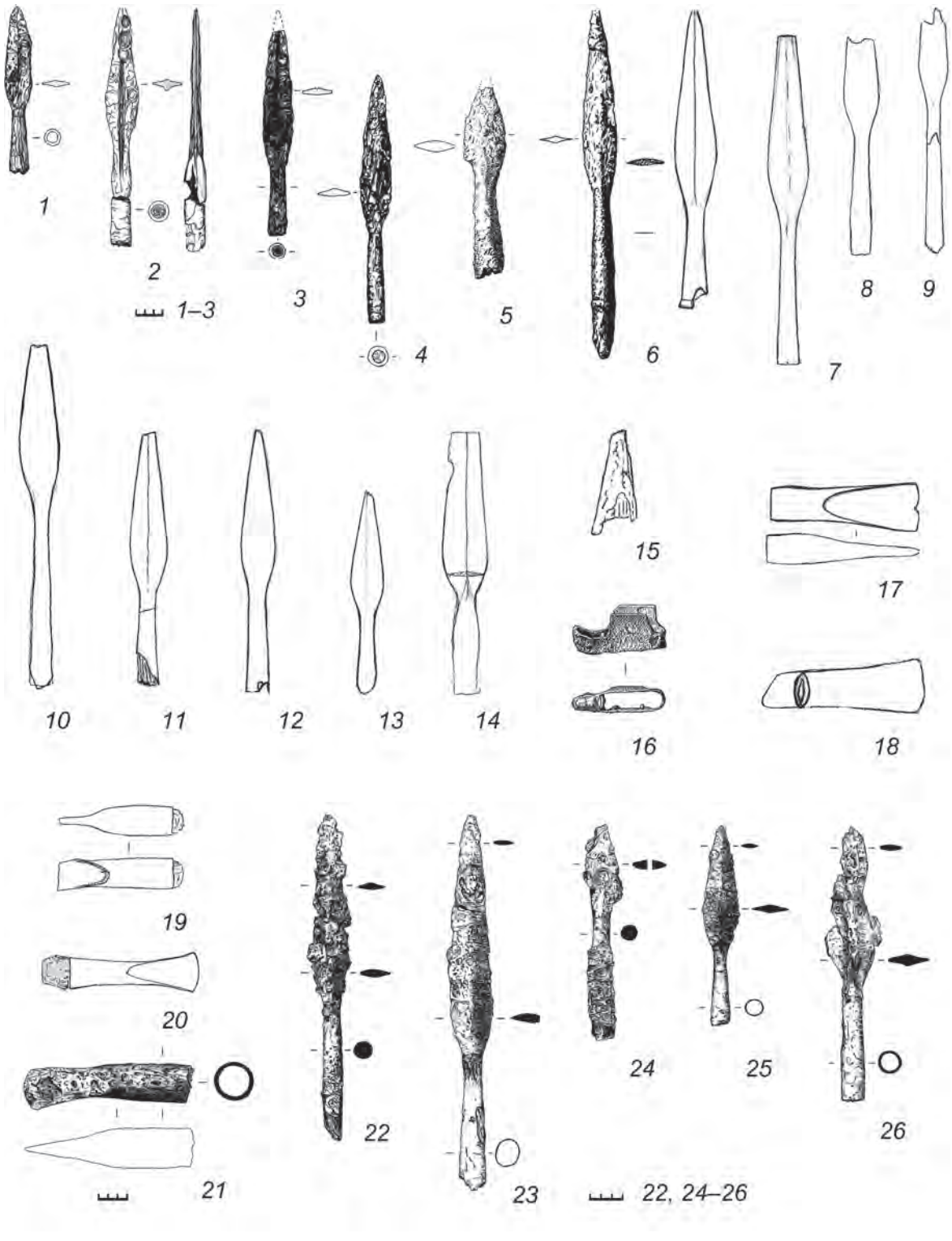

Рис. 27. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Предметы вооружения
1: погр. 10.2011 г.; *2*: погр. 18.2011 г.; *3, 4*: погр. 59.2011 г.; *5*: погр. 18.1893 г.; *6, 7*: погр. 1.1893 г.; *8, 9*: погр. 12.1893 г.; *10*: погр. 13.1893 г.; *11, 12*: погр. 15.1893 г.; *13, 14*: погр. 26.1893 г.; *15*: погр. 22.1893 г.; *16*: погр. 16.1893 г.; *17*: погр. 1.1893 г.; *18*: погр. 22.1893 г.; *19*: погр. 12.1893 г.; *20*: погр. 13.1893 г.; *21, 24–26*: погр. 5.2010 г.; *22, 23*: погр. 1.2010 г.

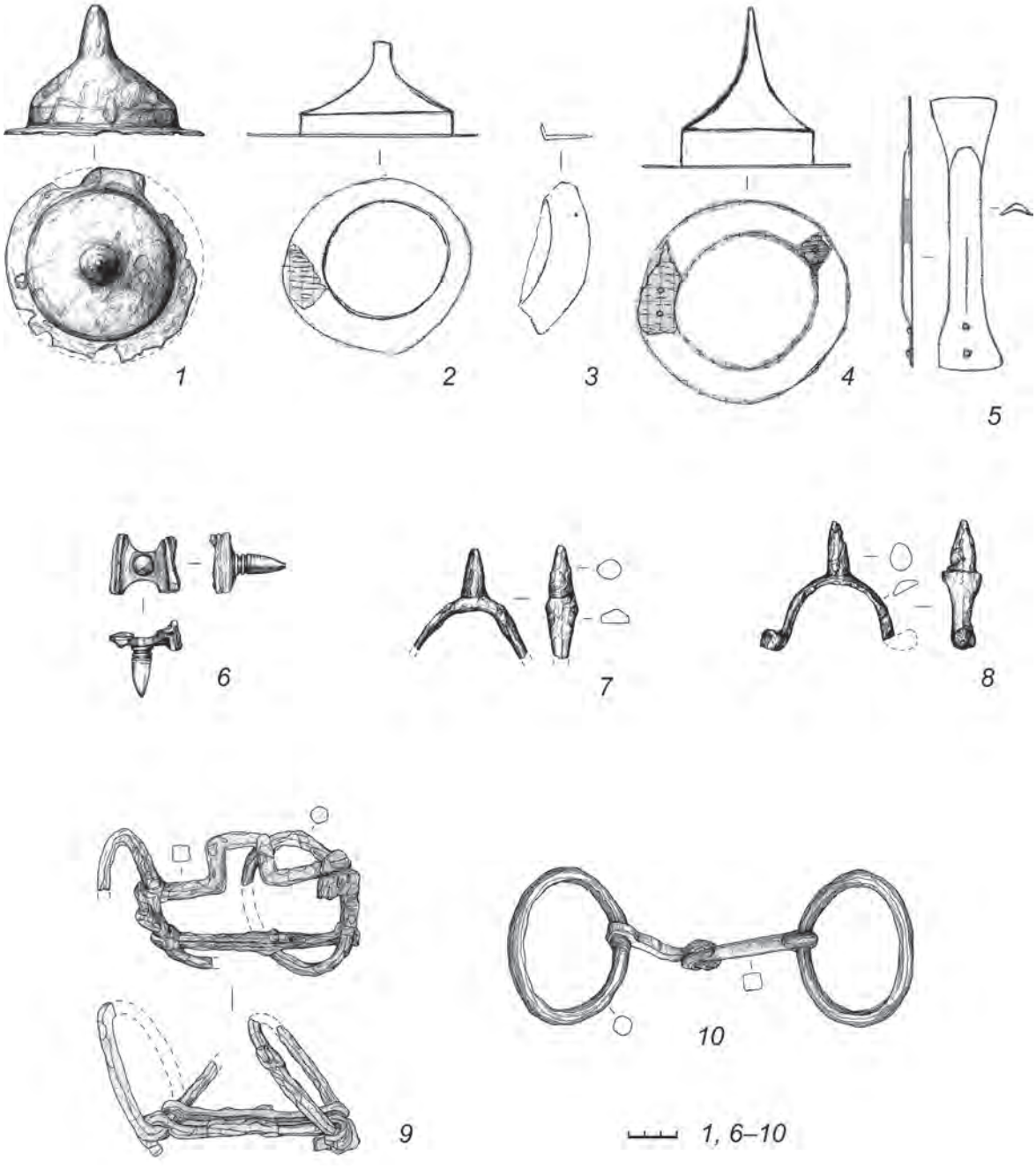

Рис. 28. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Предметы вооружения, конского и всаднического снаряжения
1, 6, 10: погр. 1.2011 г.; *2*: погр. 14.1893 г.; *3*: погр. 22.1893 г.; *4, 5*: погр. 13.1893 г.; *7–9*: погр. 44.2011 г.

Рис. 29. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Предметы вооружения
1: погр. 1.2011 г.; *2*: погр. 10.2011 г.; *3, 4*: погр. 59.2011 г.; *5*: погр. 18.2011 г.

Рис. 30. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Предметы конского и всаднического снаряжения
1, 4: погр. 1.2011 г.; *2, 3, 5*: погр. 44.2011 г.

Рис. 31. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Орудия, предметы повседневного быта, элементы ременной гарнитуры
1: погр. 1.2011 г.; *2*: погр. 114.2011 г.; *3*: погр. 86.2011 г.; *4*: погр. 68.2011 г.; *5*: погр. 20.2011 г.; *6*: погр. 2.2011 г.; *7*: погр. 121–122.2011 г.; *8*: погр. 44.2011 г.; *9*: погр. 86.2011 г.; *10*: погр. 20.2011 г.; *11–13:* погр. 44.2011 г.; *14*: погр. 68.2011 г.; *15*: погр. 1.1893 г.; *16*: погр. 35.1893 г.; *17*: погр. 1.1893 г.; *18*: погр. 7.1893 г.; *19*: погр. 23.1893 г.; *20*: погр. 20.1893 г.; *21*: погр. 21.1893 г.; *22*: погр. 16.1893 г.; *23*: погр. 5.2010 г.; *24*: погр. 1.1893 г.; *25*: погр. 16.1893 г.; *26*: погр. 18.1893 г.; *27*: погр. 24.1893 г.; *28*: погр. 35.1893 г.; *29*: погр. 31.1893 г.; *30*: погр. 23.1893 г.; *31, 33*: погр. 1.2010 г.; *32*: погр. 3.2010 г. / захоронение 1; *34*: погр. 5.2010 г.; *35*: погр. 9.2010 г. *36*: погр. 33.1893 г.

Рис. 32. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Различные железные предметы
1, 2: погр. 20.2011 г.; *3*: погр. 68.2011 г.; *4*: погр. 86.2011 г.; *5*: погр. 114.2011 г.; *6*: 121–122.2011 г.; *7–9*: 44.2011 г.

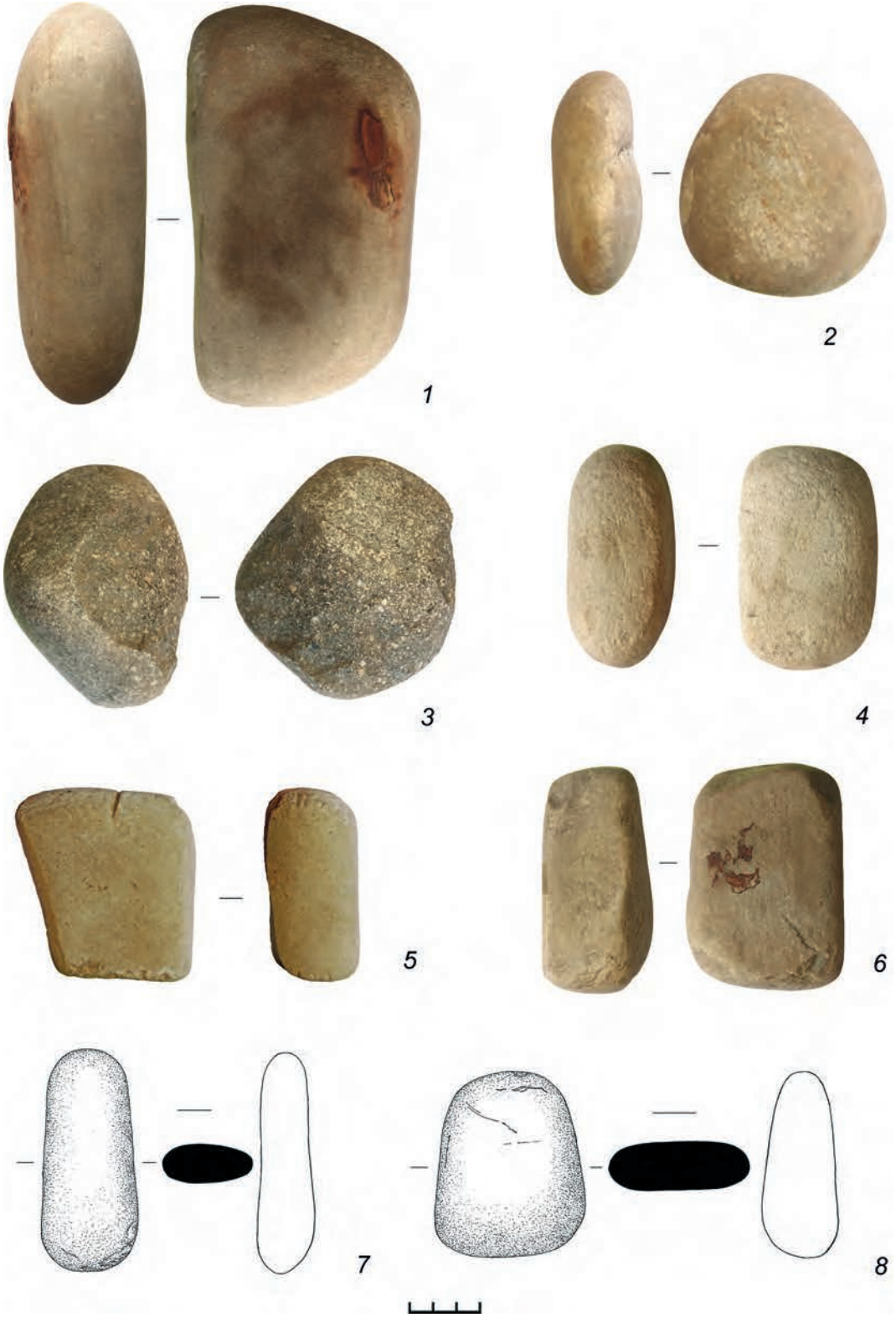

Рис. 33. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Каменные предметы
1, 2, 4: погр. 59.2011 г.; *3*: погр. 86.2011 г.; *5*: погр. 121–122.2011 г.; *6*: погр. 114.2011 г.; *7, 8*: погр. 3.2010 г. / захоронение 1

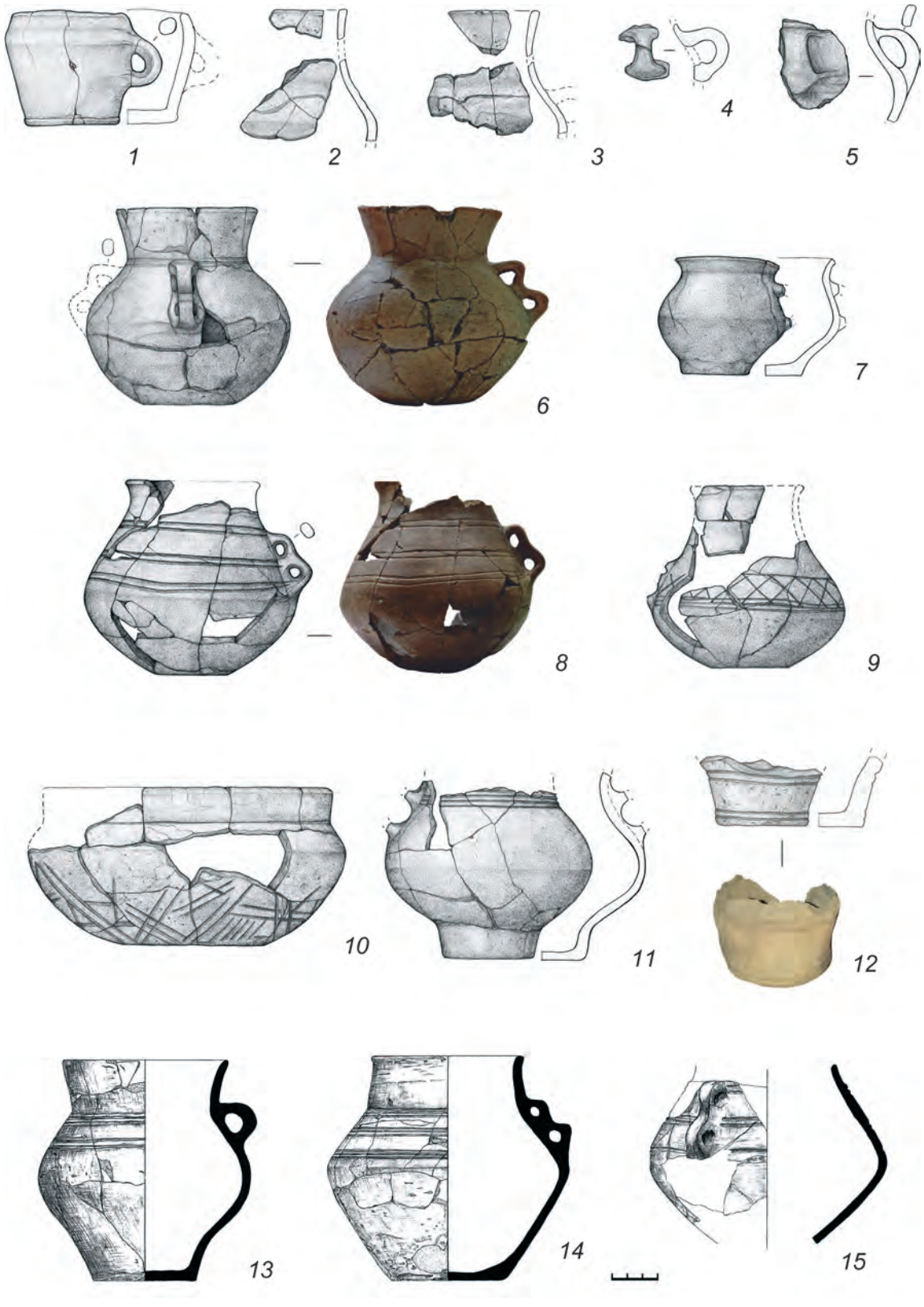

Рис. 34. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Керамические сосуды
1: погр. 116.2011 г.; *2–4*: погр. 54.2011 г.; *5*: погр. 88.2011 г.; *6*: погр. 53.2011 г.; *7*: погр. 10.2011 г.; *8*: погр. 121–122.2011 г.; *9*: погр. 58А.2011 г.; *10–12*: погр. 130.2011 г.; *13*: погр. 1.2010 г.; *14*: погр. 3.2010 г. / захоронение 2; *15*: 3.2010 г. / захоронение 1

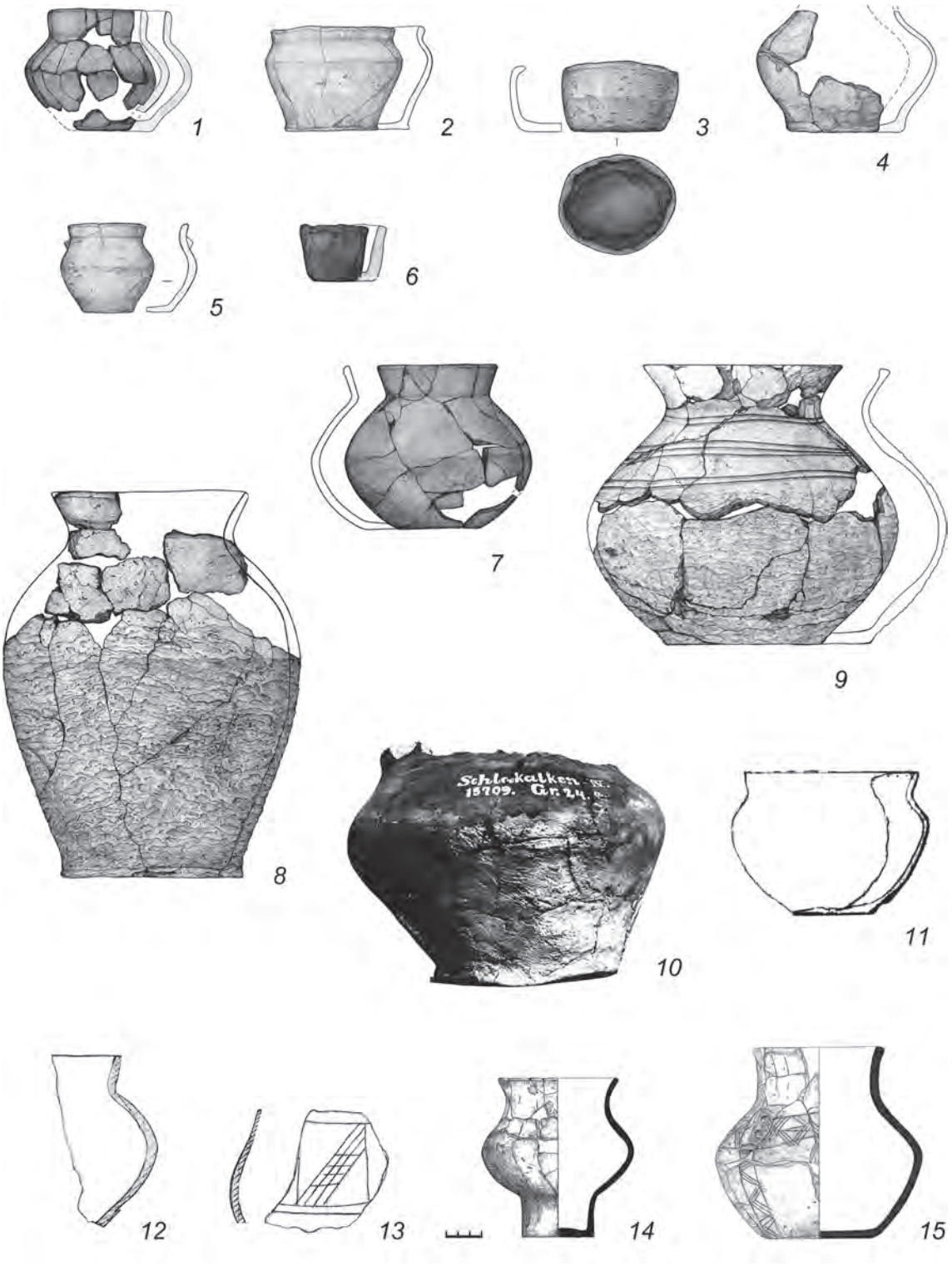

Рис. 35. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Керамические сосуды
1: погр. 118.2011 г.; *2*: погр. 116.2011 г.; *3*: погр. 86.2011 г.; *4*: погр. 138.2011 г.;
5: погр. 145.2011 г.; *6*: погр. 59.2011 г.; *7*: погр. 1.2011 г.; *8*: погр. 123.2011 г.;
9: погр. 73.2011 г.; *10*: погр. 24А.1893 г.; *11*: погр. 8.1893 г.; *12*: погр. 26.1893 г.;
13: погр. 12.1893 г.; *14*: погр. 10.2010 г.; *15*: погр. 5.2010 г.
Масштаб для сосудов из раскопок 2010 и 2011 гг.

Рис. 36. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Керамические сосуды
1, 2: погр. 22.1893 г.; *3*: погр. 61.1893 г.; *4*: погр. 24.1893 г.; *5*: погр. 26.1893 г.; *6*: погр. 28.1893 г.; *7*: погр. 15.1893 г.; *8*: погр. 12.1893 г.; *9*: погр. 14.1893 г.; *10*: погр. 17.1893 г.; *11*: сборы 1893 г.

Рис. 37. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Керамические сосуды
1: погр. 145.2011 г.; *2*: погр. 10.2011 г.; *3*: погр. 58А.2011 г.; *4*: погр. 121–122.2011 г.;
5: погр. 53.2011 г.; *6*: погр. 1.2011 г.

Рис. 38. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Керамические сосуды
1: погр. 59.2011 г.; *2*: погр. 116.2011 г.; *3*: погр. 86.2011 г.; *4*: погр. 12.2011 г.; *5*: погр. 130.2011 г.; *6*: погр. 123.2011 г.

Рис. 39. Могильник Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4). Керамические сосуды
1: погр. 10.2010 г.; *2*: погр. 116.2011 г.; *3, 4*: погр. 130.2011 г.; *5*: погр. 118.2011 г.

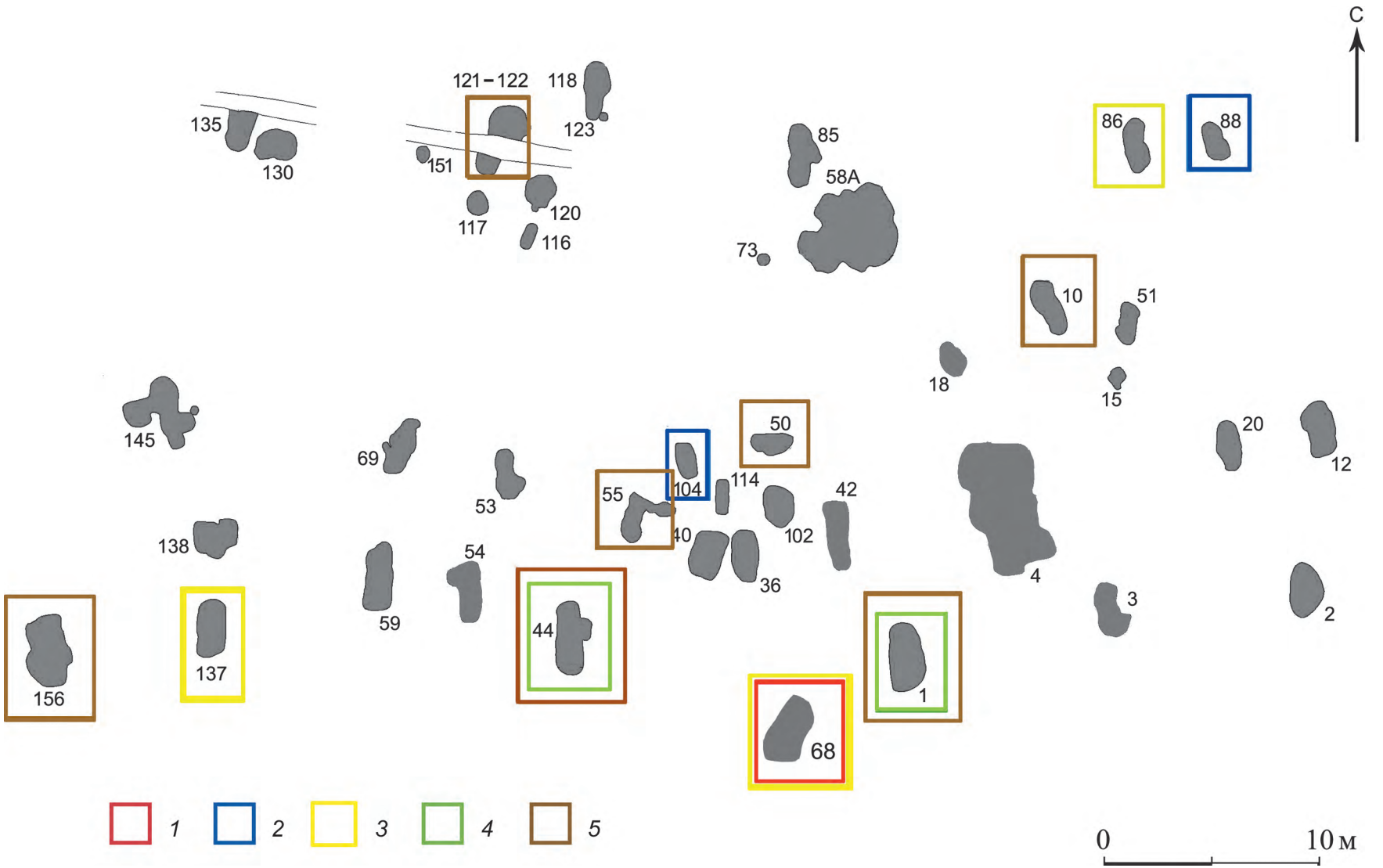

Рис. 40. Могильник Заостровье-2, раскопки 2011 г. Размещение погребений с двумя-тремя фибулами, самбийскими поясами, «профессиональным» оружием и захоронения коней
1: с тремя фибулами; *2*: с двумя фибулами; *3*: с самбийскими поясами; *4*: с «профессиональным» оружием; *5*: захоронения коней

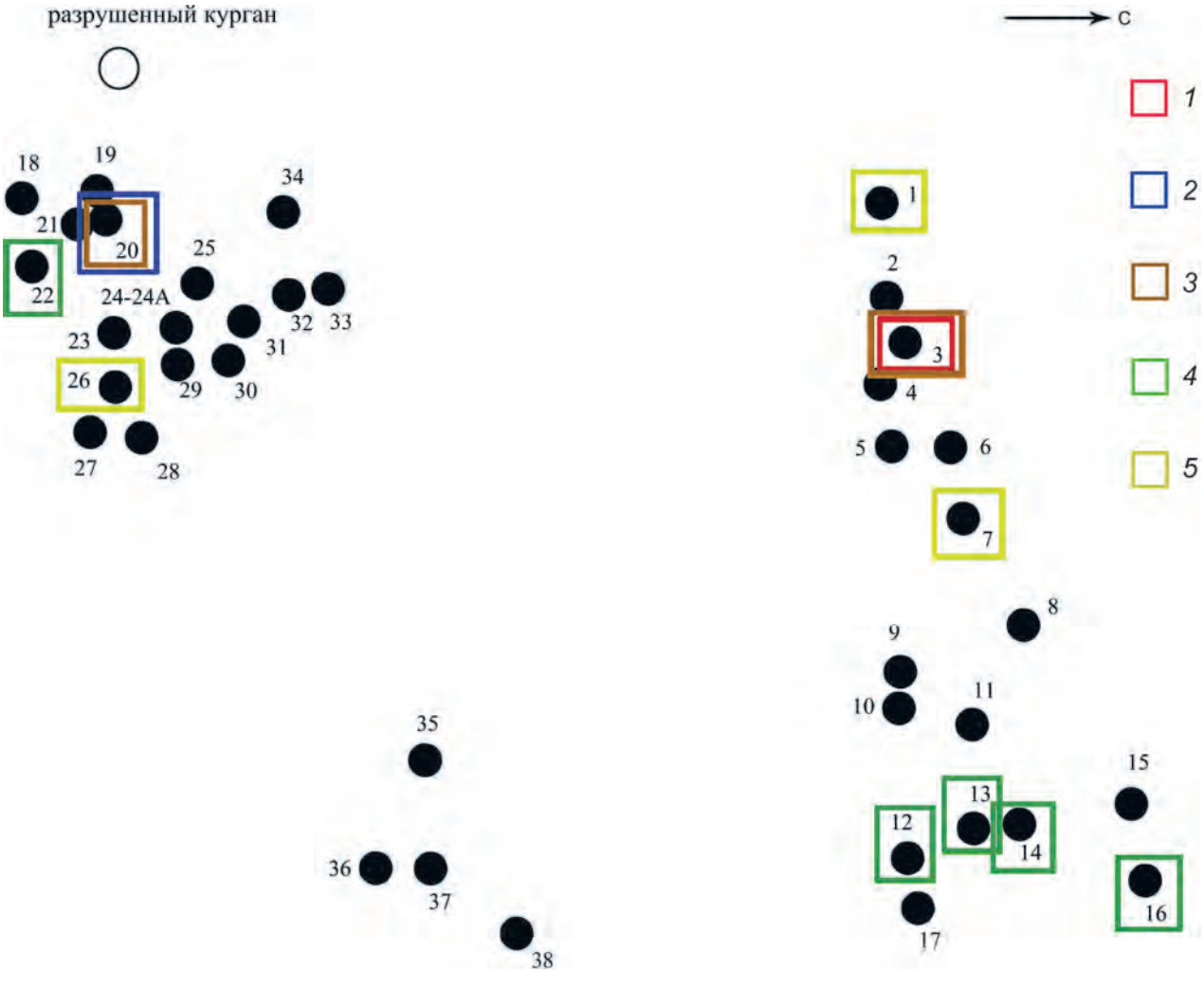

Рис. 41. Могильник Шлакалькен-2 (4). Раскопки 1893 г. Размещение погребений с двумя-тремя фибулами, самбийскими поясами, «профессиональным» оружием и захоронения коней
1: с тремя фибулами; *2*: с двумя фибулами; *3*: с самбийскими поясами; *4*: с «профессиональным» оружием; *5*: захоронения коней

КАТАЛОГ 1

МОГИЛЬНИК ЗАОСТРОВЬЕ-2

Раскопки А. В. Мастыковой и К. Л. Юганова в 2011 г. Каталог погребений

Погребение 1.2011 г. (кв. 121–122, 145–146, 159–170, 193–194, 217–218). **Ингумация** (табл. 1–5).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 3,2 × 1,66 м. Верхние две трети заполнения ямы представлены слоем супеси темно-серого цвета, толщина слоя – до 0,38 м. Нижняя придонная часть заполнения представлена слоем переотложенной материковой серо-желтой супеси. Толщина слоя – до 0,16 м. Яма была перекрыта каменным закладом в четыре яруса[29], вытянутым также по оси север – юг, размерами 2,66 × 1,52 м. Первый ярус заклада состоял из 18 камней небольших и средних размеров[30] (от 0,08 × 0,09 м до 0,43 × 0,24 м) (табл. 1: *1–3*; 2: *1*).

В южной части, ближе к западному борту ямы, на уровне второго яруса камней выявлены мелкие фрагменты костей животного. На уровне четвертого яруса камней, также в южной части ямы, на склоне западного борта – конские зубы, принадлежавшие двум близким по возрасту (3,5–4 года) и строению зубов животным. Половая принадлежность обеих лошадей не установлена[31] (см.: Приложение 4) (табл. 5: *1*). По всей видимости, животные лежали головой на юг, туловом вдоль западного борта.

Находки:

– кольчатые железные удила, среди скопления конских зубов в юго-западном секторе ямы, на склоне западного борта, на уровне четвертого яруса (гл. -2,04/-2,13) (табл. 4: *3*; 5: *1*);
– железный умбон щита, лежавший калоттой вниз, в юго-восточном секторе могилы, в 0,54 м к северо-востоку от удил, на уровне четвертого яруса (гл. -2,14)[32] (табл. 4: *1*; 5: *3*);
– бронзовая фрагментированная фибула т. н. прусской серии, около умбона, на уровне четвертого яруса (гл. -2,13) (табл. 3: *4*: 5: *2*);
– железная шпора, в южном секторе могилы, на дне, под четвертым ярусом каменного заклада (гл. -2,21/-2,23) (табл. 4: *2*);
– фрагмент бронзового кольца, в южном секторе, к северу от шпоры, на дне могилы, под четвертым ярусом каменного заклада (гл. -2,18) (табл. 3: *3*);
– фрагменты железного ножа, в северо-западном секторе, на уровне четвертого яруса камней и под ними, на дне (гл. -2,13/-2,16) (табл. 3: *2*);
– фрагменты железных втулок, в том числе со следами дерева, в центральной части могилы, ближе к западному борту, на уровне четвертого яруса камней и под ними, на дне (гл. -2,14/-2,19) (табл. 3: *10, 17, 19*);
– обломки железных предметов, в центральной части погребения, ближе к западному борту и в северном секторе у западного борта, на уровне четвертого яруса камней (гл. -2,06/-2,10) (табл. 3: *5, 6, 8*); а также в южном секторе у западного борта ямы, в юго-восточном секторе и северо-восточном, на дне (гл. -2,16/-2,25) (табл. 3: *12–16, 18*);

---

[29] Многочисленные камни, которыми были перекрыты могилы, как уже говорилось выше, мы называем закладами. При этом следует учитывать, что площадь могильника подвергалась распашке, погребения зачастую разрушены и сохранившееся количество ярусов в каменных закладах может не соответствовать изначальному.

[30] Здесь и далее указывается количество камней только первого яруса каменного заклада.

[31] Здесь и далее археозоологическая экспертиза проведена Е. Е. Антипиной (ИА РАН). См. подробнее: Приложение 4.

[32] Здесь и далее глубина выявления находок указана от нулевого репера, в метрах.

– развал керамического сосуда, по центру восточного борта, под четвертым ярусом каменного заклада, на дне (гл. -2,27/-2,32) (табл. 3: *23*);
– фрагменты керамических лепных сосудов в центральной части могилы на уровне четвертого яруса камней (гл. -1,91/-2,05); а также в центральной части могилы у западного борта, на дне (гл. -2,19/-2,32) (табл. 3: *1, 7, 9, 11, 20–22*).

Погребение 2.2011 г. (кв. 92, 116, 140). **Ингумация** (табл. 6–8).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,57 (север – юг) × 1,59 м (запад – восток). Глубиной до -2,36 м от нулевого репера и 0,8 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно ровное. Верхняя часть заполнения, мощностью до 0,54 м, представлена слоем серо-коричневой гумусированной супеси, прорезанной у западного борта линзой серо-коричневой гумусированной супеси, смешанной с материковой светлой коричнево-желтой супесью. Непосредственно у дна выявлен слой темно-серой гумусированной супеси мощностью до 0,12 м. Между слоями темно-серой супеси и верхним слоем серо-коричневой супеси в центральном секторе и у восточного борта ямы фиксируется прослойка переотложенной материковой супеси серо-желтого цвета (табл. 6; 7: *1, 2*). Яма перекрыта пятью ярусами каменного заклада; первые три вытянуты по оси север – юг, четвертый и пятый представляют собой скопление камней в центре могилы. Первый ярус состоял из 30 камней средних и небольших размеров (табл. 6: *1–4*; 7: *1*).

Находки:
– бронзовая фибула т. н. прусской серии, в северном секторе ямы, ближе к ее западному борту, на дне (гл. -2,06) (табл. 7: *3*; 8);
– фрагмент железного предмета – шило/проколка, в юго-восточном секторе ямы, на дне (гл. -2,05) (табл. 7: *4*);
– фрагмент деревянной втулки, ближе к восточному борту, по центру, на дне (гл. -2,03) (табл. 7: *5*);
– фрагменты лепных керамических сосудов, в центральной части могилы, на дне, среди камней пятого яруса (гл. -1,71/-1,92) (табл. 7: *6–11*).

Погребение 3.2011 г. (кв. 106–107, 130–131, 155). **Ингумация** (табл. 9).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,49 (север – юг) × 1 м (запад – восток). В юго-восточной части объекта фиксируется расширение до 1,53 м по оси запад – восток. Зафиксированы мелкие фрагменты угля в восточном и центральном секторах на уровне выявления могилы (гл. -1,53/-1,72) и угольная линза за пределами границ могильной ямы, с восточной стороны (гл. -1,50).

В центральном и северном секторах на уровне выявления обнаружены остатки каменного заклада, состоящего из 9 камней средних размеров. В 0,5 м к востоку от юго-восточной части объекта были зафиксированы еще 3 камня, вероятно, ранее перекрывавшие южный сектор и сместившиеся в результате распашки (табл. 9: *1, 2*).

Находки:
– фрагменты бронзовой пружины фибулы, в юго-восточном секторе, на уровне выявления могилы (гл. -1,68) (табл. 9: *4, 5*);
– фрагмент необработанного янтаря, в центральном секторе (не сохранился), на уровне выявления могилы (гл. -1,78);
– фрагменты стенок лепных керамических сосудов, на уровне выявления погребения, за его границами – за восточным бортом (гл. -1,52/-1,53) (табл. 9: *6, 7*).

Погребение 4.2011 г. (кв. 198–199, 222–223). **Ингумация** (табл. 10–12).

Выявлено овальное в плане углубление, являвшееся погребением 4.2011 г., разрушенным на уровне его дна сооружением более позднего периода. Размеры погребальной ямы – 3,52 (север – юг) × 1,89 м (запад – восток). На уровне выявления могильная яма перекрыта многочисленными камнями средних и мелких размеров (табл. 10: *1–5*). В юго-восточной

части могилы на уровне ее выявления, среди камней, зафиксированы угли (гл. -1,38/-1,44). На дне могилы, в ее центральной части, выявлено зольное пятно (гл. -1,46/-1,48).

Находки:

– бронзовая профилированная фибула, в центральной части могилы, на дне (гл. -1,83) (табл. 11: *1*; 12);
– фрагменты лепной керамики, в центральной части могилы, на дне (гл. -1,33/-2,00) (табл. 11: *2–17*).

Погребение 10.2011 г. (кв. 8–9, 32–33, 56–57). **Ингумация** (табл. 13–16).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-запад – юго-восток, размерами 2,75 × 1,1 м, глубиной до -1,66 м от нулевого репера и до 1,15 м от уровня материка; стенки близки к отвесным, дно ровное. Верхняя часть заполнения представлена темно-серой гумусированной супесью. У дна в восточном секторе фиксируется прослойка супеси серо-коричневого цвета (табл. 13; 14). Яму перекрывает трехъярусный каменный заклад, вытянутый по оси северо-запад – юго-восток. Первый ярус заклада состоял из 26 камней разного размера (табл. 13: *1, 2*; 14: *1*).

На уровне выявления первого яруса каменного заклада, в южной части могилы, среди камней (гл. -1,33) были найдены зубы лошади (пол не определен), возрастом от 1 года до 4 лет (см.: Приложение 4) (табл. 13: *1*).

Находки:

– керамический лепной сосуд, лежавший на боку, горлом ориентированный на север, в северо-восточном секторе ямы, на ступеньке, образованной резким перепадом уровня его дна (гл. -1,40) (табл. 14: *1*; 15: *7*; 16);
– железный наконечник копья, острием ориентированный на север, плоскостью пера лежащий параллельно уровню дна, непосредственно на сосуде (гл. -1,42) (табл. 14: *1*; 15: *1*; 16);
– фрагмент железной втулки с остатками дерева, в северо-восточном секторе ямы, в 0,13 м к юго-западу от наконечника копья, на дне (гл. -1,50) (табл. 14: *1*; 15: *2*);
– фрагменты железного изделия, в южной части могилы, у восточного и у западного бортов ямы, на уровне выявления первого яруса каменного заклада, среди камней (гл. -1,14/-1,17) (табл. 15: *5, 6*);
– фрагменты стенок лепного керамического сосуда, в северо-восточном секторе ямы, среди камней, на дне (гл. -1,39/-1,40) (табл. 15: *3, 4*).

Погребение 12.2011 г. (кв. 140–141, 164–165, 188–190, 213). **Ингумация** (табл. 17–19).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,59 (север – юг) × 1,51 м (запад – восток), глубиной до -2,32 м от нулевого репера и 0,95 м от уровня материка. Стенки отвесные, с небольшим уклоном к востоку, дно вогнутое. Верхний слой заполнения (мощностью до 0,31) представлен серо-коричневой углистой супесью. Ниже фиксируется слой темно-коричневой супеси с незначительным количеством древесного угля. Мощность слоя – до 0,14 м. Между слоями серо-коричневой и темно-коричневой супеси у восточного борта фиксируется прослойка светло-коричневой углистой супеси. Мощность прослойки – 0,08 м. Под слоем темно-коричневой супеси были выявлены чередующиеся слои светло-коричневой, темно-коричневой и серо-коричневой супеси с незначительным содержанием древесного угля в примеси. Погребение перекрыто трехъярусным каменным закладом, вытянутым по оси север – юг. Первый ярус состоял из 16 камней разных размеров (табл. 17: *1, 2*; 18: *1*).

Находки:

– бронзовое кольцо, в центральной части могилы, среди камней нижнего, третьего яруса заклада (гл. -1,92) (табл. 19: *1*);
– фрагменты лепных керамических сосудов, в восточной части могилы, среди камней второго яруса заклада (гл. -1,60/-1,80); а также в восточной части могилы, среди камней третьего яруса заклада (гл. -1,44/-1,83) (табл. 19: *2–5*);
– развал керамического лепного сосуда, в северном и северо-западном секторе, среди камней второго яруса заклада (гл. -1,31/-1,65) (табл. 19: *6*).

Погребение 15.2011 г. (кв. 107, 108). **Кремация** (табл. 20).

Выявлена аморфная в плане яма размерами 1,04 (север – юг) × 0,84 м (запад – восток), глубиной до -1,31 м от нулевого репера и 0,14 м от уровня материка. Стенки пологие, дно неровное. В северном секторе фиксируется небольшое понижение уровня дна (от –1,24 м до -1,31), образующее углубление округлой формы, диаметром около 0,59 м. Заполнение однородное, представлено супесью темно-серого цвета.

В границах углубления обнаружены два небольших скопления кальцинированных костей (гл. -1,20/-1,29), несколько кальцинированных костей во взвешенном состоянии (гл. -1,18/-1,19/-1,22) (табл. 20: *1, 2*). Малые размеры фрагментов костей не позволили провести биоархеологическую экспертизу.

Находки:

– мелкий фрагмент лепного керамического сосуда возле восточного борта ямы (гл. -1,20).

Погребение 18.2011 г. (кв. 51–52, 75–76, 99–100). **Ингумация? Кремация?** (табл. 21–22).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-запад – юго-восток, размерами 1,68 (северо-запад – юго-восток) × 1,12 м (северо-запад – юго-восток). Яма выбрана в материке на глубину до -1,61 м от нулевого репера (0,54 м от уровня выявления). Стенки отвесные, дно ровное. Верхний слой заполнения представлен светло-коричневой супесью. Мощность слоя – до 0,3 м. На уровне выявления фиксируются отдельные кальцинированные кости, в центральной части могильной ямы и ближе к ее южному борту (табл. 21: *1*). Незначительные и слишком малые размеры фрагментов костей не позволили провести биоархеологическую экспертизу. Нижняя придонная часть заполнения представлена темно-серой гумусированной супесью мощностью до 0,29 м. Погребение перекрыто закладом из 8 камней разных размеров, вытянутым по оси северо-запад – юго-восток, видимо, остатки разрушенного перекрытия (табл. 21: *1*).

Точная интерпретация данного разрушенного погребения затруднительна.

Находки:

– фрагментированный железный наконечник копья, за границами погребения, в 0,27 м к северо-востоку от северо-восточного края ямы, на материке (гл. -1,10) (табл. 22: *1*);
– фрагменты венчиков лепных керамических сосудов, у северного борта могильной ямы и в юго-западном секторе среди камней (гл. -1,09/-1,46) (табл. 22: *2, 3, 10*);
– фрагменты железных изделий, в центральной части могилы и у восточного борта (гл. -1,17/-1,34) (табл. 22: *4–9, 11, 13*);
– фрагмент ручки керамического лепного сосуда, в юго-западном секторе, среди камней (гл. -1,25) (табл. 22: *12*).

Погребение 20.2011 г. (кв. 160–161, 184–185, 208–209). **Ингумация** (табл. 23).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,33 (север – юг) × 1,17 м (запад – восток), глубиной до -1,91 м от нулевого репера и 0,52 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно ровное. Верхняя часть заполнения представлена слоем смешанной темно-коричневой гумусированной супеси. Мощность слоя – до 0,35 м. Нижняя придонная часть заполнения представлена серо-коричневой супесью. Мощность – до 0,31 м. В центральном секторе погребения, ближе к его северному краю, фиксируется небольшое скопление, состоящее из 10 камней небольших и средних размеров – остатки разрушенного заклада (табл. 23: *1–3*).

Находки:

– железный серповидный нож, к востоку от скопления камней, в 0,16 м от восточного борта ямы, острием ориентированный на северо-запад, плоскостью пера – параллельно поверхности дна, лезвием на юго-восток (гл. -1,69) (табл. 23: *4*);
– фрагмент железного предмета (шило или проколка) с остатками дерева, в юго-восточной части могилы, в 0,19 м к югу от ножа (гл. -1,33) (табл. 23: *5*).

Погребение 36.2011 г. (кв. 114–115, 124–125, 134–135). **Ингумация** (табл. 24).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,42 (север – юг) × 1,26 м (запад – восток), глубиной до -1,71 м от нулевого репера и 0,51 м от уровня материка. Стенки близки к отвесным, дно ровное. Верхняя часть заполнения представлена слоем серо-коричневой гумусированной супеси. Мощность слоя – 0,27 м. Нижняя придонная часть заполнения представлена светло-серой гумусированной супесью мощностью до 0,36 м (табл. 24: *3*). Погребение перекрыто каменным закладом из 20 камней разных размеров, вытянутым по оси север – юг (табл. 24: *1*).

Находки:

– бронзовое кольцо, в центральной части могилы, ближе к восточному борту, среди камней (гл. -1,40) (табл. 24: *4*);
– фрагментированная стеклянная бусина (не сохранилась), в центре могилы, в 0,26 м к северо-западу от кольца, среди камней (гл. -1,69);
– фрагменты лепных керамических сосудов, по всей площади заполнения ямы, среди камней (гл. -1,18/-1,69) (табл. 24: *5, 6*).

Погребение 40.2011 г. (кв. 112–113, 122–123, 132–133). **Ингумация** (табл. 25).

Выявлена подпрямоугольная в плане яма, вытянутая по оси северо-восток – юго-запад, размерами 2,2 м (северо-восток – юго-запад) × 1,54 м (северо-запад – юго-восток), глубиной до -1,40 м от нулевого репера и 0,3 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно неровное. В северо-восточном секторе фиксируется небольшое понижение основного уровня дна, образующее углубление подпрямоугольной формы размерами 1,35 м (северо-восток – юго-запад) × 0,92 м (северо-запад – юго-восток) и глубиной до -1,49 м от нулевого репера. Верхняя часть заполнения, а также нижняя в северо-восточном, восточном и юго-восточном секторах представлены темно-серой гумусированной супесью. В западном секторе у дна фиксируется линза серо-коричневой супеси с органикой в примеси. Мощность линзы – до 0,24 м. В центральном и южном секторах погребения обнаружено 13 камней разных размеров, видимо, остатки каменного заклада, разрушенного распашкой (табл. 25: *1*).

Слой серо-коричневой супеси с органикой является основным заполнением могильной ямы, которая была разрушена грабительской или хозяйственной ямой в северо-восточной части (табл. 25: *2, 3*).

Костяк не сохранился. Погребение, совершенное по обряду ингумации, разрушено. Тело покойного, вероятно, было положено головой на юг, на что указывают выявленные среди находок у западного борта могилы три человеческих зуба (гл. -1,15/-1,18). Обнаруженные фрагменты бусин рядом с зубами, видимо, маркируют район груди (табл. 25: *1*).

Останки в погребении принадлежат ребенку (возможно, мальчику) в возрасте около 5 лет[33] (см.: Приложение 3).

Находки:

– фрагмент сильно коррозированного мелкого фрагмента железного изделия (не сохранился), на уровне выявления, в юго-восточном секторе, у восточного борта могильной ямы (гл. -1,33);
– мелкий фрагмент бронзового изделия (не сохранился), на уровне выявления, в северо-восточном и северо-западном секторах ямы (гл. -1,33);
– стеклянная бусина, на уровне выявления, в северном секторе могильной ямы (гл. -1,33) (табл. 25: *4*);
– фрагментированная стеклянная бусина (не сохранилась), рядом с зубами, в западном секторе (гл. -1,33);
– фрагментированная стеклянная бусина (не сохранилась), рядом с зубами, в западном секторе (гл. -1,33);

[33] Здесь и далее все палеоантропологические определения даны М. В. Добровольской. Подробнее см.: Приложение 3.

– фрагмент стеклянной бусины (не сохранилась), рядом с зубами, в западном секторе (гл. -1,33);
– фрагменты керамических лепных сосудов, в скоплении находок у западного борта, в южном и северо-восточном секторах (гл. -1,65) (табл. 25: *5–10*).

Погребение 42.2011 г. (кв. 108–109, 118–119, 128–129, 138–139). **Ингумация** (табл. 26–27).

Выявлена овальная в плане яма, сильно вытянутая по оси север – юг, размерами 3,2 (север – юг) × 1,03 м (запад – восток), глубиной до -1,85 м от нулевого репера и 0,71 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно слегка вогнутое. В центральном и южном секторах погребения верхняя часть заполнения представлена темно-серой гумусированной супесью. Мощность слоя – до 0,23 м. Нижняя часть заполнения представлена серо-коричневой гумусированной супесью (мощностью до 0,3). В северном секторе погребения на уровне выявления фиксируется линза темно-серого сильно гумусированного суглинка мощностью до 0,41 м. Непосредственно под ней у дна расположен слой темно-серой гумусированной супеси. Мощность слоя – до 0,21 м. В северо-западном секторе у края ямы на уровне выявления читается прослойка серо-коричневой гумусированной супеси (табл. 26: *1–4*). Погребение перекрыто двухъярусным каменным закладом, первый ярус состоит из 21 камня, сконцентрирован в северном секторе ямы (табл. 26: *1, 2*).

Находки:
– фрагменты лепных керамических сосудов, в северном секторе ямы и у западного и восточного бортов, среди камней второго яруса (гл. -1,38/-1,45/-1,53/-1,66) (табл. 27: *2–4, 6*);
– фрагмент железного предмета, у восточного борта могилы, среди камней второго яруса (гл. -1,72) (табл. 27: *5*);
– мелкие фрагменты железного предмета (не сохранились), у восточного борта могилы, среди камней второго яруса (гл. -1,46/-1,85).

Погребение 44.2011 г. (кв. 155–156, 165–167, 175–176). **Ингумация** (табл. 28–34).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 3,41 × 1,28 м, глубиной до -1,58 м от нулевого репера, стенки ее покатые, дно ровное. Верхняя часть заполнения представлена темно-коричневой гумусированной супесью мощностью до 0,15 м. Ниже фиксируется слой серо-коричневой смешанной супеси. Мощность слоя – до 0,16 м. В южном секторе погребения на дне читается непотревоженный слой серой супеси с органикой в примеси. Мощность слоя – до 0,18 м (табл. 28: *3, 4*).

У восточного борта ямы фиксируется объект 44А – пятно подпрямоугольной формы, примыкающее к основной могильной яме, – грабительский шурф, который разрушил северный сектор погребения 44.2011 г. Находок в грабительском шурфе не зафиксировано. Погребение перекрыто, вероятно, двухъярусным каменным закладом. Первый ярус состоял из 30 камней разных размеров. В центральном и южном секторах количество камней первого яруса и их плотность выше, что связано с грабительским шурфом, разрушившим северную часть могилы. От второго яруса заклада, который также был разрушен, сохранилось лишь 7 камней (табл. 28: *1, 2*).

На уровне первого яруса каменного заклада, среди камней, у западного борта могилы найдены кости лошади (гл. -1,39). В границах второго яруса, также вдоль западного борта от центра ямы к югу, под каменным закладом, фиксируется большое количество фрагментов плохо сохранившихся костей лошади (гл. -1,38/-1,45/-1,50); в южном секторе по центру южного борта ямы находились ее зубы (гл. -1,22/-1,32). Лошадь возрастом 3,5–4 года, пол не определен (см.: Приложение 4), лежала, вероятно, головой на юг, туловом вдоль западного борта.

В северном секторе погребения на дне, в непотревоженном грабителями слое, обнаружены человеческие зубы (гл. -1,44) и фрагменты костей (гл. -1,26), принадлежащие молодому мужчине около 20 лет (см.: Приложение 3). Судя по расположению находок в могиле, мужчина был похоронен, по всей видимости, головой на север; к западу от погребенного, головой на юг, была захоронена лошадь (табл. 28: *2*).

Находки:

– две железные шпоры, в южном секторе, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,48/-1,49) (табл. 30: *1, 2*);
– фрагменты железных удил, в северном секторе, ближе к центру могильной ямы, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,41) (табл. 30: *3, 4, 9–11*);
– железная пряжка, в юго-восточном секторе, возле восточного борта, к северо-востоку от зубов лошади, среди камней второго яруса, под каменным закладом (гл. -1,44) (табл. 30: *5*);
– железная пряжка, в южном секторе, ближе к центру ямы, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,46) (табл. 30: *6*);
– железные удила, в центральной части могилы, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,37) (табл. 30: *7*);
– фрагмент железного изделия – шило/проколка, в юго-западном секторе, ближе к западному борту могилы, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,45) (табл. 30: *8*);
– две бронзовые фибулы (табл. 31: *1, 2*; 33; 34), в том числе одна прусской серии (табл. 31: *1*; 33), в северном секторе, ближе к центру могилы, к северо-западу от пряжки-«омеги» и фрагментов удил, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,42);
– бронзовая накладка-скоба в форме U, в центре могилы, к юго-востоку от железных удил, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,43) (табл. 31: *3*);
– два фрагмента бронзовых накладок, в северо-восточном секторе, к северо-востоку от пряжки-«омеги», в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,39) (табл. 31: *4, 5*);
– бронзовые соединительные обоймицы, некоторые со следами органики, в центре могилы, ближе к восточному борту, рядом с железным пинцетом, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,39) (табл. 31: *6, 9, 14*);
– бронзовые ременные разделители-четверики, в северо-восточном секторе, к северу от двух бронзовых накладок, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,38) (табл. 31: *7, 8*);
– бронзовая пряжка-«омега» с ременными рельефными наконечниками, некоторые со следами органических материалов, в северном секторе, ближе к центру могилы, рядом с фрагментами железных удил, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,44) (табл. 31: *10–13, 15–18, 20, 21*; 32: *1, 2*);
– железный пинцет, в центральном секторе, ближе к восточному борту, южнее бронзовых соединительных обоймиц, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,39) (табл. 31: *19*);
– мелкие фрагменты бронзовых изделий, в северо-восточном секторе, между железным пинцетом и бронзовыми обоймицами, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,40);
– мелкие фрагменты железных изделий, в южном секторе, севернее от шила/проколки, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,42/-1,43);
– мелкие фрагменты стенок лепных керамических сосудов, в границах верхнего яруса каменного заклада, среди камней, по всей площади заклада (гл. -1,05/-1,18);
– фрагменты стенок лепного керамического сосуда, в северном секторе, в границах нижнего слоя, на дне (гл. -1,43).

Погребение 50.2011 г. (кв. 75–76). **Конское захоронение** (табл. 35).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси запад – восток, размерами 1,98 (запад – восток) × 1,02 м (север – юг), глубиной до -1,64 м от нулевого репера и 0,58 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно неровное. В центральном секторе фиксируется понижение уровня дна, образующее углубление неправильной формы, размерами 0,86 (север – юг) × 0,82 м (запад – восток). Верхняя часть заполнения представлена серо-коричневой супесью, мощность слоя – до 0,4 м. Слой серо-коричневой супеси прорезан линзами супеси серо-коричневого цвета с большим количеством древесного угля и линзой серо-желтой материковой переотложенной супеси. В углублении придонный слой представлен серой супесью со следами органики (тлена), отмечены отдельные следы углей (гл. -1,09/-1,11/-1,40). В центральном секторе могилы зафиксировано 5 камней, возможно, от несохранившегося каменного заклада (табл. 35: *1–3*).

В границах углубления, в центральной части могилы, ближе к западному борту найдены отдельные зубы лошади 4–6 лет, половая принадлежность животного не определена

(см.: Приложение 4). Также в границах углубления, ближе к северному борту ямы, под камнями, обнаружены фрагменты плохо сохранившихся костей крупного копытного животного (гл. -1,38) (оленя, быка, лошади), точная таксономическая идентификация и половая принадлежность невозможна. Определить, кому принадлежат эти кости – первой лошади 4–6 лет или еще одному животному, не представляется возможным. Отдельные кости лошади отмечены у южного борта могилы (гл. -1,49), к югу от конских зубов.

Находки:

– фрагмент железного предмета, в границах углубления, ближе к южному борту могилы, рядом с зубами лошади (гл. -1,18) (табл. 35: *4*);
– фрагменты стенок лепных керамических сосудов, в основном среди камней и костей животного (гл. -1,03/-1,16/-1,23) (табл. 35: *5–7*).

Погребение 51.2011 г. (кв. 36, 60). **Ингумация** (табл. 36).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 1,97 (север – юг) × 0,79 м (запад – восток), глубиной до -1,6 м от нулевого репера и 0,42 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно неровное. Верхняя часть заполнения представлена слоем супеси серого цвета. Мощность слоя – до 0,3 м. Нижний придонный слой представлен серо-коричневой супесью мощностью до 0,25 м (табл. 36: *3*). В северном секторе могилы зафиксировано 5 камней разных размеров, вероятно, являющихся остатками каменного заклада (табл. 36: *1*). По всей видимости, погребенный был положен головой на юг, на что указывают выявленные в южном секторе две фибулы, как правило, носимые в верхней части одежды.

Находки:

– две бронзовые фибулы, одна так называемой прусской серии (табл. 36: *5*) и одна профилированная (табл. 36: *4*), расположенные в южном секторе у разных бортов: у западного – профилированная (гл. -1,46), у восточного – «прусская» (гл. -1,45);
– мелкие фрагменты лепного керамического сосуда, в северном секторе, среди камней (гл. -1,22/-1,27) (табл. 36: *6*).

Погребение 53.2011 г. (кв. 73, 83, 93). **Ингумация** (табл. 37–39).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,33 (север – юг) × 0,79 м (запад – восток). В южной части объекта фиксируется расширение ямы (до 1,37 м по оси запад – восток). Глубина ямы – до -1,43 м от нулевого репера и 0,42 м от уровня материка. Стенки близки к отвесным, дно ровное. В центральном секторе на уровне выявления читается линза темно-коричневой гумусированной супеси мощностью до 0,34 м и размерами 1,07 × 0,82 м. У дна, а также у бортов ямы заполнение представлено супесью серо-коричневого цвета. Яма перекрыта двухъярусным закладом, вытянутым по оси север – юг (табл. 37: *1, 2*). Первый ярус заклада состоял из 33 камней разных размеров. На уровне второго яруса камней, в северном секторе могилы, в нижнем заполнении, зафиксирована линза темно-серой супеси с органикой в примеси, в ней развал лепного сосуда (табл. 37: *2*; 39).

Находки:

– мелкий фрагмент стеклянной бусины (не сохранилась), в южном секторе, среди камней второго яруса, в нижнем заполнении (гл. -1,30);
– развал керамического лепного сосуда, в северном секторе, в линзе темно-серой супеси, в нижнем заполнении могилы (гл. -1,27/-1,28) (табл. 38: *1*; 39);
– фрагменты стенок керамического лепного сосуда, среди камней верхнего яруса заклада (гл. -1,12/-1,14) (табл. 38: *2*).

Погребение 54.2011 г. (кв.131–132, 141–142, 151–152). **Ингумация** (табл. 40).

Выявлена овальная яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,82 (север – юг) × 1,02 м (запад – восток). В северной части объекта фиксируется расширение по оси запад – восток

(до 1,53 м). Глубина ямы – до -1,49 м от нулевого репера и 0,45 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно слегка вогнутое. Верхняя часть заполнения мощностью до 0,14 м представлена темно-коричневой сильно гумусированной супесью. Нижняя часть представлена слоем коричнево-серой супеси мощностью до 0,38 м. В северном секторе могилы фиксируется 15 камней, в южном – 6 камней разного размера. В центральном секторе камни отсутствуют: вероятно, были перемещены в результате распашки или разграбления ямы (табл. 40: *1–5*).

Находки:

– развал лепного керамического сосуда с ручкой, в северном секторе, среди камней (гл. -1,16/ -1,32/-1,36) (табл. 40: *6–10*).

Погребение 55.2011 г. (кв. 99, 109–110, 118–119). **Кремация и конское захоронение** (табл. 41).

Выявлена яма неправильной Г-образной формы. По всей видимости, это были погребение коня и расположенная к востоку от него кремация, разрушенные грабительской траншеей, которая их связала в один объект. Размеры сохранившейся части погребения коня – 2,17 (север – юг) × 0,87 м (запад – восток), глубиной до -1,25 м от нулевого репера и до 0,19 м от уровня материка. По плохо сохранившимся фрагментам костей взрослой лошади ни пол, ни точный возраст животного определить не представляется возможным. В южном секторе обнаружена кость от скелета копытного животного крупных размеров, таксономическая идентификация невозможна (см.: Приложение 4). Стенки отвесные, дно вогнутое. Основной массив заполнения представлен светло-коричневой гумусированной супесью с древесным углем в примеси. У дна фиксируется прослойка светло-серой супеси с органикой в примеси. Мощность прослойки – 0,02 м. Размеры разрушенной кремации можно восстановить только по оси север – юг – 0,67 м, глубиной до -1,2 м от нулевого репера (0,07 м от уровня материка). Стенки пологие, дно вогнутое. В северо-восточном секторе отмечено 12 камней от разрушенного каменного заклада, в южном секторе – еще 3 камня (табл. 41: *1*).

В заполнении зафиксировано большое количество кальцинированных костей. Незначительные размеры этих костей не позволили провести биоархеологическую экспертизу. Между погребением коня и кремацией фиксируется перемычка, образованная предположительно грабительской траншеей, – объект 55А (табл. 41: *1–4*). В заполнении траншеи отмечены переотложенные кости взрослой лошади (см.: Приложение 4) (гл. -1,13/-1,30).

Находки:

– фрагменты стенок и венчиков лепных керамических сосудов, среди кальцинированных костей, на дне (гл. -1,18) (табл. 41: *5, 6*);
– фрагменты стенок лепного керамического сосуда, в южной части, на дне (гл. -1,05/-1,13) (табл. 41: *7, 8*).

Погребение 58А.2011 г. (кв. 48–50, 58–60, 67–70). **Ингумация** (табл. 42–46).

Выявлена яма неправильной формы, размерами 1,7 (север – юг) × 2,32 м (запад – восток), глубиной до -1,82 м от нулевого репера и 0,77 м от уровня материка. В своей северной части объект подвергся разрушению при рытье траншеи, проходящей с запада на восток. Яму перекрывал трехъярусный каменный заклад, первый ярус которого состоял из 53 камней разных размеров (табл. 42). Второй и третий ярусы заклада фиксировались только в восточном секторе ямы (табл. 43: *1*; 44). Стенки основной ямы погребения отвесные, дно ровное, прорезанное отдельными углублениями. Верхняя часть заполнения представлена серо-коричневой гумусированной супесью. Мощность заполнения – до 0,35 м. Нижняя придонная часть заполнения представлена слоем темно-серой супеси, прорезанной кротовинами. Мощность слоя – до 0,25 м (табл. 43: *2*; 45: *2*).

Среди камней второго яруса заклада, у восточного борта ямы, были выявлены кость (гл. -1,22) и зуб животного (гл. -1,32). Зуб принадлежит крупному рогатому скоту – особи 2,5–3 лет (корова?), пол установить не представляется возможным. Фрагмент кости принадлежит взрослому представителю копытных животных (оленя, быка, лошади), пол и точный возраст которого определить также невозможно (см.: Приложение 4).

Находки:

– железный гвоздь, в северо-восточной части могилы, среди камней второго яруса заклада (не сохранился) (гл. -1,26);
– фрагменты необработанного янтаря-сырца, к юго-западу от второго яруса каменного заклада, в южной части могилы (не сохранились) (гл. -1,02/-1,08);
– сильно коррозированная фрагментированная железная пряжка, в восточной части могилы, среди камней третьего яруса (гл. -1,75) (не сохранилась);
– фрагменты лепного керамического сосуда, в северо-восточной части могилы, среди камней третьего яруса (гл. -1,31) (табл. 46: *1*);
– развал керамического лепного сосуда в северо-восточной части, на дне ямы (гл. -1,63/-1,67) (табл. 46: *2*). Среди фрагментов сосуда найден сильно коррозированный мелкий фрагмент железного предмета (не сохранился), в северо-восточной части могилы, на дне (гл. -1,67).

Погребение 59.2011 г. (кв. 127, 137, 147, 157). **Ингумация** (табл. 47–49).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 3,19 × 1,26 м, глубиной до -1,47 м от нулевого репера и 0,99 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно вогнутое. Верхняя часть заполнения представлена серо-коричневой гумусированной смешанной супесью мощностью до 0,47 м (табл. 47: *3, 4*). Нижняя часть заполнения мощностью до 0,25 м представлена коричнево-серой супесью. Погребение перекрыто каменным двухъярусным закладом, вытянутым по оси север – юг; первый ярус состоял из 27 камней (табл. 47: *1, 2*).

Находки:

– два железных наконечника копья, острием ориентированных на север и расположенных рядом, в верхней части заполнения возле камней, у северо-западного края ямы (гл. -1,15/-1,17) (табл. 48: *1, 2*; 49: *1*);
– фрагменты керамических лепных сосудов, в южном секторе погребения, в верхней части заполнения, среди камней (гл. -1,12/-1,18) (табл. 48: *3, 4*);
– лепной керамический сосуд, в верхней части заполнения возле камней, лежащий на боку, горлом ориентированный на северо-запад, в 0,05 м к востоку от наконечников копий, в северо-западном секторе (гл. -1,16) (табл. 48: *5*; 49: *2*);
– фрагмент железного предмета, в южном секторе, на камне со следами обработки, рядом с двумя другими камнями со следами обработки, на дне (гл. -1,22) (табл. 48: *6*);
– три камня со следами обработки, в южном секторе погребения, рядом с железным предметом, на дне (гл. -1,22/-1,24) (табл. 48: *7–9*).

Погребение 68.2011 г. (кв. 13–14, 33–34, 53–54, 73–74). **Ингумация и кремация (?)** (табл. 50–57).

Выявлена яма овальной в плане формы, ориентированная по оси северо-восток – юго-запад, размерами 2,5 (северо-восток – юго-запад) × 1,5 м (северо-запад – юго-восток), общей глубиной до 0,35 м от уровня материка. Стенки пологие, дно ровное. Заполнение объекта представлено в центральной части массивом темно-серой гумусированной супеси мощностью до 0,35 м. Данный слой прорезает массив серо-коричневой и коричневой супеси на западе и востоке ямы. Вероятно, останцы серо-коричневой супеси представляют собой изначальное заполнение ямы данного погребения, а центральный слой заполнения в виде темно-серой гумусированной супеси – свидетельство разрушения данного погребения. На самом севере ямы, на дне, прослеживается линза углистой супеси размерами 0,15 × 0,16 м (табл. 51). Верхняя часть ямы была перекрыта двухъярусным каменным закладом, верхний ярус которого состоял из 42 камней, размерами 2,7 (северо-восток – юго-запад) × 1,6 м (северо-запад – юго-восток). Камни преимущественно средних размеров размерами от 0,08 × 0,1 м до 0,3 × 0,2 м (табл. 50: *1, 2*).

Расположение предметов погребального инвентаря, а также наличие в нижней части заполнения фрагментов серых глиняных сосудов орденского времени свидетельствует о разрушении могилы.

В нижнем заполнении (третий уровень) ямы, в северной части, у западного и восточного бортов могилы выявлены отдельные фрагменты кальцинированных костей (гл. -1,50/-1,52/-1,57) (табл. 51: *1*). Размеры этих фрагментов не позволяют провести биоархеологическую экспертизу.

В северной части могилы были обнаружены костные останки (гл. -1,56/-1,65/-1,66), принадлежавшие взрослому человеку, предположительно женщине, в возрасте 35–45 лет (см.: Приложение 3). Учитывая расположение деталей убора в могиле, покойная, вероятнее всего, была похоронена головой на север (табл. 51: *2*; 52).

Находки:

– бронзовая ажурная прямоугольная пряжка самбийского типа, с крючком на обратной стороне, с сохранившимися фрагментами кожи, в северо-западной части могилы, ближе к ее центру, южнее двух браслетов, на дне (гл. -1,65) (табл. 53: *1*);
– железный нож, в северо-восточной части могилы, к востоку от фибулы и ожерелья (гл. -1,56) (табл. 53: *2*);
– железная овальная пряжка, в нижнем слое заполнения (третий уровень), в северо-восточной части погребения, ближе к восточному борту могилы (гл. -1,47) (табл. 53: *3*);
– фрагменты бронзовых предметов, в северо-западной части могилы, на дне (гл. -1,63) (табл. 53: *4*; 55: *2*);
– фрагментированная бронзовая фибула т. н. прусской серии, в северо-восточной части могилы, ближе к восточному борту, на дне (гл. -1,64) (табл. 53: *5*);
– два бронзовых браслета с профилированными окончаниями, т. н. змеевидные, располагались друг на друге, видимо, они носились на одной руке, на боковых гранях браслетов сохранились фрагменты кожи; в северо-западной части ямы, к юго-западу от первого браслета, на дне (гл. -1,60/-1,61) (табл. 53: *6*; 55: *5*);
– бронзовая фибула т. н. прусской серии, в северо-восточной части могилы, среди стеклянных бус, на дне (гл. -1,65) (табл. 54: *1*);
– отдельные и фрагментированные стеклянные бусы в северо-западной части могилы, ближе к западному борту, рядом с ладьевидными накладками (гл. -1,64/-1,65) (табл. 54: *2*; 56: *7–9*);
– четыре бронзовые ладьевидные накладки в северо-западной части могилы, вдоль западного борта, на дне (гл. -1,59/-1,62/-1,64/-1,65) (табл. 54: *3, 4, 6, 12*);
– четыре бронзовые ладьевидные накладки и одна заклепка от них, в северной части могилы, у северного борта, на дне (гл. -1,59/-1,60/-1,63) (табл. 54: *5, 10, 11, 13, 14*);
– бронзовая ладьевидная накладка, в нижнем слое заполнения (третий уровень), в северо-западном секторе, ближе к западному борту могилы (гл. -1,51) (табл. 54: *7*);
– округлая бронзовая накладка с зажимом на оборотной стороне, в северо-западной части погребения, на дне (гл. -1,66) (табл. 54: *8*);
– бронзовая бусина, в северо-западной части могилы, у западного борта, на дне (гл. -1,61) (табл. 54: *9*);
– фрагментированная бронзовая фибула т. н. прусской серии, в северо-восточной части могилы, ближе к восточному борту, на дне (гл. -1,63) (табл. 55: *1*);
– бронзовая игла от фибулы, в северной части могилы, ближе к северному борту, среди бронзовых ладьевидных накладок, на дне (гл. -1,63) (табл. 55: *3*);
– бронзовый браслет с профилированными окончаниями, т. н. змеевидный, в нижнем слое заполнения (третий уровень), в северной части погребения (гл. -1,57), между фрагментами кальцинированных костей (табл. 55: *4*);
– ожерелье из бронзовых (3 экз.) и стеклянных бусин (10 экз.) с бронзовыми кольцами (2 экз.), в северной части могилы, к северо-востоку от фибулы (гл. -1,62/-1,64) (табл. 56: *1;* 57: *3*);
– отдельные стеклянные бусы в северной части могилы, к северу от ожерелья (гл. -1,61/-1,67) (табл. 56: *2–5*; 57: *1, 2*);
– фрагмент стеклянной бусины, в нижнем слое заполнения (третий уровень), у северного борта могильной ямы (гл. -1,68) (табл. 56: *6*);
– отдельные и фрагментированные стеклянные бусы в северо-западной части могилы, рядом с фибулой (гл. -1,61/-1,62) (табл. 56: *10–12*);

– фрагменты стенок и днищ круговых сосуд орденского времени, ближе к северной части ямы и восточнее ожерелья (гл. -1,63/-1,64) (табл. 56: *13–15*);
– фрагмент железного предмета (не сохранился), в северо-восточной части могилы, к востоку от ножа (гл. -1,66).

Погребение 69.2011 г. (кв. 68–69, 78–79, 88–89, 98–99). **Ингумация** (табл. 58).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-восток – юго-запад, размерами 2,78 (северо-восток – юго-запад) × 1,26 м (северо-запад – юго-восток). Глубина ямы – до -1,38 м от нулевого репера. Стенки пологие, дно неровное. Верхний слой заполнения представлен серо-коричневой супесью мощностью до 0,29 м. Ниже фиксируется слой смешанной серо-коричневой и желтой супеси. Мощность слоя – до 0,1 м. У дна фиксируется слой темно-серой супеси мощностью до 0,08 м. Между придонным слоем темно-серой супеси и слоем смешанной серо-коричневой и желтой супеси была выявлена прослойка желтой супеси мощностью до 0,03 м. Яма перекрыта 7 камнями средних размеров, не образующих скопления, – возможно, остатками каменного заклада, разрушенного вспашкой (табл. 58: *1–4*). По всей площади могильной ямы были найдены мелкие фрагменты лепного керамического сосуда. Видимо, это разрушенное погребение, совершенное по обряду ингумации.

Находки:

– мелкий бронзовый предмет, в северном секторе, на уровне выявления (гл. -1,05) (табл. 58: *5*);
– мелкий бронзовый предмет (не сохранился), в северо-западном секторе, на дне (гл. -1,14);
– мелкий фрагмент стенки лепного керамического сосуда, в южном секторе, на дне (гл. -1,08);
– развал лепного керамического сосуда, состоящий из мелких фрагментов, в северном секторе, у западного борта, на дне (гл. -1,19) (табл. 58: *6–9, 10–14*);
– мелкие фрагменты стенок керамических лепных сосудов, в северо-восточном секторе, на дне (гл. -1,10/-1,32).

Погребение 73.2011 г. (кв. 85, 95). **Кремация** (табл. 59).

Выявлена округлая яма, диаметром около 0,6 м и глубиной до -1,27 м от нулевого репера и 0,25 м от уровня материка. Стенки крутые, дно вогнутое. В центре ямы зафиксирована погребальная урна (табл. 59: *1*). Заполнение верхней части урны, а также верхней части могильной ямы представлено супесью серого цвета. Урна стояла на прослойке черной углистой супеси с кальцинированными костями. Мощность прослойки – до 0,06 м. На дне погребальной урны зафиксирован слой кальцинированных костей (табл. 59: *3*). Малые размеры этих костей как на дне ямы, так и на дне урны не позволили провести биоархеологическую экспертизу.

Находки:

– лепной керамический сосуд-урна, в центре ямы, с кальцинированными костями на дне (гл. -1,02) (табл.: 59: *4*).

Погребение 85.2011 г. (кв. 16–17, 26–27, 36–37, 46–47). **Ингумация** (табл. 60).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,96 (север – юг) × 1,15 м (запад – восток), глубиной до -1,55 м от нулевого репера и 0,54 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно вогнутое. В центральной и восточной частях ямы верхний уровень заполнения представлен слоем серо-коричневой углистой супеси. Мощность слоя – до 0,41 м. В западной части, а также у восточного края ямы, под слоем серо-коричневой углистой супеси фиксируется слой коричнево-черной супеси с древесным углем в примеси. В центральной части погребения под слоем серо-коричневой супеси фиксируются прослойки темно-серой супеси с органикой в примеси (остатки тлена) и слой супеси серо-желтого цвета (переотложенная материковая супесь) (табл. 60: *1–3*). Погребение перекрыто каменным закладом, состоящим из 39 камней разных размеров, расположенных вдоль оси могильной ямы (табл. 60: *1*). У дна фиксируется контур тлена (гл. -1,24/-1,25), образующий

прямоугольник, ориентированный по оси северо-восток – юго-запад, размерами 1,49 м (северо-восток – юго-запад) × 0,55 м (северо-запад – юго-восток). Выявленный контур может быть интерпретирован как остатки гробовины (табл. 60: *2*).

Находки:

– два фрагмента железных предметов, на дне, внутри гробовины (гл. -1,40/-1,42) (табл. 60: *4, 5*).

Погребение 86.2011 г. (кв. 12). **Ингумация** (табл. 61–66).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,56 (север – юг) × 1,01 м (запад – восток), глубиной до -1,25 м от нулевого репера и 0,17 м от уровня материка. Стенки крутые, дно вогнутое. Заполнение однородное, представлено темно-серой гумусированной супесью. По оси север – юг сохранились остатки, вероятно, двухъярусного каменного заклада, первый ярус которого состоял из 21 камня разных размеров (табл. 61: *1, 2*).

Скопление погребального инвентаря находилось в северной части могилы (табл. 61: *2*). На дне ямы среди этого скопления были зафиксированы человеческие зубы рядом с ожерельем из бус (гл. -1,19) и кости (гл. -1,17/-1,18) (табл. 62). Костные останки, вероятно, принадлежат женщине (см.: Приложение 3).

Находки:

– ожерелье из стеклянных полихромных бус в сочетании с бронзовыми кольцами, в северной части могилы, рядом с зубами, на дне (гл. -1,18/-1,20) (табл. 63: *1, 2*; 66);
– бронзовое кольцо, в северной части могилы, к югу от ожерелья, на дне (гл. -1,20) (табл. 64: *10*);
– янтарная бусина, в северо-западной части могилы, западнее ожерелья, на дне (гл. -1,18) (табл. 63: *3*);
– железный нож с остатками дерева из двух фрагментов, в северной части могилы, под одной из ладьевидных накладок, восточнее ожерелья, на дне (гл. -1,22) (табл. 63: *4*);
– камень-терочник, на уровне выявления, среди камней первого яруса заклада, в юго-западной части могилы, у западного борта (гл. -0,97) (табл. 63: *5*);
– фрагмент керамического сосуда, в южной части могилы, на дне (гл. -1,21) (табл. 63: *6*);
– фрагмент бронзовой иглы, в северной части могилы, рядом с ладьевидными накладками, на дне (гл. -1,13) (табл. 64: *1*);
– бронзовая ажурная прямоугольная пряжка самбийского типа, в северо-восточной части могилы, на дне (гл. -1,15) (табл. 64: *2*);
– бронзовая пластина с фрагментом кожи, в северо-восточной части могилы, лежала на одной из ладьевидных накладок, южнее пряжки, на дне (гл. -1,11) (табл. 64: *3*);
– бронзовые ладьевидные накладки, 8 экз., в северной части могилы: 6 экз. расположены от ожерелья бус по прямой линии к северному борту (гл. -1,16/-1,17/-1,18/-1,21); 2 экз. – к востоку от этих шести накладок (гл. -1,12), южнее ажурной пряжки; на дне (табл. 64: *4–9, 11, 12)*;
– фрагмент деревянного изделия с бронзовой заклепкой (не сохранился), в северной части объекта, северо-западнее ожерелья, на дне (гл. -1,14);
– керамический сосуд, лежавший на боку, горловиной ориентированный на север, в северной части могилы, ближе к западному борту, на дне (гл. -1,14) (табл. 65: *1*);
– фрагмент железного предмета (не сохранился), в северной части могилы, к северу от зубов и ожерелья, на дне (гл. -1,20).

Погребение 88.2011 г. (кв. 15–16, 15А–16А). **Ингумация** (табл. 67–68).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-запад – юго-восток, размерами 1,83 (северо-запад – юго-восток) × 0,96 м (северо-восток – юго-запад), глубиной до -1,32 м от нулевого репера. Стенки крутые, дно вогнутое. Основной массив заполнения представлен слоем темно-серой гумусированной супеси. В юго-восточном секторе у края ямы на уровне выявления фиксируется округлая линза черной гумусированной супеси. Могильная яма перекрыта 10 разрозненными камнями средних размеров, по всей видимости, это остатки разрушенного каменного заклада (табл. 67: *1*). По положению деталей убора в могильной яме можно предположить, что покойник был похоронен головой на север.

Находки:

– две бронзовые фибулы т. н. прусской серии, в центральной части погребения, ближе к западному борту, на уровне выявления (гл. -1,25/-1,26) (табл. 68: *1, 2*);
– фрагмент бронзового изделия, рядом с фибулами (не сохранился), в центральной части погребения, ближе к западному борту, на уровне выявления (гл. -1,21);
– два фрагмента бронзового круглопроволочного браслета, в центральной части могилы, к югу-востоку от фибул, на уровне выявления (гл. -1,06) (табл. 68: *3, 4*);
– фрагментированный бронзовый круглопроволочный браслет, у северо-западного борта погребения, на уровне выявления (гл. -1,11) (табл. 68: *5*);
– фрагмент янтаря-сырца, в центральном секторе погребения, к западу от браслета, на уровне выявления (гл. -1,30) (табл. 68: *6*);
– фрагмент стенки лепного керамического сосуда с ручкой, в северном секторе, на уровне выявления, под камнями (гл. -1,23) (табл. 68: *7*).

Погребение 102.2011 г. (кв. 96–97, 106–107). **Ингумация** (табл. 69).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 1,94 (север – юг) × 1,42 м (запад – восток), глубиной до -1,77 м от нулевого репера и до 0,61 м от уровня материка (табл. 69: *1, 2*). Стенки крутые, дно ровное. Верхняя часть заполнения представлена серо-коричневой гумусированной супесью мощностью до 0,49 м. Нижняя придонная часть заполнения представлена серо-желтой супесью (табл. 69: *3*). Мощность слоя – 0,18 м. Могильная яма перекрыта 13 камнями разного размера, расположенных по оси север – юг (табл. 69: *1*).

Находки:

– фрагменты стенок лепного керамического сосуда, в южной части могилы, на уровне выявления, среди камней (гл. -1,22/-1,33) (табл. 69: *4*);
– фрагмент донца лепного керамического сосуда, в южной части могилы, на уровне выявления, среди камней (гл. -1,53) (табл. 69: *5*);
– фрагмент стеклянной бусины (не сохранился), в юго-восточной части могилы, на уровне выявления, среди камней (гл. -1,20).

Погребение 104.2011 г. (кв. 71–72, 81–82, 91–92). **Ингумация** (табл. 70–71).

Выявлена подпрямоугольная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 1,68 (север – юг) × 0,91 м (запад – восток), глубиной до -1,56 м от нулевого репера и до 0,44 м от уровня материка (табл. 70: *1*). Стенки близки к отвесным, дно ровное. Верхняя часть заполнения представлена серой углистой супесью мощностью до 0,32 м. У западного края ямы нижняя часть заполнения представлена смешанной серой и желтой супесью. В центральном и восточном секторах нижняя придонная часть заполнения представлена слоем темно-серой супеси с большим количеством органики (костный тлен). В слое серой углистой супеси, а также на границе слоя серой супеси и темно-серой супеси с органикой фиксируется прослойка переотложенной материковой желтой супеси. Мощность прослойки – до 0,05 м (табл. 70: *1, 2, 4*).

При зачистке в слое темно-серой супеси были выявлены отчетливые контуры гробовины. Все предметы погребального инвентаря находились внутри этого контура, в северной части (табл. 70: *2*). Среди инвентаря в северном секторе погребения зафиксированы человеческие кости (гл. -1,45/-1,56) и зубы (гл. -1,40), найденные среди бус (табл. 70: *2*). Останки принадлежат, вероятно, женщине 30–39 лет (см.: Приложение 3). Судя по расположению зубов и предметов в могильной яме, женщина была захоронена головой на север.

Находки:

– янтарные и стеклянные бусы, некоторые с бронзовыми пронизями, в северном секторе погребения, рядом с зубами, внутри гробовины, на дне (гл. -1,43/-1,45/-1,46) (табл. 71: *1–8, 10, 12–16*);
– бронзовая пронизь, в северном секторе погребения, внутри гробовины, среди бус, возле зубов, на дне (гл. -1,42) (табл. 71: *9*);
– бронзовая фибула (найдена среди фрагментов костей погребенной), в северном секторе погребения, внутри гробовины, к юго-западу от зубов, на дне (гл. -1,44) (табл. 71: *11*);

– фрагмент металлического предмета, в северо-восточном секторе погребения, внутри гробовины, возле ее восточной линии, на дне (гл. -1,48) (табл. 71: *17*);
– фрагмент рукояти металлического изделия, в северном секторе погребения, внутри гробовины, ближе к ее западной линии, на дне (гл. -1,49) (табл. 71: *18*);
– бронзовый браслет, в северо-восточном секторе погребения, внутри гробовины, возле ее восточной линии, на дне (гл. -1,48) (табл. 71: *19*);
– бронзовая фибула (найдена на фрагменте кости погребенной), в северном секторе погребения, внутри гробовины, к югу от зубов, параллельно первой фибуле, на дне (гл. -1,46) (табл. 71: *20*);
– фрагмент стенки лепного керамического сосуда, в северном секторе погребения, на дне (гл. -1,45) (табл. 71: *21*).

Погребение 114.2011 г. (кв. 93,103). **Ингумация** (табл. 72).

Выявлена подпрямоугольная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 1,64 (север – юг) × 0,59 м (запад – восток), глубиной до -1,25 м от нулевого репера и до 0,12 м от уровня материка (табл. 72: *1*). Стенки крутые, дно ровное. Заполнение однородное, представлено серой гумусированной супесью (табл. 72: *3*).

Находки:
– точильный камень, в северном секторе могильной ямы, у северного борта (гл. -1,14) (табл. 72: *4*);
– железный нож, в северном секторе могильной ямы, у северного борта, рядом с точильным камнем (гл. -1,18) (табл. 72: *5*);
– железный предмет из двух фрагментов, в северном секторе, у северного борта, между точильным камнем и ножом (гл. -1,17/-1,19) (табл. 72: *6*).

Все находки лежали рядом, компактно.

Погребение 116.2011 г. (кв. 74, 84). **Ингумация** (табл. 73–75).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-восток – юго-запад, размерами 1,24 (северо-восток – юго-запад) × 0,57 м (северо-запад – юго-восток), глубиной до -1,13 м от нулевого репера и 0,21 м от уровня материка (табл. 73: *1, 2*). Стенки отвесные, дно ровное. Заполнение однородное, представлено серой гумусированной супесью (табл. 73: *4*). Могильная яма целиком перекрыта каменным закладом, состоящим из 11 камней крупных и средних размеров (табл. 73: *1*).

Находки:
– фрагмент бронзового изделия, в северном секторе, ближе к центру, в 0,15 м к югу от сосудов, под камнями, на дне (гл. -1,07) (табл. 74: *1*);
– два лепных керамических сосуда, один из них лежал на боку, горловиной на запад (гл. -0,95/-1,07); другой – кружка с ручкой – стоял рядом (гл. -0,98/-1,06); обнаружены в северном секторе могильной ямы, ближе к северному борту, под камнями, на дне (табл. 74: *2, 3*; 75: *1, 2*).

Погребение 117.2011 г. (кв. 51–52, 61–62). **Кремация** (табл. 76).

Выявлена овальная, близкая к округлой в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 1,14 (север – юг) × 0,98 м (запад – восток), глубиной до -1,11 м от нулевого репера и до 0,19 м от уровня материка (табл. 76: *1*). Стенки пологие, дно вогнутое. Заполнение однородное, представлено серой углистой гумусированной супесью (табл. 76: *3*). Погребение перекрыто двухъярусным закладом, первый ярус состоял из 12 камней крупных размеров (табл. 76: *1, 2*). На уровне второго яруса в северном и южном секторах ямы выявлены отдельные кальцинированные кости. Незначительные размеры этих костей не позволили провести биоархеологическую экспертизу. В центре ямы обнаружены обломки лепного сосуда, возможно, погребальной урны (табл. 76: *2*).

Находки:
– фрагмент стеклянной бусины (не сохранился), в северной части могильной ямы, на уровне второго яруса камней (гл. -0,92);

– фрагмент венчика лепного керамического сосуда, среди других фрагментов сосуда, в центральной части могильной ямы, на уровне второго яруса камней (гл. -0,81/-0,84) (табл. 76: *5*);
– скопление фрагментов стенок лепного керамического сосуда, в центральной части могильной ямы, на уровне второго яруса камней (гл. -0,81/-0,84) (табл. 76: *6*).

Погребение 118.2011 г. (кв. 7, 17, 27). **Ингумация** (табл. 77–80).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,72 (север – юг) × 0,92 м (запад – восток), глубиной до -1,28 м от нулевого репера и 0,38 м от уровня материка (табл. 77: *1*). Стенки крутые, дно вогнутое. Заполнение однородное, представлено темно-серой супесью (табл. 78: *1, 2*). В северном секторе могильной ямы на дне фиксируется резкое понижение, образующее углубление овальной формы, глубиной до -1,39 м от нулевого репера (табл. 77: *2*; 78: *1*). Данное углубление, вероятно, является грабительской ямой. Могильная яма перекрыта 40 камнями разных размеров, образующими заклад, вытянутый по оси север – юг (табл. 77: *1*). К юго-восточному краю могилы примыкает погребение 123.2011 г. (о нем см. ниже).

Находки:
– четыре бронзовые ладьевидные накладки, фрагментированные, в северном секторе, у южного края грабительской ямы, на дне (гл. -1,28) (табл. 79: *1–4*);
– два фрагмента бронзовых ладьевидных накладок, в северном секторе, в заполнении грабительской ямы, ближе к восточному краю, рядом с цепочкой, на дне (гл. -1,24) (табл. 79: *5, 6*);
– фрагмент металлической плетеной цепочки, в северном секторе, в заполнении грабительской ямы, ближе к восточному краю (гл. -1,28) (табл. 79: 7);
– фрагмент железного изделия, в южном секторе могильной ямы, среди развала керамического сосуда, под камнями, на дне (гл. -1,27) (табл. 79: *8*);
– фрагменты стенок и венчиков лепного керамического сосуда, в северо-восточном и центральном секторах, на уровне выявления, среди камней заклада (гл. -0,98/-1,02) (табл. 79: *9–17*);
– фрагменты лепного керамического сосуда, на уровне выявления, у южного борта ямы, среди камней заклада (гл. -0,95) (табл. 79: *18, 19*);
– развал лепного керамического сосуда, в южном секторе, ближе к южному борту могилы, под камнями, на дне (гл. -1,21/-1,27) (табл. 80).

Погребение 120.2011 г. (кв. 54–55, 64–65). **Кремация** (табл. 83).

Выявлена яма неправильной формы, размерами 1,69 (север – юг) × 1,44 м (запад – восток), глубиной до -1,16 м от нулевого репера и 0,21 м от уровня материка (табл. 83: *1*). В северо-восточном секторе фиксируется понижение уровня дна, образующее углубление подпрямоугольной формы, размерами 0,98 (север – юг) × 1,01 м (запад – восток) и глубиной до -1,61 м от нулевого репера (табл. 83: *2, 3*).

У южного края могильной ямы и в ее центральной части выявлены две современные столбовые ямы, прорезавшие заполнение – объекты 120А и 120Б (табл. 83: *1–4*). В центральной столбовой яме зафиксированы остатки обломанного столба. Основной массив заполнения могильной ямы представлен серо-коричневой супесью. У дна фиксируется слой песка коричнево-серого цвета. Слой серо-коричневой супеси прорезан многочисленными линзами серо-коричневого песка. Могильная яма перекрыта двухъярусным каменным закладом, первый ярус состоял из 15 камней разного размера. В заполнении могильной ямы зафиксированы мелкие кальцинированные кости (гл. -1,45/-1,48), их незначительные размеры не позволили провести биоархеологическую экспертизу. В северной части ямы находился крупный фрагмент угля (гл. -1,60), к востоку от него – следы угля (гл. -1,27) (табл. 83: *2*). Погребение разрушено хозяйственными ямами нового времени (объекты 120А и 120Б). Возможно, погребение было урновым.

Находки:
– фрагмент лепного керамического сосуда, в северной части могилы, среди камней второго яруса (гл. -0,97/-1,45) (табл. 83: *5*);
– фрагменты вечиков лепных керамических сосудов, в северо-восточной части могилы, среди камней второго яруса (гл. -1,49) (табл. 83: *6, 7*).

Погребение 121–122.2011 г. (кв. 13–14, 23–24, 32–34, 42). **Ингумация** (табл. 84–86).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-восток – юго-запад, размерами 3,48 (северо-восток – юго-запад) × 1,89 м (северо-запад – юго-восток), глубиной до -1,43 м от нулевого репера и 0,59 м от уровня материка. Стенки отвесные, дно неровное. В центре могильная яма прорезана траншеей с бетонной трубой (табл. 84: *1*). Южная часть сильно разрушена при рытье траншеи, ее заполнение идентично заполнению траншеи и представлено темно-коричневой супесью с гравием в примеси. Заполнение северной части представлено серо-коричневой гумусированной супесью. У дна фиксируются тонкие прослойки серой гумусированной супеси и темно-серой супеси с древесным углем в примеси (табл. 85: *1, 2*). Могила была перекрыта, по всей видимости, двухъярусным каменным закладом, разрушенным траншеей. От первого уровня заклада сохранилось 44 камня разного размера (табл. 84: *1, 2*).

Под трубой, на дне траншеи, а также в южной части могильной ямы выявлены зубы лошади (гл. -0,97/-1,28), в южной и северной частях – кости лошади (гл. -1,09/-1,37) – две особи. Одна возрастом 3,5–4 года, определение пола невозможно; вторая – возраст животного между 24 и 36 месяцами, пол не установлен (см.: Приложение 4).

Находки:

- фрагмент бронзового изделия, в северной части погребения, ближе к северному борту (гл. -1,35) (табл. 86: *1*);
- фрагменты лепного керамического сосуда, в северо-восточной части, у восточного борта, ближе к траншее (гл. -1,02) (табл. 86: *2, 5*);
- фрагмент железного шила-проколки, в северной части погребения, ближе к траншее (гл. -1,31) (табл. 86: *3*);
- точильный камень, в северно-восточной части ямы, у восточного борта (гл. -0,89) (табл. 86: *4*);
- развал керамического лепного сосуда, в северной части погребения (гл. -1,28/-1,31) (табл. 86: *6*);
- фрагменты стенок кругового керамического сосуда (орденского времени?), в южной части погребения, на уровне выявления, среди камней первого яруса заклада (гл. -0,85/-0,91);
- мелкие сильно коррозированные фрагменты железных изделий, в траншее к востоку от погребения (гл. -0,95/-1,04);
- фрагменты стенок лепных керамических сосудов, в северо-восточной части погребения, ближе к траншее (гл. -0,98/-1,02);
- фрагменты стенок керамических лепных сосудов, в северной и северо-восточной частях погребения (гл. -1,02/-1,32).

Погребение 123.2011 г. (кв. 27–28). **Кремация** (табл. 77, 78: *3*, 81, 82).

Выявлена округлая в плане яма диаметром около 0,4 м, своим северо-западным краем примыкающая к погребению 118.2011 г. (о нем см. выше), глубиной до -1,18 м от нулевого репера и 0,26 м от уровня материка (табл. 77: *1, 2*). Стенки отвесные, дно слегка вогнутое. Заполнение представлено серо-желтой супесью. В центре ямы находилась погребальная урна (гл. -0,88) (табл. 77: *1, 2*; 78: *3*; 81: *6*; 82). Заполнение урны представлено супесью темно-серого цвета, древесным углем, на дне фиксируется грунт, насыщенный кальцинированными костями, мощность прослойки – до 0,12 м. Однако размеры этих костей слишком малы, и выявить анатомически определимые участки не представлялось возможным.

Находки:

- бронзовая фрагментированная ладьевидная накладка, в заполнении урны, на кальцинированных костях (гл. -1,02) (табл. 81: *1*);
- фрагмент бронзового предмета, в заполнении урны, на кальцинированных костях (гл. -1,00) (табл. 81: *2*);
- фрагмент железного предмета, в заполнении урны, на кальцинированных костях (гл. -1,08) (табл. 81: *3*);
- лепной керамический сосуд-урна с фрагментами венчика, в центре ямы, с кальцинированными костями на дне (гл. -0,88) (табл. 81: *4–6*; 82).

Погребение 130.2011 г. (кв. 31–32, 41–42). **Кремация** (табл. 87–88).

Выявлена яма неправильной формы, вытянутая по оси запад – восток, размерами 1,39 (север – юг) × 1,9 м (запад – восток), глубиной до -1,1 м от нулевого репера и 0,2 м от уровня материка (табл. 87: *1*). В западном секторе фиксируется резкое понижение уровня дна, образующее углубление неправильной формы (глубина до -1,36 м от нулевого репера). В северо-восточном секторе выявлено еще одно углубление округлой формы, диаметром около 0,29 м и глубиной до -1,3 м от нулевого репера. Стенки пологие, дно вогнутое. Заполнение однородное, представлено серо-коричневой углистой супесью с кальцинированными костями в примеси (табл. 87: *2*). Погребение было перекрыто, вероятно, двухъярусным каменным закладом; в разрушенном первом ярусе сохранилось 10 камней средних размеров (табл. 87: *1, 3*). На уровне выявления первого яруса каменного заклада, в южном секторе могильной ямы зафиксированы кальцинированные кости (гл. -0,94), в восточном секторе – мелкие оплавленные фрагменты железных предметов (гл. -0,83/-0,96) и фрагменты керамического лепного сосуда (гл. -0,89/-0,93). На глубине -1,12/-1,20 м от нулевого репера в центре могильной ямы выявлена овальная линза черной супеси с углем и кальцинированными костями в примеси, вытянутая по оси север – юг (табл. 87: *3*). В северо-восточном и южном секторах, а также в линзе с углем кальцинированные кости были очень малого размера, что не позволило провести биоархеологическую экспертизу. По всей видимости, погребение было урновым, поскольку обнаружены два развала керамических лепных сосудов, возможно, один из них – сосуд-приставка.

Находки:

– фрагмент бронзового предмета, в северном секторе могильной ямы, внутри линзы, ближе к ее северо-западному краю (гл. -1,12) (табл. 88: *1*);
– фрагмент оплавленной стеклянной бусины (не сохранилась), в западном секторе могильной ямы, на уровне выявления первого яруса каменного заклада, среди камней (гл. -0,93);
– фрагменты лепных керамических сосудов, в восточном секторе ямы, на уровне выявления первого яруса камней, среди камней (гл. -0,89/-0,93) (табл. 88: *2, 3*);
– фрагмент керамического лепного сосуда (поддон от сосуда), в центре ямы, среди камней второго яруса (гл. -1,15) (табл. 88: *4*);
– развал керамического лепного сосуда, в северо-западном секторе ямы, за западной границей линзы, среди камней второго яруса (гл. -1,19/-1,25) (табл. 88: *5*);
– развал керамического лепного сосуда, растянут по северо-восточной – юго-восточной границе линзы, среди камней второго яруса (гл. -1,01/-1,12/-1,34) (табл. 88: *6*).

Погребение 135.2011 г. (кв. 30, 40). **Ингумация** (табл. 89–90).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг. Северная часть погребения разрушена траншеей, пересекающей раскоп по оси запад – восток. Размеры сохранившейся части могильной ямы – 1,86 (север – юг) × 1,16 м (запад – восток), глубиной до -1,18 м от нулевого репера и 0,29 м от уровня материка. Стенки близки к отвесным, дно ровное (табл. 89: *1–3*). Заполнение однородное, представлено серо-коричневой гумусированной супесью (табл. 89: *4*). Объект перекрыт каменным, вероятно двухъярусным, закладом, первый ярус которого состоял из 16 камней разного размера. Основное скопление камней, сохранившихся от заклада, фиксируется в южной части могильной ямы, 5 камней – в восточной (табл. 89: *1*).

Находки:

– бронзовая умбоновидная накладка, в юго-восточной части могилы (гл. -1,02) (табл. 90: *1*);
– три фрагмента бронзовых накладок, в юго-восточной части могилы (гл. -1,09/-1,21) (табл. 90: *2–4*);
– три бронзовые умбоновидные накладки, в юго-западном секторе, ближе к западному борту (гл. -1,02/-1,08) (табл. 90: *5–7*);
– десять бронзовых умбоновидных накладок, в том числе и фрагменты, в юго-восточном секторе, в скоплении других накладок (гл. -1,02/-1,15) (табл. 90: *8–12, 15–19*);
– фрагменты лепных керамических сосудов, в юго-восточном секторе, среди накладок (гл. -1,15) (табл. 90: *13, 14*).

Погребение 137.2011 г. (кв. 149–150, 159–160, 169–170, 179–180). **Ингумация** (табл. 91–96).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 2,67 (север – юг) × 1,36 м (запад – восток), глубиной до -1,25 м от нулевого репера и до 0,29 м от уровня материка. Стенки пологие, дно ровное (табл. 91: *1, 2*; 92: *1*). Заполнение однородное, представлено серо-коричневой гумусированной супесью (табл. 92: *2*). Яма перекрыта двухъярусным разрушенным каменным закладом, первый ярус которого состоял из 24 камней разного размера (табл. 91: *1, 2*). Камни заклада в основном сконцентрированы в северной части могилы. К западу от могильной ямы фиксируется большое (83 экз.) количество камней, которые, вероятно, изначально составляли каменный заклад погребения.

В северо-западной части погребения, на дне ямы, ближе к северному краю могильной ямы, на глубине – 1,19 м был обнаружен фрагмент челюсти человека. Судя по расположению найденной челюсти и бусинных ожерелий под ней, погребенный был положен головой на север (табл. 91: *2*). Плохая сохранность человеческих останков не дает возможности провести половозрастные определения.

Находки:

– три ладьевидные накладки в северо-западном секторе ямы (гл. -1,18/-1,24) (табл. 93: *1–3*);
– одна ладьевидная накладка в центре ямы, ближе к ее юго-восточному сектору (гл. -1,07) (табл. 93: *4*);
– одна ладьевидная накладка, в центре ямы, в южном секторе, рядом с одной частью пряжки (гл. -1,15) (табл. 93: *5*);
– две ладьевидные накладки, в юго-западном секторе ямы, у западного борта, севернее второй части пряжки (гл. -1,15/-1,20) (табл. 93: *6, 7*);
– одна ладьевидная накладка зафиксирована за пределами могильной ямы (не сохранилась, разрушилась), у ее северо-западного борта (гл. -1,00);
– одна ладьевидная накладка в юго-восточном секторе ямы, ближе к ее южному борту (гл. -1,02) (табл. 93: *8*);
– одна ладьевидная накладка в юго-восточной части могилы, ближе к южному борту (гл. -1,02) (табл. 93: *9*);
– бронзовая ажурная прямоугольная пряжка самбийского типа, одна часть пряжки – в южном секторе (гл. -1,14), вторая – в юго-западном, ближе к западному борту ямы (гл. -1,04) (табл. 93: *10, 11*; 95);
– бронзовая бусина с бронзовым кольцом, к югу от челюсти человека, в центре северного сектора (гл. -1,21) (табл. 93: *12*);
– бронзовый браслет с профилированными окончаниями, т. н. змеевидный, в юго-западном секторе, ближе к западному борту (гл. -1,12) (табл. 94: *1*; 96);
– полихромные стеклянные бусы, к югу от челюсти человека, в северо-западном секторе, среди других бус (гл. -1,15/-1,19) (табл. 94: *2–7, 9–12*);
– часть ожерелья: полихромная стеклянная бусина с бронзовым кольцом, к югу от зубов и двух других частей ожерелья, в северо-западном секторе, у западного борта, рядом с другими бусами (гл. -1,19/-1,21) (табл. 94: *8*);
– фрагменты полихромных стеклянных бусин, к югу от челюсти человека, в северо-западном секторе, среди других бус (гл. -1,19) (табл. 94: *13, 14*);
– бронзовая бусина с двумя бронзовыми кольцами, в северо-западном секторе, к юго-западу от челюсти человека, у западного борта (гл. -1,22) (табл. 94: *15*);
– две полихромные стеклянные бусины, к югу от челюсти человека, в северном секторе (гл. – 1,16/-1,21) (табл. 94: *16, 17*);
– бронзовое кольцо, к югу от челюсти человека, в северо-западном секторе, среди стеклянных полихромных бус (гл. -1,10) (табл. 94: *18*);
– часть ожерелья: две полихромные стеклянные бусины с бронзовым кольцом, к югу от челюсти человека, в северо-западном секторе (гл. -1,16/-1,21) (табл. 94: *19*);
– часть ожерелья: четыре бронзовых кольца и стеклянная полихромная бусина, в северном секторе, к югу от зубов человека (гл. -1,19) (табл. 94: *20*);

– часть ожерелья: две полихромные стеклянные бусины с бронзовой бусиной и тремя бронзовыми кольцами, к югу от челюсти человека, в северо-западном секторе (гл. -1,16/-1,21) (табл. 94: *21*);
– часть ожерелья: бронзовое кольцо и две полихромные стеклянные бусины, в северном секторе, к югу от первой части ожерелья и зубов (гл. -1,15) (табл. 94: *22*);
– мелкие фрагменты стенок лепных керамических сосудов, в юго-западном секторе ямы (гл. -1,15).

Погребение 138.2011 г. (кв. 119–120, 129–130). **Кремация** (табл. 97–99).

Выявлена яма неправильной формы размерами 1,76 (север – юг) × 2,01 м (запад – восток). Яма прорезает слой серо-коричневой гумусированной супеси на глубину 0,3 м и уходит в материк на глубину до 0,41 м. Стенки отвесные, дно неровное (табл. 97; 98). Верхняя часть заполнения представлена черной углистой супесью и имеет мощность до 0,24 м. Нижняя часть заполнения представлена слоем черно-серой супеси мощностью до 0,5 м (табл. 98: *1*). В центральном секторе объекта фиксируется понижение уровня дна, образующее углубление округлой формы, диаметром около 0,51 м и глубиной до -1,65 м от нулевого репера. В могильной яме на уровне первого яруса каменного заклада в северном секторе зафиксированы кальцинированные кости. Незначительные размеры этих костей не позволили провести биоархеологическую экспертизу. Яма была перекрыта, вероятно, двухъярусным каменным закладом, разрушенным распашкой. Первый ярус состоял из 13 камней разного размера на уровне выявления, в основном в южной части могилы. К югу от могильной ямы зафиксировано еще 13 камней средних и крупных размеров, вероятно, перемещенных распашкой из заклада данного погребения (табл. 97: *1*). На уровне второго яруса в северном секторе зафиксированы следы угля (гл. -0,96). Наличие развала керамического сосуда свидетельствует, что погребение было урновым.

Находки:

– многочисленные фрагменты лепного керамического сосуда, по всей площади могильной ямы, на уровне второго яруса (гл. -0,95/-1,48) (табл. 99: *1–5*);
– развал лепного керамического сосуда, скорее всего представлявшего собой погребальную урну, в южной части ямы, у самого борта, на уровне второго яруса; под фрагментами зафиксированы мелкие кальцинированные кости (гл. -1,28) (табл. 99: *6*).

Погребение 145.2011 г. (кв. 47, 56–58, 66–68, 77–78). **Ингумация** (табл. 100–102).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси северо-запад – юго-восток, размерами 3,38 (северо-запад – юго-восток) × 0,92 м (северо-восток – юго-запад), глубиной до -1,58 м от нулевого репера (0,51 м от уровня материка). Стенки крутые, дно ровное (табл. 100; 101). Верхняя часть заполнения представлена слоем серо-коричневой гумусированной супеси. Мощность слоя – до 0,35 м. Нижняя придонная часть заполнения представлена слоем серо-желтой гумусированной супеси. Мощность слоя – до 0,18 м (табл. 100: *4*). Объект был перекрыт, вероятно, трехъярусным каменным закладом, вытянутым по оси северо-запад – юго-восток. Первый ярус заклада состоял из 43 камней разного размера (табл. 100: *1*).

К восточной части погребения 145.2011 г. примыкает объект № 145А – округлая в плане яма диаметром около 0,38 м (табл. 100: *1, 2*; 101: *1, 2*). Яма выбрана в материке на глубину до -1,37 м от нулевого репера (0,31 м от уровня выявления). Стенки отвесные, дно вогнутое. Заполнение однородное, представлено серо-коричневой гумусированной супесью (табл. 100: *3*). Находок не зафиксировано. Интерпретация объекта представляется затруднительной.

К западной части погребения 145.2011 г. примыкает объект 145Б – округлая в плане яма диаметром около 1,45 м (табл. 100: *1, 2*; 101: *1, 2*). Яма выбрана в материке на глубину до -1,58 м от нулевого репера (0,55 м от уровня выявления). Стенки отвесные, дно неровное. Заполнение однородное, представлено слоем серой гумусированной супеси (табл. 100: *4*). У восточной стенки объекта – граница с западным бортом погребения 145.2011 г. – зафиксировано скопление камней (14 камней в первом ярусе). Возможно, это часть трехъярусного каменного заклада погребения. Находок не зафиксировано. Интерпретация объекта представляется затруднительной.

Находки:

– стеклянная бусина, в южном секторе, рядом с ажурной и умбоновидной накладками, на дне (гл. -1,38) (табл. 102: *1*);
– две стеклянные бусины, в южном секторе, рядом с ажурной и умбоновидной накладками, на дне (гл. -1,39) (табл. 102: *2, 3*);
– округлая бронзовая умбоновидная накладка, в южном секторе погребения, рядом с ажурной накладкой и бусами, на дне (гл. -1,35) (табл. 102: *4*);
– округлая бронзовая ажурная накладка, в южном секторе погребения, рядом с умбоновидной накладкой и бусами, на дне (гл. -1,41/-1,43) (табл. 102: *5*);
– бронзовая ладьевидная накладка, в западном секторе погребения, возле борта могилы, на дне (гл. -1,37) (табл. 102: *6*);
– фрагмент стенки лепного керамического сосуда, в центре могилы, среди камней второго яруса каменного заклада (гл. -1,17) (табл. 102: *7*);
– фрагменты стенок лепных керамических сосудов, в центральном, восточном и южном секторах погребения (гл. -1,17/-1,39) (табл. 102: *8–12*);
– лепной керамический сосуд, лежавший на боку, горлом ориентированный на запад, в южном секторе, к западу от двух накладок и трех бусин, на дне (гл. -1,35) (табл. 102: *13*).

Погребение 151.2011 г. (кв. 39, 49). **Кремация** (табл. 103).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 0,78 м (север – юг) × 0,6 м (запад – восток), глубиной до -1,45 м от нулевого репера (0,16 м от уровня материка). Стенки крутые, дно вогнутое (табл. 103: *1–3*). Заполнение однородное, представлено супесью светло-коричневого цвета с древесным углем в примеси (табл. 103: *3*). В центре и у северо-западного борта могильной ямы обнаружены скопления древесного угля мелких фракций (гл. -1,30/-1,34). По всему заполнению встречаются отдельные кальцинированные кости во взвешенном состоянии (гл. -1,32). Малые размеры этих костей не позволили провести биоархеологическую экспертизу.

Скорее всего, погребение представляет собой безурновую кремацию, верхняя часть которой была разрушена в ходе распашки.

Находок в могиле не обнаружено.

Погребение 156.2011 г. (кв. 151–152, 161–162, 171–172, 181–182). **Ингумация** (табл. 104–105).

Выявлена овальная в плане яма, вытянутая по оси север – юг, размерами 3,3 (север – юг) × 1,72 м (запад – восток), глубиной до -1,47 м от нулевого репера. Стенки отвесные, дно неровное (табл. 104: *1, 2*; 105). Верхняя часть заполнения представлена слоем серо-коричневой супеси мощностью до 0,38 м. Ниже фиксируются прослойки супеси серого цвета. У дна выявлен слой серо-желтой материковой переотложенной супеси. Мощность слоя – 0,16 м (табл. 105: *2, 3*). В южном секторе фиксируется понижение уровня дня, образующее углубление овальной формы, размерами 0,78 (север – юг) × 0,64 м (запад – восток) и глубиной до -1,55 м от нулевого репера. Могильная яма перекрыта двухъярусным каменным закладом, растянутым по линии север – юг; первый ярус состоял из 44 камней разного размера (табл. 104: *1, 2*).

На уровне второго яруса камней, по центру западного борта найдены кости лошади (гл. -1,26), в южном секторе, по центру южного борта, находились ее зубы (гл. -1,31). Лошадь, возрастом 12–20 месяцев, пол не определен, лежала, вероятно, вдоль западного борта, головой на юг (см.: Приложение 4) (табл. 104: *2*).

Находки:

– фрагмент бронзового изделия (фибулы?), на уровне первого яруса камней, в северо-восточном секторе (гл. -0,93) (табл. 105: *4*);
– фрагменты непрофилированных лепных керамических сосудов, по всей площади могильной ямы, зафиксированы среди камней первого и второго яруса (гл. -1,00/-1,26).

КАТАЛОГ 2

МОГИЛЬНИК ШЛАКАЛЬКЕН-2 (4)

Раскопки К. Кретчмана и Г. Кемке в 1893 г.
Каталог погребений

Погребение 1.1893 г. (табл. 107).

Каменная обкладка прямоугольной формы в северной части круга (диаметр – 5 м), выложенная из камней (Runde Steinpackung). Прямоугольная обкладка вытянута по оси север – юг (табл. 107: *1*). Под тремя ярусами камней в западной части каменного круга найдены лошадиные зубы, остатки человеческих костей не обнаружены. В заполнении каменного ящика в районе находок зафиксирован черный слой, возможно, остатки дерева или коры.

Находки:

– бронзовая фибула; в северной части каменного «ящика» (табл. 107: *2*);
– 2 железные пряжки, овальной и прямоугольной формы; в северо-западной части каменного круга (табл. 107: *3, 9*);
– железная бритва, с наибольшей шириной лезвия 2,3 см; в северной части каменного «ящика» (табл. 107: *4*);
– керамический сосуд; в северной части каменного «ящика», на глубине 1,7 м;
– железный втульчатый наконечник копья, длиной 26,6 см; в северной части каменного «ящика» (табл. 107: *5, 5a*);
– железный топор-кельт, с остатками дерева во втулке; в северной части каменного «ящика» (табл. 107: *6*);
– ножка бронзовой фибулы прусской серии; точное место нахождения не указано (табл. 107: *7*);
– железный втульчатый наконечник копья, длиной 24,5 см, с остатками дерева во втулке; в северной части каменного «ящика» (табл. 107: *8*).

Jankuhn, 1939. S. 246, 247; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 1, 2; Fēliksa Jākobsona arhīvs. Ieraksti «Kreis Fischhausen».

Погребение 2.1893 г.

Разрушенный каменный заклад (Steinpackung) из четырех ярусов, перекрывающий слой черного грунта.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 247; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Fortsetzung 2.

Погребение 3.1893 г. (табл. 108).

Разрушенный каменный заклад из двух ярусов. В погребении обнаружены человеческие зубы. Судя по рисункам Г. Янкуна, погребение было окружено кругом из камней (табл. 108: *1*).

Находки:

– фибула прусской серии, фрагментированная, со спиралью из шести сохранившихся витков, с шестью глазками на ножке и декором в виде угла (Winkel) на окончании ножки, длина – около 7,9 см; найдена у края погребения (табл. 108: *2*);
– фибула прусской серии, фрагментированная, со спиралью из шести сохранившихся витков и с глазчатым декором; найдена у края погребения (табл. 108: *3*);
– фибула прусской серии, длиной 7,2 см; найдена у края погребения (табл. 108: *4*);

– 11 ладьевидных поясных накладок, длина – от 6,1 до 6,6 см; под каменным закладом (табл. 108: *5, 6*);
– поясная бронзовая гарнитура, состоящая из застежки, общей длиной 9,1 см и с шириной обоймы 5,5 см, и прямоугольной пластины – 7,0 × 5,5 см, закреплявшейся на другом конце пояса; под каменным закладом (табл. 108: *7*);
– 3 фрагмента прямоугольных бронзовых изделий, размером 4,2 × 8 см, и несколько более мелких фрагментов; точное место нахождения не указано (табл. 108: *8*);
– 3 стеклянные красные бусины с полихромным декором в виде белых, черных, желтых полос, диаметр – 1,1 см, фрагментированы; 7–8 стеклянных красных бусин с полихромным декором в виде желто-зелено-белых полос, диаметром около 1,2 см; 2 стеклянные бусины с «золотой» прокладкой, диаметр – 1,1 см; к северу от поясной гарнитуры (табл. 108: *9–16*);
– бронзовая дужка, округлая в поперечном сечении, сплющенная на концах, с заклепками с полусферической головкой, скорее всего, элемент поясной гарнитуры; под каменным закладом (табл. 108: *17*);
– фрагмент бронзового изделия, вероятно в форме колесика; точное место нахождения не указано (табл. 108: *20*);
– гладкое бронзовое кольцо, овальное в поперечном сечении, диаметр – 1,1 см, толщина – 0,3 см; точное место нахождения не указано;
– 19 профилированных (profilierte) бронзовых колец диаметром от 0,9 до 1,25 см; точное место нахождения не указано.

На рисунке Г. Янкуна имеются изображения предметов, описания которых в тексте отсутствует (табл. 108: *18, 19, 21*).

Jankuhn, 1939. S. 248; *Chilińska-Drapella,* 2010. Tab. 3; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 2, 3.

Погребение 4.1893 г.

Нерегулярный каменный заклад, вероятно, разрушен.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 248; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 3; Rudolf Grenz Archiv, B. 31, Kreis Schlakalken, Schlakalken IV.

Погребение 5.1893 г. (табл. 109: *1–6*).

Разрушенный каменный заклад из двух ярусов.

Находки:

– фрагмент бронзовой накладки с остатками кожи; в северной части погребения, под закладом (табл. 109: *1*);
– обломки бронзовых ладьевидных накладок от поясной гарнитуры; в северной части погребения, под закладом (табл. 109: *2, 3*);
– прямоугольная бронзовая накладка 4,5 × 7 см, в трех фрагментах, напоминающая элементы гарнитуры из погребения 3.1893 г.; в северной части погребения, под закладом (табл. 109: *4*);
– фрагментированные стеклянные красные бусы с полихромным декором в виде черных и желтых полос; в северной части погребения, под закладом (табл. 109: *5, 6*);
– прямоугольно-вытянутые накладки, видимо, от поясной гарнитуры; точное место нахождения не указано;
– фрагменты керамического сосуда, напоминающего сосуд из погребения 14.1893 г. (см. ниже); точное место нахождения не указано.

Jankuhn, 1939. S. 249; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 3, 4; Rudolf Grenz Archiv, B. 31, Kreis Schlakalken, Schlakalken IV.

Погребение 6.1893 г.

Каменный заклад из двух ярусов, разрушенный в северной части картофельной ямой.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 250; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 31, Kreis Schlakalken, Schlakalken IV.

Погребение 7.1893 г. (табл. 109: *7*).

Каменный заклад диаметром 4 м, разрушенный в центральной части, где встречены кости лошади.

Находки:

– овальная железная пряжка с плоским язычком, 5,2 × 4,5 см; в центральной разрушенной части ямы (табл. 109: 7).

Jankuhn, 1939. S. 250; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4.

Погребение 8.1893 г. (табл. 109: *8–10*).

Разрушенный каменный заклад.

Находки:

– фрагменты двух керамических сосудов, один из них высотой 9,4 см; в северной части погребения (табл. 109: *8–10*).

Jankuhn, 1939. S. 250; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4.

Погребение 9.1893 г.

Разрушенный каменный заклад из трех ярусов, перекрывающий слой коричневой земли.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 250; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4.

Погребение 10.1893 г.

Нерегулярный каменный заклад, состоящий из двух-трех ярусов.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 250; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4.

Погребение 11.1893 г.

Нерегулярный каменный заклад, состоящий из двух-трех ярусов (wie Grab 10).

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 250; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4.

Погребение 12.1893 г. (табл. 110: *1–7*).

Каменный заклад диаметром 3 м, из трех ярусов, мощностью до 70 см в центральной части.

Находки:

– фрагментированный керамический сосуд с двойной ручкой (Doppelhenkel), как в погребении 17.1893 г. (см. ниже); под северной частью заклада (табл. 110: *1*);
– железный топор-кельт, длиной 14 см, напоминает кельт из погребения 1.1893 г. (см. выше); в 30 см к востоку от сосуда (табл. 110: *2*);
– 2 железных наконечника копий, один – длиной 21 см, с обломанным наконечником и без четкого продольного ребра на пере; второй – 22 см, подобный первому, в 20 см к юго-востоку, наконечниками на север (табл. 110: *3, 4*);
– фрагменты умбона щита; к югу;
– фрагменты манипулы щита; к югу.
– обломки железного предмета; точное место нахождения не указано.

Судя по рисунку в картотеке Г. Янкуна, в погребении были обнаружены фрагмент керамики с декором в виде прочерченных многорядных косых линий (табл. 110: *5*) и бусы (табл. 110: *6, 7*); информация об этих находках в тексте публикации отсутствует.

Jankuhn, 1939. S. 251; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4, 5.

Погребение 13.1893 г. (табл. 111).

Округлая каменная обкладка (Runde Steinpackung) диаметром 4 м, из трех ярусов. Вокруг места самого погребения выявлена каменная обкладка, судя по рисунку в картотеке из архива Г. Янкуна, прямоугольной формы, в северной части каменного круга, вытянутой с севера на юг (табл. 111: *1*). О находках человеческих останков информации нет.

Находки:

– железный умбон щита, на нижней его части – следы дерева (табл. 111: *2*), и манипула длиной 2,2 см (?) (табл. 111: *3*); в центральной части погребения, несколько к востоку, на глубине 1,3 м;
– железный топор-кельт, подобный найденному в погребении 1.1893 г. (см. выше), длиной 16 см, с остатками дерева во втулке, рядом с металлическими деталями щита (табл. 111: *4*);
– 2 бронзовые фибулы, одна из них поврежденная, прусской серии, между камнями; несколько к северу (табл. 111: *5*);
– железный нож с остатками дерева на рукояти, к юго-востоку. Возможно, имеется в виду предмет, изображенный на рисунке в картотеке Г. Янкуна, который по своему сечению более напоминает подток древкового оружия (табл. 111: *6*);
– фрагментированный керамический сосуд серо-коричневого цвета, со следами декора в виде двух прочерченных линий; в северной части погребения (табл. 111: *7*);
– железный наконечник копья, длиной 25 см, с обломанным концом, без выраженного продольного ребра на пере, острием к северу, к западу от сосуда (табл. 111: *9*);
– кварцевый камень (возможно, он же упоминается как weberschiffchenförmiger Stein); в западной части погребения;
– кремень, к северо-западу от кварцевого камня;
– 4 кремня; к юго-востоку;
– бронзовая пряжка; к юго-востоку;
– бронзовая бусина; к юго-востоку;
– половина шлифовального камня и один целый, несколько более крупных размеров; к юго-востоку.

На рисунке Г. Янкуна имеется изображение предмета, описание которого в тексте отсутствует (табл. 111: *8*).

Jankuhn, 1939. S. 251, 252; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 5, 6.

Погребение 14.1893 г. (табл. 110: *8–10*).

Округлая каменная обкладка (Kreisförmige Steinpackung) диаметром 2,5 м из двух или трех ярусов камней. Выявлены следы каменной обкладки погребения, судя по рисунку в картотеке из архива Г. Янкуна, прямоугольной формы, в северной части каменного круга, вытянутой с севера на юг (табл. 110: *8*). О находках человеческих останков информации нет.

Находки:

– железный умбон щита диаметром 16 см, высотой 6,3 см; в средней части каменной обкладки, несколько к востоку (табл. 110: *9*);
– керамический сосуд высотой 13,5 см, коричневого цвета, гладкий, без декора; в северной части, на глубине 1,5 м (табл. 110: *10*);
– железный наконечник копья, острием на север, около сосуда;
– обработанный камень, рядом с умбоном.

Jankuhn, 1939. S. 252; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6.

Погребение 15.1893 г. (табл. 112: *1–3*).

Каменный заклад диаметром 4 м, разрушенный в центральной части, прослежен только с северной стороны вокруг места погребения.

Находки:

– керамический сосуд высотой 20,5 см, с двойной ручкой, без орнамента, поверхность лощеная, серо-коричневого цвета; в северной части погребения (табл. 112: *1*);
– железный втульчатый наконечник копья, обломан на конце, длиной 28 см, на пере слабо выраженное ребро, с остатками дерева во втулке; в северной части погребения, около керамического сосуда (табл. 112: *2*);
– железный втульчатый наконечник копья, длиной 29 см, с остатками древесины во втулке, напоминает два копья из погребения 1.1893 г. (см. выше); в северной части погребения, около керамического сосуда (табл. 112: *3*);
– обломки небольшого керамического сосуда; в центральной части погребения;
– обломки железных предметов; в центральной части погребения.

Jankuhn, 1939. S. 253; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6.

Погребение 16.1893 г. (табл. 112: *4–9*).

Каменный заклад диаметром 4 м. В центральной части обнаружены кальцинированные кости и различные предметы. Находки были разбросаны.

Находки:

– железный предмет, видимо, перекрестье клинкового оружия, со следами двух заклепок; в центральной части погребения (табл. 112: *4*);
– железный стержень длиной 6,15 см, толщиной 0,5 см, с утолщением на одном конце; в центральной части погребения (табл. 112: *5*);
– железное шило длиной 7,7 см; в центральной части погребения (табл. 112: *6*);
– железная изогнутая пластина, выпуклая в поперечном сечении, с концом, загнутым в виде крючка; в центральной части погребения (табл. 112: 7);
– железный нож длиной 16,6 см, с частично сохранившейся рукоятью; в центральной части погребения (табл. 112: *8*);
– кусок янтаря без следов обработки; в центральной части погребения (табл. 112: *9*).

Jankuhn, 1939. S. 253; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6, 7.

Погребение 17.1893 г. (табл. 109: *11*).

Каменный заклад диаметром 3 м. В средней части под двумя ярусами камней находился слой коричневой земли.

Находки:

– керамический сосуд высотой 12,5 см, напоминающий сосуд из погребения 15.1893 г. (см. выше), с двойной ручкой, серо-коричневого цвета, с гладкой поверхностью и декором из горизонтальных прочерченных линий; в северной части погребения (табл. 109: *11*).

Jankuhn, 1939. S. 253; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 7.

Погребение 18.1893 г. (табл. 109: *12–14*).

Каменный заклад, частично под дорогой.

Находки:

– железный наконечник копья длиной 13,0 см с плоским пером; в северной части погребения (табл. 109: *12*);
– железный сильно коррозированный предмет длиной 15,4 см; в северной части погребения (табл. 109: *13*);

– железный коррозированный предмет, 11,4 см, вероятно, часть железного ножа с деревянной рукоятью (табл. 109: *14*). Предмет не имеет инвентарного номера, и его привязка к погребению 18.1893 г. предположительна.

Jankuhn, 1939. S. 253; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 7, 8.

Погребение 19.1893 г.

Нерегулярный каменный заклад, перекрывающий коричневую землю с фрагментами керамического сосуда.

Находки:

– фрагменты керамического сосуда; не указаны в каталоге музея.

Jankuhn, 1939. S. 254; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 8.

Погребение 20.1893 г. (табл. 113–115).

Неполностью сохранившийся каменный заклад, изначально, вероятно, круглый (ursprünglich wohl kreisförmig), западная половина разрушена (табл. 113: *1*). В центральной части выявлены три яруса камней, под нижним ярусом обнаружено несколько фрагментов кальцинированных костей и слой земли, под ним находки.

Находки:

– 2 фибулы прусской серии с глазчатым декором, длиной 7,5 и 6,8 см; к западу и востоку от поясной гарнитуры (табл. 113: *2, 3*);
– игла бронзовая, длиной 8,5 см, кончик обломан; к северу от поясной гарнитуры (табл. 113: *4*);
– 2 стеклянные красные бусины диаметром от 0,7 до 1,3 см, с полихромным декором из чередующихся продольных наклонных разноцветных, бело-черно-желто-белых полос; 1 стеклянная красная бусина с бело-черно-желто-черно-белым полосатым декором, диаметр 1,2 см; 2 янтарные бусины диаметром от 1,13 до 1,7 см, шаровидные уплощенные; 2 биконические янтарные бусины, диаметром 1,2 см; 8 стеклянных бусин с прокладкой из «золотой» фольги, диаметром около 1,1 см; 1 неорнаментированная бронзовая бусина, диаметром 0,9 см; 2 стеклянные красные бусины с желто-зелеными глазками, диаметром 1 см; к северу от поясной гарнитуры (табл. 113: *5–13*);
– спиральное бронзовое кольцо, 2 и 1/4 спиральных оборота, диаметром 2,3 см; под слоем земли (табл. 113: *14*);
– бронзовая застежка пояса с прямоугольной обоймой с тисненым декором, около 10 см в длину, и контрпластина длиной 8,5 см, также с тисненым декором. На застежке сохранились остатки кожи, кора. Выше и ниже застежки встречены куски дерева, человеческие кости и зерна овса; под слоем земли (табл. 113: *15*; 114: *1, 2*);
– 6 или 7 ладьевидных бронзовых накладок длиной от 5,4 до 5,7 см, украшенных поперечными линиями, по одной с каждой стороны; под слоем земли (табл. 113: *16, 17*);
– 3 или 4 одинаковые бронзовые бляшки с немного отличающимся конечным профилем, украшенные двумя поперечными линиями посередине, длиной от 5,4 до 5,6 см; под слоем земли;
– гладкое бронзовое кольцо диаметром 1 см, шириной 0,13 см; под слоем земли;
– 3 профилированных бронзовых кольца диаметром от 1,1 до 1,4 см, как в погребении 15.1893 г. (см. выше); под слоем земли;

В коллекции музея «Пруссия» в Музее до- и пре- истории в Берлине сохранились фрагменты текстиля из этого погребения (табл. 115), в картотеке Г. Янкуна упоминание об этой находке отсутствует.

Jankuhn, 1939. S. 254, 255; *Chilińska-Drapella,* 2010. Tab. 4; 5: *a–m*; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 8, 9.

Погребение 21.1893 г. (табл. 116: *1–3*).

Каменный заклад диаметром 1,5 м только из одного яруса, под ним слой углистой земли с находками. Под этой почвой – урна, содержащая множество костей (не уточняется, каких), точильный камень и один обработанный камень.

Находки:

– керамический сосуд-урна со следами воздействия огня;
– ладьеобразный плоский камень, 12,8 × 5,1 × 1,8 см; в слое земли под каменным закладом (табл. 116: *1*);
– точильный камень, в урне (табл. 116: *2*);
– железное шило; точное место нахождения не указано (табл. 116: *3*);
– фрагмент сильно коррозированного железного предмета, напоминающего шило, насколько можно судить по сохранившейся части, прямоугольного сечения, длиной 7,3 см; точное место нахождения не указано;
– камень со следами обработки, в урне;
– фрагменты керамического сосуда; в слое земли под каменным закладом;
– кремень; в слое земли под каменным закладом.

Jankuhn, 1939. S. 256; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10.

Погребение 22.1893 г. (табл. 117).

Каменный заклад из трех ярусов в центральной части, изучен лишь частично, поскольку уходил под современную дорогу.

Находки:

– фрагмент предмета, представлен на рисунке Г. Янкуна, но не упоминается в тексте публикации (табл. 117: *1*);
– железный предмет, представлен на рисунке в картотеке Г. Янкуна, но не упоминается в тексте публикации (табл. 117: *2*);
– топор-кельт, представлен на рисунке в картотеке Г. Янкуна, но не упоминается в тексте публикации (табл. 117: *3*);
– фрагмент края железного умбона щита, 2,4 см, к югу от сосудов (табл. 117: *4*);
– небольшой керамический сосуд с ручкой, высотой 11,5 см; в северной части погребения (табл. 117: *5*);
– керамический сосуд, 21 см в высоту, серо-коричневого цвета, с тройной ажурной ручкой, с рельефным и гравированным линейным декором; в северной части погребения (табл. 117: *6*);
– железный нож, к югу от сосудов;
– фрагменты железной манипулы щита, к югу от сосудов;
– железная втулка копья, к югу от сосудов.

Jankuhn, 1939. S. 256; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10.

Погребение 23.1893 г. (табл. 116: *4–8*).

Каменный заклад диаметром 3,20 м, разрушенный в центральной части.

Находки:

– рамка железной овальной пряжки, как в погребении 1.1893 г. (см. выше) 5,1 × 3,5 см; точное место нахождения не указано (табл. 116: *4*);
– фрагменты железных предметов; точное место нахождения не указано (табл. 116: *5–8*);
– фрагменты керамических сосудов; точное место нахождения не указано;
– 4 куска дерева с остатками железа; точное место нахождения не указано.

Jankuhn, 1939. S. 256; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10.

Погребения 24.1893 г. и 24А.1893 г. (табл. 118).

Разрушенный каменный заклад, под ним слой коричневой земли. Под закладом обнаружен железный нож, к северу от него – керамический сосуд. Около сосуда в углистой почве встречено скопление костей (не уточняется, каких) (погребение 24.1893 г.). В 0,2 м от скопления в углистой земле находились фрагменты небольшого керамического сосуда и урна (погребение 24А), в ней бронзовая фибула, бронзовая накладка-розетка, бронзовые обломки, оплавленные стеклянные бусы.

Jankuhn, 1939. S. 257; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10, 11.

Погребение 24.1893 г. (табл. 118: *1, 2*).

Описание см. выше.

Находки:

– керамический сосуд с ручкой, как в погребении 22.1893 г. (см. выше), серо-коричневого цвета, с лощеной поверхностью, высотой 16,5 см; около скопления костей (табл. 118: *1*);
– фрагмент железного сильно коррозированного ножа длиной 7,5 см; около скопления костей (табл. 118: *2*).

Jankuhn, 1939. S. 257; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 11.

Погребение 24А.1893 г. (табл. 118: *3–9*).

Описание см. выше.

Находки:

– бронзовая фибула с закрытой пружиной (*Rollenkappenfibeln*), со следами ремонта пружины, длиной 4,1 см, в урне (табл. 118: *3*);
– бронзовая накладка в виде многолепестковой розетки, диаметром 3 см, толщиной около 0,5 см, в центре – заклепка с выпуклой головкой, в урне (табл. 118: *4*);
– маленький фрагмент бронзового предмета, возможно, от поясной застежки, как в погребении 3.1893 г. (см. выше), в урне (табл. 118: *5*);
– 2 фрагмента бронзовых ладьевидных поясных накладок с трапециевидными расширенными концами, в урне (табл. 118: *6, 7*);
– оплавленные стеклянные бусы, в урне (табл. 118: *8*);
– керамический сосуд-урна в форме горшка с шероховатой поверхностью, высота – 22,3 см, наибольшая ширина – 24 см (табл. 118: *9*);
– оплавленные бронзовые фрагменты, в урне;
– бронзовое профилированное (profilierter) кольцо диаметром 1,5 см, в урне.

Jankuhn, 1939. S. 57; *Chilińska-Drapella,* 2010. Tab. 36: *e–h*; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 11.

Погребение 25.1893 г.

Разрушенный каменный заклад.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 257; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 11.

Погребение 26.1893 г. (табл. 119: *1–8*).

Каменный заклад диаметром 2,3 м, разрушен в средней части. В южной части погребения обнаружены конские зубы.

Находки:

– керамический сосуд на ножке, высотой 17,8 см, с двойной ручкой, украшен горизонтальными линиями, поверхность лощеная, черного цвета; в северной части погребения

(табл. 119: *1*). На рисунке Г. Янкуна представлен еще один фрагментированный сосуд, отсутствующий в списке находок (табл. 119: *2*);
– фрагменты керамики серо-коричневого цвета, возможно, от сосуда, упомянутого в описании погребения; в северной части (?);
– фрагменты лощеной керамики серого цвета, напоминающие керамику из погребения 24.1893 г., но без ручки; возможно, от сосуда, упомянутого в описании погребения, в северной части (?);
– железный наконечник копья, слегка поврежденный, длиной 23 см, напоминает второй наконечник копья из погребения 1.1893 г. (см. выше); в западной части могилы, около сосудов, острием на север (табл. 119: *3*);
– железный наконечник копья длиной 27 см, острие обломано, перо широкое, с выраженным ребром, во втулке остатки дерева; в западной части могилы, около сосудов, острием на север (табл. 119: *4*);
– прямоугольная полоса из листовой бронзы, поврежденная с одной стороны, 2,5 × 0,5 см, толщиной 0,5 мм; точное место нахождения не указано. Интерпретирована Г. Янкуном как элемент конского убора (Pferdeschmuck) (табл. 119: *5*);
– 7 округлых накладок из листовой бронзы с отверстием (Bronzebuckelchen mit einem Loch), диаметром от 1,4 до 1,5 см; точное место нахождения не указано. Интерпретированы Г. Янкуном как элементы конского убора (Pferdeschmuck) (табл. 119: *6, 7*);
– обломок спирали с осью от фибулы; точное место нахождения не указано (табл. 119: *8*).

Jankuhn, 1939. S. 257, 258; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 11, 12.

Погребение 27.1893 г.

Каменный заклад, уходящий под современную дорогу. В северной части под ним коричневая земля.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 258; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 12.

Погребение 28.1893 г. (табл. 119: *9*).

Каменный заклад диаметром 3 м, разрушенный посередине.

Находки:

– керамический сосуд с ручкой, напоминающий сосуд из погребения 22.1893 г. (см. выше), но более крупных размеров, высотой 18,5 см, серо-коричневого цвета, без декора; в северной части погребения (табл. 119: *9*).

Jankuhn, 1939. S. 258; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 12.

Погребение 29.1893 г. (табл. 120).

Разрушенная, судя по рисунку в картотеке из архива Г. Янкуна, круговая каменная обкладка, под ней на глубине 18 см – гумусированный коричневатый слой. В нем находки и человеческие зубы. Около захоронения находились камни. Судя по рисунку Г. Янкуна, они образуют обкладку прямоугольной формы в северной части каменного круга, вытянутую с севера на юг (табл. 120: *1*).

Находки:

– 2 малые и 4 крупные красные бусины с полихромным декором из полос (желто-зелено-желтые и бело-голубовато-белые), диаметром 0,5–0,75 см; 12 рифленых стеклянных бусин с прокладкой из «золотой» фольги, диаметром 0,8 см; 427 стеклянных одинарных и многочастных бусин с «золотой» фольгой; шаровидная слегка сплющенная янтарная бусина, диаметром 1,9 см; 2 красные бусины с линейным полихромным декором (белый, черный, желтый, черный, белый), диаметром 1,4 см; 2 красные бусины с полихромным линейным

декором (зелено-желтый и бело-голубовато-белый). К северу от фибулы, вместе с человеческими зубами (табл. 120: *2–12*);
– 2 профилированных бронзовых кольца диаметром 1,13 см, высотой 0,35 см и 2 бронзовых кольца диаметром 1,5 см, высотой 0,5 см; в гумусированном слое;
– на рисунке Г. Янкуна имеются два предмета, описания которых отсутствуют (табл. 120: *13, 14*);
– 45 бронзовых обойм длиной от 0,8 до 1,4 см, с тисненым выпуклым декором; к востоку от бус (табл. 120: *15*);
– 3 бронзовые обоймы длиной 2,2 см, тисненый выпуклый декор с двумя концентрическими кружками; к востоку от бус (табл. 120: *16*);
– бронзовая слабопрофилированная фибула, возможно, с железной осью, длина – 2,6 см; к северу от браслетов (табл. 120: *17*);
– бронзовый браслет с профилированными концами, которые слегка соприкасаются друг с другом, в поперечном сечении браслет вогнуто-выпуклый, толщиной 1 см, без орнамента; в гумусированном слое (табл. 120: *18*). В браслетах фрагменты человеческих костей;
– бронзовый браслет, аналогичный предыдущему, в поперечном сечении сегментовидный, толщиной 1 см. Браслет украшен тремя продольными рельефными линиями, общие размеры – 6,0 × 5,4 см; в гумусированном слое (табл. 120: *19*). В браслетах фрагменты человеческих костей.

Jankuhn, 1939. S. 258, 259; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 12–14.

Погребение 30.1893 г.

Каменный заклад диаметром 1 м, из одного яруса камней.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 259; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14.

Погребение 31.1893 г. (табл. 121: *1*).

Каменный заклад диаметром 1,5 м, под ним на глубине 1,2 м слой углистой земли и небольшое количество (не уточняется, каких) костей.

Находки:
– керамический сосуд; среди костей;
– железный нож длиной 7,7 см, с остатками дерева на рукояти; среди костей (табл. 121: *1*).

Jankuhn, 1939. S. 259; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14.

Погребение 32.1893 г.

Каменный заклад диаметром 1 м, под ним на глубине слой углистой земли.

Находок нет.

Jankuhn, 1939. S. 259; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14.

Погребение 33.1893 г. (табл. 121: *2, 3*).

Каменный заклад диаметром 1 м, под ним углистая почва.

Находки:
– фрагмент керамического сосуда коричневого цвета с залощенной поверхностью и штампованным декором; в углистом слое (табл. 121: *2*);
– биконическое керамическое пряслице серо-коричневого цвета, с трещиноватой поверхностью, 4,6 см, высота – 3,3 см; в углистом слое (табл. 121: *3*).

Jankuhn, 1939. S. 259; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14.

Погребение 34.1893 г.

Каменный заклад диаметром 1,5 м, под ним углистая почва.

Находки:

– фрагменты керамического сосуда; в слое углистой земли.

Jankuhn, 1939. S. 260; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14.

Погребение 35.1893 г. (табл. 121: *4, 5*).

Каменный заклад диаметром 1,5 м, под ним слой углистой земли с небольшим количеством кальцинированных костей.

Находки:

– фрагменты керамического сосуда; в слое углистой земли;
– коррозированная железная пряжка длиной 2,9 см; в слое углистой земли (табл. 121: *4*);
– железный нож с обломанным острием длиной 10,6 см и шириной лезвия 1,8 см; в слое углистой земли (табл. 121: *5*).

Jankuhn, 1939. S. 260; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14.

Погребение 36.1893 г.

Каменный заклад диаметром 1,8 м, из трех ярусов камней, перекрывавший слой углистой земли с небольшим количеством (не уточняется, каких) костей.

Находки:

– фрагменты керамического сосуда; в слое углистой земли.

Jankuhn, 1939. S. 260; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14, 15.

Погребение 37.1893 г.

Каменный заклад 1,8 м в диаметре, из двух ярусов камней, перекрывавший слой углистой земли с небольшим количеством (не уточняется, каких) костей.

Информация о находках отсутствует.

Jankuhn, 1939. S. 260; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 15.

Погребение 38.1893 г. (табл. 121: *6, 7*).

Каменный заклад диаметром 1,5 м, под ним слой углистой земли с небольшим количеством (не уточняется, каких) костей.

Находки:

– керамический сосуд; в слое углистой земли;
– фрагмент железной фибулы; в слое углистой земли (табл. 121: *6*);
– кусок необработанного янтаря длиной 1,8 см; в слое углистой земли (табл. 121: *7*).

Jankuhn, 1939. S. 260; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 15.

Погребение 61А.1893 г. (?) (табл. 121: *8–11*).

В архивах Герберта Янкуна и Рудольфа Гренца имеются зарисовки фрагментов керамических сосудов (табл. 121: *8–11*) римского времени из Музея Пруссии (предметы без инвентарных номеров), в том числе одного с двойной ручкой (табл. 121: *8*), описанные как происходящие из погребения 61А.1893 г. могильника Шлакалькен-4.

Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 15.

Находки 1893 г. вне контекста (табл. 122).
– фрагмент чашеобразного сосуда;
– сильно поврежденная фибула прусской серии с глазчатым декором (табл. 122: *2*);
– маленькие бронзовые заклепки (видимо, табл. 122: *4*);
– красная стеклянная бусина диаметром 1,4 см, с полихромным линейным в виде полосок (желто-зелено-желтый и белый) декором (видимо, табл. 122: *7*);
– фрагмент стеклянной бусины с полихромным линейным декором (синий, желтый, зеленый, белый);
– фрагмент бусины с полихромным декором из полос (белый, черный, желтый, черный);
– керамический сосуд с двойной ручкой (табл. 122: *8*).

Кроме того, в архиве Рудольфа Гренца имеются зарисовки из Музея Пруссии: две фибулы прусской серии с глазчатым декором (табл. 122: *1, 3*), фрагмент змеевидного браслета (с одним профилированным окончанием) (табл. 122: *6*), фрагмент предмета (табл. 122: *5*), обозначенные как подарки Кантельбурга, владельца хутора Шлакалькен.

Jankuhn, 1939. S. 260; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 15.

ТАБЛИЦЫ КОМПЛЕКСОВ

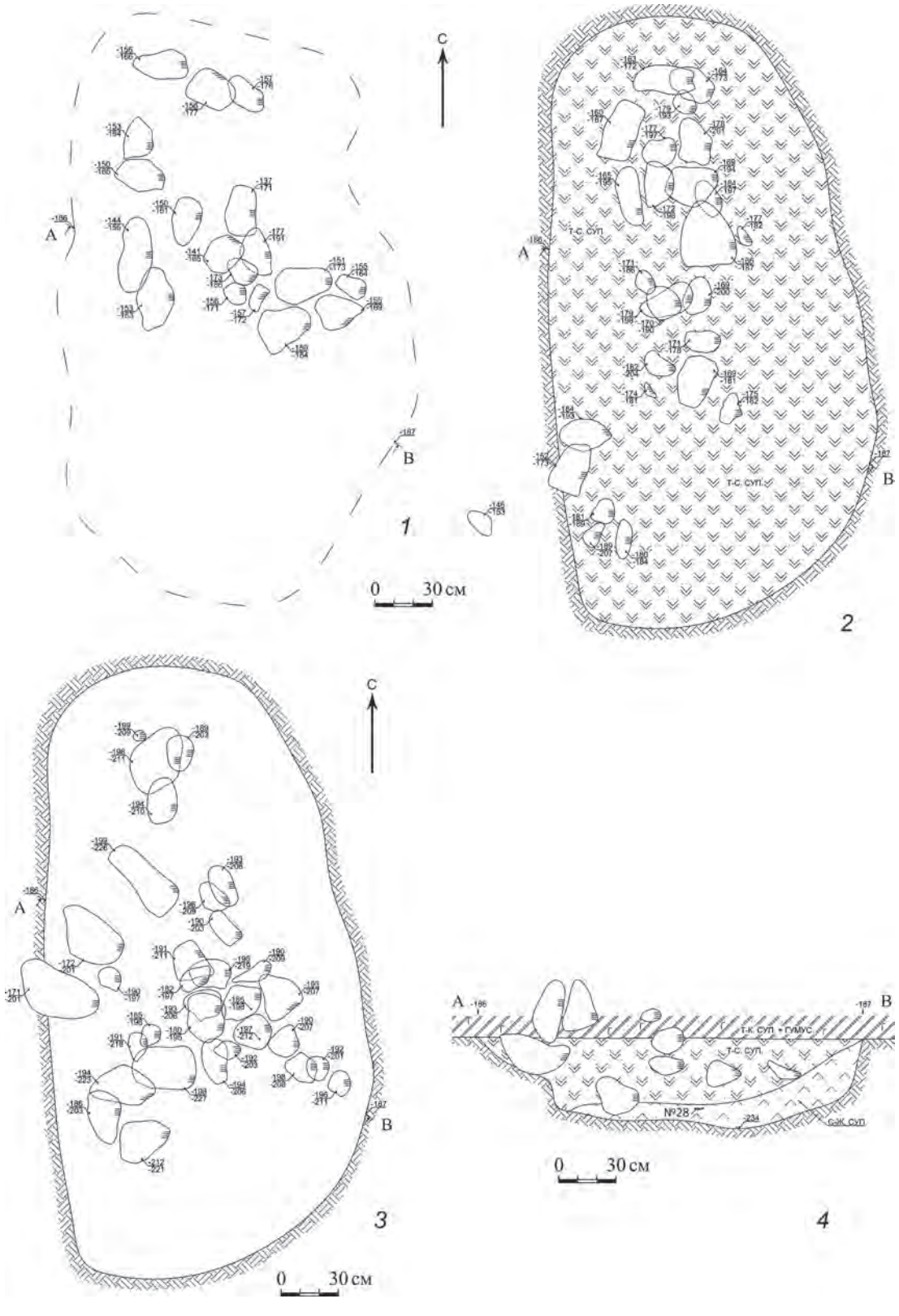
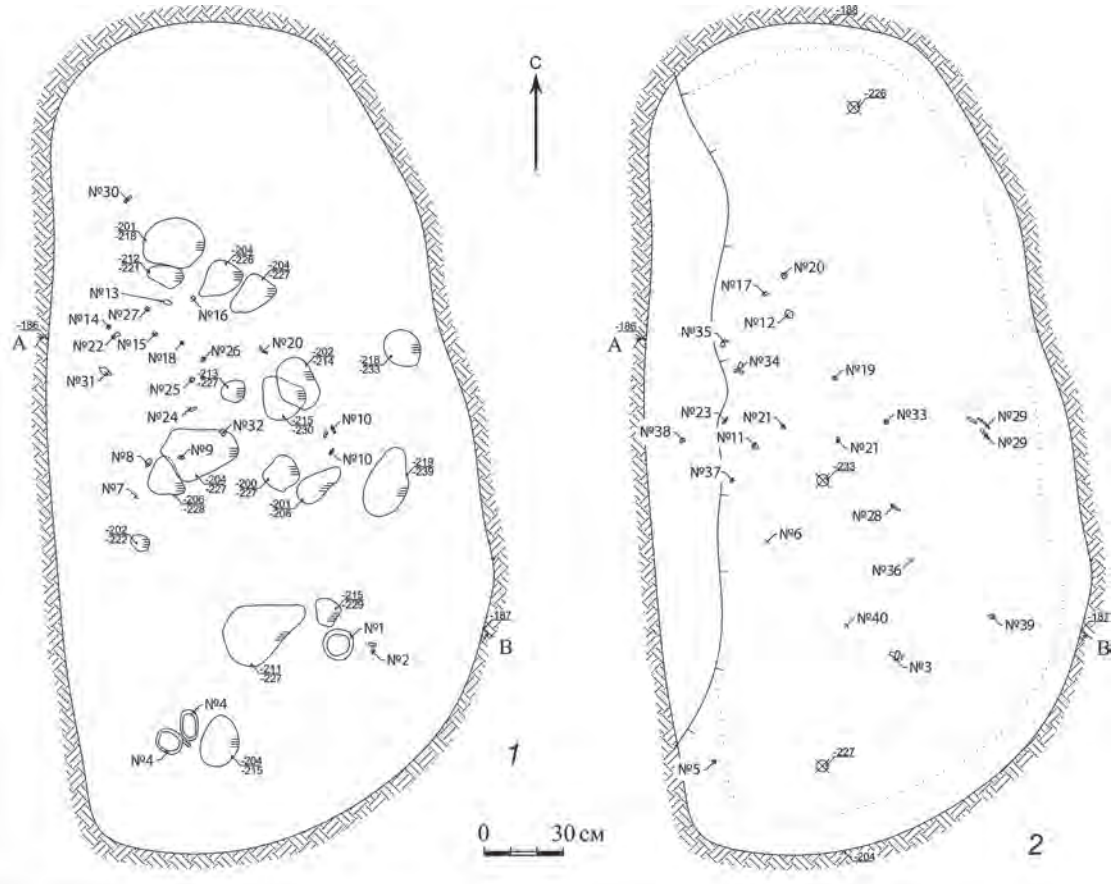

Табл. 1. Могильник Заостровье-2. Погребение 1.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада; *3*: третий ярус каменного заклада; *4*: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):
1. Железный умбон щита № 32 (Гл.-214/-212)
2. Фрагмент бронзовой фибулы № 33 (Гл.-213)
3. Фрагмент железной шпоры № 34 (Гл.-221/-223
4. Железные удила № 35 (Гл.-204/-213)
5. Фрагмент железного изделия № 36 (Гл.-216)
6. Фрагмент железного изделия со следами дерева № 37 (Гл.-219)
7. Фрагмент железного изделия (втулки) № 38 (Гл.-214)
8. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 39 (Гл.-201)
9. Фрагмент железного изделия № 40 (Гл.-206)
10. Фрагмент керамического лепного сосуда № 41 (Гл.-199/-203)
11. Фрагмент железного изделия № 42 (Гл.-216)
12. Фрагмент керамического лепного сосуда № 43 (Гл.-219)
13. Фрагмент керамического лепного сосуда № 44 (Гл.-210)
14. Фрагмент керамического лепного сосуда № 45 (Гл.-208)
15. Фрагмент керамического лепного сосуда № 46 (Гл.-211)
16. Фрагмент железного изделия № 47 (Гл.-213)
17. Фрагмент железного изделия № 48 (Гл.-216)
18. Фрагмент железного изделия № 49 (Гл.-213)
19. Фрагмент железного изделия № 50 (Гл.-220)
20. Фрагменты лепного керамического сосуда № 51 (Гл.-214/-219)
21. Фрагменты лепного керамического сосуда № 52 (Гл.-215/-216)
22. Фрагмент керамического лепного сосуда № 53 (Гл.-209)
23. Фрагмент керамического лепного сосуда № 54 (Гл.-209)
24. Фрагмент керамического лепного сосуда № 55 (Гл.-214)
25. Фрагмент керамического лепного сосуда № 56 (Гл.-205)
26. Фрагмент керамического лепного сосуда № 57 (Гл.-208)
27. Фрагмент железного изделия № 58 (Гл.-210)
28. Фрагмент керамического лепного сосуда № 59 (Гл.-223)
29. Развал лепного керамического сосуда № 60 (Гл.-227/-228)
30. Фрагмент керамического лепного сосуда № 61 (Гл.-199)
31. Фрагмент керамического лепного сосуда № 62 (Гл.-200)
32. Фрагмент керамического лепного сосуда № 63 (Гл.-191)
33. Фрагмент керамического лепного сосуда № 64 (Гл.-232)
34. Фрагменты керамического лепного сосуда № 65 (Гл.-216)
35. Фрагменты керамического лепного сосуда № 66 (Гл.-219)
36. Фрагмент железного изделия № 67 (Гл.-225)
37. Фрагменты керамического лепного сосуда № 68 (Гл.-220)
38. Фрагменты керамического лепного сосуда № 69 (Гл.-203)
39. Фрагмент керамического лепного сосуда № 70 (Гл.-219)
40. Фрагмент бронзового кольца № 94 (Гл.-218)

Табл. 2. Могильник Заостровье-2. Погребение 1.2011 г.
1: четвертый ярус каменного заклада с находками; *2*: материк с находками

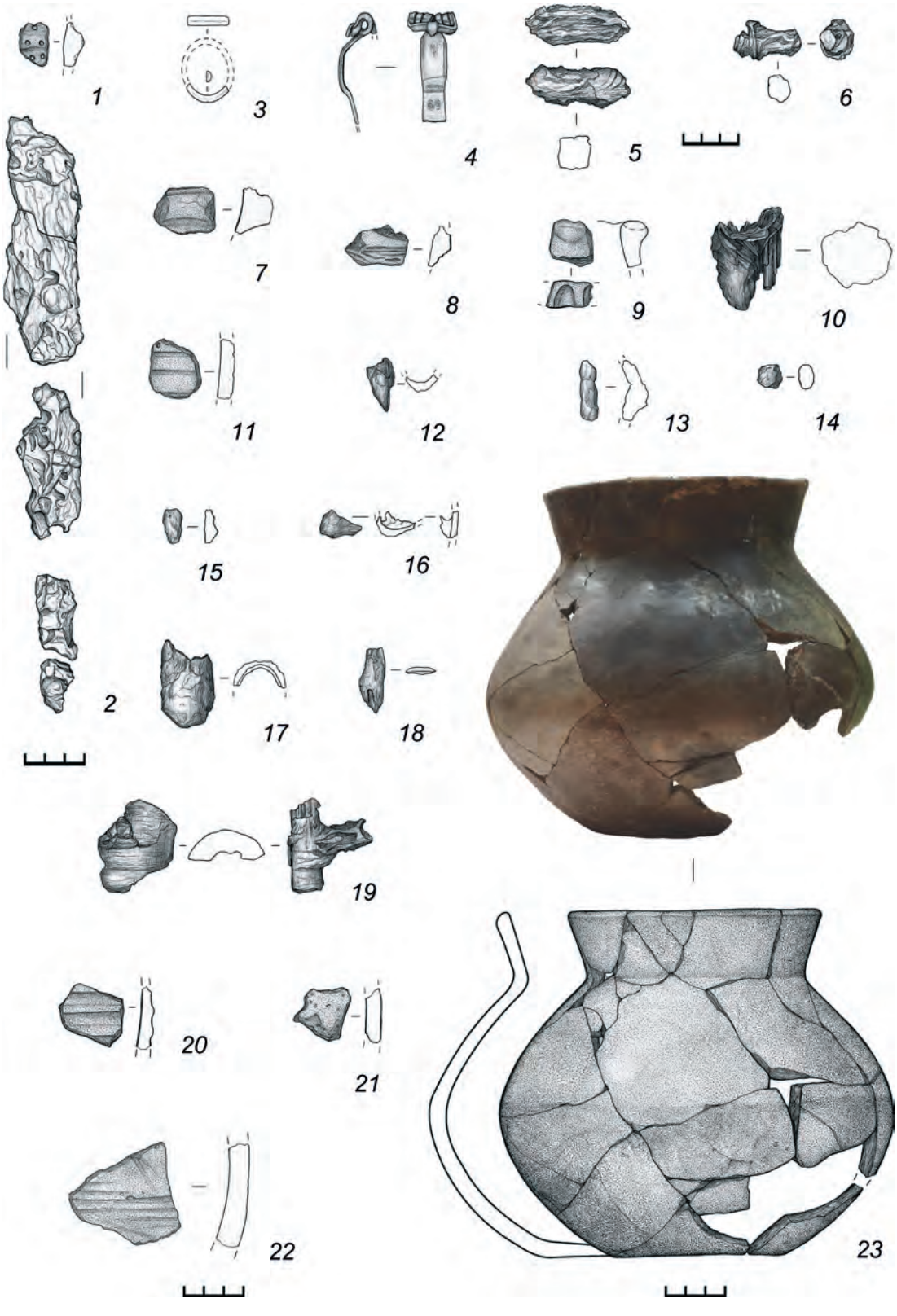

Табл. 3. Могильник Заостровье-2. Погребение 1.2011 г. Находки

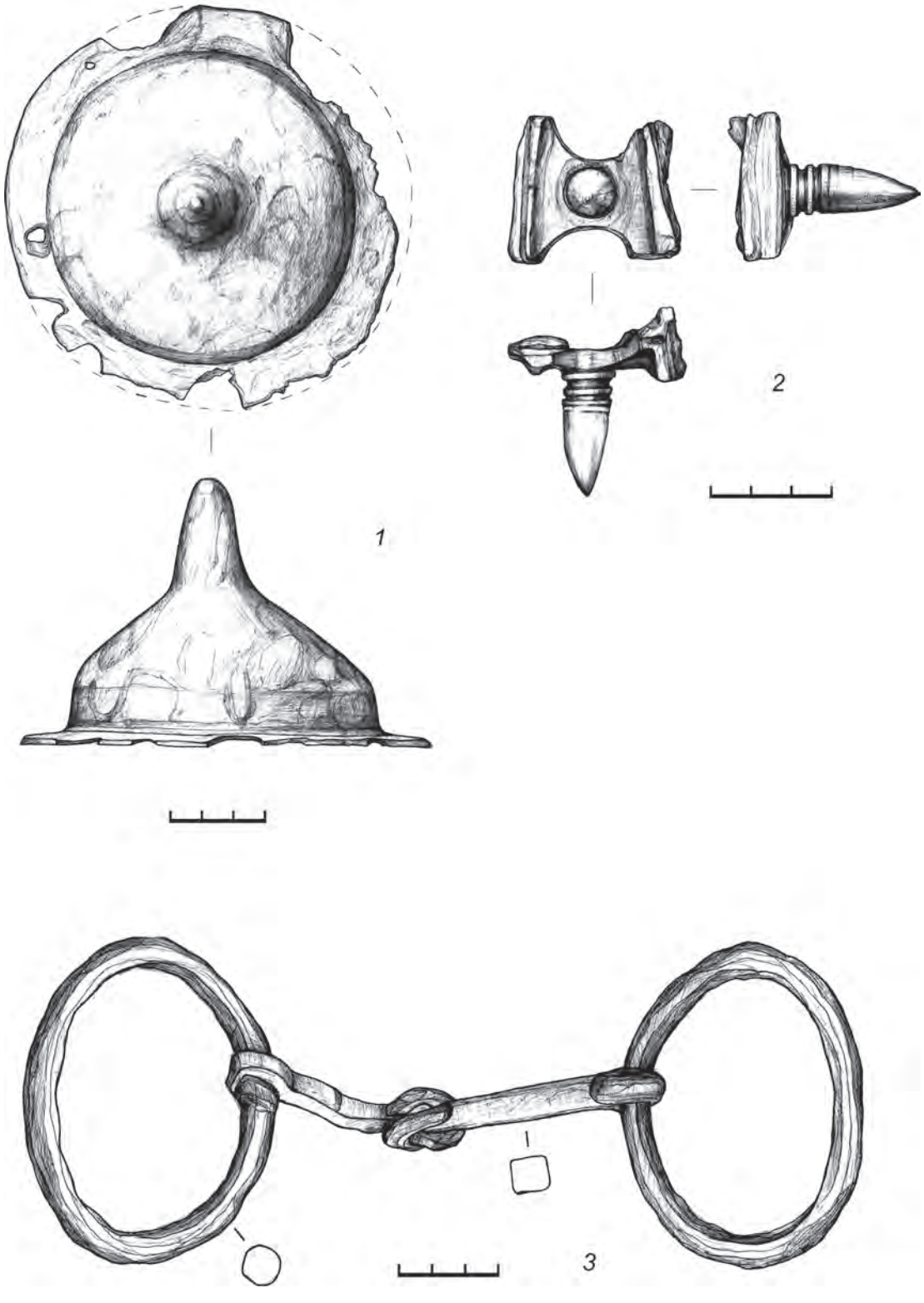

Табл. 4. Могильник Заостровье-2. Погребение 1.2011 г. Находки

Табл. 5. Могильник Заостровье-2. Погребение 1.2011 г.
Находки в погребении *in situ*, уровень выявления – четвертый ярус каменного заклада
А. *1*: железные удила среди скопления конских зубов; *2*: бронзовая фибула; *3*: железный умбон щита, лежащий калоттой вниз; Б. *1*: железные удила среди скопления конских зубов

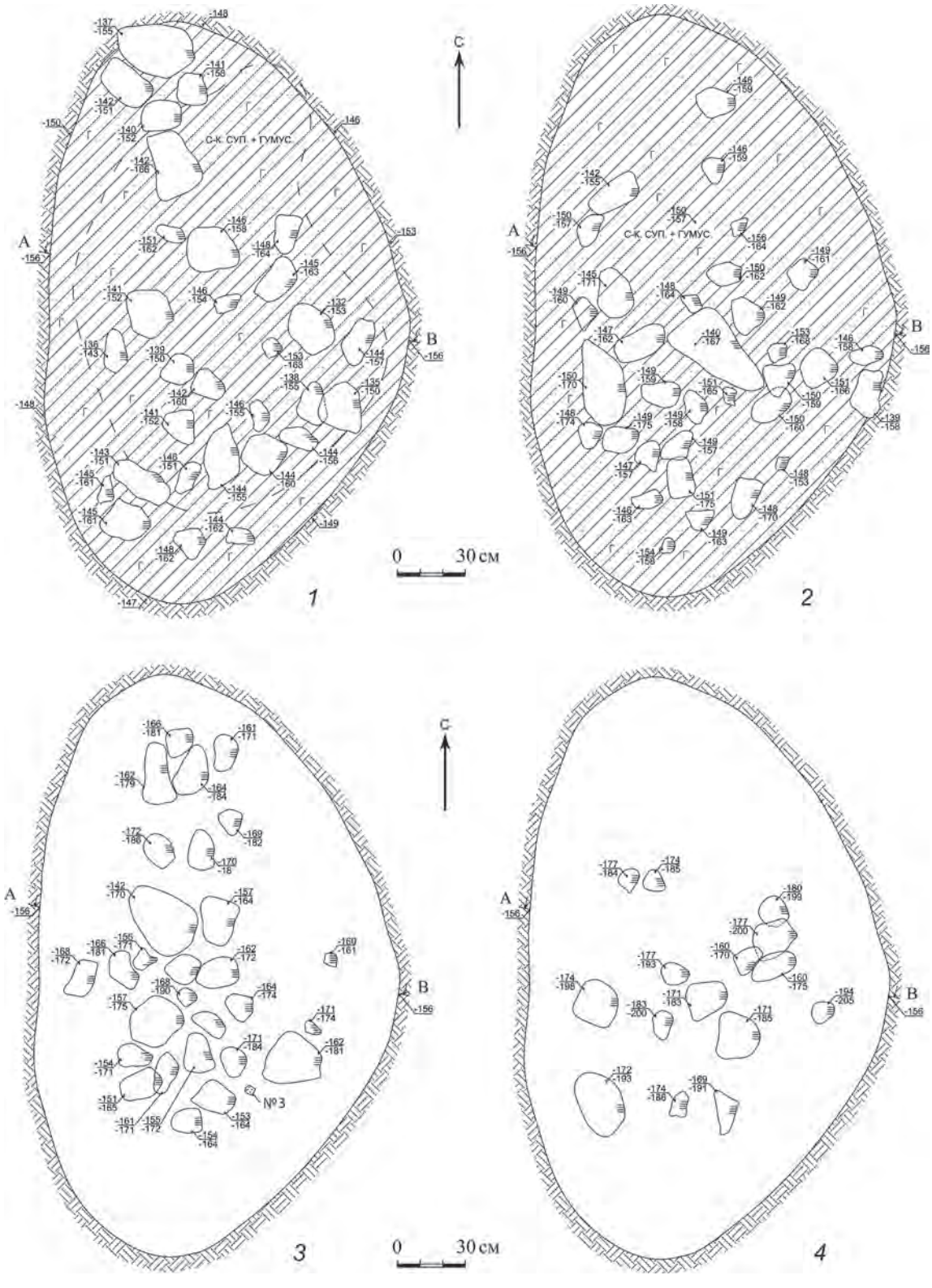
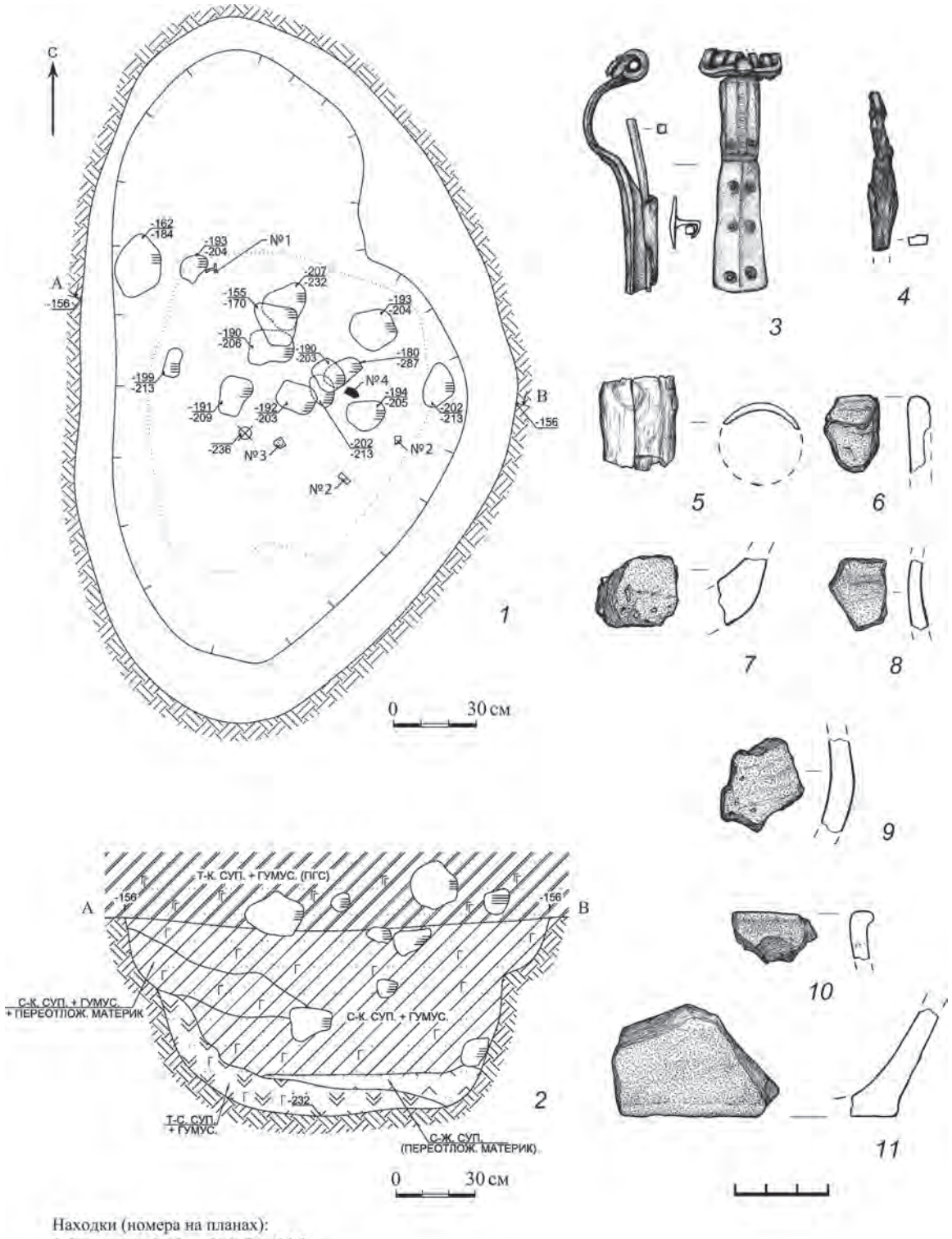

Табл. 6. Могильник Заостровье-2. Погребение 2.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада; *3*: третий ярус каменного заклада; *4*: четвертый ярус каменного заклада

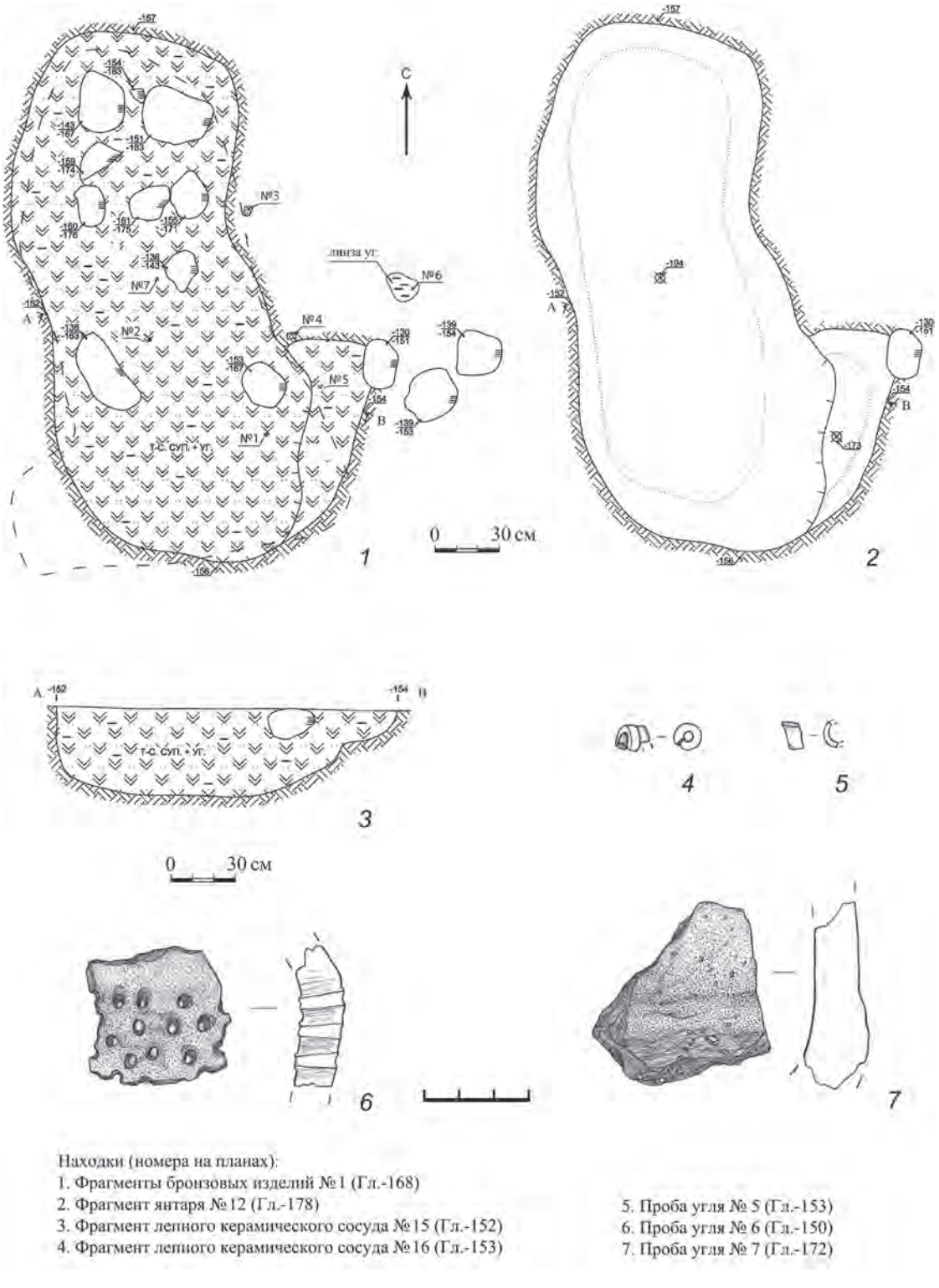

Находки (номера на планах):
1. Бронзовая фибула №7 (Гл.-206)
2. Фрагменты железного предмета №6 (Гл.-205)
3. Фрагменты лепного керамического сосуда №5 (Гл.-171/-192)
4. Фрагмент деревянного изделия - втулка №13 (Гл.-203)

Табл. 7. Могильник Заостровье-2. Погребение 2.2011 г.
1: пятый ярус каменного заклада с находками; *2*: стратиграфический разрез погребения; *3–11*: находки

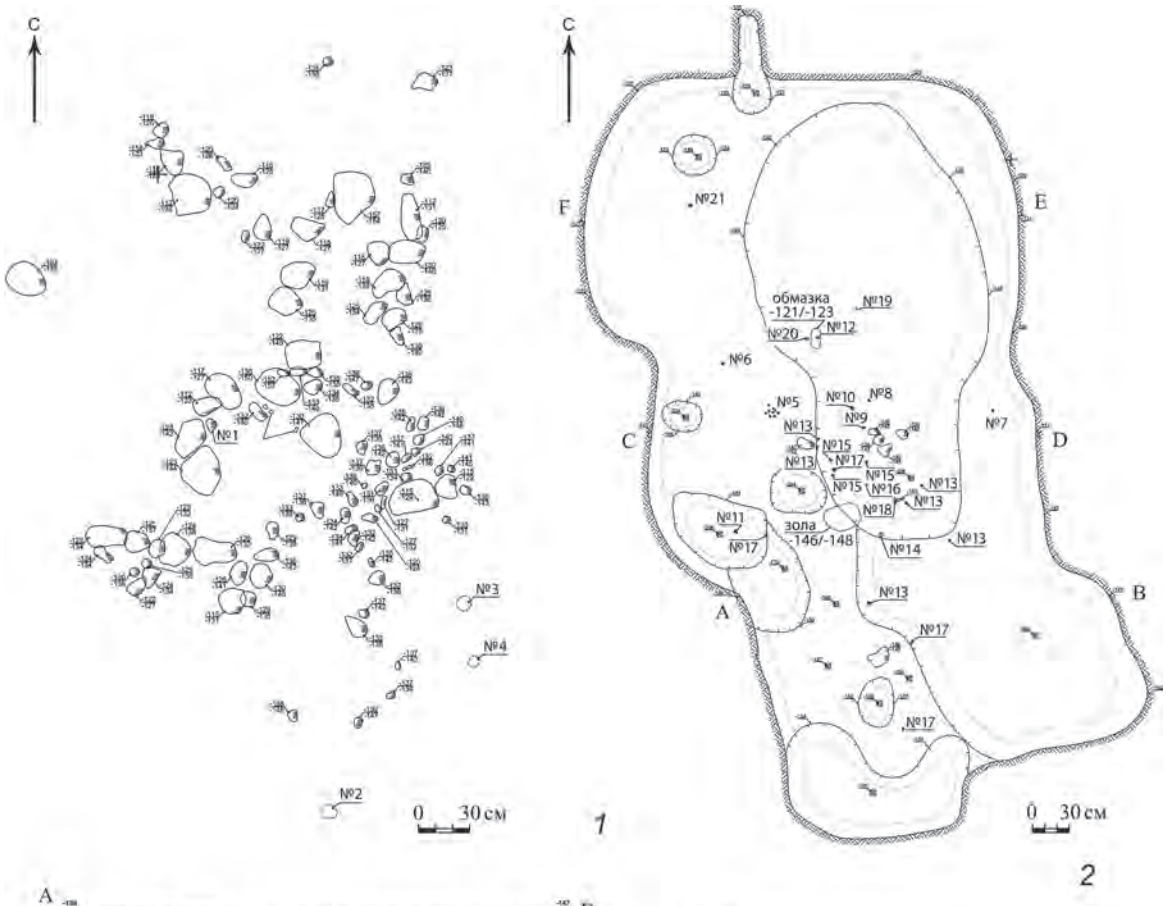

Табл. 8. Могильник Заостровье-2. Погребение 2.2011 г.
Бронзовая глазчатая фибула т. н. прусской серии
Фото Т. Ш. Гацаева

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты бронзовых изделий №1 (Гл.-168)
2. Фрагмент янтаря №12 (Гл.-178)
3. Фрагмент лепного керамического сосуда №15 (Гл.-152)
4. Фрагмент лепного керамического сосуда №16 (Гл.-153)
5. Проба угля № 5 (Гл.-153)
6. Проба угля № 6 (Гл.-150)
7. Проба угля № 7 (Гл.-172)

Табл. 9. Могильник Заостровье-2. Погребение 3.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4–7*: находки

Находки (номера на планах):

1. Проба угля № 29 (Гл.-138)
2. Проба угля № 11 (Гл.-142)
3. Проба угля № 12 (Гл.-143)
4. Проба угля № 13 (Гл.-144)
5. Фрагменты лепного керамического сосуда № 516 (Гл.-136)
6. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 517 (Гл.-136)
7. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 518 (Гл.-146)
8. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 519 (Гл.-132)
9. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 520 (Гл.-143)
10. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 521 (Гл.-144)
11. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 522 (Гл.-200)
12. Шлак (Гл.-121)
13. Фрагменты лепного керамического сосуда № 84 (Гл.-140/-149)
14. Фрагмент стенки лепного керамического сосуда № 85 (Гл.-138)
15. Печина (Гл.-138/-140)
16. Проба №31 (Гл.-141)
17. Фрагменты лепных керамических сосудов № 91 (Гл.-140/-159)
18. Бронзовая фибула №149 (Гл.-182/-183)
19. Фрагмент лепного керамического сосуда № 125 (Гл.-149)
20. Фрагмент лепного керамического сосуда № 126 (Гл.-137)
21. Фрагмент лепного керамического сосуда № 119 (Гл.-133)

Табл. 10. Могильник Заостровье-2. Погребение 4.2011 г.
1: каменный заклад; *2*: материк с находками; *3–5*: стратиграфические разрезы погребения

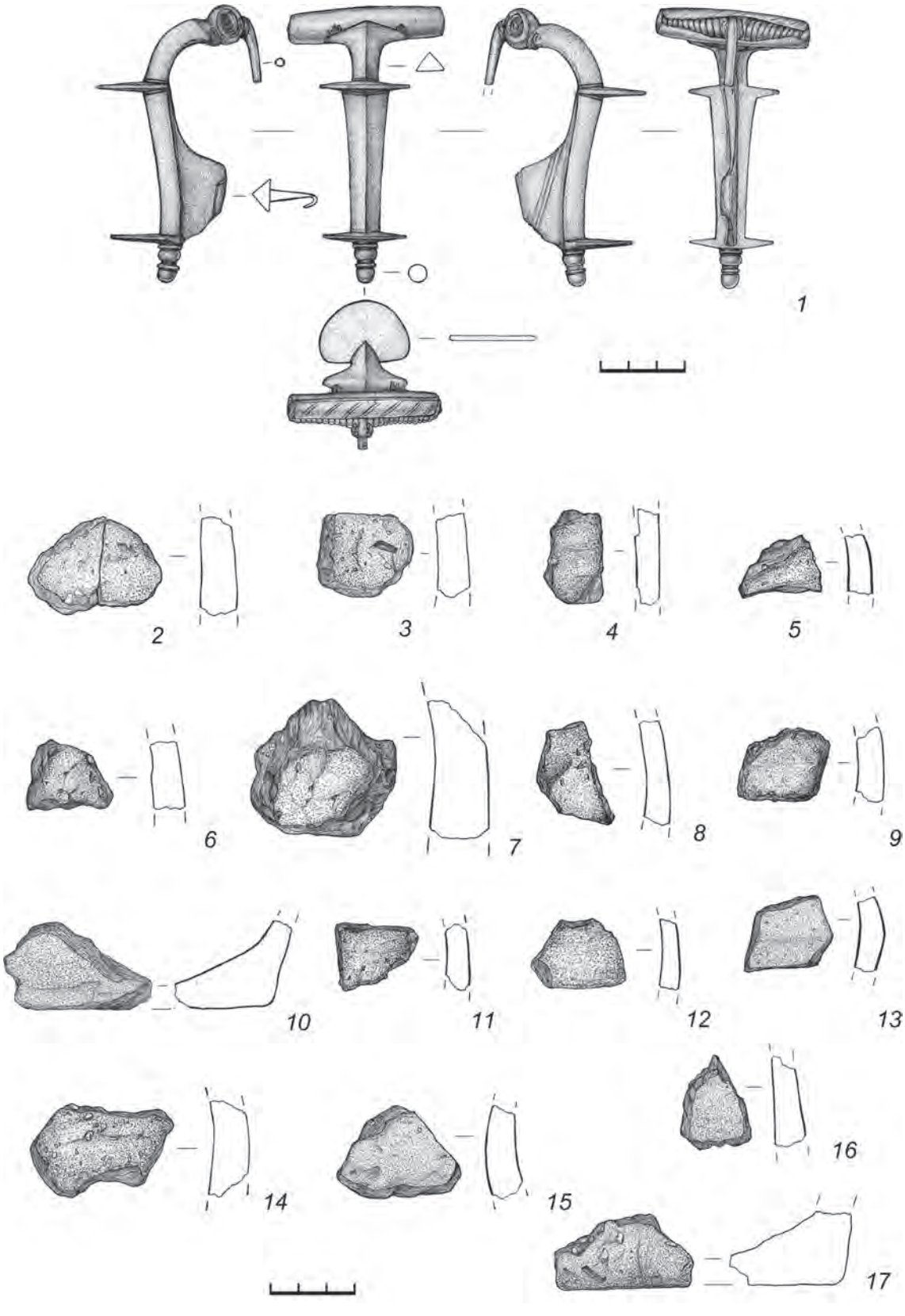

Табл. 11. Могильник Заостровье-2. Погребение 4.2011 г. Находки

Табл. 12. Могильник Заостровье-2. Погребение 4.2011 г.
1–4: бронзовая сильнопрофилированная фибула
Фото Т. Ш. Гацаева

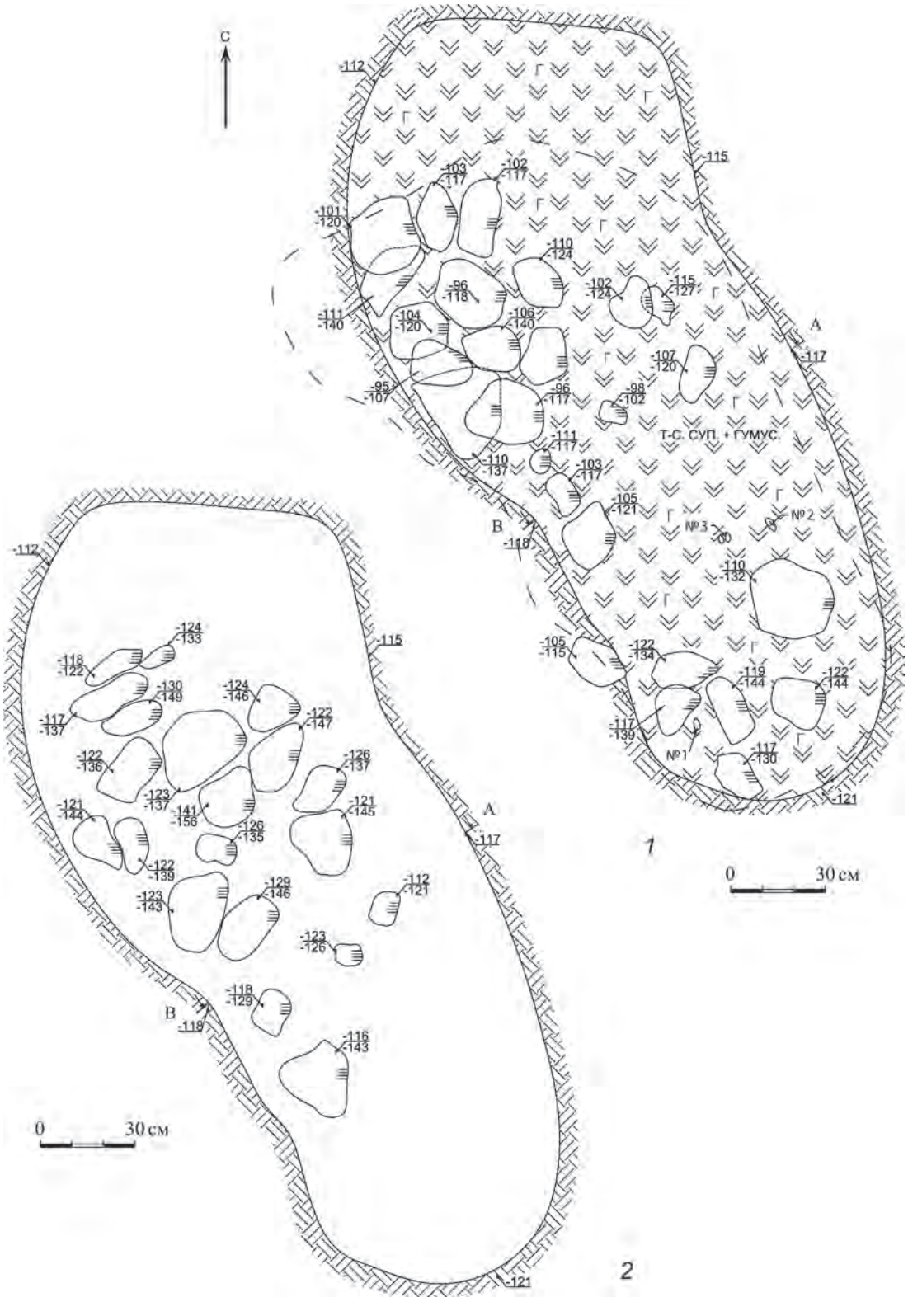
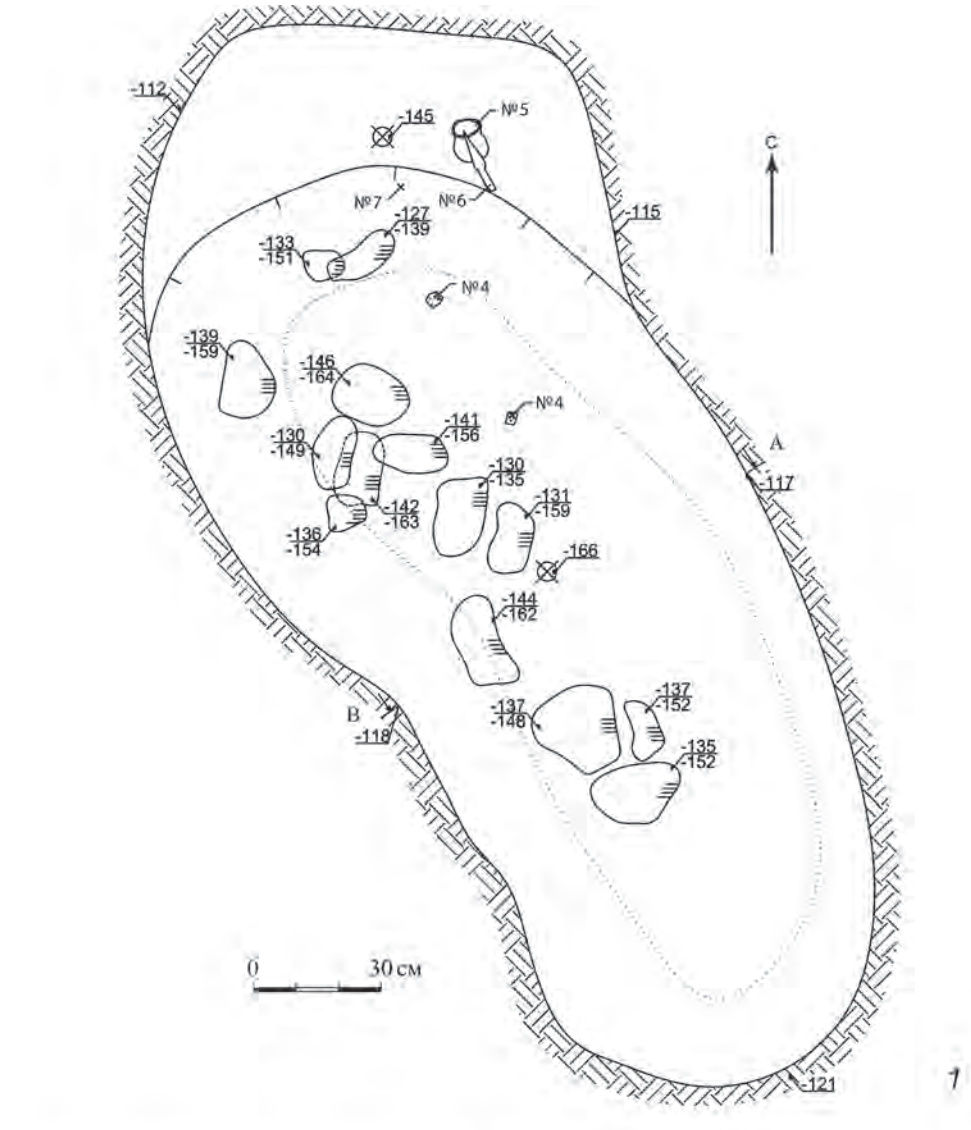
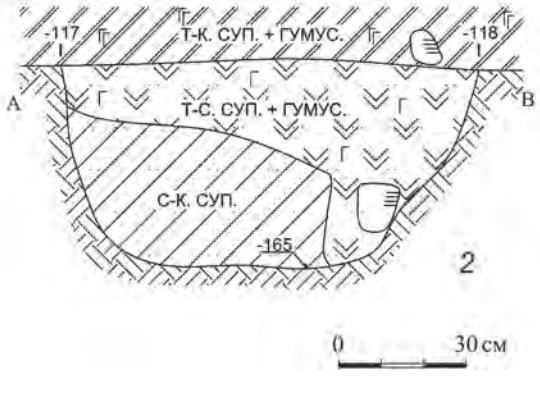

Табл. 13. Могильник Заостровье-2. Погребение 10.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада

Находки (номера на планах):
1. Фрагмент железного изделия № 72 (Гл.-117)
2. Фрагмент железного изделия № 73 (Гл.-114)
3. Зубы коня (Гл.-133)
4. Фрагменты керамических сосудов № 93 (Гл.-139/-140)
5. Керамический сосуд № 164 (Гл.-140)
6. Железный наконечник копья № 163 (Гл.-142)
7. Фрагмент железного изделия № 166 (Гл.-150)

Табл. 14. Могильник Заостровье-2. Погребение 10.2011 г.
1: третий ярус каменного заклада с находками; *2*: стратиграфический разрез погребения

Табл. 15. Могильник Заостровье-2. Погребение 10.2011 г. Находки

Табл. 16. Могильник Заостровье-2. Погребение 10.2011 г.
Керамический сосуд и железный наконечник копья в погребении *in situ*, уровень выявления – третий ярус каменного заклада

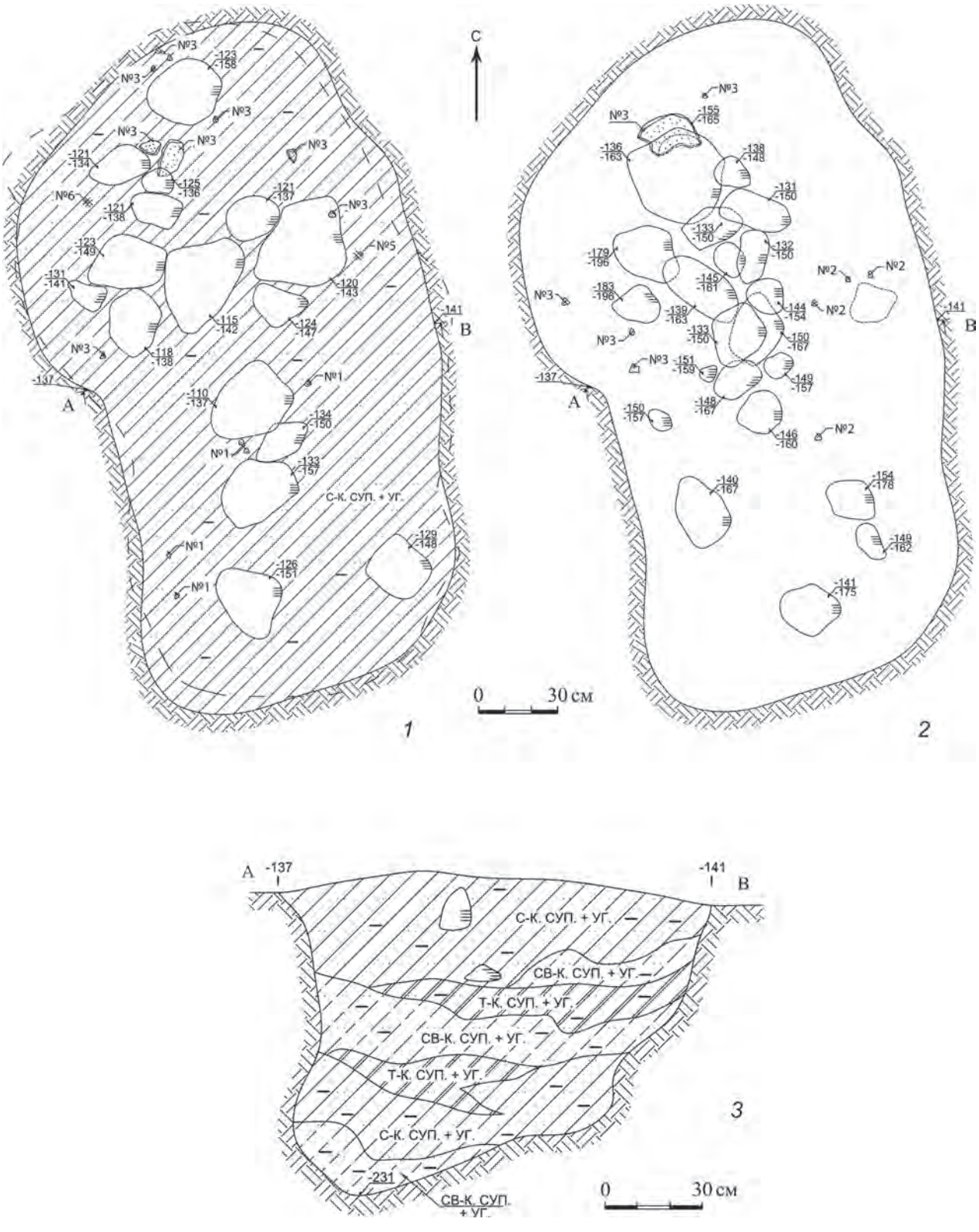
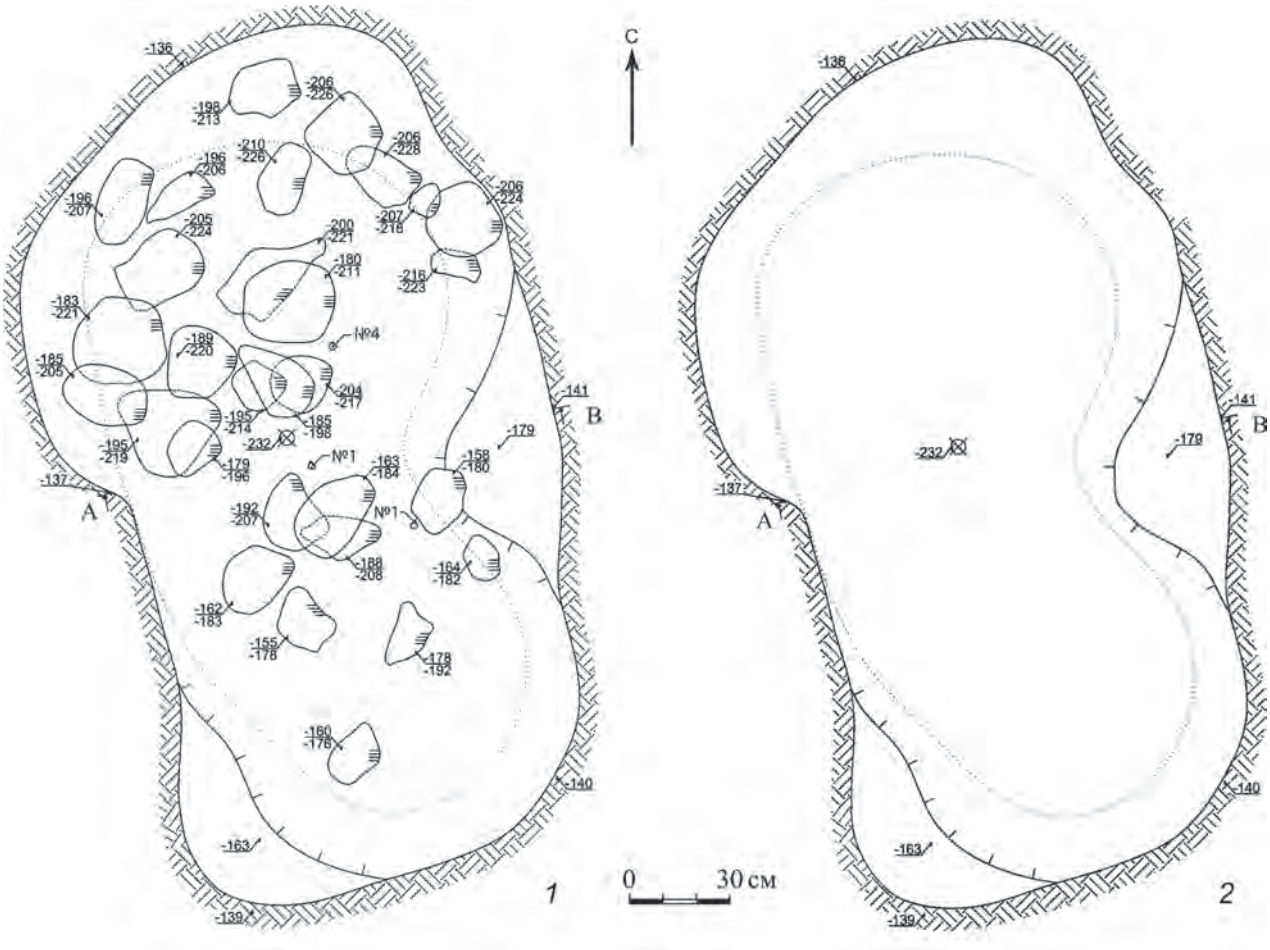

Табл. 17. Могильник Заостровье-2. Погребение 12.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада;
3: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты керамического сосуда № 89 (Гл.-144/-183)
2. Фрагменты керамического сосуда № 90 (Гл.-160/-180)
3. Развал керамического сосуда № 24 (Гл.-131/-165)
4. Бронзовое кольцо № 88 (Гл.-192)

Табл. 18. Могильник Заостровье-2. Погребение 12.2011 г.
1: третий ярус каменного заклада с находками; *2*: материк

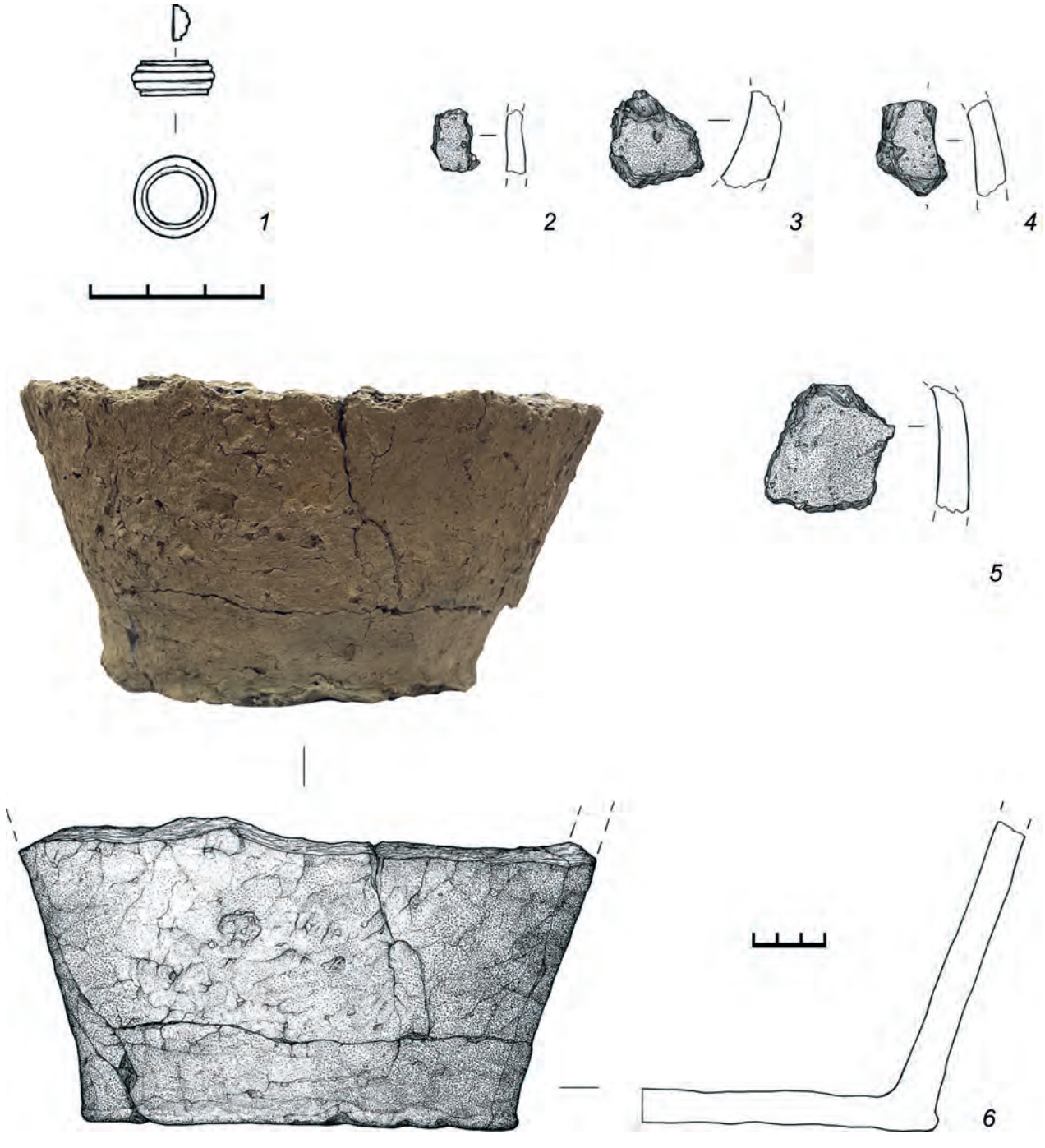

Табл. 19. Могильник Заостровье-2. Погребение 12.2011 г. Находки

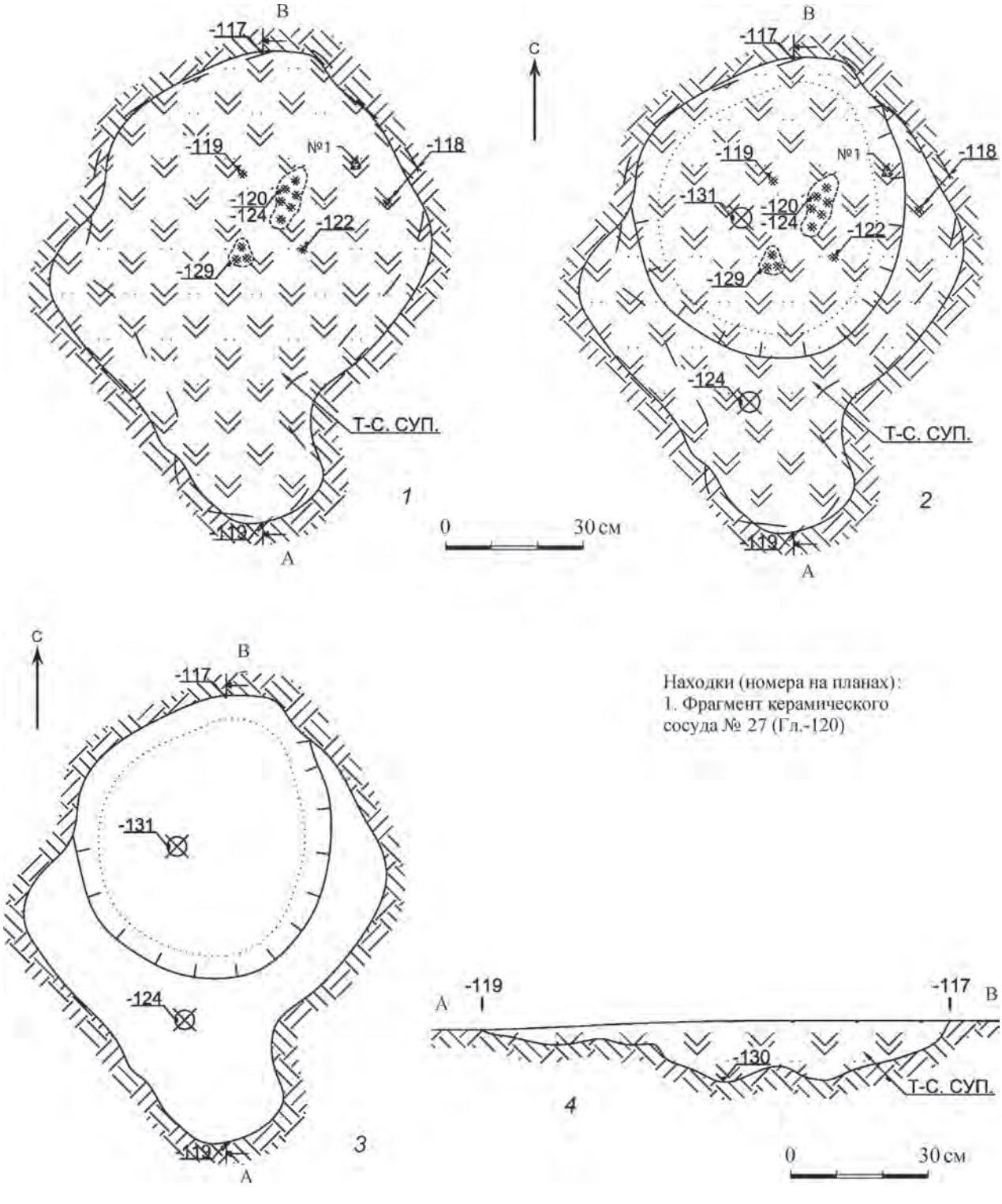
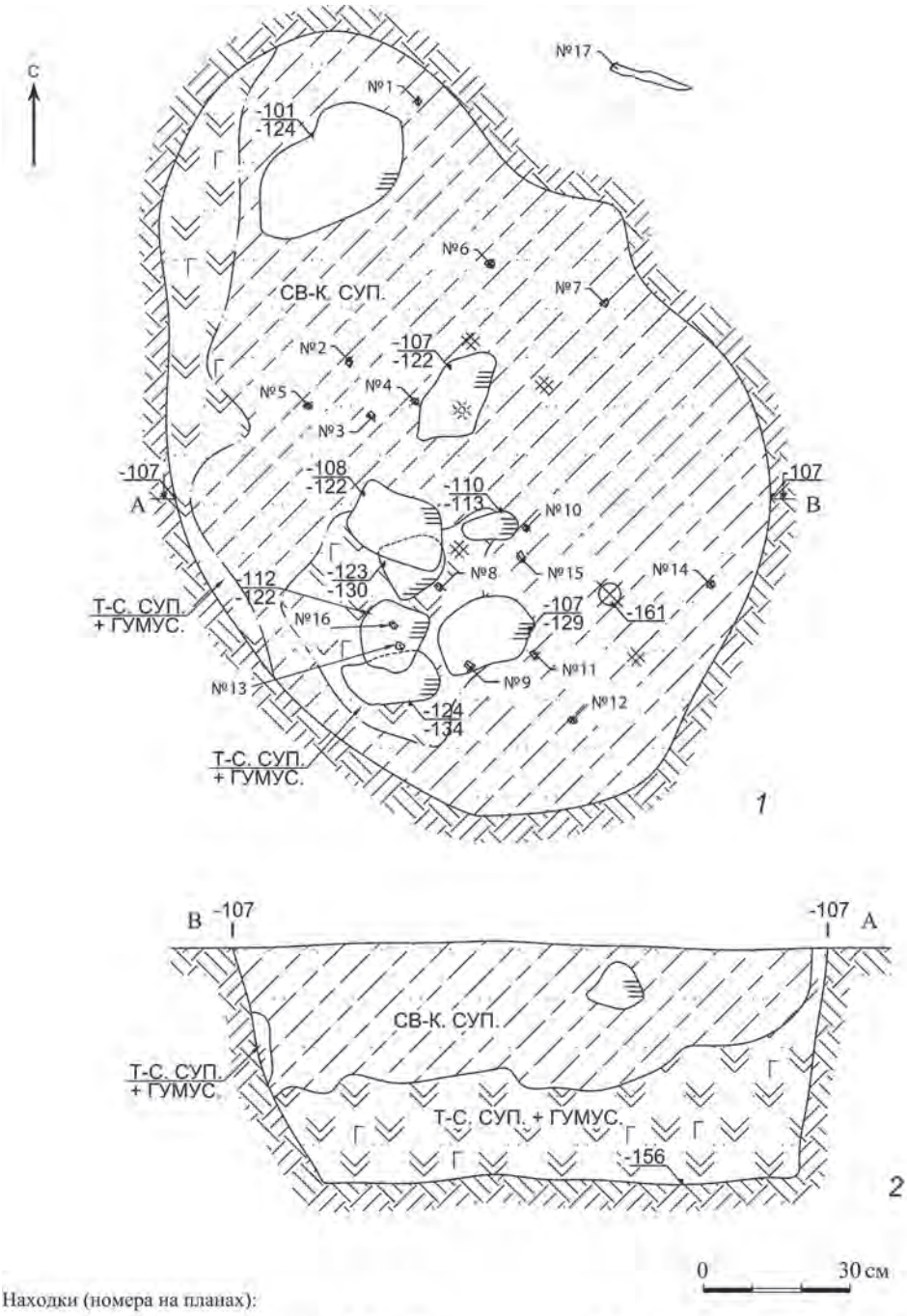

Табл. 20. Могильник Заостровье-2. Погребение 15.2011 г.
1: уровень выявления погребения; *2*: нижний слой заполнения; *3*: материк;
4: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):

1. Фрагмент керамического сосуда №17 (Гл.-109)
2. Фрагмент железного изделия №18 (Гл.-127)
3. Фрагмент железного изделия № 20 (Гл.-132)
4. Фрагмент железного изделия № 21 (Гл.-134)
5. Фрагмент керамического сосуда № 22 (Гл.-131)
6. Фрагмент железного изделия № 23 (Гл.-134)
7. Фрагмент железного изделия № 25 (Гл.-117)
8. Фрагмент керамического сосуда № 74 (Гл.-118)
9. Фрагмент керамического сосуда № 75 (Гл.-105)
10. Фрагмент керамического сосуда № 76 (Гл.-111)
11. Фрагмент керамического сосуда № 77 (Гл.-111)
12. Фрагмент керамического сосуда № 78 (Гл.-113)
13. Фрагмент ручки керамического сосуда № 80 (Гл.-125)
14. Фрагмент керамического сосуда № 81 (Гл.-114)
15. Фрагмент керамического сосуда № 82 (Гл.-124)
16. Фрагмент керамического сосуда № 86 (Гл.-146)
17. Фрагментированный железный наконечник копья № 269 (Гл.-110)

Табл. 21. Могильник Заостровье-2. Погребение 18.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: стратиграфический разрез погребения

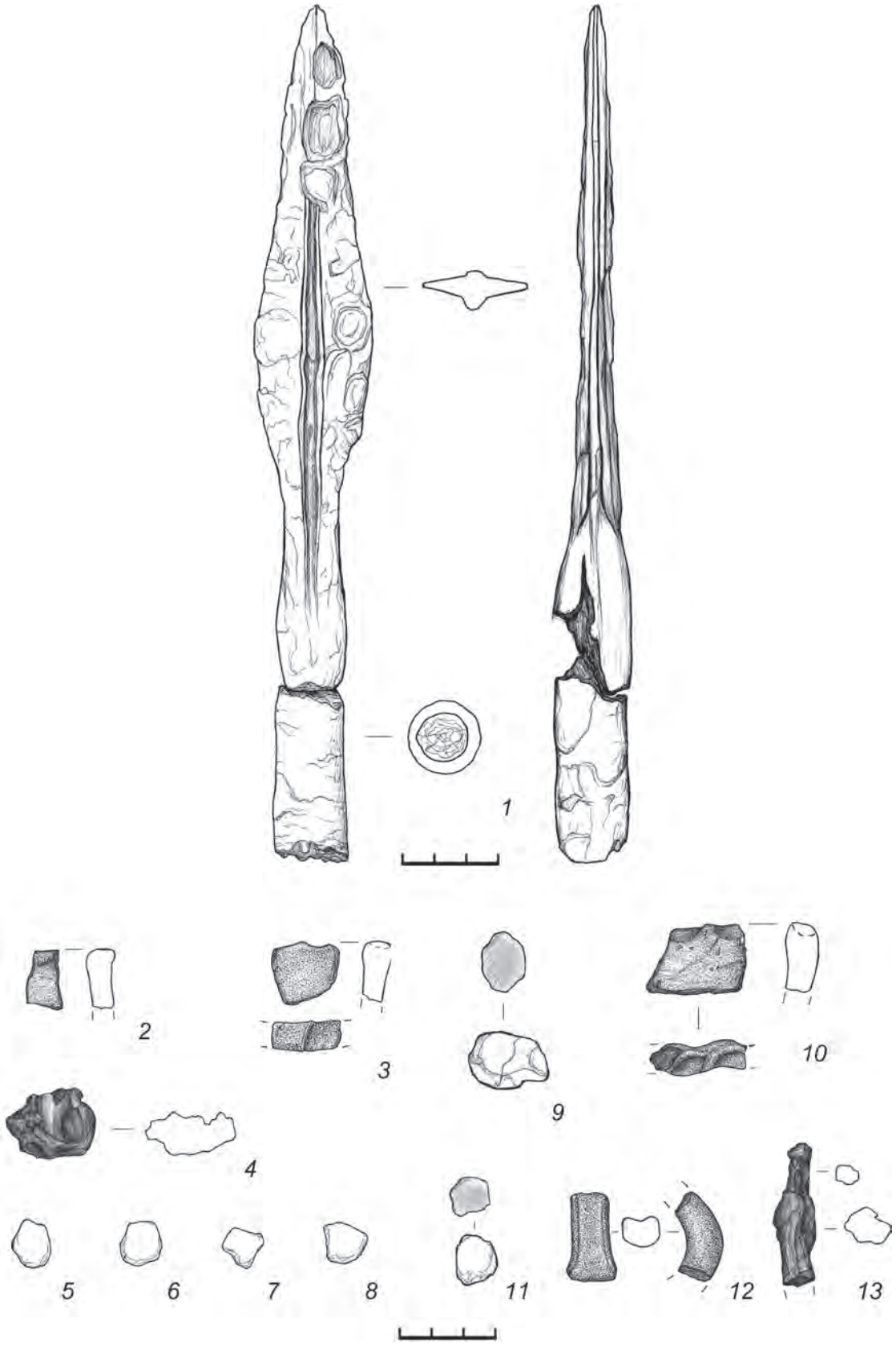

Табл. 22. Могильник Заостровье-2. Погребение 18.2011 г. Находки

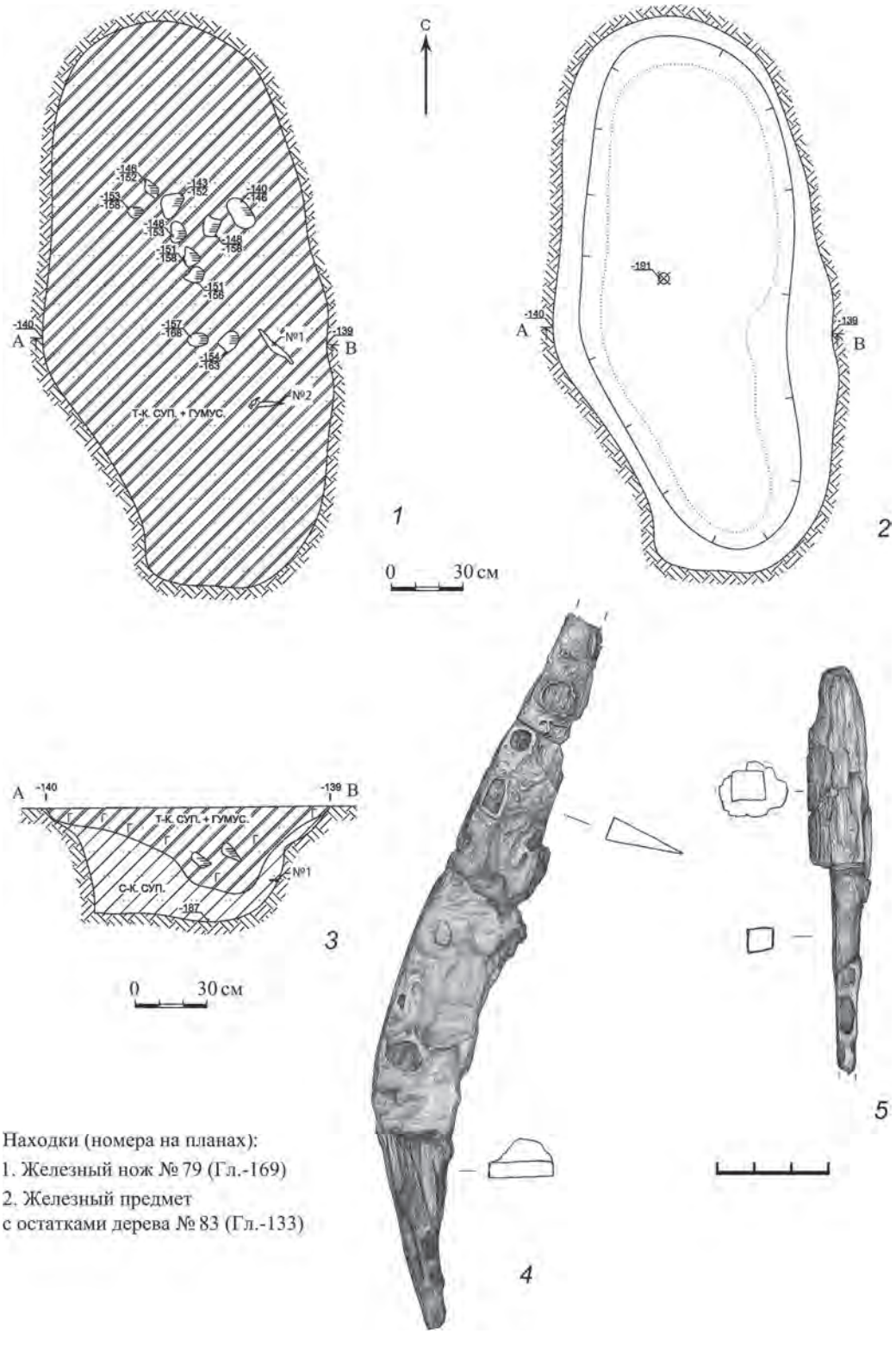
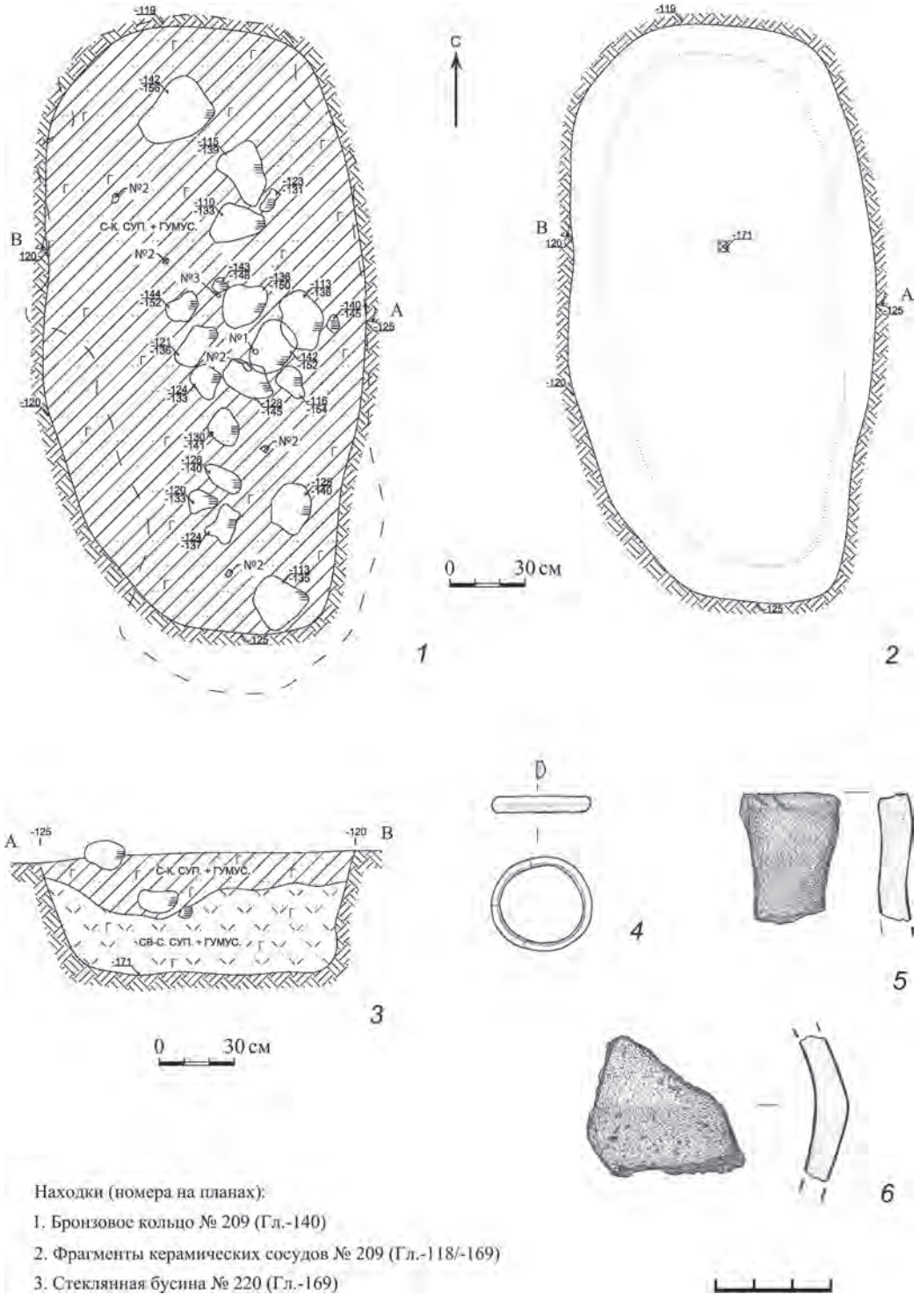
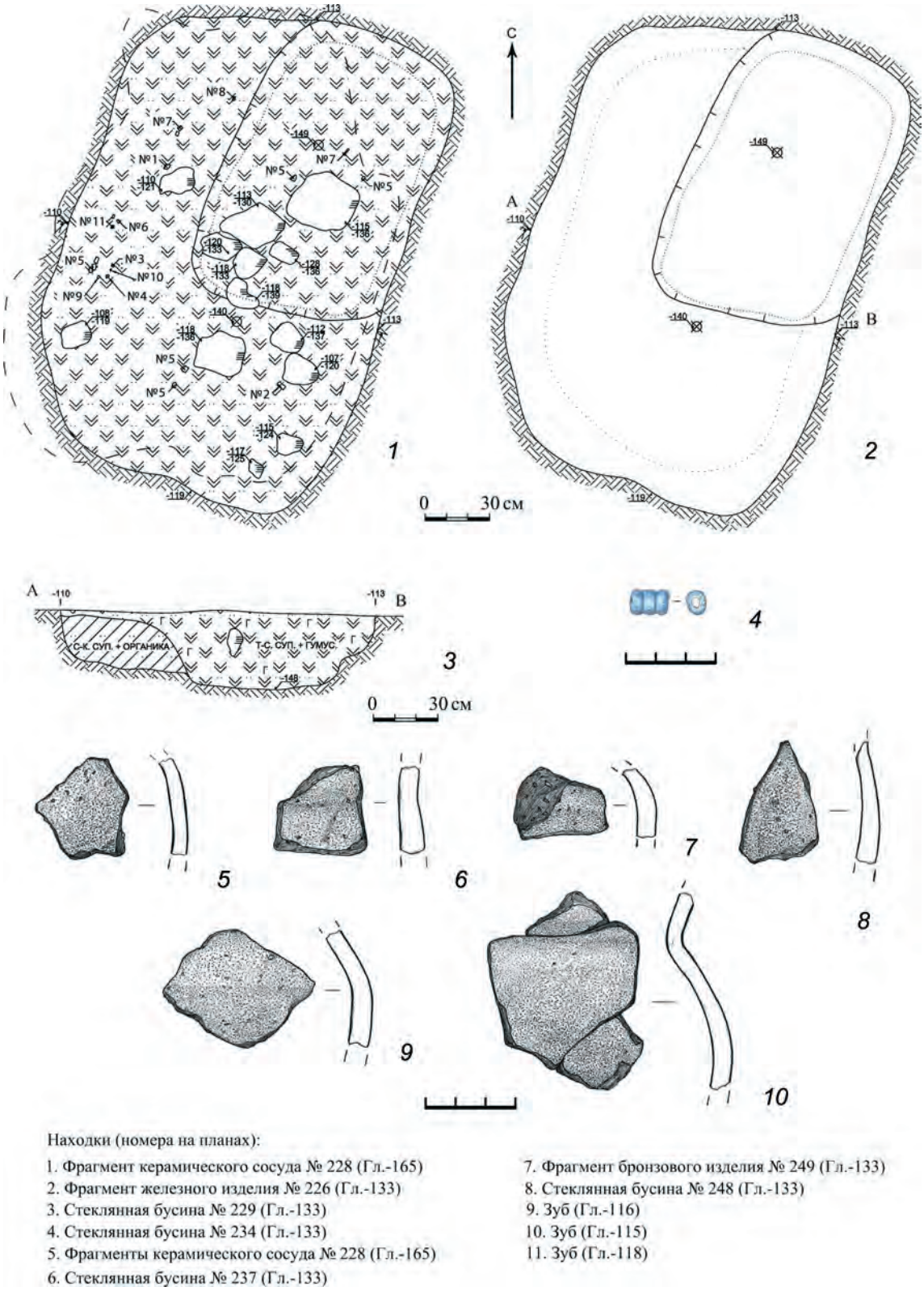

Табл. 23. Могильник Заостровье-2. Погребение 20.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4, 5*: находки

Находки (номера на планах):
1. Бронзовое кольцо № 209 (Гл.-140)
2. Фрагменты керамических сосудов № 209 (Гл.-118/-169)
3. Стеклянная бусина № 220 (Гл.-169)

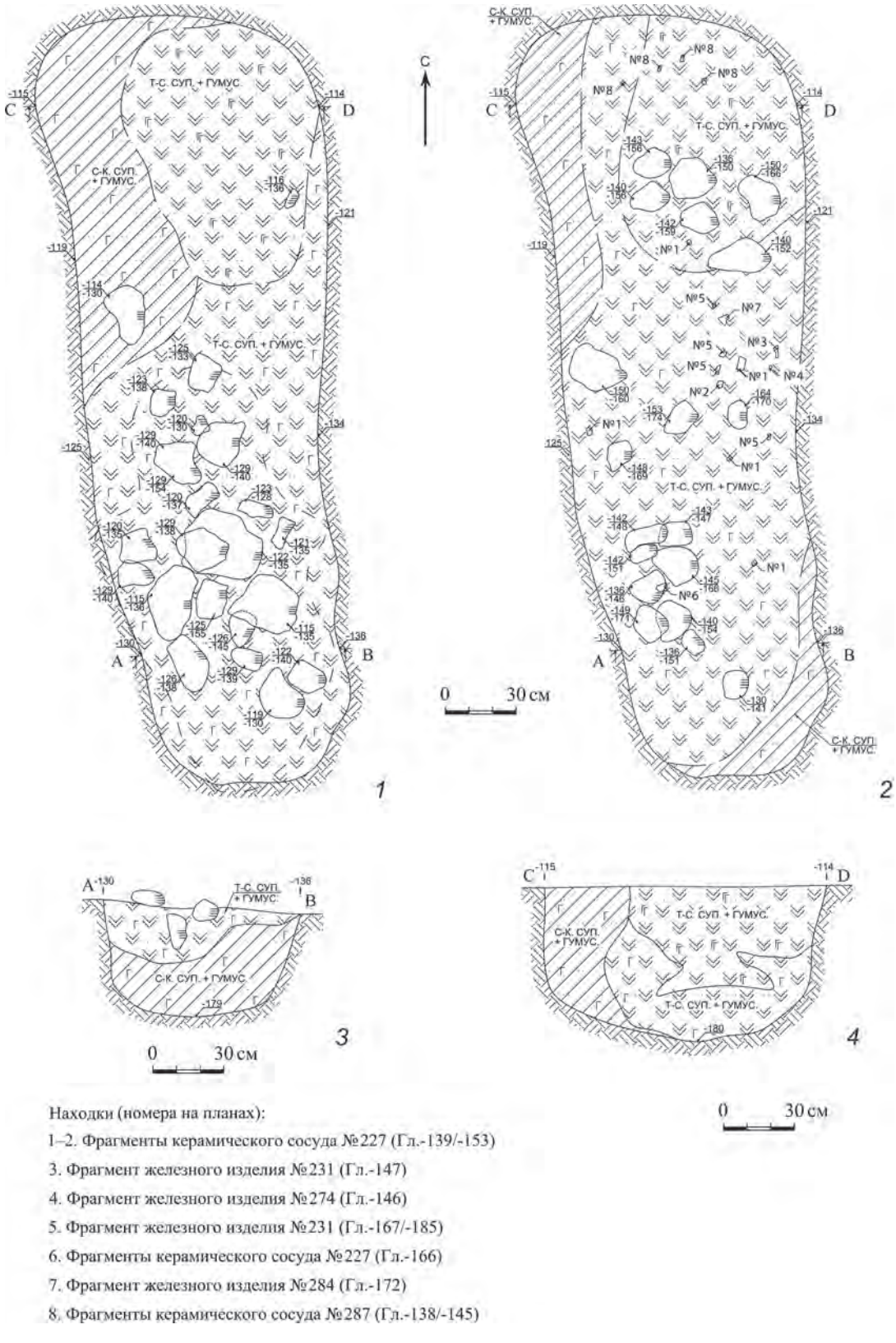
Табл. 24. Могильник Заостровье-2. Погребение 36.2011 г.
1: каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4–6*: находки

Находки (номера на планах):

1. Фрагмент керамического сосуда № 228 (Гл.-165)
2. Фрагмент железного изделия № 226 (Гл.-133)
3. Стеклянная бусина № 229 (Гл.-133)
4. Стеклянная бусина № 234 (Гл.-133)
5. Фрагменты керамического сосуда № 228 (Гл.-165)
6. Стеклянная бусина № 237 (Гл.-133)
7. Фрагмент бронзового изделия № 249 (Гл.-133)
8. Стеклянная бусина № 248 (Гл.-133)
9. Зуб (Гл.-116)
10. Зуб (Гл.-115)
11. Зуб (Гл.-118)

Табл. 25. Могильник Заостровье-2. Погребение 40.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4–10*: находки

Находки (номера на планах):

1–2. Фрагменты керамического сосуда №227 (Гл.-139/-153)

3. Фрагмент железного изделия №231 (Гл.-147)

4. Фрагмент железного изделия №274 (Гл.-146)

5. Фрагмент железного изделия №231 (Гл.-167/-185)

6. Фрагменты керамического сосуда №227 (Гл.-166)

7. Фрагмент железного изделия №284 (Гл.-172)

8. Фрагменты керамического сосуда №287 (Гл.-138/-145)

Табл. 26. Могильник Заостровье-2. Погребение 42.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада с находками; *3, 4*: стратиграфические разрезы погребения

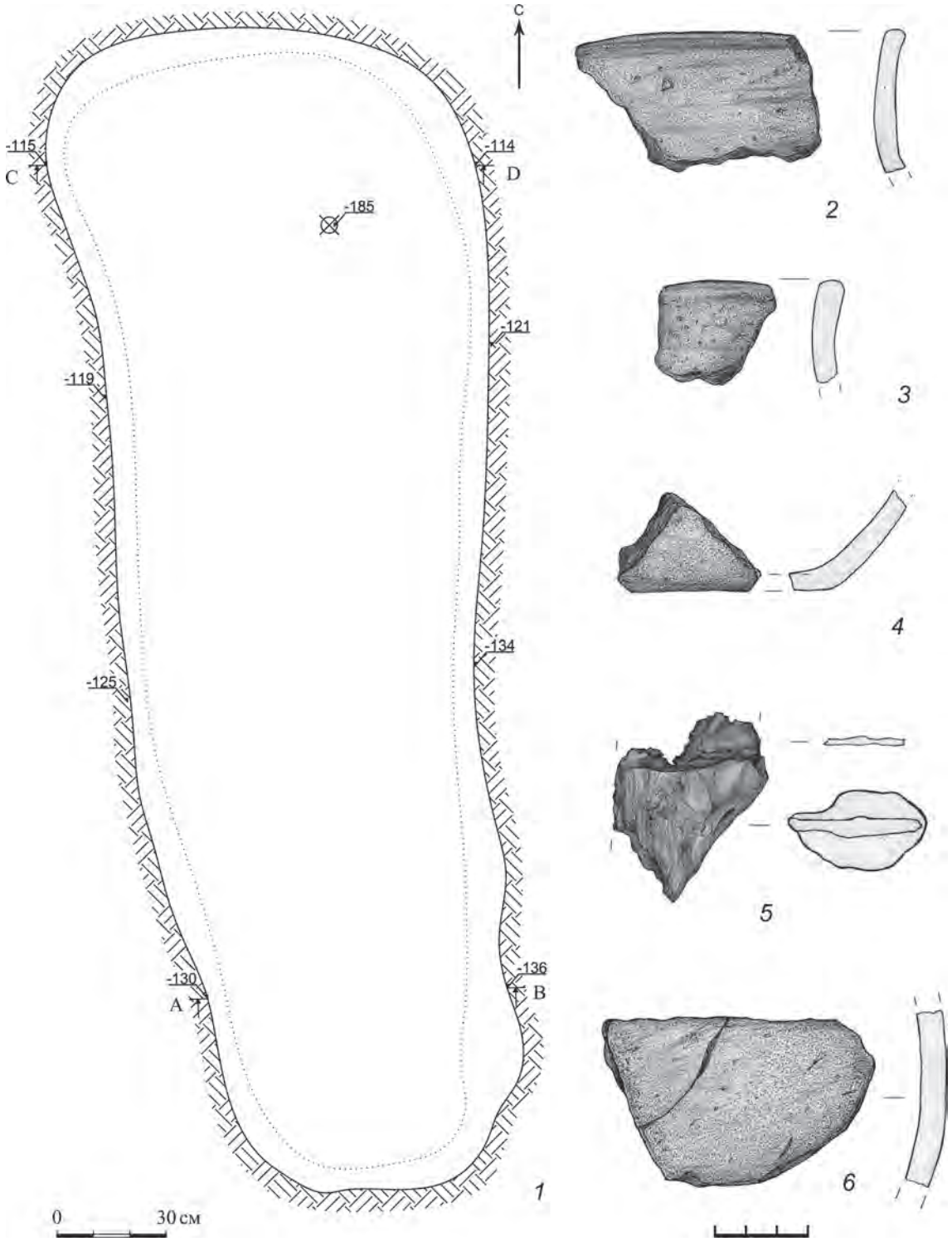
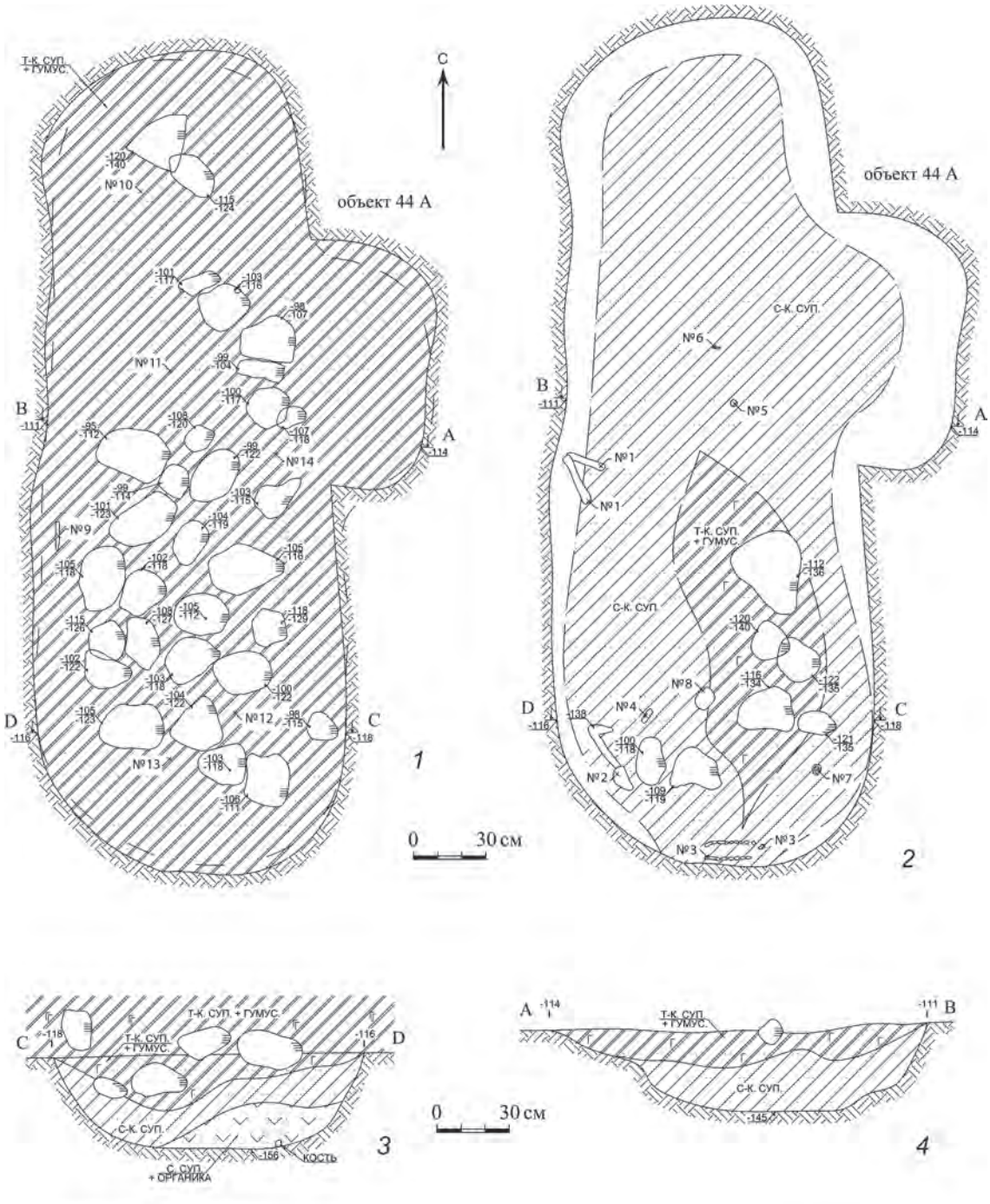

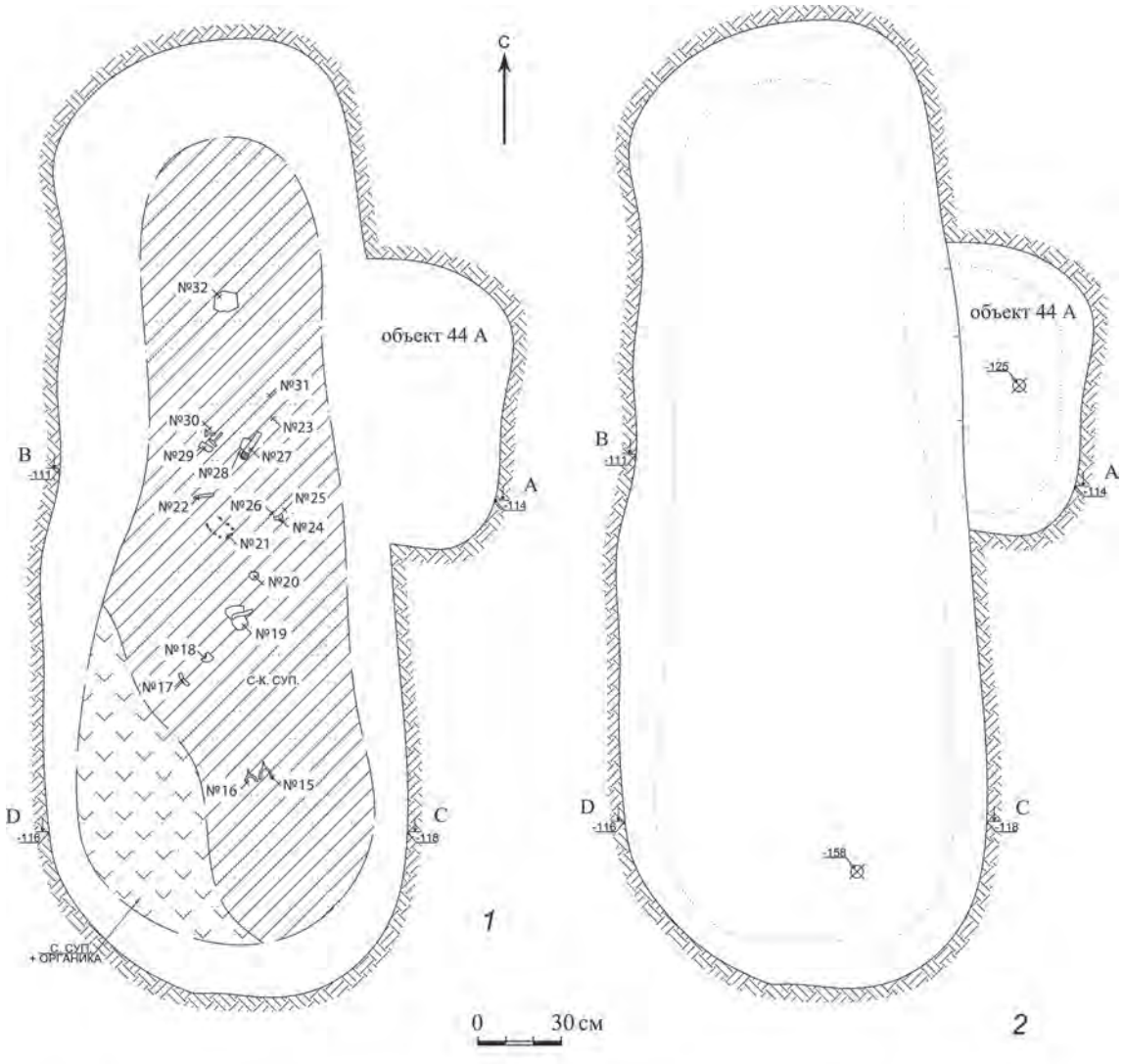
Табл. 27. Могильник Заостровье-2. Погребение 42.2011 г.
1: материк; *2–6*: находки

Находки (номера на планах):

1. Проба № 210 (Гл.-138/-145) кость животного
2. Проба № 218 (Гл.-138) кость животного
3. Проба № 219 (Гл.-122/-132) зубы животного
4. Кость животного (Гл.-150)
5. Фрагменты костей человека №230 (Гл.-126)
6. Зубы человека (Гл.-144)
7. Железная пряжка №636 (Гл.-144)
8. Проба №209 (Гл.-147) кость животного
9. Кость животного (Гл.-139)

Табл. 28. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада с находками;
3: стратиграфический разрез погребения; *4*: стратиграфический разрез объекта 44А

Находки (номера на планах):

10. Фрагмент керамического сосуда №250 (Гл.-115)
11. Фрагмент керамического сосуда №251 (Гл.-118)
12. Фрагмент керамического сосуда №252 (Гл.-105)
13. Фрагмент керамического сосуда №253 (Гл.-114)
14. Фрагмент керамического сосуда №254 (Гл.-117)
15. Железная шпора №271А (Гл.-148)
16. Железная шпора №271Б (Гл.-149)
17. Фрагмент железного изделия №256 (Гл.-145)
18. Фрагмент железного изделия №257 (Гл.-142)
19. Фрагмент железного изделия №258 (Гл.-143)
20. Железная пряжка №259 (Гл.-146)
21. Бронзовые части поясной гарнитуры №261 (Гл.-143)
22. Железные удила №260 (Гл.-137)
23. Две бронзовые накладки №267 (Гл.-139)
24. Железный пинцет №262 А (Гл.-139)
25. Фрагмент бронзового изделия №262 Б (Гл.-140)
26. Бронзовая обоймица со следами органики №262 (Гл.-139)
27. Бронзовая пряжка с наконечниками №266 (Гл.-144)
28. Фрагменты железных удил №265 (Гл.-141)
29. Фрагмент железного изделия №263 (Гл.-141)
30. Две бронзовые фибулы №264 (Гл.-142)
31. Бронзовый разделитель ремня №255 (Гл.-138)
32. Фрагмент стенки керамического сосуда №268 (Гл.-143)

Табл. 29. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г.
1: нижний слой заполнения погребения с находками; *2*: материк

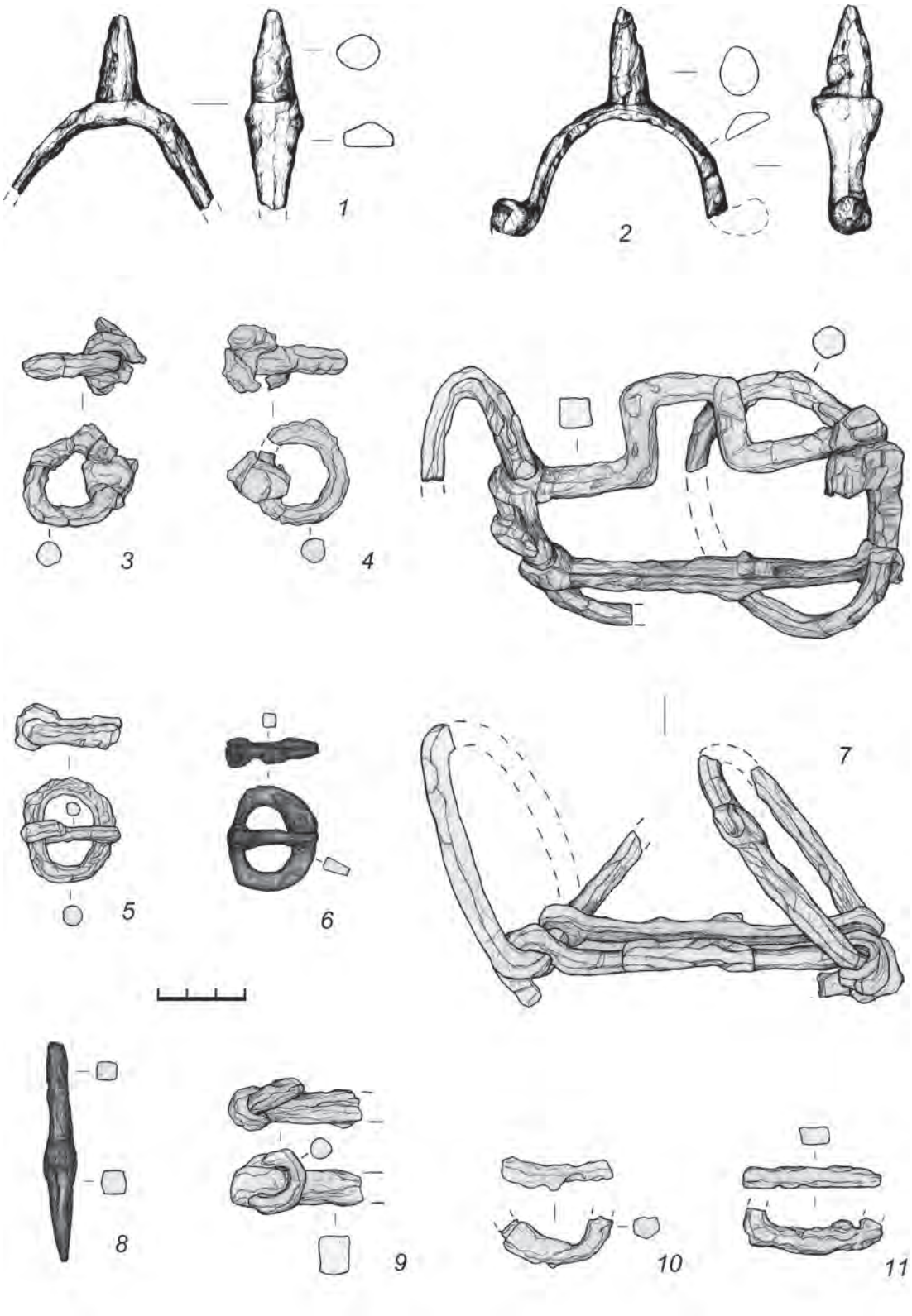

Табл. 30. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г. Находки

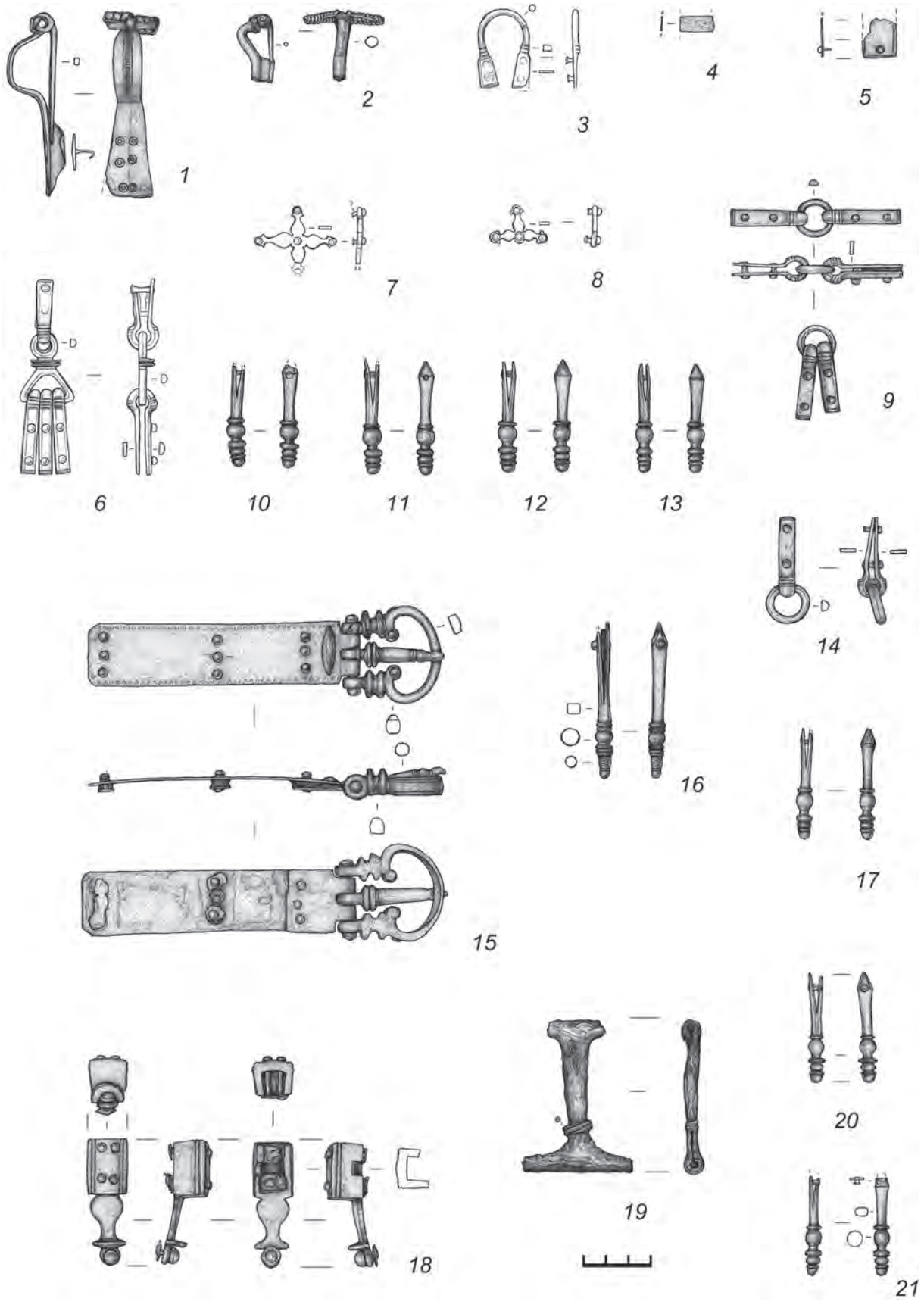

Табл. 31. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г. Находки

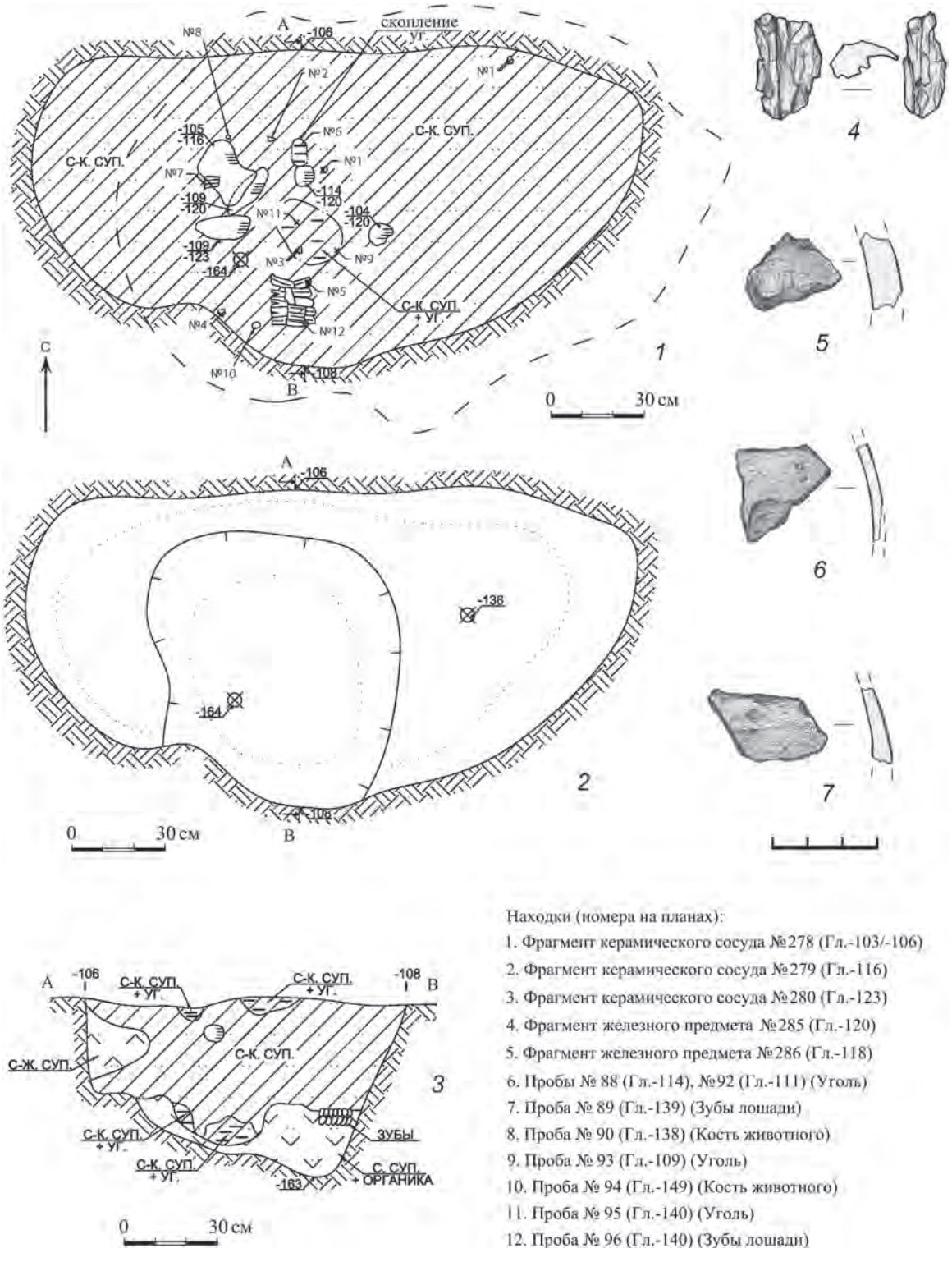
Табл. 32. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г.
1: бронзовая пряжка-«омега» с ременными рельефными наконечниками и фрагменты железных удил в погребении *in situ*, уровень выявления – нижний слой заполнения;
2: бронзовая пряжка-«омега» с элементами ременной/поясной гарнитуры
Фото А. В. Мастыковой

Табл. 33. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г.
1–4: бронзовая глазчатая фибула т. н. прусской серии
Фото Т. Ш. Гацаева

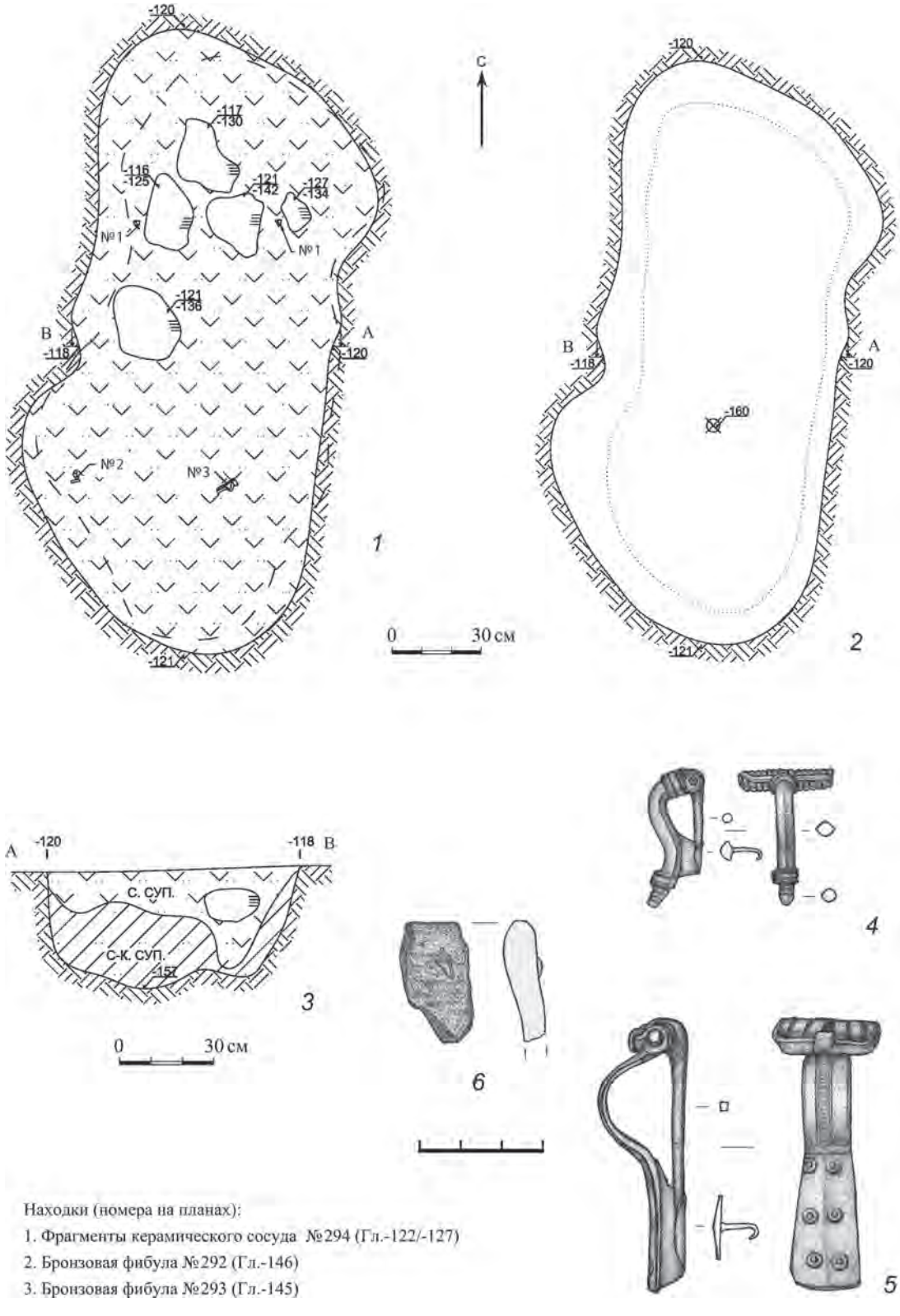
Табл. 34. Могильник Заостровье-2. Погребение 44.2011 г.
1–3: бронзовая слабопрофилированная фибула с гребнем у головки
Фото Т. Ш. Гацаева

Находки (номера на планах):

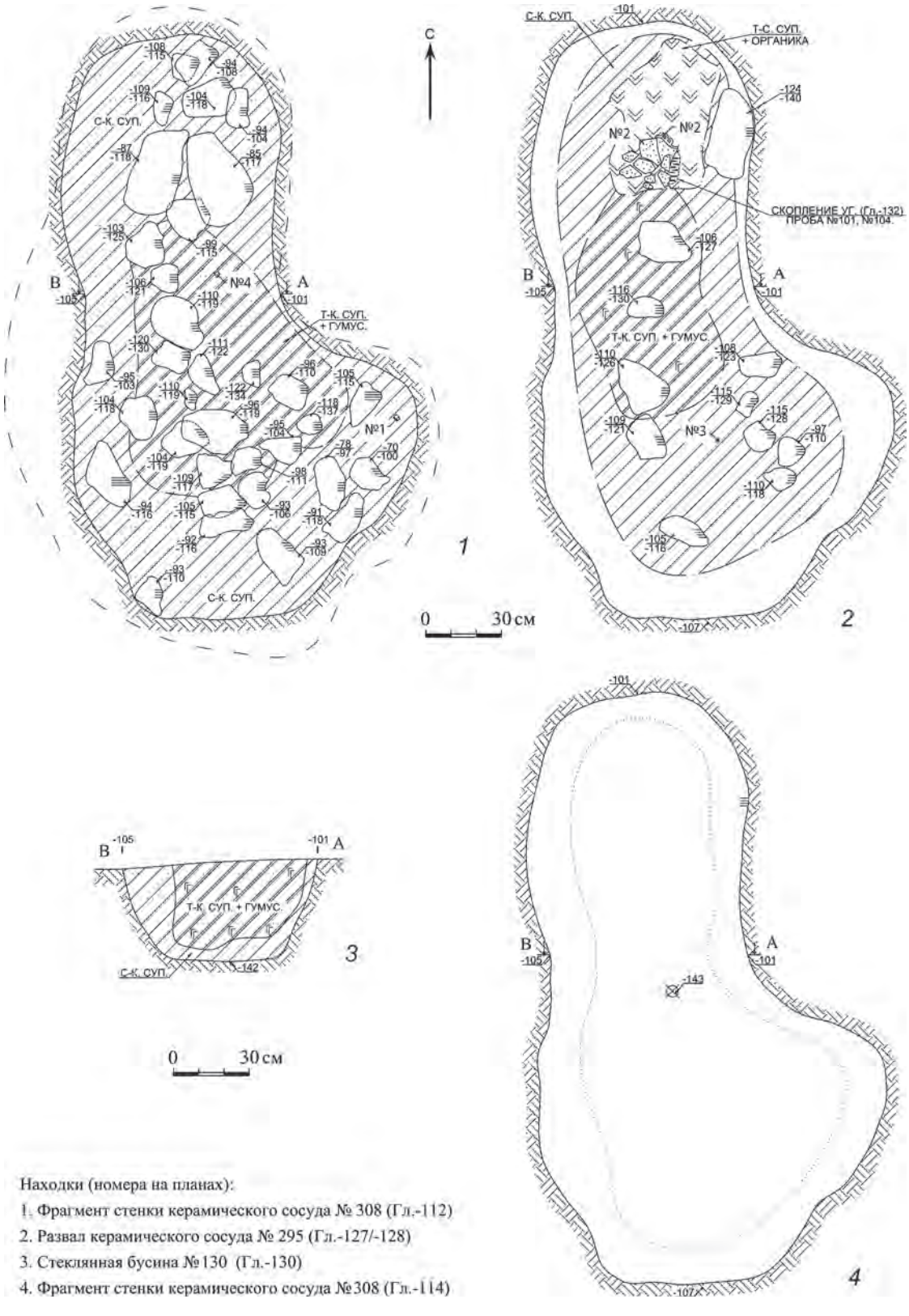
1. Фрагмент керамического сосуда №278 (Гл.-103/-106)
2. Фрагмент керамического сосуда №279 (Гл.-116)
3. Фрагмент керамического сосуда №280 (Гл.-123)
4. Фрагмент железного предмета №285 (Гл.-120)
5. Фрагмент железного предмета №286 (Гл.-118)
6. Пробы № 88 (Гл.-114), №92 (Гл.-111) (Уголь)
7. Проба № 89 (Гл.-139) (Зубы лошади)
8. Проба № 90 (Гл.-138) (Кость животного)
9. Проба № 93 (Гл.-109) (Уголь)
10. Проба № 94 (Гл.-149) (Кость животного)
11. Проба № 95 (Гл.-140) (Уголь)
12. Проба № 96 (Гл.-140) (Зубы лошади)

Табл. 35. Могильник Заостровье-2. Погребение 50.2011 г.
1: слой заполнения с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4–7*: находки

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты керамического сосуда №294 (Гл.-122/-127)
2. Бронзовая фибула №292 (Гл.-146)
3. Бронзовая фибула №293 (Гл.-145)

Табл. 36. Могильник Заостровье-2. Погребение 51.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4, 5*: находки

Находки (номера на планах):

1. Фрагмент стенки керамического сосуда № 308 (Гл.-112)
2. Развал керамического сосуда № 295 (Гл.-127/-128)
3. Стеклянная бусина №130 (Гл.-130)
4. Фрагмент стенки керамического сосуда №308 (Гл.-114)

Табл. 37. Могильник Заостровье-2. Погребение 53.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада с находками;
3: стратиграфический разрез погребения; *4*: материк

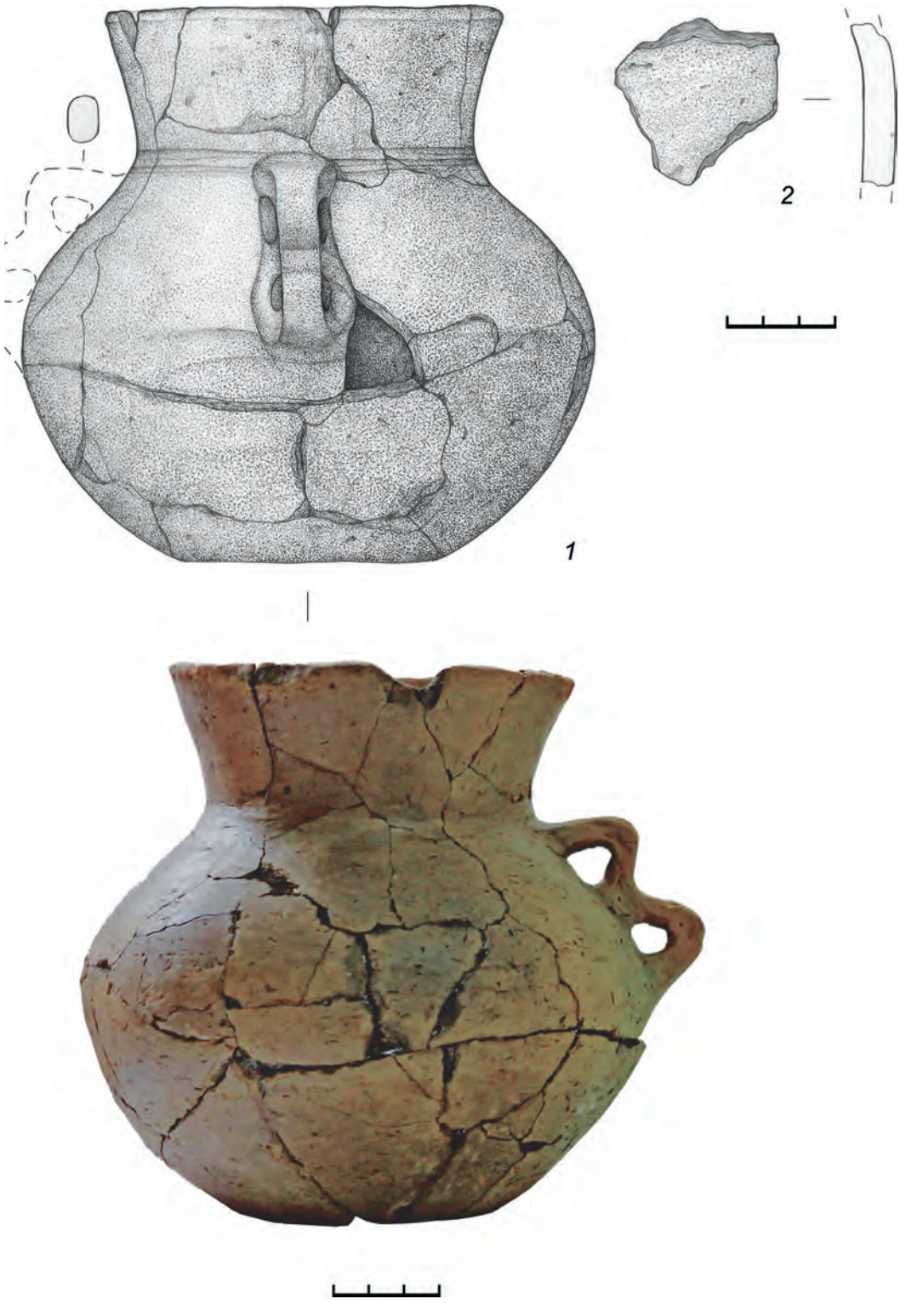
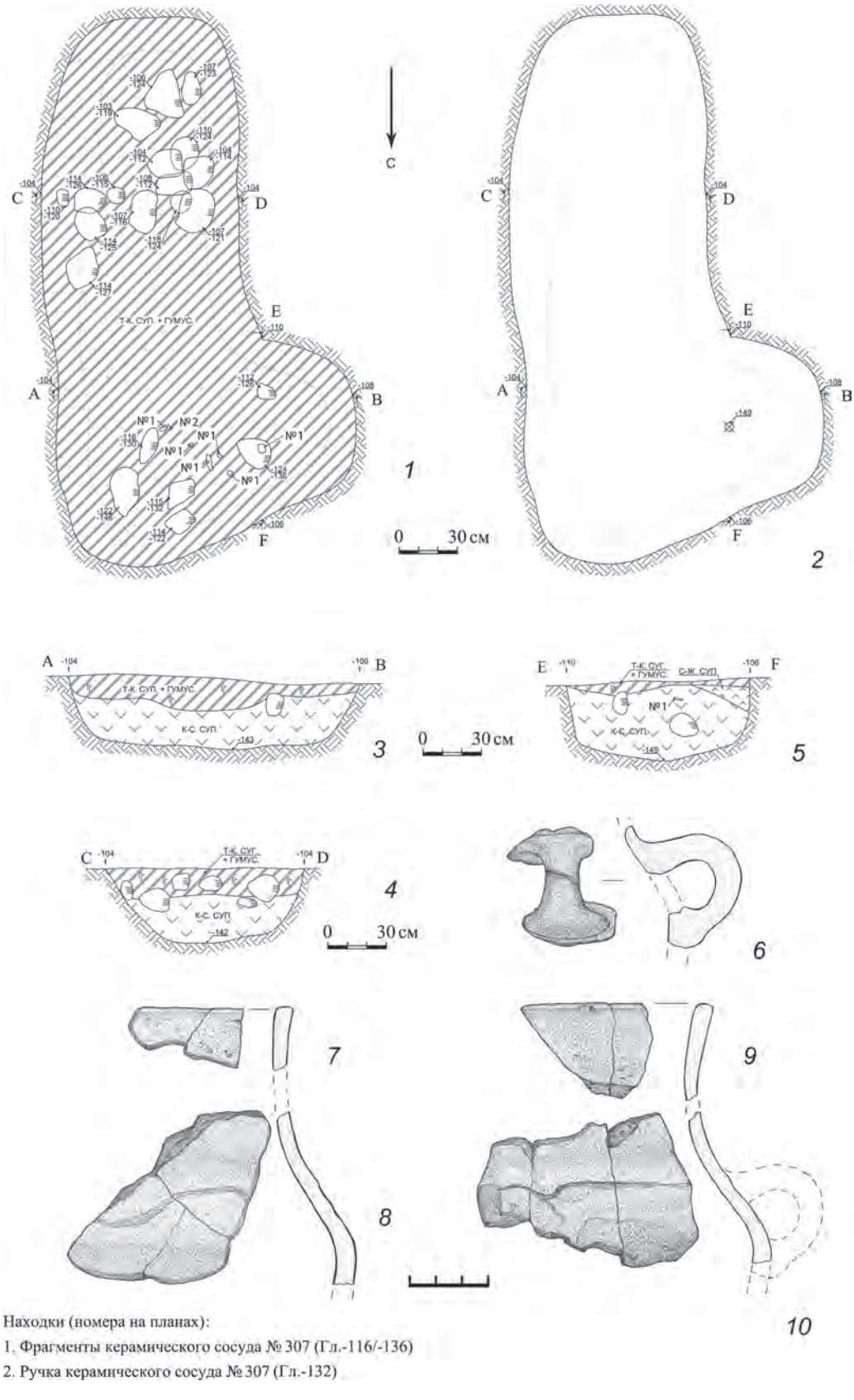

Табл. 38. Могильник Заостровье-2. Погребение 53.2011 г. Находки

Табл. 39. Могильник Заостровье-2. Погребение 53.2011 г.
Развал керамического сосуда в погребении *in situ*, уровень выявления – второй ярус каменного заклада

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты керамического сосуда № 307 (Гл.-116/-136)
2. Ручка керамического сосуда № 307 (Гл.-132)

Табл. 40. Могильник Заостровье-2. Погребение 54.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: материк; *3–5*: стратиграфические разрезы погребения; *6–10*: находки

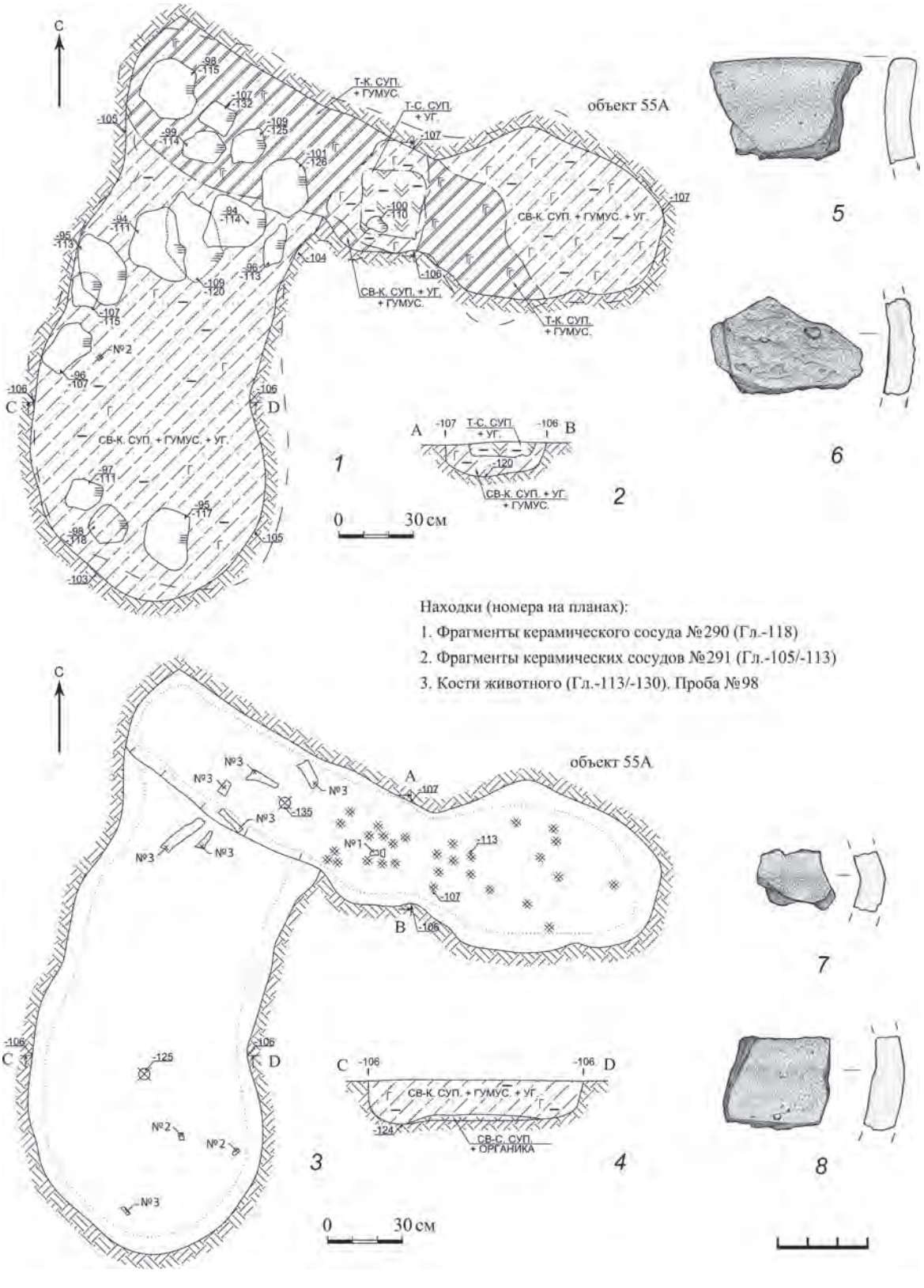

Табл. 41. Могильник Заостровье-2. Погребение 55.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: стратиграфический разрез объекта 55А; *3*: материк с находками; *4*: стратиграфический разрез погребения; *5–8*: находки

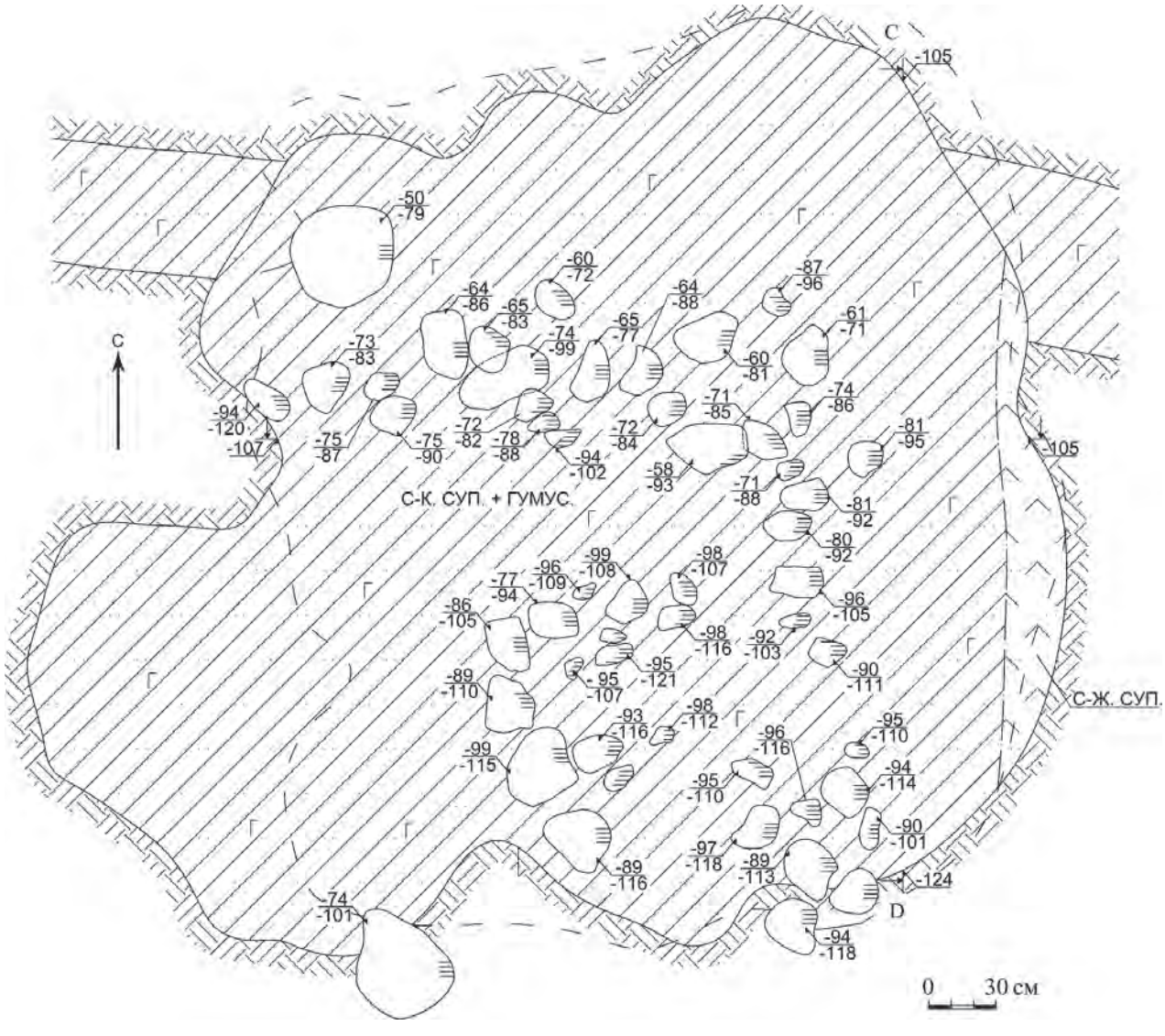

Табл. 42. Могильник Заостровье-2. Погребение 58А.2011 г.
Первый ярус каменного заклада

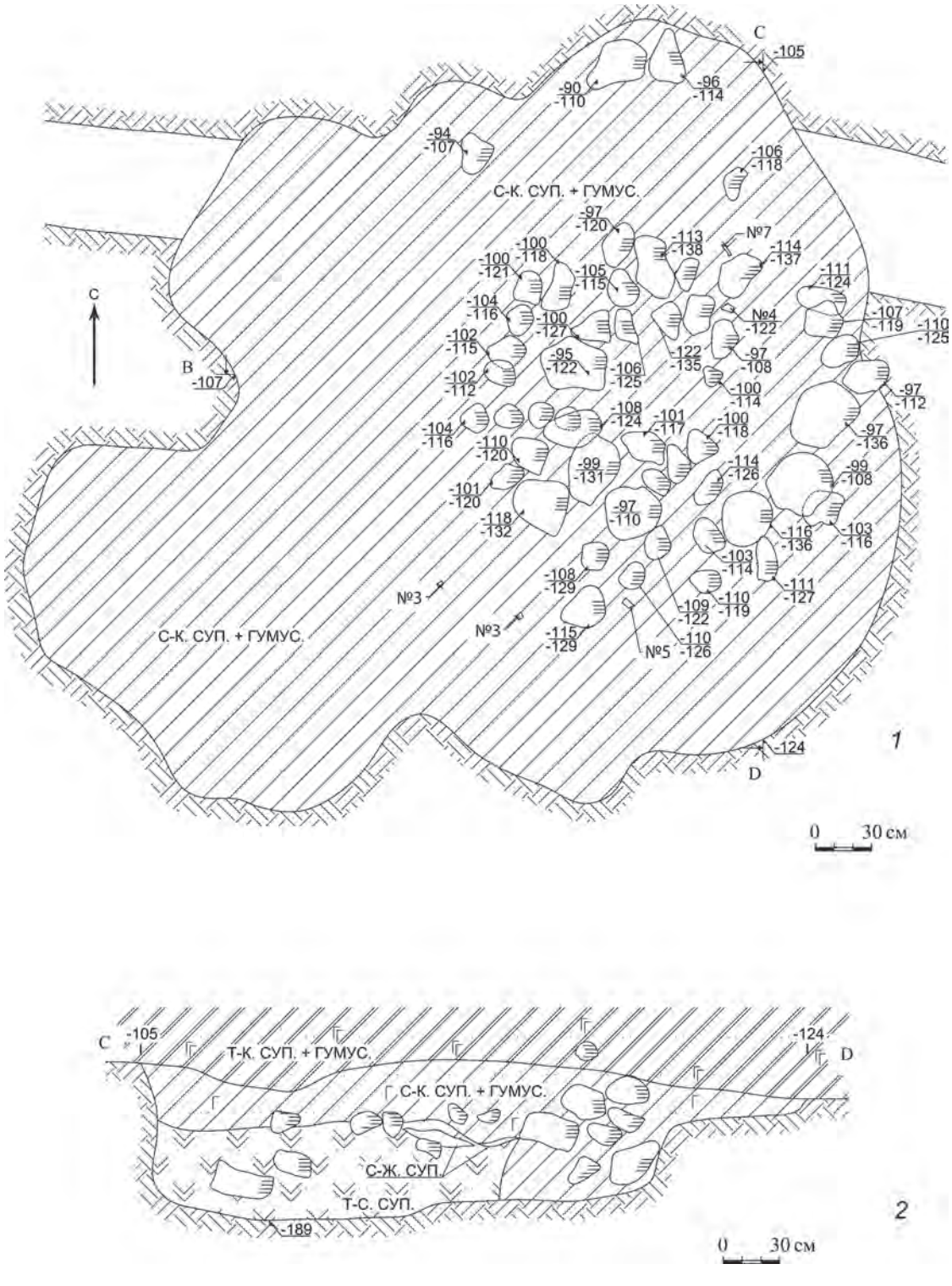
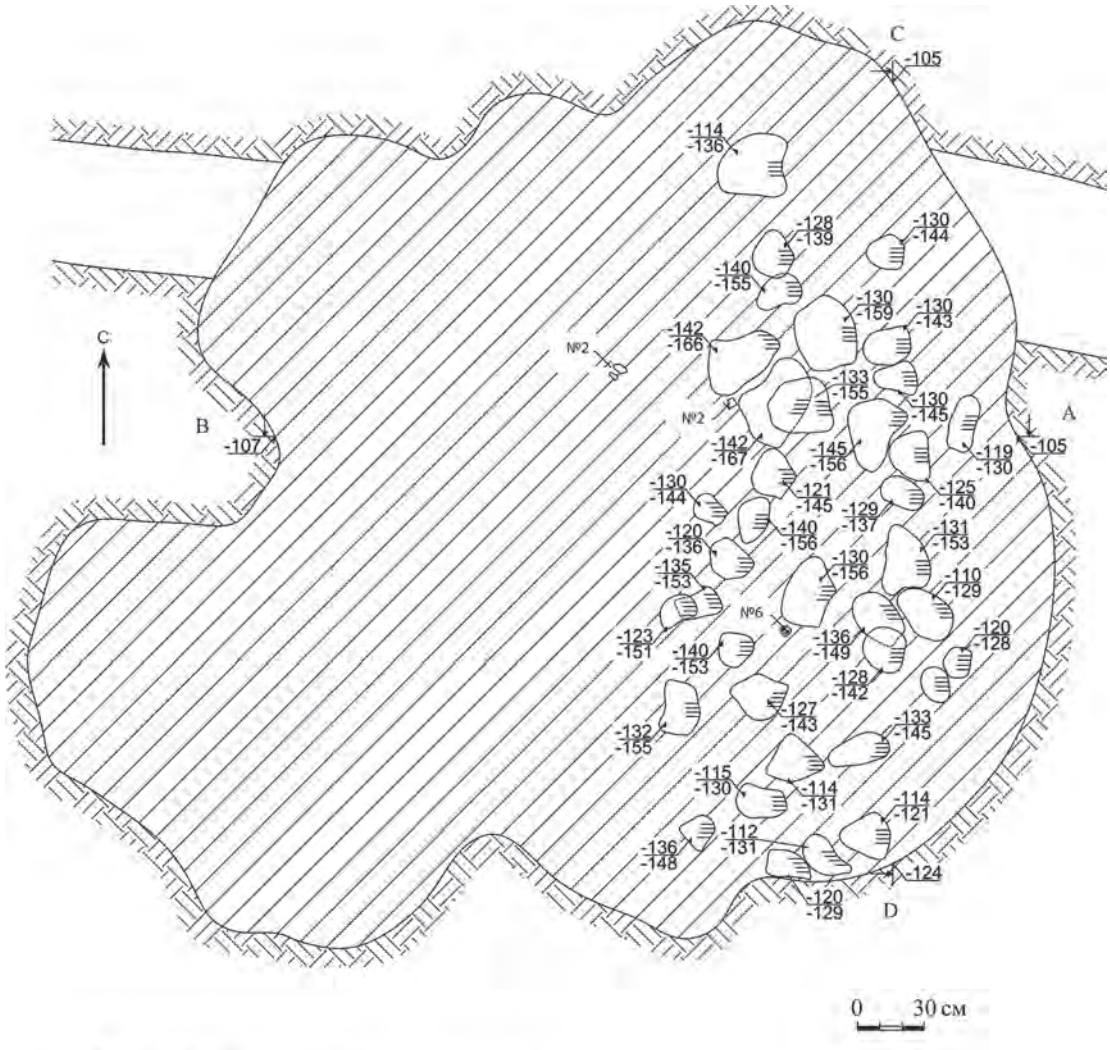
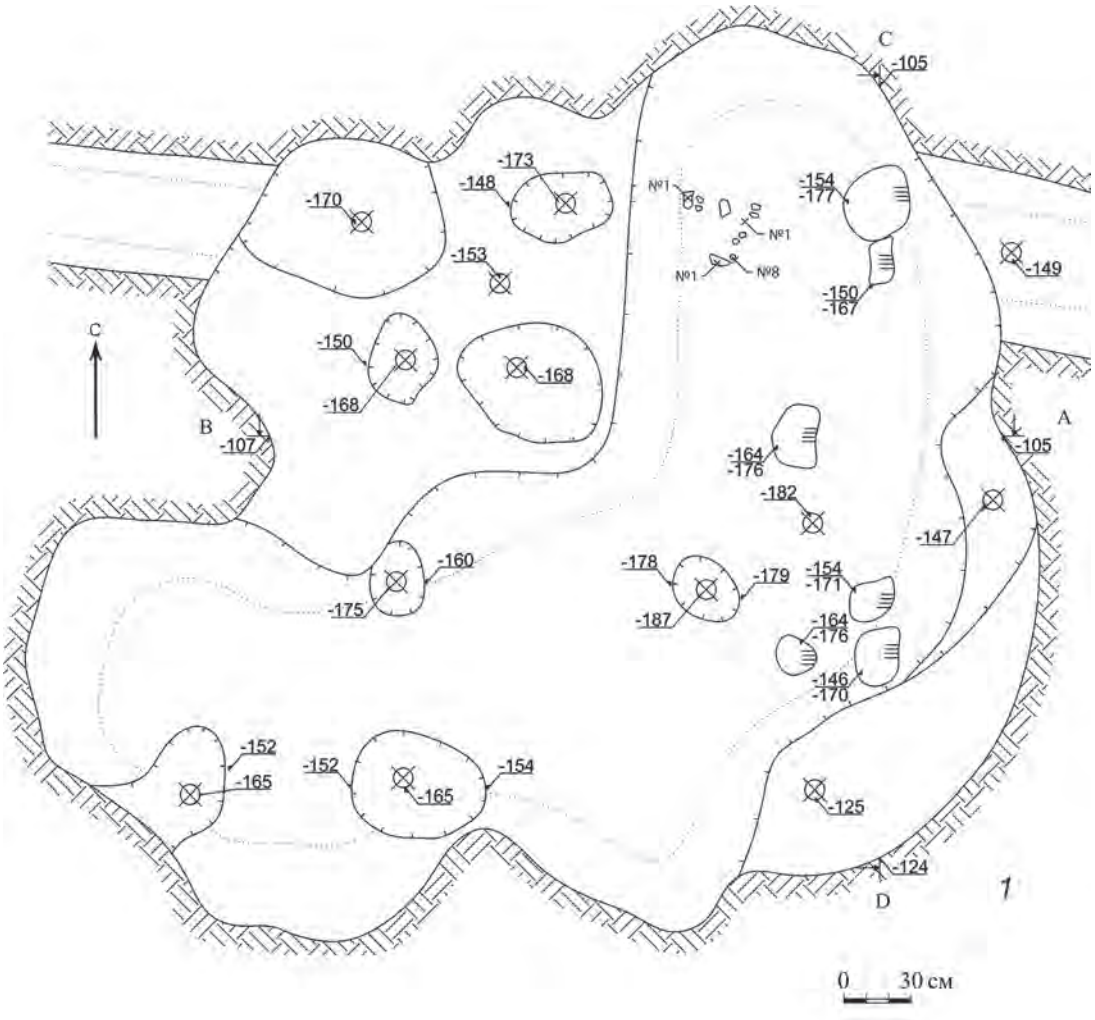

Табл. 43. Могильник Заостровье-2. Погребение 58А.2011 г.
1: второй ярус каменного заклада; *2*: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):
1. Развал керамического сосуда № 553 (Гл.-163/-167)
2. Фрагменты керамического сосуда № 601 (Гл.-131)
3. Янтарь № 602 (Гл.-102/-108)
4. Кость животного (Гл.-122)
5. Зуб животного (Гл.-132)
6. Железная пряжка № 603 (Гл.-175)
7. Железный гвоздь № 604 (Гл.-126)
8. Фрагмент железного предмета № 605 (Гл.-167)

Табл. 44. Могильник Заостровье-2. Погребение 58А.2011 г.
Третий ярус каменного заклада с находками

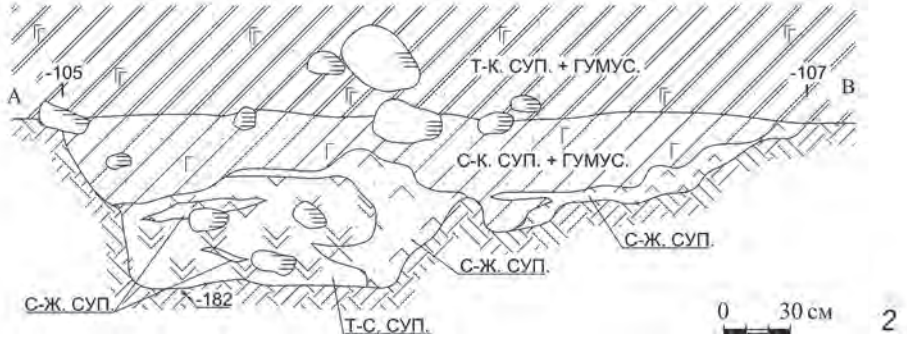
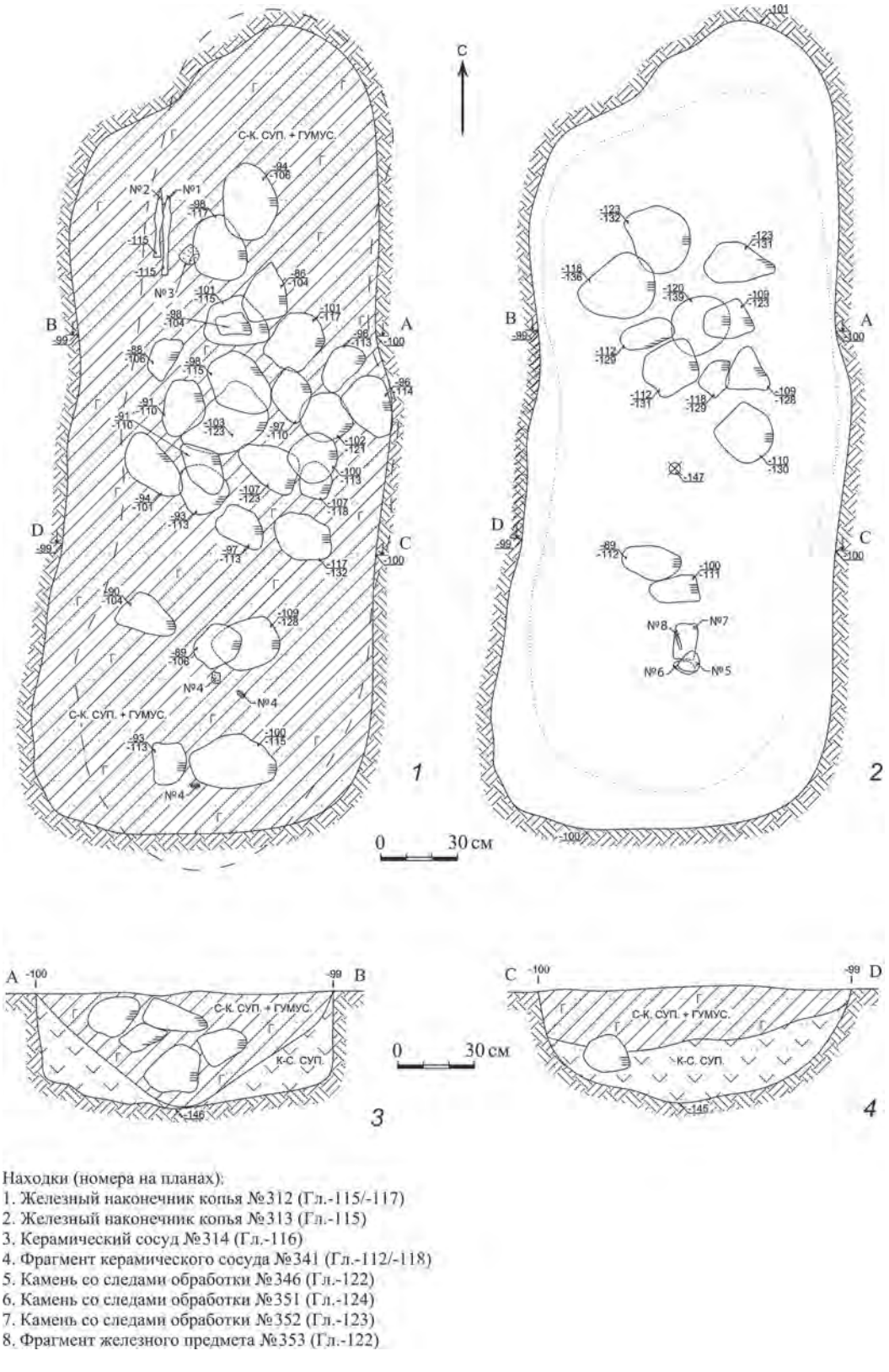

Табл. 45. Могильник Заостровье-2. Погребение 58А.2011 г.
1: материк; *2*: стратиграфический разрез погребения

Табл. 46. Могильник Заостровье-2. Погребение 58А.2011 г. Находки

Находки (номера на планах):
1. Железный наконечник копья №312 (Гл.-115/-117)
2. Железный наконечник копья №313 (Гл.-115)
3. Керамический сосуд №314 (Гл.-116)
4. Фрагмент керамического сосуда №341 (Гл.-112/-118)
5. Камень со следами обработки №346 (Гл.-122)
6. Камень со следами обработки №351 (Гл.-124)
7. Камень со следами обработки №352 (Гл.-123)
8. Фрагмент железного предмета №353 (Гл.-122)

Табл. 47. Могильник Заостровье-2. Погребение 59.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада с находками; *2*: второй ярус каменного заклада с находками; *3, 4*: стратиграфические разрезы погребения

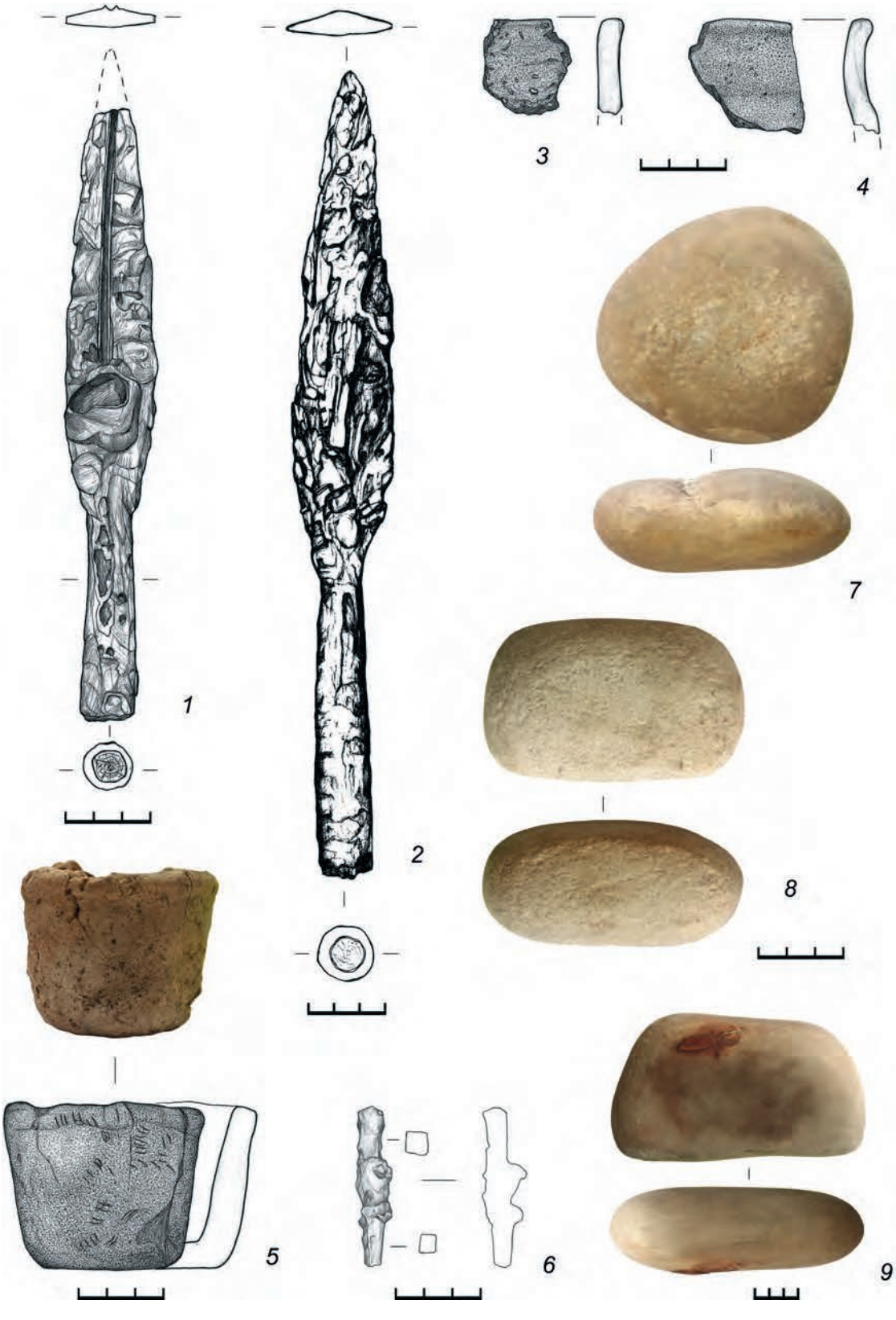

Табл. 48. Могильник Заостровье-2. Погребение 59.2011 г. Находки

Табл. 49. Могильник Заостровье-2. Погребение 59.2011 г.
Находки в погребении *in situ*, уровень выявления – первый ярус каменного заклада
1: два железных наконечника копий; *2*: керамический сосуд

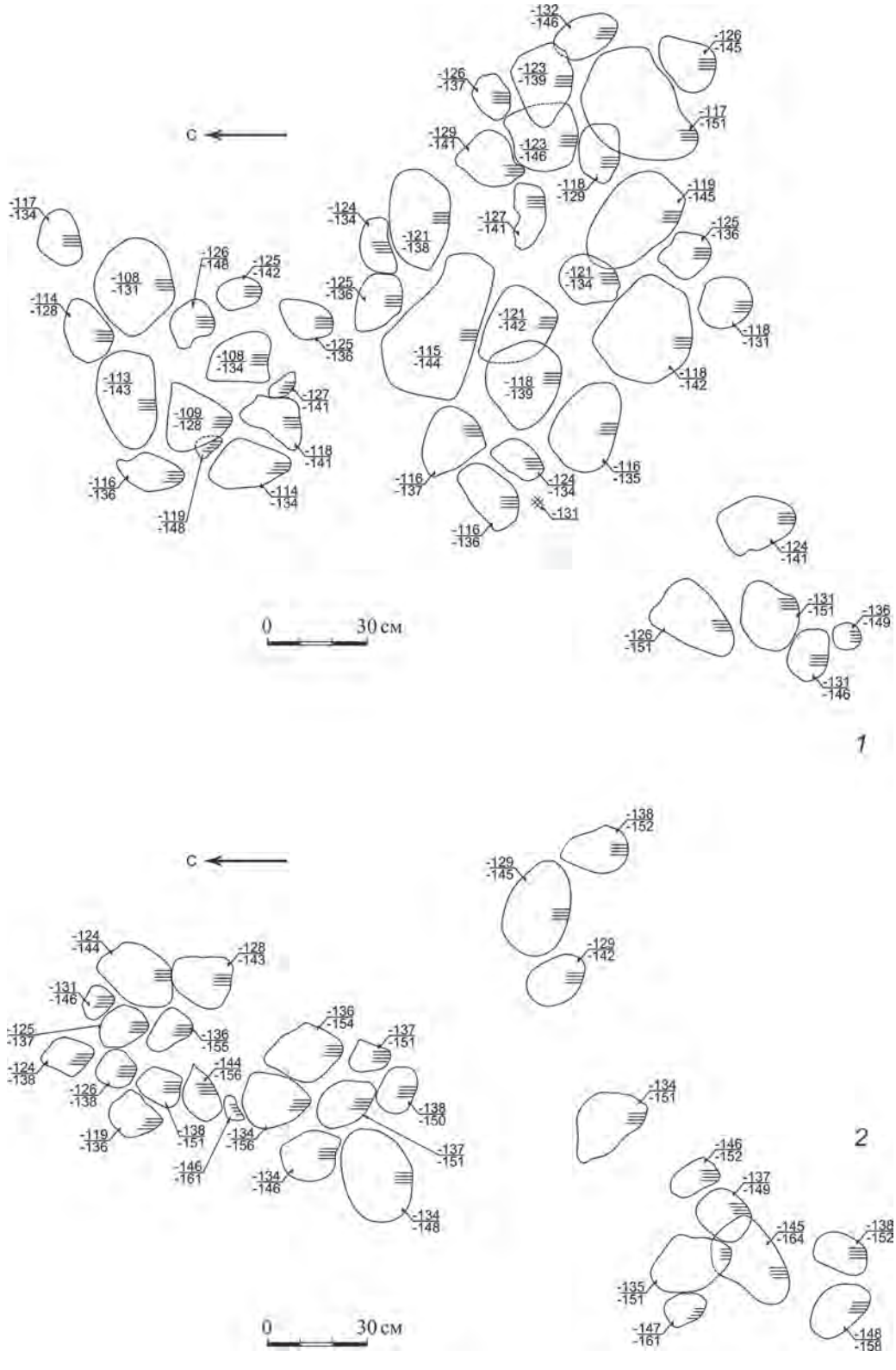

Табл. 50. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада

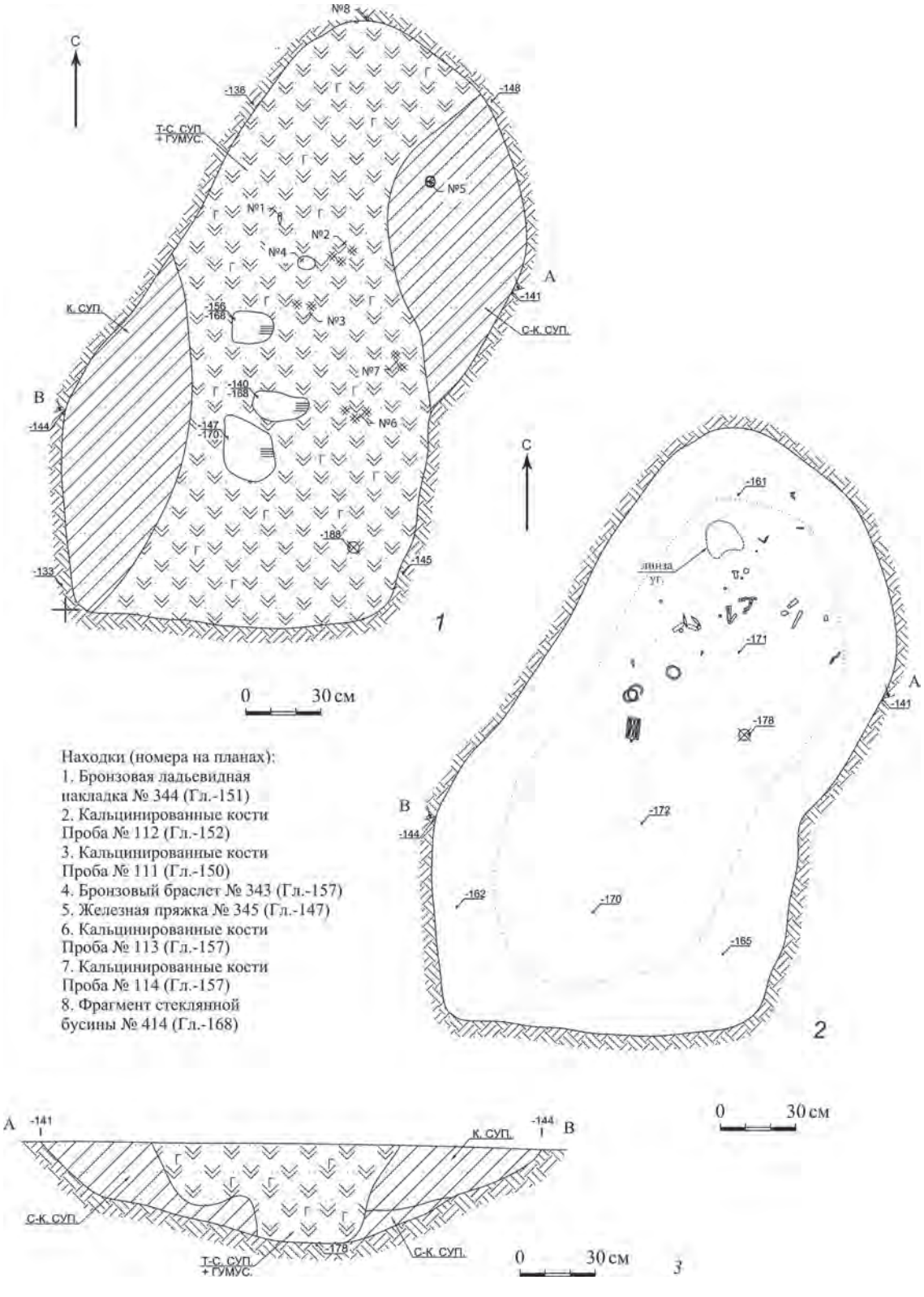
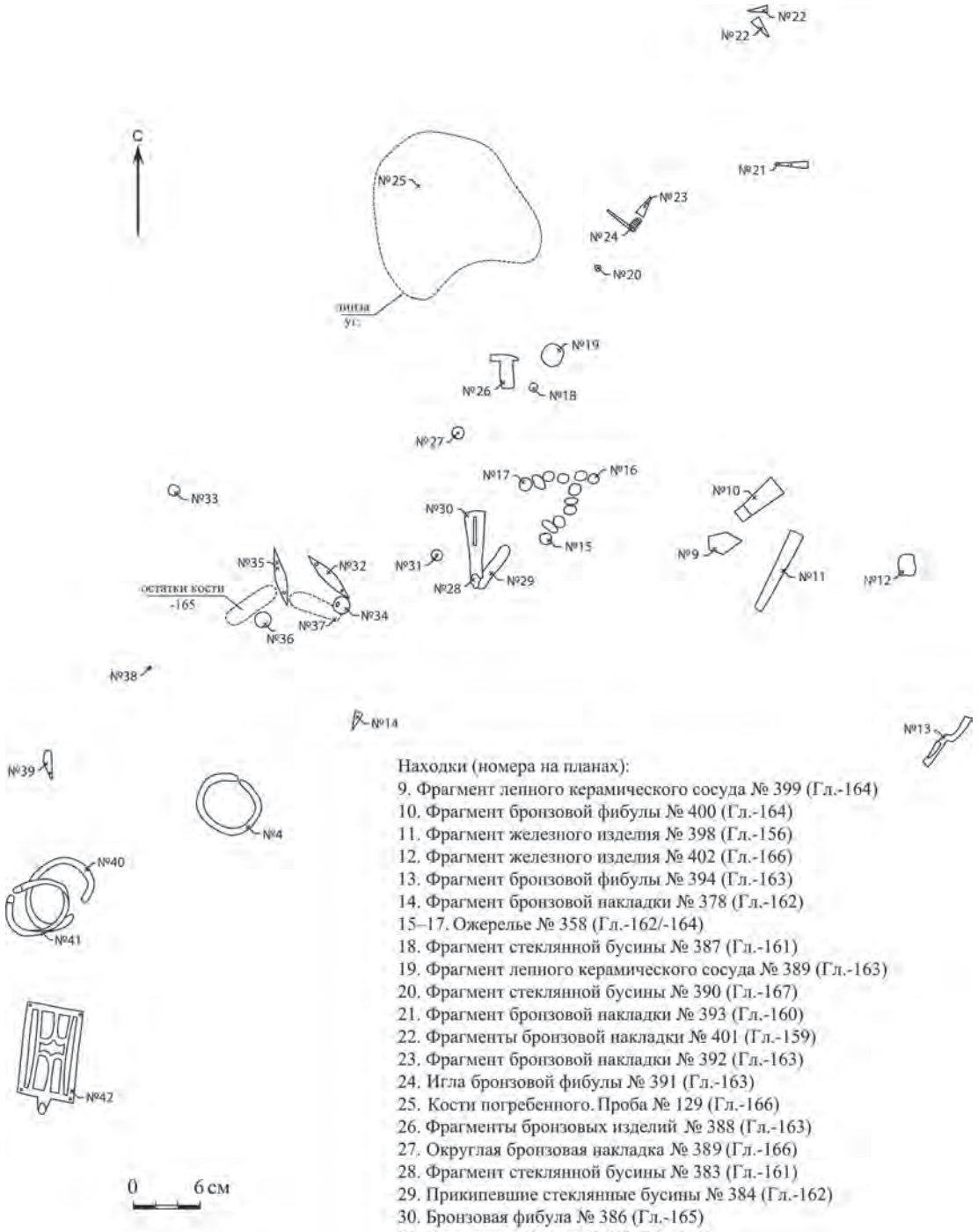

Табл. 51. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г.
1: нижний слой заполнения с находками; *2*: материк с находками; *3*: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):
9. Фрагмент лепного керамического сосуда № 399 (Гл.-164)
10. Фрагмент бронзовой фибулы № 400 (Гл.-164)
11. Фрагмент железного изделия № 398 (Гл.-156)
12. Фрагмент железного изделия № 402 (Гл.-166)
13. Фрагмент бронзовой фибулы № 394 (Гл.-163)
14. Фрагмент бронзовой накладки № 378 (Гл.-162)
15–17. Ожерелье № 358 (Гл.-162/-164)
18. Фрагмент стеклянной бусины № 387 (Гл.-161)
19. Фрагмент лепного керамического сосуда № 389 (Гл.-163)
20. Фрагмент стеклянной бусины № 390 (Гл.-167)
21. Фрагмент бронзовой накладки № 393 (Гл.-160)
22. Фрагменты бронзовой накладки № 401 (Гл.-159)
23. Фрагмент бронзовой накладки № 392 (Гл.-163)
24. Игла бронзовой фибулы № 391 (Гл.-163)
25. Кости погребенного. Проба № 129 (Гл.-166)
26. Фрагменты бронзовых изделий № 388 (Гл.-163)
27. Округлая бронзовая накладка № 389 (Гл.-166)
28. Фрагмент стеклянной бусины № 383 (Гл.-161)
29. Прикипевшие стеклянные бусины № 384 (Гл.-162)
30. Бронзовая фибула № 386 (Гл.-165)
31. Стеклянная бусина № 382 (Гл.-161)
32. Бронзовая накладка № 376 (Гл.-165)
33. Бронзовая бусина № 377 (Гл.-161)
34. Стеклянная бусина № 379 (Гл.-164)
35. Бронзовая накладка № 373 (Гл.-164)
36. Стеклянная бусина № 380 (Гл.-165)
37. Кости погребенного. Проба № 128 (Гл.-165)
38. Кости погребенного. Проба № 127 (Гл.-156)
39. Фрагмент бронзовой накладки № 372 (Гл.-159)
40. Бронзовый браслет № 371 (Гл.-161)
41. Бронзовый браслет № 370 (Гл.-160)
42. Бронзовая поясная ажурная накладка № 369 (Гл.-165)

Табл. 52. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г.
Схема расположения предметов в погребении

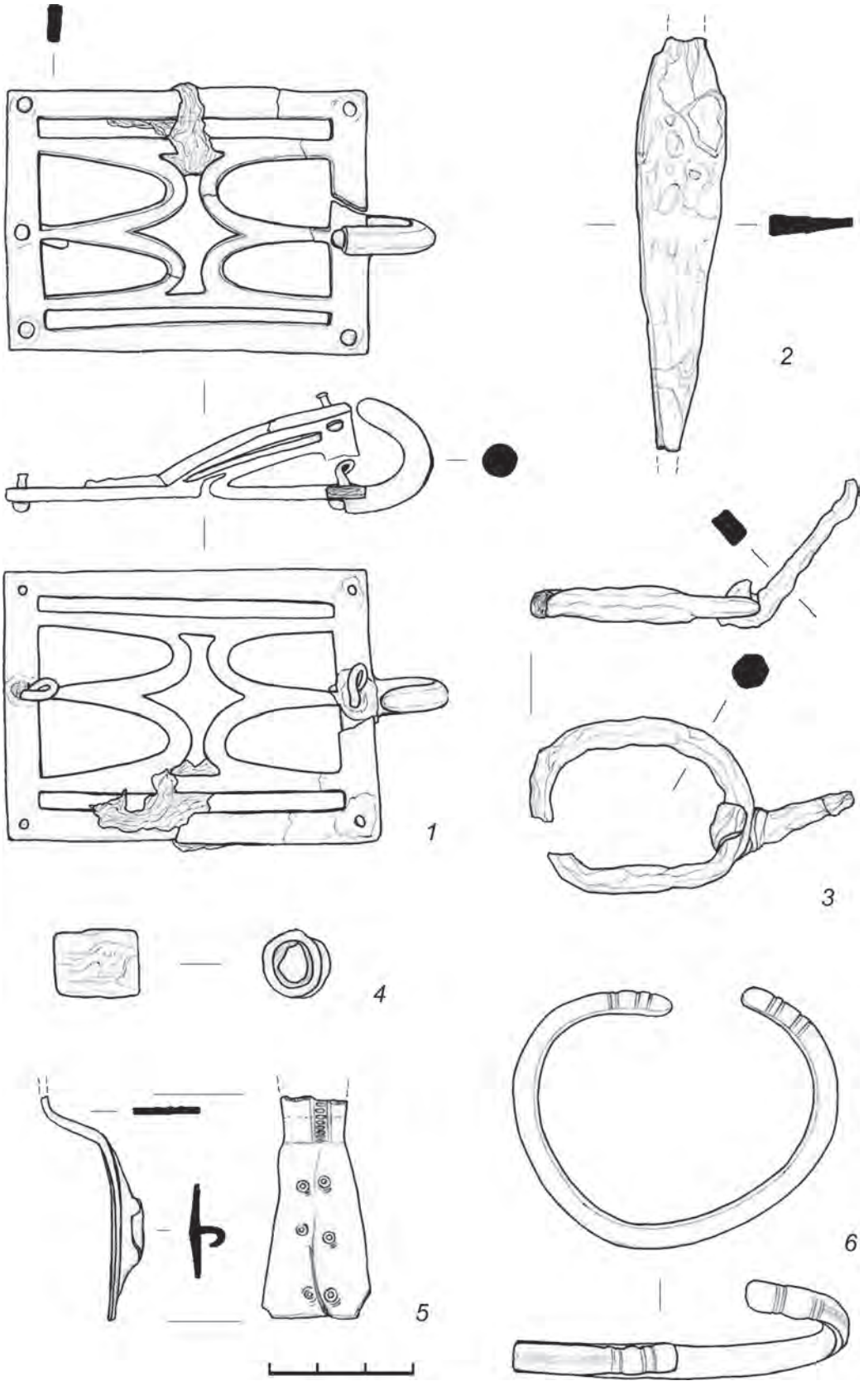

Табл. 53. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г. Находки

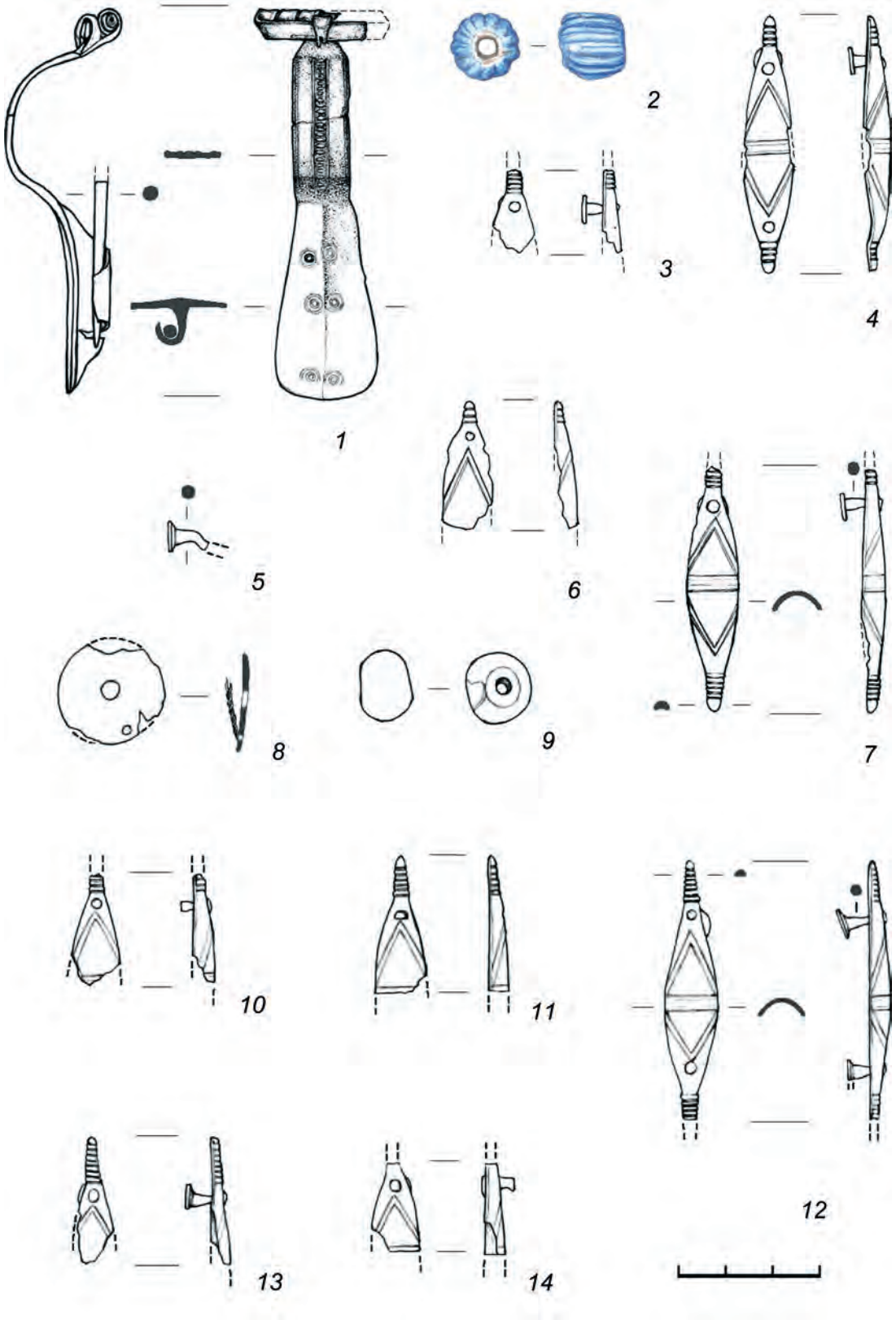

Табл. 54. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г. Находки

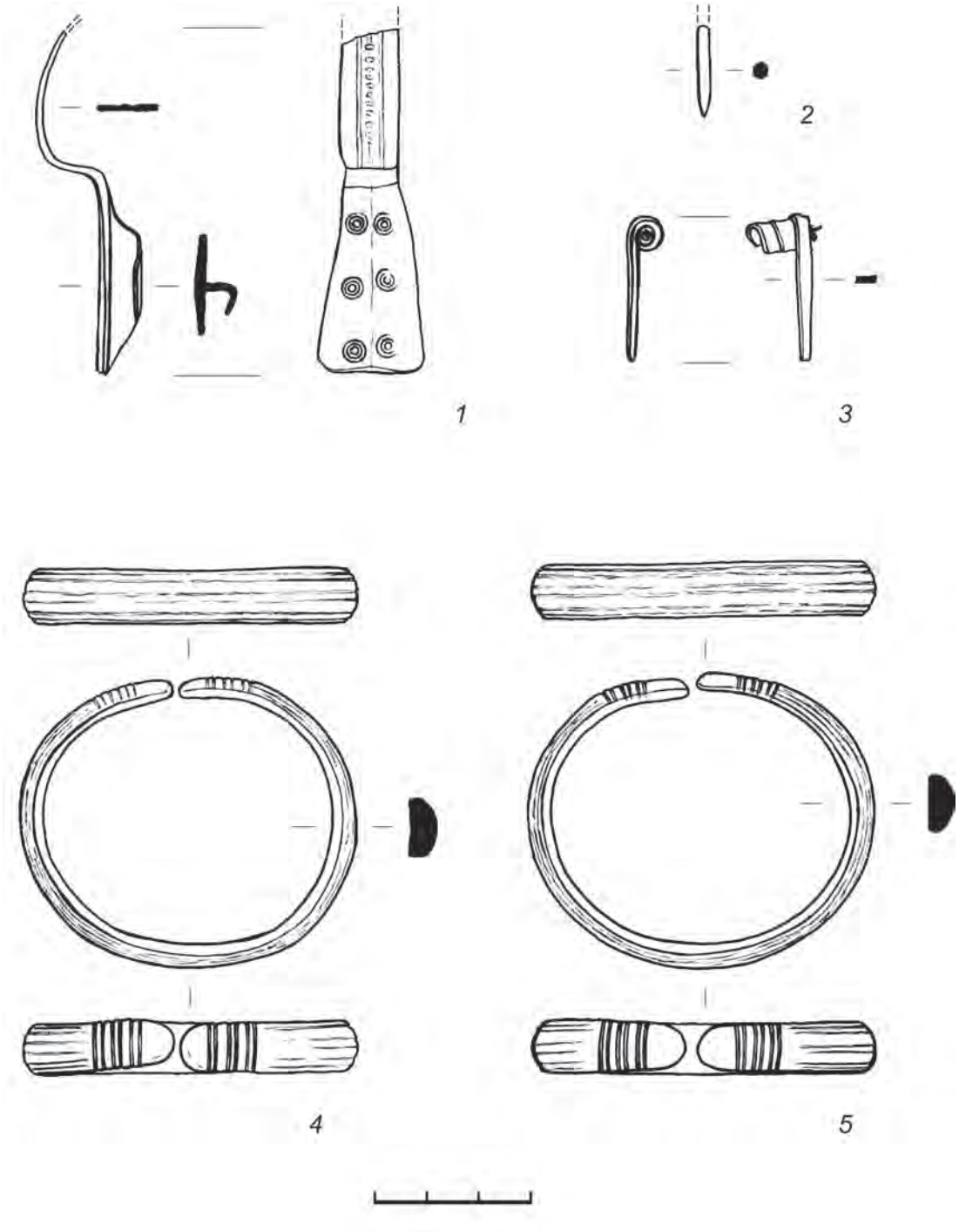

Табл. 55. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г. Находки

Табл. 56. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г. Находки

Табл. 57. Могильник Заостровье-2. Погребение 68.2011 г.
1: полихромная стеклянная бусина с накладным декором в технике миллефиори;
2: полихромная мозаичная бусина; *3*: часть ожерелья со стеклянными полихромными бусинами с металлическими кольцами и бусиной
Фото Т. Ш. Гацаева

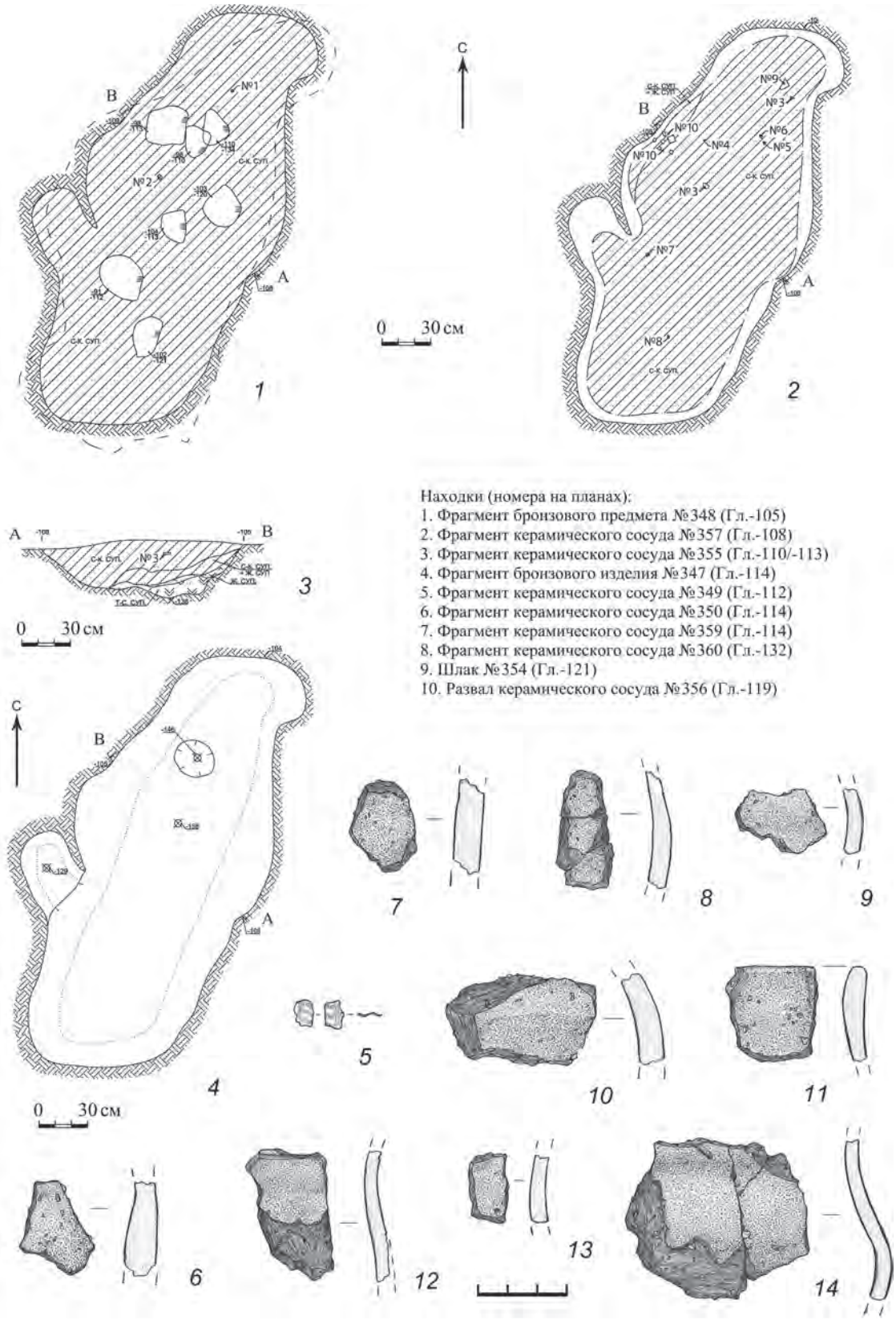

Табл. 58. Могильник Заостровье-2. Погребение 69.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: нижний слой заполнения с находками; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4*: материк; *5–14*: находки

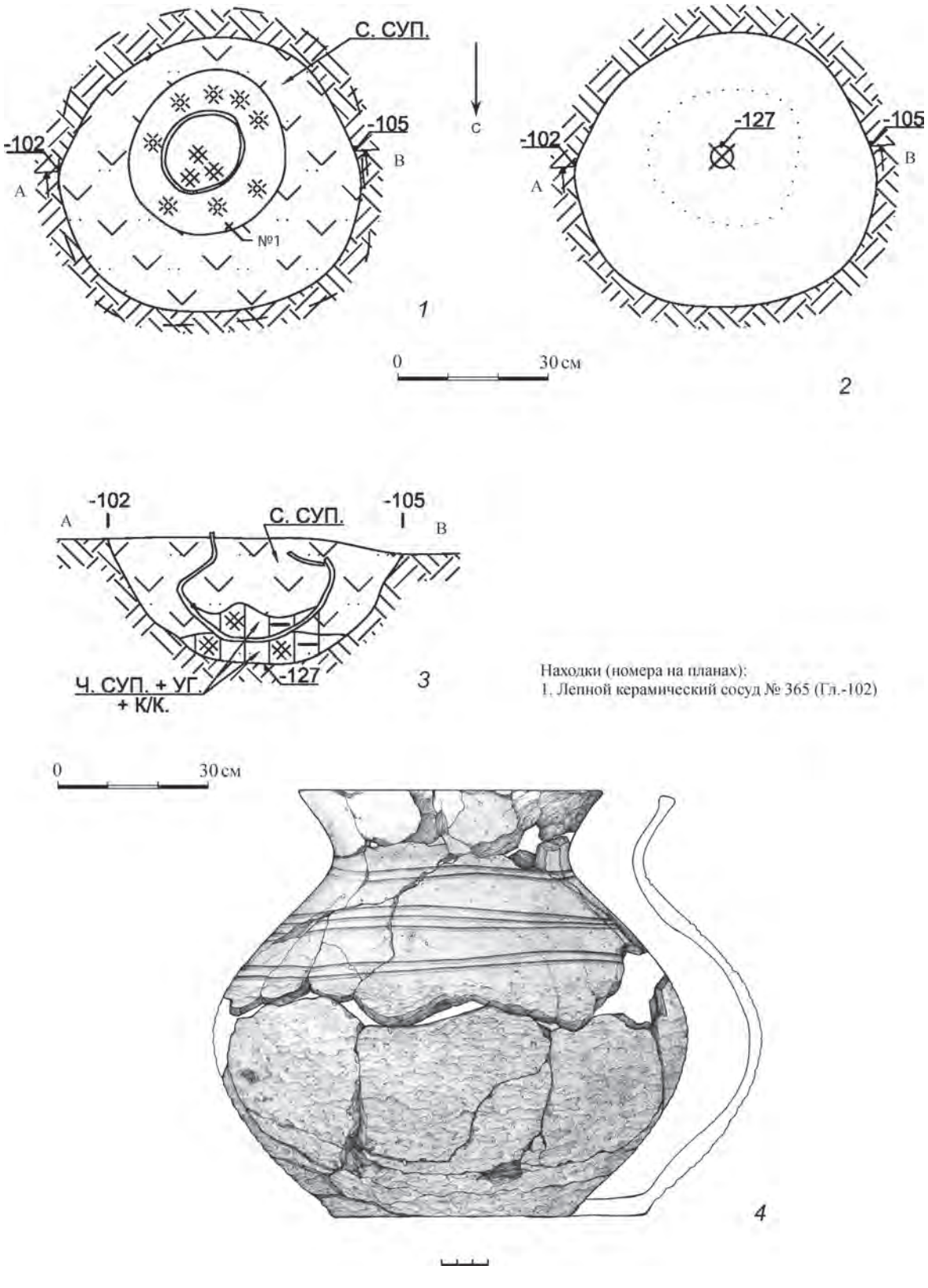
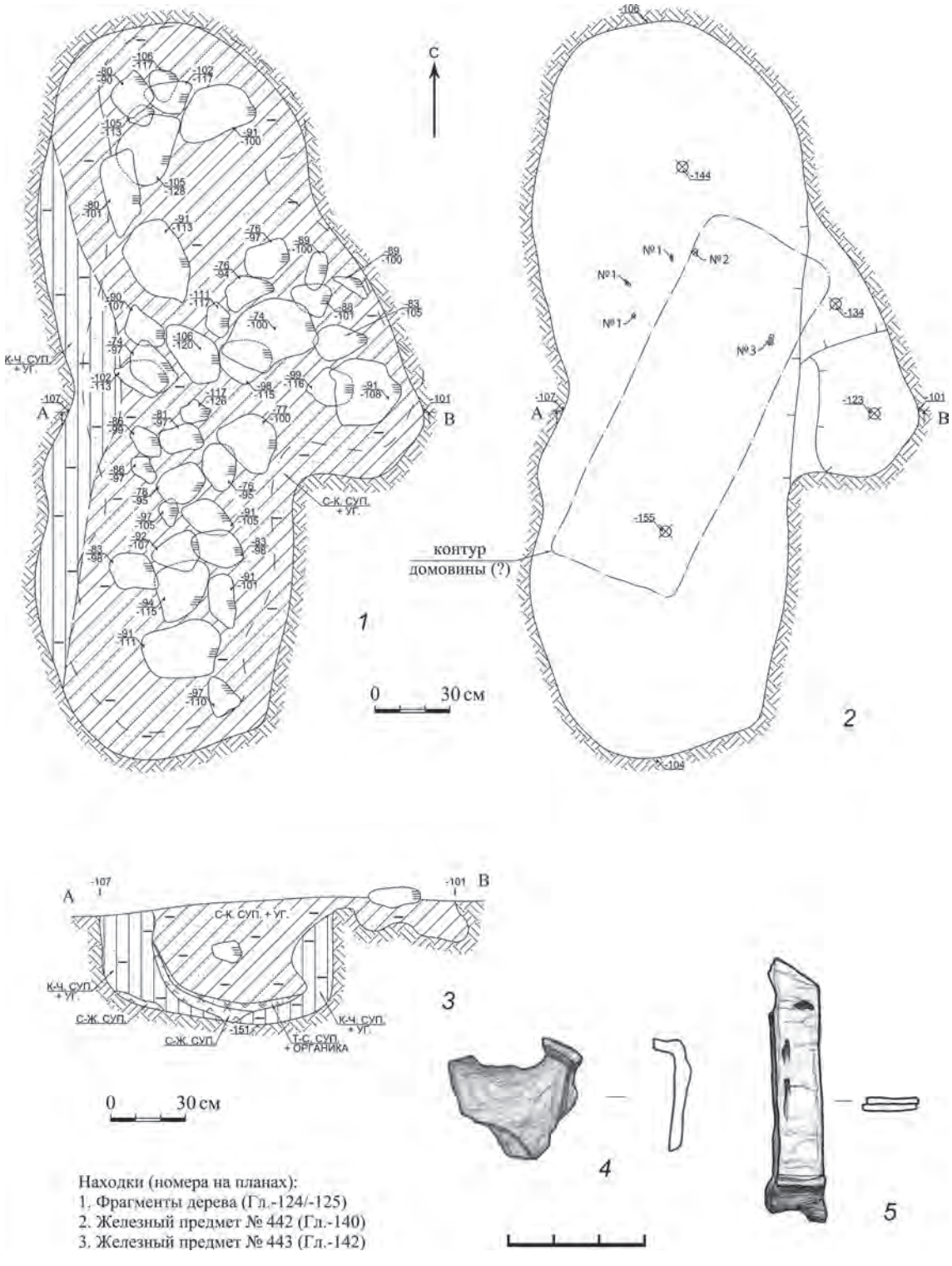

Табл. 59. Могильник Заостровье-2. Погребение 73.2011 г.
1: уровень выявления погребения; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4*: керамический сосуд-урна

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты дерева (Гл.-124/-125)
2. Железный предмет № 442 (Гл.-140)
3. Железный предмет № 443 (Гл.-142)

Табл. 60. Могильник Заостровье-2. Погребение 85.2011 г.
1: каменный заклад; *2*: материк с находками; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4, 5*: находки

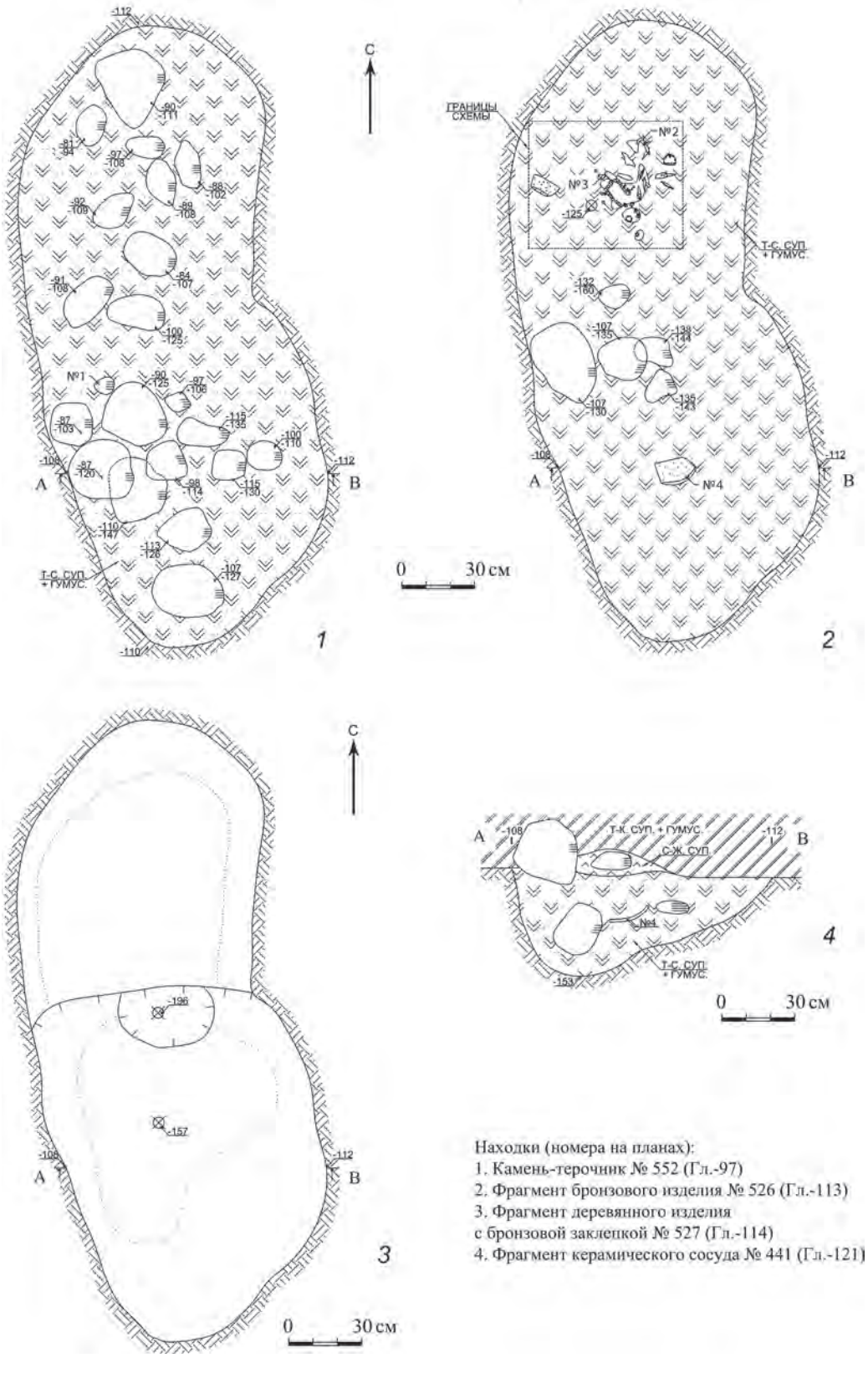
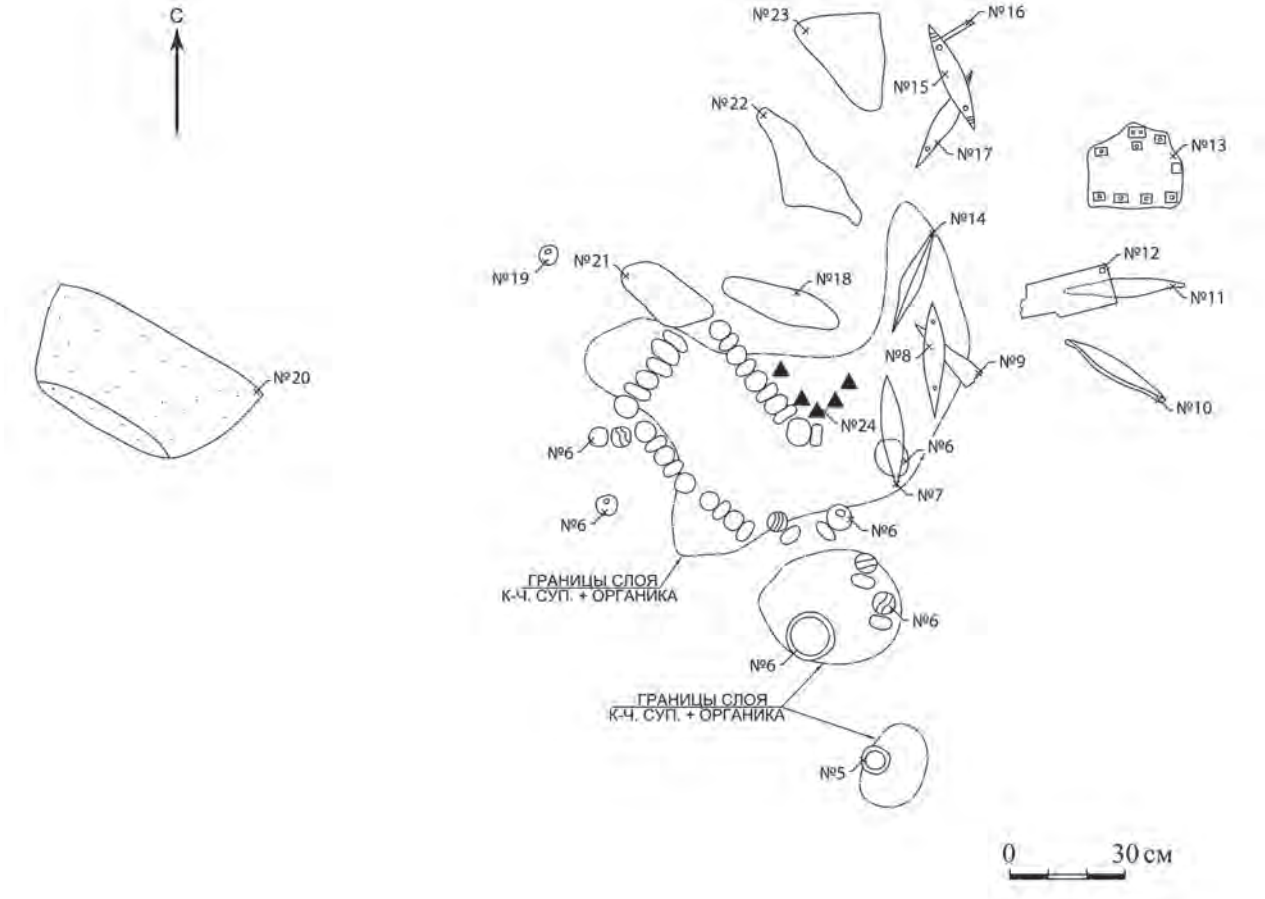

Табл. 61. Могильник Заостровье-2. Погребение 86.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада с находками;
3: материк; *4*: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):
5. Бронзовое кольцо № 545 (Гл.-120)
6. Ожерелье № 547 (Гл.-118/-120)
7. Бронзовая накладка № 543 (Гл.-118)
8. Бронзовая накладка № 548 (Гл.-121)
9. Железное изделие с фрагментами дерева № 551 (Гл.-122)
10. Бронзовая накладка № 540 (Гл.-112)
11. Бронзовая накладка № 539 (Гл.-114)
12. Бронзовая пластина № 538 (Гл.-111)
13. Бронзовая ажурная пряжка № 537 (Гл.-115)
14. Бронзовая накладка № 550 (Гл.-120)
15. Бронзовая накладка № 535 (Гл.-116)
16. Бронзовая накладка № 536 (Гл.-117)
17. Бронзовая накладка № 549 (Гл.-120)
18. Фрагмент железного изделия № 542 (Гл.-120)
19. Янтарная бусина № 541 (Гл.-118)
20. Керамический сосуд № 546 (Гл.-114)
21. Кость (Гл.-117)
22. Кость (Гл.-118)
23. Кость (Гл.-117)
24. Зубы (Гл.-119)

Табл. 62. Могильник Заостровье-2. Погребение 86.2011 г.
Схема расположения предметов в погребении

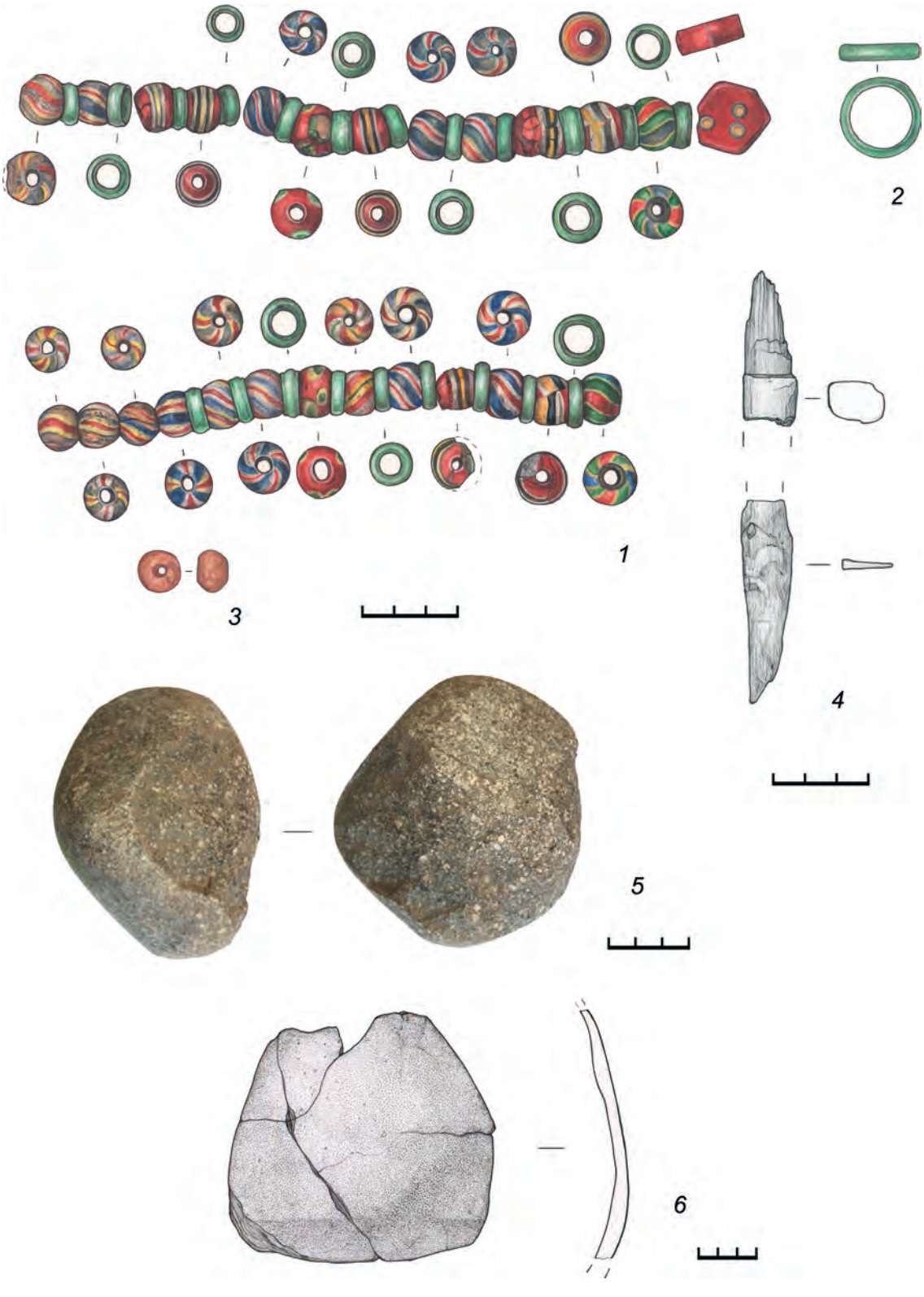

Табл. 63. Могильник Заостровье-2. Погребение 86.2011 г. Находки

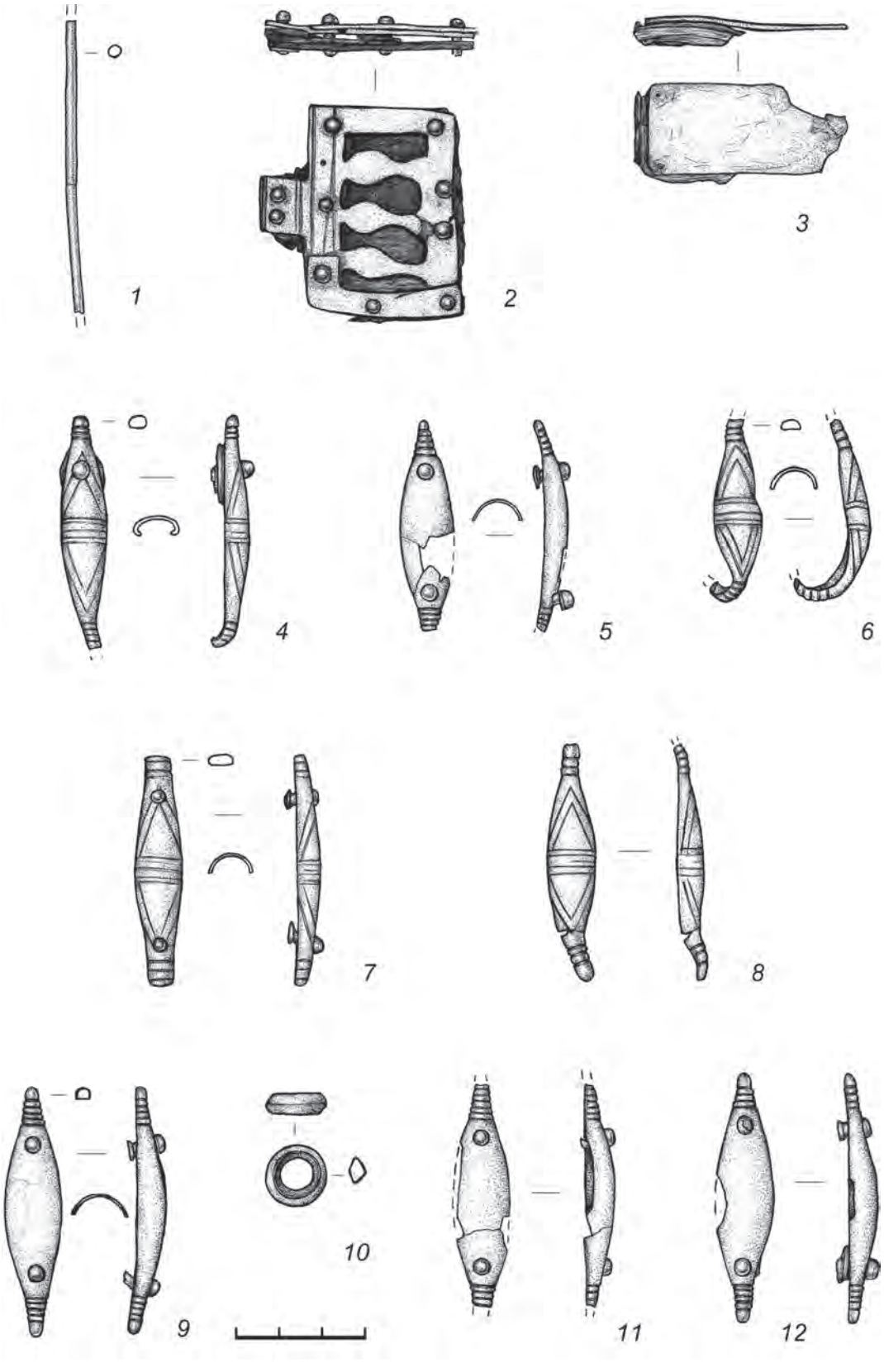

Табл. 64. Могильник Заостровье-2. Погребение 86.2011 г. Находки

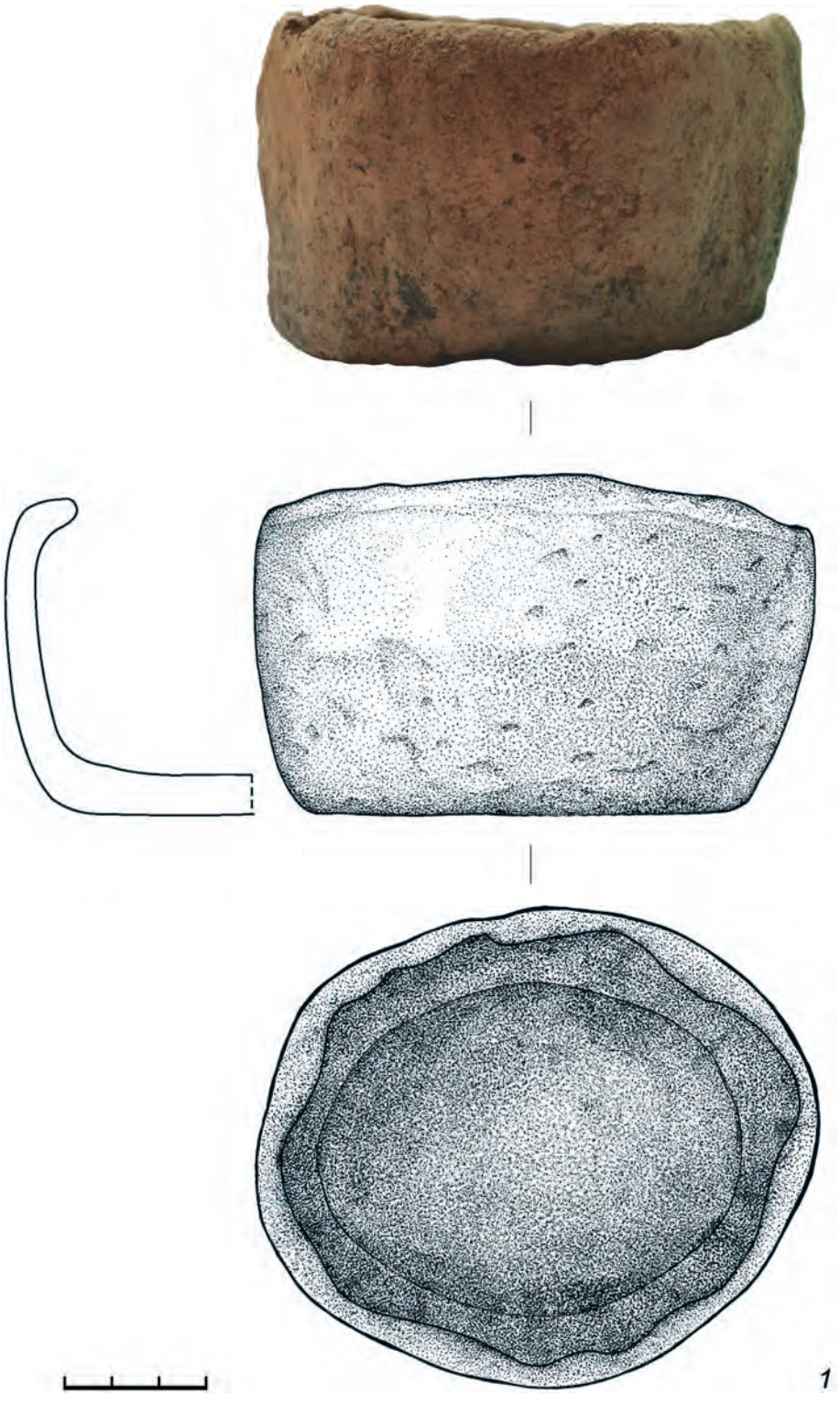
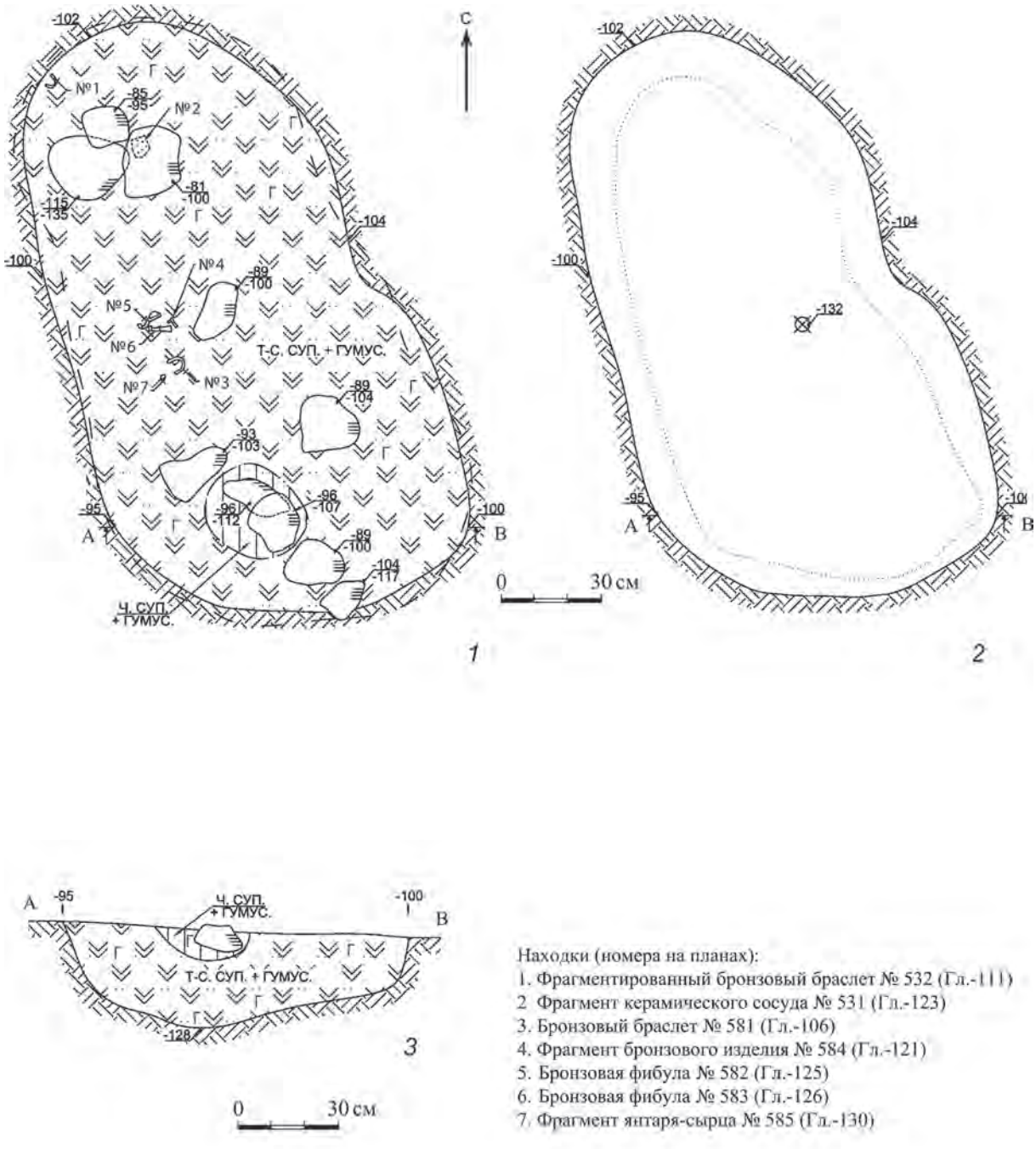

Табл. 65. Могильник Заостровье-2. Погребение 86.2011 г. Керамический сосуд

Табл. 66. Могильник Заостровье-2. Погребение 86.2011 г.
1–4: ожерелье из стеклянных полихромных бус с металлическимии кольцами
Фото Т. Ш. Гацаева

Находки (номера на планах):
1. Фрагментированный бронзовый браслет № 532 (Гл.-111)
2. Фрагмент керамического сосуда № 531 (Гл.-123)
3. Бронзовый браслет № 581 (Гл.-106)
4. Фрагмент бронзового изделия № 584 (Гл.-121)
5. Бронзовая фибула № 582 (Гл.-125)
6. Бронзовая фибула № 583 (Гл.-126)
7. Фрагмент янтаря-сырца № 585 (Гл.-130)

Табл. 67. Могильник Заостровье-2. Погребение 88.2011 г.
1: разрушенный каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения

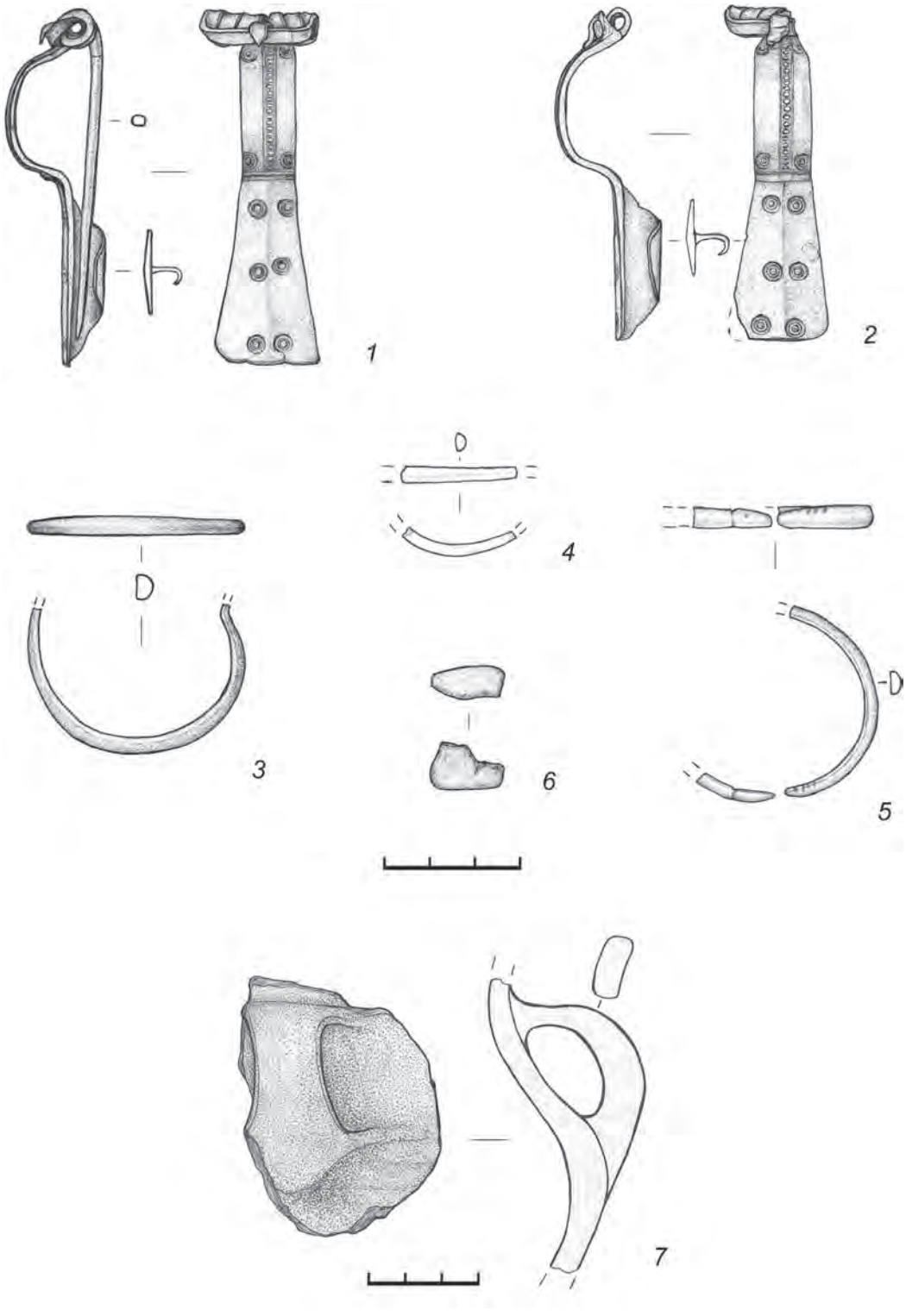
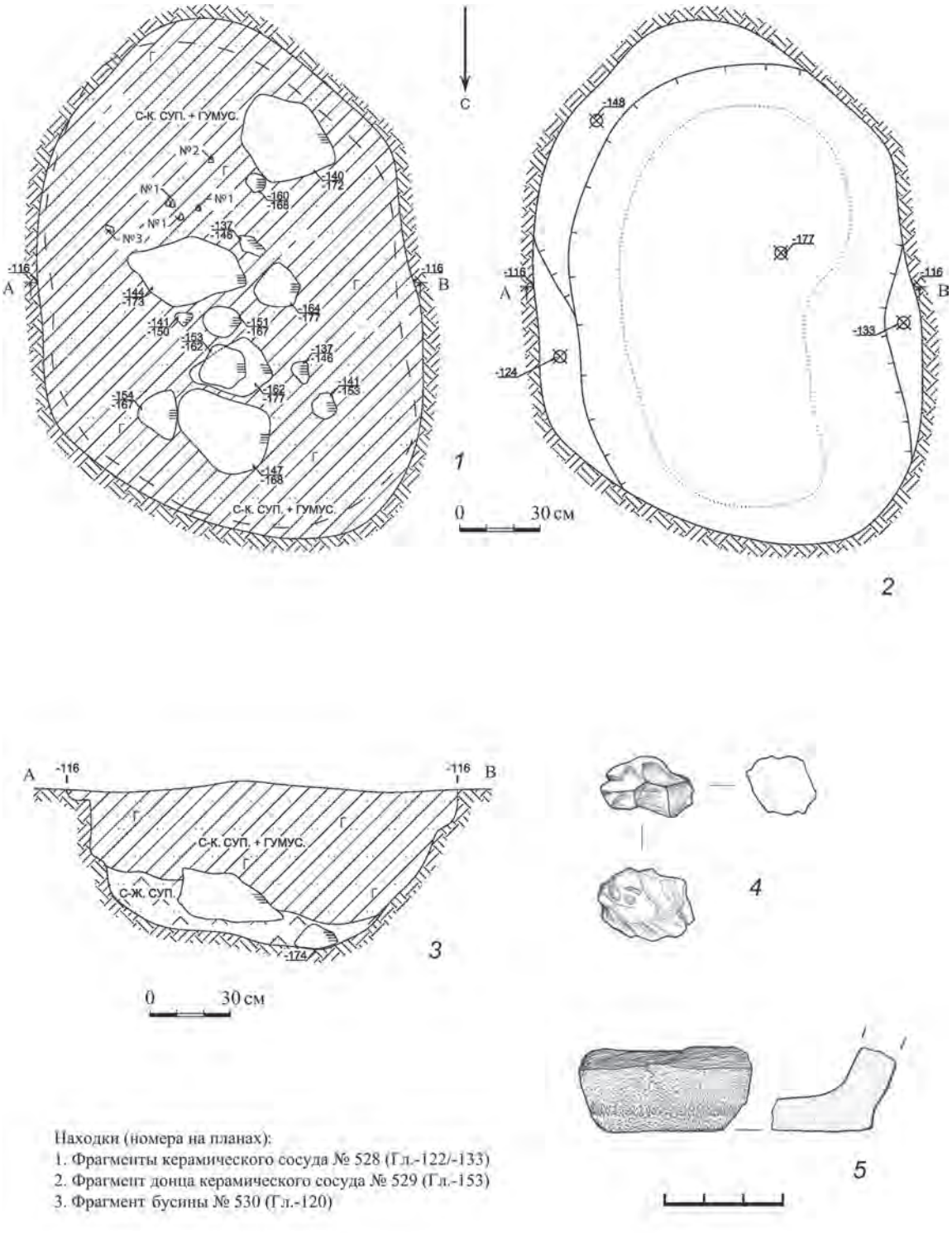

Табл. 68. Могильник Заостровье-2. Погребение 88.2011 г. Находки

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты керамического сосуда № 528 (Гл.-122/-133)
2. Фрагмент донца керамического сосуда № 529 (Гл.-153)
3. Фрагмент бусины № 530 (Гл.-120)

Табл. 69. Могильник Заостровье-2. Погребение 102.2011 г.
1: каменный заклад с находками; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4, 5*: находки

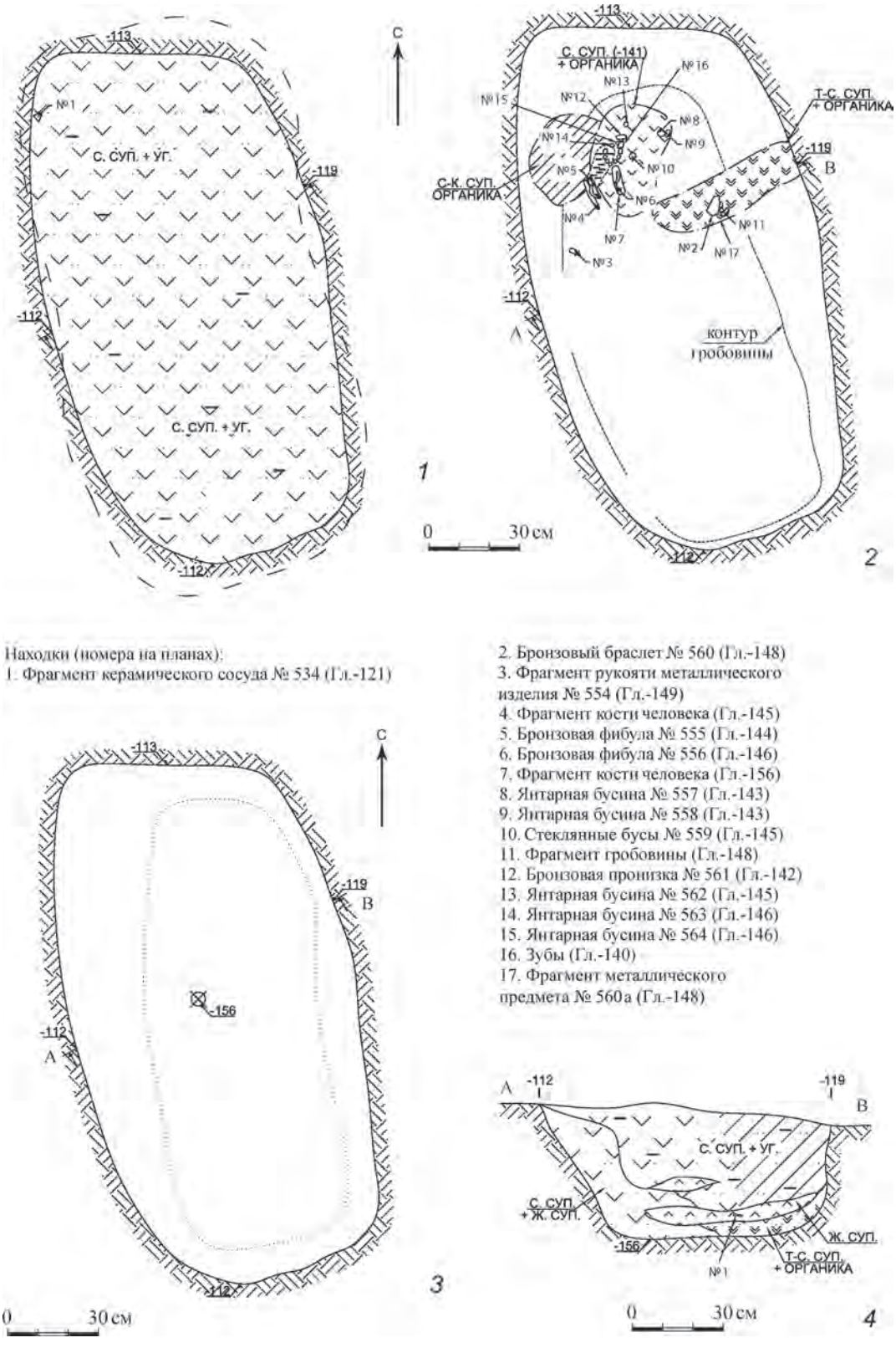

Табл. 70. Могильник Заостровье-2. Погребение 104.2011 г.
1: уровень выявления погребения; *2*: нижний слой заполнения с находками;
3: материк; *4*: стратиграфический разрез погребения

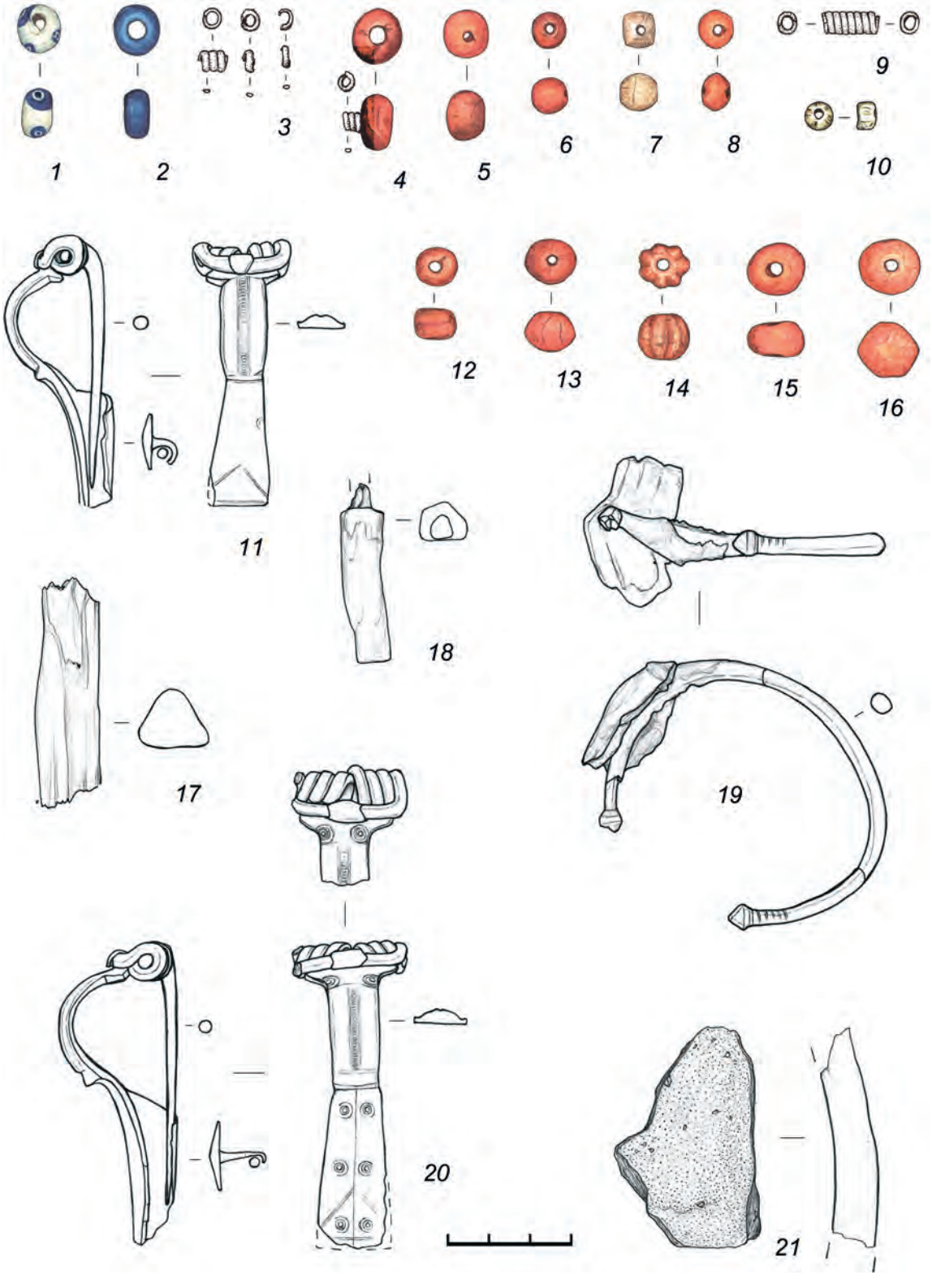

Табл. 71. Могильник Заостровье-2. Погребение 104.2011 г. Находки

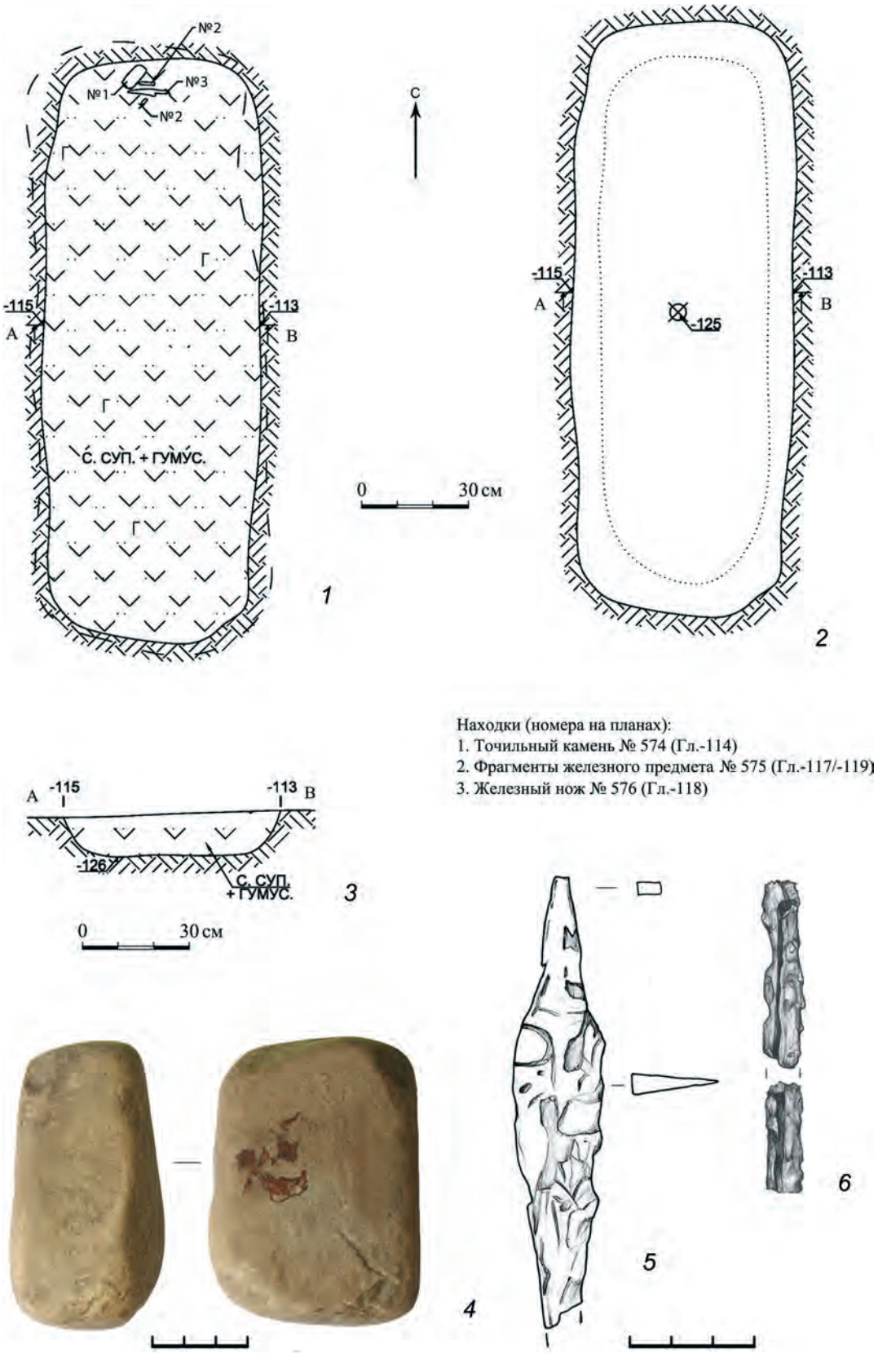
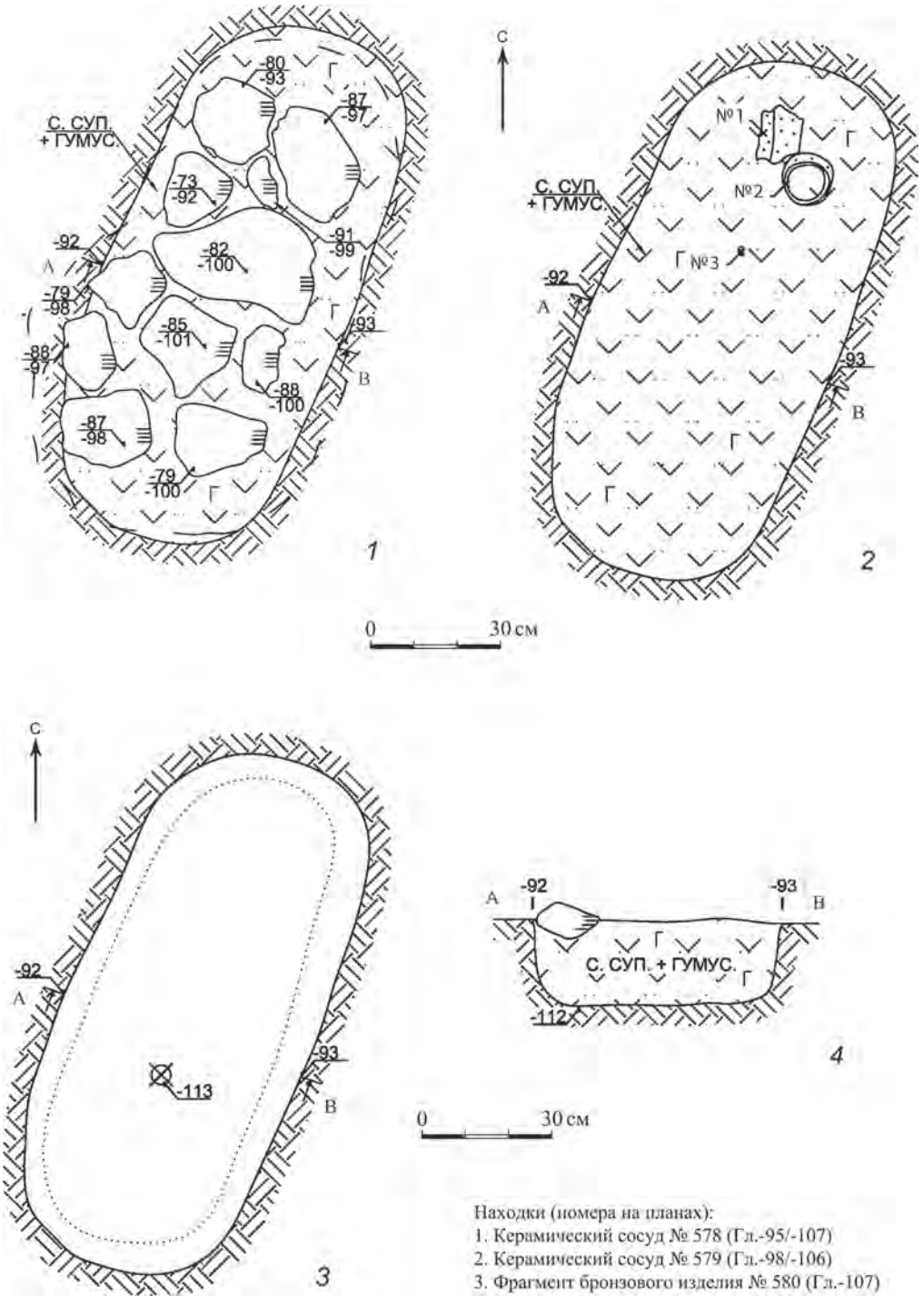

Табл. 72. Могильник Заостровье-2. Погребение 114.2011 г.
1: уровень выявления погребения; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения; *4–6*: находки

Находки (номера на планах):
1. Керамический сосуд № 578 (Гл.-95/-107)
2. Керамический сосуд № 579 (Гл.-98/-106)
3. Фрагмент бронзового изделия № 580 (Гл.-107)

Табл. 73. Могильник Заостровье-2. Погребение 116.2011 г.
1: каменный заклад; *2*: нижний слой заполнения с находками; *3*: материк;
4: стратиграфический разрез погребения

Табл. 74. Могильник Заостровье-2. Погребение 116.2011 г. Находки

Табл. 75. Могильник Заостровье-2. Погребение 116.2011 г.
1: два керамических сосуда в погребении *in situ*, уровень выявления находок – нижний слой заполнения погребения; *2*: керамическая кружка с ручкой в погребении *in situ*

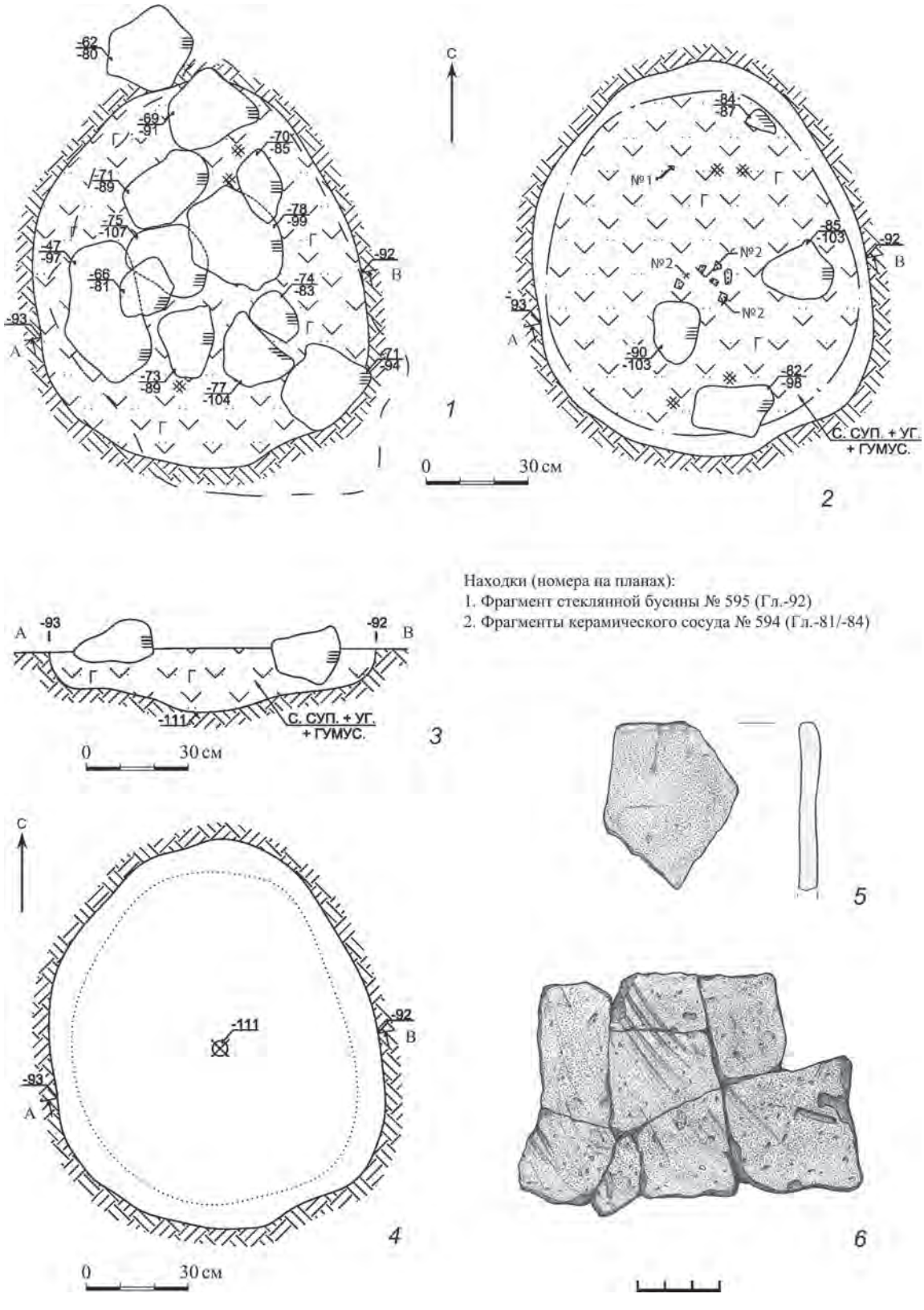
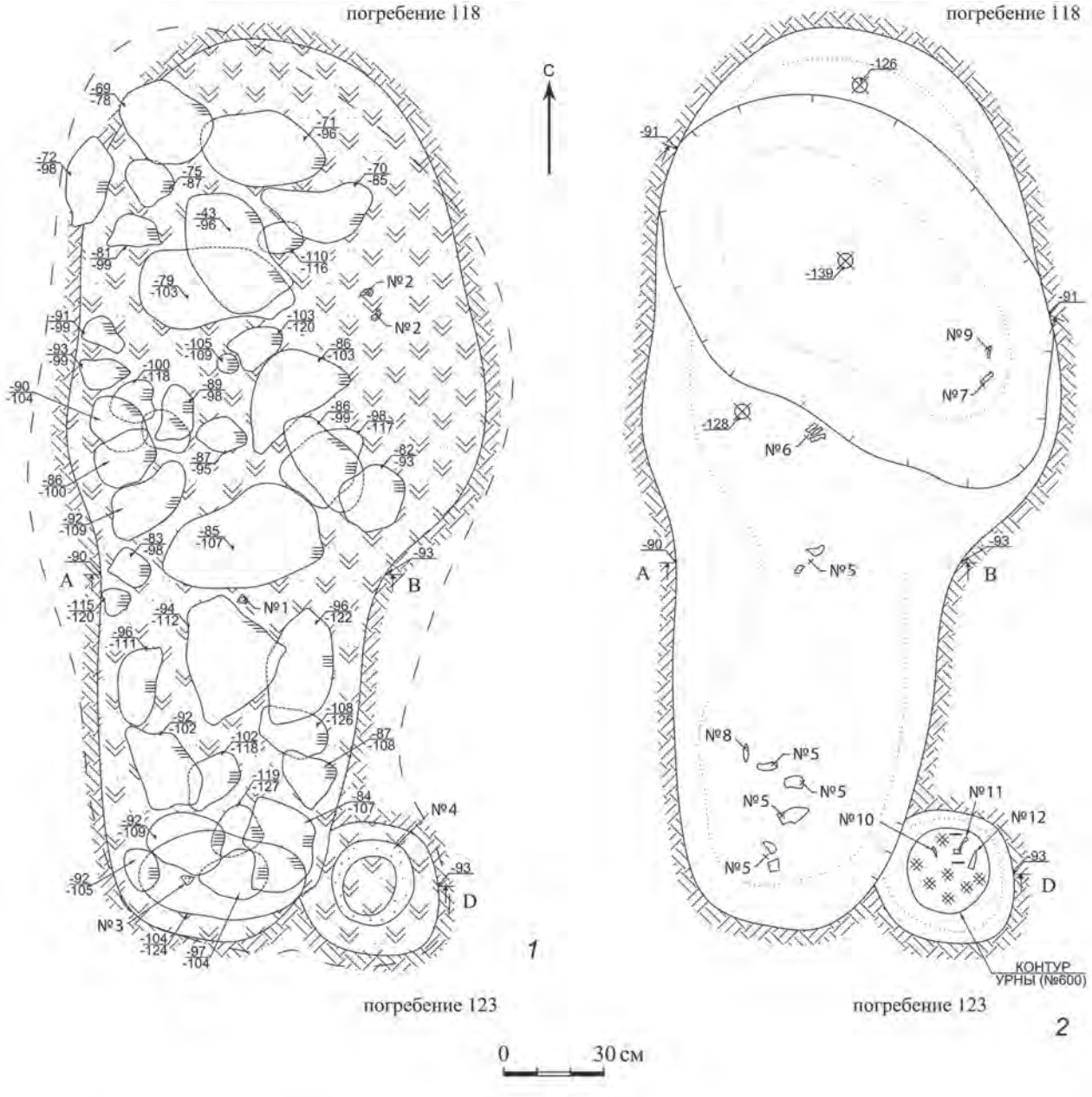

Табл. 76. Могильник Заостровье-2. Погребение 117.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада с находками;
3: стратиграфический разрез погребения; *4*: материк; *5, 6*: находки

Находки (номера на планах):
1. Фрагмент керамического сосуда №590 (Гл.-98)
2. Фрагмент керамического сосуда №610 (Гл.-102)
3. Фрагмент керамического сосуда №589 (Гл.-95)
4. Груболепной керамический сосуд №600
5. Развал керамического сосуда №592 (Гл.-121/-127)
6. Бронзовые накладки №609 (Гл.-128)
7. Фрагменты бронзовой накладки №607 (Гл.-124)
8. Фрагмент железного предмета №606 (Гл.-127)
9. Фрагмент серебряной цепочки №608 (Гл.-128)
10. Фрагмент железного предмета №599 (Гл.-108)
11. Фрагмент бронзового предмета №597 (Гл.-100)
12. Фрагмент бронзовой поясной накладки №598 (Гл.-102)

Табл. 77. Могильник Заостровье-2. Погребения 118 / 123.2011 г.
1: каменный заклад погребения 118.2011 г. с находками; уровень выявления погребения 123.2011 г.; *2*: материк с находками погребения 118.2011 г.; уровень выявления керамической урны с находками в погребении 123.2011 г.

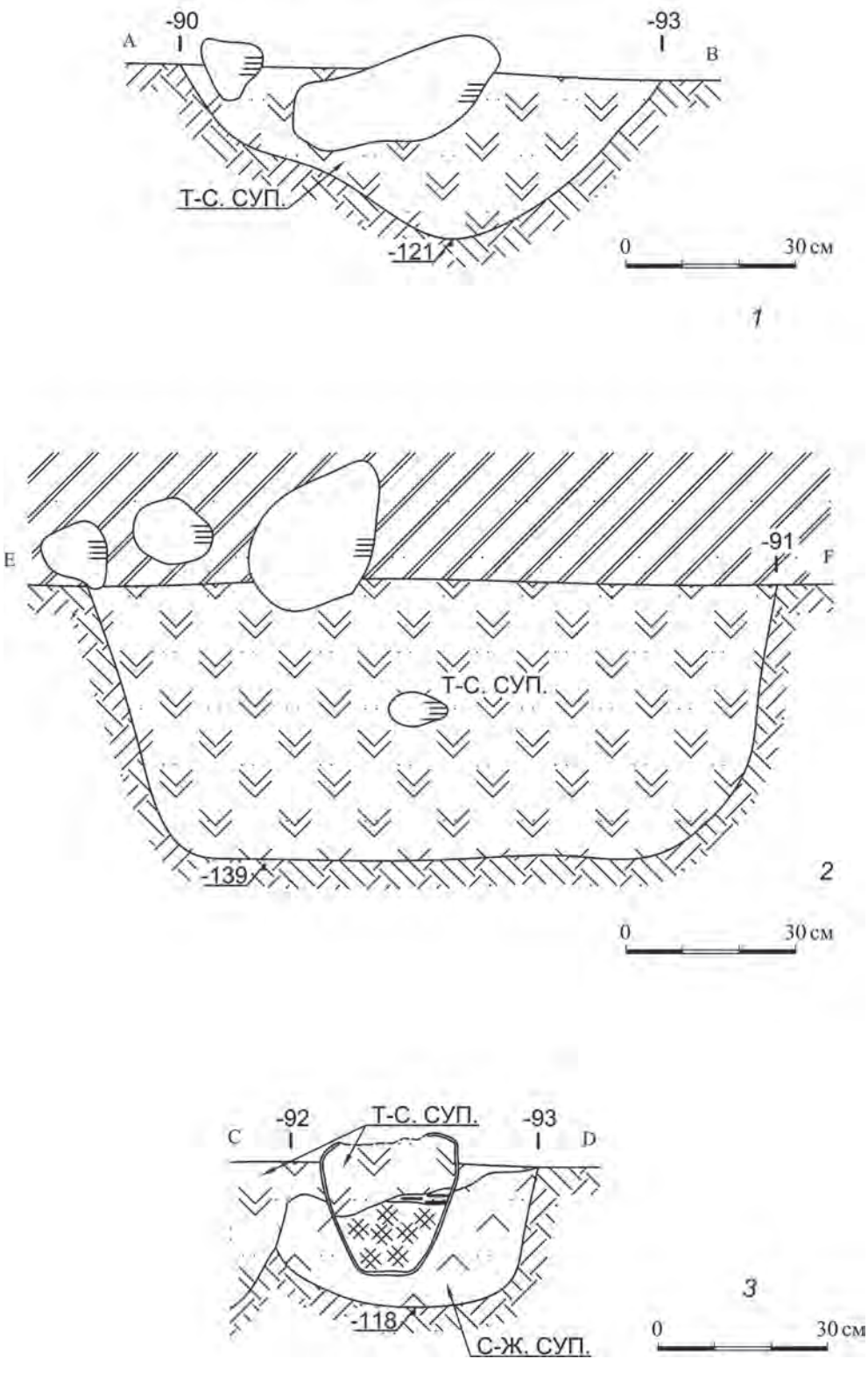

Табл. 78. Могильник Заостровье-2. Погребения 118 / 123.2011 г.
1, 2: стратиграфические разрезы погребения 118.2011 г.; *3*: стратиграфический разрез погребения 123.2011 г.

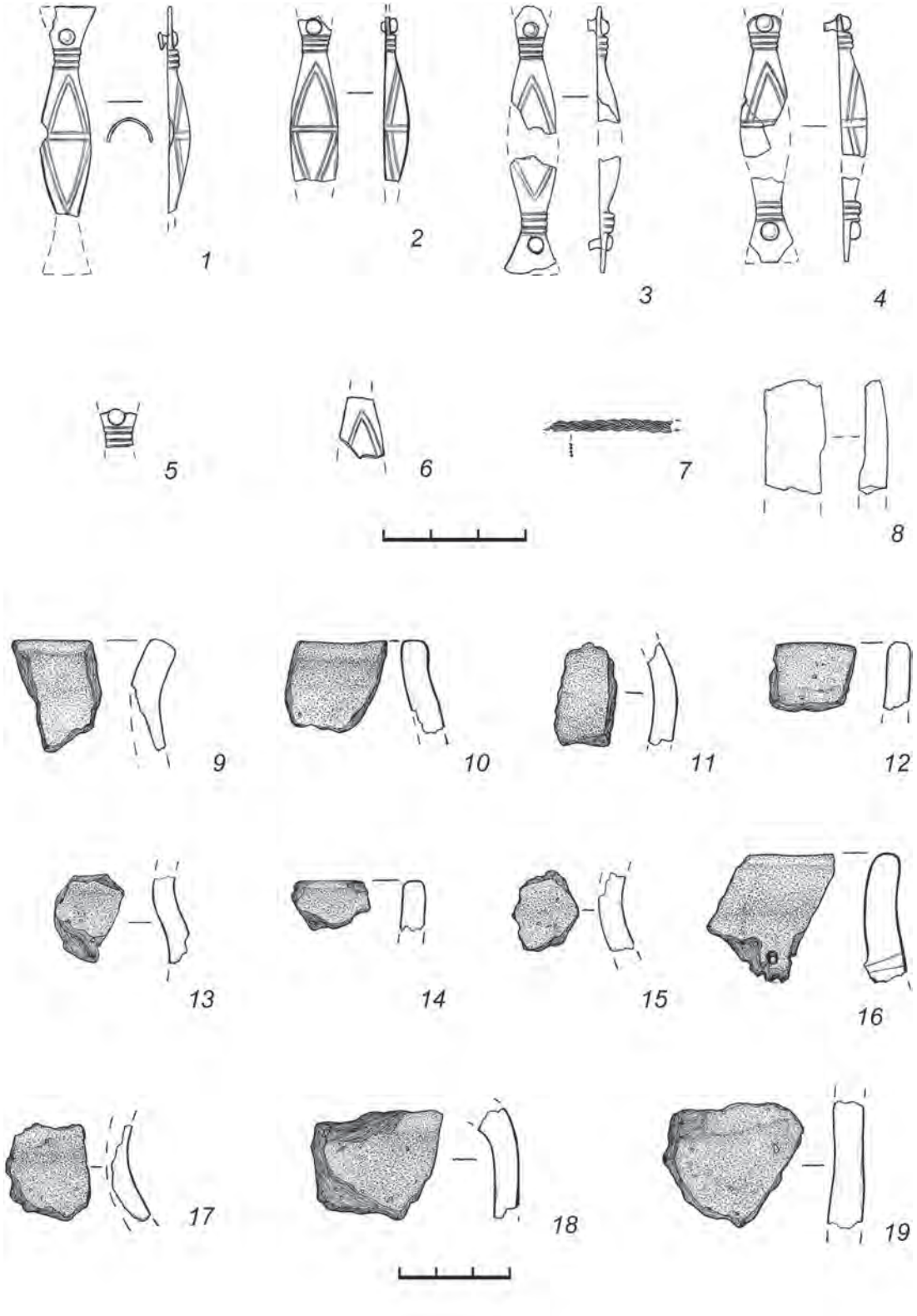

Табл. 79. Могильник Заостровье-2. Погребение 118.2011 г. Находки

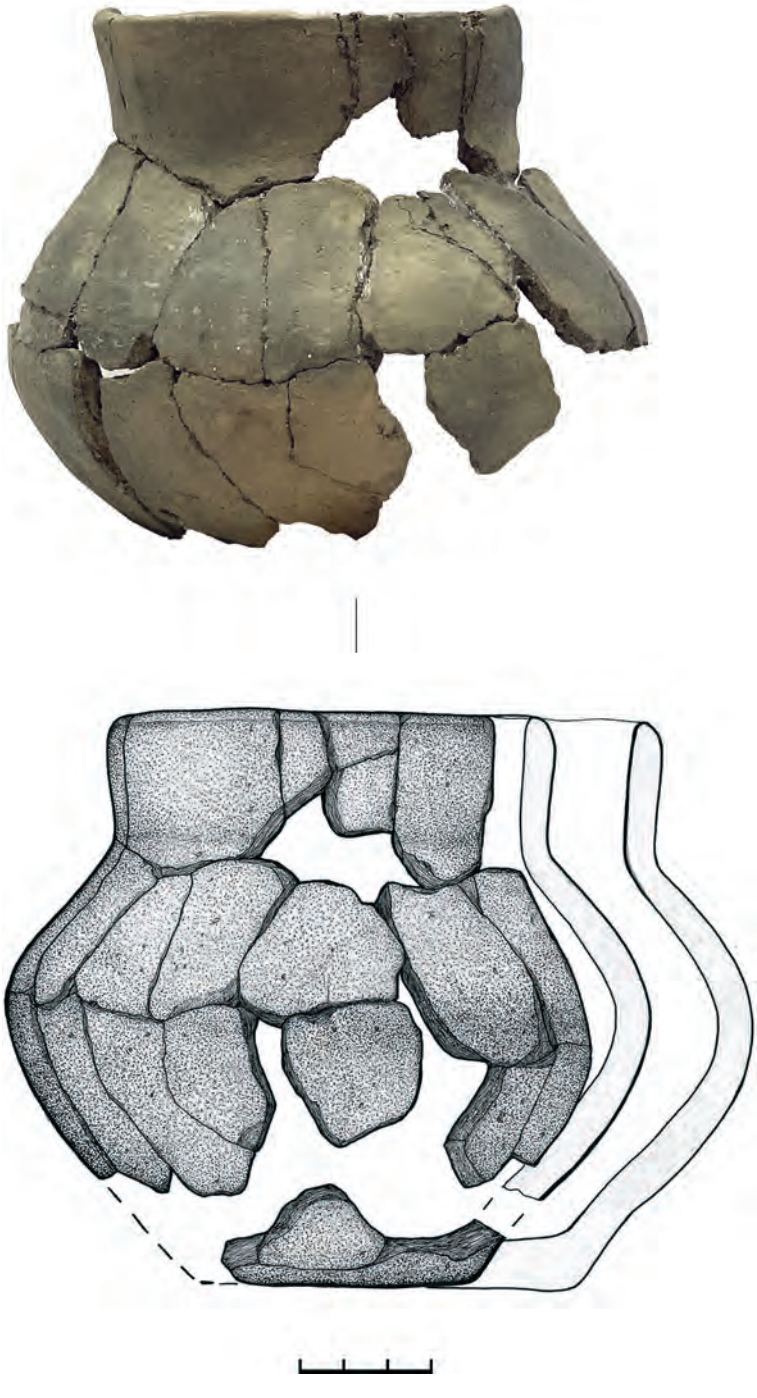

Табл. 80. Могильник Заостровье-2. Погребение 118.2011 г. Керамический сосуд

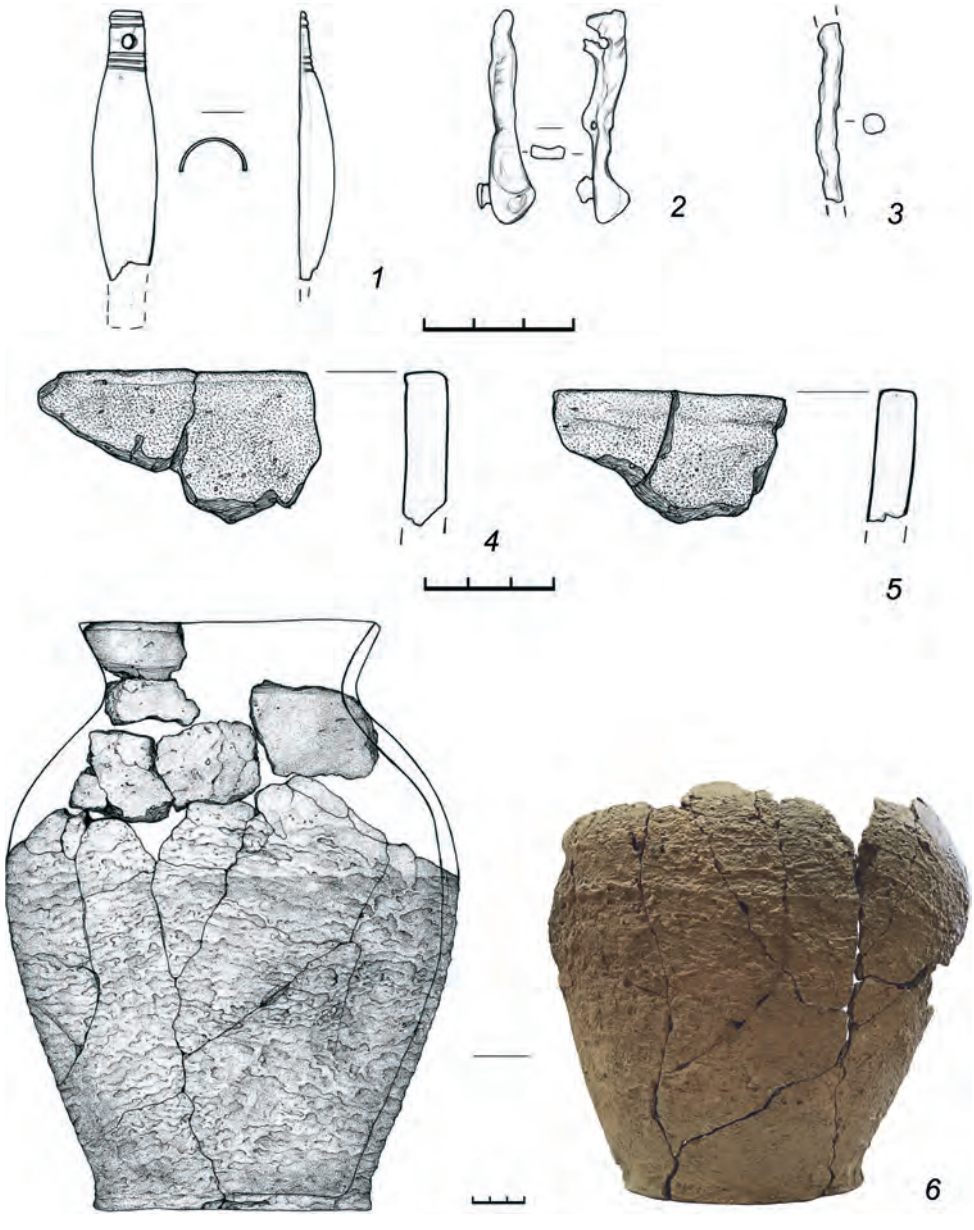

Табл. 81. Могильник Заостровье-2. Погребение 123.2011 г. Находки

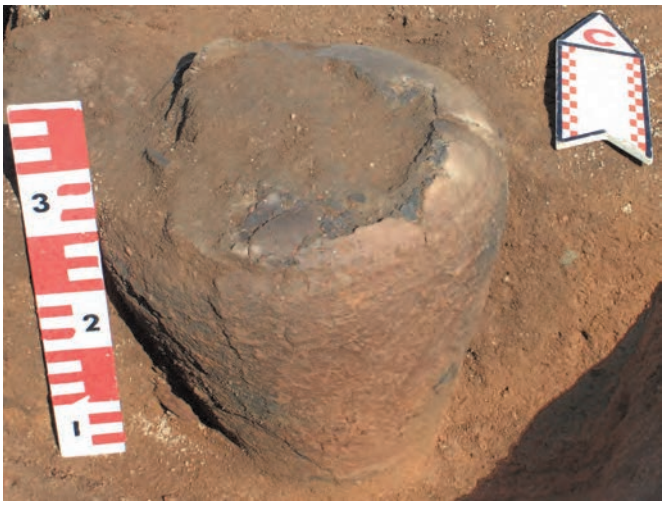

Табл. 82. Могильник Заостровье-2. Погребение 123.2011 г. Керамический сосуд-урна в погребении *in situ*

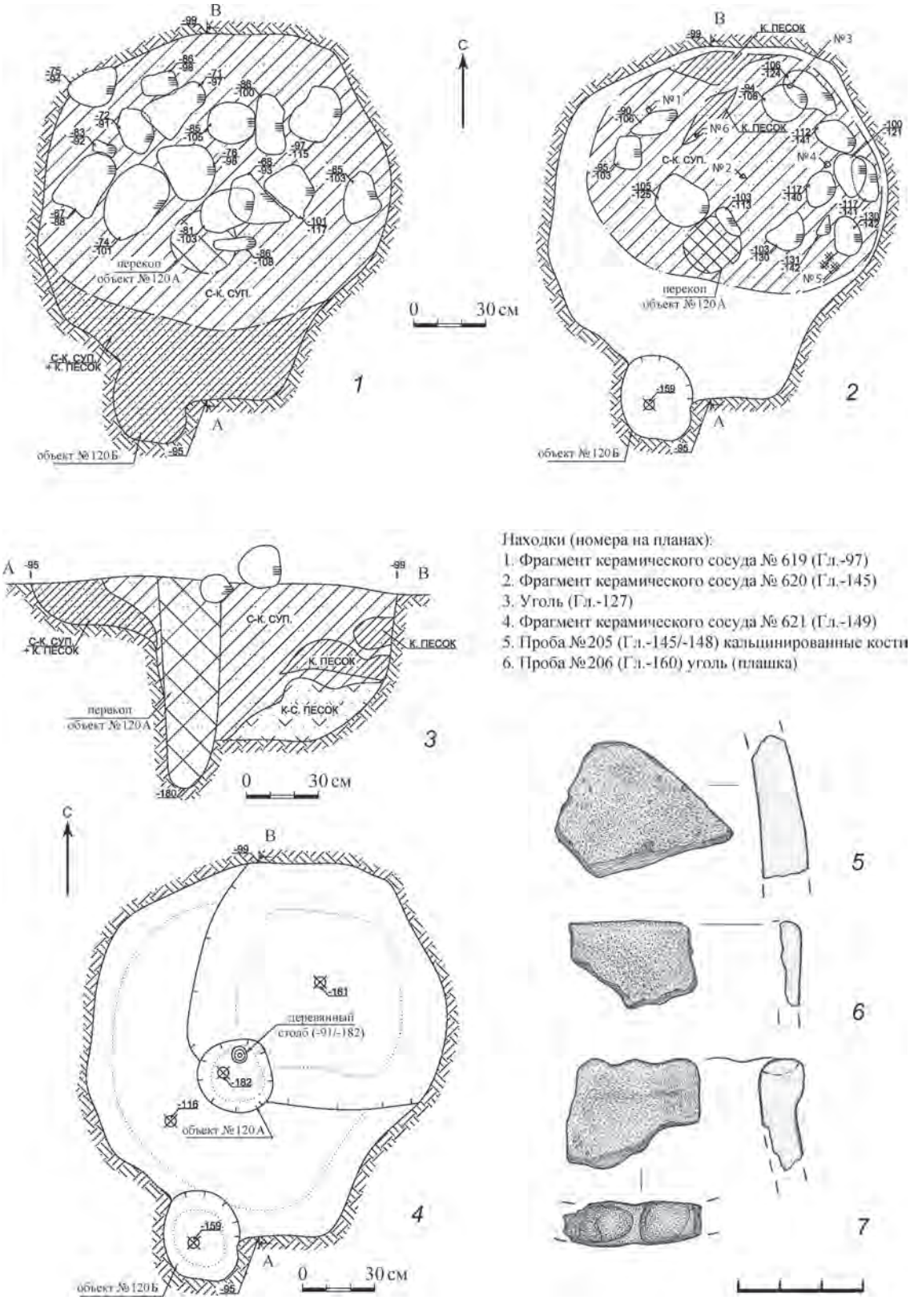

Табл. 83. Могильник Заостровье-2. Погребение 120.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада с находками;
3: стратиграфический разрез погребения; *4*: материк; *5–7*: находки

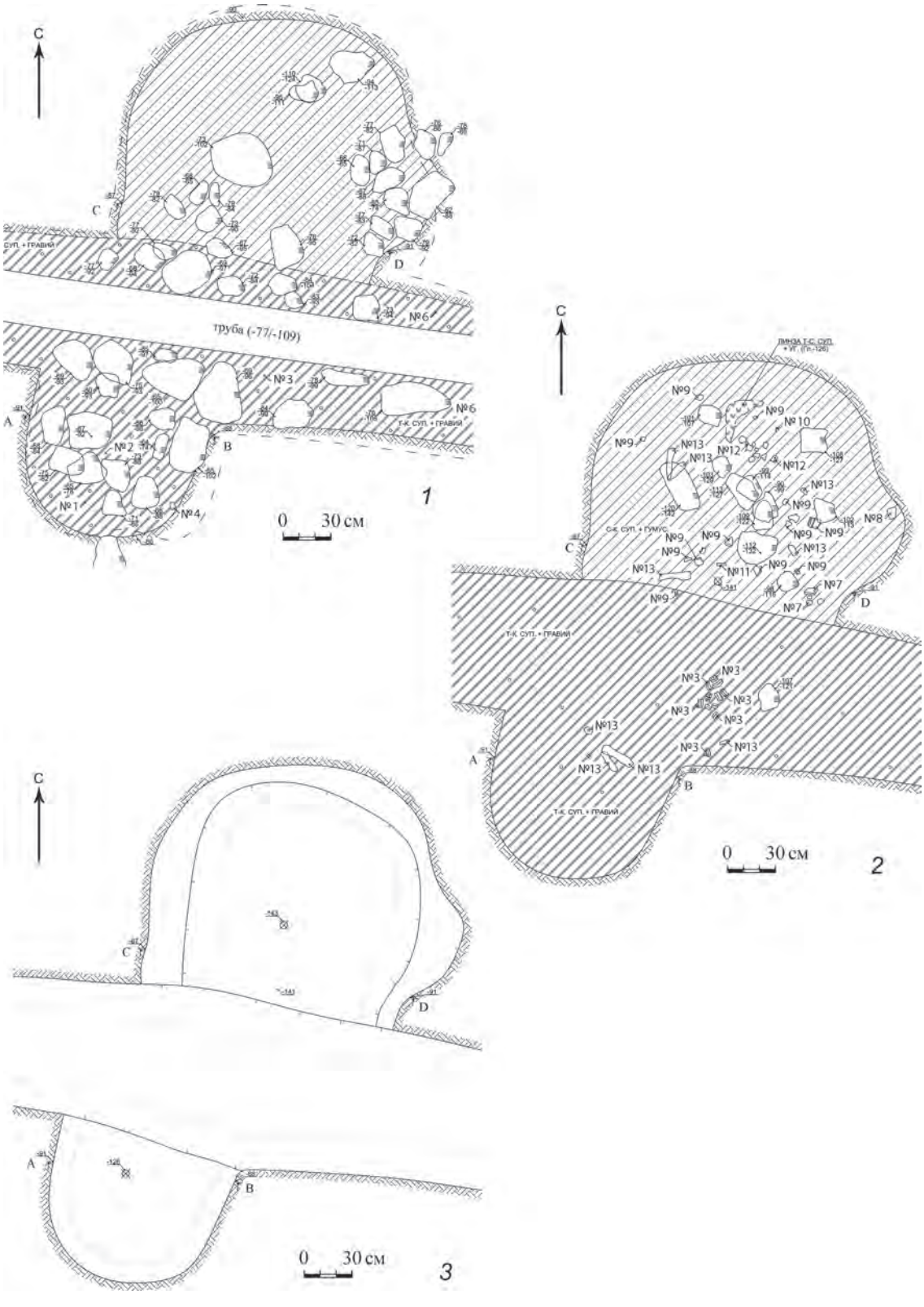
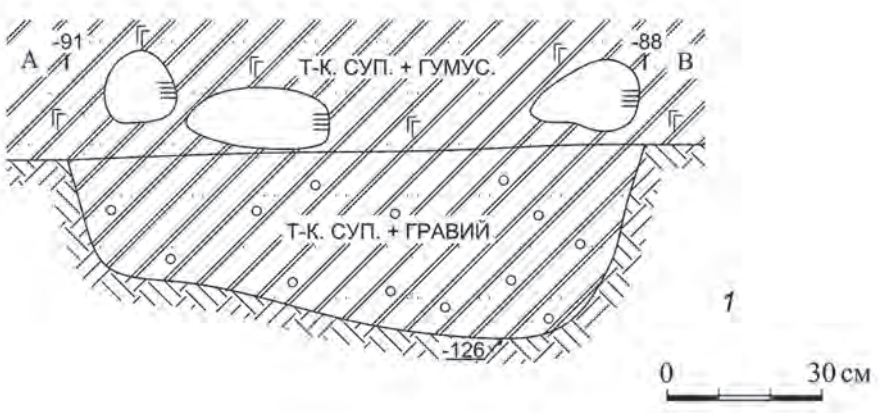
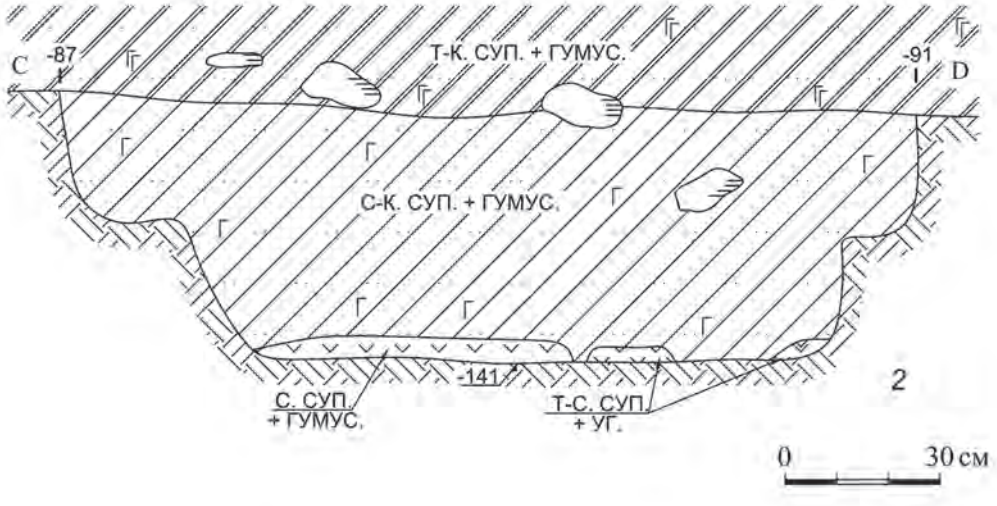

Табл. 84. Могильник Заостровье-2. Погребение 121–122.2011 г.
1: первый ярус разрушенного каменного заклада; *2*: второй ярус разрушенного каменного заклада с находками; *3*: материк

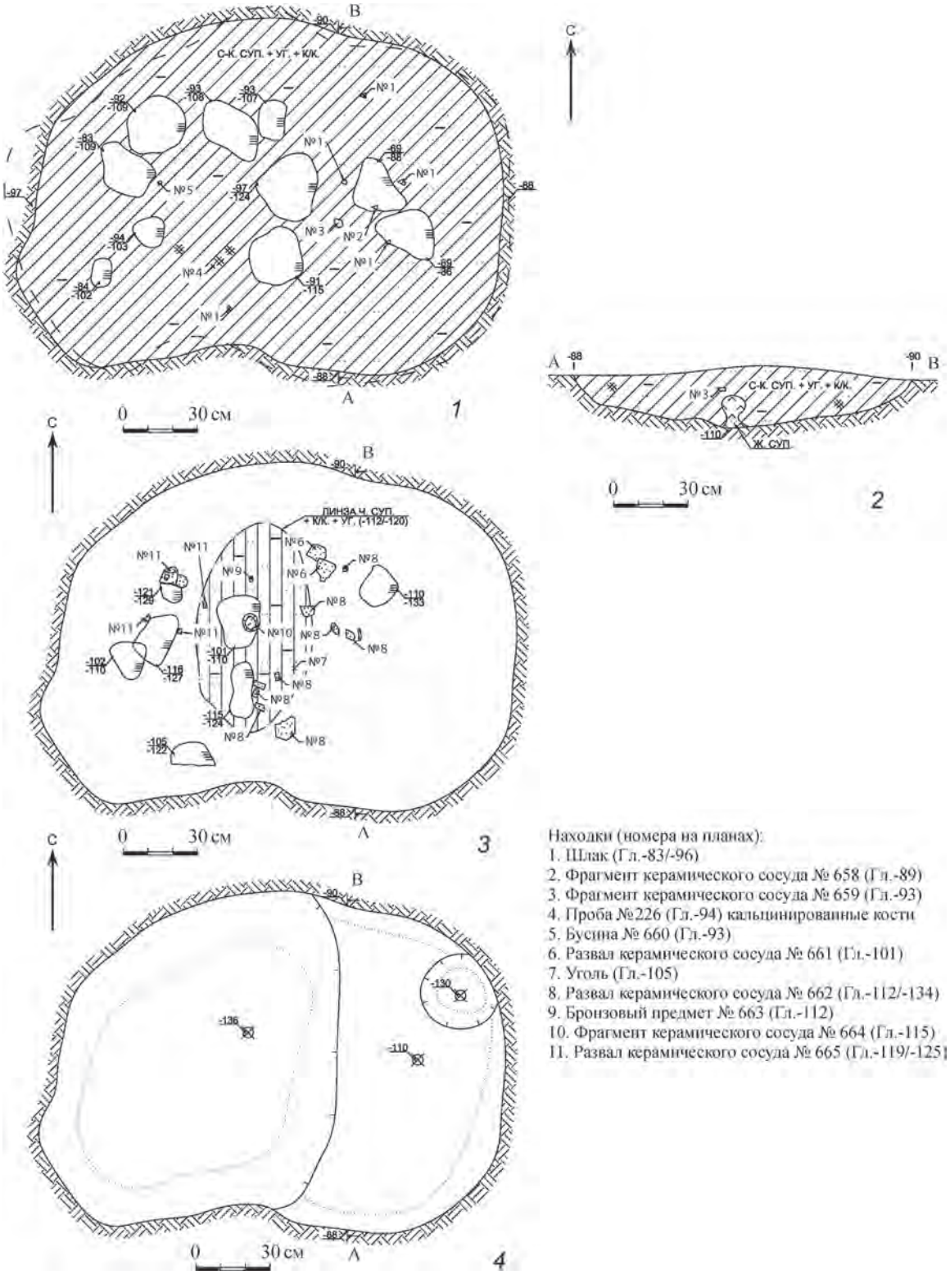

Находки (номера на планах):
1. Фрагмент керамического сосуда №613 (Гл.-85)
2. Фрагмент керамического сосуда №614 (Гл.-91)
3. Конские зубы (Гл.-97/-128)
4. Фрагмент керамического сосуда №615 (Гл.-105)
5. Фрагменты керамических сосудов №616 (Гл.-98/-102)
6. Фрагменты железного изделия №617 (Гл.-95/ -104)
7. Фрагменты керамического сосуда №618 (Гл.-102)
8. Точильный камень №622 (Гл.-89)
9. Фрагменты керамического сосуда №623 (Гл.-107/-132)
10. Фрагмент бронзового изделия №629 (Гл.-135)
11. Фрагмент железного изделия №630 (Гл.-131)
12. Развал керамического сосуда №628 (Гл.-128/-131)
13. Кость животного (Гл.-109/-137)

Табл. 85. Могильник Заостровье-2. Погребение 121–122.2011 г.
1, *2*: стратиграфические разрезы погребения

Табл. 86. Могильник Заостровье-2. Погребение 121–122.2011 г. Находки

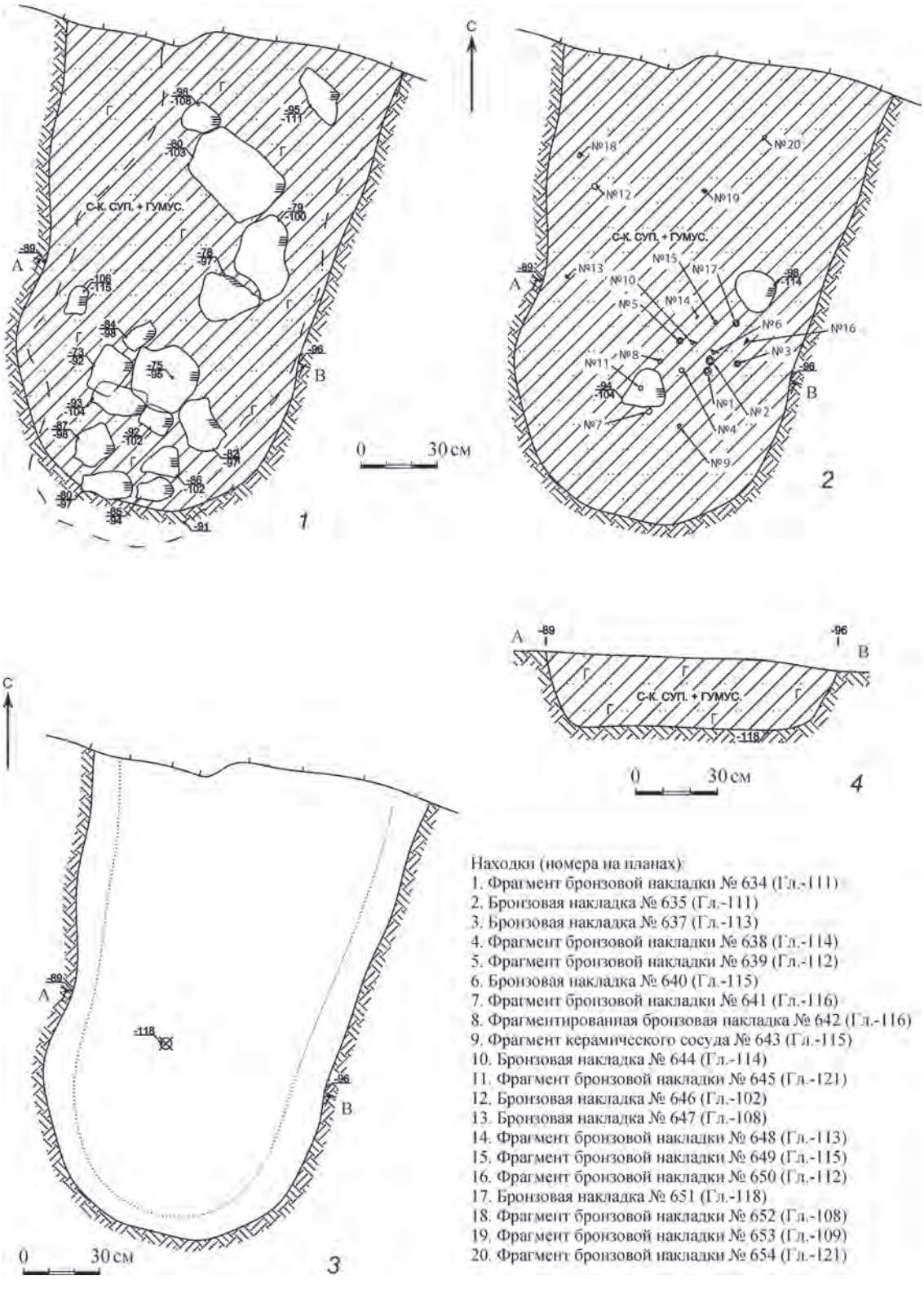

Находки (номера на планах):
1. Шлак (Гл.-83/-96)
2. Фрагмент керамического сосуда № 658 (Гл.-89)
3. Фрагмент керамического сосуда № 659 (Гл.-93)
4. Проба №226 (Гл.-94) кальцинированные кости
5. Бусина № 660 (Гл.-93)
6. Развал керамического сосуда № 661 (Гл.-101)
7. Уголь (Гл.-105)
8. Развал керамического сосуда № 662 (Гл.-112/-134)
9. Бронзовый предмет № 663 (Гл.-112)
10. Фрагмент керамического сосуда № 664 (Гл.-115)
11. Развал керамического сосуда № 665 (Гл.-119/-125)

Табл. 87. Могильник Заостровье-2. Погребение 130.2011 г.
1: первый ярус разрушенного каменного заклада; *2*: стратиграфический разрез погребения; *3*: второй ярус разрушенного каменного заклада с находками; *4*: материк

Табл. 88. Могильник Заостровье-2. Погребение 130.2011 г. Находки

Находки (номера на планах):
1. Фрагмент бронзовой накладки № 634 (Гл.-111)
2. Бронзовая накладка № 635 (Гл.-111)
3. Бронзовая накладка № 637 (Гл.-113)
4. Фрагмент бронзовой накладки № 638 (Гл.-114)
5. Фрагмент бронзовой накладки № 639 (Гл.-112)
6. Бронзовая накладка № 640 (Гл.-115)
7. Фрагмент бронзовой накладки № 641 (Гл.-116)
8. Фрагментированная бронзовая накладка № 642 (Гл.-116)
9. Фрагмент керамического сосуда № 643 (Гл.-115)
10. Бронзовая накладка № 644 (Гл.-114)
11. Фрагмент бронзовой накладки № 645 (Гл.-121)
12. Бронзовая накладка № 646 (Гл.-102)
13. Бронзовая накладка № 647 (Гл.-108)
14. Фрагмент бронзовой накладки № 648 (Гл.-113)
15. Фрагмент бронзовой накладки № 649 (Гл.-115)
16. Фрагмент бронзовой накладки № 650 (Гл.-112)
17. Бронзовая накладка № 651 (Гл.-118)
18. Фрагмент бронзовой накладки № 652 (Гл.-108)
19. Фрагмент бронзовой накладки № 653 (Гл.-109)
20. Фрагмент бронзовой накладки № 654 (Гл.-121)

Табл. 89. Могильник Заостровье-2. Погребение 135.2011 г.
1: первый ярус разрушенного каменного заклада; *2*: второй ярус разрушенного каменного заклада с находками; *3*: материк; *4*: стратиграфический разрез погребения

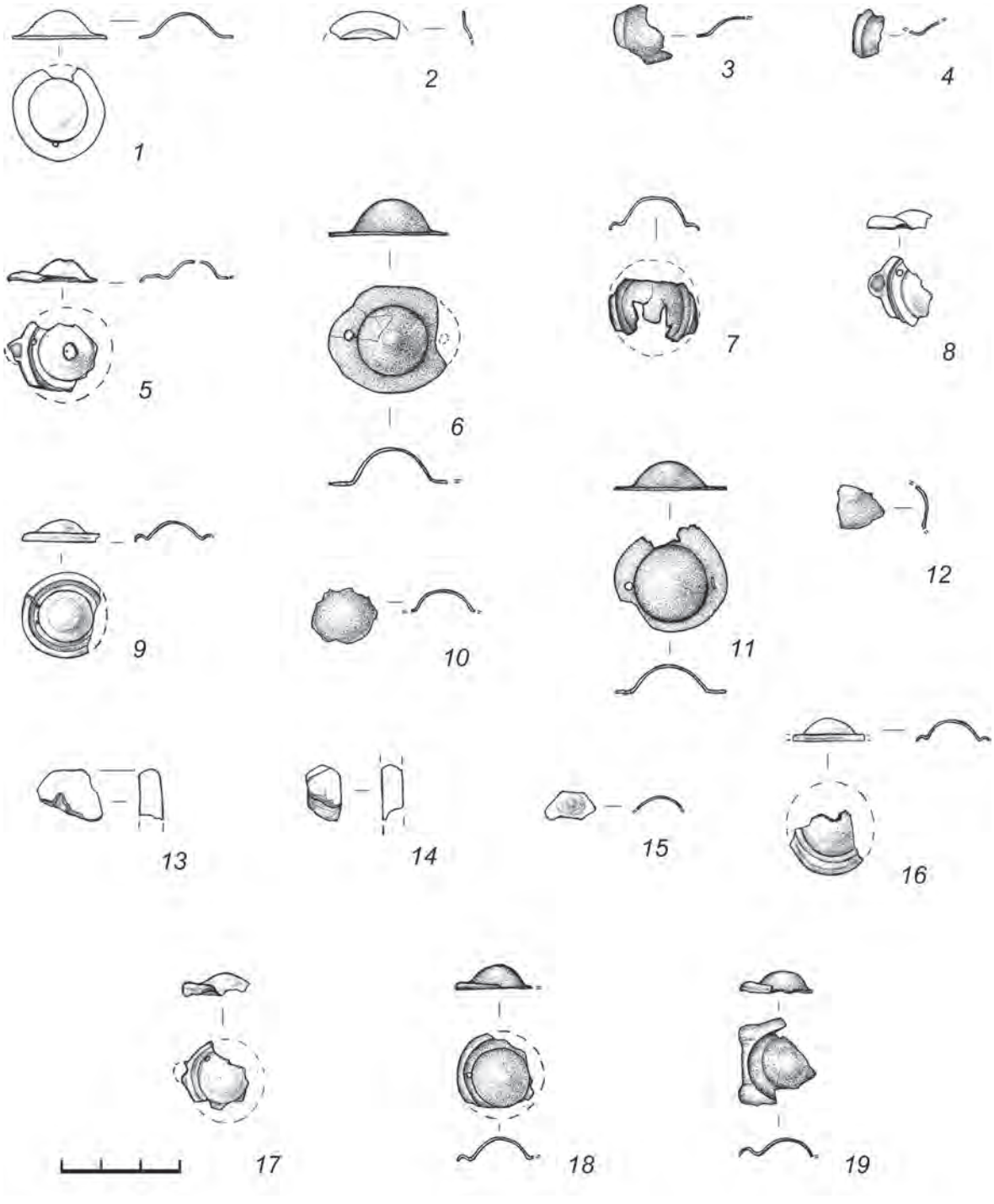
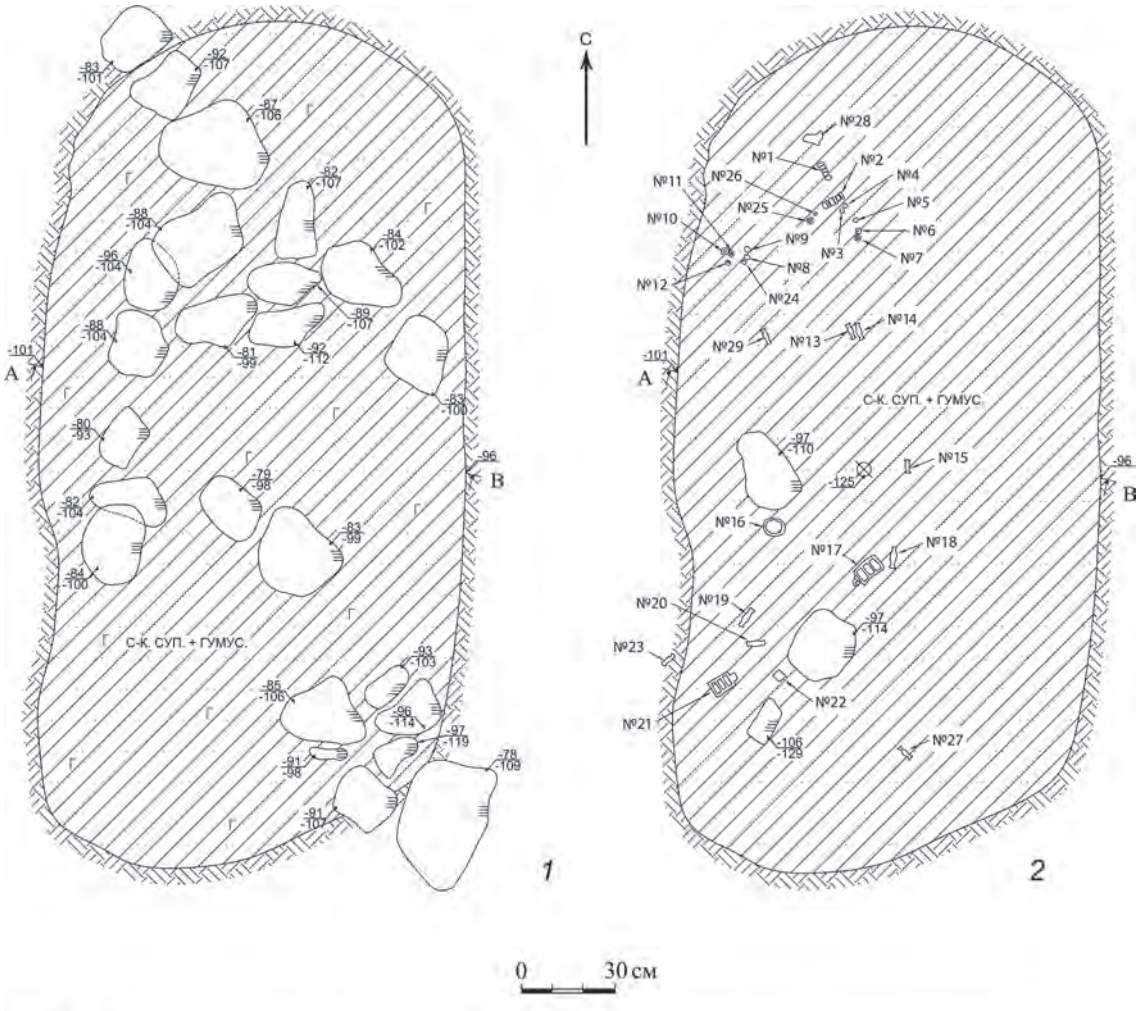

Табл. 90. Могильник Заостровье-2. Погребение 135.2011 г. Находки

Находки (номера на планах):
1. Часть ожерелья №697 (Гл.-119)
2. Часть ожерелья №697 (Гл.-115)
3. Стеклянная бусина №699 (Гл.-119)
4. Стеклянная бусина №700 (Гл.-119)
5. Фрагмент стеклянной бусины №701 (Гл.-119)
6. Стеклянная бусина №702 (Гл.-121)
7. Бронзовая бусина с двумя кольцами №703 (Гл.-121)
8. Стеклянная бусина №704 (Гл.-119)
9. Стеклянная бусина №705 (Гл.-119)
10. Бронзовая бусина с двумя кольцами №706 (Гл.-122)
11. Стеклянная бусина №707 (Гл.-119)
12. Стеклянная бусина №708 (Гл.-121)
13. Бронзовая накладка №709 (Гл.-124)
14. Бронзовая накладка №710 (Гл.-124)
15. Бронзовая накладка №711 (Гл.-107)
16. Бронзовый браслет №712 (Гл.-112)
17. Бронзовая пряжка №411 (Гл.-114)
18. Броизовая накладка №713 (Гл.-115)
19. Бронзовая накладка №714 (Гл.-115)
20. Бронзовая накладка №715 (Гл.-120)
21. Бронзовая ажурная пряжка №716 (Гл.-104)
22. Фрагмент керамического сосуда №717 (Гл.-115)
23. Бронзовая накладка №693 (Гл.-100)
24. Стеклянная бусина
с бронзовым кольцом №718 (Гл.-121)
25. Бронзовое кольцо №719 (Гл.-110)
26. Фрагмент стеклянной бусины №720 (Гл.-116)
27. Бронзовая накладка №692 (Гл.-102)
28. Фрагмент челюсти (Гл.-119)
29. Бронзовая накладка №727 (Гл.-118)

Табл. 91. Могильник Заостровье-2. Погребение 137.2011 г.
1: первый ярус разрушенного каменного заклада; *2*: второй ярус разрушенного каменного заклада с находками

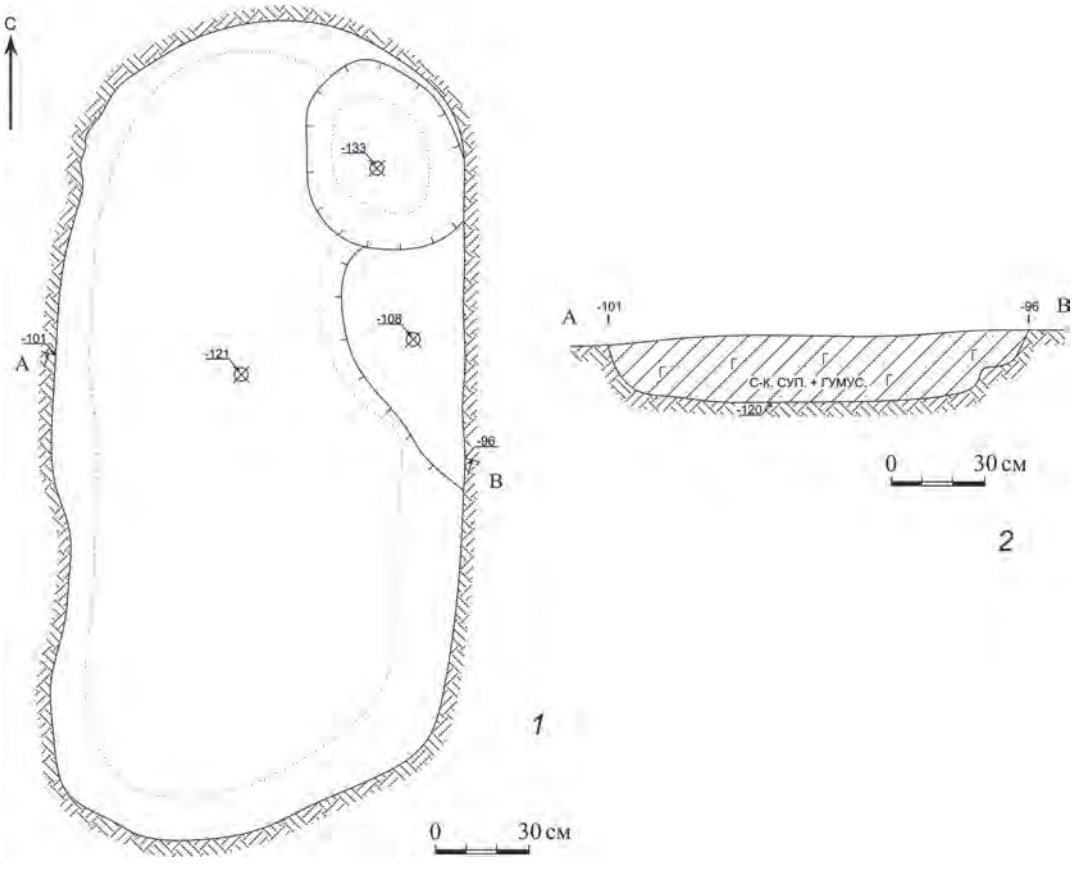

Табл. 92. Могильник Заостровье-2. Погребение 137.2011 г.
1: материк; *2*: стратиграфический разрез погребения

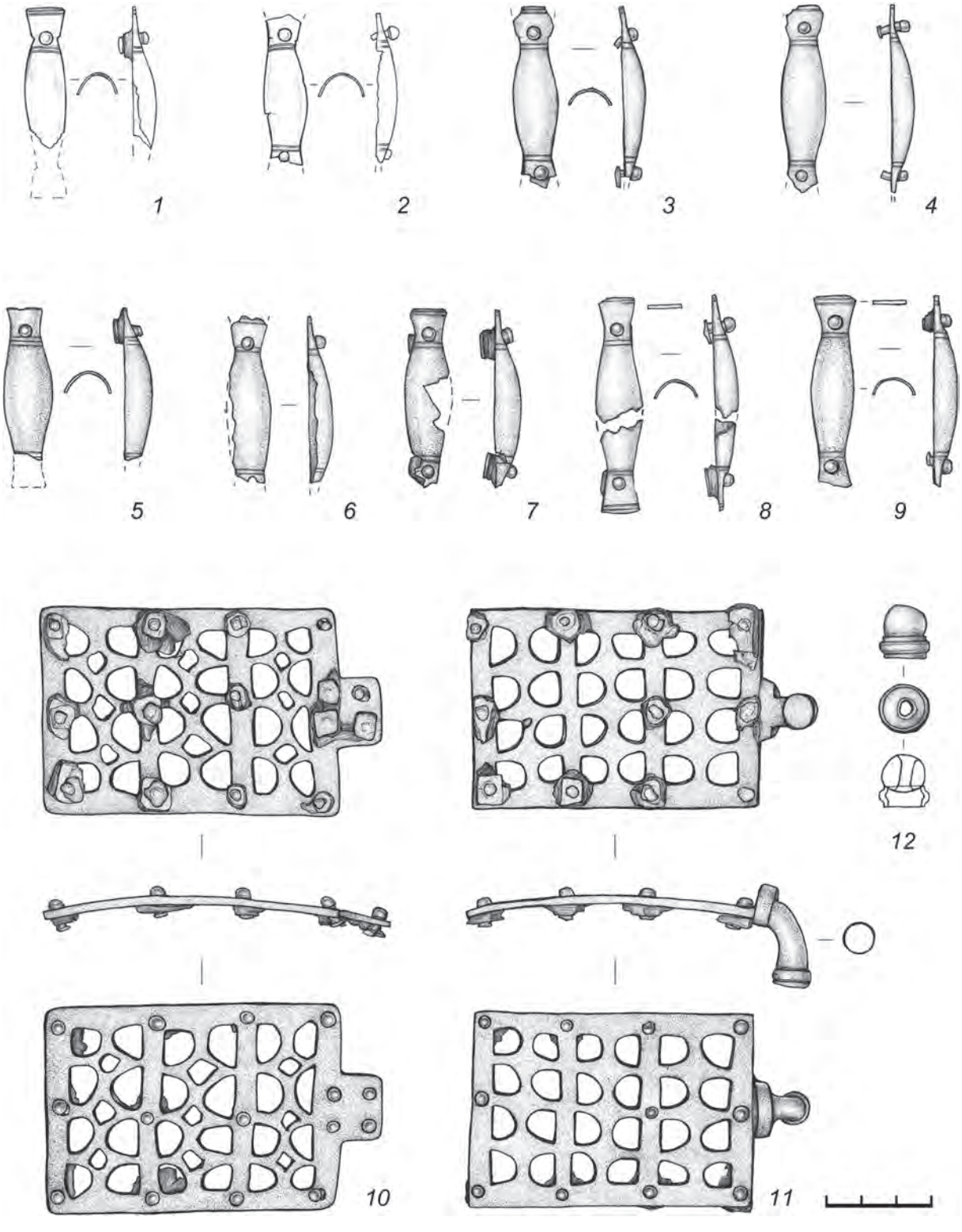

Табл. 93. Могильник Заостровье-2. Погребение 137.2011 г. Находки

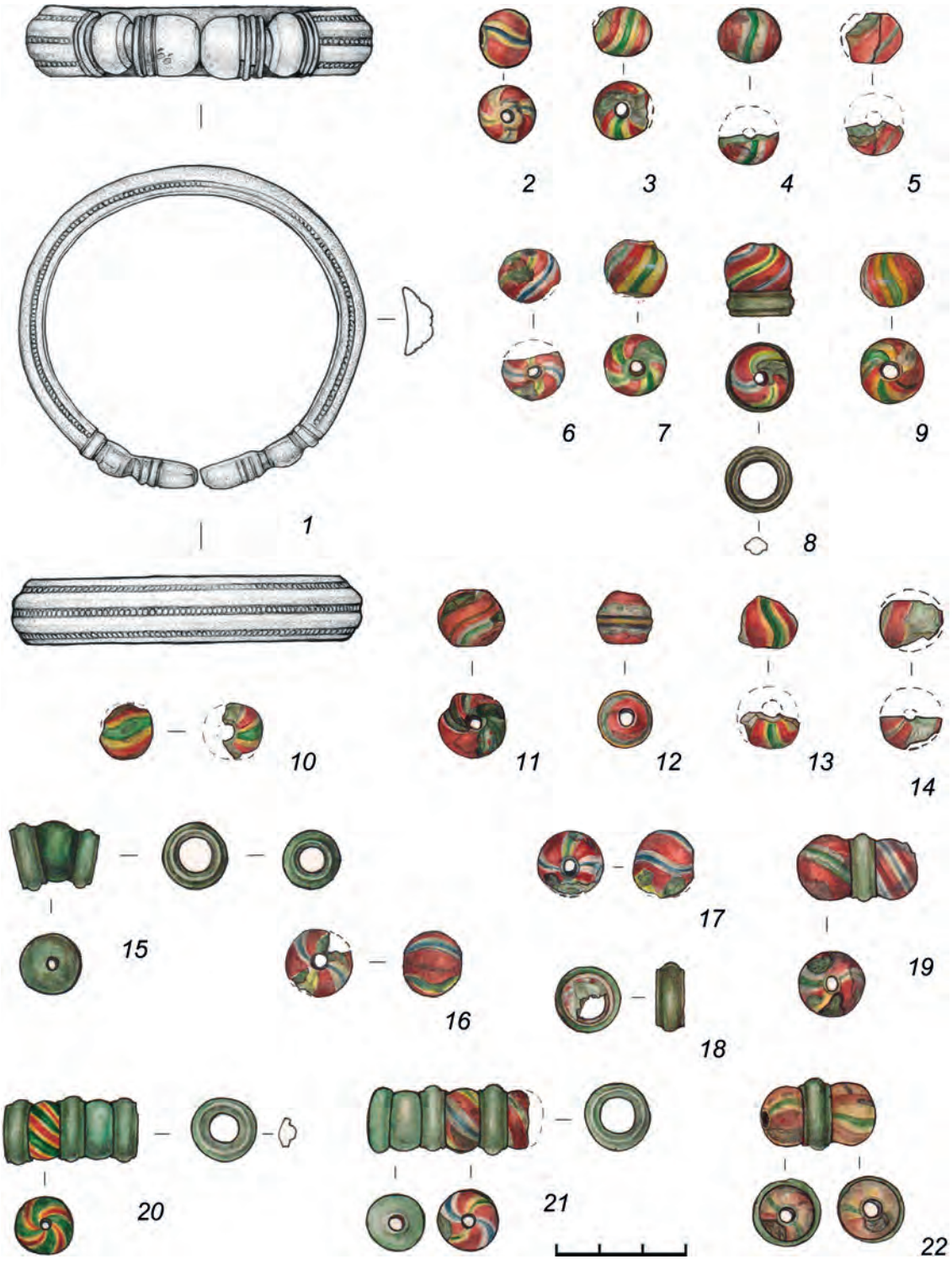

Табл. 94. Могильник Заостровье-2. Погребение 137.2011 г. Находки

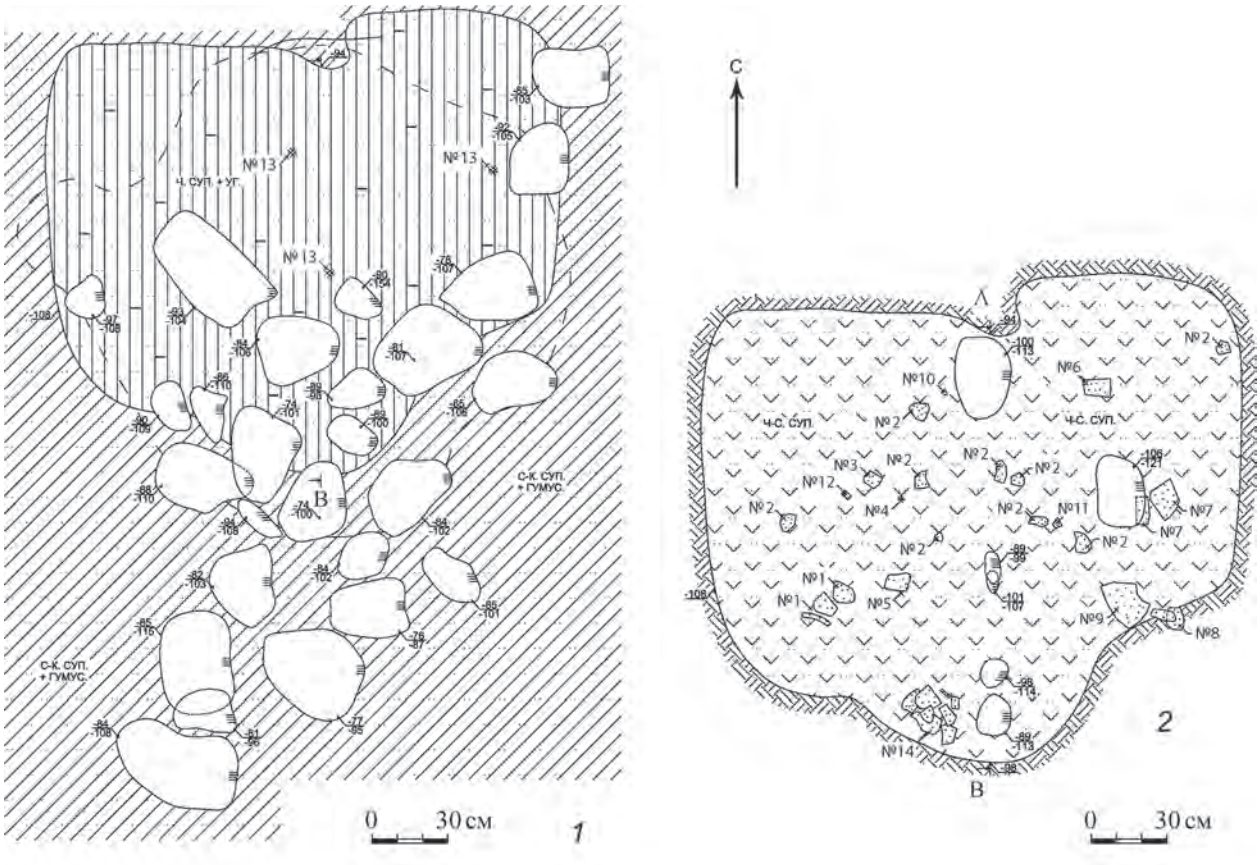

Табл. 95. Могильник Заостровье-2. Погребение 137.2011 г.
1–3: бронзовая двухчастная ажурная застежка / пряжка самбийского пояса
Фото Т. Ш. Гацаева

Табл. 96. Могильник Заостровье-2. Погребение 137.2011 г.
1–3: бронзовый браслет с профилированными окончаниями
Фото Т. Ш. Гацаева

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты керамического сосуда № 683 (Гл.-128/-135)
2. Фрагменты керамического сосуда № 656 (Гл.-95/-138)
3. Фрагмент керамического сосуда № 676 (Гл.-148)
4. Фрагмент керамического сосуда № 666 (Гл.-100)
5. Фрагмент керамического сосуда № 682 (Гл.-115)
6. Фрагмент керамического сосуда № 673 (Гл.-116)
7. Фрагменты керамического сосуда № 674 (Гл.-127)
8. Фрагменты керамического сосуда № 685 (Гл.-107)
9. Фрагмент керамического сосуда № 690 (Гл.-146)
10. Уголь (Гл.-96)
11. Фрагмент керамического сосуда № 657 (Гл.-100)
12. Фрагмент керамического сосуда № 667 (Гл.-99)
13. Проба № 221 (Гл.-94/-98) кальцинированные кости
14. Развал керамического сосуда № 722 (Гл.-128)

Табл. 97. Могильник Заостровье-2. Погребение 138.2011 г.
1: первый ярус разрушенного каменного заклада; *2*: второй ярус разрушенного каменного заклада с находками

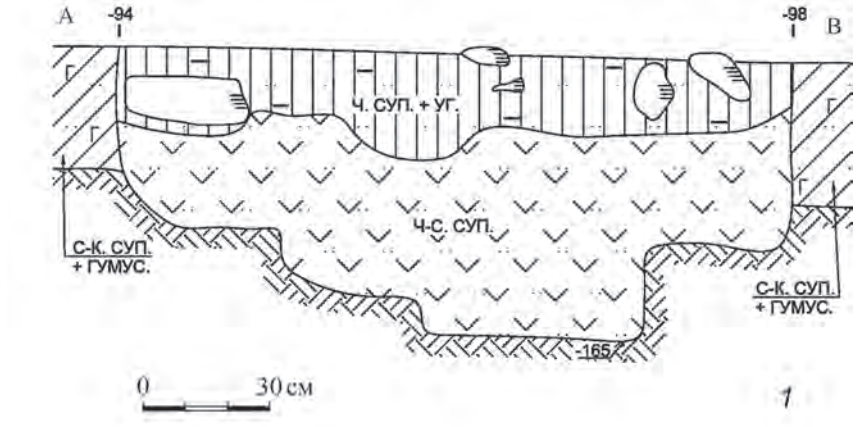

Табл. 98. Могильник Заостровье-2. Погребение 138.2011 г.
1: стратиграфический разрез погребения; *2*: материк

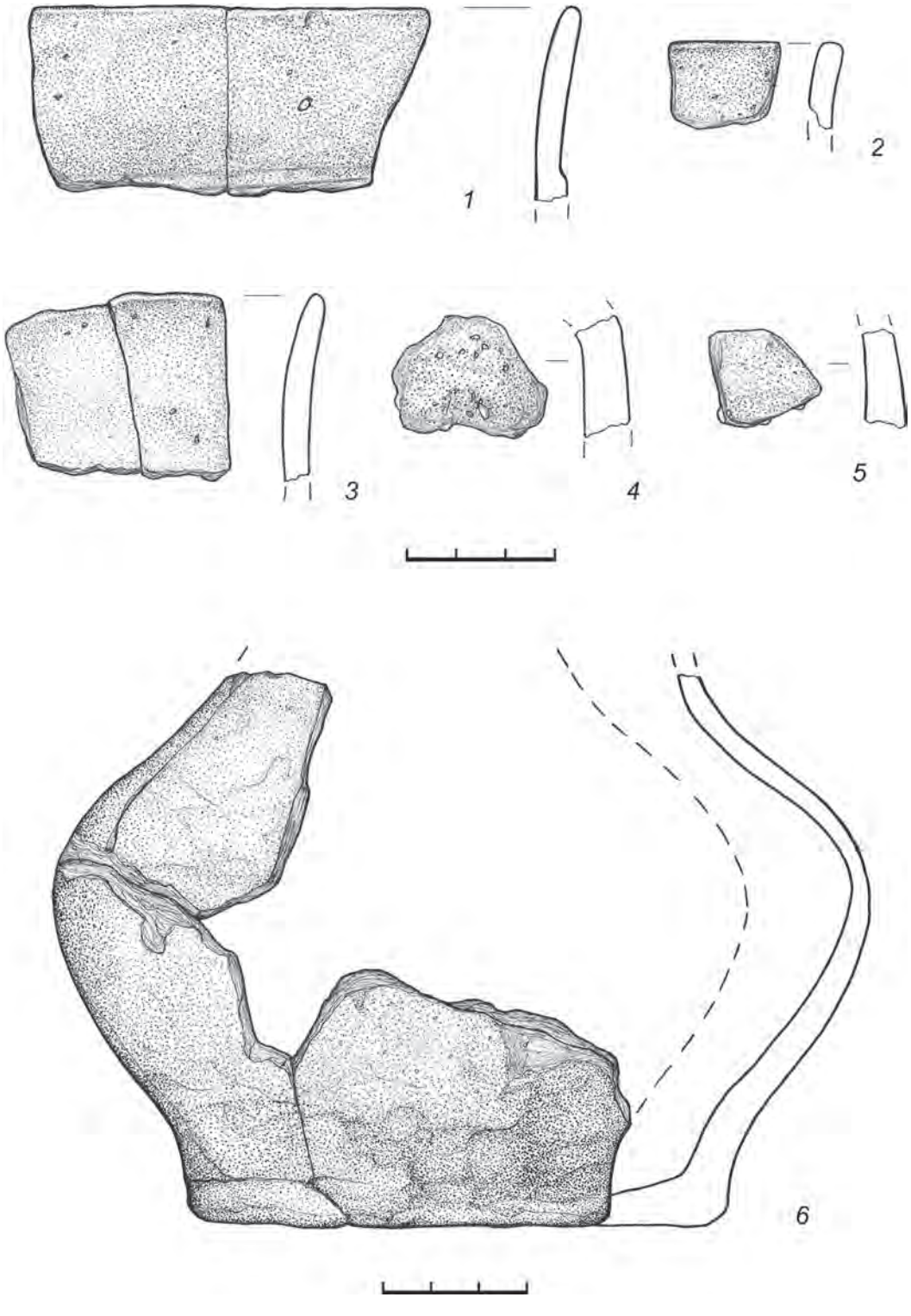

Табл. 99. Могильник Заостровье-2. Погребение 138.2011 г. Находки

Табл. 100. Могильник Заостровье-2. Погребение 145.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада; *2*: второй ярус каменного заклада; *3*: стратиграфический разрез объекта 145А; *4*: стратиграфический разрез объекта 145Б и погребения

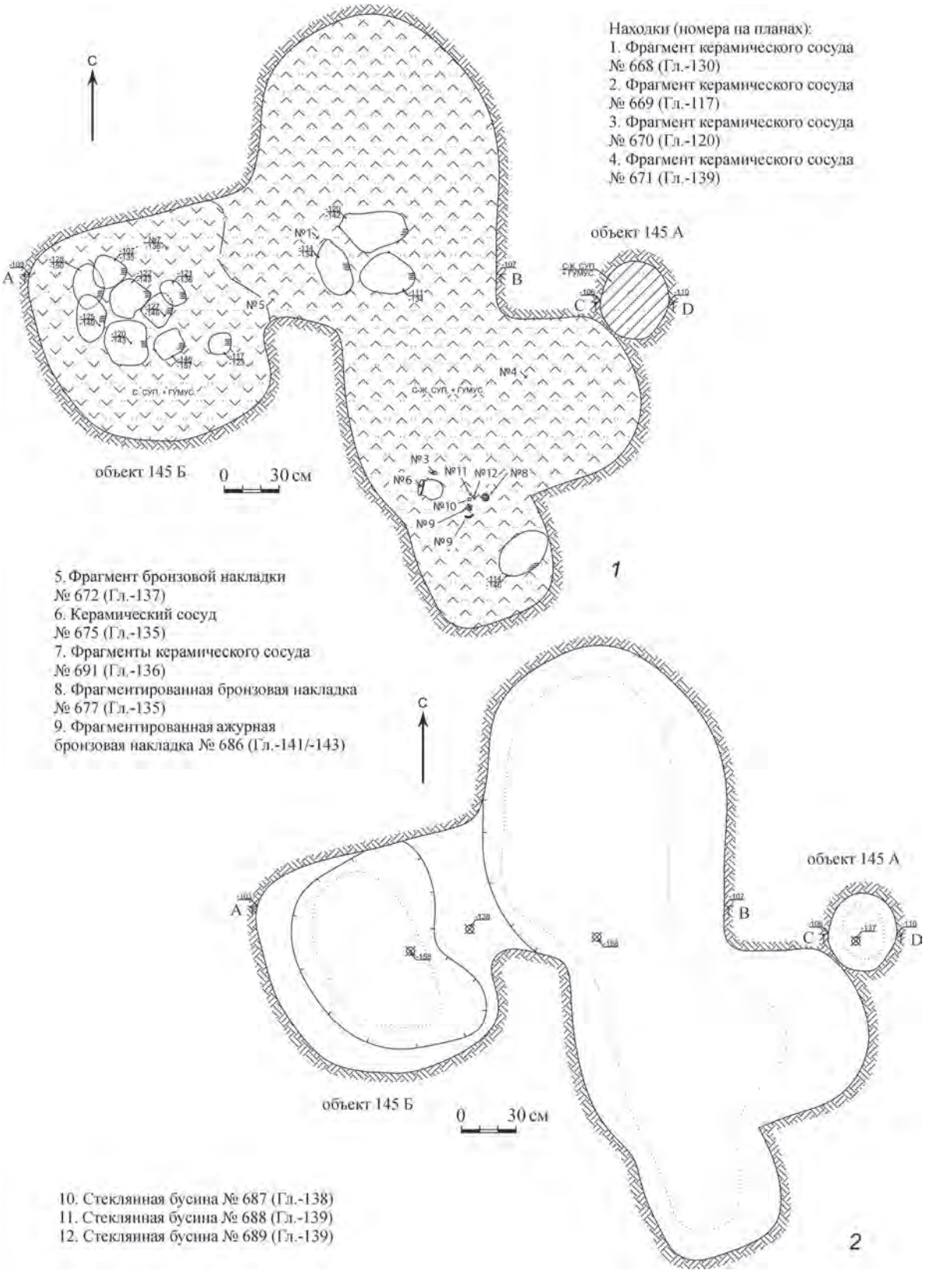

Табл. 101. Могильник Заостровье-2. Погребение 145.2011 г.
1: третий ярус каменного заклада с находками; *2*: материк

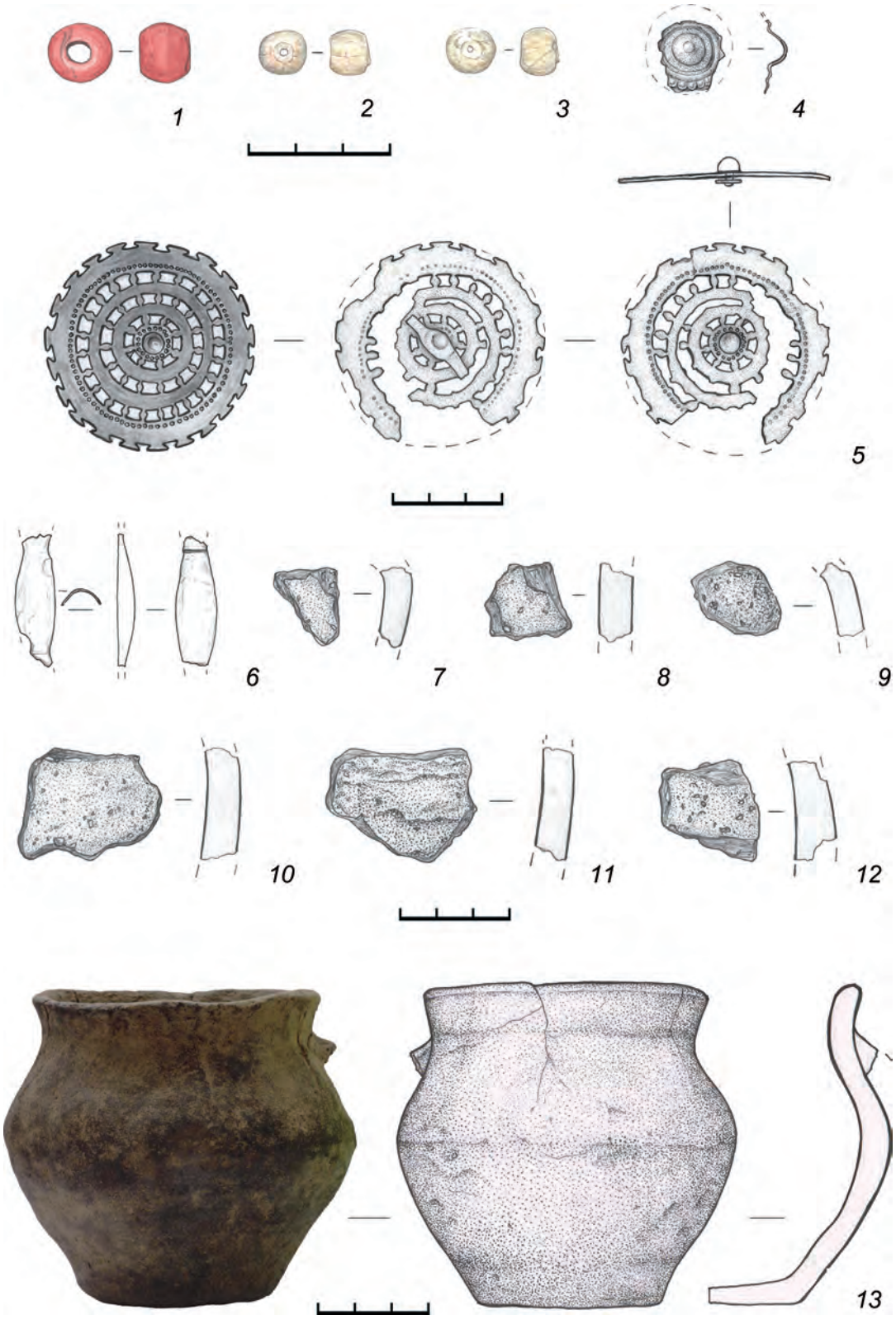

Табл. 102. Могильник Заостровье-2. Погребение 145.2011 г. Находки

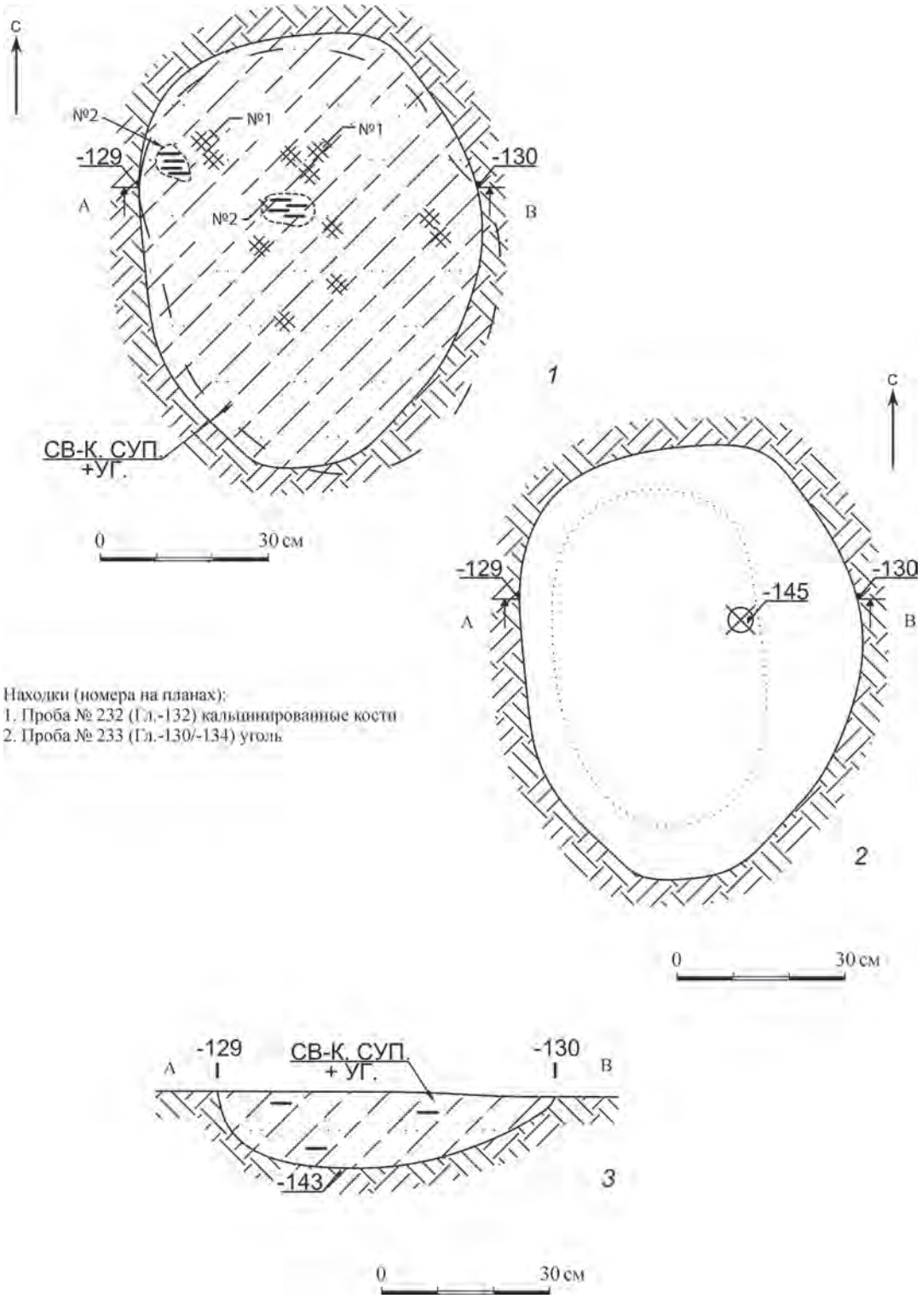
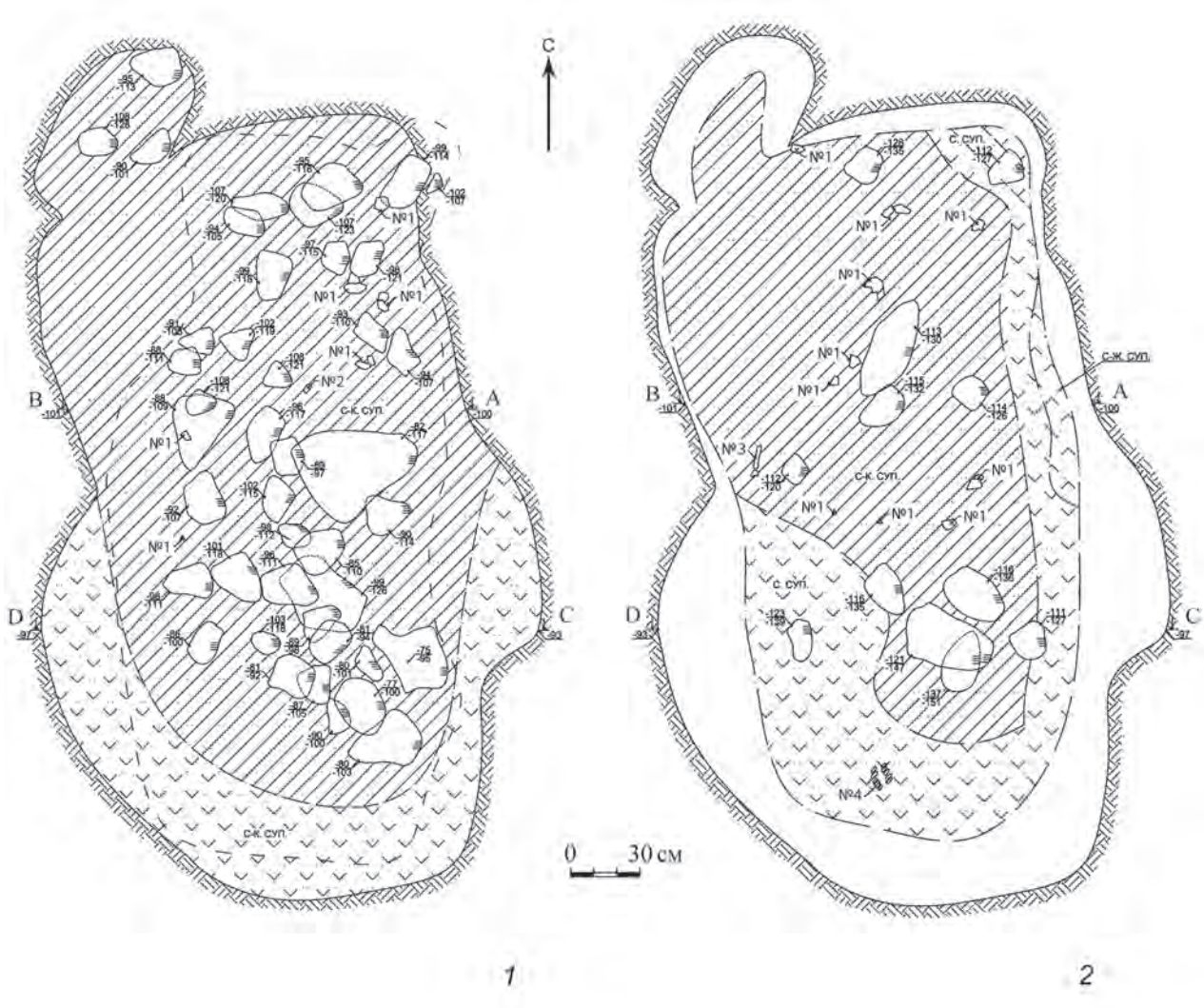

Табл. 103. Могильник Заостровье-2. Погребение 151.2011 г.
1: уровень выявления погребения; *2*: материк; *3*: стратиграфический разрез погребения

Находки (номера на планах):
1. Фрагменты керамического сосуда № 694 (Гл.-100/-126)
2. Фрагмент бронзового изделия № 696 (Гл.-93)
3. Проба № 237 (Гл.-126) кость животного
4. Зубы коня (Гл.-131)

Табл. 104. Могильник Заостровье-2. Погребение 156.2011 г.
1: первый ярус каменного заклада с находками; *2*: второй ярус каменного заклада с находками

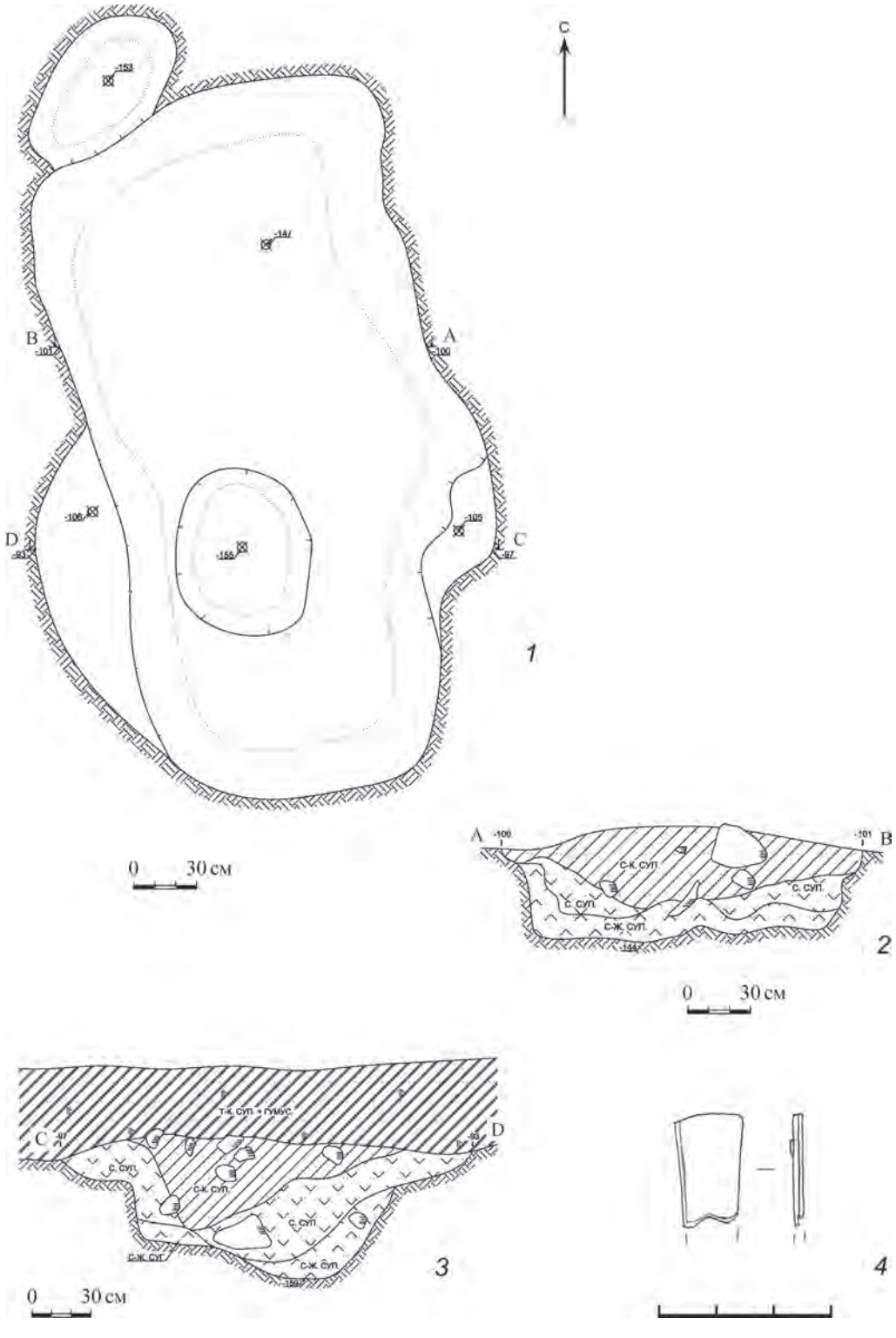

Табл. 105. Могильник Заостровье-2. Погребение 156.2011 г.
1: материк; *2, 3*: стратиграфические разрезы погребения; *4*: фрагмент бронзового изделия (фибулы?)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

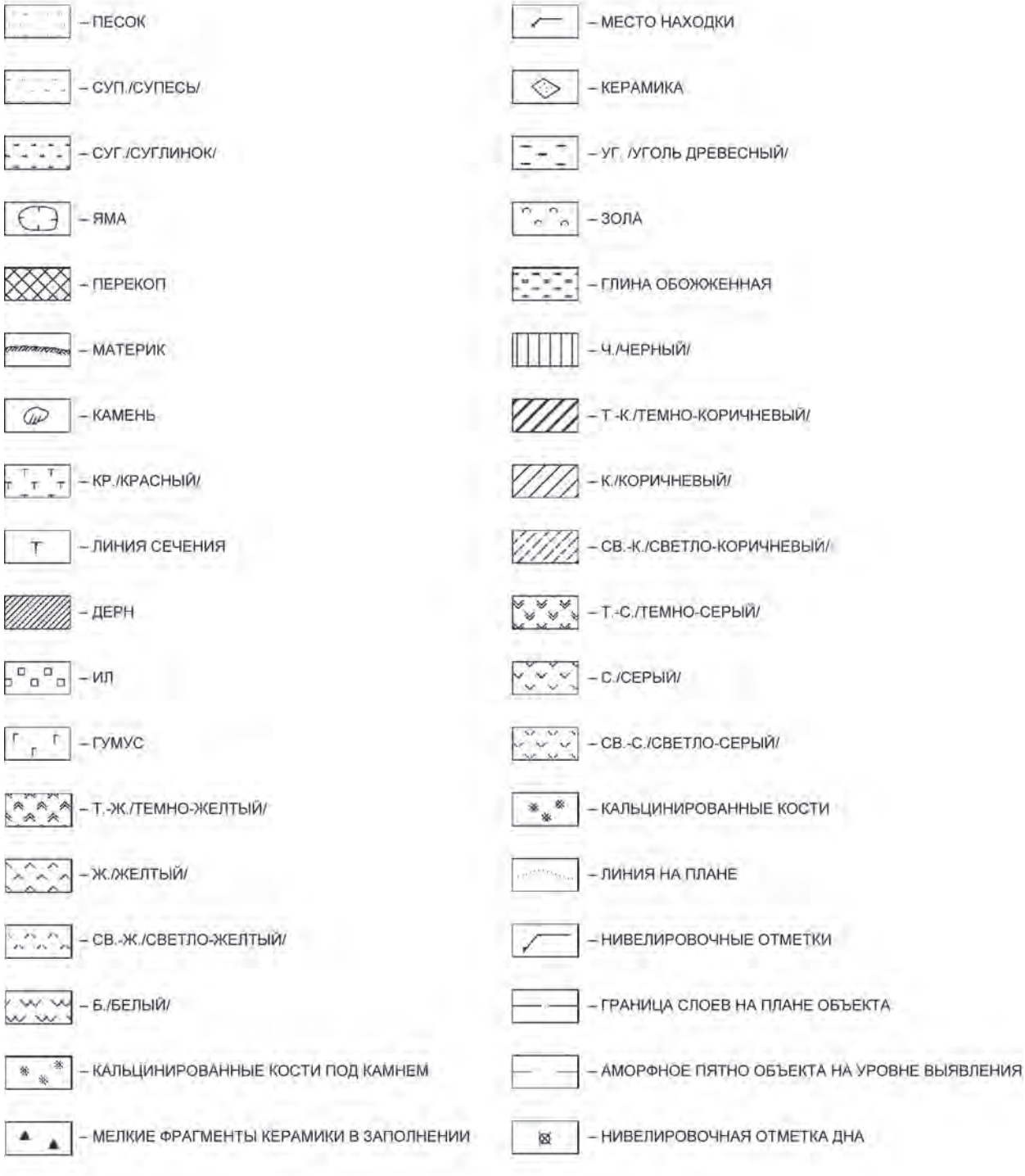

Табл. 106. Могильник Заостровье-2. Условные обозначения

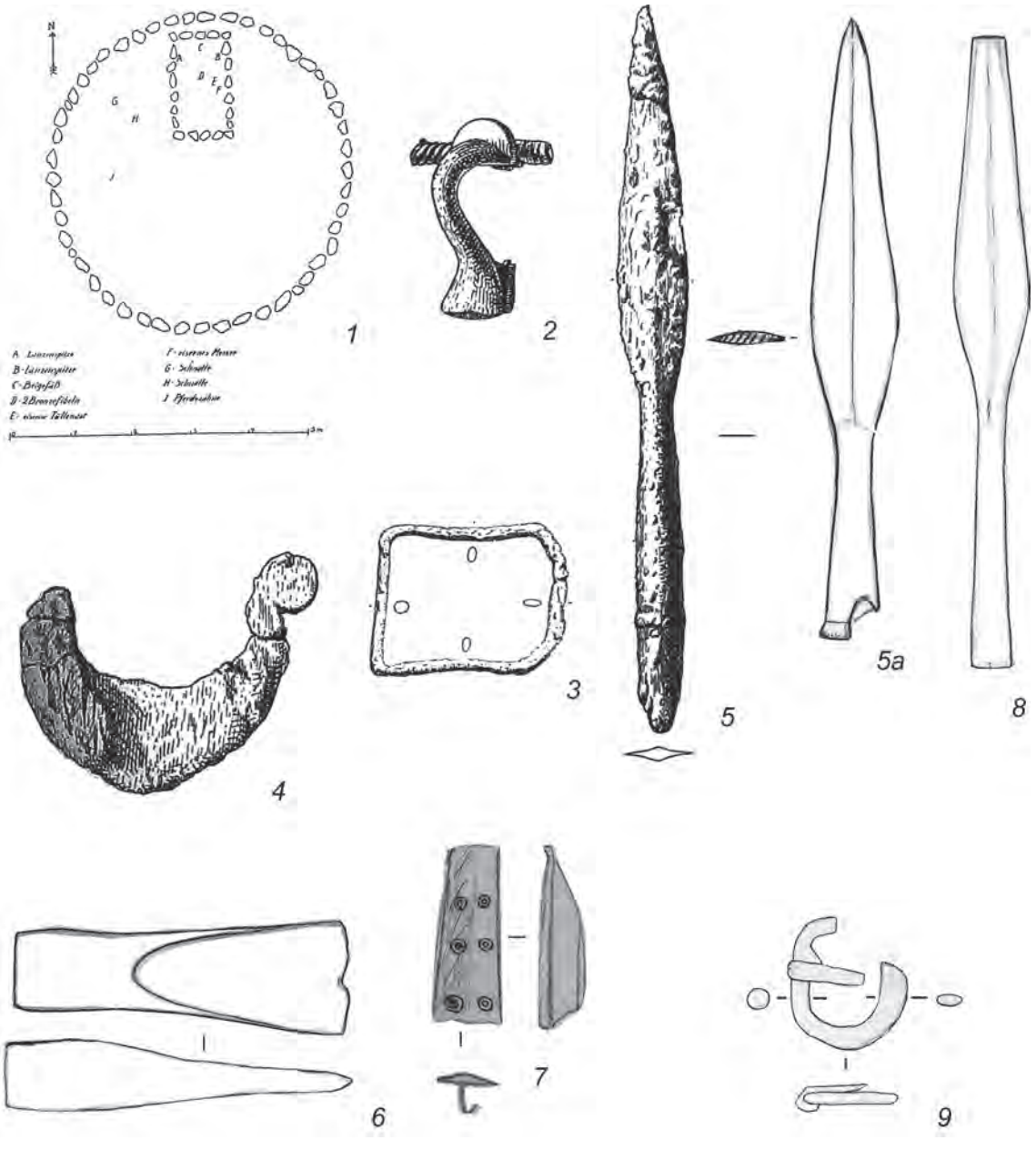

Табл. 107. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 1.1893 г.
1–5: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 2–6; *5a, 6, 8, 9*: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken;
7: по Fēliksa Jākobsona arhīvs. Ieraksti «Kreis Fischhausen»

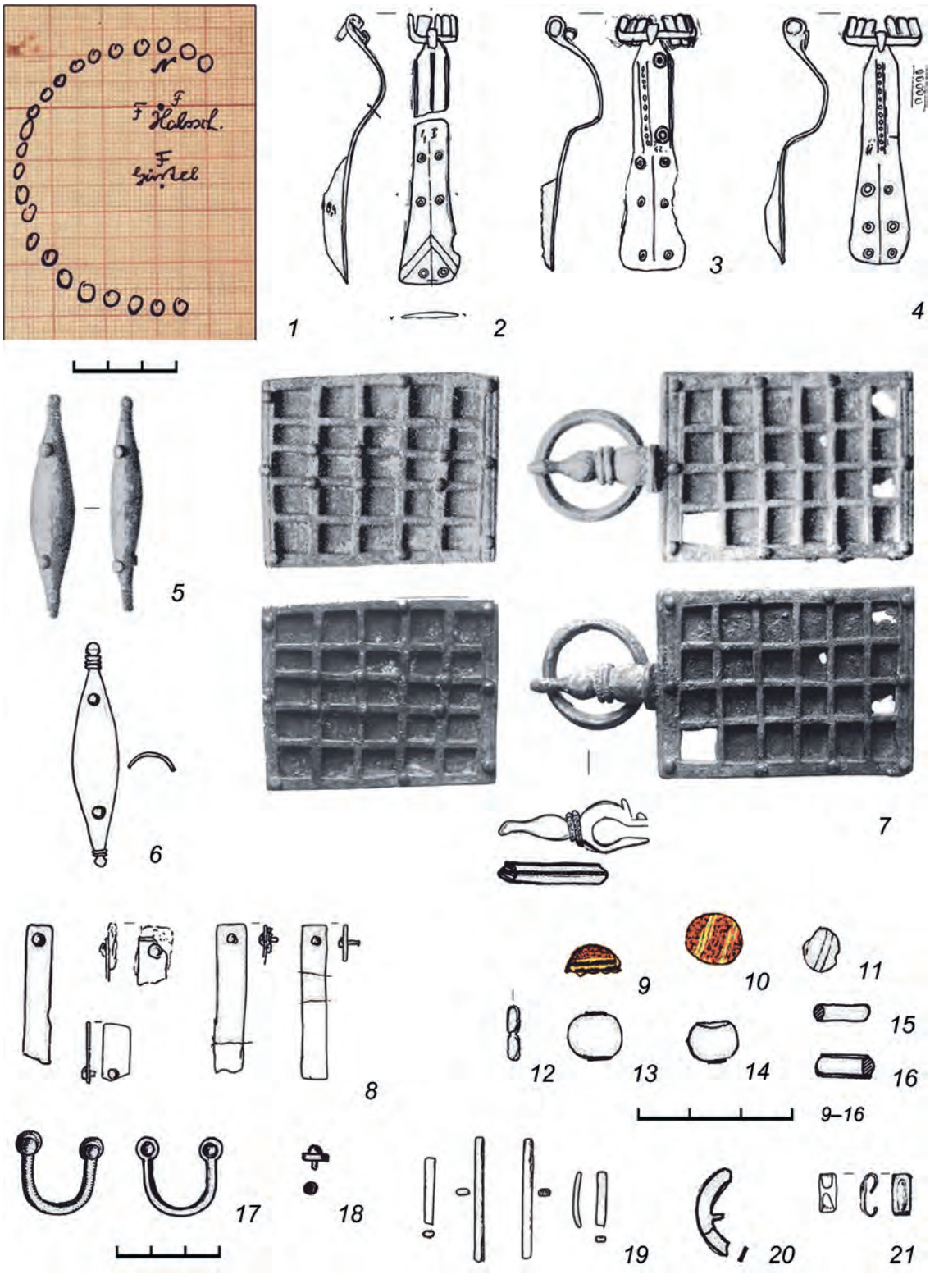

Табл. 108. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 3.1893 г.
По: *Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 3; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 2, 3

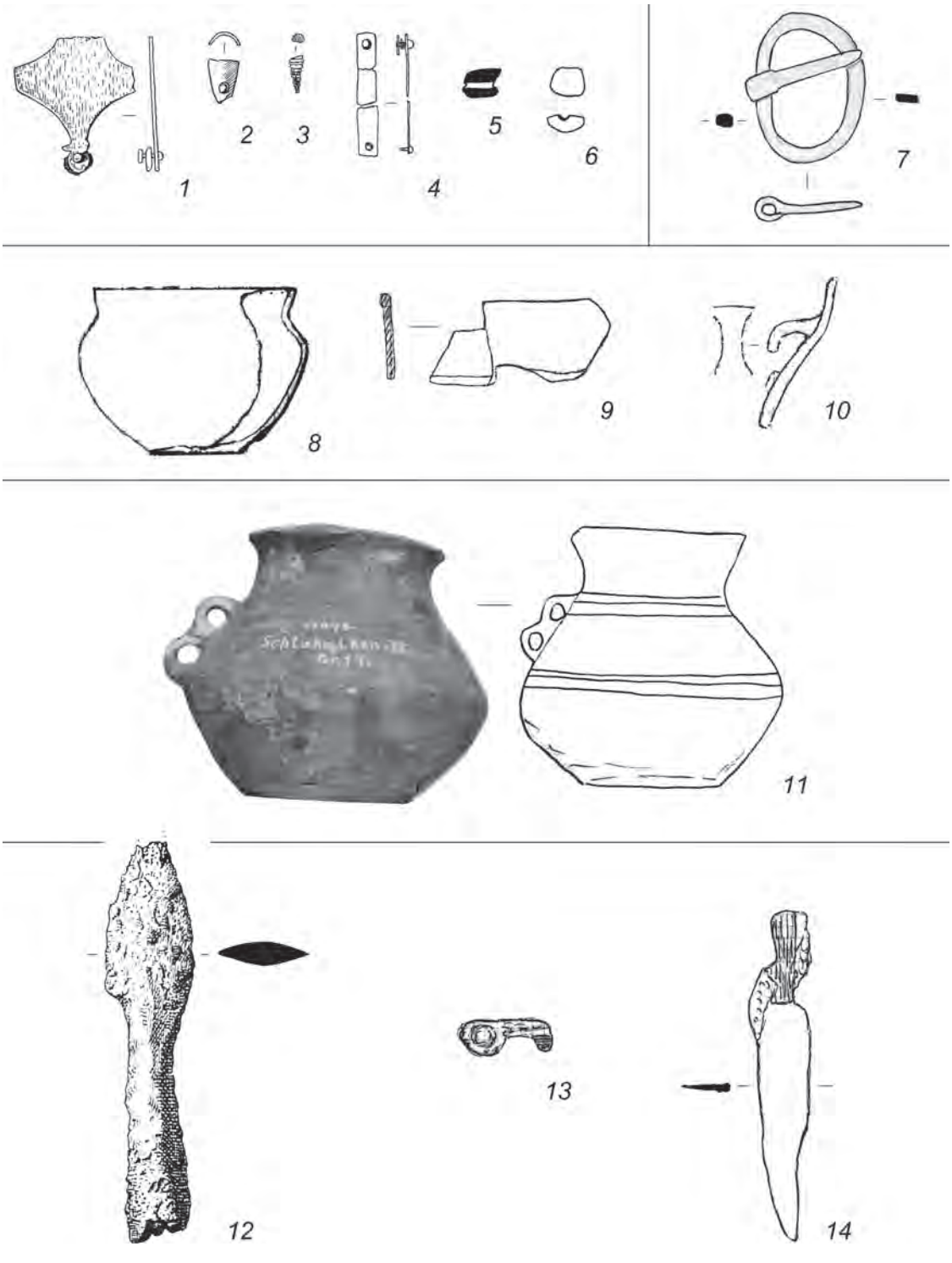

Табл. 109. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 5.1893 г. (*1–6*), 7.1893 г. (7), 8.1893 г. (*8–10*), 17.1893 г. (*11*), 18.1893 г. (*12–14*)
1: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 8; *2–6*: по Rudolf Grenz Archiv, B. 31, Kreis Schlakalken, Schlakalken IV; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4, 7, 8; *7–11, 13, 14*: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; *12*: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 10

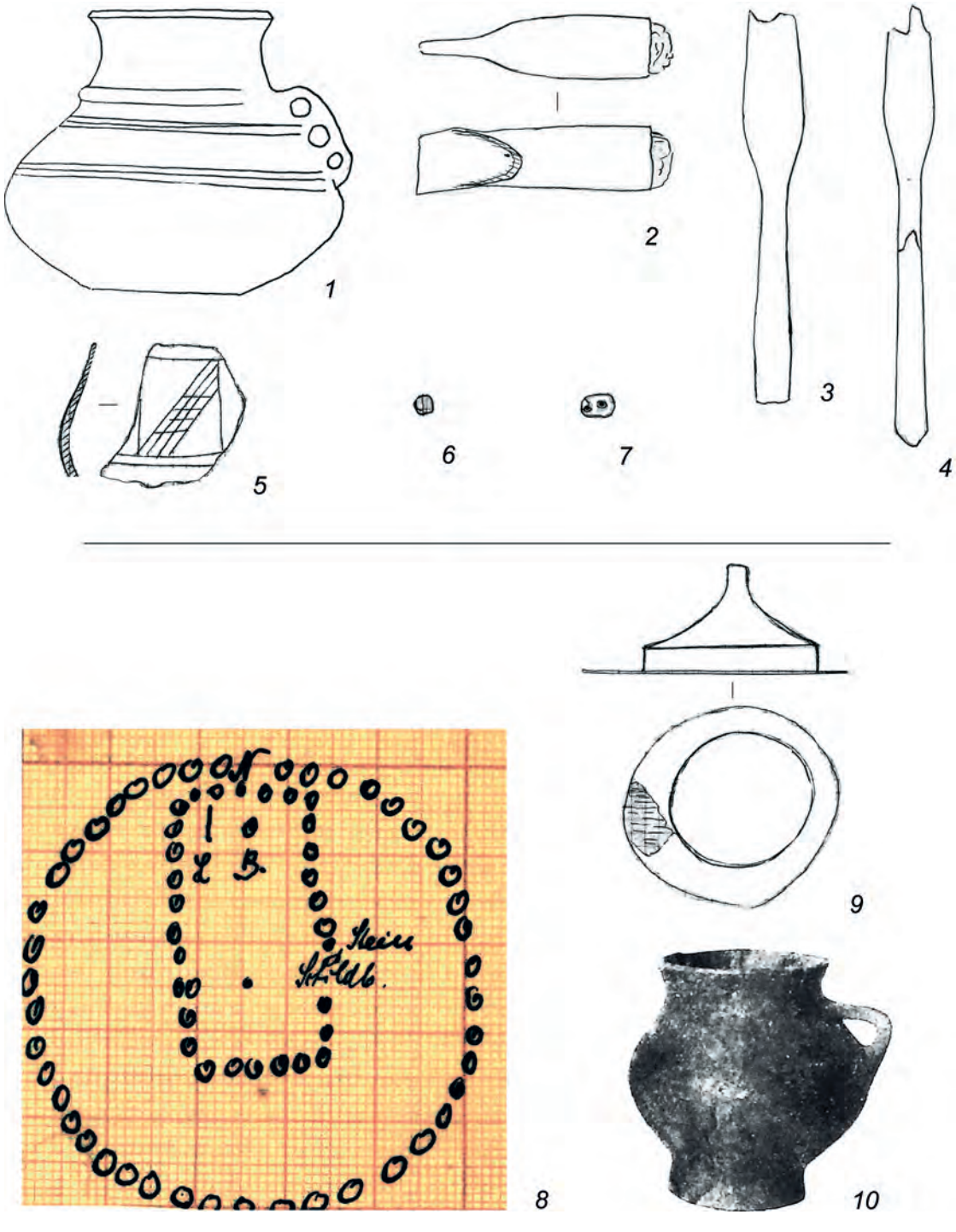

Табл. 110. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 12.1893 г. (*1–7*), 14.1893 г. (*8–10*)
№ 5–7 в картотеке Г. Янкуна отмечены знаком вопроса. Вероятно, их принадлежность погребению 12 предположительна.
1–10: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 4; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6

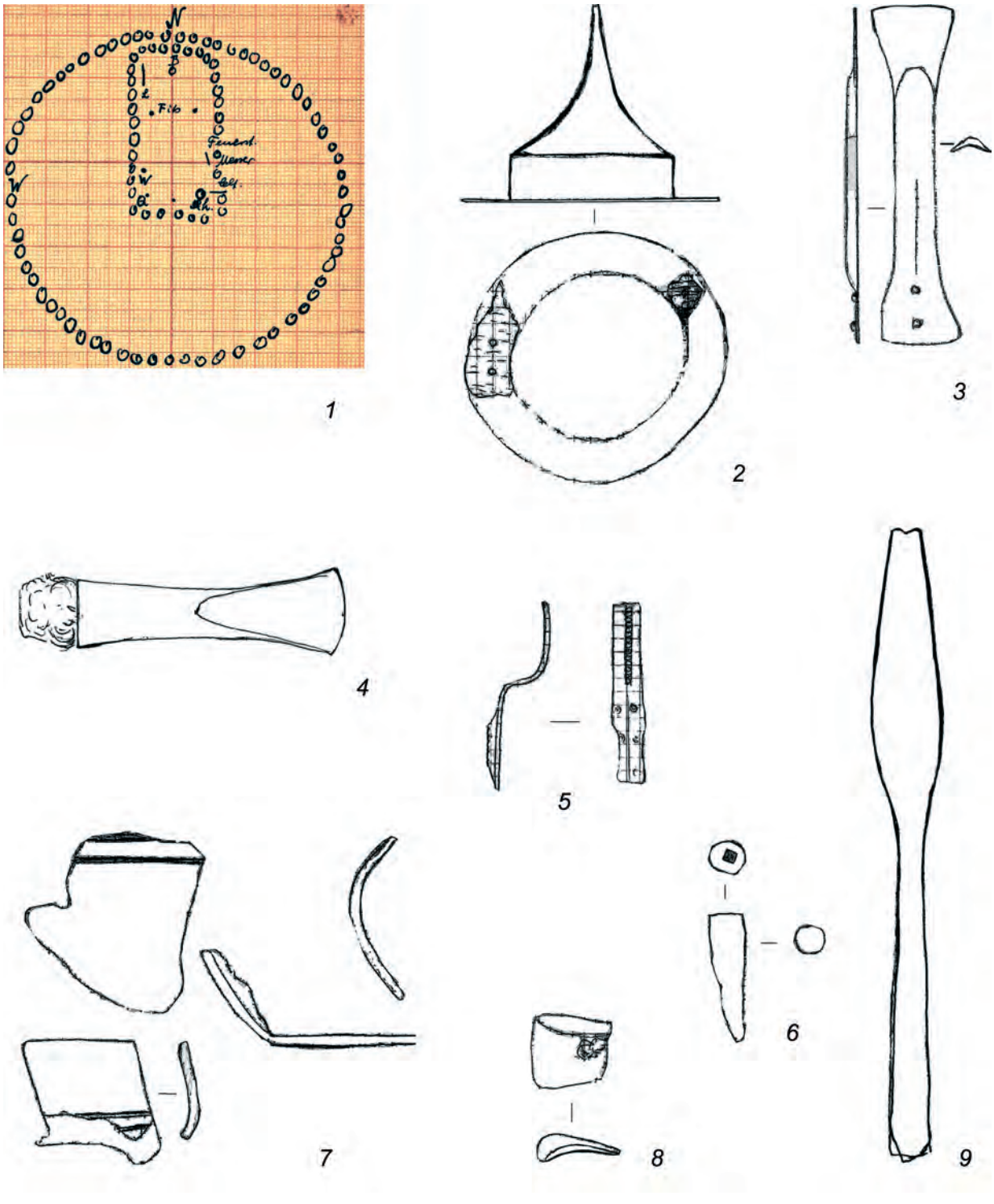

Табл. 111. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 13.1893 г.
По: Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken

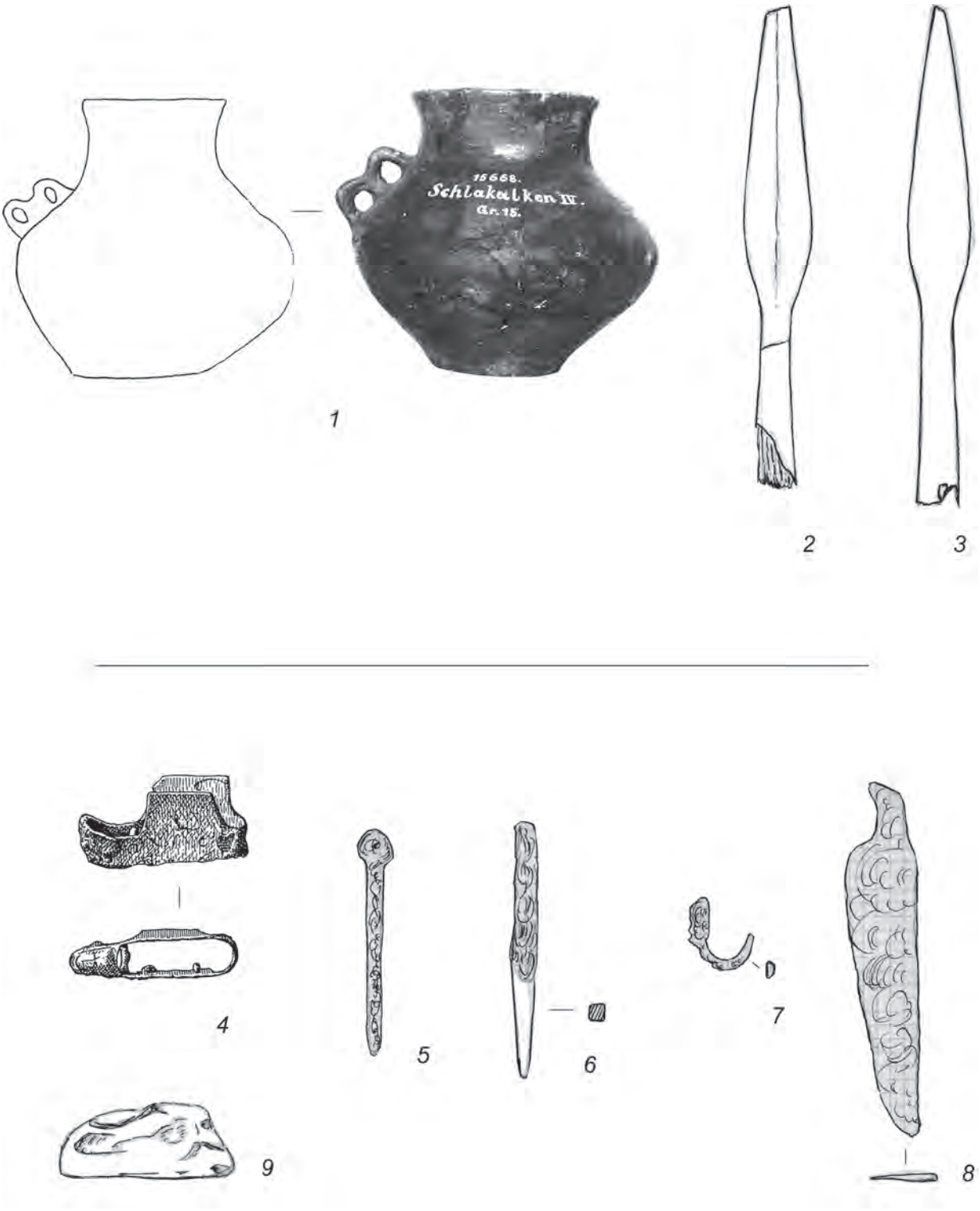

Табл. 112. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 15.1893 г. (*1–3*), 16.1893 г. (*4–9*)
1: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6; *2, 3, 5–9*: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; *4*: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 9

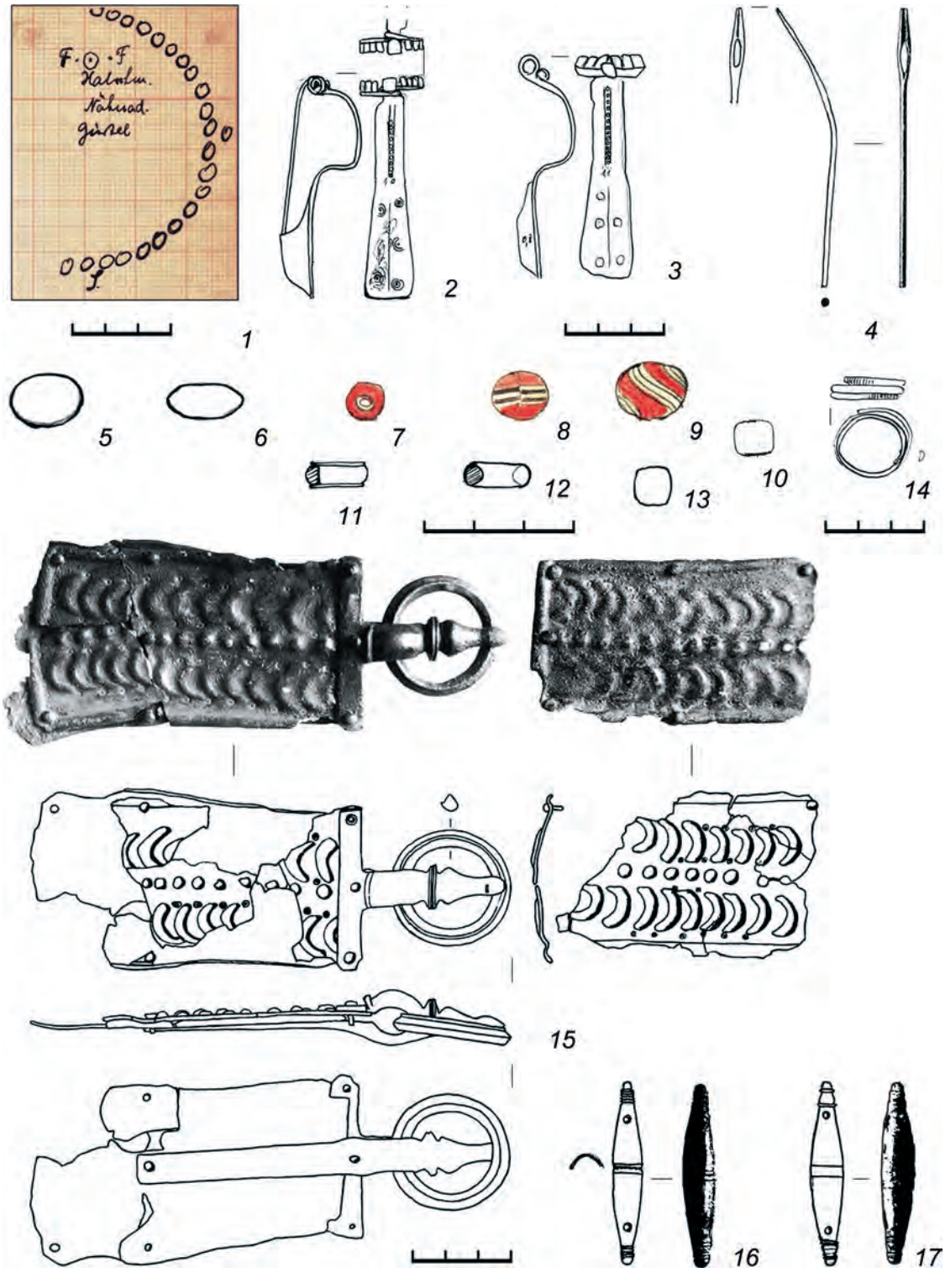

Табл. 113. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 20.1893 г.
По: *Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 4; 5; Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 8, 9

Табл. 114. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 20.1893 г.
Двухчастная застежка / пряжка самбийского пояса
Фото: Staatliche Museen zu Berlin- Preußischer Kulturbesitz Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv

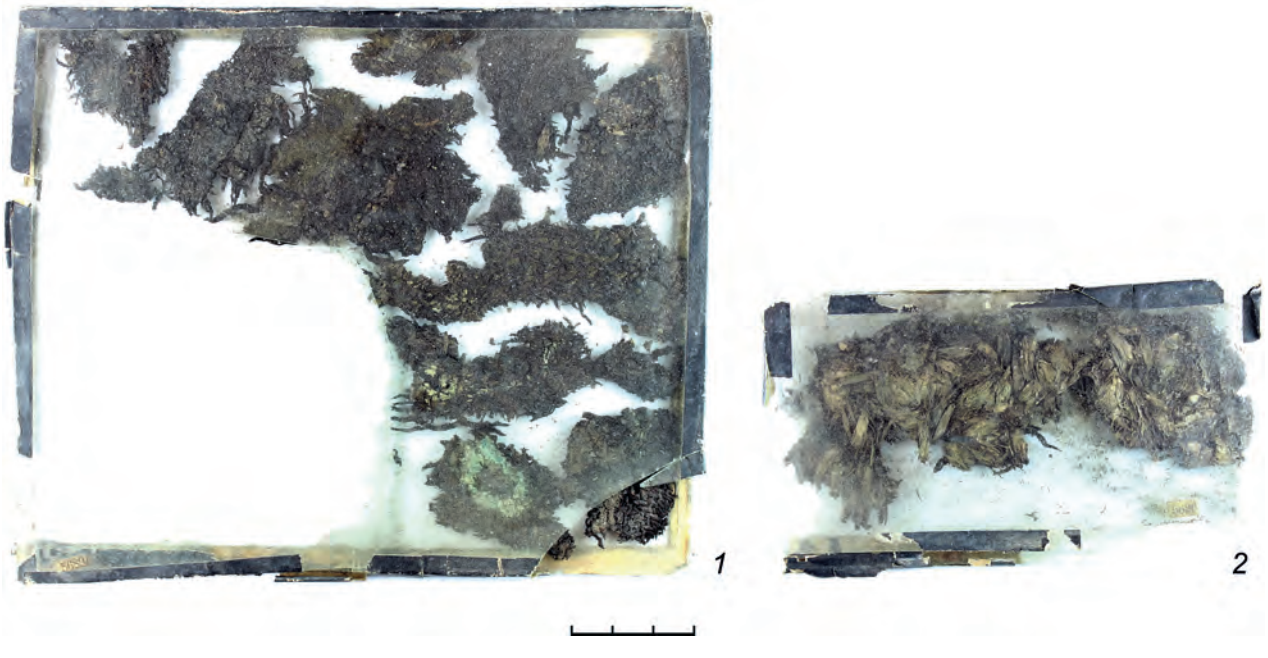

Табл. 115. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 20.1893 г. Ткань
Фото: Staatliche Museen zu Berlin- Preußischer Kulturbesitz Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv

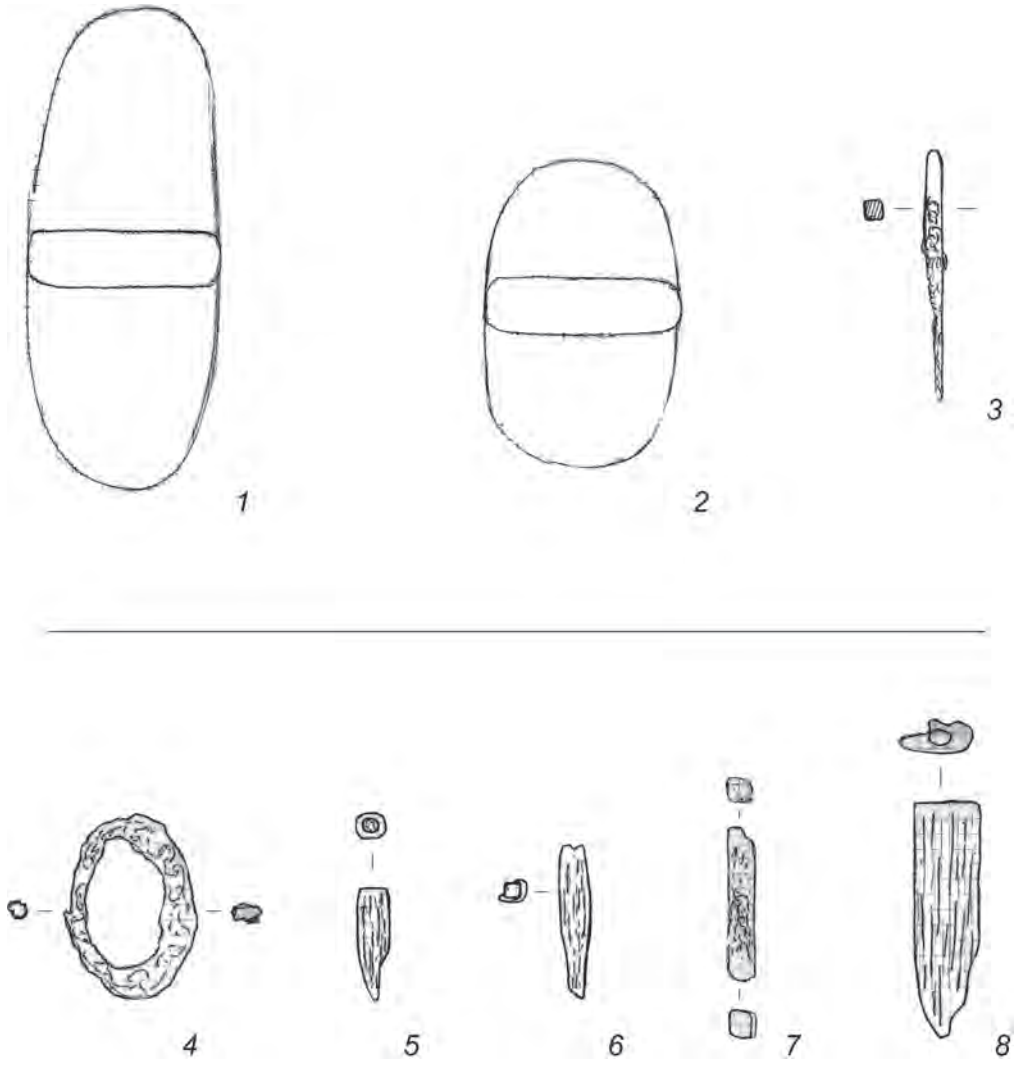

Табл. 116. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 21.1893 г. (*1–3*), 23.1893 г. (*4–8*)
По: Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken

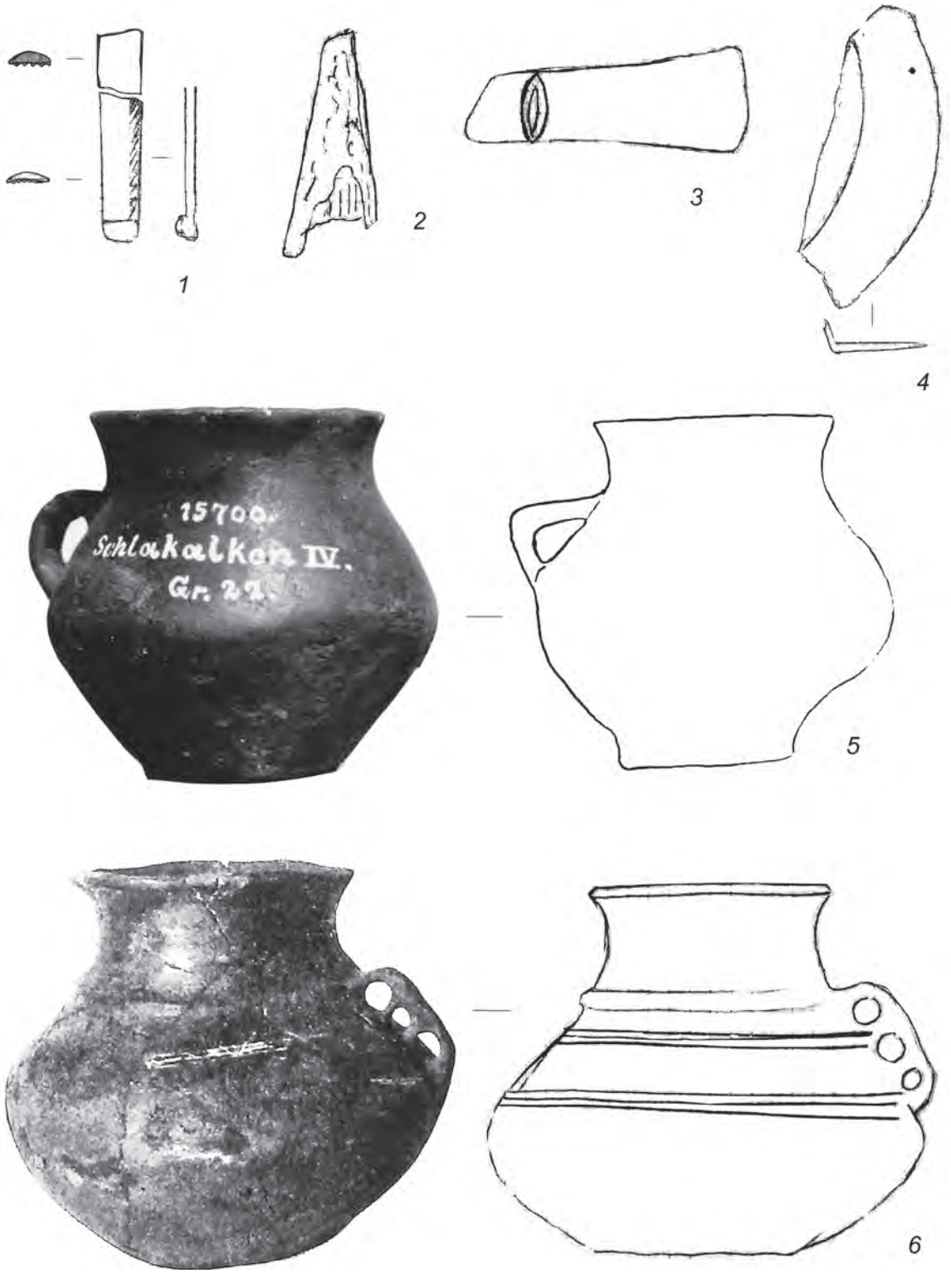

Табл. 117. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 22.1893 г.
1–4: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; *5*: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10; *6*: по *Jankuhn*, 1939. Taf. 1: *6*; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10

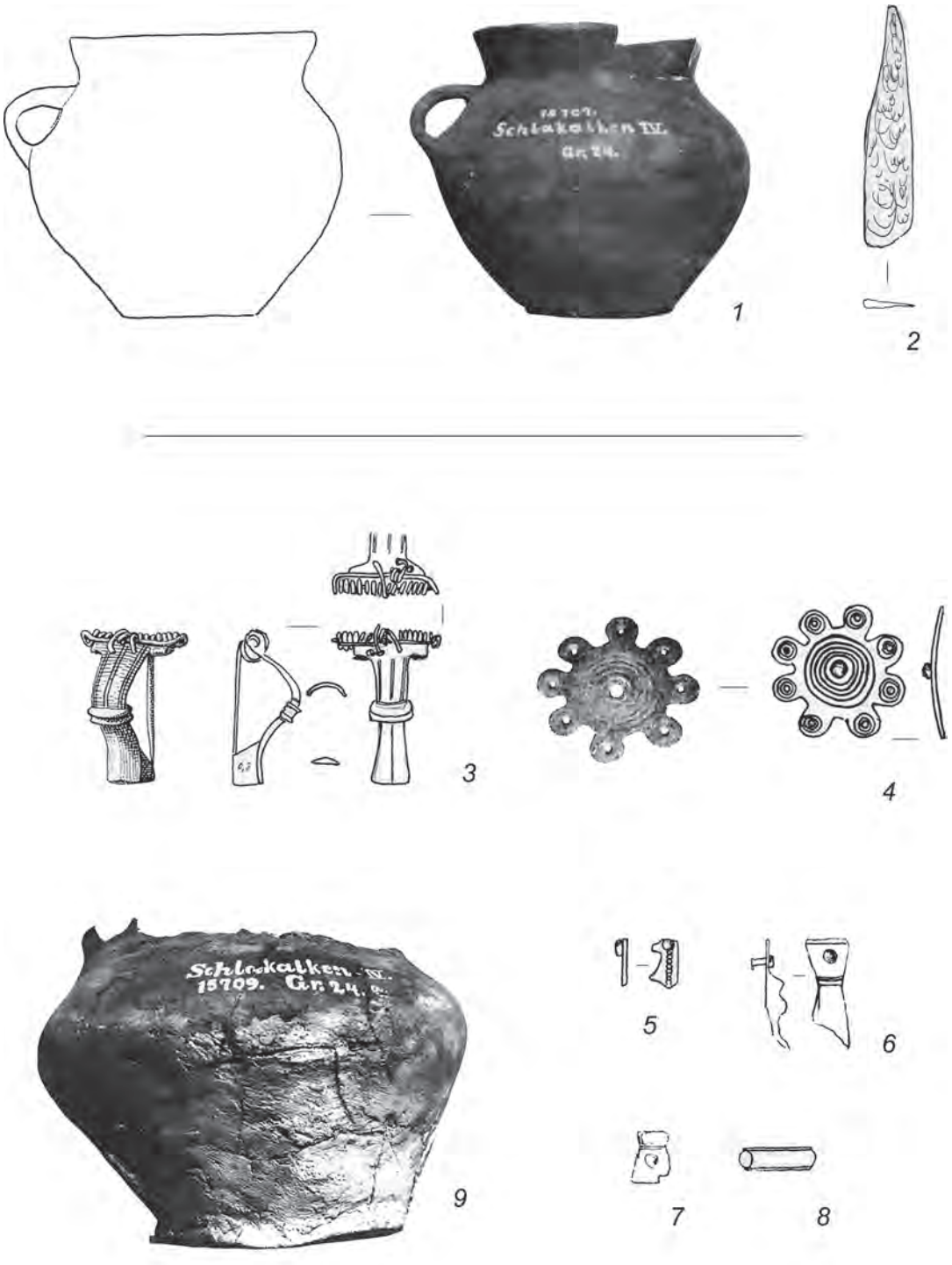

Табл. 118. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 24.1893 г. (*1, 2*), 24А.1893 г. (*3–9*)
1: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 11; *2*: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; *3–9*: по *Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 36: *e–h*

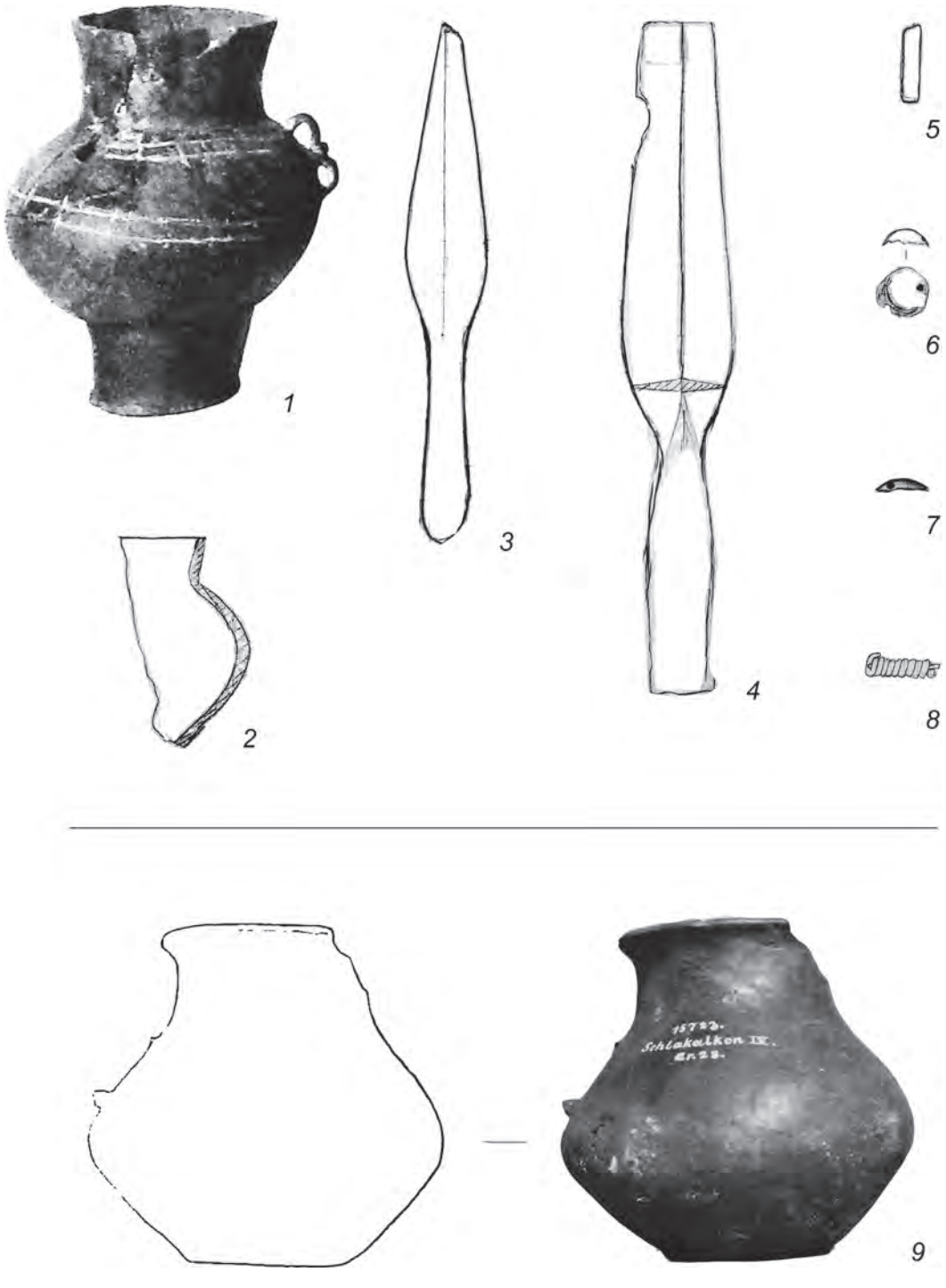

Табл. 119. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 26.1893 г. (*1–8*), 28.1893 г. (*9*)
1: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 7; *2–9*: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken

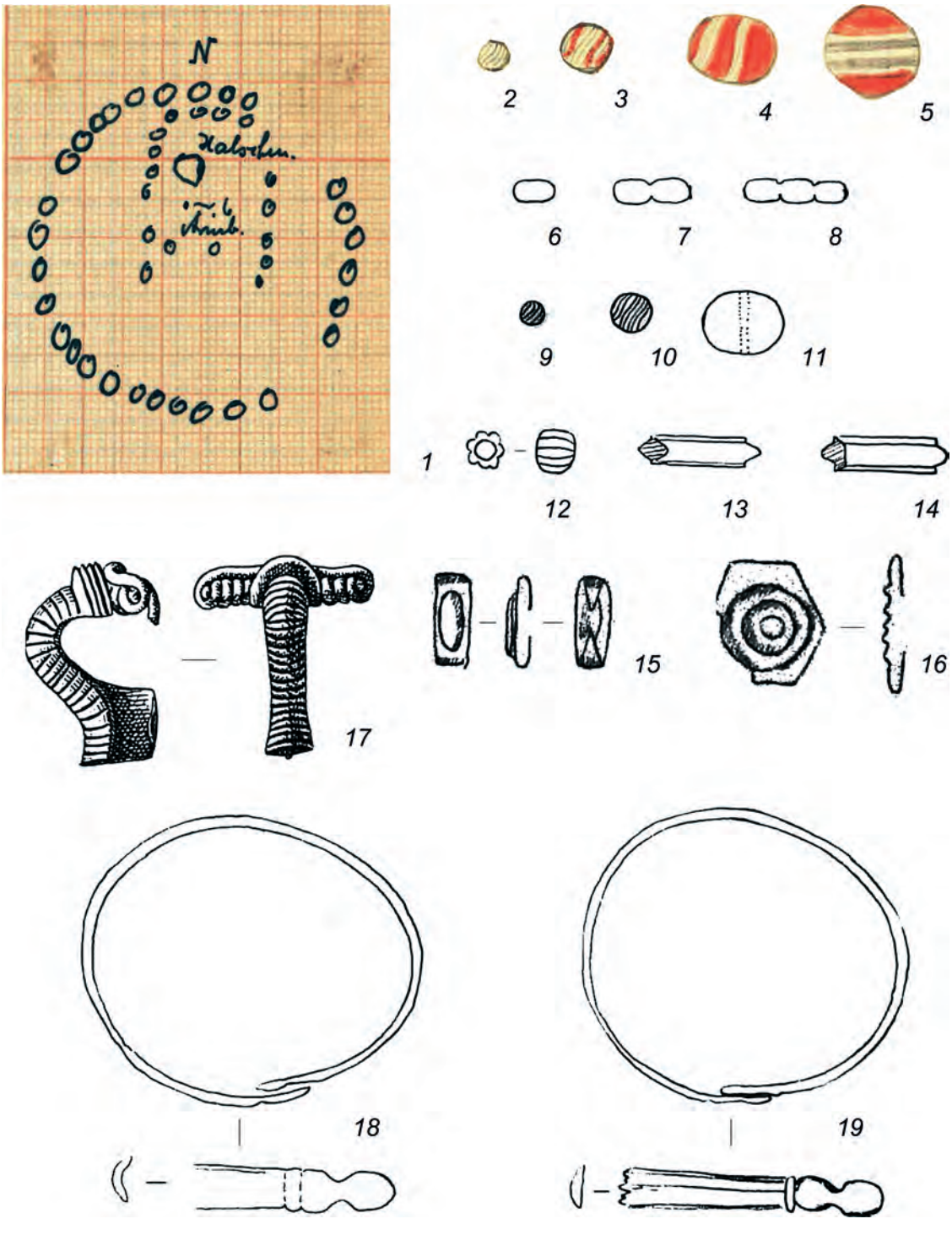

Табл. 120. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребение 29.1893 г.
1–5: по Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken; *6–16, 18, 19*: по Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 12–14; *17*: по *Jankuhn*, 1939. Abb. 13

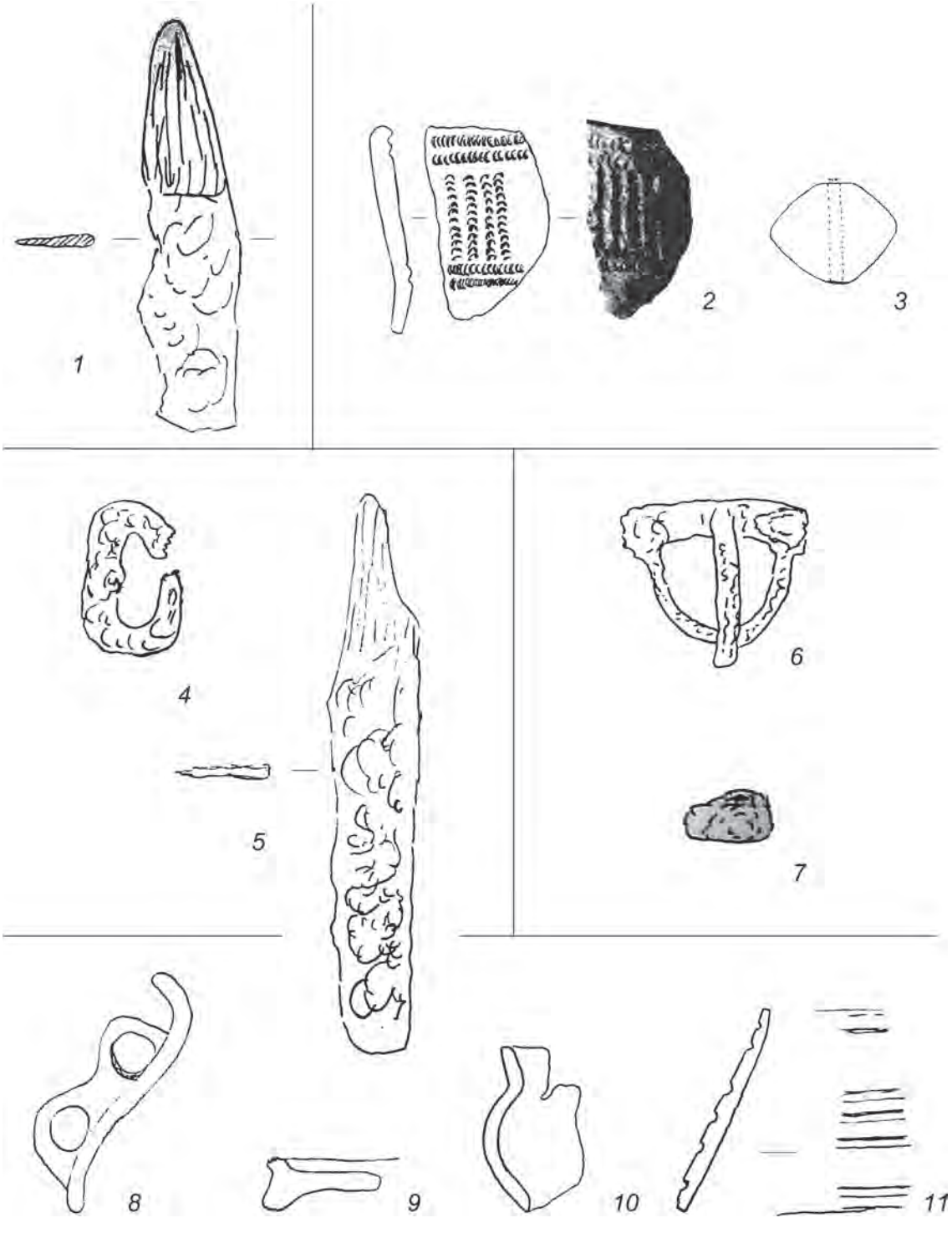

Табл. 121. Могильник Шлакалькен-2 (4). Погребения 31.1893 г. (*1*), 33.1893 г. (*2, 3*), 35.1893 г. (*4, 5*), 38.1893 г. (*6, 7*), 61А.1893 г. (?) (*8–11*)
1, 3–11: по Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14, 15; *2*: по *Jankuhn*, 1939. Taf. 1: *5*; Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14

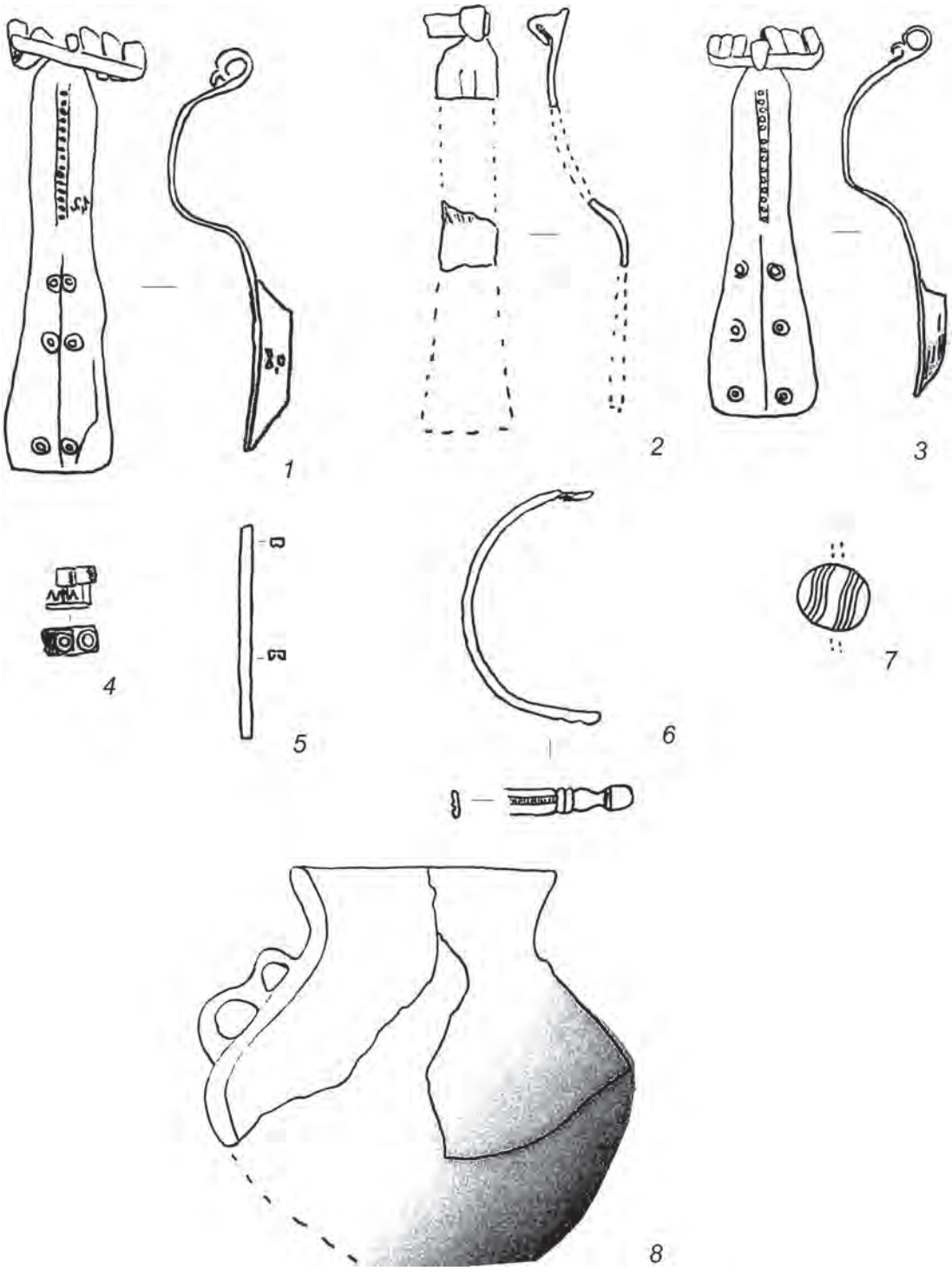

Табл. 122. Могильник Шлакалькен-2 (4). Контекст находок неизвестен
По: Rudolf Grenz Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 15

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Зальцман Э. Б., 2013. Отчет о раскопках могильника Заостровье-1 (вблизи поселка Заостровье, Зеленоградского района, Калининградской области) Самбийской археологической экспедицией в 2012 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 46701.

Лагуткина Е. В., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения Заостровье-7 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2010 году // Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 30077–30080.

Мастыкова А. В., 2012. Отчет о спасательных раскопках грунтового могильника Заостровье 2 (Schlakalken) Зеленоградского района Калининградской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 34904.

Юганов К. Л., 2012. Отчет об охранных археологических раскопках на грунтовом могильнике Заостровье 2 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 35879–35884.

Fēliksa Jākobsona arhīvs. Ieraksti «Kreis Fischhausen» // Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. Riga.

Herbert Jankuhn Archiv. Schlakalken // Archäologisches Landesmuseum in der Stifung Schleswig-Holsterinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumantationsarchiv.

Prussia-Archiv. Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbezitz, Museum für Von- und Frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr.

Rudolf Grenz Archiv. Zentralkatalog der ur- und frühgeschichtlichen Funde von Ostpreussen. Fischhausen. B 31, B 39, B 41 // Archäologisches Landesmuseum in der Stifung Schleswig-Holsterinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumantationsarchiv.

Samland-Archiv. Fundkartei. K-P // Archäologisches Landesmuseum in der Stifung Schleswig-Holsterinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumantationsarchiv.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. М.: Наука. 94 с. (САИ. Вып. Г 1-12).

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. М.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г 1-12).

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3. М.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г 1–12).

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э.– IV в. н. э. М.: Наука. 111 с. (САИ. Вып. Д1–30).

Белевец Г. В., 2014. О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь // Stratum plus. № 4. С. 159–177.

Вассар А. К., 1956. К изучению племен I–IV веков в Западной и Юго-Западной Эстонии // Вопросы этнической истории эстонского народа / Ред. Х. А. Моора. Таллин: Эстонское государственное издательство. С. 187–218.

Генчева Е., 2004. Римските фибули от България от края I пр. н. е. до края на VI в. н. е. Велико Търново: Фабер. 200 с.

Гуревич Ф. Д., 1960. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. / Отв. ред. М. И. Тиханова. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 328–452. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 76).

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016а. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: Исторический музей. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016б. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. М.: Исторический музей. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).

Добровольская М. В., 2010. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // К. Н. Скворцов. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 1. М.: ИА РАН. С. 199–217. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).

Добровольская М. В., 2018. Кремации из погребений могильника Заостровье-1 // М. М. Казанский, Э. Б. Зальцман, К. Н. Скворцов. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. С. 249–260. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 22).

Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Москлас. 160 с.

Казанский М. М., 2010. Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине // Археологические вести. 16. С. 123–134.

Казанский М. М., 2019. Река *Guthalus* и восточная граница расселения готов в Южной Прибалтике в эпоху Плиния и Тацита // Scripta Antiqua. Вып. VIII. С. 131–146.

Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н., 2018. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 312 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 22).

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2022а. Погребение римского времени в каменном круге на могильнике самбийско-натангийской культуры Шлакалькен-2 – Заостровье-2 // КСИА. Вып. 269. С. 148–161.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2022б. Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур этнонимов письменных источников // Друзей медлительный уход… Памяти Олега Шарова / Отв. ред. М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. Кишинев: Stratum Plus. С. 235–246.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., Скворцов К. Н., 2017. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // Российская археология. № 3. С. 28–45.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство // В. В. Латышев. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 228–247.

Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука. 167 с. (САИ. Вып. Г 1–9).

Кулаков В. И., 1994. Пруссы (V–XIII вв.). М.: Геоэко. 216 с.

Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик. 432 с.

Кулаков В. И., 2004. Долькайм-Ковров. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории Национальной академии наук Белоруссии. 135 с.

Кулаков В. И., 2005. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н. э. // Stratum plus. № 4. С. 278–382.

Кулаков В. И., 2007. Долькайм-Ковров. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт истории Национальной академии наук Белоруссии. 335 с.

Кулаков В. И., 2014. Hünenberg-«Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Barbaricum. Т. 10. С. 199–362.

Кулаков В. И., 2016а. Самбийские пояса и их прототипы // Слово.ру. Балтийский акцент. Вып. 1. С. 65–78.

Кулаков В. И., 2016б. Гребитен. Новые данные о старых раскопках // Университетский научный журнал. Вып. 20. С. 15–27.

Кулаков В. И., 2016в. Грунайки: воссоздание утраченных комплексов // Исторический формат. № 3. С. 62–78.

Кулаков В. И., 2017а. Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред. В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 103–113. (Раннеславянский мир. Вып. 19).

Кулаков В. И., 2017б. Меморативная традиция у эстиев и пруссов // Археологические вести. Вып. 23. С. 241–249.

Кулаков В. И., 2018. Сосуды типа *Wiekau* // Пытанні мастацвазнауства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 24. С. 418–424.

Кулаков В. И., 2019. Архаические формы обрядности в погребальных традициях эстиев // Journal of Frontier Studies. № 2. С. 52–61.

Куликаускене Р. К., 1953. Погребения с конями у древних литовцев // Советская археология. Вып. XVII. С. 211–222.

Мастыкова А. В., 2015. Стеклянные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 57–67, цв. вклейка.

Мастыкова А. В., 2019. Романово – Пугачевский пруд: грунтовый могильник римского времени в Северной Самбии. Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 116–119.

Мастыкова А. В., 2020. Погребения с оружием на могильнике римского времени Романово – Пугачевский пруд в Северной Самбии: автохтоны или мигранты? // Stratum plus. 4. С. 333–346.

Мастыкова А. В., 2024. О датировке «воинского» погребения с конем на могильнике римского времени Романово – Пугачевский пруд в Северной Самбии // Stratum plus. № 4. С. 109–122.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангийской культуры // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 74–79.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., 2021. Воин и боевой конь у эстиев: первые результаты исследования «всаднического» погребения римского времени на могильнике Романово – Пугачевский пруд // Stratum plus. 4. С. 61–78.

Мастыкова А. В., Юганов К. Л., 2019. Погребения с оружием на могильнике римского времени Заостровье-2 в Северной Самбии // Stratum plus. № 4. С. 211–234.

Михайлова Е. Р., 2018. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорульского. Минск, 6–7 декабря 2018 г. / Отв. ред. А. А. Егорейченко. Минск: Белорусский государственный университет. С. 173–184.

Могильников В. А., 1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. – III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 133–225.

Могильников В. А., 1979. Сравнительный анализ погребального обряда племен черняховской культуры и населения Готланда // Могильники черняховской культуры / Отв. ред. Э. А. Сымонович. М.: Наука. С. 142–162.

Никитина Г. Ф., 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 5–132.

Радюш О. А., Скворцов К. Н., 2008. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. I / Отв. ред. О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград: Янтарный сказ. С. 122–157.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2023. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: в 3 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова, И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН. 460 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2024. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: в 3 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А. В. Мастыкова, И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН. 452 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).

Скворцов К. Н., 2010а. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).

Скворцов К. Н., 2010б. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 2. 806 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).

Скворцов К. Н., 2013. Западные балты и их соседи на Вислинском заливе в римское время // Археология Балтийского региона / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 36–48.

Скворцов К. Н., 2014. Исследования ранней зоны могильника II–XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году // Stratum plus. № 4. С. 213–230.

Скворцов К. Н., Ибсен Т., 2010. Подкурганное захоронение середины II в. н. э. из могильника Березовка / Гросс Оттенхаген // Germania-Sarmatia. II: сб. науч. статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина / Ред. О. А. Щеглова и др.; сост. О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград: Калининградский областной историко-художественный музей; Курск: Курский государственный областной музей археологии. С. 253–276.

Столярова Е. К., 2001. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 194–222. (Труды ГИМ. Вып. 118).

Удальцов А. Д., 1946. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // Вопросы этногенеза. № 1. С. 41–50.

Хомякова О. А., 2010. Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. II: сб. науч. статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина / Ред. О. А. Щеглова и др.; сост. О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград: Калининградский областной историко-художественный музей; Курск: Курский государственный областной музей археологии. С. 277–289.

Хомякова О. А., 2011. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода римского влияния I–IV вв. н. э. (анализ компонентов и хронология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИА РАН.

Хомякова О. А., 2012. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Отв. ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 255–280.

Хомякова О. А., 2014. Культура Долькайм-Коврово (самбийско-натангийская): подходы к дефинициям общности // Российская археология. № 1. С. 163–172.

Хомякова О. А., 2015. Стиль ажурной орнаментики римского времени в Юго-Восточной Прибалтике // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Отв. ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 190–230.

Хомякова О. А., 2016. Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Долькайм-Коврово // КСИА. Вып. 243. С. 33–49.

Хомякова О. А., 2017. Фибулы-броши в культурах Восточной Балтии // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред. В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 149–160. (Раннеславянский мир. Вып. 19).

Хомякова О. А., 2018. Неизвестная коллекция предметов из музея «Пруссия» в фондах Государственного исторического музея («Дар директора Бецценбергера») // КСИА. Вып. 253. С. 220–234.

Хомякова О. А., 2021. Варварские фибулы I–II вв. (группа V по О. Альмгрену) и формирование региональной модели женского убора в Юго-Восточной Прибалтике // Российская археология. № 2. С. 73–90.

Хомякова О. А., 2022а. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН. 320 с. (Германия – Сарматия. Монографии. Вып. 1).

Хомякова О. А., 2022б. Пряслица Юго-Восточной Прибалтики (по материалам культур Калининградского полуострова I–VIII вв.) // КСИА. Вып. 267. С. 242–260.

Хомякова О. А., 2024а. Стеклянные бусы Юго-Восточной Прибалтики по данным могильников Калининградского полуострова // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции (29 сентября – 1 октября 2020 г., Москва) / Отв. ред. О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 73–86.

Хомякова О. А., 2024б. Браслеты с расширенными концами самбийско-натангийской культуры IV–V вв. // КСИА. Вып. 275. С. 330– 347.

Шелов-Коведяев Ф. В., 1994. Птолемей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература РАН. С. 46–62.

Шимански П., 2003. Микрорегион эпохи римского влияния вокруг озера Салент // Archaeologia Lituana. Т. 4. С. 82–95.

Шмидехельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии. Таллин: Эстонское государственное издательство. 272 с.

Шувалов П. В., 2015. Винды и инды на Балтике // Stratum plus. № 4. С. 175–182.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. СПб: Фарн. 324 с.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 576 с.

Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala: A.-B. Akademiska Bokhandeln; Leipzig: O. Harrassowitz. 175 S.

Almgren O., 1897. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm: Habelt. 243 S.

Almgren O., 1923. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Kurt Kabitzsch (Mannus-Bibliothek, Nr. 32). 254 S.

Almgren O., Nerman B., 1923. Die Ältere Eisenziet Gotlands. Stockholm: Kungl. Vitterhets Hisotiae och antikvitets Akademien. 152 S.

Andrzejowski J., Cieśliński A., 2007. Germane i Baltowe u schyłku starożytności. Przyjatne związki czy wrogie sąsiedstwo? // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 279–320.

Banytė-Rowell R., 2015a. Seeking the beginning of the Early Roman Iron Age in the Memelkultur Area: steps in the dark // Barbaricum. T. 11. P. 37–50.

Banytė-Rowell R., 2015b. Connections between the Memelkultur Area and Dollkeim-Kovrovo Culture according to Data from Archaeological Archives // Arcaeologia Baltica. T. 21–22. P. 40–57.

Beljavec V., 2016. Zapinki grup III i IV O. Almgrena na Białorusi // Pogranicze trzech światów – Mazowsze u schyłku starożytności / Red. A. Jarzec, W. Nowakowski, A. Szela. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 53–88. (Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. Vol. XVII).

Bemmann J., 1999. Körpergräber der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Schleswig-Holstein. Zum Aufkommen einer neuen Bestattungssitte im überregionalen Vergleich // Studien zur Sachsenforschung. Band 13. S. 5–45.

Bertašius M., 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Band I. Kaunas: Kauno technologijos universitetas. 296 S.

Beskow-Sjöberg M., 1977. The Archaeology of Skedemosse. IV. the UIron Age Settlements of the Skedemosse Area on Öland, Sweden. Stockolm: Alwqvist & Wiksell International. 144 p.
Bezzenberger A., 1896. Das Gräberfeld bei Rominten // Prussia. Heft 20. S. 35–56.
Bezzenberger A., 1900. Fundberichte. Gräberfeld bei Barsduhnen. Kr. Heydakrug // Prussia. Heft 21. S. 112–118.
Bezzenberger A., 1904. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg: Verlag Gräfe & Unzer. 108 S.
Bezzenberger A., 1909. Fundberichte. A. Hügelgräber // Prussia. Heft 22. S. 1–43.
Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Notrheastern Poland. Warszawa: Panstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie-Fondacja Monumenta Archaeologica Barbarica. 326 p.
Bitner-Wróblewska A. (ред.), 2008. Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия». Olsztyn: Archimum Panstwowe w Olsztyne. 448 с.
Bitner-Wróblewska A., 2010. North-eastern Poland in first centuries AD – a world apart // Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age / Red. U. Lund Hansen, A. Bitner-Wróblewska. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. P. 141–184.
Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W., 2015. Aestii Tacyta. Kim naprawdę byli? // Barbaricum. T. 11. S. 65–78.
Bliujienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpinai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 750 p. (Lietuvos archeologija III tomas).
Bliujienė A., Stančikaitė M., Piličiauskienė G., Mažeika J., 2017. Human-Horse Burials in Lithuania in the Late Second to Seventh Century ad: A Multidisciplinary Approach // European Journal of Archaeology. 2017. P. 1–28.
Blumbergs Z., 1982. Bronzebuckelchen als Trachtzier: zu den Kontakten Gotlands mit dem Kontinent in der älteren Römischen Eisenzeit. Stockholm: Institute of Archaeology, University. 142 p. (Theses and Papers in North-European Archaeology. Nr. 12).
Chilińska-Drapella A., 2010. Próba nowego spojrzenia na «pasy sambijskie» // Wiadomości Archeologiczne. T. LXI. S. 3–79.
Chilińska-Früboes A., 2015. Rzymska fibula z d. Kirpehnen // Barbaricum. T. 11. S. 99–114.
Chilińska-Früboes A., 2017. Zapinki oczkowate serii pruskiej z terenu kultury Dollkeim-Kovrovo // Wiadomości Archeologiczne. T. LXVIII. S. 45–106.
Chilińska-Früboes A., 2018. Zapinki oczkowate serii głównej jako głos w dyskusji nad początkami kultury Dollkeim-Kovrovo // Materiały do Archeologii Warmii i Mazur. T. 2. S. 15–41.
Chilińska-Früboes A., 2019. Local fashion and when did it start? The earliest copper-alloy artefacts oramented with iron inlys discovered in the area of the Dollkeim-Kovrovo Culture // Interacting Barbarians. Contacts, Exchange and Migrations in the First Millenium AD / Hrsg. A. Cieśinski, B. Kontny. Warszawa: Uniwersytet Warszawski; Braunschweig: Braunschweigisches Landesmuseum; Schleswig: Zentrum für Baltische und Scandinavische Archäologie. P. 37–46.
Cieślinski A., 2010. Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur au Łyna, Pasłęka und Oberer Drwęca. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin-Stiftung Preussischer Kulturbesitz; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawkiego. 398 S.
Dąbrowska T., 1998. Die kräftig profilierten Fibeln Almgren Gruppe IV, Fig. 74–84 (Trompetenfibeln) – mit einem Ausblick auf die östlischen Formen. Gruppe V // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 149–156.
Eggers H. J., 1951. Der römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte 1. Hamburg: Hamburgisches Musueum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 128 p.
Elschek K., 2017. Rímske emailové spony zo Slovenska a nové nálezy emailových spôn zo Záhoria // Římské a germánské spony ve střední Evropě / Eds. E. Droberjar, B. Komoróczy. Brno: Archeologický ústav AV ČR. S. 169–180 (Archeológia barbarů 2012).
Engel C., La Baume W., 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit in Preußenlande. Königsberg: Verlag Gräfe und Unzer. 292 S.

Fauduet I., 1999. Fibules préromaines, romaines et méroingiennes du Musée du Louvre. Paris: Presses de l'Ecole normale supérieure. 118 p.

Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 S.

Ginalski J., 1991. Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archaeologiczny. T. 38. S. 53–84.

Godłowski K., 1974. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. XII. P. 9–109.

Godłowski K., 1981. Kultura przeworska // Prahistria ziem polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski / Red. J. Wielowieiski. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Ossolineum. S. 57–135.

Godłowski K., 1994. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. S. 169–178.

Grenz R., 1961. Die Urgeschichte des Kreises Angeburg / Rotenburger Schriften. Band 5 (Wümme und Kreisvereinigung für Heimat und Kulturpflege). Rotenburg: Heimatbund Rotenburg. 70 S.

Gręzak A., 2007. Groby koni na cmentarzyskach kultury bogaczewskiej // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 353–367.

Grižas G., Bitner-Wróblewska A., 2007. Ceramika kultury bogacziewskiej z południowej Litwy // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 261–278.

Hagberg U. E., 1986. Preroman and roman Period in southern Sweden with examples from East ans West // Archaeologia Baltica (Peregriantio Gothica). T. 7. P. 17–26.

Hedeager L., 1992. Iron-Age societies: from Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford-Cambridge: Blackwell. 264 p.

Hilberg V., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeiziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren–Tumiany i Kielary, Band 2. Neumünster: Wachholtz Verlag. 615 S. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Band 9).

Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Berlin: Kommissions-Verlag von Carl Flemming. 234 S.

Hollack E., Peiser F. E., 1904. Das Gräberfeld von Moythinen. Königsberg: Verlag von Gräfe & Unzer. 58 S.

Ibsen T., 2003. Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka / Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet Eine archivalische Studie. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M. A.). Kiel: Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität Kiel. 366 S.

Ilkjær J., 1990. Illeurp Ådal. 1. Die Lanzen und Speere. Textband. Århus: Jysk Arkæologisk Selskab. 404 S.

Ilkjær J., 1993. Illerup Ådal. 3. Die Gürtel. Bestandteile und Zubechör. Textband. Århus: Jysk Arkæologisk Selskab. 453 S.

Istvánovits E., Kulcsár V., 1995. Szálfegyverek és íjak a Dunától keletre fekvő kárpát-medencei szarmata Barbaricumban // Altum Castrum. T. IV. P. 9–32.

Iwanicki P., Juga-Szymańska A., 2007. Horyzon 1. kultury bagaczewskiej w świetle analizy wybranych typów zabytków // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 41–71.

Iwanicki P., Szymański P., 2007. Badania w 2002 roku cmentarzyska kultury bogaczewskiej w Czerwonym Dworze (stanowisko XV) w Puszczy Boreckiej // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 369–382.

Jahn M., 1921. Der Reitersporn, seine Entstehung und früheste Entwicklung. Leipzig: C. Kabitzsch. 130 S.

Jankuhn H., 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande // Prussia. Heft 30 / I. S. 166–201.

Jankuhn H., 1939. Ein Gräberfeld der ersten Jahrhunderte v. Zr. aus Schlakalken, Kr. Fischhausen // Prussia. Heft 32/2. S. 245–260.

Jaskanis D., Jaskanis J., 1961. Sprawozdanie z badań w 1957 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. 27 / 1. S. 27–47.

Jaskanis D., Jaskanis J., 1966. Sudaisches Siedlungskomplex aus der späten Römischen Periode und Völkerwanderungszeit in Osowa, Kreis Suwałki // Acta Baltico-Salvica. T. 4. S. 109–150.

Jaskanis J., 1958. Sprawozdanie z badań w 1956 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. 25. S. 75–98.

Jaskanis J., 1966. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millenium of Our Era // Acta Baltico-Slavica. T. 4. S. 29–66.

Jaskanis J., 1974. Obrądek pogrzebowy zachodnich Bałtów u schyłku starożytności (I–V w.n.e.). Wroclaw-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy im Ossolińskich. 498 s. (Biblioteka Archeologiczna, 23).

Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. IV. S. 239–350.

Jaskanis J., 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w połnochno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stwarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie. 326 s.

Jaskanis J., Okulicz J., 1981. Kultura zachodniobałtyjska // Prahistoria ziem polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski / Red. J. Wielowiejski. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum. S. 216–263.

Jaźdźewski K., 1988. Drogi przemieszczeń niektórych plemion zachodnioslawańskich, głównie nadbaltyckich // Pomorania Antiqua. T. 13. S. 81–102.

Jentzsch A., 1896. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseums in der Jahren 1893–1895. III. Prähistorische Sammlung // Schriften der Königlichen Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Jg. 37. S. 115–125.

Juga-Szymańska A., 2007. Cmentarzysko kultury bogaczewskiej w Gutach (byłe Gutten, Kr. Lötzen). Proba rekonstrukcji wyników badań // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 393–412.

Kaczyński M., 1958. Dwa cmentarzyska kurhanowe z V–VI w. we wsi Prudziski, pow. Suwałki // Materiały Starożytne. T. III. S. 115–155.

Kaczanowski P., 1995. Klasyfikacija grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk, Uniwersitet Jagelloński. 78 s.

Karczewski M., 1999. Chronologia grobów z bronią odkrytych na cmentarzyskukultury bogaczewskiej i wedrówek ludów w Paprotkach Kolonii, stan. 1 w Kraine Wielkich Jezior Mazurskich // Archaeologia Lituana. T. 1. P. 72–109.

Khomiakova O., 2015. Disc brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the first centuries AD // Archaeologia Baltica. Vol. 21–22. P. 14–39.

Khomiakova O., 2016. The Landscape and spatial analyses of Roman Period archaeological sites at the Eastern border of Dollkeim-Kovrovo / Sambian-Natangian culture // Archaeologia Baltica. Vol. 23. P. 14–40.

Khomiakova O., 2017. The Origins of Cuff Bracelets in West Balt Cultures (according to Data from Sambian-Natangian Culture Cemeteries) // Lietuvos Archeologia. T. 43. P. 63–85.

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin+Göögs AB. 90 S.

Klebs R., 1876. Bericht über die neuen Ausgrabungen in Tengen bei Brandenbrung (Natangen) // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg in Preußen. Jg. 17. S. 51–62.

Kleeman J., 2017. Die Ausgrabungen des städlischen Museums Marienburg im Gräberfeld Malbork-Wielbark Fundstelle 1 in den Jahren 1927–1932, 1934 und 1936. Lublin: Wydawnictwo Uniwersitetu Marie Curie-Skłodowskiej. 430 S.

Kolendo J., 1981. A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Néron. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 116 p.

Kolendo J., 1984. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej: lokalizacja i rzeczywistość etniczna // Przegląd Historyczny. T. 75 / 4. S. 637–653.

Kolendo J., 1992. Roman Acquaintance with the South-East Baltic Coast. The Karbones of Ptolemy // Barbaricum. 1992. 2. S. 186–190.

Kolendo J., 2008. Ziemie u południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku w źródłach antycznych // Pruthenia. T. IV. S. 11–41.

Kolendo J., 2009. Tacyt o bursztynie w kraju Estiów. Rzeczywistość i ideologia // Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam / Red. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 127–137.

Kontny B., 2017a. Brothers-in-arms. Balt warrionrs and their interregional contacts in the Roman and Migration periods (the case of the Bogaczewo and Sudowian cultures) // Lietuvos Archeologija. T. 43. P. 11–62.

Kontny B., 2017b. Really unique? On the Swords in the West Balt Circle // Študijné Zvesti AÚ SAV. T. 61. P. 85–116.

Kontny B., 2019. Archeologia wojny. Ze studiów nad uzbrojeniem barbarzyńskiej Europy okresów wpływów rzymskich i wędrowek ludów. Oświęcim: Wydawnictwo Napoleon V. 226 S.

Kunow J., 1998. Die Hauptserie der Augenfibeln: Gruppe III, Fig. 45–54 // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 119–124.

La Baume W., 1942. Ein Altpreuβisches Frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, Kreis Samland // Alt-Preuβen. Jg. 7. 16 S.

La Baume W., Gronau W., 1940. Das Gräberfeld von Rachzki, Kreis Suwalki // Alt-Preuβen. Jg. 5. S. 59–61.

Lang V., 1996. Muistne Rävala – muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus. 629 p.

Lang V., 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu University Press. 300 p. (Estonian Archaeology. 3).

Łapo J. M., 2007. Łucznik i topielec. O ornamentyce «personalnej» na popielnicach kultury bogaczewskiej // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 413–420.

Lau N., 2014. Die Pferdegeschirre. Germanische Zaumzeuge und Satelgeschirre als Zeugnisse kriegerischer Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum // Das Thorsberger Moor. Band 1 / Hrsg. Claus von Carnap-Bornheim. Schleswig Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie in der Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseen Schloss Gottorf; Verein zur Förderung des Archäologischen Landesmuseums. 484 S.

Machajewski H., 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, östlichen Teil Mitteleuropas // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 187–196.

Machajewski H., 2013. Gronowo. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Westpommern. Warszawa-Szczecin-Gdańsk: Fundcija Monumenta Archaeolovgica Barbarica. 210 s.

Madyda-Legutko R., 1983. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny. T. 31. S. 91–133.

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: B. A.R. 322 S. (BAR International Series 360).

Madyda-Legutko R., 2011. Studia nad zróżnicowaniem metalowych czejci pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa. Kraków: Historia Iagellonica. 312 s.
Madyda-Legutko R., 2015. Bemerkungen zur Männertracht bei Bevölkerung der Wielbark-Kultur auf der Grundlage der metallen Gürtelteile // Barbaricum. T. 11. S. 437–450.
Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje. I–IV amžius. Vilnius: Mokslas. 272 p.
Michelbertas M., 1997. Paragaudžio polkapynas. Vilnius: Vilnius universitetas Archeologijos katedra. 212 p.
Michelbertas M., 1998. Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 425–432.
Michelbertas M., 2006a. Akmenių ir Perkūniškės pilkapiai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. 154 p. (Lietuvos Laidojimo paminklai. 2).
Michelbertas M., 2006b. Mikužių kaponyno (Klaipėdoc rajonas) radiniai // Archaeoligia lituana. T. 6. P. 94–111.
Müller-Wille M., 1971. Pferdgrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. Jaargang 20–21. S. 119–248.
Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J., 2011. Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2011. 432 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica. T. XVII).
Nowakiewicz T. (red.), 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego. 640 s.
Nowakowski W., 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami baltyjskiego ludu z Pojezerza Mazurskiego // Barbaricum. T. 4. S. 5–126.
Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. 169 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).
Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin. 188 S. (Bestandkataloge des Museums für Vor- und Frühgeschichte. 6).
Nowakowski W., 2007. Po obi stronach Pasłęku – puchary grupy VIII v Sambii // Nowe materiały i interpretacje. Stan diskusjin a temat kultury wielbarskiej / Red. M. Fudziński, H. Paner. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. S. 259–272.
Nowakowski W., 2009a. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich // Pruthenia. T. IV. S. 43–85.
Nowakowski W., 2009b. Horse Burails in Roman Period Cemeteries of the Bogaczewo Culture // Archaeologia Baltica. Vol. 11. P. 115–129.
Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od pózdnego paleolitu do YII w. n.e. Wrozlaw: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 S.
Okulicz J., 1986. Einige Aspekte der Ethogenese der Balten und Slawen im Lichte archäologischer und sprachwissenschaftlicher Forschungen // Quaestiones Medii Aevi. T. 3. S. 7–35.
Okułicz Ł., 1970. Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 264 s.
Olędzki M., 1998. Rollenkappenfibeln der östlichen Hauptserie Almgren 37–41 und die Varianten Fig. 42–43. Gruppe III // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 67–86.
Olldag I. E., 1992. Glasperler I danske fund fra romersk jernalder // Aaabøger For Nordisk Oldkyndighed Og Historie. S. 193–280.
Olli M., Roxburgh M. A., 2018. Disc Brooches of the Roman Iron Age from the Tarand Cemeteries of Estonia and North Latvia // Lietuvos Archeologia. T. 44. P. 39–70.

Ørsnes M., 1993. Zaumzeugfunde des 1.–8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa // Acta Archaeologica. T. 62 / 2. S. 183–292.

Pekkanen T., 1968. The ethnic origin of the Δουλοϛποροι. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy. 190 p. (Arctos Suppl. I).

Pietrzak M., 1997. Pruszcz Gdański, Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern. Kraków: Secesija. 268 S.

Pietrzak M., Roźnowski F., 1996. Niezwykle pochówki z późnego okresu rzymskiego z Pruszczza Gdańskiego, stanowisko 5 // Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczwi-Kozarynowi w sześćdziesątą piątą rocznicę urodzin / Ed. W. Nowakowski. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 193–198.

Pietrzak M., Roźnowski F., 2015. Dwa intersujące groby szkieletowe ludności ultury wielbarskiej odkryte na cmentarzysku w Pruszczu Gdańskiem, stan. 7 // Barbaricum. T. 11. S. 539–548.

Pfeffer-Frohnert U., 1998. «Mit augen am Fuss und mit Wulst statt Scheibe». Verbreitung und Zeitstellung der preussischen Nebenserie A 57–61 und inhrer Varianten // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. 125–137.

Prochowicz R., 2018. Ostrogi z kompleksu osadniczego w Przeradowie // Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. I / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich. Lublin: Instytut Archeologii UMCS. S. 530–535.

Przybyła M. J., 2010. Bemerkungen zu einigen lokalen Formen der Schwertgürtelschließen vom sog. Balteus-Typ aus dem Barbaricum // Recherches archéologiques. Nouvelle série. T. 2. S. 93–184.

Raddatz K., 1957. Der Thorsberg Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 218 S.

Ramqvist P. H., 1992. Högom. The Excavations 1949–1984. Part I. Neumünster: Karl Wachholtz. 236 p., 156 pl.

Rau A., 2016. Römische Gurt- und Gürtelteile in skandinavischen Votivplätzen mit Heeresausrüstungen // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Teil II / Hrsg. H.-U. Voß, N. Müller-Scheeßel. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. S. 625–647.

Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 S.

Rygh O., 1885. Antiquités norvégiennes. Christiania: Alb. Cammermeyer. 84 p.

Sawicka L., 2007. The Roman Period Single-Edged Sword from the Szurpiły Settlement (Suwałky Région, Poland) // Archaeologa Baltica. T. 8. P. 171–175.

Schindler R., 1940. Die Siedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig: Curt Kabitzsch Verlag. 164 S.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series 1535).

Sjøvold T., 1962. The Iron Age Settlement of Arctic Norway. Oslo-Tromsø: Norwegian Universities Press. 253 p. (Tromsø Museums skrifter X [1]).

Skvorzov K., 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserziet von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus en Grabungen 1998 und 1999 // Offa. Band 62 / 63. S. 111–219.

Skvortsov K., 2009. Burails of Riders and Horse Dated to the Roman Iron Age and Great Migration Period in Aleika-3 (Former Jauhgehnen) Cemetery on the Sambian Peninsula // Archaeologia Baltica. Vol. 11. P. 130–148.

Smółka E., 2015. The presence of spurs in the southeastern Baltic area in the Roman Iron Age and Migration Period – some remarks // Archaeologia Lituana. T. 15. P. 47–64.

Stjernquist B., 1955. Simris. On cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. Bonn: Rudolf Habelt Verlag; Lund: GWK Gleerups Förlag. 186 p.

Straume E., 1987. Gläser mit Facettenscliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo: Universitetsforlaget. 158 S.

Straume E., 1993. Gravene // Minneskrift til Egil Bakka, redigert av B. Solberg // Arkeologiske Skrifter. 7. S. 207–234.

Szydłowski J., 1974. Trzy cmentaryska typu dobrodzieńskiego. Bytom: Muzeum górnośląskie w Bytomiu. 162 s.

Tacite. La Germanie. Texte latin et trad. de J. Perret. Paris: Les Belles Lettres, 1983. 108 p.

Tallgren A. M., 1922. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang bis etwa 500 n. Chr. // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis III. B. Tartu. 142 S.

Tejral J., 1994. Römische und germanische Militärausrüstungen der antoninischen Periode im Licht norddanubischer Funde // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carpnap-Bornheim. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Üniversität Marburg. S. 27–60.

Tejral J., 2001. Die germanische Silberfibel von Mušov und ihr archäologische-historisches Umfeld // Slovenska Archeológia. T. XIX. S. 203–207.

Tempelmann-Mączyńska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein: Philippe von Zabern. 340 S. (Römisch-Germanische Forschungen. 43).

Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder III // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Geselschaft zu Königsberg. Band 19. S. 159–268.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch. 86 S.

Tomaszewska I., 1988. Groby kultury wielbarskiej na cmentarzysku w Kołozębiu, gm. Suchocin, woj. Ciechanowskie // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I / Red. J. Gurba, A. Kokowski. Lublin: Uniwersytet Marie Curie-Skłodowskiej, Katedra archeologii. S. 105–116.

Walenta K., 1981. Wybrane zagadnienia obrządku pogrebowego wczesnej fazy kultury wielbarskiej // Problemy kultury wielbarskiej / Red. T. Malinowski. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku. S. 193–207.

Walenta K., 2007. Kręgi kamiennene na cmentarzyskach kultury wielbarskiej nq Pomorzu i ich związek z obrzędami i praktykamikultowymi // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Archaeologica. T. 25. S. 129–154.

Wołągiewicz R., 1968. Chronologia względna okresu wczesnorzymskiego na Pomorzu Zachodnim w świetle niektórych jej wyznaczników // Materiały Zachodniopomorskie. T. XII (1966). P. 169–193.

Wołągiewicz R., 1981a. Kultura wielbarska – problemy interpretacij etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej // Red. T. Malinowski. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku. S. 79–106.

Wołągiewicz R., 1981b. Kultury oksywska i wielbarska // Prahistria ziem polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski / Red. J. Wielowieiski. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum. S. 135–191.

Wołągiewicz R., 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur // Archaeologia Baltica (Peregriantio Gothica). T. 7. P. 63–98.

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej międyz Bałtykiem a morem Czarym. Szczecin: Museum Narodowe. 202 s.

Wołągiewicz R., 1995. Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr. Kraków: Secesja. 124 S.

Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène – und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford: B. A.R. 1052 S. (BAR International Series 505).

Ziemlińska-Odojowa W., 1961. Sprawozdanie z badań w roku 1957–1958 na cmentarzysku z oresu rzymskiego w miejscowości Zywa Woda, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. 27. S. 49–57.

Žulkus V., 2000. Die Völkerwanderung und die Westbalten die Entstehung der Kuren // Archaeologia Baltica. Vol. 4. S. 89–108.

Żurowski T., 1961. Sprawozdanie z badań w 1957 r. cmentarzyska kurhanowego na stanowisku 2 we wsi Szurpily, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. 27. S. 58–81.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Е.В. Лагуткина

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЗАОСТРОВЬЕ-7 В 2010 Г.

Введение

В августе 2010 г. отрядом Самбийской археологической экспедиции ИА РАН (руководитель – Е.В. Лагуткина) были проведены раскопки многослойного памятника Заостровье-7, открытого в 2010 г. Э.Б. Зальцманом в Зеленоградском районе Калининградской области в зоне проектирования и строительства автодороги. Им был собран подъемный материал (фрагменты сосудов), датированные IV–VI вв., XIV–XVI вв., а также XIX – первой половиной XX в. Было раскопано 1537 кв. м в юго-восточной части памятника, которая попадает в пределы участка под строительство АЗС и автостоянки проектируемой автодороги. Исследования носили охранный характер и имели целью уточнение сведений об объекте археологического наследия, определение стратиграфии, хронологии культурного слоя и планиграфии поселения (*Лагуткина*, 2012).

Памятник расположен в междуречье ручья Мотыль и р. Спокойная, в 3,8 км к югу от берега Балтийского моря, в 1,2 км к северо-востоку от южной окраины пос. Обухово, в 1,4 км к юго-востоку от южной окраины пос. Доброе, в 1,4 км к юго-западу от южной окраины пос. Заостровье (Rantau), в 3,2 км к северо-западу от северной окраины пос. Романово. Памятник расположен к северу от ПК 342 проектируемой автодороги Зеленоградск – Светлогорск. Участок, на котором расположен памятник, представляет собой частично задернованное поле на небольшом всхолмлении, высота площадки – 41,5–42,5 м в Балтийской системе высот, перепад высот поверхности объекта колеблется в пределах 1 м. Поле покрыто луговой растительностью, использовалось под пашню (окультурено) (рис. 1). Культурный слой поселения в значительной степени поврежден распашкой. Общая мощность культурных отложений на площади раскопа – от 0,3 до 2,9 м (в ямах). Верхний слой темно-серо-коричневой и коричнево-серой супеси с включениями красной кирпичной крошки, красного битого кирпича, фрагментов кровельной черепицы (мощность – 0,2–0,7 м) содержал находки XIX – начала XX в. и материал периода Великой Отечественной войны. В нижележащем слое темно-коричнево-серой (до темно-серой) супеси с вкраплениями рыжего и желтого песка (мощность слоя – 0,06–0,4 м) встречены находки XIX – начала XX в. Неповрежденные участки культурного слоя сохранились в материковых ямах (мощность слоя – 0,2–1,8 м).

Изучено 204 материковые ямы. Большинство ям столбовые (167 из 204 ям) и хозяйственные (№ 1, 7, 10, 12, 15, 17, 42, 43–46, 48–50, 63, 69, 71, 73, 83, 102–103, 176–177) (рис. 2). В заполнении большинства ям зафиксирована темно-коричнево-серая супесь с желтым и рыжим песком, включениями угля, древесного тлена, костей животных, фрагментами гончарной, фаянсовой и стеклянной посуды XIX–XX вв. Изучена юго-западная часть жилой постройки (4 × 7 × 1,8 м) с остатками коммуникаций (дренажная труба) XIX – начала XX в. (постройка № 1). Коллекция индивидуальных находок памятника (262 изделия) помимо артефактов XIX–XX вв. включает незначительное число фрагментов лепной посуды 1-го тыс. н. э., найденных в переотложенном состоянии. Собранные в ходе раскопок материалы в основном принадлежат немецкому поселению (хутору) Шлакалькен XIX – первой половины XX в.

Могильник раннеримского времени. Раскопки 2010 г.

Могильник раннеримского времени известен здесь уже давно. В 1893 г. управляющий Восточно-Прусским провинциальным музеем К. Кретчман раскопал на могильнике у хутора

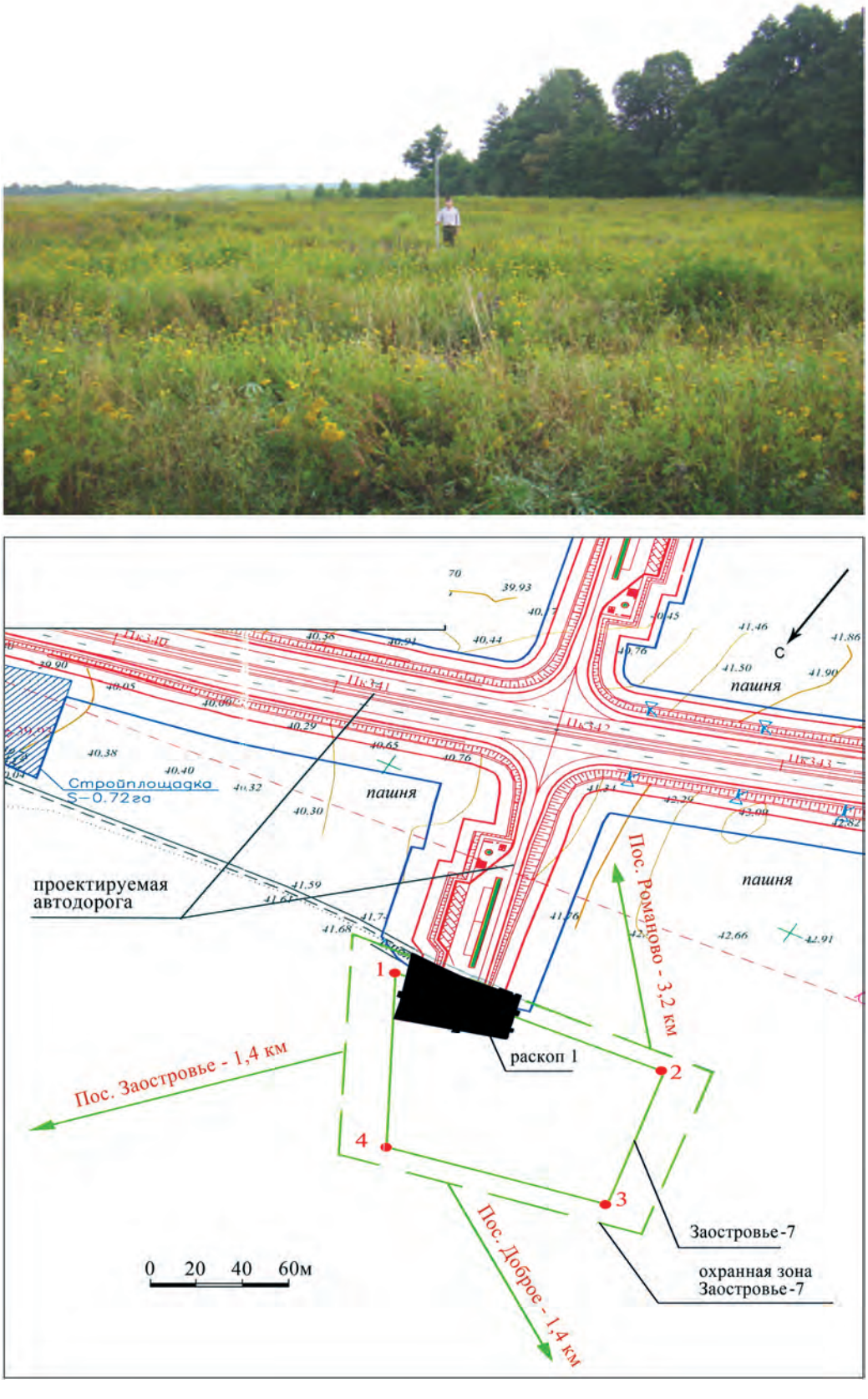

Рис. 1. Могильник Заостровье-7. Участок исследований 2010 г.
Вид с юга и план с обозначением исследованного участка

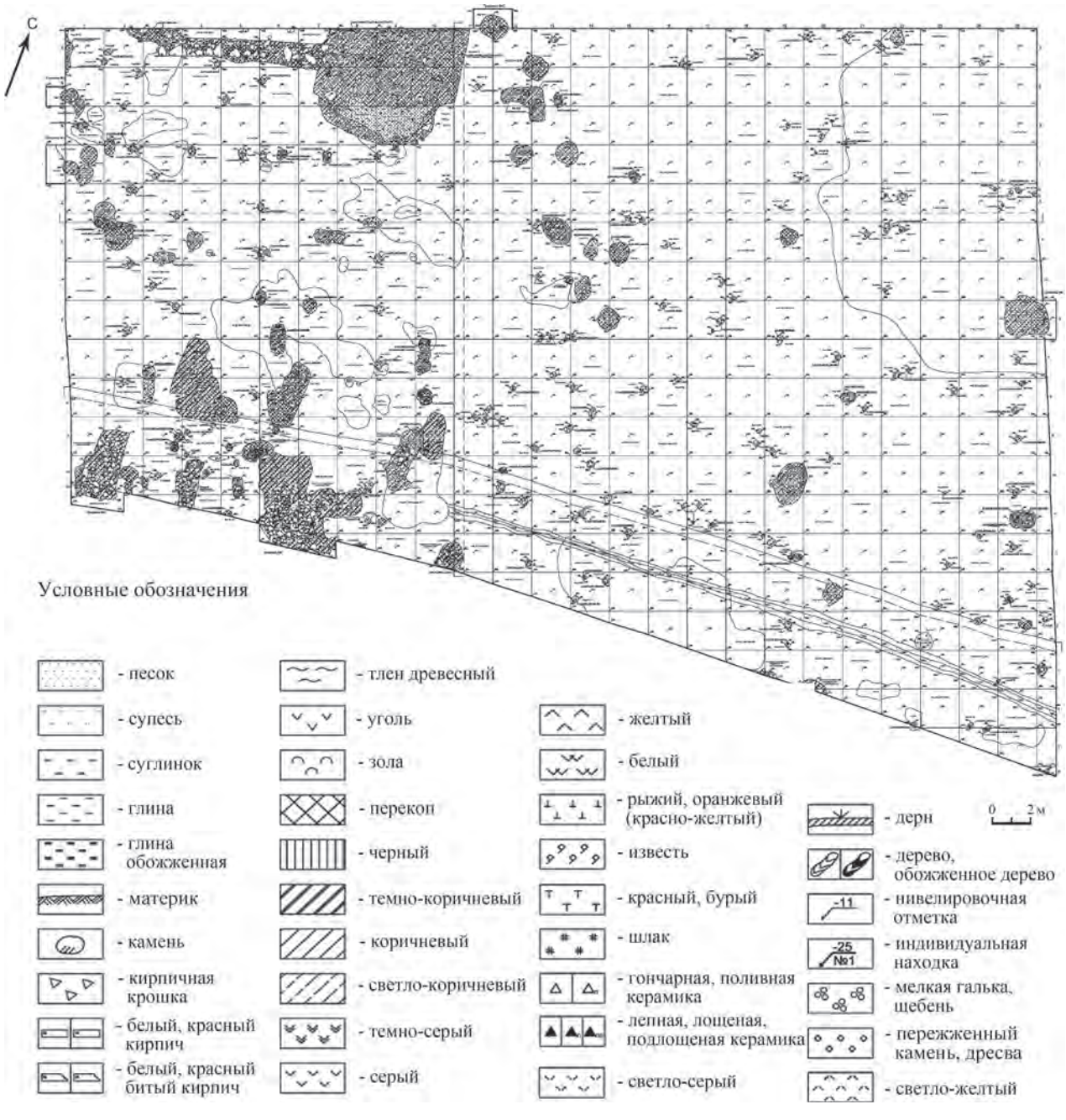

Рис. 2. Могильник Заостровье-7. План участка, исследованного в 2010 г. Условные обозначения для всех планов

Шлакалькен (Schlakalken, Kr. Fischhausen) 38 погребений, представляющих собой курганообразные возвышения почвы, образованные кладками, состоявшими из двух-трех слоев камней, перекрывавших урновые и безурновые трупосожжения и трупоположения. Диаметр кладок достигал 5 м, их высота – не более 0,4 м. Результаты этих работ были опубликованы Г. Янкуном (*Jahnkuhn*, 1939). Этот памятник принадлежит самбийско-натангийской культуре[1], которую принято соотносить с эстиями – древним населением Самбийского полуострова, известными с I в. н. э. по сообщению римского историка Тацита.

[1] Польские и немецкие исследователи именуют эту культуру Долькайм-Ковово. Однако в русской историографии обычно используется устоявшееся название «самбийско-натангийская культура».

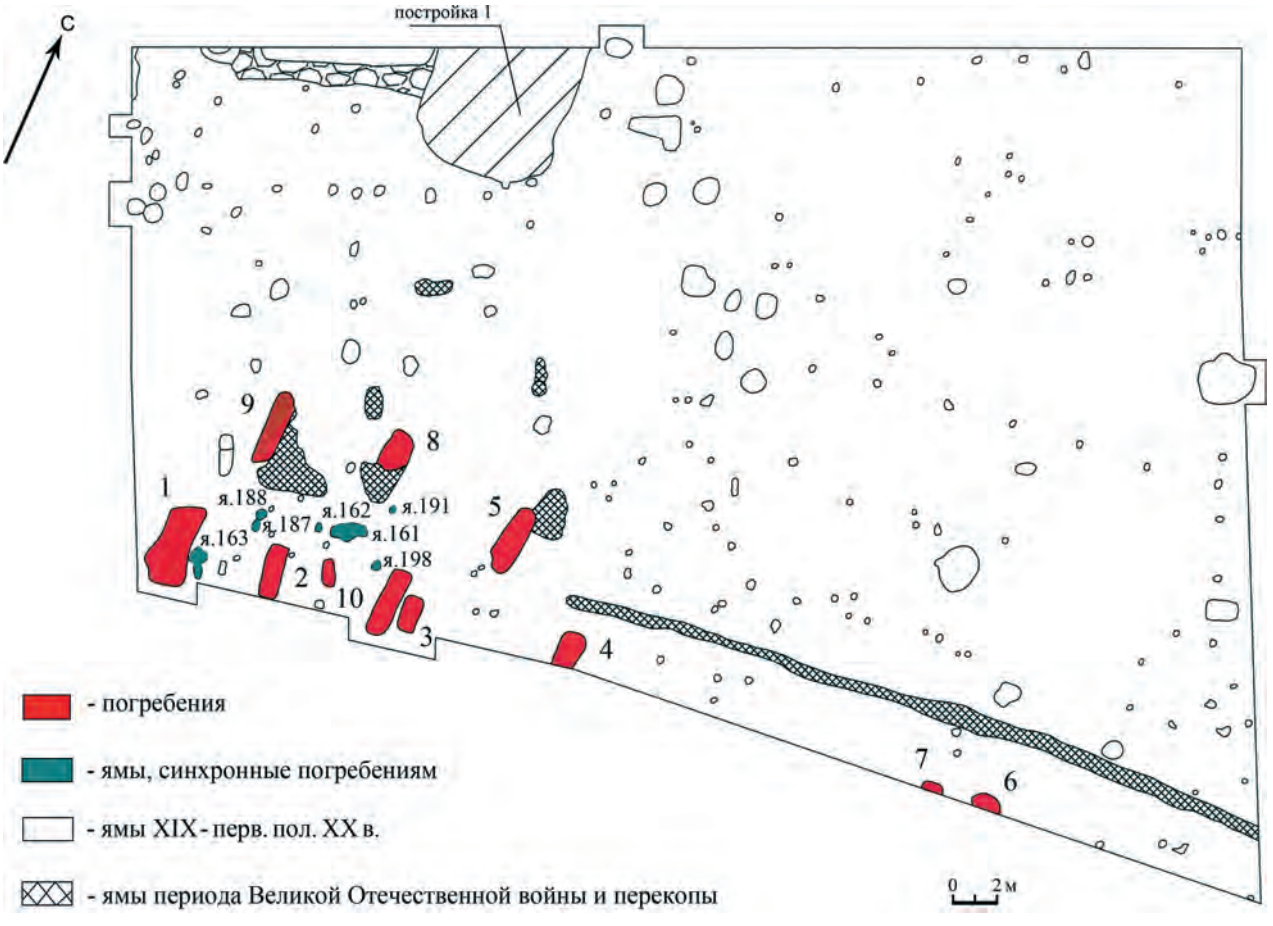

Рис. 3. Могильник Заостровье-7. Погребения и ямы римского времени

В ходе раскопок на памятнике в 2010 г. было выявлено десять погребений, а также семь ям с материалом раннеримского времени (рис. 2; 3), вероятно, принадлежавших тому же некрополю, что и могилы, исследованные в 1893 г. Не исключено, что часть ям могла иметь какое-то ритуальное предназначение.

В юго-западной части раскопа 1 выявлены два ряда погребений (по линии запад – восток) грунтового типа. Могильные ямы перекрыты каменными кладками прямоугольной формы, ориентированы длинной стороной север – юг (рис. 3).

Северный ряд включает три погребальных комплекса 5.2010 г., 8.2010 г., 9.2010 г. (ямы № 3б – каменное погребальное сооружение № 5, 8б, 16), расстояние между могилами – от 3,5 до 5 м. Все они повреждены ямами периода Второй мировой войны. Во втором ряду, расположенном параллельно северному ряду на расстоянии 1,4–2 м к югу, изучены пять захоронений – 1.2010 г., 2.2010 г., 3.2010 г., 4.2010 г., 10.2010 г. (каменные погребальные сооружения № 1, 2, 3 – захоронения 1 и 2, № 4, 10). Погребения 6.2010 г. и 7.2010 г. (каменные погребальные сооружения № 6 и 7) не вскрывались. На площадке второго ряда, расстояние между могилами которого от 2,8 (погребения 5.2010 г. и 6.2010 г.) до 14 м, выявлены ямы, видимо, ритуального назначения (№ 161–163, 187–188, 191, 198) с многочисленными фрагментами лепной керамики I–II вв. н. э., в числе которых фрагменты погребальных урн и ошлакованная керамика (рис. 3).

Среди исследованных погребений два – 8.2010 г. и 9.2010 г. (ямы № 8б, 16) крайнего северного ряда – сильно повреждены поздними перекопами. Остальные погребальные комплексы сохранили каменные заклады могил. Могильные ямы прямоугольной формы ориентированы длинной стороной север – юг, размеры ям – 1,1–3,6 (север – юг) × 0,5–2,14 × 0,1–0,66 м, заполнение – темно-серо-коричневая супесь с включениями рыжего (красно-желтого) песка,

древесного тлена. Останки погребенных очень плохой сохранности (фрагменты костей и зубов) предварительно определены по антропологическим материалам как принадлежащие девочке-подростку (погребение № 10), мужчинам (погребения 1.2010 г., 5.2010 г.), женщинам (погребения 2.2010 г., 3.2010 г. / захоронение 2); в остальных погребениях, судя по сопровождающему инвентарю, возможно, были захоронены мужчины (погребение 3.2010 г. / захоронение 1, погребения 4.2010 г., 8.2010 г., 9.2010 г.). По прослеженным костным следам и расположению вещей установлено, что погребенные захоронены по обряду ингумации, в вытянутом положении, ориентированы головой на север, в одном случае на северо-запад (погребение 10.2010 г.), с характерным погребальным инвентарем.

В захоронениях 1.2010 г., 3.2010 г. / захоронение 2, 5.2010 г., 10.2010 г. у северной стенки могильной ямы зафиксированы погребальные сосуды-приставки. В заполнении могильных ям отмечены многочисленных фрагменты глиняных лощеных сосудов-приставок, видимо, преднамеренно разбитых в процессе погребения, а также фрагменты грубых сосудов, в том числе ошлакованных, со следами вторичного пребывания в огне, как остатки заупокойных подношений.

Среди погребального инвентаря встречены бронзовые арбалетовидные фибулы (8 экз.), бронзовый пинцет, бронзовая подвеска (нашивка?), золотостеклянные, многоцветные стеклянные бусины (44 экз.), железные ножи (7 экз.), железные наконечники копий (4 экз.) и дротика, железная поясная пряжка, железный топор-кельт, фрагменты железных предметов (5 экз.), сланцевые точильные камни (2 экз.). В мужском погребении № 1, в юго-западном углу могильной ямы, зафиксированы останки коня, захороненного головой на юг.

По перечисленным признакам и составу погребального инвентаря погребения крайнего северного ряда (5.2010 г., 8.2010 г., 9.2010 г.) предварительно датированы второй половиной II в. н. э., погребения второго ряда (1.2010 г., 2.2010 г., 3.2010 г., 4.2010 г., 10.2010 г.) более ранним временем – второй половиной I – первой половиной II в. н. э. Данная хронология погребений соответствует периоду B2 и B2/C1 (70/80–200 гг.) хронологии европейского Барбарикума.

В работе экспедиции приняли участие старший преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Тверского государственного университета А. В. Лагуткин, доцент кафедры отечественной истории, к. и. н. С. В. Богданов, сотрудники Учебно-научной лаборатории по археологии – к. и. н. К. М. Свирин, к. и. н. Д. Н. Воробьёв и студенты старших курсов исторического факультета Тверского государственного университета. При идентификации и датировках археологического материала и также при предварительных антропологических определениях и при реставрации вещей очень важную помощь оказал К. Н. Скворцов. Антропологическое изучение останков из погребения 1.2010 г. было проведено М. В. Добровольской. Всем им я выражаю глубокую признательность.

Погребения

Погребение 1. 2010 г. (Каменное погребальное сооружение № 1) (кв. М1, М2, Л1, Л2 и прирезка № 5) (рис. 4–10).

Пятно заполнения могильной ямы ориентировано по линии север – юг. Оно подпрямоугольной формы, 3,6 (север – юг) × 1,44–2,14 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплением желтого песка. В юго-западной части пятна зафиксировано заполнение из желтого песка с темно-коричнево-серой супесью. Заклад могильной ямы состоит из крупных и средних камней диаметром от 0,1 до 0,3 м (первый уровень кладки). Изучено два уровня каменной кладки. На втором уровне кладки размеры пятна могильной ямы составляют 3,5 (север – юг) × 1,44–1,9 м. Заклад в виде двух скоплений камней выявлен в северной и южной частях ямы, диаметр камней – 0,08–0,4 м (рис. 4). В юго-восточной части пятна зафиксировано заполнение из темно-серо-коричневой супеси, желтого песка с темно-коричнево-серой супесью и рыжего песка с вкраплениями темно-серо-коричневой супеси. Найдены фрагменты лепных глиняных сосудов и двух железных предметов. Стратиграфия

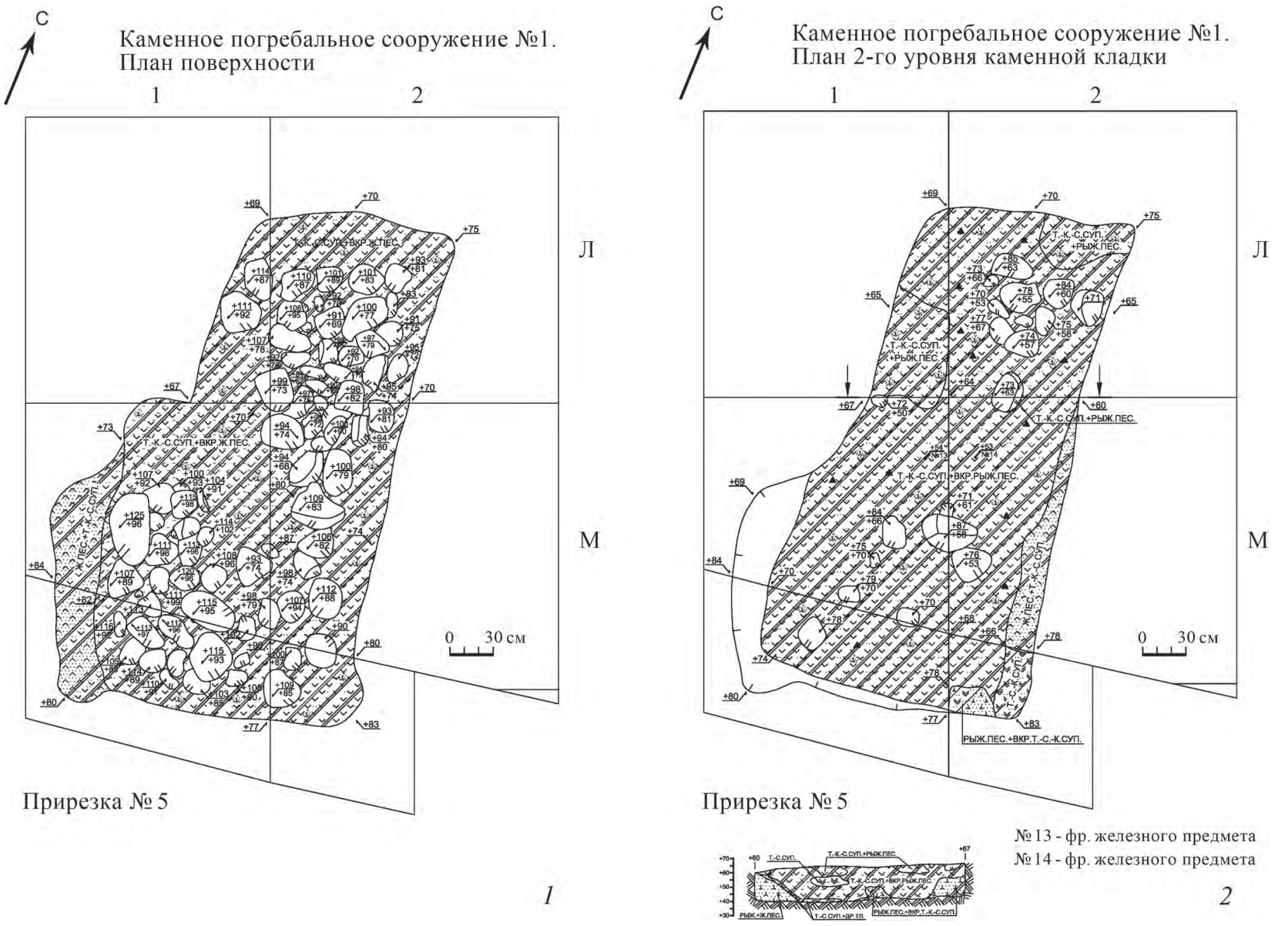

Рис. 4. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Каменный заклад и стратиграфия могильной ямы

могильной ямы: темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего песка и включениями темно-серой супеси – 0,14–0,24 м, прослойка темно-серой супеси с древесным тленом – 0,02 м, рыжий песок с вкраплениями темно-коричнево-серой супеси – 0,08–0,12 м. Размеры ямы на уровне материка составляют 3,6 (север – юг) × 1,44–2,14 × 0,14–0,24 м. Стенки ямы почти отвесные, дно ровное, с перепадом высот не более 0,1 м, форма прямоугольная, с небольшим расширением в юго-западной части под погребением коня, в северо-восточном углу ямы зафиксировано округлое углубление 0,2 (северо-запад – юго-восток) × 0,34 × 0,38 м. Глубина могильной ямы от уровня поверхности материка – 0,14–0,47 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок с вкраплениями желтого песка (рис. 5).

Находки в заполнении:

– 60 фрагментов лепной керамики (в т. ч. фрагменты погребального сосуда), что составляет 10% керамики из погребальных комплексов могильника (от 602 фр.), в каменной кладке и в заполнении ямы.

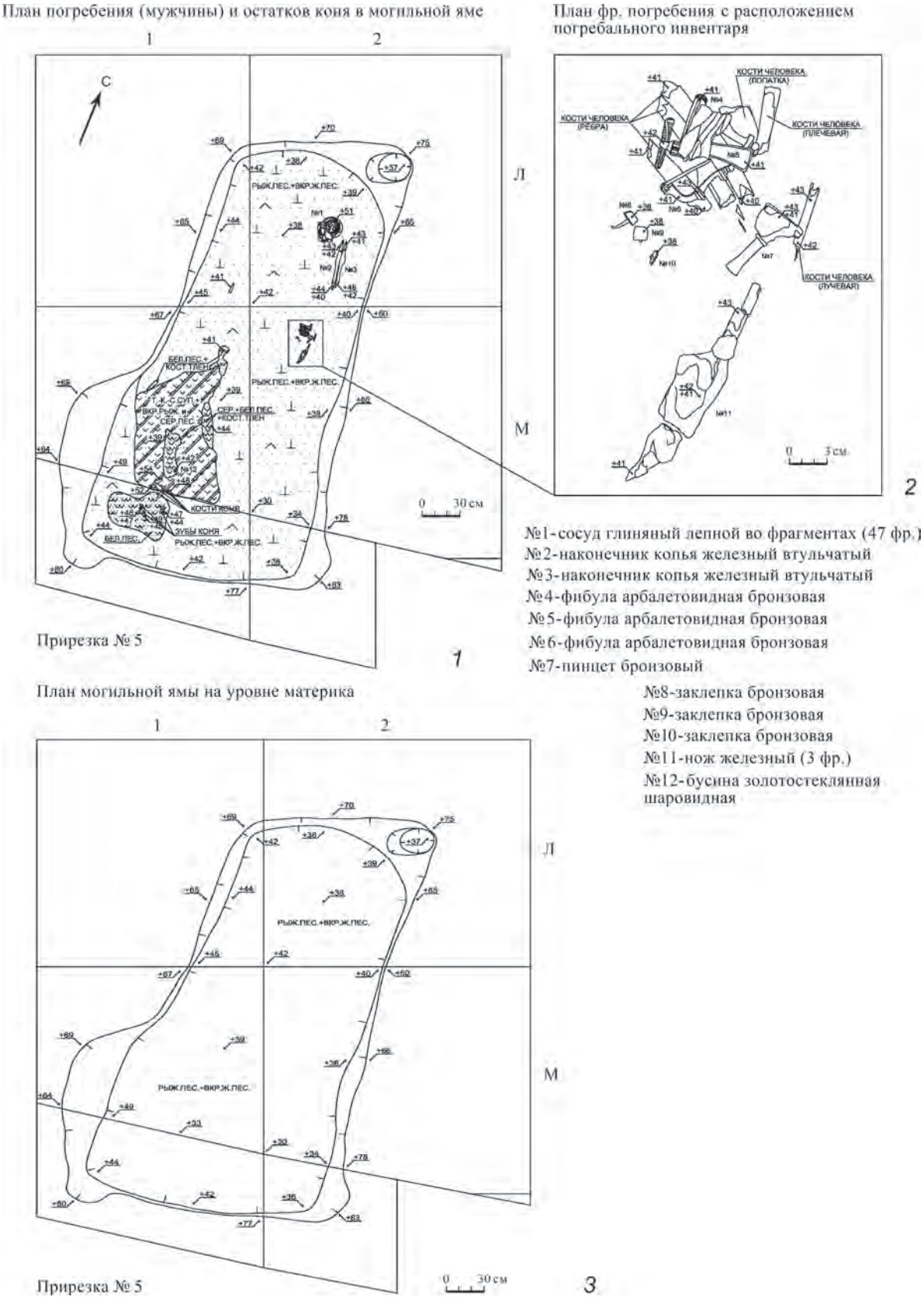
При разборке первого уровня каменной кладки выявлены два фрагмента стенок лепных сосудов; внешняя поверхность светло-коричневого и серо-коричневого цвета, внутренняя поверхность – коричнево-серого и черного цвета, заглаженная; тесто с незначительной примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красный колотый гранит).

В заполнении могильной ямы выявлены мелкие обломки стенок нескольких лепных сосудов: два фрагмента стенки лепного сосуда, внешняя поверхность светло-коричневого цвета, внутренняя – темно-серого, коричневого цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красный колотый гранит), в изломе двухслойное – коричневое, темно-серое; три фрагмента стенок и дна лепного сосуда, поверхность с обеих сторон темно-серого цвета, заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красный колотый гранит), в изломе однослойное – темно-серое; три фрагмента стенок лепного сосуда, внешняя поверхность темно-серого, коричнево-серого цвета, внутренняя поверхность черного цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красный и белый колотый гранит), в изломе однослойное – черное и двухслойное – коричневое и черное; фрагменты двух стенок ошлакованных лепных сосудов; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красный колотый гранит). Единичные фрагменты лепных сосудов, в том числе ошлакованные, вероятно, связаны с остатками заупокойных подношений.

Ингумация. В яме на глубине 0,16–0,27 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +51…+40) обнаружен костяк мужчины зрелого возраста, более 40 лет (определение М. В. Добровольской), сопровождавшееся захоронением коня (см. ниже). Отмечена плохая сохранность костных останков, что объясняется высокой кислотностью почв. От человеческого костяка сохранились кости левой лопатки, фрагменты левой плечевой и лучевой костей, фрагменты трех ребер. Судя по расположению костей и сопровождающего инвентаря, захоронение было совершено по обряду ингумации, погребенный был ориентирован головой на север (рис. 5: *2*).

Находки при ингумации:

– развал глиняного лепного сосуда в северо-восточном углу могильной ямы, видимо, у головы погребенного. Горшок имеет низкое, расширяющееся к краю горло, раздутое округлое тулово, слабо выраженную ножку, ручку, прямоугольную в сечении, с отверстием. Край венчика скруглен, венчик отогнут наружу. Внешняя поверхность светло-коричнево-серого цвета, подлощенная по всей поверхности; по плечику – два витка линейного двухрядного орнамента. Внутренняя поверхность темно-серого и черного цвета, лощеная по всей поверхности. Тесто с примесью мелкого песка, мелкой красной гранитной крошки, в изломе многослойное – коричнево-серое, серое, темно-серое. Размеры: высота сосуда – 14,5 см, высота горла – 3,5 см, диаметр по венчику – 11 см, диаметр по дну – 7 см; максимальный диаметр – 15 см, толщина ручки – 1,1 см, максимальный диаметр отверстия ручки – 1,6 см, толщина стенки – 0,5 см (рис. 8). Сосуд из погребения относится к одной из разновидностей сосудов (кружки типа Wiekau), зафиксированных в погребениях могильника Доллькайм-Ковррово фаз B_2–B_2/C_1 (*Кулаков*, 2003. Рис. 120: *31, 14, 36*), согласно хронологической

№1-сосуд глиняный лепной во фрагментах (47 фр.)
№2-наконечник копья железный втульчатый
№3-наконечник копья железный втульчатый
№4-фибула арбалетовидная бронзовая
№5-фибула арбалетовидная бронзовая
№6-фибула арбалетовидная бронзовая
№7-пинцет бронзовый
№8-заклепка бронзовая
№9-заклепка бронзовая
№10-заклепка бронзовая
№11-нож железный (3 фр.)
№12-бусина золотостеклянная шаровидная

Рис. 5. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Планы могильной ямы

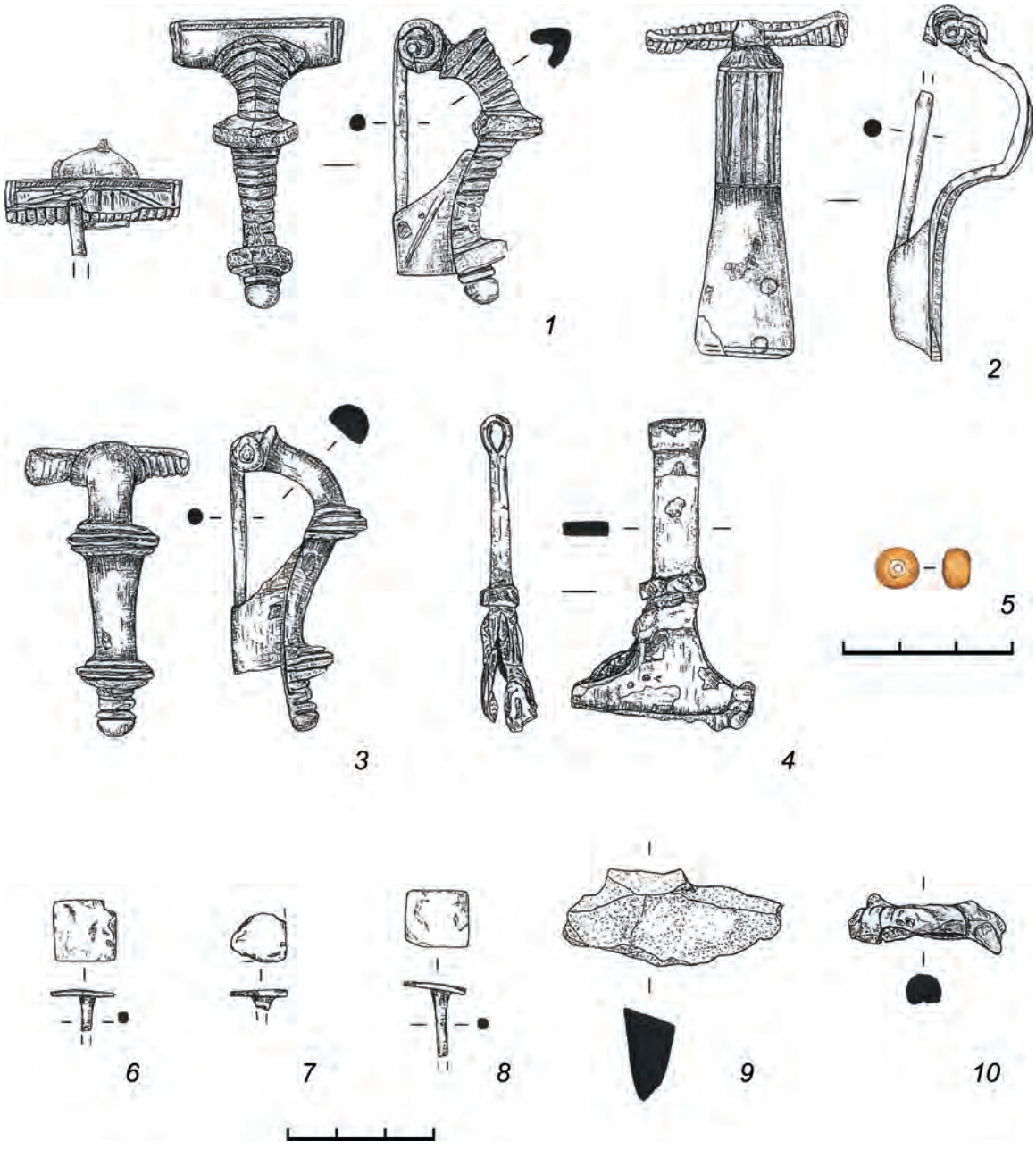

Рис. 6. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Находки

системе У. Лунд Хансен (т. е. 70/80–200 гг.) (*Lund Hansen*, 1987. S. 39)[2]. Близкая форма сосуда отмечена и в погребении 9 могильника Долькайм-Ковров, относимого В. И. Кулаковым к фазе B_1 (20–80 гг.) (*Кулаков*, 2003. Рис. 108: *6*);

– два железных втульчатых наконечника копья с остатками деревянных древков (рис. 7: *1, 3*), слева от погребенного, в 0,1 м от вышеописанного сосуда. Наконечники расположены острием на север;

– три арбалетовидные бронзовые фибулы, в 0,34 м южнее наконечников копий, на ребрах и у костей лопатки погребенного (рис. 6: *1–3*; 9; 10). На двух фибулах сохранились следы ткани (рис. 6: *1, 2*). Фибулы определены К. Н. Скворцовым, две из них (рис. 6: *1, 2*; 10)

[2] Периоды по У. Лунд Хансен: B_{1a} – 20–50 гг., B_{1b} – 50–70/80 гг., B_2 – 70/80–150 гг., B_2/C_1 – 150–200 гг., C_{1a} – 200–225 гг., C_{1a}-C_{1b} – 225–250 гг., C_{1b} – 250–275 гг., C_2–275–325 гг. (*Lund Hansen*, 1987. S. 39).

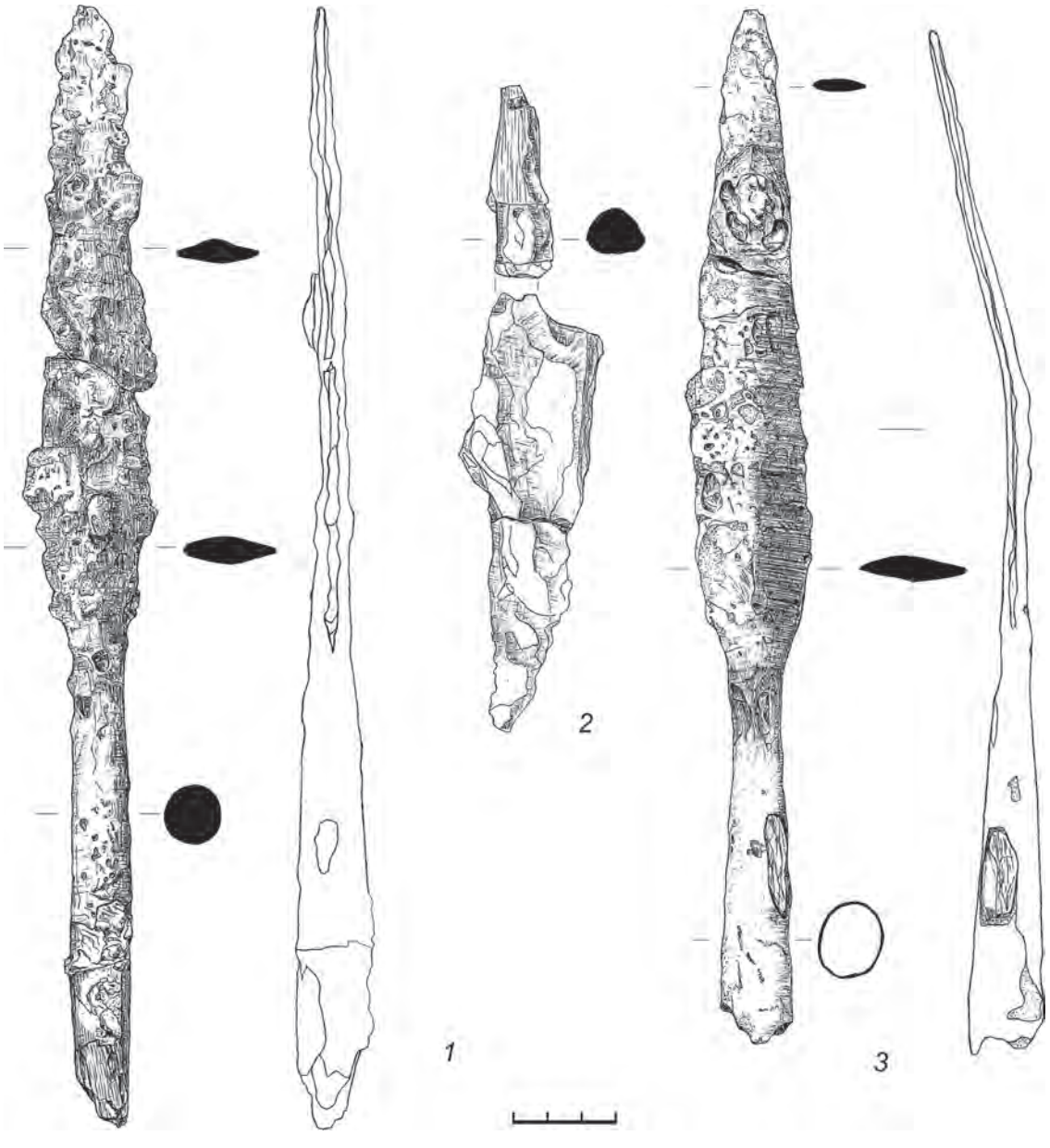

Рис. 7. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Находки (железные изделия)

отнесены к фазам 1 и 2 хронологии самбийско-натангийской культуры (приблизительно 50–220/225 гг.) по В. Новаковскому (здесь и далее см.: *Nowakowski*, 1996) и соответствуют типам Альмгрен IV.92 и Альмгрен III.62 (здесь и далее: *Almgren*, 1923); еще одна фибула (рис. 6: *3*; 9) относится к фазе 1 (50–150 гг.) по В. Новаковскому и соответствует типу Альмгрен IV.80;

– бронзовый пинцет (рис. 6: *4*), найден у левой лучевой кости, на нем также имеются следы ткани;
– три бронзовые заклепки (рис. 6: *6–8*), в 0,06 м к западу от пинцета;
– железный однолезвийный нож (рис. 7: *2*), в 0,01 м к югу от пинцета. Лезвием нож обращен к погребенному, кончик лезвия направлен к югу;
– обломки железных предметов (рис. 6: *9, 10*).

Захоронение коня. В юго-западном углу могильной ямы на пятне темно-коричневой супеси с вкраплением рыжего (красно-желтого) и серого песка (размеры – 1 × 0,64 м) зафиксированы пятна серого и белого песка с костным тленом, размерами 0,2–0,38 × 0,04–0,5 м.

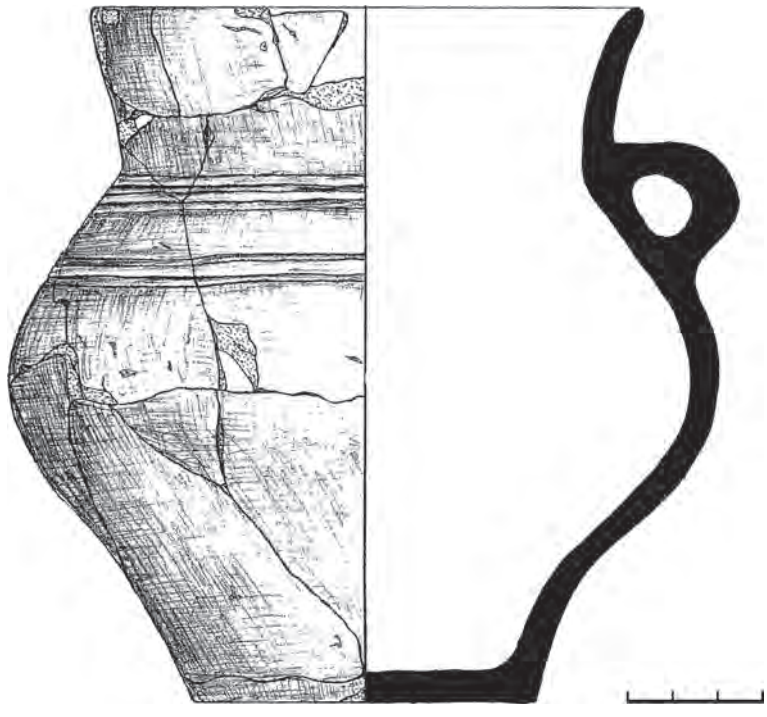

Рис. 8. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Находки (керамический сосуд)

Рис. 9. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Арбалетовидная фибула
Фото Т. Ш. Гацаева

Рис. 10. Могильник Заостровье-7. Погребение 1.2010 г. Арбалетовидная фибула
Фото Т. Ш. Гацаева

На крайнем южном пятне белого песка с костным тленом найдены три фрагмента костей и три фрагмента зубов лошади (рис. 5: *1*). По форме и расположению пятен костного тлена и обнаруженным остаткам костей и зубов лошади можно предположить, что конь был ориентирован головой на юг.

Находки в захоронении коня:

– золотостеклянная шаровидная бусина, в центральной части погребения коня (рис. 6: *5*).

По составу и времени бытования предметов погребального инвентаря погребения № 1 под каменной кладкой № 1 его, вероятно, можно датировать второй половиной I – первой половиной II в.

Погребение 2.2010 г. (каменное погребальное сооружение № 2) (кв. М3, М4, Н3, Н4) (рис. 11; 12).

Пятно заполнения могильной ямы ориентировано по линии север – юг, оно подпрямоугольной формы. Размеры: 2,5 (север – юг) × 0,86–1,2 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплением рыжего и желтого песка. Заклад могильной ямы состоит из крупных и средних камней диаметром от 0,1 до 0,32 м, крупные камни концентрируются по центральной оси погребения – север – юг (первый уровень кладки). Выявлено два уровня каменной кладки. На втором уровне кладки размеры пятна могильной ямы 2,08 (север – юг) × 0,74–1,26 м (рис. 11). Заполнение – темно-коричнево-серая супесь, в юго-западной части отмечена полоса слоя темно-коричнево-серой супеси с вкраплениями рыжего песка, в юго-восточной части – слой серо-коричневой супеси с вкраплениями рыжего песка. Заклад из камней состоит из единичных крупных камней диаметром от 0,16–0,4 м. Стратиграфия могильной ямы: темно-коричнево-серая супесь – 0,1–0,14 м, темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего песка – 0,12–0,2 м, серо-коричневая супесь с вкраплениями

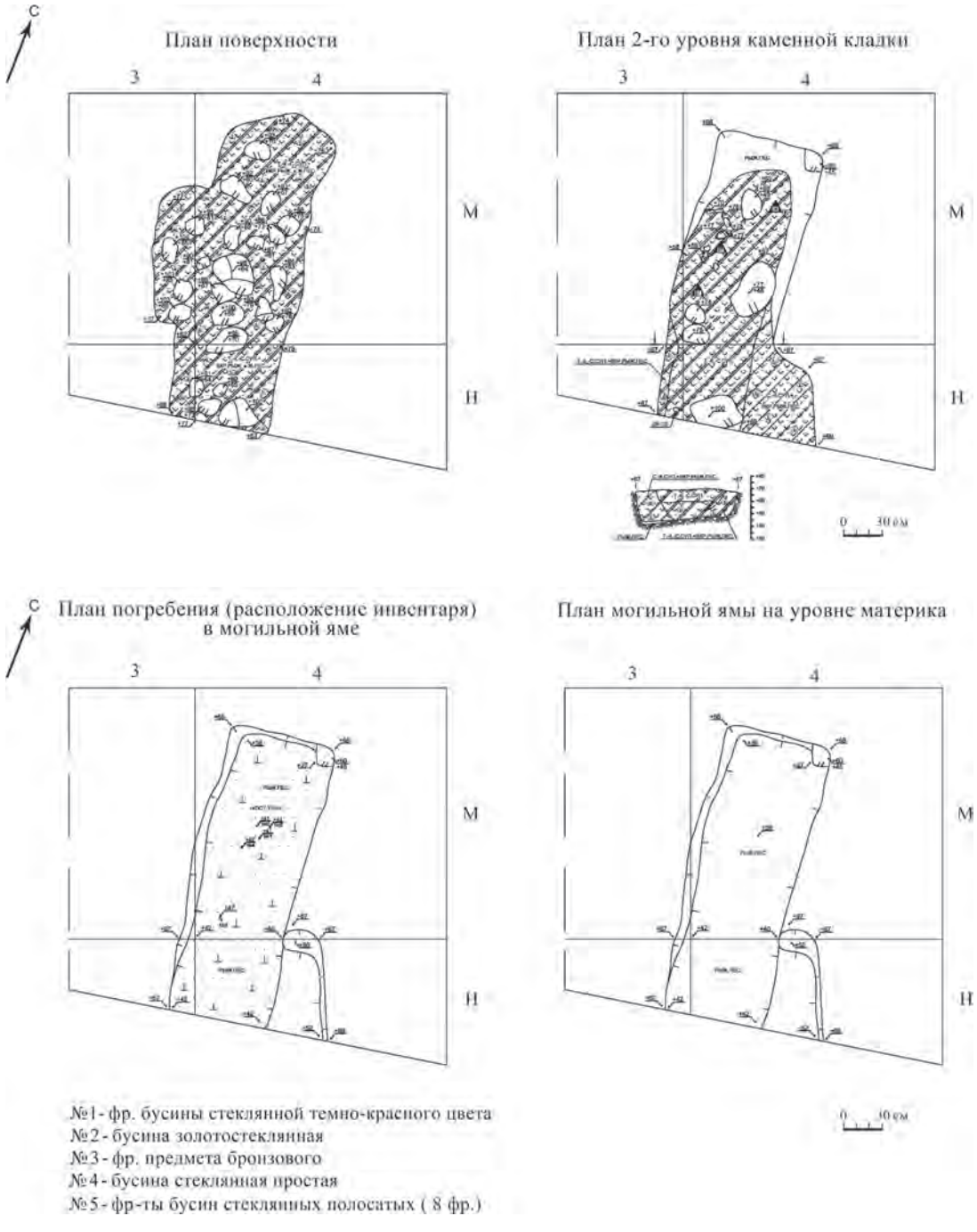

Рис. 11. Могильник Заостровье-7. Погребение 2.2010 г. Планы каменного заклада. Планы и стратиграфия могильной ямы

рыжего песка – 0,24 м. После исследования заполнения могильной ямы и погребения размеры ямы на уровне материка – 2,3 (север – юг) × 0,86–1,28 м. Стенки ямы почти отвесные, с наклоном к центру, дно ямы ровное, с перепадом высот не более 0,15 м, форма прямоугольная, с небольшим расширением в юго-восточной части. Глубина могильной ямы от уровня поверхности материка – 0,22–0,41 м (рис. 11). Материк – рыжий (красно-желтый) песок.

Костных останков погребенного не сохранилось. Расположение вещей и сосуда является типичным для погребений с ингумациями на изучаемом памятнике, как и ориентировка север – юг могильных ям и погребенного. Присутствие в могиле бус (см. ниже) позволяет предполагать, что в погребении была захоронена женщина.

Находки:

– 194 фрагмента лепной керамики, что составляет 32,2% керамики из погребальных комплексов могильника (от 602 фр.) в заполнении могильной ямы, в северной ее части. Фрагменты расположены в заполнении бессистемно, по всей глубине. Выделяются фрагменты нескольких сосудов.

Сосуд А. 51 фрагмент грубого сосуда. Поверхность с обеих сторон светло-коричневого цвета, с серыми оттенками, грубая, слегка заглаженная. Тесто с примесью мелкой и крупной дресвы (красной гранитной крошки), в изломе однослойное – светло-коричневое и многослойное – светло-коричневое и темно-серое. Сосуд имеет слабовыпуклые плечики, сужающееся ко дну тулово, короткую шейку, отогнутый наружу венчик с пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю. Размеры: диаметр по венчику – 16 см; диаметр по дну – 13 см; толщина стенки – 0,5–0,8 см (рис. 12: *25, 27*).

Сосуд В. 58 фрагментов лощеного сосуда. Внешняя поверхность серого, коричнево-серого цвета, подлощенная по всей поверхности, местами лощеная по горлу; внутренняя поверхность серого цвета, подлощенная по всей поверхности, лощеная по горлу. Тесто с примесью мелкого песка, мелкой красной гранитной крошки (дресвы), в изломе многослойное – светло-коричневое, темно-серое, серое. Сосуд имеет низкое цилиндрическое горло, округлое тулово. Край венчика прямой, венчик слегка отогнут наружу. Размеры: высота сосуда – около 18 см; диаметр по венчику – 11 см; диаметр по дну – 6 см; высота ножки – 1 см; максимальный диаметр – около 18 см; толщина стенки – 0,3–0,7 см (рис. 12: *23*).

Сосуд С. 53 фрагмента подлощенного сосуда. Поверхность с обеих сторон темно-серого, коричневого цвета; внешняя поверхность хорошо заглаженная, подлощенная; внутренняя поверхность отслоившаяся, вероятно подлощенная. Тесто с примесью мелкого и среднего песка, мелкой дресвы, в изломе коричневое и серое. Край венчика заострен, скруглен, венчик отогнут наружу, шейка короткая, отогнута наружу, у основания шейки прочерченная линия. Размеры: диаметр по венчику приблизительно – 20 см; толщина стенки – 0,4 см, дна – 0,8 см (рис. 12: *26*).

Кроме того, в заполнении ямы зафиксированы еще 32 мелких фрагмента керамики, не соотносимой достоверно с каким-либо из вышеописанных сосудов. Среди них выделяются ошлакованные фрагменты лепного сосуда, поверхность с обеих сторон светло-коричневая и серая; тесто с примесью мелкого песка, мелкой дресвы, в изломе однослойное – серое; фрагменты лепного лощеного сосуда; поверхность с обеих сторон темно-серая и черная; тесто с очень мелкими примесями песка, дресвы (красной и белой гранитной крошки), в изломе однослойное – светло-серое; фрагменты сосудов с подлощенной поверхностью; тесто с примесью мелкого песка, мелкой дресвы (красной гранитной крошки), обжиг многослойный. Остальные фрагменты лепных сосудов без дополнительной обработки поверхности; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы, обжиг многослойный.

Полные формы ни одного из сосудов, найденных в яме, невосстановимы, удалось реконструировать только отдельные части сосудов. Керамика в заполнении ямы расположена бессистемно, создавая впечатление преднамеренного разрушения в процессе погребения или в последующее время. Возможно, фрагменты лощеных сосудов В и С следует отнести к одной из разновидностей разрушенных сосудов-приставок, а фрагменты грубых сосудов, в том числе ошлакованные, со следами вторичного пребывания в огне, позволяют отнести эту керамику к остаткам заупокойных подношений;

– фрагмент бронзового предмета (рис. 12: *24*), в северной части могильной ямы на глубине 0,26–0,27 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +41…+42), в 0,1 м к востоку от развала погребального сосуда;
– стеклянные бусины целые и во фрагментах: фрагмент бусины темно-красного цвета, золотостеклянная бусина, полосатые, восемь фрагментов полосатых бусин, в северной части могильной ямы на глубине 0,26–0,27 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +41…+42), в 0,1 м к востоку от развала погребального сосуда (рис. 12: *1–22*).

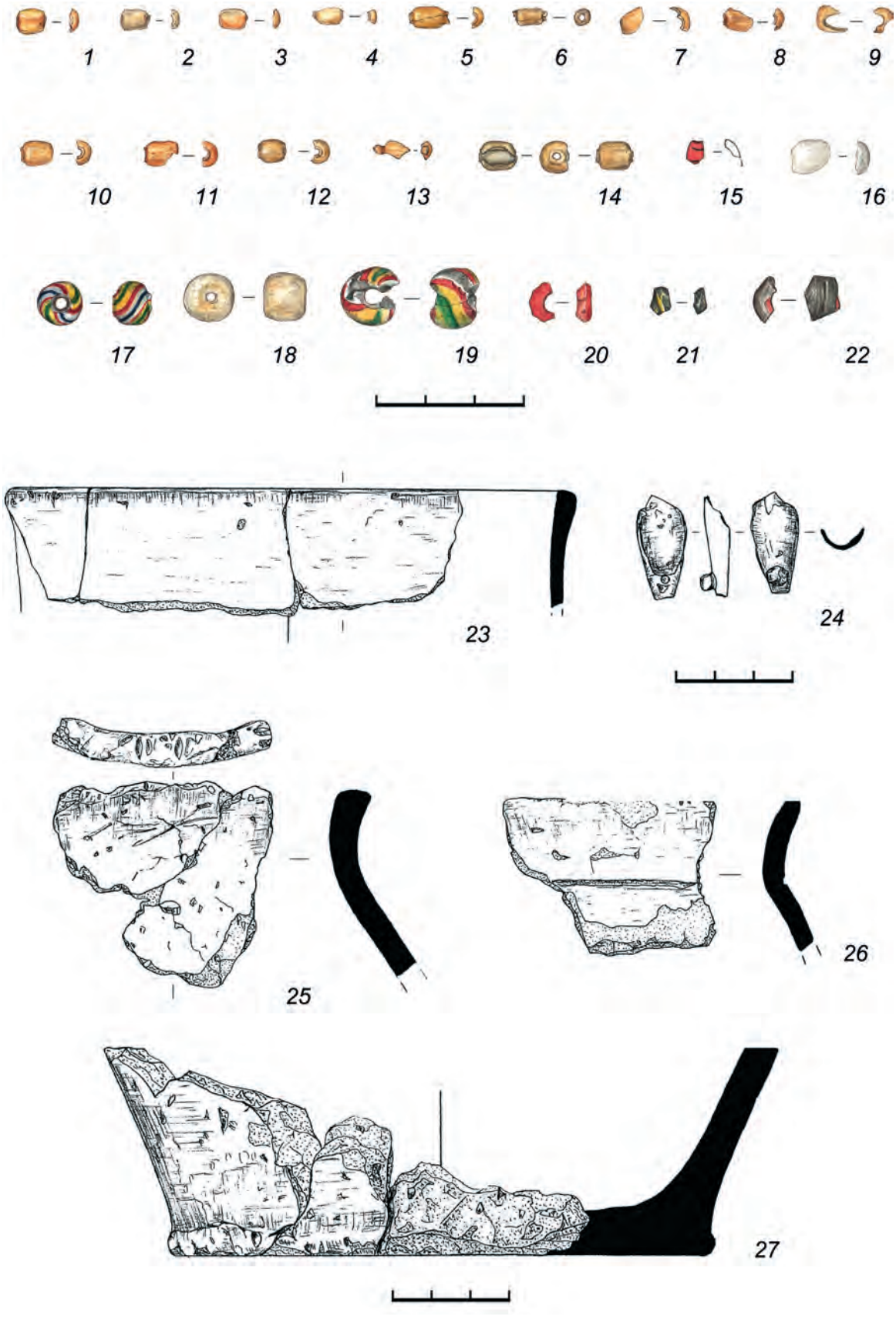

Рис. 12. Могильник Заостровье-7. Погребение 2.2010 г. Находки

По местоположению в некрополе погребение, вероятно, можно датировать второй половиной I – первой половиной II в.

Погребение 3.2010 г. (каменное погребальное сооружение № 3) (кв. М5-М8, Н5-Н8, О6, О7 и прирезка № 6) (рис. 13–18).

Пятно темно-коричнево-серой супеси с каменными закладами имело неправильную форму, вытянуто с севера на юг. Размеры: 4,7 (север – юг) × 3–5,1 м. Заклады из камней разного размера (диаметр – от 0,05 до 0,44 м) сконцентрированы в два параллельных скопления по линии север – юг, в восточном скоплении часть камней перемещена (первый уровень кладки). Выявлено три уровня каменной кладки погребального сооружения (рис. 13; 14). На втором уровне кладки размеры пятна – 4,1 (север – юг) × 2,6–5,1 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплением рыжего песка; по западному и восточному краю, а также в центре сооружения прослежено заполнение в виде пятен рыжего (красно-желтого) песка с вкраплениями темно-коричнево-серой супеси. Заклад из камней в виде двух скоплений камней в центральной части и отдельных камней в северной и восточной частях сооружения, диаметр камней – 0,08–0,4 м.

Находки в северной части пятна:

– шесть мелких фрагментов стенок лепных сосудов, а также три фрагмента дна одного лепного сосуда; поверхность светло-коричневого цвета, коричневого или коричнево-серого цвета, заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), иногда слюды, обжиг многослойный или полный, слабый;
– десять фрагментов стенок лепного лощеного сосуда, вероятно, принадлежащих погребальному сосуду. Поверхность с обеих сторон темно-серого, черного цвета, лощеная (лощение высокого качества); тесто с мелкими примесями песка, дресвы (красной гранитной крошки), в изломе однослойное – серое.

На третьем уровне кладки выявлены пятна двух могильных ям подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированные с севера на юг (рис. 15). На этом уровне выявлены также пятно ямы № 198 (см. ниже) и в кв. Н8 отмечено пятно слоя темно-коричнево-серой супеси с вкраплениями рыжего песка и скоплением камней в западной части пятна, форма пятна неправильная, размеры – 1,6 (юго-запад – северо-восток) × 0,94–1,14 м.

Захоронение 1. Размеры пятна западной могильной ямы – 2,9 (север – юг) × 0,8–1,6 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплением желтого и рыжего песка, по восточному краю пятна прослежена прослойка древесного тлена 0,56 × 0,04 м, а также у южной стенки прослежено пятно темно-серой супеси с вкраплением белого песка округлой формы 0,3 (запад – восток) × 0,18 м. Заклад в виде двух скоплений камней в центральной и северной частях пятна могильной ямы, диаметр камней – 0,08–0,3 м. Стратиграфия могильной ямы захоронения 1: темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего и желтого песка, древесного тлена – 0,84 м. В западной могильной яме на глубине 0,1–0,39 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +2…-15) изучено захоронение 1, костных останков не сохранилось (высокая кислотность почв). По размерам могильной ямы и составу сопровождающего инвентаря можно предполагать, что в могильной яме был погребен мужчина по обряду ингумации.

Находки в захоронении 1:

– 22 мелких фрагмента стенок лепного лощеного сосуда; поверхность с обеих сторон темно-серого и черного цвета, лощеная (лощение высокого качества); тесто с мелкими примесями песка, дресвы (красной гранитной крошки), в изломе однослойное – серое. Они обнаружены в северо-западном углу пятна и, вероятно, происходят от развала погребального сосуда над могильной ямой с захоронением 1. Это горшок с сильновыпуклым туловом, выраженным скругленным переломом в середине тулова, наибольшее расширение – в середине сосуда, горло широкое. На плече сосуда ручка, прямоугольная в сечении, с двумя отверстиями (отверстий, вероятно, было три) (рис. 18: 2). Поверхность с обеих сторон темно-серого, черного цвета, лощеная. На внешней поверхности, по плечику, три витка

Рис. 13. Могильник Заостровье-7. Погребение 3.2010 г. Каменный заклад

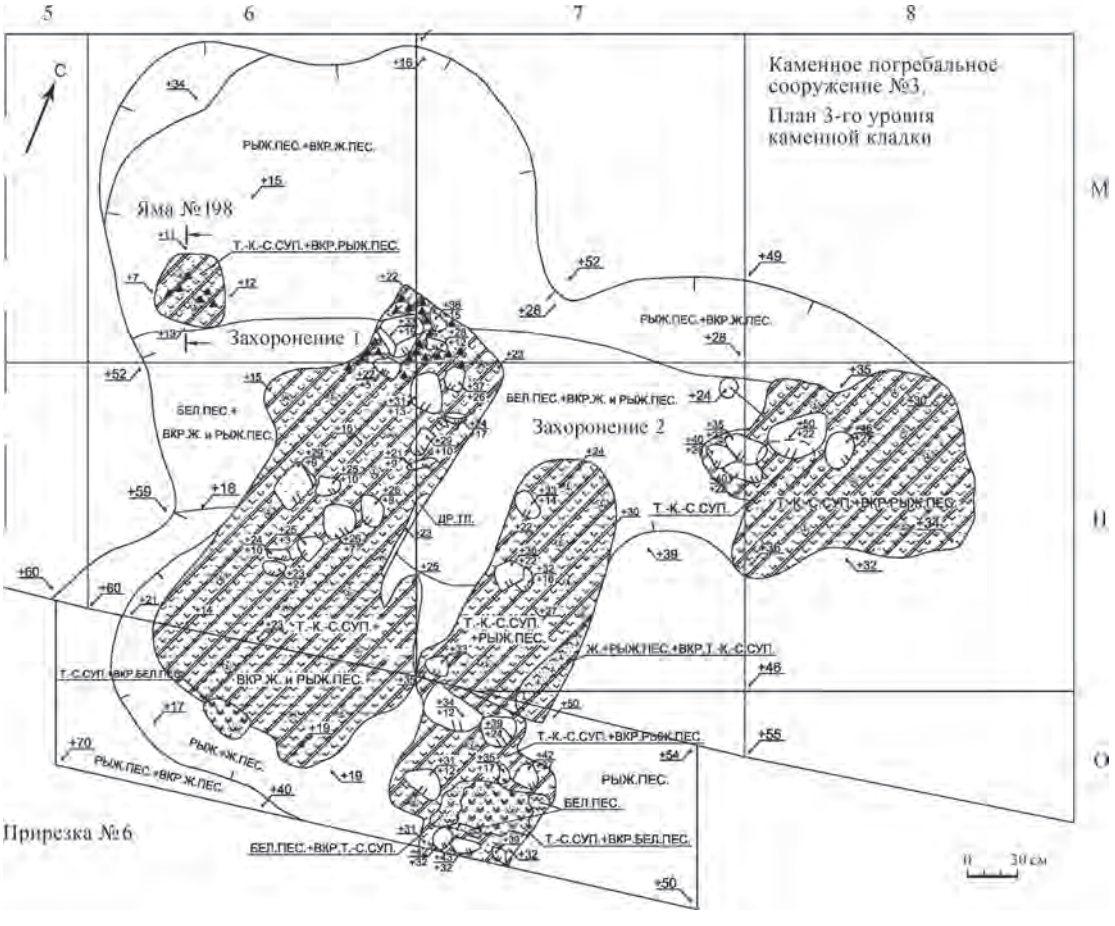
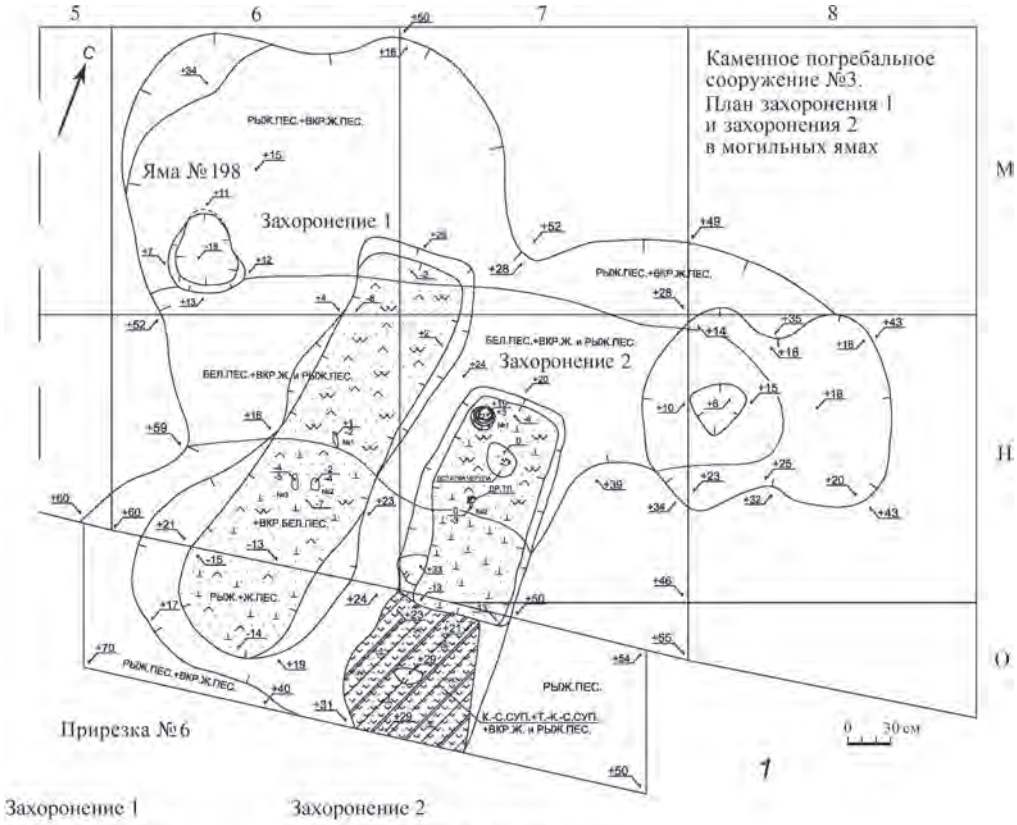

Рис. 14. Могильник Заостровье-7. Погребение 3.2010 г. Каменный заклад. Нижний уровень

линейного трехрядного, двухрядного, однорядного орнамента. Тесто с примесью мелкого песка, мелкой красной гранитной крошки, слюды, в изломе однослойное – серое или двухслойное – светло-коричневое, серое. Размеры: диаметр по основанию горла – 11 см; максимальный диаметр сосуда – 19 см; размеры ручки – 6,5 × 0,8 × 0,7–1,5 см, диаметр отверстия ручки – 0,9–1,5 см; толщина стенки сосуда – 0,5–0,7 см. Этот сосуд очень близок по форме погребальным урнам раннеримского времени (*Кулаков*, 2003. Рис. 104). Отсутствие каких-либо признаков кальцинированных остатков и инвентаря в районе сосуда, а также стратиграфическая близость основной части сосуда к верхней границе заполнения могильной ямы 1 позволяют отнести сосуд к типу сосудов-приставок с многочастными ручками и связать его с захоронением 1. Вероятно, сосуд был поставлен в районе головы погребенного уже после заполнения могильной ямы и оказался раздавлен в процессе формирования каменной кладки над погребением;

– два точильных сланцевых камня (рис. 17: *3, 4*), в центральной части могильной ямы;
– железный нож (рис. 17: *2*), в центральной части могильной ямы на расстоянии 0,26 м к северу от камней.

Захоронение 2. Размеры пятна восточной могильной ямы – 2,5 (север – юг) × 0,66–0,96 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплением рыжего песка, по восточному краю пятна прослежено заполнение в виде желтого и рыжего песка с вкраплениями темно-коричнево-серой супеси, в юго-восточном углу пятна – темно-серая супесь с вкраплениями белого песка. Заклад в виде отдельных камней в западной, центральной и южной частях ямы, диаметр камней – 0,08–0,36 м. Стратиграфия восточной могильной ямы: темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего и желтого песка – 0,52 м, с желтым с рыжим

Захоронение 1

№1 - нож железный
№2 - точильный камень
№3 - точильный камень

Захоронение 2

№1 - сосуд глиняный лепной
во фрагментах (53 фр.)
№2 - фибула арбалетовидная бронзовая

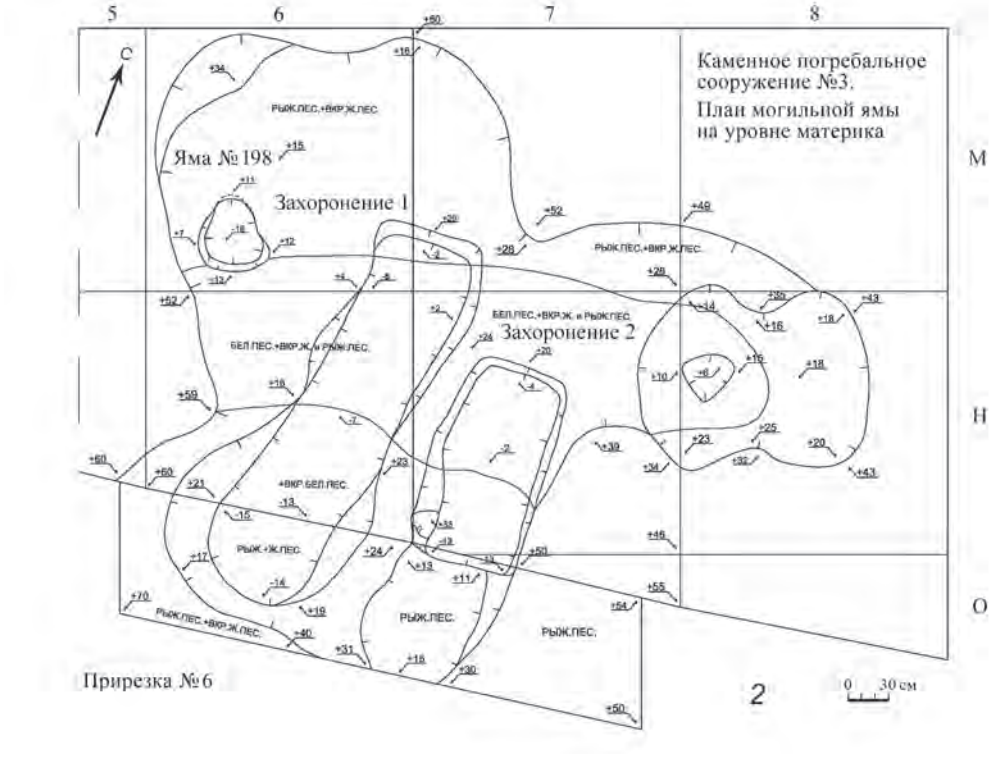

Рис. 15. Могильник Заостровье-7. Погребение 3.2010 г. Планы могильной ямы

песком и вкраплениями коричнево-серой супеси – 0,28 м. Размеры ямы на уровне материка – 3,08 (север – юг) × 0,74–1,12 м. Стенки ямы почти отвесные, дно ямы ровное, с перепадом высот не более 0,17 м, форма подпрямоугольная, с округлыми углами. Глубина могильной ямы от уровня поверхности материка – 0,1–0,39 м. Материк – рыжий (красно-желтый) и желтый песок с вкраплениями белого песка. После исследования заполнения могильной ямы ее размеры на уровне материка – 1,56 (север – юг) × 0,74–0,86 м. Стенки ямы почти отвесные, дно ямы ровное, с перепадом высот не более 0,11 м, форма прямоугольная. Глубина могильной ямы от уровня поверхности материка – 0,22–0,63 м. Материк – рыжий песок. Могильная яма захоронения 2 нарушила частично (в северной части) яму в прирезке № 6 с заполнением в виде коричнево-серой супеси с вкраплениями темно-коричнево-серой супеси, желтого и рыжего песка. Размеры исследованной части ямы – 0,9 (север – юг) × 0,9 × 0,09–0,21 м. Материк – рыжий песок.

В восточной могильной яме на глубине 0,2–0,63 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. 0…-13) изучено захоронение молодой женщины (предварительные антропологические определения проведены

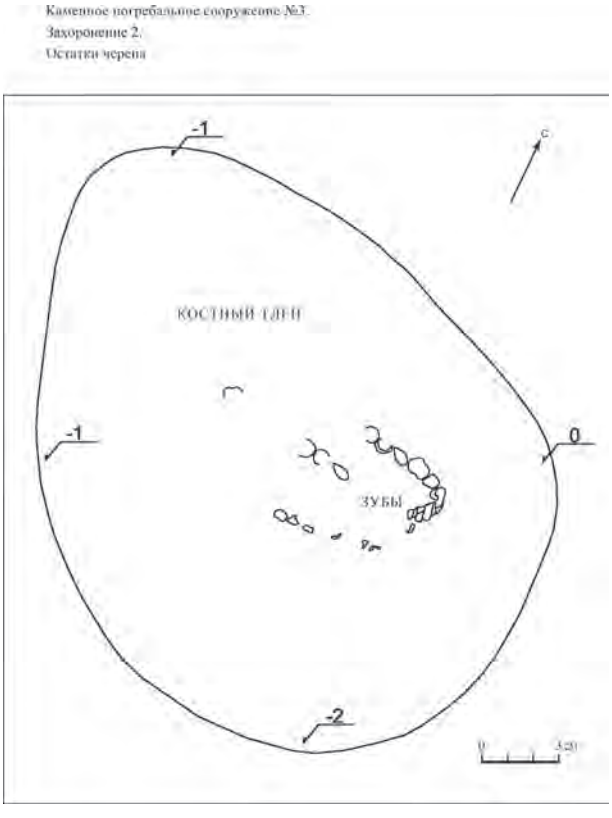

Рис. 16. Могильник Заостровье-7. Погребение 3.2010 г., захоронение 2. План могильной ямы на уровне материка с фиксацией костных останков

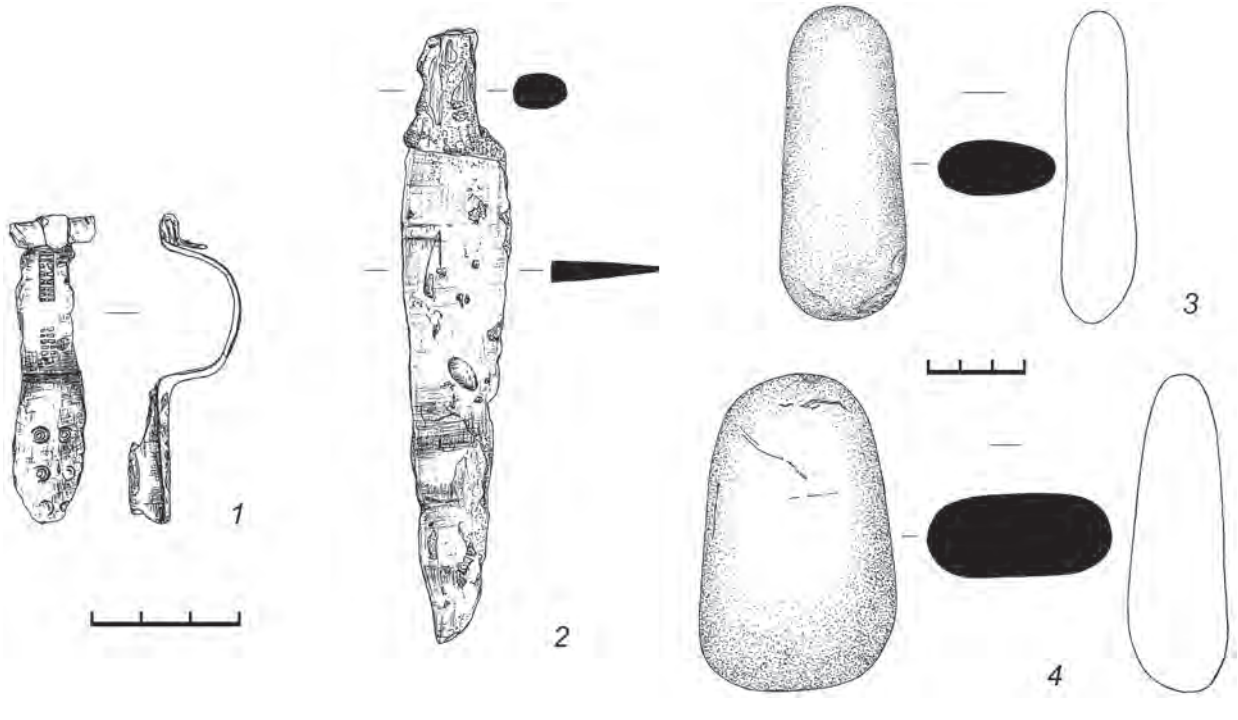

Рис. 17. Могильник Заостровье-7. Погребение 3.2010 г. Находки

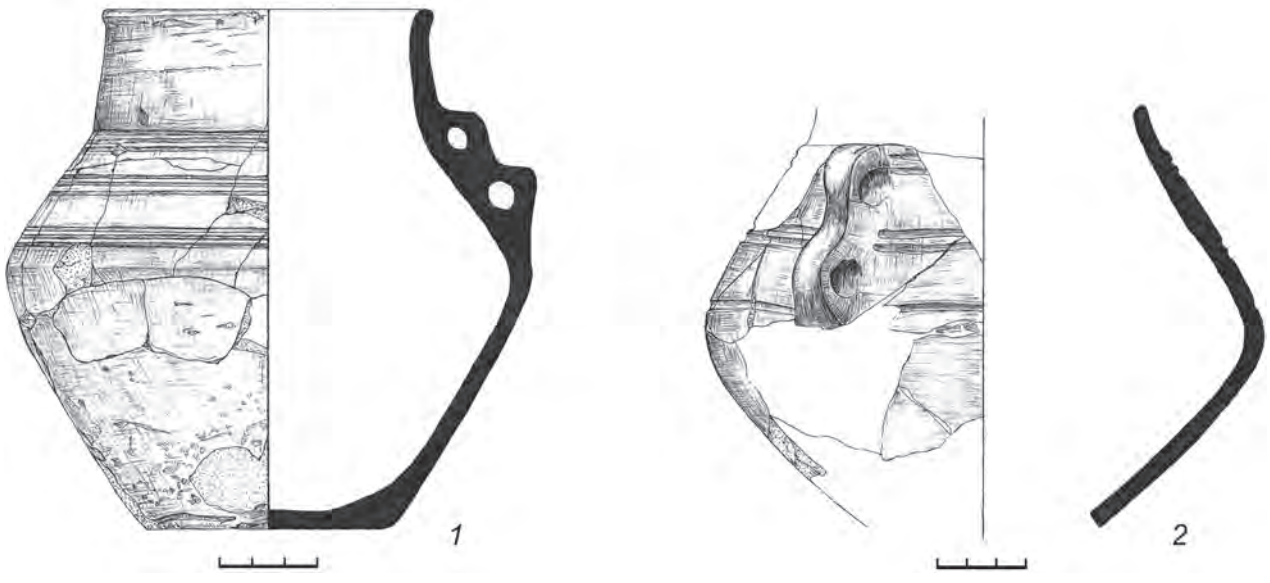

Рис. 18. Могильник Заостровье-7. Погребение 3.2010 г. Находки (керамика)

К. Н. Скворцовым). В северной части могильной ямы сохранились остатки черепа – костный тлен и фрагменты зубов (24 фр.). Захоронение было совершено по обряду ингумации, ориентировано головой на север, с характерным сопровождающим инвентарем (рис. 16).

Находки в захоронении 2:

– бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 17: *1*) с остатками древесного тлена, в центральной части могильной ямы, в 0,3 м к югу от черепа. Фибула типа Альмгрен III.61 отнесена К. Н. Скворцовым к фазе 1 (50–150 гг.) по В. Новаковскому (*Nowakowski*, 1996);

– развал глиняного лепного погребального сосуда (рис. 18: *1*), обнаружен в северо-западном углу ямы рядом с черепом человека. Горшок имеет высокое цилиндрическое горло, раздутое выпуклое тулово с резким скругленным переломом в середине (биконическая форма); на плече ручка, прямоугольная в сечении, с двумя отверстиями. Край венчика скруглен, венчик слегка отогнут наружу. Поверхность с обеих сторон темно-серого цвета, внешняя поверхность полностью лощеная, внутренняя поверхность лощеная по горлу, слегка лощеная по тулову. На внешней поверхности, по плечику – три витка линейного трехрядного орнамента. Тесто с незначительными мелкими примесями песка, красной гранитной крошки, в изломе многослойное – коричневое и серое. Размеры: высота сосуда – 16 см; диаметр по венчику – 8,5 см; диаметр по дну – 7,3 см; высота горла – 4 см; высота верхней части тулова до перелома, горло + плечо – 8,5 см, толщина стенки – 0,3–0,5 см, максимальный диаметр – 15 см; толщина ручки – 0,9–1,1 см; максимальный диаметр отверстий ручки – 0,8–1,0 см. Сосуд относится, по мнению В. Новаковского, к самым ранним типам погребальной керамики самбийско-натангийской культуры. Она, как полагает В. И. Кулаков, связана по происхождению с урнами типа IV поздней фазы культуры западнобалтийских курганов раннего железного века. Сходные с сосудом из захоронения 2 формы сосудов (кружки типа Wiekau, см. выше) зафиксированы в погребениях могильника Долькайм-Коврово фаз B_2–B_2/C_1 (*Кулаков*, 2003. Рис. 110: *6*; 120: *31, 36*) по хронологической системе У. Лунд Хансен (т. е. 70/80–200 гг.) (*Lund Hansen*, 1987. S. 39);

– четыре фрагмента стенок и дна лепных сосудов; поверхность светло-коричневая и коричнево-серая; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красной гранитной крошки), обжиг многослойный или однослойный, слабый, в заполнении могильной ямы.

Учитывая датировку керамики и фибулы, захоронения 1 и 2 под общим каменным сооружением в погребении 3.2010 г., вероятно, следует датировать концом I – началом II в.

Погребение 4.2010 г. (каменное погребальное сооружение № 4) (кв. О10, О11) (рис. 19).

Пятно могильной ямы ориентировано по оси север – юг, оно подпрямоугольной формы, с округлыми углами. Размеры: 1,42 (север – юг) × 1,2 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь, в юго-восточной части – рыжий песок с вкраплениями темно-коричнево-серой супеси. Заклад могильной ямы состоит из крупных и средних камней диаметром от 0,1 до 0,32 м (первый уровень кладки). Выявлено три уровня каменной кладки погребального сооружения. На втором уровне кладки размеры пятна могильной ямы – 1,4 (север – юг) × 1–1,1 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего (красно-желтого) песка. Заклад из камней состоит из единичных крупных и средних камней диаметром 0,1–0,36 м. На третьем уровне кладки размеры пятна могильной ямы – 1,2 (север – юг) × 0,84–1 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего песка. Заклад состоит из единичных крупных и средних камней диаметром 0,1–0,32 м, расположенных по оси север – юг. Стратиграфия могильной ямы: темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего (красно-желтого) и желтого песка – 0,36–0,48 м, желтый песок с вкраплениями коричнево-серой супеси – 0,24–0,32 м. Размеры могильной ямы на уровне материка – 1,54 (север – юг) × 1–1,1 м. Стенки ямы почти отвесные, с наклоном к центру ямы, дно ямы ровное, с перепадом высот не более 0,07 м. Глубина могильной ямы от уровня поверхности материка – 0,61–0,66 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок с вкраплениями белого и желтого песка. Костных останков погребенного в могильной яме не сохранилось (рис. 19: *1*).

Находки:

– фрагменты лепных сосудов, в заполнении могильной ямы;
– три фрагмента железных предметов (рис. 19: *2–4*), в западной части могильной ямы на глубине 0,55–0,6 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +2…-3).

По местоположению в некрополе погребение, вероятно, можно датировать второй половиной I – первой половиной II в.

Погребение 5.2010 г. (каменное погребальное сооружение № 5 – яма № 3б) (кв. Л9, Л10 – яма № 3б, кв. М9, М10) (рис. 20–23).

Пятно заполнения могильной ямы ориентировано по оси север – юг, оно подпрямоугольной формы, с округлыми углами. Размеры – 3,38 (север – юг) × 1,06 м. Заполнение – коричнево-серая супесь с серой супесью, включением угля и древесного тлена, вкраплением рыжего (красно-желтого) песка. С западной и восточной сторон к могильной яме примыкают пятна столбовых ям № 197 и 199. Заклад могильной ямы состоит из крупных и средних камней диаметром от 0,1 до 0,26 м (первый уровень кладки). Выявлено два уровня каменной кладки погребального сооружения. На втором уровне кладки размеры пятна могильной ямы – 2,6 (север – юг) × 0,8–0,86 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплением рыжего песка, по периметру пятна зафиксированы прослойки древесного тлена. Заклад в виде скопления камней выявлен в центральной части ямы, диаметр камней – 0,1–0,32 м (рис. 20). Стратиграфия могильной ямы: коричнево-серая супесь с серой супесью, включением угля и древесного тлена, вкраплением рыжего песка – 0,42–0,48 м, рыжий песок с вкраплениями коричнево-серой супеси – 0,08–0,12 м. Размеры ямы на уровне материка – 3,4 (север – юг) × 0,9–1,14 м. Стенки ямы почти отвесные, дно ровное, с перепадом высот не более 0,08 м, форма прямоугольная, с небольшим расширением в юго-западной части. Глубина от уровня поверхности материка – 0,16–0,5 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок в южной половине и белый песок в северной половине (рис. 20).

В яме на глубине 0,16–0,38 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +21…+46) изучено погребение мужчины (?) по обряду ингумации. Костных останков человека не сохранилось (высокая кислотность почв), в северной половине ямы отмечено пятно слоя белого песка с вкраплениями коричнево-серой супеси, на котором сконцентрирован погребальный инвентарь.

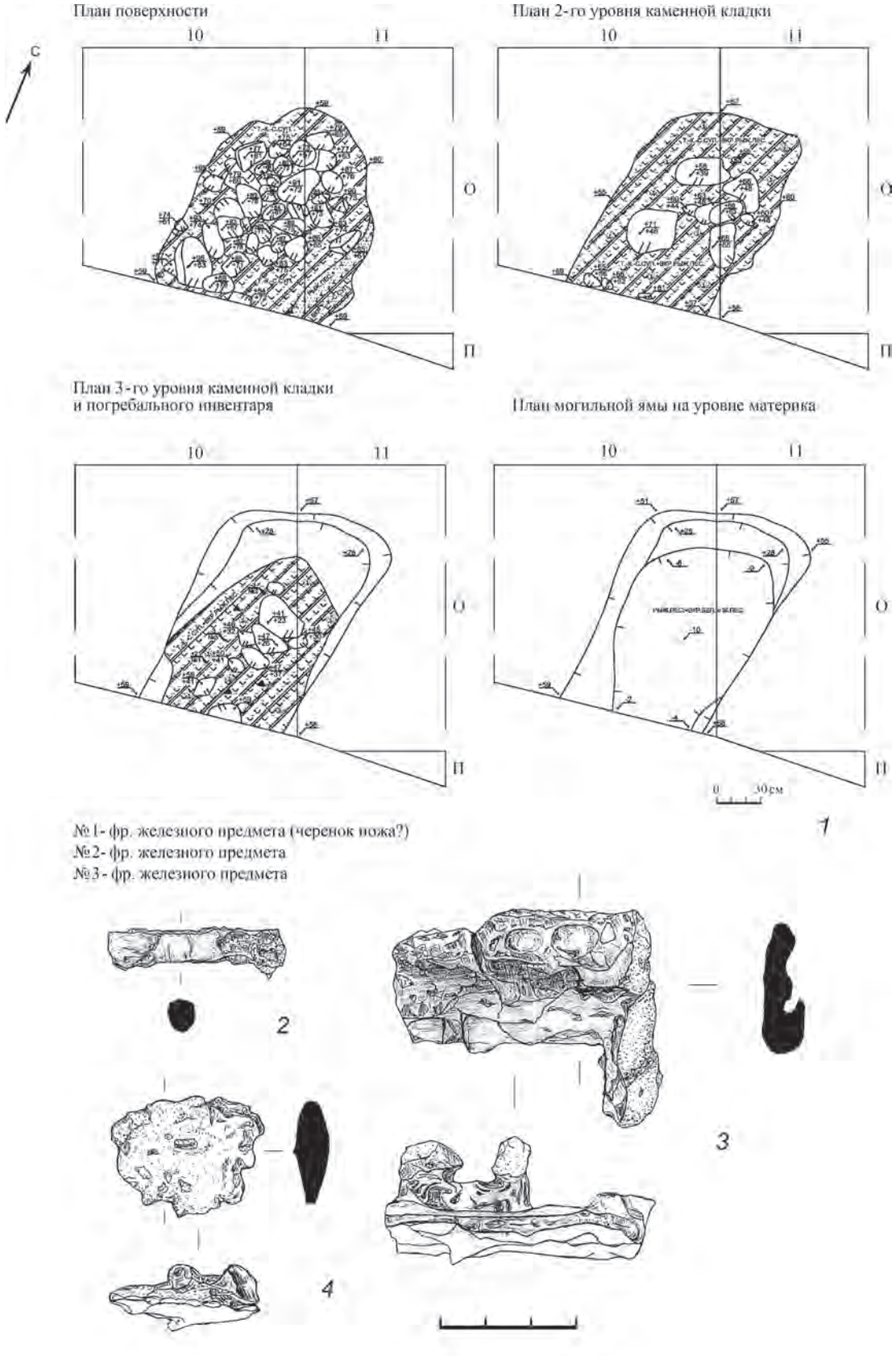

Рис. 19. Могильник Заостровье-7. Погребение 4.2010 г. Планы каменного заклада, могильной ямы и находки

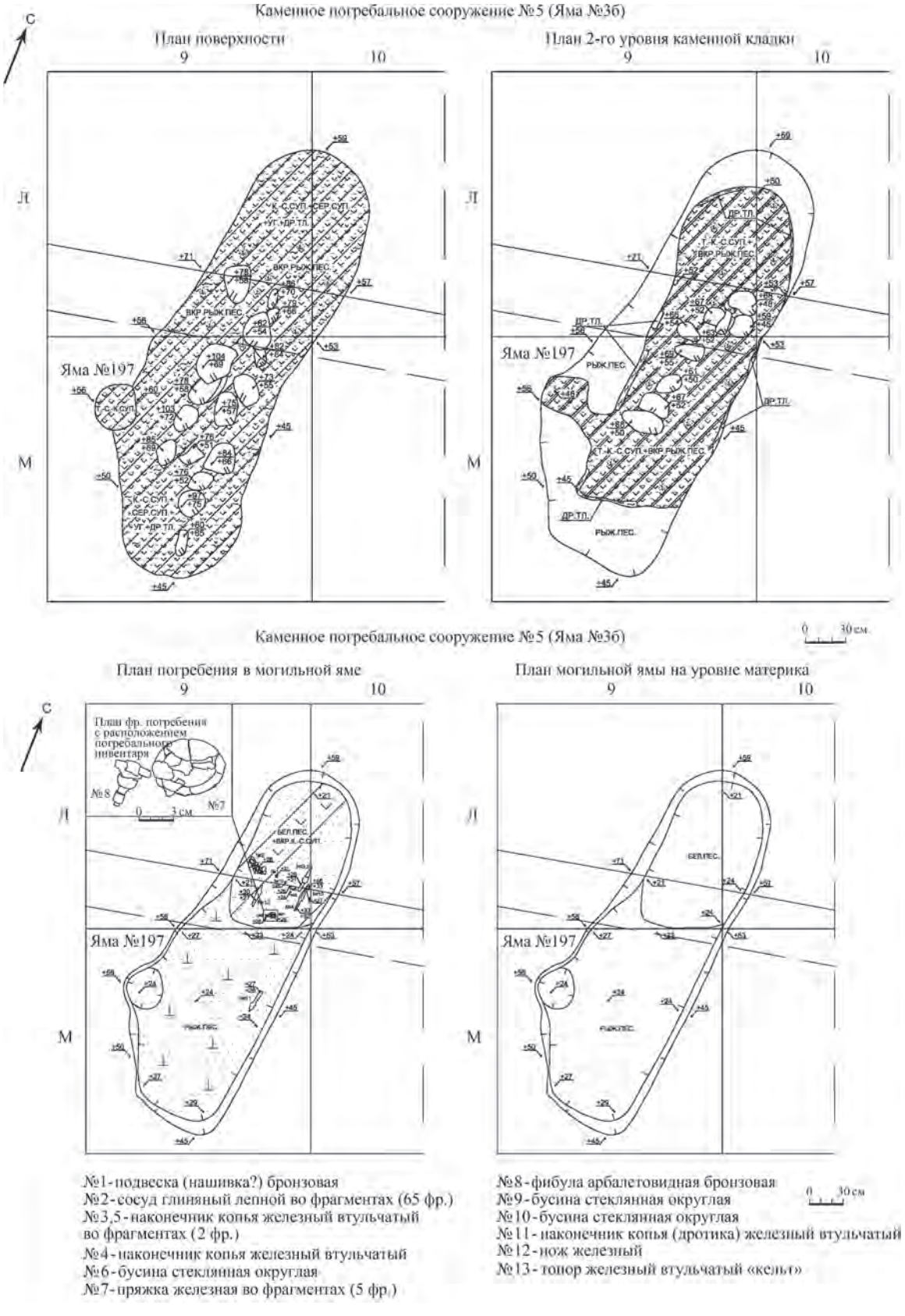

Рис. 20. Могильник Заостровье-7. Погребение 5.2010 г. Планы каменного заклада и могильной ямы

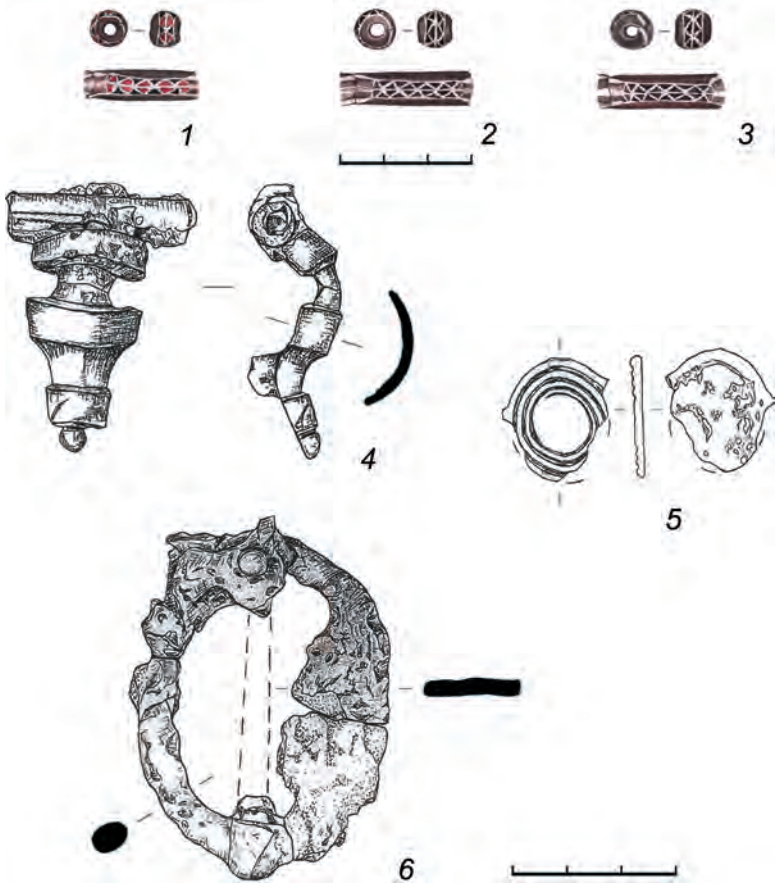

Рис. 21. Могильник Заостровье-7. Погребение 5.2010 г. Находки

Находки:

– развал лепного сосуда (рис. 23), у северо-западной стенки ямы. Горшок округлобокий, с сильновыпуклым туловом, наибольшее расширение – в нижней половине сосуда. Горло широкое, высокое, цилиндрическое, край венчика прямой, венчик слегка отогнут наружу. На плече сосуда – имитация ручки, прямоугольной в сечении, с тремя отверстиями; под ручкой – сквозное отверстие. Поверхность с обеих сторон серого, светло-коричневого цвета, внешняя поверхность лощеная, внутренняя – по горлу лощеная, по тулову заглаженная. На внешней поверхности, по плечику, геометрический орнамент (два ряда ломаных зигзагообразных линий, собранных по три, образующих ромбы и елки); один из рядов орнамента вытягивается через тулово к дну. Тесто с незначительной примесью мелкого песка, мелкой красной гранитной крошки, слюды, в изломе многослойное – светло-коричневое, серое, светло-коричневое. Размеры: высота сосуда – 14,5 см; диаметр по венчику – 8,5 см; диаметр по дну – 8 см; высота горла – 4,0 см; максимальный диаметр сосуда – 15,5 см; размеры ручки – 3,5 × 0,7 × 1,0 см, диаметр отверстия ручки – 0,4 см; диаметр отверстия под ручкой – 0,8 см; толщина стенки сосуда – 0,4–0,7 см. Похожий сосуд-приставка с округлым выпуклым туловом, прямым высоким горлом, завершающимся отогнутым наружу венчиком, имеющий налеп на плече в виде имитации многочастной ручки, а также геометрический орнамент по плечику в виде двух рядов линий, образующих ромбы и треугольники, встречен в одном из погребений могильника Изобильное (бывш. Klein Flieβ, Kr. Labiau), исследованных И. Хейдеком в 1897 г. Под каменной кладкой, состоящей из двух-трех слоев валунов, И. Хейдек выявил погребение в виде группы кальцинированных костей в сопровождении обломков сосуда, а также наконечник копья, железный кельт, умбон щита, бронзовую фибулу типа Альмгрен V, 192–203, бронзовые детали поясного набора и бронзовый

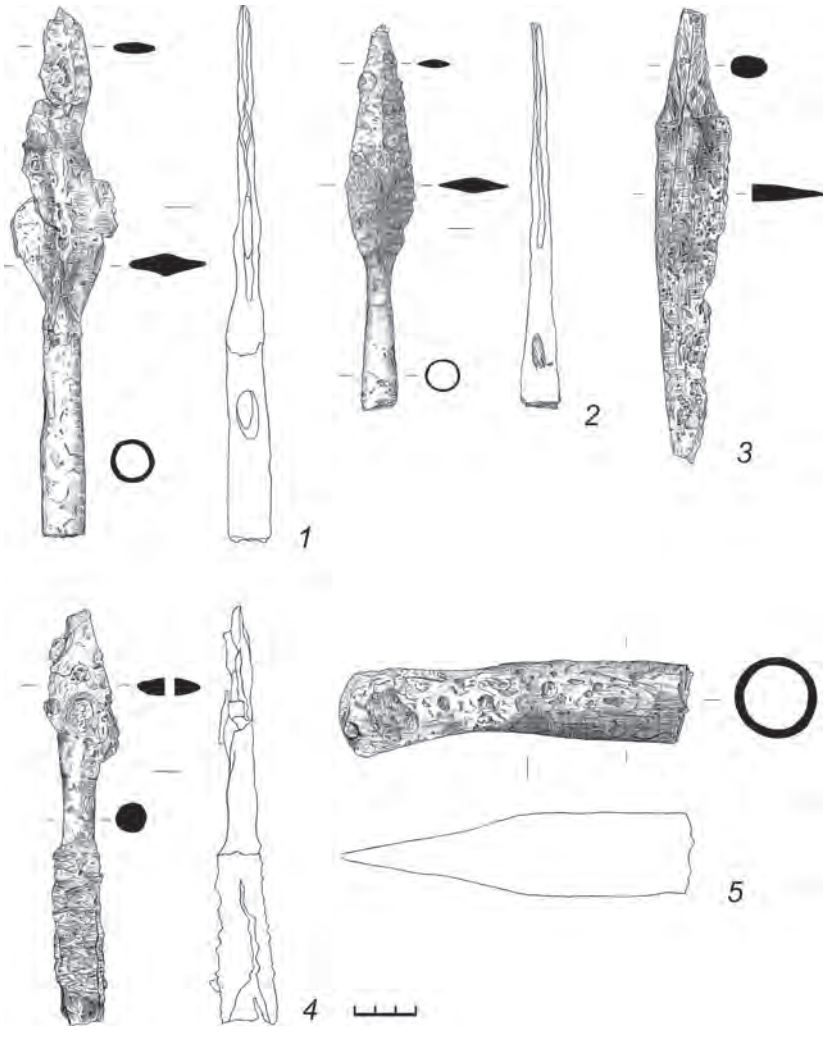

Рис. 22. Могильник Заостровье-7. Погребение 5.2010 г. Находки (железные изделия)

шлак. По фибулам и сосудам-приставкам погребение датировано В. И. Кулаковым этапом B_2/C_1 (150–200 гг.) (*Кулаков*, 2003. С. 54);
– подвеска (нашивка?) бронзовая (рис. 21: *5*), в 0,1 м к востоку от сосуда;
– три бусины стеклянные округлые (рис. 21: *1–3*), далее на восток в 0,1 м;
– два железных втульчатых наконечника копий ланцетовидной формы (рис. 22: *1, 2*), ближе к восточной стенке ямы;
– топор железный втульчатый, «кельт» (рис. 22: *5*), ближе к восточной стенке ямы. Аналогичные находки были обнаружены во втором погребении могильника Изобильное (*Кулаков*, 2003. С. 56. Рис. 18);
– пряжка железная (рис. 21: *6*), в центре ямы, в 0,34 м к юго-западу от топора;
– бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 21: *4*), в центре ямы, в 0,34 м к юго-западу от топора. Фибула типа Альмгрен 96 отнесена К. Н. Скворцовым к фазе 2 (150–220/225 гг.) по В. Новаковскому (*Nowakowski*, 1996);
– нож железный (рис. 22: *3*), в 0,16 м к западу от фибулы;
– наконечник копья (дротика) втульчатый, железный (рис. 22: *4*), в 0,6 м к югу от фибулы.

Это погребение следует отнести ко второй половине II в. Вероятно, синхронным ему следует считать погребение 8.2010 г. (см. ниже) в разрушенной могильной яме № 8б, где встречены фрагменты близкого по форме сосуда. На синхронность также указывает факт расположения погребений в одном ряду, который являлся северной границей могильника.

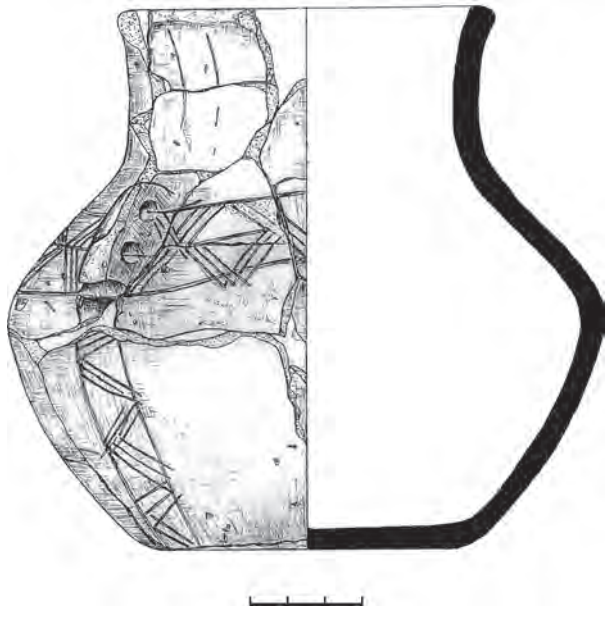

Рис. 23. Могильник Заостровье-7. Погребение 5.2010 г. Находки (керамический сосуд)

Погребение 6.2010 г. (каменное погребальное сооружение № 6) (кв. Т-С-20, С-19) (рис. 2; 3).

Зафиксирована северная часть пятна подпрямоугольной формы с округлыми углами. Размеры – 0,5 (север – юг) × 1,2 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь с вкраплениями рыжего песка. Заклад могильной ямы состоит из крупных и средних камней диаметром от 0,1 до 0,24 м. Проведена консервация погребального сооружения на первом уровне кладки.

Погребение 7.2010 г. (каменное погребальное сооружение № 7) (кв. С-18–19) (рис. 2; 3).

Зафиксирована северная часть пятна подпрямоугольной формы с округлыми углами. Размеры – 0,3 (север – юг) × 0,92 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь. Заклад могильной ямы состоит из крупных и средних камней диаметром 0,1–0,2 м. Проведена консервация погребального сооружения на первом уровне кладки.

Погребение 8.2010 г. (яма № 8б) (кв. И-К6–7, Л6) (рис. 2; 3; 24).

Каменная кладка повреждена, сохранилась в виде отдельных камней диаметром 0,16–0,36 м. Пятно ямы подпрямоугольной формы, с округлыми углами, ориентировано по линии север – юг. Размеры – 3,4 (север – юг) × 1,08–1,2 м. Могильная яма была повреждена в южной верхней части ямой № 8а. Заполнение в северной части – серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего (красно-желтого) и желтого песка, в южной – темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего песка (заполнение ямы № 8а). Стратиграфия могильной ямы: темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего песка – 0,12–0,62 м, прослойка рыжего песка с вкраплением желтого песка – 0,34–0,46 × 0,24–0,5 м. Размеры могильной ямы на уровне материка составили 3,4 (север – юг) × 1,3–1,34 м. Стенки ямы пологие, дно ямы в плане овальное, ровное, глубина ямы от поверхности материка – 0,2–0,32 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок с вкраплением желтого песка. Форма разрушенной могильной ямы свидетельствует об ингумации, однако останков человека не сохранилось.

Находки:

– черенок железного ножа (рис. 24: *5*), в могильной яме на глубине 0,13–0,15 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +38, +40);
– фрагмент железной проволоки (рис. 24: *6*) в могильной яме на глубине 0,13–0,15 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +38, +40);

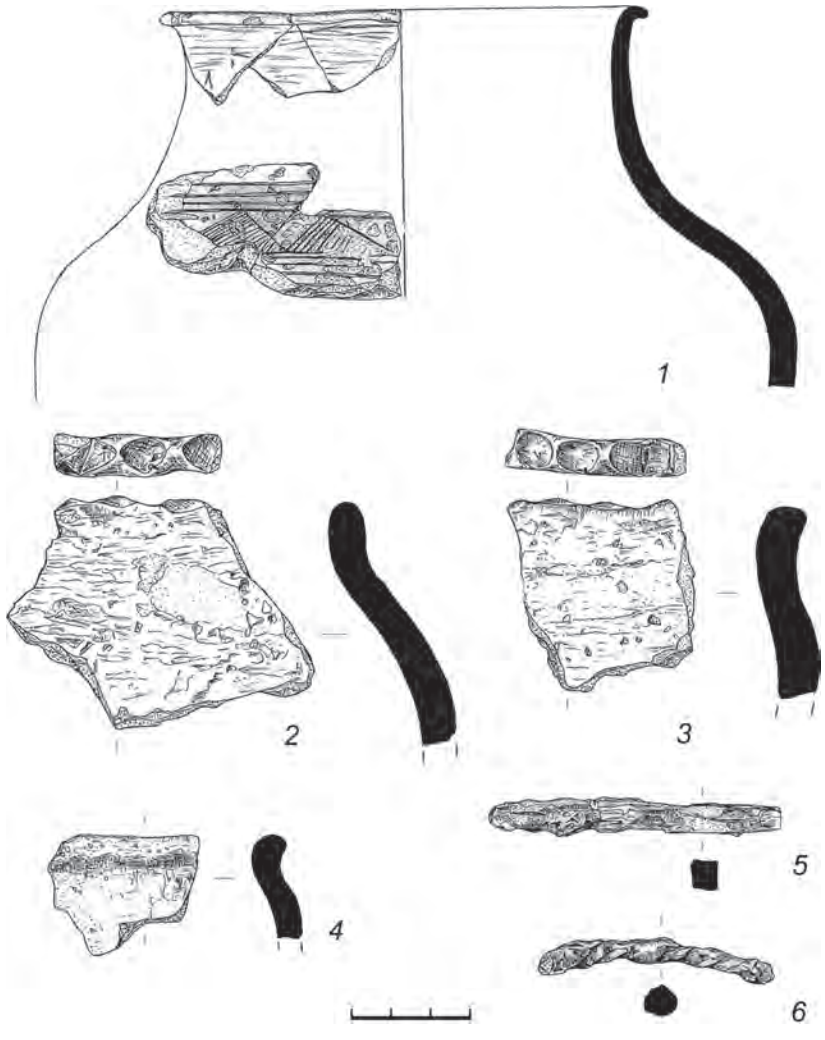

Рис. 24. Могильник Заостровье-7. Погребение 8.2010 г. Находки

– 38 фрагментов лепных сосудов, в могильной яме на глубине 0,13–0,15 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +38, +40). Выделяются фрагменты нескольких сосудов.

Сосуд А. Фрагмент венчика лепного грубого сосуда; внешняя поверхность серо-коричневого цвета, затертая, шершавая, внутренняя – темно-серого цвета, заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, слюды, мелкой и крупной дресвы (красной и белой гранитной крошки), в изломе двухслойное – коричнево-серое, темно-серое. Край венчика прямой, по краю – крупные пальцевые вдавления, венчик прямой (рис. 24: *2*).

Сосуд В. Четыре фрагмента венчика и стенок лепного грубого сосуда; внешняя поверхность серо-коричневого цвета, затертая, внутренняя темно-серого цвета, заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, слюды, мелкой и крупной дресвы (красной и белой гранитной крошки), в изломе двухслойное – коричнево-серое, темно-серое. Край венчика прямой, по краю – крупные пальцевые вдавления, венчик слегка отогнут наружу (рис. 24: *3*).

Сосуд С. 18 фрагментов венчика, стенок и донца лепного сосуда; поверхность с обеих сторон темно-серого и черного цвета, лощеная, на внутренней поверхности – глубокие следы лощила; тесто с незначительным количеством мелкого песка и мелкой дресвы (красная гранитная крошка), в изломе однослойное – серое, темно-серое. Край венчика заострен, скруглен, отогнут наружу; горло высокое, близкое к цилиндрическому, слегка сужающееся к краю; тулово сильновыпуклое, округлое. По плечику геометрический орнамент в виде зигзагообразной ломаной линии с заштрихованными треугольниками внутри, ограниченный сверху витком

из четырех линий, снизу – витком из пяти линий Размеры: диаметр по венчику – 10 см, диаметр по дну – 8 см, максимальный диаметр сосуда – 17 см, толщина стенки – 0,3–0,7 см (рис. 24: *1*).

Сосуд-приставка, напоминающий наш сосуд с раздутым округлым туловом, высокой сужающейся к краю шейкой, отогнутым наружу краем венчика и геометрическим орнаментом по плечику в виде двух рядов линий, образующих ромбы и треугольники, был встречен в одном из погребений могильника Изобильное (бывш. Klein Flieβ, Kr. Labiau), исследованных И. Хейдеком в 1897 г. Под остатками каменной кладки была обнаружена урна с тремя сосудами-приставками; ниже, на глубине 2,5 м от современной поверхности, – конский скелет черепом на юг в сопровождении оголовья с бронзовыми деталями и удила с бронзовыми кольцами (*Кулаков*, 2003. С. 54). По фибулам и сосудам-приставкам погребение в Изобильном датировано В. И. Кулаковым этапом B_2/C_1 (150–200 гг.). По форме и характеру орнаментации близка сосуду С и урна из погребения 31 могильника Долькайм-Ковров. Однако урна из Долькайма имеет более значительные размеры (*Кулаков*, 2003. Рис. 110). В погребении 31 кроме урны были выявлены бронзовые глазчатые фибулы группы Альмгрен III, сосуд-приставка в виде кружки типа Wiekau с многочастной ручкой (см. выше), железные наконечники копий, бронзовая шпора с железным острием. Погребение отнесено В. И. Кулаковым к этапу B_2/C_1 (150–200 гг.) (*Кулаков*, 2003).

Хотя в нашем погребении 8 мы имеем дело только с мелкими фрагментами сосуда и не выявлено наличие ручки, однако размеры и характер обработки поверхности позволяют отнести сосуд к типу сосудов-приставок, вероятно, сходных с сосудом из второго погребения могильника Изобильное. Отметим, что в случае с Изобильным и Долькаймом-Ковров подобные сосуды встречены в погребениях по обряду кремации, в то время как форма разрушенной могильной ямы погребения 8 свидетельствует об ингумации.

Сосуд D. Два фрагмента лепного сосуда; внешняя поверхность серо-коричневого цвета, внутренняя – коричневого, темно-серого, черного цвета, подлощенная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе двухслойное – коричнево-серое, темно-серое.

Сосуд E. 11 фрагментов стенок лепного сосуда; внешняя поверхность серого с оттенками коричневого цвета, грубо заглаженная, внутренняя – темно-серого и черного цвета, хорошо заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе однослойное – темно-серое.

Также в яме найдены фрагмент венчика ошлакованного сосуда, тесто с примесью мелкого песка и мелкой дресвы, в изломе однослойное; край венчика округлый, венчик слабо отогнут наружу (рис. 24: *4*); фрагмент стенки лепного сосуда с заглаженной поверхностью светло-серого цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная и белая гранитная крошка), в изломе однослойное – серое.

Фрагменты грубых сосудов с ошершавленной поверхностью и пальцевыми вдавлениями по краю венчика напоминают грубые лепные урны, однако отсутствие находок кальцинированных костей, форма разрушенной могильной ямы, предполагающая ингумацию, и фрагменты ошлакованной керамики со следами вторичного пребывания в огне позволяют отнести эту керамику к остаткам заупокойных подношений.

Вероятно, это погребение является синхронным погребениям 1.2010 г. и 5.2010 г. и датируется второй половиной II в.

Погребение 9. 2010 г. (яма № 16) (кв. К3, И3, К4, И4) (рис. 2; 3; 25).

Пятно заполнения могильной ямы является западной частью ямы № 16. Каменное погребальное сооружение и яма были нарушены в более позднее время (первая половина – середина XX в.). Пятно ямы подпрямоугольной в плане формы с округлыми углами ориентировано по оси север – юг. Размеры – 3 (север – юг) × 1,04–1,8 м. Заполнение – темно-коричнево-серая супесь, в северной части с включением желтого и рыжего песка и скоплением камней диаметром 0,2–0,3 м (остатки поврежденной каменной кладки). Стратиграфия могильной ямы: темно-коричнево-серая супесь с вкраплением желтого песка – 0,1–0,3 м,

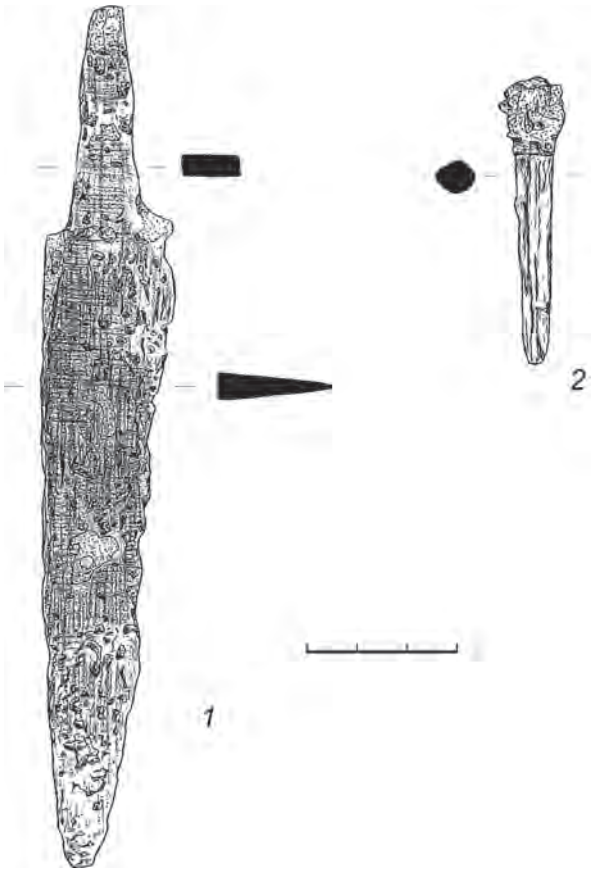

Рис. 25. Могильник Заостровье-7. Погребение 9.2010 г. Находки

в южной части – темно-коричнево-серая супесь с камнями – 0,42 м. Размеры могильной ямы на уровне материка – 3,08 (север – юг) × 1,2 м. Стенки ямы почти отвесные, дно ямы ровное, с небольшим углублением до 0,2 м в центральной части, глубина ямы от уровня поверхности материка – 0,19–0,38 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок с вкраплениями желтого песка и белый песок с вкраплением желтого песка.

Останков человека в погребении не сохранилось. По форме и размерам могильной ямы, сопровождающему инвентарю можно предполагать, что погребение было совершено по обряду ингумации и могло принадлежать мужчине.

Находки:

- железный нож (рис. 25: *1*), в яме на глубине 0,15 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +53);
- железный черенок ножа с остатками деревянной рукояти (рис. 25: *2*), в яме на глубине 0,15 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +53);
- фрагмент дна лепного сосуда, внешняя поверхность темно-серого цвета, подлощенная, внутренняя сколота; тесто с примесью мелкого песка, мелкой дресвы, в яме на глубине 0,15 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +53).

По местоположению в некрополе погребение, вероятно, можно датировать второй половиной II в.

Погребение 10.2010 г. (яма № 164) (кв. М5, Н5) (рис. 26–29).

Пятно заполнения ямы подпрямоугольной формы с округлыми углами ориентировано по оси северо-запад – юго-восток. Размеры – 1,12 (северо-запад – юго-восток) × 0,5 × 0,1–0,14 м. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь с рыжим (красно-желтым) песком. В центральной части пятна ямы – крупный камень диаметром 0,2–0,24 м, в юго-восточной части пятна зафикси-

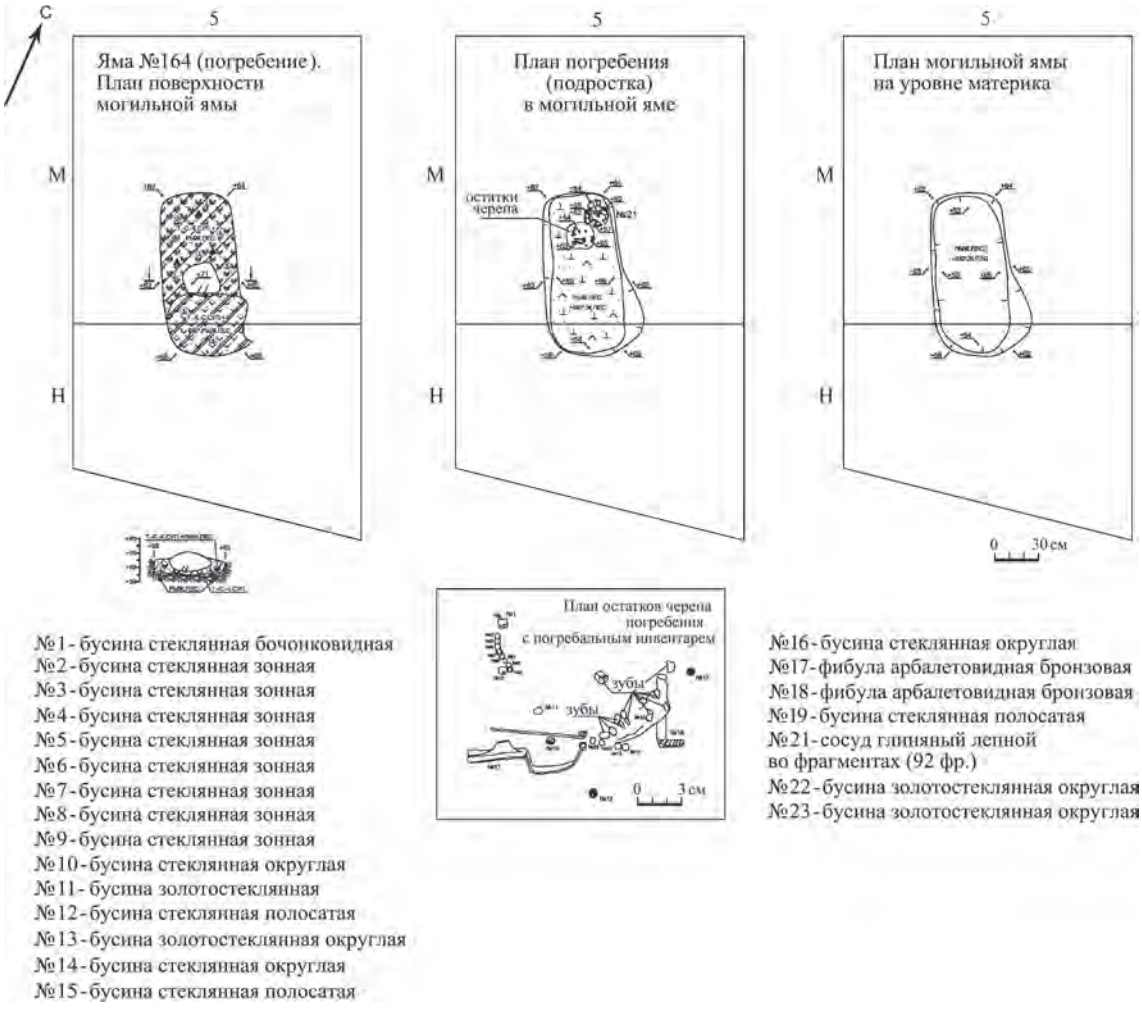

Рис. 26. Могильник Заостровье-7. Погребение 10.2010 г. Планы и стратиграфия могильной ямы

ровано заполнение из темно-коричнево-серой супеси с вкраплением рыжего песка. Стратиграфия могильной ямы: темно-серо-коричневая супесь с рыжим песком – 0,1 м, темно-серо-коричневая супесь – 0,02 м. После исследования заполнения могильной ямы и захоронения № 1 размеры ямы на уровне материка – 1,12 (северо-запад – юго-восток) × 0,5–0,66 м. Стенки ямы почти отвесные, дно ямы ровное, плоское, глубина ямы от уровня поверхности материка – 0,10–0,14 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок с вкраплениями желтого песка (рис. 26).

В яме на глубине 0,1 м от уровня материковой поверхности (нив. отм. +54, +55) расчищено захоронение девочки-подростка (антропологические определения проведены К.Н. Скворцовым). Отмечена плохая сохранность костных останков (высокая кислотность почв), сохранились следы черепа, фрагмент нижней челюсти, зубы (13 шт.). Погребенная была ориентирована головой на северо-запад, с отклонением к востоку от линии север – юг (рис. 26).

Находки:

– 92 фрагмента глиняного сосуда (рис. 28), в северном углу могильной ямы, у головы погребенной. Горшок имеет низкое, расширяющееся к краю горло, раздутое выпуклое тулово, выраженную ножку. Наибольшее расширение приходится на середину сосуда. Край венчика уплощен, венчик отогнут наружу. Внешняя поверхность темно-серого цвета, лощеная по всей поверхности, внутренняя поверхность серого и коричневого цвета, заглаженная. Тесто с незначительными мелкими примесями песка, красной гранитной крошки, слюды, плотное, в изломе многослойное – коричневое, серое, коричневое. Размеры: высота

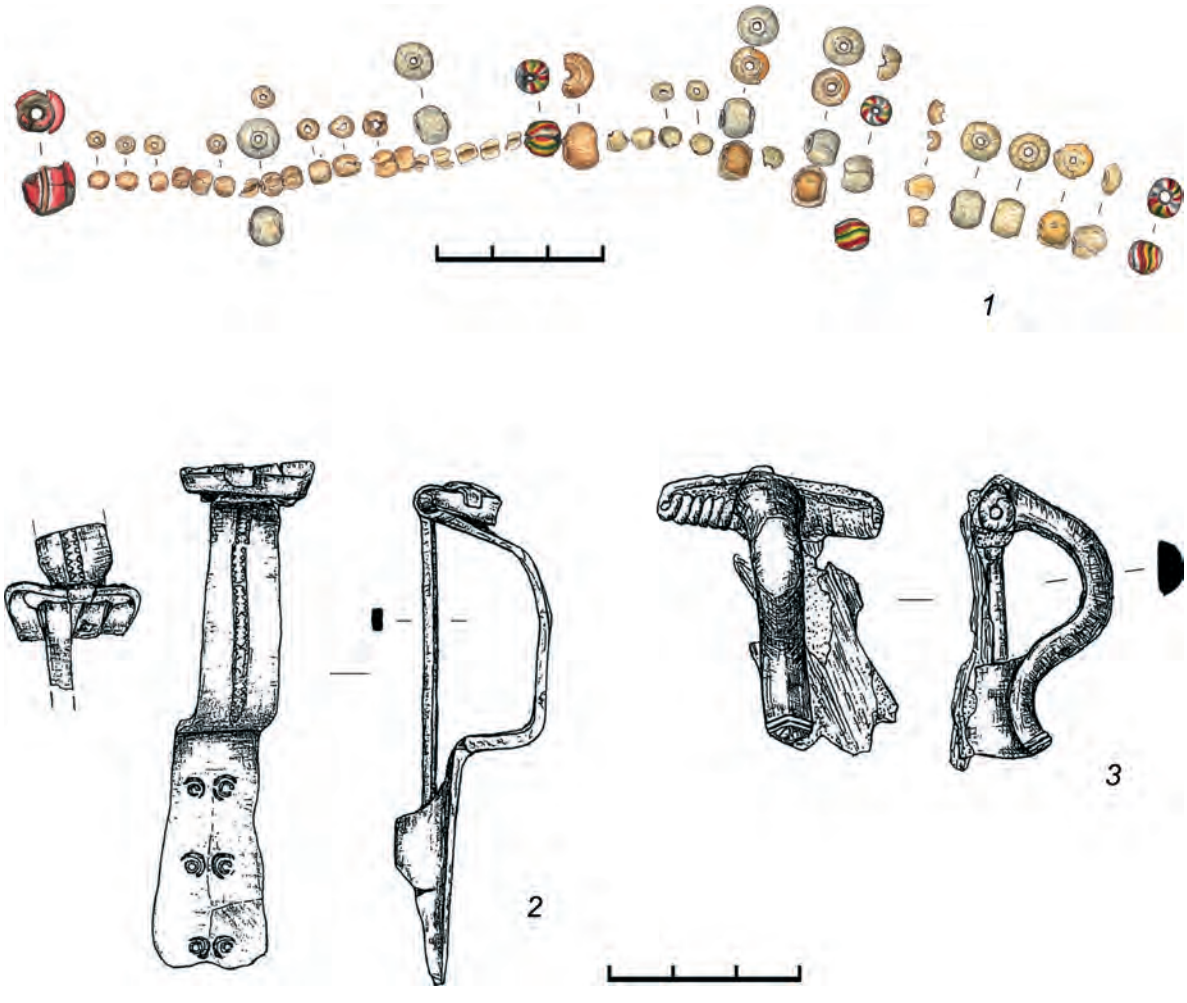

Рис. 27. Могильник Заостровье-7. Погребение 10.2010 г. Находки

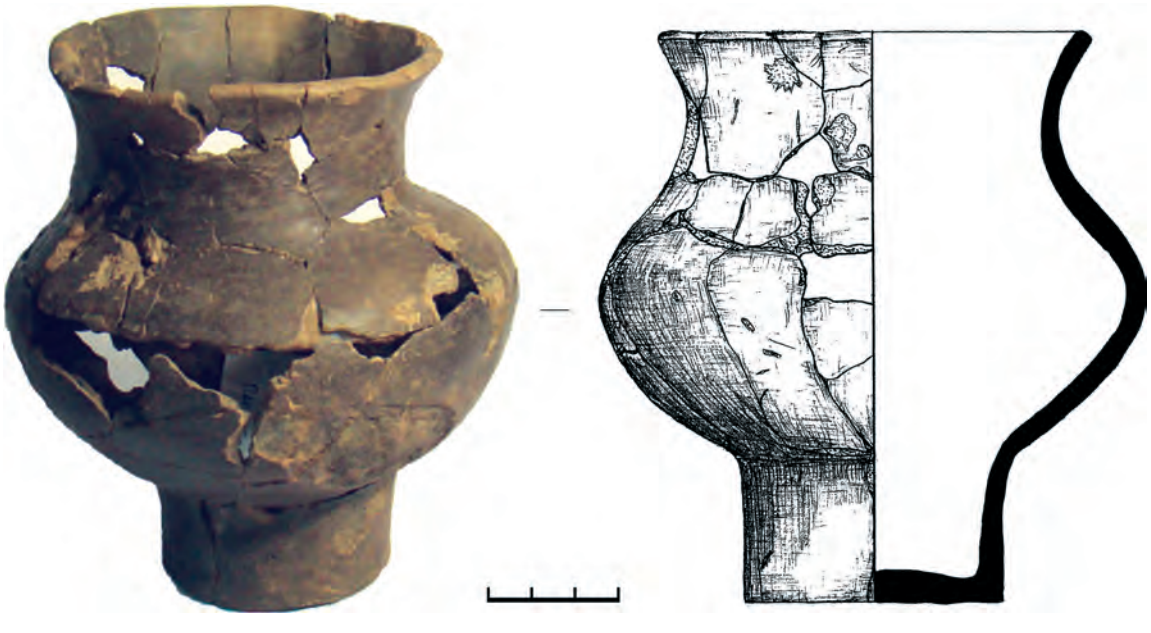

Рис. 28. Могильник Заостровье-7. Погребение 10.2010 г. Находки (керамический сосуд)

Рис. 29. Могильник Заостровье-7. Погребение 10.2010 г. Арбалетовидная фибула
Фото Т. Ш. Гацаева

сосуда – 14,0 см; диаметр по венчику – 9,0–9,3 см; диаметр по дну – 6,0–6,2 см; высота ножки – 3,0–3,3 см; высота горла – 3,7 см, максимальный диаметр сосуда – 13 см; толщина стенки – 0,3–0,5 см. Сосуд с S-видным профилем на выраженной ножке находит полную аналогию в погребении XIII могильника Хрустальное (бывш. Wiekau, Kr. Fischhausen), которое по типам фибул датировано В. И. Кулаковым этапом B_2/C_1 (150–200 гг.) согласно хронологической системе У. Лунд Хансен (*Lund Hansen*, 1987. S. 39). Такие сосуды, по мнению В. И. Кулакова, «находят основательные параллели в пшеворских древностях второй половины II в. н. э., маркируя плотные контакты жителей Янтарного берега и Мазовии». Керамические формы пшеворского происхождения встречены во II в. н. э. на памятниках Самбии и низовий реки Ногаты (*Кулаков*, 2003. С. 54);

– две арбалетовидные бронзовые фибулы типов Альмгрен III.61 (рис. 27: *2*; 29) и Альмгрен V. 109, 114 (рис. 27: *3*), найдены под нижней челюстью, а также чуть ниже и правее черепа. Фибулы определены К. Н. Скворцовым и отнесены им к фазе 1 (50–150 гг.) по хронологии В. Новаковского (*Nowakowski*, 1996);

– наборное ожерелье из 34 стеклянных бусин: многоцветная (№ 1), восемь зонных бусин (№ 2–9), серые округлые (№ 10, 11, 14, 16, 20, 22, 23), золотостеклянная (№ 13), три полосатые многоцветные (№ 12, 15, 19), под нижней челюстью (рис. 27: *1*). Бусины № 1–10 в правой верхней части черепа располагались друг за другом в порядке, в каком были в составе ожерелья; бусины № 11–16, 19, 22, 23 рассыпаны под нижней челюстью;

– два фрагмента лепного сосуда; внешняя поверхность светло-коричневого цвета, шершавая, внутренняя – темно-серого цвета, хорошо заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, слюды, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе многослойное (светло-коричневое, серое, темно-серое), а также фрагмент лепного сосуда; внешняя поверхность коричневого цвета, внутренняя – темно-серого цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе многослойное (светло-коричневое, темно-серое), в заполнении могильной ямы.

Учитывая хронологию фибул, погребение 10.2010 г., вероятно, следует относить ко второй половине I – началу II в., хотя по форме сосуда не исключена и несколько более поздняя датировка погребения.

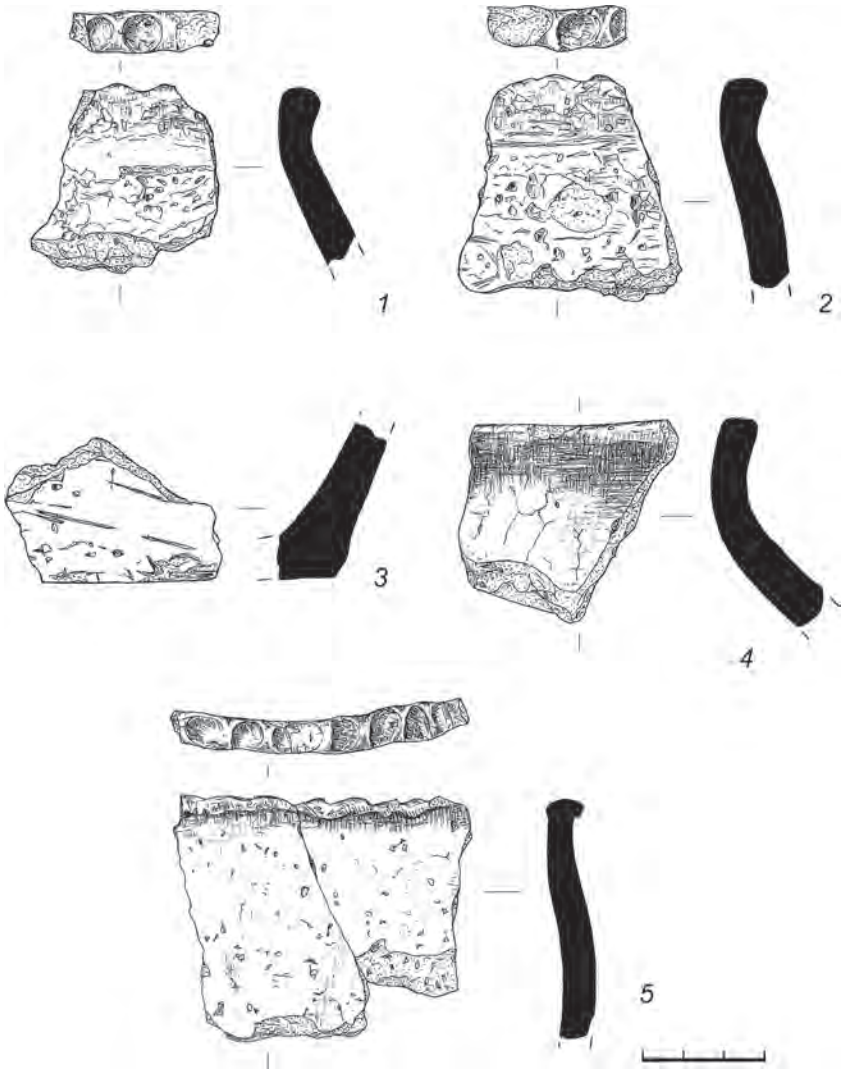

Рис. 30. Могильник Заостровье-7. Яма 161. Находки

Ямы

Яма № 161 (кв. Л-М5–6) (рис. 2; 3; 30).

Пятно ямы в плане овальной формы. Заполнение – темно-серая супесь с вкраплением коричневой супеси и рыжего песка. Размеры пятна ямы – 1,6 (юго-запад – северо-восток) × 0,7–1 м. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь с вкраплением коричневой супеси и рыжего песка – 0,32–0,4 м. Размеры ямы на уровне материка составили 1,6 (юго-запад – северо-восток) × 0,7–0,9 м. Стенки ямы отвесные, дно овальное, неровное, глубина от поверхности материка – 0,4 м. Материк – рыжий песок с вкраплением желтого и белого песка.

Находки в заполнении:

– 44 фрагмента лепных керамических сосудов. Отмечены фрагменты нескольких сосудов.

Сосуд А (?). Семь фрагментов венчиков и стенок лепного сосуда, внешняя поверхность темно-серого, черного, коричневого цвета, шероховатая, внутренняя – серого, темно-серого, светло-коричневого цвета, заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (белая и красная гранитная крошка), в изломе коричневое, серое, темно-серое, черное. Край венчика прямой, с крупными частыми пальцевыми вдавлениями, венчик слегка отогнут наружу. Сосуд слабопрофилированный, со слегка округлыми или прямыми стенками. Возможно, фрагменты венчика и стенок принадлежат разным сосудам (рис. 30: *1, 2*).

Сосуд B (?). 14 фрагментов лепного сосуда, внешняя поверхность серо-коричневого, светло-коричневого, темно-серого цвета, некоторые фрагменты затертые (один потрескавшийся), внутренняя поверхность темно-серого, черного цвета, затертая; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (белая и красная гранитная крошка), в изломе двухслойное – коричнево-серое, темно-серое, либо однослойное – темно-серое, черное (рис. 30: *3*). Возможно, это фрагменты разных сосудов.

Сосуд C (и D?). Три фрагмента венчика, стенки и дна лепного сосуда, поверхность с обеих сторон коричневого, красно-коричневого цвета, сильно ошлакованная, растрескавшаяся; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (белый колотый гранит), в изломе красно-коричневый или коричневый, серый. Край венчика прямой, венчик отогнут наружу, плечо высокое, поднятое (рис. 30: *4*). Возможно, фрагменты принадлежат разным сосудам.

Сосуд E. 19 фрагментов венчика, стенок и дна лепного сосуда, поверхность с обеих сторон коричнево-серого, темно-серого цвета, внешняя со следами нагара, заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красной гранитной крошки), в изломе двухслойное – светло-коричневое, темно-серое. Край венчика прямой, с крупными частыми пальцевыми вдавлениями, венчик слегка отогнут наружу. Сосуд слабопрофилированный, тулово слабовыпуклое, шейка вертикальная короткая (диаметр венчика – 28 см, диаметр вдавлений по краю венчика – 0,5–0,7 см, толщина стенки – 0,5–0,8 см) (рис. 30: *5*).

В яме отмечен также фрагмент стенки лепного сосуда, поверхность с обеих сторон светло-коричневого цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе однослойное – светло-коричневое.

Фрагменты сосудов по крупным размерам (особенно сосуд C), характеру обработки поверхности (хроповатая поверхность), углублениям по краю венчика, оставленным пальцами, близки погребальным урнам различных типов, представленных в самбийско-натангийской культуре (*Кулаков*, 2003. С. 81, Рис. 104; 120). Сходные фрагменты керамики с пальцевыми вдавлениями по краю венчика отмечены в погребении 8.2010 г.

Бессистемное расположение фрагментов в заполнении ямы № 161, отсутствие кремированных останков и выраженного погребального инвентаря не позволяют считать данный объект погребением. Яма № 161 по найденным фрагментам сосудов может быть датирована I–II вв. н. э.

Яма № 162 (кв. Л5) (рис. 2; 3).

Пятно ямы в плане овальной формы. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь с углем. Размеры пятна ямы – 0,4 (юго-восток – северо-запад) × 0,3 м. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь с вкраплением угля – 0,22 м, прослойки темно-серо-коричневой супеси с вкраплением рыжего песка – до 0,08 м. После исследования заполнения (на уровне материка) размеры ямы не изменились. Стенки ямы полого-отвесные, дно овальное ровное, глубина от поверхности материка – 0,24–0,26 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок с вкраплением белого песка.

Находки в заполнении:

- фрагмент стенки лепного сосуда; поверхность с обеих сторон светло-коричневого цвета, подлощенная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой дресвы (красная гранитная крошка), в изломе однослойное – светло-коричневое и двухслойное – светло-коричневое, серое;
- четыре фрагмента лепного сосуда; внешняя поверхность серо-коричневого цвета, затертая, внутренняя – коричневого и темно-серого цвета, заглаженная; тесто с примесью мелкой и крупной дресвы (красная и белая гранитная крошка), в изломе двухслойное – темно-серое, коричневое;
- фрагмент стенки (дна?) лепного сосуда; поверхность с обеих сторон темно-серого цвета, внешняя поверхность подлощенная, слегка лощеная, внутренняя – полностью лощеная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой дресвы (красная гранитная крошка), в изломе однослойное – серое.

Фрагменты сосудов из ямы № 162 могут быть датированы I–II вв. н. э.

Яма № 163 (кв. М2) (рис. 2; 3).

Пятно ямы в плане в виде округлого пятна и примыкающего к нему с юго-востока пятна подпрямоугольной формы. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь (местами с вкраплением рыжего песка). Размеры пятна ямы – 1,4 (юго-восток – северо-запад) × 0,32–1 м. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего песка – 0,24–0,4 м, прослойка древесного тлена – до 0,1 м, прослойка рыжего и желтого песка с вкраплением темно-серо-коричневой супеси – до 0, 1 м. После исследования заполнения (на уровне материка) размеры ямы почти не изменились. Стенки ямы отвесные, дно овальное, ровное, глубина от поверхности материка – 0,24–0,45 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок.

Находки в заполнении:

– три фрагмента стенок и дна лепных сосудов с заглаженной поверхностью. Поверхность светло-коричневого, коричневого, темно-серого и черного цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), обжиг неполный – черный или двухслойный, в одном случае полный слабый (в изломе светло-коричневое);
– фрагмент стенки лепного сосуда; поверхность с обеих сторон черного цвета, лощеная; тесто с незначительным количеством мелких примесей песка и дресвы (красной гранитной крошки), в изломе однослойное.

Фрагменты сосудов из ямы № 163 могут быть датированы I–II вв. н. э.

Яма № 187 (кв. Л3) (рис. 2; 3; 31).

Пятно ямы в плане овальной формы. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего песка. Размеры пятна ямы – 0,54 (юго-восток – северо-запад) × 0,4 м. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего (красно-желтого) песка – 0,32 м. На уровне материка размеры ямы не изменились, яма соединилась с ямой № 188, расположенной к северу. Стенки ямы отвесные, дно овальное, неровное, глубина от поверхности материка – 0,32 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок.

Находки в заполнении:

– 12 фрагментов лепного сосуда; поверхность с обеих сторон темно-серого цвета (подлощенная); тесто с примесью мелкого песка, мелкой дресвы (красной гранитной крошки), в изломе однослойное – серое, либо двухслойное – светло-коричневое, серое. Край венчика округлый, венчик слегка отогнут наружу (рис. 31: *1*);
– четыре фрагмента лепного сосуда; поверхность с обеих сторон серо-коричневого цвета, подлощенная; тесто с примесью мелкого песка, слюды, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе однослойное – коричневое, серое. Край венчика прямой, венчик прямой и слегка отогнут наружу (рис. 31: *3, 4*);
– восемь фрагментов стенок лепного сосуда; внешняя поверхность светло-коричнево-серого цвета, грубо заглаженная, от заглаживания видны глубокие отпечатки, напоминающие сетчатые отпечатки, внутренняя поверхность серого и темно-серого цвета, хорошо заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная и белая гранитная крошка), в изломе двухслойное – светло-коричнево-серое, темно-серое) (рис. 31: *5*);
– фрагмент венчика лепного сосуда; поверхность с обеих сторон серо-коричневого цвета, подлощенная; тесто с примесью мелкого песка, слюды, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе коричнево-серое, темно-серое, коричневое. Край венчика прямой, венчик отогнут наружу (рис. 31: *2*).

Фрагменты сосудов из ямы № 187 могут быть датированы I–II вв. н. э. Возможно, фрагменты сосуда с сетчатыми отпечатками связаны с более ранним периодом железного века.

Яма № 188 (кв. Л3–4) (рис. 2; 3).

Пятно ямы в плане округлой формы, примыкает с севера к яме № 187. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего песка, угля и обожженных камней. Диаметр

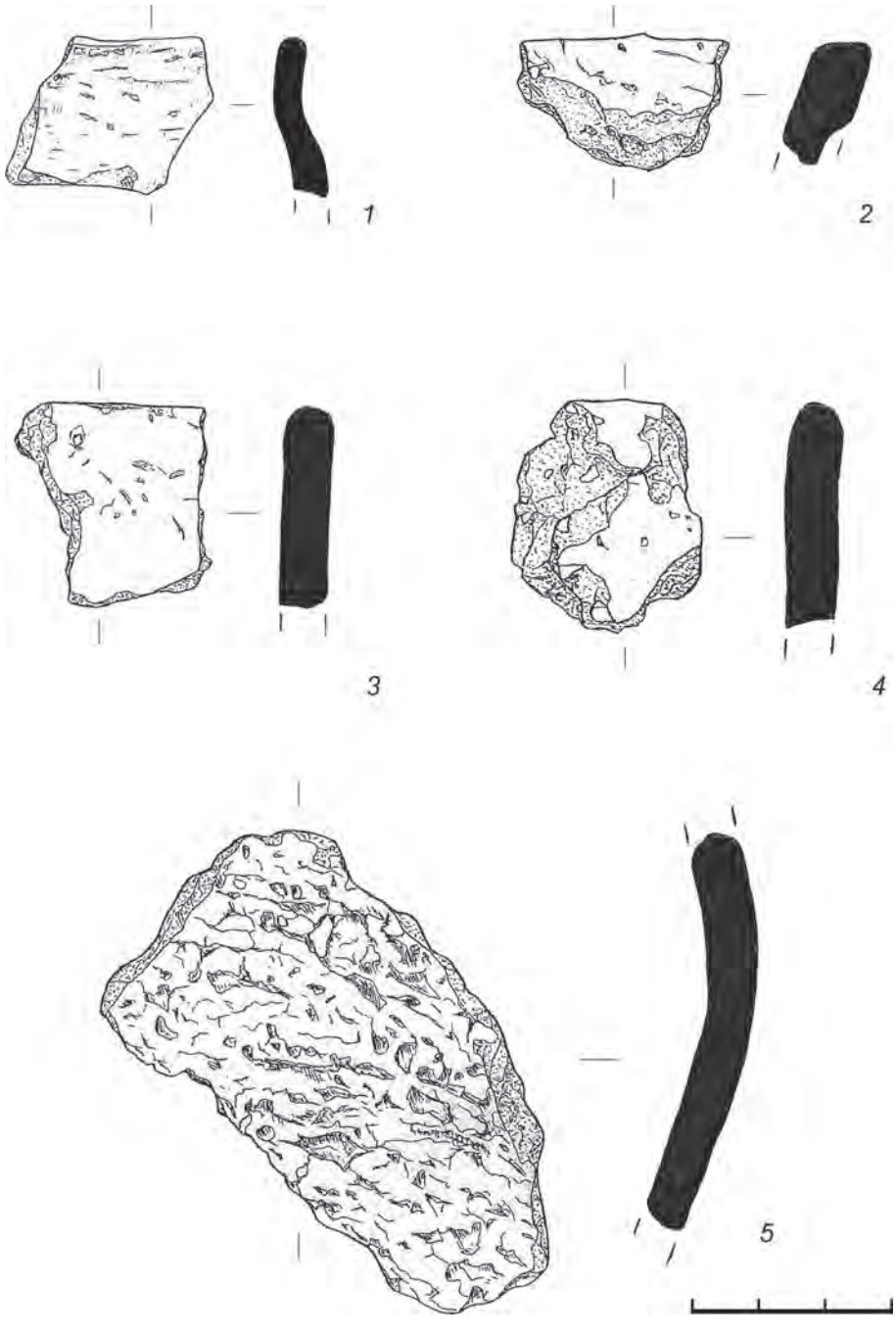

Рис. 31. Могильник Заостровье-7. Яма 187. Находки

пятна ямы – 0,54 м. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь с вкраплением рыжего песка – 0,32 м. На уровне материка размеры ямы не изменились, яма соединилась с ямой № 187, расположенной к югу. Стенки ямы отвесные, дно ямы округлое, неровное, глубина ямы от поверхности материка – 0,4–0,44 м. Материк – рыжий песок.

Находки в заполнении:

– два фрагмента стенок лепных керамических сосудов; поверхность серо-коричневого, серого, светло-коричневого цвета, обжиг слабый; тесто в изломе светло-коричневого и светло-серо-коричневого цвета; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная и белая гранитная крошка). Один фрагмент имеет ошлакованную поверхность.

Фрагменты сосудов из ямы № 188 могут быть датированы I–II вв. н. э.

Яма № 191 (кв. Л6) (рис. 2; 3).

Пятно ямы в плане овальной формы. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь. Размеры пятна ямы – 0,38 (юго-восток – северо-запад) × 0,32 м. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь – 0,22 м. На уровне материка размеры ямы не изменились. Стенки ямы полого-отвесные, дно ямы овальное, ровное, глубина ямы от поверхности материка – 0,23 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок.

Находки в заполнении:

– четыре фрагмента стенок и дна лепных керамических сосудов; поверхность коричневого и темно-серого цвета, обжиг двухслойный; либо светло-коричневого цвета, обжиг полный, слабый; поверхность заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная и белая гранитная крошка). Один фрагмент со сколотой поверхностью. Фрагменты сосудов из ямы № 191 могут быть датированы I–II вв. н. э.

Яма № 198 (кв. М6) (рис. 2; 3).

Пятно ямы в плане округлой формы. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь. Диаметр пятна – 0,42 м. Видимо, это столбовая яма. Стратиграфия ямы: темно-серо-коричневая супесь – 0,14 м. На уровне материка размеры ямы не изменились. Стенки ямы отвесные, дно округлое, ровное, глубина от поверхности материка – 0,13–0,14 м. Материк – рыжий (красно-желтый) песок.

Находки в заполнении:

– шесть фрагментов лепного сосуда; внешняя поверхность светло-коричневого и серого цвета, заглаженная, внутренняя – серо-коричневого цвета, хорошо заглаженная; тесто с примесью мелкого песка, мелкой и крупной дресвы (красная гранитная крошка), в изломе трехслойное – светло-коричнево-серое, темно-серое, серо-коричневое.

Выявленные в 2010 г. погребения I–II вв. н. э. подтверждают существование на данном месте могильника самбийско-натангийской культуры, открытого в 1893 г.

Погребальные комплексы в пределах исследованной площади представляют собой, вероятно, северную окраину некрополя. Погребения частично разрушены более поздней хозяйственной деятельностью, последующими напластованиями и ямами периода Второй мировой войны. Ямы без следов захоронения, но с лепной керамикой I–II вв. н. э. концентрируются также в южной части раскопа 1, в непосредственной близости от могильных ям. Данные ямы, возможно, остатки каких-то ритуальных объектов, фиксируют северную границу некрополя.

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик. 432 с.

Лагуткина Е. В., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения Заостровье-7 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2010 году // Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 30077–30080.

Almgren O., 1923. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Kurt Kabitzsch (Mannus-Bibliothek, Nr. 32). 254 S.

Jankuhn H., 1939. Ein Gräberfeld der ersten Jahrhunderte u. Z. aus Schlakalken, Kr. Fischhausen // Prussia. Heft 32/2. S. 245–260.

Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. København: Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S. (Nordiske Fortidsminder. Serie B. Bind 10).

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. 169 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

М. М. Казанский

МОГИЛЬНИК ШЛАКАЛЬКЕН / SCHLAKALKEN-3 ПО ДАННЫМ НЕМЕЦКИХ РАСКОПОК 1893 Г.

Идентификация могильника

Как уже было сказано (см.: Введение), в 1939 г. в районе Шлакалькена, по данным Г. Янкуна (*Jankuhn*, 1939. S. 245, 246. Abb. 1), было известно три могильника.

– № 1. К северу от хутора, уже тогда очень разрушенный.

– № 2 (в некоторых архивных документах фигурирует как могильник № 4). К западу, по дороге на хутор Ликсайден, соответствующий могильнику Заостровье-2 (Rudolf Grenz Archiv, B. 39; Samland – Archiv. Fundkartei. MBL 105) (рис. 1).

– № 3. К юго-востоку – № 3, материал которого и будет здесь рассмотрен. В данном месте находится могильник Заостровье-1, исследованный Э. Б. Зальцманом в 2010 г. и ранее опубликованный (*Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018), однако его связь с могильником Шлакалькен-3 не является до конца установленной. По данным архива Р. Гренца (Rudolf Grenz Archiv, B. 32; см. также: Samland – Archiv. Fundkartei. MBL 105), к востоку от хутора Шлакалькен, к северу от дороги на Калькберг (Kalkberg) и к северо-западу от населенного пункта Лаукникен (Lauknicken), к западу от современной р. Спокойная, приблизительно там, где проводились исследования в 2010 г., был в свое время обнаружен некрополь эпохи Великого переселения народов и начала Средневековья (см. ниже) (рис. 2). В 1893 г. К. Кретчман и Г. Кемке раскапывали могильник у хутора Шлакалькен, о чем имеются лишь краткие упоминания (*Jentzsch*, 1896. S. 119, 123), но отмечается, что были обнаружены погребения как римского времени, так и более поздние, периодов D и E, т. е. со второй половины IV по VII в. (Rudolf Grenz Archiv, B. 39). Их материал известен как по архивным данным, так и по отдельным предметам, сохранившимся в музейных коллекциях (см. ниже). Эти находки обычно и относят к некрополю Шлакалькен-3.

Соотносится ли этот памятник с только что упомянутым могильником Лаукникен, известным по архиву Р. Гренца? Насколько можно судить по схематическому наброску карты в архиве Р. Гренца (Rudolf Grenz Archiv, B. 39; см. также: Samland – Archiv. Fundkartei. MBl. 105), работы в 1893 г. проводились к западу от хутора Шлакалькен, к северу от грунтовой дороги на Ликсайден, а не к востоку от Шлакалькена (рис. 1). Итак, остается непонятным, связан ли рассматриваемый здесь материал с могильниками (или могильником?) Лаукникен и Заостровье-1, или же он происходит из раскопок к западу о хутора Шлакалькен, т. е. из некрополя Заостровье-2 (7) / Шлакалькен-2 (4), и соответствует поздней фазе функционирования данного некрополя.

Подробные сведения о некоем могильнике 3 (Schlakalken-III), исследованном в 1893 г., содержатся в архиве О. Тишлера в Музее до- и пре- истории в Берлине[1]. Имеется описание раскопанных могил и схематический план этого исследованного участка с местоположением могил. Как уже говорилось, в публикации 1939 г. Г. Янкун указывает на существование некрополя 3 к востоку от хутора Шлакалькен, на территории, принадлежащей уже хутору Лаукникен, но никаких сведений о находках меровингского времени на этом памятнике в его работе нет (*Jankuhn*, 1939. S. 245). Однако в архиве Ф. Якобсона (Fēliksa Jākobsona

[1] Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1. Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbezitz, Museum für Vor – und Frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr., Signatur IXd; также дополнительные сведения: Nachlasse / Nachfragmente. Nachlassfragment Kurt Voigtmann. Arbeitsmaterial zu verschiedenen ostpreussischen Fundorten; Prussia-Archiv, Signatur PM–IX f 2 b-18 Bd. 1. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за возможность ознакомиться с этим материалом хранителя коллекций Хайно Неймауера, любезно предоставившего фотографии имеющихся в музее предметов.

arhīvs)[2], а также в архиве М. Шмидехельм (Arhiiv Martha Shmidehelm, N° 7.1–24) карточки с вещами меровингского времени (период E, согласно западнобалтской хронологии, т.е. приблизительно 450 – 650/675 гг.) помечены как Schlakalken-III, что и позволило связать находки интересующего нас времени с этим памятником (*Hilberg*, 2009. S. 487–490. Abb. 10.41). Частично карточки Ф. Якобсона уже публиковались (*Hilberg*, 2009. S. 487–490; *Nowakiewicz*, 2011. N° 164).

В архиве Р. Гренца также содержится информация о могильнике с трупосожжениями периодов D и E (т.е. со второй половины IV по вторую половину VII в.), обнаруженном в 1 км к востоку от хутора Шлакалькен, на территории, относящейся к хутору Лаукникен, к северо-западу от него и к северу от дороги на Калькберг (Kalkberg), к западу от современной реки Спокойная (рис. 2). Памятник был обнаружен зимой 1909 г. (т.е. значительно позже раскопок К. Кретчмана и Г. Кемке в 1893 г.). Здесь были найдены урновые трупосожжения с каменными закладами, керамика, янтарная бусина, железная овальная пряжка, копье, нож, две железные подвязные фибулы и другие вещи (Rudolf Grenz Archiv, B. 32; см. также: Samland – Archiv. Fundkartei. MBl 105). Возможно, именно этот памятник и имел в виду Г. Янкун? Граница между землями Шлакалькена и Лаукникена[3] проходила как раз чуть западнее холма, на котором находится могильник Заостровье-1.

Планиграфия могильника и погребальный обряд

На участке, раскопанном в 1893 г., можно выделить два скопления погребений, вытянутые с севера на юг: северное (28 погребений) и южное (42 погребения) (рис. 3). Не исключено, что они принадлежат двум разным группам (семьям? кланам? Ср.: *Bitner-Wróblewska,* 2003; *Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 10), составлявшим сообщество, которому принадлежал некрополь.

Краткое описание погребений содержится в Регистре Музея до- и пре- истории в Берлине (см. ниже: Описание погребений). К сожалению, в нем отсутствуют сведения о погребениях № 34–47, но погребальный инвентарь некоторых из них представлен в картотеке Ф. Якобсона. Все захоронения совершены в грунтовых ямах, на момент обнаружения не имевших внешних признаков. Форма и размер ям по имеющимся данным не устанавливается. Во всех погребениях отмечена каменная кладка (диаметр там, где он указан, до 3 м) или ее остатки, перекрывавшие захоронения; создается впечатление, что по ним и выявляли погребения (например, с помощью железного щупа). Все могилы содержат остатки кремации, помещенные непосредственно в яму, в виде скоплений или рассеянных кальцинированных костей. В ряде случаев присутствие кальцинированных костей не отмечено. Наличие золы и темный подзолистый грунт под каменными кладками, возможно, свидетельствует о помещении в могилу остатков погребального костра.

Погребение 3 сопровождалось захоронением коня, находившегося под кладкой около остатков кремации. В погребениях 24 и 26 под кладкой обнаружены скелеты коней, наличие кремаций здесь не отмечено. Не исключено, что они связаны с располагавшимися к западу от них погребениями 25 (около погребения 26) и 28 (около погребения 24). Впрочем, такое предположение может быть принято только в качестве рабочей гипотезы, поскольку в самбийско-натангийской культуре кости коня обычно располагаются к западу, а не к востоку от основного погребения (см.: *Скворцов,* 2010. Т. 1. С. 26–28; *Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 12). Во всех случаях кони захоронены с элементами снаряжения. Показательно, что все захоронения с конями сосредоточены в северной группе погребений (рис. 5: *1*).

В отдельных случаях помимо собственно захоронения под кладкой отмечены скопления углей (погребение 3), а также два скопления горелого грунта (погребение 16).

---

[2] Архив хранится в Национальном историческом музее Латвии, г. Рига. Благодарю Фолкера Хильберга за предоставленную информацию.

[3] Пользуюсь случаем поблагодарить Йорга Новотного за эту ценную информацию.

В захоронениях вещи погребального инвентаря находились среди остатков кремации, реже среди камней закладки (например, копья в погребениях 10 и 20 или зернотерка в погребении 12). Встречены оружие (копья, скрамасаксы), бытовые предметы (ножи, зернотерки), элементы одежды и убора (фибулы, пряжки, бусы, браслеты, спиралевидные кольца). Часто встречаются керамические сосуды-приставки. Заметная часть могил не содержала погребального инвентаря. В целом погребальные обряды могильника очень напоминают те, что хорошо известны по раскопанным широкой площадью некрополям Митино (*Скворцов*, 2010) и Заостровье-1 (*Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018). В могилах, исследованных в 1893 г., не удается найти какие-либо закономерности в распределении погребального инвентаря. Так, например, захоронения с оружием (явный социальный и гендерный признак) отмечены как в северной, так и в южной группах могил (рис. 5: *2*).

Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь нам знаком в первую очередь по рисункам Ф. Якобсона и М. Шмидехельм, а также по отдельным вещам и по архивным записям, сохранившимся в Музее до- и пре- истории в Берлине (см. выше) (рис. 6–15)[4]. При классификации и анализе вещей была использована терминология немецких и польских археологов, которым и принадлежат основные работы по данной категории находок на территории Калининградской области, а также типология могильника Митино (*Скворцов*, 2010).

Элементы костюма

Арбалетные фибулы с подвязной ножкой (рис. 11: *2*). Одна фибула происходит из погребения 39, она известна только по схематическому рисунку Ф. Якобсона, уже опубликованному Ф. Хильбергом (*Hilberg*, 2009. Abb. 10.42). Эта застежка близка типу Альмгрен 162 (*Almgren,* 1897. S. 77, 78), но держатель ее пружины не перфорированная пластина, являющаяся продолжением дужки, как это типично, например, для вельбаркских и черняховских фибул Альмгрен 162, а загнутое в кольцо окончание дужки, что в целом характерно для более южных территорий, а именно понто-кавказско-дунайской зоны (*Амброз*, 1966. С. 68, 69). Однако такой способ крепления пружины имеется и на арбалетных фибулах Скандинавии (см., например: *Bemmann, Hahne*, 1994. Abb. 16: *4*). Спинка фибулы сделана из стержня, прямоугольного в сечении. Ножка пластинчатая, с двумя продольными фасетками по краю, что обычно для этого типа фибул. По длине ножка сопоставима со спинкой. Приемник иглы равен по длине ножке. Пружина довольно длинная, с нижней дугообразной тетивой, закрепленной на концах пружины.

Фибулы типа Альмгрен 162 и родственные им широко распространены в Восточной и в меньшей степени Центральной Европе, в том числе у балтов и их соседей. Эти фибулы особенно распространены в позднеримское время и доживают до начала эпохи переселения народов (*Амброз*, 1966. С. 60–67. Табл. 23: *2*; 24: *1–3*). Они имеются на ряде могильников самбийско-натангийской культуры[5], в частности в Долькайм (Dollkeim) – Коврово, погребения 59, 252, 254, 256 (*Кулаков*, 2004. Рис. 40: *1*; 2007. Рис. 6, *7*; 11: *1, 11*; 6: *2*); Лаут (Lauth) – Большое Исаково, погребения 11, 12, 17, 21, 27, 29, 30, 57, 60 (*Skvorcov*, 2007. Taf. 12: *16*; 15: *8–11*: 17: *2, 10*: 20: *2*; 25: *4*; 26: *3*; 33: *2, 9*; 36: *3, 10*; 37: *4, 5*; 69: *3*; 71: *2*). К сожалению, по имеющимся публикациям форма держателя пружины не определяется.

Судя по находке данной фибулы в погребении 39 вместе с пальчатой фибулой типа Брейтенфурт (Breitenfurth) (рис. 11: *1*), данный экземпляр датируется временем не ранее

---

[4] Помимо представленных здесь Н. Оберг и А. Битнер-Врублевска указывают на наличие двух фибул типа Шонвёрлинг (*Åberg*, 1919. S. 164; *Bitner-Wróblewska*, 2001. S. 171, Appendix B, N° 40), но мне не удалось найти какую-либо информацию о них.

[5] Здесь не учтены подвязные фибулы аналогичной конструкции, но с кнопкой и/или кольцевой гарнитурой.

второй половины V в., когда застежки Брейтенфурт входят в моду (см. ниже). В кладе Фромборк / Фрауенбург (Frombork / Frauenburg) подвязные фибулы были найдены с монетой 430 г. (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Pl. 7: *10–12*). В целом у балтов подвязные фибулы-дериваты Альмгрен 162 известны и для поздней фазы переселения народов. В качестве примера можно назвать находки в погребении 265 среднелитовского могильника Марвеле (Marvelė) (*Bertašius*, 2005. Taf. CIX: *1, 4*), где подвязная фибула соседствовала с пряжкой с крестообразным язычком (о них см. ниже), в погребении 334 того же могильника (*Bertašius*, 2005. Taf. CLXI: *1*), где вместе с подвязной фибулой найдена ранневизантийская пряжка второй половины V – первой половины VI в. (о ней см.: *Казанский*, 2013), в погребении 56 литовского могильника Жвиляй (Žviliai) (*Astrauskas, Glieznienė, Šimėnas*, 1999. 10 pav.), где вместе с подвязной фибулой найдена типичная для V в. портупея типа Видгиряй (Vidgiriai) (о портупеях см., например: *Кулаков, Скворцов*, 2000. С. 44–46).

Арбалетные фибулы с литой ножкой (тип Митино I–Ia) (рис. 10: *6*; 13: *1*). Две пары фибул этого типа, если судить по схематическим рисункам, представлены в погребениях 35 и 45. Фибулы имеют прогнутую спинку и прямую ножку, сопоставимые по длине, длинную пружину с дугообразной нижней тетивой, закрепленной на концах пружины. На концах пружины имеются округло-уплощенные кнопки. Приемник иглы невысокий, по длине он практически равен ножке. По имеющимся рисункам невозможно установить ни форму сечения корпуса фибулы, ни способ крепления пружины. Однако обычно корпус таких фибул сделан из прямоугольного металлического стержня, а пружина крепится в кольце, образованном загибом окончания дужки. Фибулы варианта I имеют уплощенный в сечении корпус, а у застежек варианта Ia сечение корпуса подпрямоугольное, почти квадратное. Эти фибулы восходят к позднеримским прототипам центральноевропейского происхождения, например, группы Шульце-28 (*Schulze*, 1977. S. 27, 28; *Скворцов*, 2010. С. 39).

Фибулы данного типа хорошо известны в материалах некрополей самбийско-натангийской культуры, в частности в Митино, Зохпен (Zohpen) – Суворово, Хюненберг (Hünenberg) – Доброе («Гора великанов»), Кирпенен (Kirphenen) – Поваровка, Долькайм-Ковровo. Известны они и на памятниках соседней эльблонгской группы (*Скворцов*, 2010. С. 39–41). Судя по материалам могильников Долькайм-Ковровo и Зохпен-Суворово, фибулы типа Митино I–Ia относятся к V – раннему VI в., точнее, к периодам D3 (430 – 450/500 гг.) и E1 западнобалтской хронологии (450–520 гг.). Основанием для такой датировки служат, в частности, находки этих фибул в сопровождении хронологически показательных вещей: Зохпен-Суворово, погребение 94, с крупными янтарными бусами с нарезным декором; Долькайм-Ковровo, погребение 288, с ременными двухфасетчатыми наконечниками; Долькайм-Ковровo, погребения 279 и 291, с фибулами типа Монсхейм-Либенау (Monsheim-Liebenau); Долькайм-Ковровo, погребение 287, с овальной пряжкой, имеющей полукруглый щиток (подробнее: *Скворцов*, 2010. С. 41).

Арбалетные фибулы с площадкой на ножке (тип Митино IIa, с крестовидным окончанием ножки) (рис. 6: *4*; 7: *4, 7*; 8: *1, 2*; 13: *8*). Они происходят из погребений 10[6], 12, 13, 15, 49 (с крестообразным декором на площадке ножки), еще одна найдена вне контекста. В Берлине сохранились фибулы из погребений 13 и 15, остальные известны лишь по рисункам. Фибулы типа Митино IIa имеют прогнутую спинку и прямую ножку, примерно равные по длине; корпус прямоугольного, прямоугольно-уплощенного, подтреугольного или круглого сечения, как у экземпляра из погребения 49. Приемник иглы невысокий, равен по длине ножке. На окончании ножки имеется прямоугольная площадка, представляющая собой отличительный признак данного типа арбалетных фибул. Иногда эта площадка украшена врезным геометрическим декором. Верхняя часть держателя пружины оформлена

[6] В публикации А. Битнер-Врублевской ошибочно указана как фибула типа Долькайм-Ковровo (*Bitner-Wróblewska*, 2001. S. 175. Appendix D, N° 40).

в виде прямоугольной площадки. По имеющимся рисункам трудно судить о системе крепления пружины. Пружина длинная, с нижней дугообразной тетивой, закрепленной на концах пружины. На концах пружины имеются округлые кнопки (погребения 15, 49 и застежка вне контекста) или же рифленые кольца (погребения 10, 13). Скорее всего, фибулы данного типа происходят от застежек Митино II, у которых площадка на окончании ножки лишь обозначена небольшим уплощением (*Скворцов*, 2010. С. 42).

Фибулы типа Митино IIa, принадлежащие группе *Armbrustsprossenfibeln,* очень многочисленны на территории бывшей Восточной Пруссии. Еще в 1919 г. Н. Оберг учел 157 экземпляров (*Åberg,* 1919. S. 120–124, см. также: *Ibsen,* 2003. S. 78–82). Послевоенные раскопки выявили здесь еще не менее 70 фибул. Большая часть находок происходит с памятников самбийско-натангийской культуры, но они хорошо представлены и в соседних эльблонгской и ольштынской культурных группах (рис. 16). Эти фибулы также известны в Литве, Латвии, на острове Готланд и на Скандинавском полуострове. Считается, что распространение фибул с крестообразным окончанием ножки идет с территории самбийско-натангийской культуры и отражает внешние связи ее носителей (*Скворцов*, 2010. С. 42–44. Рис. 6; *Kontny, Szymański,* 2015. Ryc. 2).

Хронология данных фибул на современном уровне разрабатывалась в первую очередь польскими исследователями (например: *Rudnicki*, 2008; *Kontny, Szymański,* 2015. S. 335, 336; *Szymański,* 2018. S. 32). Предложенные ими хронологические рамки – 450/475 – 525 гг., т. е. период E1, в целом подтверждаются рядом находок в закрытых комплексах вместе с датирующими вещами, иногда происходящими из других регионов и, стало быть, имеющими «независимую» хронологию (*Скворцов*, 2010. С. 45, 46). Однако эти рамки могут быть несколько расширены. Так, в погребении 368 некрополя Коссевен-Косево (Kossewen-Kosewo) в ольштынской группе две фибулы типа Митино IIa соседствовали с гепидской орлиноголовой пряжкой тисского варианта, дата последнего по одному из гепидских погребений устанавливается в пределах второй трети VI в. (*Kazanski*, 2010. P. 128, 129). В погребении 31 могильника Даумен-Тумяны (Daumen-Tumiany), также в ольштынской группе, поздние варианты фибул типа Митино IIa встречены с пряжкой меровингской традиции (*Jakobson*, 2009. Taf. 16: *a, b, e*), дата которых 560/570 – 630/640 гг. (ср.: *Legoux, Périn, Vallet*, 2009. N° 148, 149, 157–159), что позволяет еще больше поднять дату данных фибул. Таким образом, есть основания утверждать, что дата фибул типа Митино IIa захватывает не только период E1, но и периоды E2a (520–570 гг.) и E2b (570 – 610/625 гг.) западнобалтской хронологии.

Арбалетные фибулы типа Доллькайм-Ковово и их варианты (рис. 6: *2*; 14: *1*; 15: *8, 10*)[7]**.** Фибулы этого типа в данном некрополе известны только по рисункам. Они были найдены в погребении 66 и, может быть, 6, если верить рисунку Ф. Якобсона (по описанию погребения в документах из Прусского музея, никаких вещей в погребении 6 не найдено), а также вне контекста (2 экз.). Это застежки с прогнутой спинкой и прямой, довольно массивной ножкой, которая по длине слегка превосходит спинку. Полукруглое сечение спинки отмечено лишь для одной из фибул, найденных вне контекста. Обычно же эти фибулы имеют полукруглое или подтреугольное сечение спинки. Невысокий, но массивный приемник иглы равен по длине ножке (классический вариант фибул типа Доллькайм-Ковово). На трех фибулах – погребения 6 (?), 66 и один экземпляр вне контекста – корпус украшен скупым декором в виде поперечных линий или нервюр (?) на спинке и у окончания ножки. Пружина длинная, с дугообразной нижней тетивой, закрепленной на концах пружины. Концы пружины украшены полукруглыми кнопками или дисками. Система крепления пружины к корпусу по имеющимся рисункам не устанавливается. Обычно на фибулах этого типа пружина крепится «черняховским» способом, в вертикальной перфорированной пластине, являющейся продолжением дужки.

[7] Ср. группы Шульце 37, 38, 43 (*Schulze*, 1977. S. 33–38. Taf. 4: *37, 38, 43*).

Фибулы типа Долькайм-Ковово, являющиеся дериватами застежек типа Шонвёрлинг (Schönwarling / Skowarcz), были специально изучены А. Битнер-Врублевской (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 7. Appendix D. P. 175–181). Она показала их высокую концентрацию на территории бывшей Восточной Пруссии, а также в Литве, западной половине Латвии, Северной Эстонии, на Готланде и Эланде. Ряд находок имеется в Юго-Восточной Эстонии, Юго-Западной и Западной Финляндии, на других территориях эти фибулы встречаются редко (рис. 17). По мнению А. Битнер-Врублевской, наиболее ранние фибулы этого типа – переходный вариант с приемником короче ножки – появляются на балтских территориях в эпоху переселения народов, а в Скандинавии принадлежат периоду VI: 2 шведской периодизации археологического материала, т. е. второй половине V – началу VI в. (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 50–52). Судя по готландским находкам, фибулы переходного варианта более всего характерны для фазы D2b местной хронологии, т. е. для 500–540 гг. (*Rundkvist*, 2003. Fig. 2: *6*). Классические фибулы типа Долькайм-Ковово, с приемником, равным по длине ножке, как в Шлакалькене-3, относятся, по мнению польской исследовательницы, к фазам 2–4 западнобалтской хронологии, или к периодам D2 – D/E (E1), т. е. к 375/400 – 500/530 гг. (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Pl. LIX; см. также: *Szymański*, 2018. S. 32). Находка пары фибул типа Долькайм-Ковово в кладе Фрауенбург / Фромборк вместе с монетой Феодосия II 430 г. подтверждает такую дату (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Pl. VII: *6, 7*). Надо, однако, отметить и фибулу из погребения 149 могильника Даумен-Тумяны, которая по морфологии вполне соответствует типу Долькайм-Ковово и в контексте данного закрытого комплекса сопровождается поясной гарнитурой, типичной для периода E2b, т. е. 575 – 610/625 гг. (*Jakobso*n, 2009. Taf. 79: *a, d*). Впрочем, это пока единичный случай, который все же может свидетельствовать о достаточно долгом бытовании фибул классического варианта.

Возможно, вариантом того же типа Долькайм-Ковово является и застежка из погребения 43, сохранившаяся в Берлине (рис. 12: *1*). Она имеет близкую конструкцию, но отличается более высоким приемником и миниатюрными размерами. Точные параллели ей подыскать трудно. Стоит, однако, упомянуть фибулы из погребений 35 и 37 могильника Хюненберг-Доброе, одна из них (погребение 35) найдена вместе с пряжкой начала эпохи переселения народов (*Кулаков*, 2014. Рис. 22: *3, 10*). Эта фибула отличается лишь тем, что приемник иглы равен по длине ножке. Процитируем и застежку из северонорвежского погребения Оффорсё (Offersø), поздней фазы эпохи переселения народов, близких конструкций и пропорций (*Rygh*, 1885. P. 52. N° 244; *Sjøvold*, 1962. Pl. 8: *b*, E.109), а также фибулу с Готланда, но с меньшим приемником иглы (*Lithberg*, 1928. Fig. 97).

Арбалетные фибулы типа Даумен-Тумяны (рис. 9: *1*). Одна фибула этого типа, известная нам по фотографии из архива Берлинского музея и по схематическому рисунку Ф. Якобсона, происходит из погребения 25. Она же была опубликована Н. Обергом (*Åberg*, 1919. S. 95, 96. Abb. 130). Фибула имеет выгнутую спинку и прямую ножку. Корпус украшен рельефным декором с зооморфными мотивами, в частности, «звериной» головой на окончании ножки. Сечение спинки не показано, но обычно у таких фибул оно близко к полукруглому. Приемник иглы короткий, сравнительно высокий, расположен на ножке в части, примыкающей к спинке. Система крепления пружины к корпусу по имеющимся рисункам и фото не устанавливается. У других фибул этого типа пружина, как правило, закрепляется в вертикальной перфорированной пластине, являющейся продолжением дужки. Пружина длинная, с дуговидной нижней тетивой, которая закреплена на концах пружины. Они украшены рифлеными кольцами.

Эти фибулы также стали предметом специального изучения в монографии А. Битнер-Врублевской. Скорее всего, данные застежки представляют собой дальнейшую эволюцию фибул типа Сенсбург-Мронгово (Sensburg-Mrągowo). Фибулы типа Даумен-Тумяны лучше всего представлены в контексте ольштынской группы, реже они встречаются на памятниках Самбии и Нижнего Немана. Их довольно много на куршском берегу. Формочка для изготовления таких фибул известна в Хельгё (Helgö), в Средней Швеции (*Bitner-Wróblewska*,

2001. P. 83–87. Fig. 17. Appendix K). За пределами указанных территорий встречены лишь изолированные экземпляры фибул (рис. 18). Эти фибулы встречаются с такими показательными для периода Е2 (приблизительно 520–625 гг.) вещами, как пряжки с крестообразным основанием язычка и языковидными наконечниками (см. ниже); это находки в Даумен-Тумянах, погребение 150 (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 87). Находка фибулы типа Даумен-Тумяны в Баварии, в некрополе Альтенердинг (Altenerding), погребение 421 (*Binter-Wróblewska*, 2001. Pl. LVIII), в целом подтверждает такую датировку. Погребение, принадлежавшее пожилой женщине, помимо балтской фибулы содержало также арбалетную фибулу типа Озингелл (Ozingell), датированную поздним V – первой третью VI в. (*Schulze-Dörrlamm*, 1986. S. 619, 620). Погребение находилось на участке некрополя, занятом могилами первой половины VI в. (*Koch*, 1999. S. 180).

Двупластинчатые фибулы типа Брейтенфурт (рис. 11: *1*). Двупластинчатая малая фибула типа Брейтенфурт относится к форме Притцер-Пердхёл (Pritzier-Perdhöl) (*Böhme*, 1986. S. 558, 574). Она происходит из погребения 39. Фибула известна по рисунку Ф. Якобсона, уже опубликованному Ф. Хильбергом (*Hilberg*, 2009. Abb. 10: *42*), а также по опубликованным фотографиям (*Kühn*, 1974. Kat. N° 498; *Hilberg*, 2009. Fudnliste 8. № 8. Kat. № 300). Фибула имеет полукруглую головку, дуговидную спинку и ромбическую ножку. Края пластин головки и ножки украшены продольными врезными (?) линиями. Длина спинки и ножки (без зооморфного окончания) сопоставимы. Головка украшена тремя «пальцами» с поперечными врезными (?) и рельефными линиями, представляющими собой очень деградированные зооморфные изображения. Такое же изображение имеется в виде протуберанца и на окончании ножки. Дужка украшена горизонтальными врезными или рельефными линиями. Приемник иглы короткий, размещен на ножке близ дужки. Держатель иглы не виден, но он, несомненно, представлял собой вертикальную перфорированную пластину, закрепленную на обратной стороне головки, как это наблюдается на остальных фибулах данного типа. Пружина была короткой, с нижней тетивой и не выходила за границы пластины головки.

Фибулы этого типа имеют саксонское происхождение (*Böhme*, 1986. S. 558). Форма Притцер-Пердхёл лучше всего представлена к востоку от Эльбы, в Гольштинии (*Böhme*, 1986. Liste 11) (рис. 19). Они или их имитации хорошо известны на памятниках Восточной Пруссии (*Hilberg*, 2009. S. 205–207. Fundliste 8), а также на Куршском побережье. Видимо, распространение моды на эти саксонские застежки шло морским путем (*Kazanski, Mastykova*, 2005. P. 120; *Казанский, Мастыкова,* 2013. С. 106; *Казанский,* 2017. С. 269, 270). Фибулы типа Брейтенфурт и их дериваты датируются 450/470 – 500/520 гг. (*Kühn*, 1974. S. 869–877; *Böhme*, 1986. S. 558), т. е. относятся к периоду Е1 западнобалтский хронологии (*Kowalski*, 1991. Ryc. 2). Такая датировка подтверждается находками фибул типа Брейтенфурт в закрытых комплексах с янтарными бусами с гравированным декором (об их дате см.: *Мастыкова*, 2004), например, в погребении 33 могильника Лаут – Большое Исаково (*Skvorzov*, 2007. Taf. 39: *6*) или в погребении 210 могильника Айслитен (Eisliethen) – Геройское 5 (*Hilberg*, 2009. Abb. 10.11).

Пряжки с крестовидным язычком (тип Митино II.3) (рис. 6: *5*; 7: *5*; 9: *2*; 10: *2*; 13: *11*; 15: *1*)**.** На могильнике Шлакалькен-3 найдено шесть экземпляров таких пряжек, о которых можно судить только по довольно схематическим рисункам. Пряжки имеют овальную (в одном случае, погребение 68, близкую В-образной) рамку – полую (погребения 10, 68) или массивную, округлую в сечении (погребения 12, 49). Язычок иногда слегка выступает за рамку, с площадкой у основания, придающей ему крестообразную форму. В отдельных случаях площадка украшена линейным (погребения 12, 25, 49) или циркульным (погребение 68) врезным декором. Язычки плоские, об их сечении судить сложно. Насколько можно понять по имеющимся рисункам, язычки крепились к рамке посредством кольца, образованного загибом конца пластины язычка. Четыре пряжки имеют прямоугольный щиток для крепления к ремню (погребения 12, 25, 26, 49, 68), одна – треугольный щиток (погребение 12), и две

щитка не имеют или он не сохранился (погребения 10, 12). Щитки сделаны из перегнутой пополам пластины, верхняя и нижняя части которой соединены заклепками. Шарниры для удерживания кольца являются частью пластины щитка.

Пряжки с крестообразным язычком хорошо известны для самбийско-натангийской культуры, а также для эльблонгской и ольштынской групп и в культуре восточнолитовских курганов, последние имеют поперечное рифление на рамках. Их возможные прототипы известны у западных балтов уже в позднеримское время (*Скворцов*, 2010. С. 75, 76). Н. Оберг отнес данные пряжки к VI – первой половине VII в. (*Åberg*, 1919. S. 108). Дальнейшие исследования в целом подтвердили эту датировку. В ряде закрытых комплексов пряжки с крестообразным язычком встречены вместе фибулами типа Митино IIа, принадлежащими периодам Е1 и Е2а западнобалтской хронологии (см. выше). Известны и находки пряжек с крестообразным язычком вместе с вещами, дата которых установлена независимо от хронологии западнобалтских древностей. Это фибулы типа Монсхейм-Либенау второй половины V – начала VI в. (Долькайм-Ковров, погребение 279; Попелькен-Зандфельд (Popelken-Sandfeld) – Прудовка, погребение 37), фибулы типа Даумен-Тумяны периода Е, т.е. 450 – 650/675 гг. (Даумен-Тумяны, погребение 149), пряжки меровингского типа с веерообразным основанием язычка, датированные временем около 560/570 – 630/640 гг. (Даумен-Тумяны, погребение 148). Все это подтверждает даты Н. Оберга и позволяет отнести время наибольшего распространения пряжек с крестообразным язычком к периоду Е2 западнобалтской хронологии, что приблизительно соответствует VI – первой трети VII в. (С*кворцов,* 2010. С. 75).

Пряжки с овальной рамкой (тип Митино I) (рис. 11: *4*; 12: *2*; 13: *7*; 14: *6*; 15: *2*). Серия овальных пряжек без щитка представлена в погребении 39 (близка D-образным, см. ниже), а также 45, 66, 68 и, вероятно, 43. Они известны только по рисункам. Пряжки имеют слегка утолщенное кольцо в передней части, округлое в сечении, язычок плоский, слегка выступающий за пределы рамки, загнутый вниз. Кончик достигает середины высоты рамки. В погребениях 39 и 66 язычки имеют прямоугольную площадку у основания. К этой же группе следует отнести и пряжку из погребения 35. Она имеет прямоугольный щиток, более узкий, чем рамка. Щиток сделан из перегнутой пополам пластины, соединенной заклепками, он обломан на конце. Рамка резко сужается в тыльной части, она граненая в сечении и украшена поперечными врезными (?) линиями. Язычок плоский, заходящий за рамку, с загнутым вниз окончанием.

Различные виды овальных пряжек начиная с позднеримского времени широко распространяются повсюду в Европе. Их количество таково, что приведение аналогов теряет смысл. Подобные пряжки хорошо известны и в древностях самбийско-натангийской культуры V–VII вв. (см. подробнее: *Скворцов*, 2010. С. 66–72). Точная датировка пряжек с овальной рамкой невозможна. Пряжки, похожие на наши, очень многочисленны уже в конце позднеримского периода и существуют практически повсеместно в течение всей эпохи переселения народов и начала Средневековья.

Пряжки с рифленым декором (рис. 10: *5*). Одна такая пряжка, известная нам по рисунку, происходит из погребения 27. Она имеет В-образную, расширяющуюся в передней части рамку с декором в виде поперечных врезных или рельефных линий. Тыльная сторона пряжки представляет собой стержень для крепления язычка. На передней части заметна ложбинка для конца язычка. Сам язычок изображен схематично, он относительно короткий, сужающийся к концу. Щитка не было, или он не сохранился. Еще одна овальная пряжка того же типа, возможно, была найдена в погребении 43, однако ее рисунок настолько приблизителен, что полной уверенности в этом нет.

Пряжки с рифленым декором на рамке очень широко распространены в Европе. Они известны на территории Восточной Римской империи (например: *Uenze*, 1992. S. 176–179; *Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 12–15, 41–46), на римско-германском Западе (например: *Böhme*,

1974. S. 75; *Legoux, Périn, Vallet*, 2009. N° 106, дериваты: № 120), а также в древностях Барбарикума (многочисленные примеры: *Бажан, Каргопольцев*, 1989; см. также: *Tejral*, 1988. Abb. 17: *1, 2, 17, 19*; 18: *14*; 19: *3*; 2011. Abb. 113: *3*; 165: *2, 4*; 166: *3, 4*; 169: *4*, и т. д.; *Kazanski*, 1999. P. 207. Fig. 4: *1, 2*; *Атавин*, 2008. Табл. 21: *3*; *Михайлова*, 2011. С. 530. Рис. 1: *7–10*; 2014. Рис. 3: *1–7*). Одновременно с ними получают распространение и пряжки с дамаскировкой (например: *Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 61. № 54; *Legoux, Périn, Vallet*, 2009. N° 183), а также пряжки с гравировкой *(Legoux, Périn, Vallet*, 2009. N° 105), имитирующей поперечное рифление на рамке. Замечено, что если в Западной Европе рифленые пряжки встречены как в мужских, так и в женских могилах, то в Восточной Европе, в том числе у балтов, они характерны в первую очередь для мужских могил и, возможно, являются частью воинского костюма (*Kazanski*, 1999. P. 207; *Казанский*, 2019б. С. 19, 20). В Прибалтике пряжки с рифленой рамкой особенно хорошо известны в культуре восточнолитовских курганов и, видимо, отсюда изредка попадают к прибалтийским финнам Западной Эстонии и Юго-Западной Финляндии (*Бажан, Каргопольцев*, 1989. Рис. 2, карта), а также в лесную зону России (*Werner*, 1981. S. 700; *Казанский*, 1999. С. 407, 408).

К сожалению, по имеющемуся рисунку сложно определить точный тип пряжки, поэтому приходится воздержаться от поиска конкретных параллелей и уточнения датировки. В целом В-образные пряжки с рифленой рамкой датируются от последней трети IV – начала V по начало VII в. (подробнее: *Бажан, Каргопольцев*, 1989). Ранние находки, первой половины V в., зафиксированы как в империи, например на территории Галлии *(Böhme*, 1974. S. 82, 83. Tex-Taf. B, *35*), так и у варваров, в частности в дунайских древностях гуннского времени (*Tejral*, 1988. Abb. 17: *1, 2, 17, 19*; 18: *14*; 19, *3*). В меровингском контексте пряжки с рифлением характерны для 440/450 – 520/530 гг., а их дериваты существуют и в 560/570 – 600/610 гг. (*Legoux, Périn, Valle*t, 2009. N° 105, 106, 120). Приблизительно тем же временем датируются и рифленые пряжки в Восточной Европе. Так, для пряжек культуры псковских длинных курганов предложена дата в рамках конца V – первой половины VI в. (*Михайлова*, 2011. С. 532; 2014. С. 205). На другом конце Восточной Европы, в Пятигорье, эти пряжки относятся к первому этапу аланских древностей Северного Кавказа и датируются второй половиной V – первой половиной VI в. (*Афанасьев, Рунич*, 2001. С. 50, 53)[8].

Рифленые пряжки, происходящие с территории Византии, были отнесены М. Шульце-Дорламм к концу V – середине VI в. (*Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 12–15, 41–46), хотя эта дата весьма условна. Автор приводит погребение 155 из могильника Мюнхен-Обинг (München-Aubing), которое она датирует 555–580 гг. и где была найдена пряжка, подобная византийским (*Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 14). Отметим, что фибула из данного погребения относится скорее к еще более позднему времени – 560/570 – 600/610 гг. (ср.: *Legoux, Périn, Vallet*, 2009. № 277). З. Уенце также отнесла рифленую пряжку из византийской крепости Големаново-Кале к первой половине VI в. (*Uenze*, 1992. S. 176–181), однако она явно не ранее второй половины VI в., поскольку имеет на тыльной стороне рамки два выступа для крепления к щитку, что характерно только для поздних пряжек второй половины VI – VII в. (подробнее: *Sodini, Kazanski*, 1995. P. 167, 168). Впрочем, в то же время вплоть до VII в. продолжают существовать и рифленые пряжки старой схемы, без выступов на рамке (*Атавин*, 2008. Табл. 21: *3*)[9].

D-образные пряжки (рис. 6: *3*). Одна пряжка с D-образной рамкой и прямоугольным щитком происходит из погребения 6, если верить рисунку Ф. Якобсона (в описании

[8] И. О. Гавритухин их датирует второй половиной VI в., хотя и отмечает, что к такой датировке надо относиться «осторожно» (*Гавритухин*, 2001. С. 43). Судя по находке рифленой пряжки в Лермонтовской Скале, датировка Г. Е. Афанасьева представляется более обоснованной (см. о дате погребения в могильнике Лермонтовская Скала – 2: *Казанский*, 2007. С. 124 и 136). Сходные даты для Северного Кавказа – середина V – начало VI в. – предложили и И. А. Бажан с С. Ю. Каргопольцевым (1989. С. 32).

[9] В данном случае рифленая пряжка встречена в закрытом комплексе вместе с псевдопряжками, наиболее типичными для VII в.

погребения 6 наличие вещей в нем не указано). Видимо, ее щиток сделан из перегнутой пополам пластины, поскольку имеется соединительная заклепка. Рамка пряжки, похоже, украшена штампованным (?) декором. Язычок слегка выступает за рамку.

Можно назвать похожую пряжку из погребения 144 могильника Доброе-Хюненберг в составе конского снаряжения (*Кулаков*, 2014. Рис. 54: *4*). К сожалению, погребение не содержит вещей с надежной хронологией. Пара похожих пряжек происходит из погребения 327 могильника Долллькайм-Ковров, которое также не содержит узко датированных вещей (*Кулаков*, 2007. Рис. 124: *3, 7*). Их возможными прототипами являются римские провинциальные пряжки IV в., известные, в частности, в дунайских провинциях империи (см., например: *Vinski*, 1974. S. 41. Tab. XXXVII: *1, 2*). Хронология данного типа пряжек не изучалась. Вероятно, они имеют широкую датировку, от позднеримского времени до начала Средневековья включительно.

Языковидные ременные наконечники (рис. 11: *3*). В погребении 39 был найден известный по рисункам бронзовый наконечник ремня с заостренным концом и перехватом в средней части. Трапециевидное окончание имеет две заклепки, если доверять рисунку Ф. Якобсона. Языковидные наконечники хорошо известны в западнобалтских древностях Восточной Пруссии. Н. Обергом они были выделены в отдельный тип. При этом картографирование, проведенное Н. Обергом, показало, что такие наконечники особенно характерны для памятников, позднее выделенных в ольштынскую группу (*Åberg*, 1919. S. 98, 99. Abb. 133. Karte V). Языковидные наконечники сейчас хорошо известны и в некрополях самбийско-натангийской культуры, а также на памятниках Литвы. Однако большинство находок по-прежнему происходит из ареала ольштынской группы. Поэтому предполагается, что распространение языковидных наконечников отражает контакты ольштынской группы с другими группами древнего населения (*Скворцов*, 2010. С. 82, 83). Тем не менее стоит подчеркнуть, что предшественники языковидных наконечников известны в самбийско-натангийских материалах уже с периода D1 центральноевропейской хронологии, т. е. с последней трети IV – начала V в., когда распространяются т. н. самландские[10] пояса (*Скворцов*, 2010. С. 83). В материалах ольштынской группы языковидные наконечники датируются в рамках периодов Е2 – раннего Е3, т. е. приблизительно 525–650 гг. (*Kowalski*, 1991. Рис. 2). Такой дате не противоречат и находки в погребениях самбийско-натангийской и эльблонгской групп (*Скворцов*, 2010. С. 83). В то же время в погребениях 39 и 88 некрополя Келларен / Келары (Kellaren / Kielary) языковидные наконечники найдены вместе с двупластинчатыми фибулами (*Jakobson*, 2009. Taf. 141: *c*; 173: *c*), типичными для периода Е1, т. е. 450–520 гг. (*Kowalski*, 1991. Рис. 2).

Ременные прямоугольные пластинчатые накладки (рис. 10: *4*). Из погребения 26 происходят вытянуто-прямоугольные пластинчатые накладки с двумя заклепками без выраженной шляпки. Число таких накладок в погребении неизвестно. Они могут принадлежать как поясной гарнитуре, так и конской узде.

Прямоугольные пластинчатые накладки очень широко распространены в различных регионах Европы – как в Барбарикуме, так и в Римской империи, особенно в эпоху переселения народов (*Kazanski*, 1993. P. 121–124; *Казанский*, 2019а). Они представлены у западных балтов уже в позднеримское время (например: *Jaskanis*, 1961. Pl. IX: *8, 9*; *Juga-Szymańska,*

[10] В русском литературном языке уже в дореволюционное время встречаются два названия Самбийского полуострова: Земланд и Самланд. Поясная гарнитура т. н. самландского типа – ременные наконечники и пряжки появляются в эпоху Великого переселения народов у эстиев на территории исторической Пруссии, вероятнее всего, под влиянием западноримской воинской экипировки (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 109–115; *Кулаков*, 2016). Дата самландских поясов – конец IV – первая треть V в., что соответствует ступени 5 хронологии древностей Самбийского полуострова по В. Новаковскому или первой фазе самландского горизонта по Битнер-Врублевской (*Nowakowski*, 1996. S. 53. Taf. 107; *Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 109–113, 118), т. е. соотносится с периодом D1 и началом периода D2 по общеевропейской «варварской» хронологии.

2007. Tabl. II: *34*, *2*; *Шиманski, Годзеба*, 2006. Рис. II: *9–16*). Прямоугольные накладки известны в ареале самбийско-натангийской культуры, например, Зохпен-Суворово, погребение 392 (*Кулаков*, 1990. Табл. XIX: *7*) или в Коддиен (Koddien) (*Скворцов*, 2022. Рис. 71: *4, 5*). Такие накладки также имеются в материалах ольштынской группы, в частности, в могильниках Даумен-Тумяны (наиболее показательные: *Кулаков*, 1989. Рис. 52; *Jakobson*, 2009. Taf. 64: *f – i*; 77: *d*) и Келларен / Келары (например: *Jakobson*, 2009. Taf. 109: *i, k*; 111: *к*; 150: *g*; 162: *e*). Прямоугольные пластинчатые накладки найдены и в погребениях эльблонгской группы, в частности, на могильнике Новинка (Nowinka) (например: *Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. XI; XIII: *11*; XVI: *8* и т.д.).

Для ольштынской группы они отмечены в закрытых комплексах начиная с периода E1 (450–520 гг.), например, в погребении 75 могильника Келларен / Келары вместе с двупластинчатой фибулой (*Jakobson*, 2009. Taf. 162: *e*). Существование таких накладок в период E2–E3 (525 – 650/675 гг.) подтверждается находкой в ряде погребений могильников Даумен-Тумяны и Келларен / Келары вместе с характерными вещами того времени – языковидными наконечниками пояса, пряжками с крестообразным основанием язычка, различными фибулами и пр. В некоторых погребениях ольштынской группы (например, Зохпен-Суворово 392; Даумен-Тумяны 43, 67, 79, 80, 96, 141, 147; Келларен / Келары 95) накладки были найдены с пластинчатыми фибулами типа Митино V периода F, т.е. времени не ранее 650 г. (*Скворцов*, 2010. С. 52–55). Впрочем, по мнению польских исследователей, такие фибулы появляются еще в период E2b, т.е. в 570 – 610/625 гг. (*Kowalski*, 1991. Ryc. 2; *Rudnicki*, 2008. S. 296. Abb. 12).

Ременные заклепки (рис. 10: *3*). В погребении 26 также были найдены заклепки с большими полусферическими полыми шляпками. Число заклепок неизвестно. Такого рода заклепки широко распространяются в Европе. Что касается западнобалтских древностей, до эпохи переселения народов и начала Средневековья они известны в погребениях ольштынской группы, например, в могильниках Даумен-Тумяны и Келларен / Келары, часто с инвентарем периода E2b, т.е. 570 – 610/625 гг. (*Jakobson*, 2009. Taf. 31: *h*; 54: *h*; 56: *d*; 64: *a*; 166: *f*, и т.д.). Для того же времени заклепки с полусферической шляпкой известны и в погребениях эльблонгской группы (например: *Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. IX: *2, 3;* XIII: *11*). Скорее всего, данные заклепки имеют все же широкую дату. У западных балтов они известны уже в позднеримское время (см., например: *Antoniewicz, Kaczyński, Okulicz*, 1958. Tab. VIII: *3–10*; *Jaskanis*, 1961. Pl. II: *8*; *Jaskanis*, 2013. Pl. CXVI: *6*; CXXI: *32*; CXXII: *36*; CXXIV: *47, 48* и т.д.; *Bitner-Wróblewska, Iwanicki*, 2002. Tabl. XXXV: *2, 6*). Их параллели известны на Среднем Дунае в гуннское время (*Tejral*, 2011. Abb. 98: *1–4, 11*).

Витые браслеты (или гривны?) (рис. 6: *1*; 9: *3*; 11: *5*)[11]. Они найдены в трех погребениях. Можно выделить два варианта. Первый представлен в погребениях 25 (или 35?) и 39. Стержень браслета имеет равную толщину, он тордирован, в погребении 39 замок обломан, в погребении 25 (35?) он представляет собой два крючка. В погребении 6, если верить рисунку Ф. Якобсона (согласно описанию погребения, вещей в нем не обнаружено), найден браслет несколько иного типа – со стержнем, расширяющимся в передней части (противоположной замку). По рисунку трудно судить, стержень то ли тордирован, то ли обмотан проволокой. Концы браслета гладкие, характер замка по имеющемуся рисунку не определяется. Можно предположить, что один из концов браслета имеет пластинчатое завершение.

Тордированные браслеты различных типов, в том числе с гладкими окончаниями, известны в самбийско-натангийской культуре поздней фазы эпохи переселения народов. Предполагается, что они имеют местные прототипы в виде гривен позднеримского времени. Тордированные браслеты имеются и в материалах эльблонгской и ольштынской групп. Реже они встречаются в памятниках Литвы, в частности, в западнолитовской группе (*Скворцов*, 2010. С. 87–89). Вне балтского ареала надо отметить находки тордированных браслетов

[11] Очень часто такие предметы идентифицируются как гривны. Разница лишь в диаметре изделий.

в финских каменных могильниках римского времени на территории Эстонии, в Ябара (Jabara), могильник С (*Шмидехельм*, 1955. Рис. 12: *2, 4*). Судя по имеющимся находкам на территории бывшей Восточной Пруссии, в самбийско-натангийской культуре такие браслеты датируются периодом Е западнобалтской хронологии, т. е. приблизительно 450 – 650/675 гг. (*Скворцов*, 2010. С. 88). В этом убеждают их находки в закрытых комплексах:
– с фибулами типа Долькайм-Ковров, например: Гросс Заусгартен (Gross Sausgarten), погребения 19, 32 (*Hilberg*, 2009. Abb. 9.16a; *Prassolow,* 2018. Taf: 46: *3*; *Скворцов*, 2022. Рис. 59; 64; 65; Табл. 4); Краам (Craam)-Грачевка, погребение 2 (*Prassolow*, 2018. S. 221, Taf. 10: *1, 2*);
– с арбалетными фибулами типа Митино 1, например: Долькайм-Ковров, погребение 291 (*Кулаков*, 2007. Рис. 82*: 9, 16*); Хюненберг-Доброе, погребение 42 (*Кулаков*, 2014. Рис. 24: *18*);
– с двупластинчатыми фибулами – дериватами типа Монсхейм, например: Долькайм-Ковров, погребения 77, 291 (*Кулаков*, 2007. Рис. 77: *5*; 82: *9, 16*);
– с поздними фибулами с кольцевой гарнитурой, например: Кляйн Оттерн (Klein Ottern) (*Hilberg*, 2009. Abb. 9.17), также типичными для фазы Е (ср.: *Bitner-Wróblewska*, 2006. P. 11. Fig. 7)[12];
– с фибулами типа Брейтенфурт, например: Долькайм-Ковров, погребения 92, 114 (*Кулаков*, 2004. Рис. 92; 114);
– с фибулами с крестообразной ножкой типа Митино II, например: Варникам (Warnikam) – Первомайское, погребение 1 (*Nowakowski*, 1996. Taf. 7: *5*; *Скворцов*, 2022. Рис. 30), Долькайм-Ковров, погребения 234, 280, 319 (*Кулаков*, 2007. Рис. 70: *11*; 123: *3*; *Prassolow* 2018. Taf. 28: *3*); Митино 1, погребение 43 (*Скворцов*, 2022. Табл. 63) и погребение 335 (*Скворцов*, 2022. Рис. 112);
– с пряжками с крестообразным основанием язычка и фибулами с площадкой на ножке, например: Попелькен-Зандфельд, погребение 37 (*Hilberg*, 2009. Abb. 10.36); Долькайм-Ковров, погребение 276 (*Кулаков*, 2007. Рис. 61: *5*).

В погребении 39 браслет был встречен с фибулой Брейтенфурт, также поздней фазы переселения народов (см. выше). На могильнике Долькайм-Ковров тордированные гривны и кольца концентрируются в северной части некрополя, как и другие вещи эпохи переселения, например, уже упоминавшиеся пояса самландского типа, фибулы типов Долькайм-Ковров и Шонверлинг, фибулы типа Брейтенфурт, скрамасаксы с долом (*Nowakowski*, 1996. Taf. 29–31).

Дата подтверждается и находками в контексте других западнобалтских групп. Так, например, в погребении 18 могильника Новинка, относящегося к эльблонгской группе, тордированный браслет был найден в надежном контексте периода E2b (575 – 610/625 гг.) (*Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. XIII: *5*). В погребении 82 того же могильника дата браслета по сопутствующему языковидному наконечнику может охватывать весь период Е (*Kontny, Okulicz – Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. LII: *2*). В одном из погребений могильника Пасленк (Paslęk) тордированное кольцо, видимо браслет, было найдено вместе с арбалетной фибулой с площадкой на ножке (тип Митино II) и пряжкой с крестовидным язычком (*Кулаков*, 1990. Табл. 2: *6*), типичными для периода Е2, хотя они и появляются раньше (см. выше). Для западнолитовской группы древностей стоит отметить находку в погребении 102 могильника Оберхоф-Аукштkiемяй (Oberhof-Aukštkiemiai) вместе с фибулой поздней фазы эпохи переселения народов[13] (*Reich*, 2006. Abb. 6).

Гладкие браслеты (рис. 12: *4*; 14: *7*). Они представлены в погребениях 43 и 66. Эти браслеты имеют гладкий стержень равномерной толщины, круглый в сечении. Замок имеет крючок,

[12] Впрочем, такие фибулы известны в Юго-Восточной Прибалтике и ранее, в частности, в Варникам / Первомайское, погребение 61, вместе с дунайским кувшином гуннского времени (*Tischler, Kemke* 1902. Taf. 2: *26*; 22: *1*).

[13] Данная фибула отнесена к застежкам типа Брейтенфурт (*Reich*, 2006. S. 91). Однако ее головка скорее типична для крестообразных северных фибул (см. многочисленные примеры: *Reichstein*, 1975), хотя и имеет ножку, более характерную для типа Брейтенфурт. Речь, видимо, идет о гибридном типе.

завершение второго конца браслета (крючок? петля? перфорированная пластина?) по имеющимся рисункам не определяется.

Гладкие стержневые гривны и гривны с круглым сечением и замком в виде двух крючков известны в самбийско-натангийской культуре в ранней фазе эпохи переселения народов, например, в погребении 61 могильника Лаут – Большое Исаково (*Skvorcov*, 2007. Taf. 72: *3, 6*); в погребении 24 могильника Хюненберг-Доброе (*Кулаков*, 2014. Рис. 19: *3*); в погребениях 63, 116 могильника Долькайм-Ковров (*Prassolow* 2018. Taf. 12: *4*; 16: *2*). Гладкие браслеты с замком в виде двух крючков имеются и в ольштынской группе, например, на могильнике Келларен / Келары (*Jakobson*, 2009. Taf. 124: *c*; 125: *c*; 105: *b*); Лелешкен / Лелешки (Lehlesken / Leleszki) (*Bitner-Wróblewska*, 2008. Табл. XLV); Мингфен / Ментке (Mingfen / Miętkie) (*Кулаков*, 1989. Рис. 10: *2*; *Bitner-Wróblewska*, 2008. Табл. CLVI; CLVIII). Они также представлены в материалах эльблонгской группы, в частности, в контексте периода E2b, т. е. 575 – 610/625 гг. (*Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. XXXIX: *2*).

В погребении 61 могильника Лаут – Большое Исаково браслеты были найдены вместе с фибулами типа Долькайм-Ковров, характерными для эпохи переселения народов (см. выше), и парой пряжек с очень длинным язычком, типичных для V в. (*Skvorcov*, 2007. Taf. 72). В погребении 108 могильника Мингфен / Ментке гладкий браслет был найден вместе с трехпалыми рельефными фибулами (*Кулаков*, 1989. Рис. 10: *2*), которые относят к периоду E2a западнобалтской хронологии, т. е. к 520–570 гг. (*Kowalski*, 1991. Ryc. 2). Кроме того, в этом могильнике браслет был предположительно найден, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам инвентарной книги, в погребении 46 вместе с фибулой, типичной для периода E2b, т. е. 570 – 60/625 гг. (*Bitner-Wróblewska*, 2008. Табл. CLVI; CLVIII). К этому времени относится и погребение 60 на могильнике Новинка (см. выше).

Перстни (рис. 8: *3*). Один перстень, насколько можно судить по рисункам Ф. Якобсона и в архиве Берлинского музея до- и пре- истории[14], был обнаружен в погребении 15. Он сделан из пластины, шинка обломана, щиток представляет собой пластину с четырьмя полукруглыми выступами и имеет в центре полусферическую выпуклость. На щитке виден декор, близкий «плетенке» второго германского стиля (?). Мне неизвестны аналоги этому предмету.

Спиралевидные кольца (рис. 15: *6*). На могильнике обнаружено широкое многовитковое металлическое кольцо, погребение 68. В свое время Х. Моора интерпретировал такие находки как перстни (*Moora*, 1929. Taf. XXVIII: *1, 2*; 1938. S. 458–462), их также относят к пронизкам. Однако для Самбии V–VII вв. любая интерпретация пока является сугубо гипотетической, поскольку здесь эти предметы происходят из кремаций и их позиция в костюме погребенных неясна. Кольцо сделано из плоской, полукруглой в сечении пластины и имеет четыре сохранившихся витка.

Многовитковые кольца хорошо известны на памятниках самбийско-натангийской культуры позднеримского и раннесредневекового времени. При этом вначале доминируют пронизки из круглой в сечении проволоки, впоследствии из уплощенного, подтреугольного в сечении стержня. Известны такие пронизки и в материалах ольштынской группы, а также в древностях восточных балтов на территории Литвы (*Скворцов*, 2010. С. 96, 97). За пределами балтского ареала, в циркумбалтийском регионе похожие вещи известны и в коллективных каменных могильниках прибалтийско-финского населения Северной Латвии, датированных римским временем и началом Средневековья – Странте (Strante), Велла Краванда (Vella Kravanda) (*Moora*, 1929. Taf. XXVIII: *1, 2*), а также в аналогичных памятниках Эстонии

[14] Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbezitz; Museum für Von- und Frühgeschichte; Archiv der vor – und frühgeschlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr.: Nachlasse / Nachfragmente. Nachlassfragment Kurt Voigtmann. Arbeitsmaterial zu verschiedenen ostpreussischen Fundorten; Prussia-Archiv, Signatur PM–IX f 2 b-18 Bd. 1.

(например: *Шмидехельм*, 1955. Рис. 12: *6*; 14: *1*; 19: *8*; *10, 11, 16, 17, 19–21*; 30: *2*; 31: *4*; *Аун*, 1992. Рис. 26: *1*), в Финляндии (например: *Hackman*, 1905. Abb. 11: *8, 9*; *Kivikoski*, 1973. Taf. 16: *122*) в культуре длинных курганов (*Аун*, 1992. Рис. 51: *12–14*; *Михайлова*, 2014. Рис. 25: *4, 5, 20*). В целом такие украшения имеют широкую дату – от римского времени до эпохи викингов (*Скворцов*, 2010. С. 96, 97).

Стеклянные бусы. Можно выделить два типа бус, известных нам только по довоенным зарисовкам.

– **Ребристые бусы** (рис. 10: *9*). В погребении 35 обнаружен фрагмент шаровидной стеклянной ребристой бусины с декором в виде продольных углублений (типа *Melonenperle*). В Центральной Европе в римское время и в начале переселения народов известно большое количество ребристых бус. Они выделены М. Мончиньской в группу XVIII, где особо интересны типы 155, 156, 158, 159, 162–171. Последние известны в Северной Германии, в эльбско-одерском междуречье, в бассейне Одера, в Померании, в бассейне Вислы (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 39–45, Taf. 3: *155, 156, 158, 159, 162–171*; 37–39). У западных балтов, судя по сводке М. Мончиньской, представлены типы 155, 12, 163 и 171, из них в Самбии отмечены только бусы типов 162, 163, 171. Это находки в Долькайм-Коврово и Кунтерстраух (Kunterstrauch) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. № 1195, 1199), а также на могильнике Хюненберг-Доброе, погребение 260 (*Кулаков*, 2014. Рис. 82: *6*). На северной окраине балтского ареала такие бусы известны в Курземе, на грунтовом могильнике Капседа (Kapsēda) (*Moora*, 1929. Taf. XXVIII: *20*), Кеттенберг (Kettenberg) (*Tischler*, 1879. Taf. V: *23*). Попадают они и далеко на север, в шведский Норрланд, в Хёгом (Högom) (*Ramqvist,* 1992. Pl. 129) и в Норвегию (*Straume*, 1987. Taf. 17: *1, d, t*; 28: *1–3*). Ребристые бусы в эпоху переселения народов имеют очень широкое распространение и в южной половине Восточной Европы, от Дуная до Кавказа (*Ivanišević, Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 72, 73). М. Мончиньска отмечает распространение ребристых бус в центральноевропейском Барбарикуме в римское время, от периода B1 до эпохи переселения народов (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 39–45). В погребении 260 могильника Хюненберг-Доброе ребристая бусина найдена вместе с фибулой с лопаткообразной ножкой, украшенной в стиле Сёсдала (Sösdala), типичной для периода D (*Кулаков*, 2014. Рис. 82: *6*). Привлечение более широкого дунайско-кавказского материала позволяет расширить и дату до поздней фазы эпохи переселения народов, т. е. до 530–580 гг. (*Ivanišević, Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 104).

– **Бусы-подвески («в форме корзинки», «грушевидные», «грибовидные»)** (рис. 13: *6*). В погребении 45 находилась подвеска грибовидной формы, с петлей для подвешивания. Материал, из которого она изготовлена, неизвестен, но в центральноевропейском Барбарикуме имеются аналогичные по форме стеклянные бусы, которые М. Мончиньска называет *körbcrhenförmige*, т. е. «в форме корзиночки», и выделяет их в тип 82 (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 32, 33. Taf. 2: *82*). Впрочем, имеются и янтарные подвески подобной формы (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 81. Taf. 17: *458a*). Для эпохи переселения народов зафиксированы и металлические подвески схожей формы, например, в Норвегии, где они составляли ожерелье (*Rygh*, 1885. P. 55. № 281a). Две подвески из зеленого стекла происходят из вельбаркского некрополя Цецеле (Cecele), из погребения № 81 периода C1b – C2 (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 33. № 620). Янтарная подвеска происходит из болотной находки Буцке / Бучек (Butzke / Buczek) из Померании и не имеет надежной датировки (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 81. Taf. 17: *458a*. № 615). Металлические подвески, как уже говорилось, происходят из Норвегии. В целом надежно подтверждается существование такого рода подвесок в позднеримское время, однако небольшое количество известных находок заставляет воздержаться от заключений по поводу их хронологии, тем более что неясен материал, из которого изготовлены данные предметы.

Янтарные бусы. Они были найдены в нескольких погребениях. По форме можно выделить несколько типов бус.

– **Крупные плоские дисковидные бусы** (рис. 11: *6*; 13: *5*) без декора, очень грубой обработки найдены в погребениях 39 и 45. Они могут быть отнесены к бусам 389 и 430 типов

по М. Мончиньской (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 67, 75. Taf. 15: *389*; 16: *430*). В позднеримское время и в начале эпохи переселения народов крупные дисковидные бусы широко распространены в Южной Прибалтике, от Одера до Самбии (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. Taf. 58; 67) и в целом в Барбарикуме (*Ivanišević, Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 59, 60). На памятниках самбийско-натангийской культуры они встречены, по данным М. Мончиньской, на могильниках Фридрихсталь (Friedrichsthal), Гребитен (Grebieten), Шлакалькен-2 (4), Шераппен (Serappen) – Люблино, Пиатен (Piaten), Варникам-Первомайское (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. № 1172, 1174, 1185, 1206, 1215, 1242). К этому списку следует добавить и другие находки, в частности, в Лаут – Большое Исаково, погребение 36 (*Skvorcov*, 2007. Taf. 36: *4*), Долькайм-Коврово, погребения 284, 298, 366 (*Кулаков*, 2007. Рис. 77: *13*; 112; *3*: 209: *9г*), хотя указанные экземпляры отличаются в ряде случаев более тщательной обработкой. В поздней фазе переселения народов имеются такие бусы и в эльблонгской группе (например: *Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. XXIX: *6*; XXXIX: *10*: LXXII: *1*), а также в ольштынской группе (*Кулаков*, 1989. Рис. 14: *1*) и, наконец, в погребениях судавской группы (*Kaczyński*, 1961. Tab. VI: *1, 2* – вместе с фибулой типа Долькайм-Коврово. Tab. XIII: *2*).

Крупные янтарные дисковидные бусы в V – начале VII в. широко распространяются повсюду в Европе, от Кавказа до Пиренейского полуострова (*Ivanišević, Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 59–61). В циркумбалтийской зоне эти бусы в эпоху переселения народов хорошо известны не только в Южной Прибалтике. Они также представлены в Скандинавии и на островах Балтийского моря (подробнее: *Ivanišević, Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 60, 61; к приведенному там списку можно добавить: *Stjernquist*, 1955. Pl. XLIII: *6*; *Reichstein*, 1975. Taf. 1: *7*; *Lund Hansen* 1971. DK 42: *22*; DK 44: *5, 6*). В Восточной Прибалтике они также хорошо известны. Можно, например, назвать находки в некрополях Плинкайгалис (Plinkaigalis) (*Kazakevičius*, 1993. 102: *3*; 121; *3*; 161; *3* pav.), Видгиряй (*Šimenas*, 2006. 37 pav.), Паваюонис-Рякучай (Pavajuonys-Rėkučiai) (*Bliujienė*, 2006. Fig. 4: *4, 5*), Марвеле (*Bertašius*, 2005. Taf. CLXXXVI: *1*), а также в уже упомянутом каменном могильнике Странте в Северной Латвии, в финском ареале (*Moora*, 1929. Taf. XXIX: *14, 15*). Их датировка в рамках самбийско-натангийской культуры, видимо, достаточно широка, от позднеримского времени (см. выше) до, по крайней мере, периода E3 (610/625 – 650/675 гг.), как показывает находка в погребении 424 могильника Ментке, с малыми дунайскими пальчатыми фибулами (*Кулаков*, 1989. Рис. 14: *1*).

– **Диско-коническая бусина** (рис. 14: *3*) была обнаружена в погребении 66. Она соответствует бусам типа 399 по классификации М. Мончиньской (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 68. Taf. 15: *399*). Такие бусы распространяются в позднеримское время и в эпоху переселения народов в Южной Прибалтике, в Померании, устье Вислы и на территории Восточной Пруссии, в частности в Самбии и Натангии, на могильниках Гойтенен (Goithenen) – Геройское, Гребитен, Варенген (Warengen) – Котельниково, Штобинген (Stobingen) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. Taf. 62. № 1173, 1174, 1194, 1235). Известны они и в Литве (*Kazakevičius*, 1993. 160: *7, 9*; 161: *4* pav.; *Šimenas*, 2006. 36 pav.; *Bertašius*, 2005. Taf. CXVI: *4*; CXXIX: *1*; CXXXIII: *1*; *Bliujienė*, 2007. 181: *4* pav.). В эпоху переселения народов похожие бусы, но с врезным линейным декором широко распространяются в Европе за пределами (см.: *Мастыкова*, 2004). В целом дата бус соответствует позднеримскому времени и эпохе переселения народов, предположительно его ранней фазе D. Однако такие бусы существуют и позднее, как показывают их находки вместе с фибулами с кольцевой гарнитурой периода E (*Kazakevičius*, 1993. 102: *3, 8* pav., *Bertašius*, 2005. Taf. CXVI: 4; CLXXXVI: *1, 2*; ср. *Bitner-Wróblewska*, 2006. P. 11. Fig. 7).

– **Дисковидно-цилиндрические бусы** (рис. 14: *4*). По меньшей мере один экземпляр происходит из погребения 66. Они соответствуют типу 397 по М. Мончиньской (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 68. Taf. 15: *397*). Цилиндрические янтарные бусы характерны для Южной Прибалтики, где они распространяются от Мекленбурга до Куршского взморья (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. Taf. 62). Есть такие бусы в позднеримское время

и в Скандинавии (*Straume*, 1987. Taf. 17: *u*). В Самбии и Натангии они известны на могильниках Гребитен, Долькайм-Ковров, Вакерн (Wackern) – Кудринка (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. № 1174, 1195, 1198). У восточных балтов янтарные цилиндрические бусы встречены, например, в могильнике Плинкайгалис (*Kazakevičius*, 1993. 160: *4* pav.), на раннесредневековом городище Кентескалнс (Kentes kalns) в нижнем течении Западной Двины (*Stubavs*, 1976. IV: *31* Tab.). По М. Мончиньской, цилиндрические бусы существуют с периода B1 по период D (т. е. фактически все римское время и в эпоху переселения народов) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 68).

– **Биконические бусы** (рис. 13: *12*; 14: *5*; 15: *4*) найдены в погребениях 49, 66 и 68. В погребении 68 бусина довольно крупная, в двух других они значительно мельче. Такие бусы выделены М. Мончиньской в типы 394 и 433 (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 68, 75. Taf. 15: *395*; 16: *433*). Существуют и более крупные бусы аналогичной формы (тип 396 по М. Мончиньской), однако по сохранившимся рисункам создается впечатление, что в нашем случае речь идет о сравнительно небольших экземплярах. Биконические янтарные бусы хорошо известны в Южной Прибалтике, особенно их много близ устья Вислы (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. Taf. 61). В ареале самбийско-натангийской культуры они отмечены на могильниках Хохшнакейнен (Hochschnakeinen) и Шлакалькен-2 (4) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. № 1181, 1185). В позднеримское время и в начале Средневековья они здесь встречены в некрополях Митино (*Скворцов*, 2010. С. 91–93), Долькайм-Ковров (*Кулаков*, 2007. Рис. 46: *3*; 50: *5, 6*; 58: *2*; 79: *4*; 112: *2, 8;* 114: *5, 8;* 136: *3*). У восточных балтов такие бусы есть в Литве (например: *Kazakevičius*, 1993. 69: *10*; 144: *9*; 145: *2,* 160: *2, 5* pav.; *Šimenas*, 2006. 39 pav.; *Bertašius*, 2005. Taf. LVIII: *2*; CXVII: *1*; CXXVII: *296, 1*; CLIII: *314, 1*; *Bliujenė*, 2007. 170: *9*; 172: *2*; 188: *13*; 201: *4*; 202: *3*; 203: *A4, B1*; 231: *5* pav.; *Banute-Rowell*, 2000. Fig. 6: *6, 8*; *Michelbertas*, 2002. 21: *3, 4, 7, 17*: 26: *2* pav.), а также на территории Латвии, в Курземе, на могильнике Руцава (Rucava) (*Moora*, 1929. Taf. XXIX: *4*). Встречаются они и у прибалтийских финнов, например в каменном могильнике Северной Латвии в Рауна (Rauna) (*Moora*, 1929. Taf. XXVIII: *21*). Известны находки янтарных биконических бус и в Скандинавии (например: *Straume*, 1987. Taf. 17: *l*). По М. Мончиньской, биконические янтарные бусы существуют все позднеримское время. Находки в некрополях Митино, Долькайм-Ковров, Хюненберг-Доброе и Плинкайгалис показывают, что их дата охватывает и начало Средневековья, включая весь VI в.

– **Мелкая биконическая бусина (в форме чечевицы)** (рис. 13: *3*) была найдена в погребении 45. Она сопоставима с бусами типа 391 по М. Мончиньской (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 67. Taf. 15: *391*). Таких бус достаточно много в ареалах вельбаркской культуры Нижней Вислы и культуры Денбчино (Dębczyno) в Померании, а также на территории западнобалтских культур, вплоть до Нижнего Немана. В контексте самбийско-натангийской культуры они отмечены на могильнике Варенген-Котельниково *(Tempelmann-Mączyńska*, 1985. № 1194). За пределами южнобалтийской зоны они встречены в литовских могильниках в контексте позднеримского времени и эпохи переселения народов (*Michelbertas*, 2002. 28: *3* pav.; *Bertašius*, 2005. Taf. LXXXIII: *1*; CXVII: *1*; *Bliujenė*, 2007. 171: *5* pav.), в уже упоминавшемся могильнике эпохи переселения народов Руцава, в Курземе (*Moora*, 1929. Taf. XXIX: *4*). М. Мончиньска отмечает находки таких бус от периода B2 до периода D1 (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 67).

– **Фасетчатая многогранная бусина** (рис. 7: *9*) биконической формы происходит из погребения 13. Она принадлежит редкому типу 405 по классификации М. Мончиньской (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 70. Taf. 15: *405*). Такие бусы распространены в Южной Прибалтике от Померании до Немана, а также в Силезии и пока не были зафиксированы для самбийско-натангийской культуры (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 64). Многогранные янтарные бусы датированы М. Мончиньской от позднеримского времени до переселения народов (периоды C – D).

– **Бочонковидные округлые бусы** (рис. 15: *5*) со срезанными сторонами присутствовали в погребении 68. По М. Мончиньской, они составляют типы 392 и 431 (*Tempelmann-Mączyńska*,

1985. S. 67, 68, 75. Taf. 15: *392*; 16: *431*). Бочонковидные бусы распространены в основном в Южной Прибалтике, от Мекленбурга до Куршского побережья, в том числе и на могильниках самбийско-натангийской культуры Виекау (Wiekau) – Хрустальное и Койенен (Cojehnen) (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. Taf. 60: 67. № 1168, 1192), Хюненберг-Доброе (*Кулаков*, 2014. Рис. 19: *5*). Известны эти бусы и в древностях эпохи переселения народов на Нижнем Немане, в некрополе Видгиряй (*Šimenas*, 2006. 36 pav.). Найдены такие бусы и к северу и востоку от рассматриваемой М. Мончиньской зоны, например, в Литве, на могильнике Марвеле (*Bertašius*, 2005. Taf. CLXXXVI: *1*); в Курземе, на могильнике Руцава (*Moora*, 1929. Taf. XXIX: *4*). Их дата охватывает римское время и эпоху переселения народов (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 67, 68, 75).

– Цилиндрическая бусина с продольными углублениями (рис. 15: *3*) происходит из погребения 68. Ее параллели неизвестны.

Предметы вооружения и конского снаряжения

Скрамасаксы (боевые ножи) (рис. 14: *8*). Один скрамасакс, сохранившийся в коллекции Берлинского музея, происходит из погребения 66, еще один упоминается при описании погребения 28. Это однолезвийное оружие с клинком, расширенным к основанию, и узким острым наконечником. Вдоль спинки клинка имеется рудиментарный дол – «кровосток». Обух и лезвие слегка выгнуты. Черенок короткий, располагается по центру оси клинка и расширяется к клинку, с резким переходом от черенка к клинку. Длина скрамасакса – 34,2 см. По классификации Я. А. Прасолова скрамасакс из погребения 66 принадлежит типу 3а (*Prassolow*, 2018. S. 104, 105, 112, 115. Taf. 81: *8*).

Скрамасаксы очень хорошо представлены в погребениях самбийско-натангийской культуры эпохи переселения народов, они представляют собой наиболее репрезентативный вид оружия. Недавно скрамасаксы стали предметом только что упомянутого фундаментального исследования Я. А. Прасолова (*Prassolow,* 2018), что избавляет меня от подробного анализа этого типа оружия. Всего автором данной работы учтено более 200 скрамасаксов, происходящих из 39 самбийско-натангийских памятников (рис. 20). По материалам изученных 58 закрытых комплексов исследователем установлена хронология самбийско-натангийских скрамасаксов, рамки которой определяются в пределах последней трети / конца IV – конца V / начала VI в. Рассматриваемый тип Прасолов 3а является самым поздним и бытует во второй половине V – начале VI в.

Боевые ножи известны и у восточных балтов. Они специально изучались В. Казакявичюсом на материалах Литвы, где для интересующего нас времени они более всего сосредоточены в западной половине страны (*Казакявичюс*, 1988. С. 82–93). Он же, пожалуй, первым применил к ним неудачный термин «нож-кинжал»[15], имея в виду клинки с заостренным, жаловидным концом, типичные для самбийско-натангийской культуры (*Казакявичюс,* 1988. С. 85). Среди литовских находок эпохи переселения народов имеются формы, довольно близкие скрамасаксам из Шлакалькена-3 (например: *Bezzenberger*, 1900. Abb. 53; *Казакявичюс*, 1988. Рис. 33: *10*; *Šimenas*, 2006. 26, 54: *4–6*; 55: *6* pav.; *Bertašius*, 2005. Taf. CXXXIX: *8*), часть из них имеет дол – «кровосток». Известны боевые ножи и в Латвии, они идентичны литовским (*Казакявичюс*, 1988. С. 90).

Однолезвийное рубящее оружие с прямым клинком, хотя и иной формы, существует у западных балтов уже в римское время (например: *Hollack, Peiser*, 1904. Taf. V: *27a*; *Nowakowski*, 1996. Taf. 90: *4*; 2007. Fig. 2: *1*; 3; *Sawicka*, 2007). Западнобалтские боевые ножи эпохи

[15] Любому человеку, имеющему некоторое представление о рукопашном бое, известно, что кинжал и боевой нож (скрамасакс) – это разные виды клинкового оружия, применение каждого из них требует особых навыков. Следует напомнить, что согласно ГОСТу кинжал – это «контактное клинковое колюще-режущее и рубяще-режущее оружие с коротким или средним прямым или изогнутым двухлезвийным клинком (клинками)» (ГОСТ-Р 51 21 5–98, 2020. С. 3). Второго лезвия самбийско-натангинским клинкам явно не хватает, чтобы стать кинжалами.

переселения народов не имеют отношения к скрамасаксам Центральной Европы гуннского и постгуннского времени, византийско-сасанидского происхождения (о них см.: *Kazanski*, 1991. P. 133; *Quast*, 1999; *Kazanski, Mastykova, Périn*, 2002. P. 172–176; *Казанский*, 2012). У центральноевропейских клинков V – раннего VI в. другие пропорции, нет узкого заостренного окончания, отсутствуют продольные каннелюры. Не исключено, что скрамасаксы Юго-Восточной Прибалтики имеют прототипы в Скандинавии, где для эпохи переселения народов известны короткие ножи с каннелюрами и слегка заостренным наконечником, например, в находке Эйсбул (Ejsbøl) (*Ørsnes*, 1988. Pl. 105: *1*; 106: *19*), напоминающие наиболее ранние скрамасаксы эстиев (см. подробнее: *Kazanski, Mastykova*, 2005. С. 123; *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 98, 99). Ножи, скорее всего выполняющие боевые функции, встречены в скандинавских воинских погребениях позднеримского времени и начала эпохи переселения народов (*Ilkjær* 1990. Abb. 191, 195). Впрочем, похожие ножи известны и в древностях самбийско-натангийской культуры позднеримского времени, например, в погребениях 255, 257 некрополя Долькайм-Ковров (*Кулаков*, 2007. Рис. 13: *4*; 18: *1*). Встречаются они также у балтов сувалкской группы (*Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. LV: *4*), редко в контексте финальной фазы вельбаркской культуры устья Вислы в эпоху переселения народов, например, в некрополе Прауст / Пруц Гданьский (Praust / Pruszcz Gdański) (*La Baume*, 1934. Taf. 75: *b*) и у германцев Силезии в эпоху переселения народов на памятниках добродзеньской группы (*Szydłowski*, 1974. Tabl. II: *a*). Видимо, германские и балтские ножи с долом и являются прототипами циркумбалтийских скрамасаксов эпохи переселения народов. По В. Казакявичюсу, боевые ножи в Западной Литве и Центральной Жемайтии распространяются с III в., но в позднеримское время они довольно редки (*Казакявичюс,* 1988. С. 85).

Эти боевые ножи в Литве, в частности, хорошо представлены в закрытых комплексах эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени. В погребении 16 некрополя Криемала (Kriemala) под Каунасом (*Šimenas*, 2006. 55 pav.) скрамасакс с долом был найден вместе с подвязной фибулой типа Альмгрен 162 (см. выше), дата которых, как представляется, не позднее периода D2 западнобалтской хронологии (375/400 – 430 гг.). На неманском могильнике Грейшенен-Грейженай (Greyszönen-Greižėnai) в погребении VI.61 скрамасакс с долом был найден вместе с фибулой типа Долькайм-Ковров V – раннего VI в. (о них см. выше) (*Bezzenberger*, 1900. S. 141, 142. Abb. 53; 54). В погребениях 2 и 18 нижненеманского могильника Видгиряй скрамасаксы с долом также соседствовали с фибулами типа Долькайм-Ковров (*Binter-Wróblewska*, 2001. Pl. LV: *6, 8*; *Šimenas*, 2006. 23; 30 pav.). В погребении 337 могильника Марвеле скрамасакс с долом сопровождался ранними подвязной фибулой и портупеей типа Видгиряй, т. е. набором, типичным для переселения народов (*Bertašius*, 2005. Taf. CLIV: *1, 2, 5*). В погребении 5B некрополя Калнишкяй (Kalniškiai) боевой нож с долом был найден вместе с портупейной гарнитурой типа Видгиряй и подвязной фибулой с расширенной ножкой, позднеримской схемы, но доживающей в Литве до ранней фазы переселения народов (*Astrauskas, Glieznienė, Šimėnas*, 1999. 1 pav.). На могильнике Плинкайгалис к эпохе переселения народов относятся погребения 45 и 52, содержавшие помимо боевых ножей с долом характерный для этого времени инвентарь – фибулы, пряжки, шпоры, ременные наконечники (*Kazakevičius*, 1993. 42; 130 pav.).

Еще одно погребение того же могильника с аналогичным «воинским» инвентарем периода D2 (375/400 – 430 гг.) содержало скрамасакс идентичной формы, но без видимого дола (*Kazakevičius*, 1993. 137: *1* pav.), как и погребение 1 могильника Акменяй (Akmeniai), с фибулой с кольцевой гарнитурой периода E (*Michelbertas*, 2006. 39: *2* pav.). Также дол не виден на боевом ноже в Гайстаути (Geistauti) в Латвии, где была также найдены фибула типа Даумен-Тумяны (см. выше) и поздняя фибула с лопатковидной ножкой (*Binter-Wróblewska*, 2001. Pl. XLI: 12).

В целом скрамасаксы получают широкое распространение в Западной и Северной Европе начиная с эпохи переселения народов и особенно в меровингское время. При этом наиболее ранние меровингские скрамасаксы, датируемые временем не позднее 500 г., по длине не превышают 35 см, более поздние достигают 72 см (*Hübener*, 1988. S. 227; *Hübener,*

1989. Abb. 1). Они, как правило, имеют прямой обух (спинку), что их отличает от интересующей нас формы. В скандинавских древностях начала Средневековья похожие боевые ножи, распространенные как на собственно Скандинавском полуострове, так и на островах Балтийского моря, определены А. Норгард Йоргенсен как SAX «K», 1 или 2 (*Nørgård Jørgensen*, 1999. S. 46–53). Они известны и на южном берегу Балтики, в бассейне Одера – Эльбы (*Petersen*, 1939. Abb. 13). В древностях балтийских финнов боевые ножи похожей формы присутствуют как на памятниках Эстонии, например, вещевой клад в Рикасааре (Rikassaare), без видимого дола (*Mandel, Tamla*, 1977. Tah. V: *3, 4*), так и Финляндии, где самые ранние скрамасаксы появились в начале эпохи переселения народов, но особенно распространились с VII в. (*Казакявичюс*, 1988. С 91, 92).

Копья типа Казакявичюс II (рис. 7: *1*). В погребении 12 (если верить рисунку Ф. Якобсона; при этом в описании погребения 12 копья не указаны, зато два копья отмечены в погребении 10) было найдено копье с длинным профилированным пером, расширенным к основанию и с выраженной нервюрой вдоль пера. Втулка, круглая в сечении, значительно короче пера. Эти копья для Прибалтики изучены В. Казакявичюсом. Он показал их широкое распространение по всей Восточной Прибалтике, до Финляндии включительно, а также в Скандинавии – на Готланде, в Швеции, Дании и Норвегии (*Казакявичюс*, 1988. С. 37–40). На территории самбийско-натангийской культуры копья, близкие типу Казакявичюс II, представлены в ряде погребений, например, на могильнике Долькайм-Коврово: в погребении 151 с пряжкой с хоботковым язычком, типичной для эпохи переселения народов (*Prassolow*, 2018. Taf. 19: *6*); в погребении 152 (*Prassolow*, 2018. Taf. 20: *4,5*); погребении 154 с фибулой типа Долькайм-Коврово (*Prassolow*, 2018. Taf. 21: *6*); погребении 253 с пряжкой, типичной для начала эпохи переселения народов[16]; а также в погребении 260 с арбалетной фибулой эпохи переселения народов и погребении 306, возможно, позднеримского времени (*Кулаков,* 2007. рис. 8: *1*; 24: *2*; 104: *8*). В некрополе Варникам-Первомайское в погребениях 1 и 4 *(Nowakowski*, 1996. Taf. 79: *1*; *Кулаков*, 1997. Рис. 3: *5*; 4: *2*; *Hilberg*, 2009. S. 317. Abb. 9.7: *d*; 9.10; *Скворцов*, 2022. Рис. 34: *1*; 41: *714*; Табл. 10: *1*); на могильнике Тенген (Tengen) в погребении 27 вместе с фрагментом арбалетной фибулы (*Berendt*, 1873. Taf. I: *27b*; *Скворцов*, 2022. Рис. 12: *2*); на могильнике Детлевсру (Deltlevsruh) – Песочное в погребении 1 вместе с фибулой эпохи переселения народов (*Hollack*, 1914. S. 266, 267. Abb. 103; 104); на могильнике Хюненберг-Доброе в погребении 31к (*Кулаков*, 2014. Рис. 98: *3*) с умбоном позднеримского времени или начала переселения народов (ср.: *Kazanski*, 1994. Fig. 2: *14, 18–22*); на могильнике Гребитен в погребении 65N (*Prassolow*, 2018. Taf. 35: *2*); на могильнике Шоссейное (*Скворцов*, 2022. Табл. 97: *1*) и т. д.

В. Казакявичюсом отмечено появление этих копий в Дании и Латвии уже в III в. и их последующее широкое распространение в Прибалтике, особенно с V в. (*Казакявичюс*, 1988. С. 40). В Скандинавии, по Й. Илкеру, различные типы копий с пером, расширенным в основании и выраженной нервюрой, более характерны для III в. (*Ilkjaer*, 1990. S. 73, 74, 86, 95–141). Есть они в позднеримском контексте и собственно в самбийско-натангийской культуре (например: *Кулаков*, 2007. Рис. 104*: 8*).

Для других балтских территорий эпохи переселения народов – начала Средневековья можно отметить находки. Они есть в сувалкской группе, например, на могильнике Нетта (Netta), курган 1, погребение 55, с рифленой пряжкой V – раннего VI в. (*Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XXIX: *5*).

Подобные копья хорошо известны в Литве (*Казакявичюс*, 1988. Рис. 13; 14, Карта VI). В Латвии эти копья представлены на городище Кентескалнс (*Stubavs*, 1976. VI: *14, 15* Tab.), на могильниках Руцава, Слате (Slate), Микласкалнс (Miklas kalns) (*Moora*, 1929. Taf. XXXVIII: *6, 7*; *Graudonis*, 2003. 25: *2*; 34: *2*; 51: *3, 5* att.). Они также имеются в бассейне Немана, на территории современной Белоруссии и в белорусском Подвинье (*Шадыра*, 2006. Табл. 15: *1*). У восточных

[16] Ср.: Плинкайгалис, погребение 50 (*Kazakevičius*, 1993. 137: *9* pav.), Жвиляй, погребение 47 (*Vaitkunskienė*, 1989. 5: *2* pav.).

балтов такие копья в контексте эпохи переселения народов встречены в ряде погребений, список которых может быть продолжен:
– Видгиряй, погребение 30, с фибулой типа Долькайм-Ковров, т.е. V – раннего VI в. (*Šimenas*, 2006. 30 pav.);
– Марвеле, погребение 319, вместе с подвязными фибулами типа Альмгрен 162 и пряжкой с загнутым вниз язычком эпохи переселения народов (*Bertašius*, 2005. Taf. CXXXVIII: *8*);
– Рекете (Reketé), погребение 48 (*Griciuvienė*, 2009. P. 55. N° 187), с арбалетной фибулой, аналогичной застежкам из уже цитированных захоронений Долькайм-Ковров, погребение 260; Плинкайгалис, погребение 50, и Жвиляй, погребение 47;
– Жвиляй, погребение 56, где вместе с копьем найдены типичная для V в. портупея типа Видгиряй и подвязная фибула Альмгрен 162 (*Astrauskas, Glieznienė, Šimėnas*, 1999. 10 pav.);
– Таурапилис (Taurapilis), погребение 1, вместе с арбалетной фибулой времени не позднее V в. (*Tautavičius*, 1979, 36: *1* pav.);
– Засвиры, курган № 1, с В-образной рифленой пряжкой (о них см.: выше) и умбоном с «жемчужным» декором по краю поля (*Звяруга*, 2005. Мал. 30);
– Пагрибис (Pagrybis), погребение 116, с арбалетной фибулой, близкой типу Митино 1 (*Vaitkunskienė*, 1985. 4: *1* pav.);
– Скерсабаляй (Skersabaliai), курган 5, погребение 2, с рифленой пряжкой с крестообразным основанием язычка (*Vaitkevičius*, 2005. 2: *1* pav.);
– Сантака (Santaka), курган 4, погребение 2, вместе с рифленой пряжкой (*Vaitkevičius*, 2007. 55: *1* pav.);
– Вецмокас (Vecmokas), клад в Курземе, датированный VI в. (*Urtans*, 1977. P. 150–152. 57: *18* att. N° 56);
– Мукукалнс (Mūkukalns), клад на Западной Двине, датированный VI в. (*Urtans*, 1977. P. 145, 51: *12–14*, att., N° 21).

Копия этого типа есть и у прибалтийских финнов, например, в болотном жертвоприношении Кунда (Kunda) в Северной Эстонии (*Tamla*, 1995. Abb. 5: *11*); в каменном могильнике Эхмья-Варетемяги (Ehmja-Varetemäe) в Западной Эстонии (*Mandel*, 2003. Taf. VIII); в могильнике Киримяэ (Kirimäe), также в Западной Эстонии (*Tallgren*, 1926. Abb. 19); в каменном могильнике Прооза (Proosa) под Таллином (*Lang*, 1996. Tah. LI: *2*); в вещевом кладе Рикасааре (*Mandel, Tamla*, 1977. Tah. III: *2*; IV: *4*) или в каменном могильнике Кравант II / Каугарс I–II (Kravant / Kaugars) в Северной Латвии (*Aspelin*, 1884. P. 337, N° 1795); в Финляндии в могильниках Айнола (Ainola) (*Hirviluoto*, 1976. Fig. 5), Лаухиамяки-Еура (Lauhimiäki-Eura) (*Appelgren-Kivalo*, 1907. Taf. 1: *3*). Они известны и восточнее, на верхнеднепровских городищах, таких как Никодимово, Близнаки, Демидовка (*Казанский*, 2015. Рис. 16: *13*; 18: *31–33*). Пожалуй, одной из наиболее восточных находок является копье с городища Борисово, принадлежащее мощинской культуре (*Гавритухин, Воронцов*, 2008. Рис. 9: *1*). Кроме того, такие копья известны и на европейском Западе, у англосаксов и франков (*Казанский*, 2008. С. 306).

Копья и дротики типа Казакявичюс IV (рис. 13: *10*; 14: *2*). Такие наконечники известны в двух погребениях: 49 и 66. Первый из них имеет длину 13,8 см, второй – 16,2 см. Это оружие с листовидным пером, расширенным у основания, линзовидным, приближающимся к ромбическому сечением, без выраженной нервюры и короткой (короче пера) втулкой. У дротика из погребения 66 расширение пера имеет довольно резкий угол, форма приближается к ромбовидной, у наконечника из погребения 49 более плавные очертания пера.

Отмечено распространение этого типа копий в Западной Литве и Центральной Жемайтии, а также на территории бывшей Восточной Пруссии, в Латвии, Эстонии, Финляндии и Скандинавии (*Казакявичюс*, 1988. С. 42–48). В Скандинавии эти копья скорее типичны для II–III вв. (*Ilkjaer*, 1990. S. 48–50). В Восточной Пруссии они появляются, видимо, еще в римское время (*Nowakowski*, 1996. Taf. 5: *5*; *Kontny*, 2008. Fig. 6: *b*). Для самбийско-натангийской культуры можно назвать, например, находки времени эпохи переселения народов – начала

Средневековья в Долллькайм-Ковово, погребение 325а (*Кулаков*, 2007. Рис. 135: *6*); Лаут – Большое Исаково, погребение 27 (*Skvorcov*, 2007. Taf. 33: *7*; *Prassolow* 2018. Taf. 53: *6*); Хюненберг-Доброе, погребения 58 и 109 (*Кулаков*, 2014. Рис. 46: *4*; 50: *2*); Блудау (Bludau) – Кострово, погребение 10 (*Prassolow*, 2018. Taf. 1: *2*); Корейтен / Коряйтен (Corjeiten), погребение 255 (*Prassolow*, 2018. Taf. 9: *4*); Кирпенен-Поваровка, погребение 92 (*Prassolow* 2018. Taf. 49: *17*); Гаутен (Gauten) – Путилово-2, погребение 1 «Сл.» (*Скворцов*, 2022. Рис. 186. Табл. 123: 1; 124: 1). Такие копья известны и на натангийских могильниках Тенген, погребение 26 (*Berendt*, 1873. Taf. I: *26b*), и Розенау (Rosenau) (*Berendt*, 1873. Taf. VII: *9*).

Помимо самбийско-натангийской культуры V–VII вв. эти копья есть в эльблонгской группе, например, на могильнике Новинка (*Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. LX: *1*). Такие копья хорошо представлены, как уже говорилось, в Литве (*Казакявичюс*, 1988. Карты VIII, IX). Показательны такие находки, как Марвеле, в Средней Литве, погребение 302 (*Bertašius*, 2005. Taf. CXX: 3); Плинкайгалис, погребение G (*Казакявичюс*, 1988. Рис. 18; *Kazakevičius*, 1993. 134: *1* pav.). Они есть, в частности, в погребениях нижненеманской группы (*Šimena*s, 2006. 23 pav.). Имеются такие копья и в восточнолитовских курганах на территории Белоруссии (Косовщина: *Зверуго*, 2001. Рис. 7: *1, 2, 4, 5*). В Латвии они найдены, например, на городище Кентескалнс (*Stubavs*, 1976. VI: 6–9 Tab.), на могильнике Микласкалнс, погребение 54 (*Graudonis*, 2003. 25, *2*; 34, *2*: att.).

Вне балтского ареала этот тип копий также хорошо известен в конце Античности и начале Средневековья. Копья близких пропорций известны на памятниках культуры Банцеровщина (*Звяруга*, 2005. Мал. 65: *12*). У прибалтийских финнов эпохи переселения народов – раннего Средневековья такие копья представлены в Эстонии, в болотном жертвоприношении Алулинна (Alulinna) (*Tamla*, 1995. Abb. 2: *6, 7*) и в некоторых могильниках Финляндии (*Appelgren-Kivalo*, 1907. Taf. 1: *5*; *Schauman-Lönnqvist,* 1988. Fig. 21: *9821: 2*; *9821: 3*). Похожие копья имеются и в германских древностях бассейна Одера – Эльбы (*Petersen*, 1939. Abb. 24: *e*; 89: *1, 2*; 137: *a*). Копья с относительно короткой втулкой и листовидным пером, расширенным в нижней части, имеются и у германцев Центральной Европы в эпоху переселения народов, в частности, на могильниках добродзеньской группы (*Szydłowsk*i, 1974. Tabl. VI: *a–c*; XCI: *e, f*; CLXIV: *m*) или в «вождеском» погребении Кенигсбрух-Луги (Königsbruch-Lugi) (*La Baume*, 1934. Bild 66: *b*; *Tejral*, 2011. Abb. 39: *2*). Они представлены у германцев Дуная, гепидов и лангобардов, на территории Восточной Римской империи (*Ivanišević, Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 39), а также на памятниках славянских культур V–VII вв. (*Казанский*, 2015. Рис. 4: *15, 18*; 5: *3*; 16: *17, 18*).

Данный тип копий имеет довольно широкую дату, от II до VIII в. и позднее (*Казакявичюс*, 1988. С. 44–48).

Дротики типа Казакявичюс IД (рис. 7: *2*). Один дротик этого типа входил в состав инвентаря погребения 12 (если верить рисунку Ф. Якобсона; в описании погребения 12 не указано, зато два копья отмечены в погребении 10). Дротик имеет короткое ромбовидное перо, ромбическое в сечении, без выраженной нервюры и длинную (длиннее пера) втулку, что, по В. Казакявичюсу, является отличительным признаком этого варианта (*Казакявичюс*, 1988. С. 32). Впрочем, длинные втулки имеются и у дротиков типа IГ (*Казакявичюс*, 1988. Рис. 9: *6, 11*).

Такие копья и дротики довольно широко распространены в Прибалтике. Они известны на территории Калининградской области (см., например: *Кулаков*, 2014. Рис. 94: *5*), в Литве, особенно в Центральной Жемайтии и Северной Литве, в Латвии (*Казакявичюс*, 1988. Карта V), в частности, на уже упомянутых городище Кентескалнс (*Stubavs*, 1976. VI: *12* Tab.) и могильнике Микласкалнс (*Graudonis*, 2003. 25: *2*; 34; *2* att.). В то же время они не характерны для соседних прибалтийских финнов (*Казакявичюс*, 1988. С. 33–36). Не исключено, что им родственны скандинавские копья типа Илькер 19, относящиеся к ранней фазе эпохи переселения народов (*Ilkjaer*, 1990. S. 142–146). Им близки и некоторые находки на германских территориях в бассейне Одера (*Petersen*, 1939. Abb. 38: *a*).

По наблюдениям В. Казакявичюса, такие дротики особенно характерны для VI–VIII вв. (*Казакявичюс*, 1988. С. 35, 36). Впрочем, наиболее ранние копья очень близкого варианта IIГ относятся, по В. Казакявичюсу, к IV в. (*Казакявичюс*, 1988. С. 30). Временем не позднее V в. датируются погребения 296 и 337 могильника Марвеле, где дротики такого типа найдены вместе с поздними подвязными фибулами типа Альмгрен 162 (*Bertašius*, 2005. Taf. CXXVII: *4*; CLIV: *4*).

Двучастные удила (тип Митино I.5) (рис. 8: *4*; 10: *1*). Этот тип представлен в погребениях 24 и 26. Железные удила из этих погребений сохранились в Музее до- и пре- истории в Берлине. В североевропейской типологии удил находки из Шлакалькена-3 принадлежат типам Орзнес OE-OD и более всего характерны для III–VII вв. (*Ørsnes*, 1993. S. 190, 191), хотя встречаются и позднее. Западноевропейские двухчастные удила также существуют долгое время, включая весь меровингский период (*Oexle*, 1992. S. 19–34). Этот тип удил хорошо представлен в древностях самбийско-натангийской культуры меровингского времени, а также в соседних эльблонгской и ольштынской группах (*Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. С. 17, 18).

Удила из Шлакалкена имеют раскованные профилированные держатели колец и декор на псалиях в виде или поперечных рельефных линий (погребение 24), или насечек (погребение 26). Удила с раскованными держателями колец представлены в древностях самбийско-натангийской культуры эпохи переселения народов, в частности, в материалах некрополей Митино, Зохпен-Суворово, Хюненберг-Доброе, Гурьевск-Клянхайде (Kleinheide)[17], Долькайм-Коврово (*Кулаков*, 2007. Рис. 63: *3*; *Скворцов*, 2010. С. 151, 152; *Кулаков*, 2014. Рис. 32: *2*; 79: *2*). На могильнике Заостровье-1 такая форма держателей колец зафиксирована для трехчастных удил (*Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 19). Встречаются такие удила и восточнее балтской зоны, в контексте культуры длинных курганов (*Михайлова*, 2014. Рис. 39: *6*).

Рельефные линии и насечки на псалиях также известны в самбийско-натангийском контексте, например, в могильниках Митино, Зохпен-Суворово, Гурьевск-Кляйнхайде и Хюненберг-Доброе, Лаут – Большое Исаково, Шоссейное. Они отмечены также у аламаннов и дунайских лангобардов. Более удаленная находка удил с насечками происходит из воинского погребения Доложский погост на р. Луга, в Северо-Западной России. Такие удила с насечками или поперечными гравированными и дамаскированными линиями на кольцах восходят к прототипам позднеримского времени (например, Экажево и Кишпек на Северном Кавказе, Опатув / Opatów 1 в Польше), отражающим, скорее всего, моду Римской империи (см. подробнее: *Казанский*, 2014. С. 122–124, там же библиография).

Бытовые предметы и орудия труда

Ножи (рис. 7: *3, 8*; 11: *7*; 13: *9*). Ножи были найдены в погребениях 12, 13, 39, 49. Все они одного типа – асимметричные, расширяющиеся к середине клинка, с выступающим дуговидным лезвием (иногда оно сточено) и горбатой спинкой. Черенок является продолжением пластины клинка и располагается по центральной части его оси. Исключение составляет нож из погребения 13, где черенок сдвинут к лезвию. У ножа из погребения 39, судя по рисунку, сохранились остатки рукояти, закрывающие черенок. Ножи данного типа, с горбатой спинкой и выступающим дуговидным лезвием, хорошо известны в материалах самбийско-натангийской культуры уже с римского времени и широко распространены повсеместно в Европе в эпоху переселения народов (подробнее: *Казанский, Зальцман, Скворцов,* 2018. С. 22, 23).

Бритвы (рис. 11: *8*). В погребении 39 был найден предмет, который, по имеющемуся в нашем распоряжении схематическому рисунку Ф. Якобсона, может быть определен как бритва, поскольку его лезвие изогнуто. Судя по тому же рисунку, предмет по размеру сопоставим

[17] Информация К.Н. Скворцова.

с ножом, найденным в том же погребении, и поэтому вряд ли может быть определен как серп: у тех тоже изогнутое лезвие, но размеры больше. Конец клинка обломан, черенок является продолжением пластины клинка. В балтском контексте бритвы известны уже для римского времени. В материалах самбийско-натангийской культуры они отмечены и в эпоху переселения народов, например, в погребении 303 некрополя Долькайм-Ковров, вместе с фибулой V в. типа Прага (*Кулаков*, 2007. Рис. 101: *10*). У восточных балтов в эпоху переселения народов и начале Средневековья они представлены в Литве (Марвеле: *Bertašius*, 2005. Taf. XXIV: *L*) и в Латвии (Кентескалнс: *Stubavs*, 1976. IX: *10–12* Tab.; Плавниекалнс: *Graudonis*, 1974. 37: *22* att.). К северу и востоку от балтской зоны в интересующее нас время бритвы встречены в каменных могильниках Эстонии (*Аун*, 1992. Рис. 26: *4*; *Lang*, 1996. Joon 65: *7*; 67: *5*), на памятниках культуры Банцеровщина (*Звяруга*, 2005. Мал. 61: *19*), в лесной зоне России и Белоруссии, на памятниках типа Заозерье-Узмень (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. Рис. 107: *4, 5*) и в контексте культуры псковских длинных курганов (*Попов*, 2010. С. 372–374. Рис. 5: *15*; *Михайлова*, 2014. Рис. 26: *6– 9*).

Пряслица (рис. 10: *10*; 15: *7*). Керамические пряслица были обнаружены в погребениях 35 и 68. Они биконические, со скругленными гранями. Такого рода предметы очень широко распространены в Европе в эпоху переселения народов. В древностях самбийско-натангийской культуры подобные пряслица относятся к типам IA и IБ по О. А. Хомяковой (*Хомякова*, 2022. Рис. 1: *I*). Эти пряслица встречены на ряде памятников (*Хомякова*, 2022. Рис. 1: *II*) и датируются довольно широко, от римского периода B2/C1 до меровингского времени включительно (*Хомякова*, 2022. С. 245–247).

Кроме этих вещей в погребениях, судя по описанию, были обнаружены керамические сосуды, но помимо самого факта их присутствия никакой информацией о них я не располагаю. Нет их рисунков и в картотеке Ф. Якобсона.

Хронология могильника

Обоснования датировок конкретных предметов погребального инвентаря приведены выше. Здесь попытаемся на основании хронологии этих вещей установить даты погребений и свести эти комплексы в хронологические фазы.

Фаза 1 (430–520-е гг.) (рис. 4: *1, 2*). Для поздней стадии переселения народов и начала Средневековья выделяется серия могил, содержавших такие показательные вещи, как арбалетные фибулы типа Митино 1 (погребения 35, 45), застежки типа Долькайм-Ковров (погребение 66), янтарные дисковидные бусы (погребение 66). Оптимальным сочетанием для этих вещей являются периоды D3 (430 – 450/500-е гг.) и E1 (450–520-е гг.) по западнобалтской шкале. Видимо, к этому времени и относятся погребения 35, 45, 66 и предположительно погребение 43, содержавшее фибулу, возможно, дериват типа Долькайм-Ковров.

К финалу данной фазы (рис. 4: *1, 2*), совпадающему с периодом E1 западнобалтской хронологии, относятся два погребения. Одно из них, погребение 6 (если верить рисунку Ф. Якобсона, в описании погребения наличие вещей в нем не указано) содержало помимо фибулы типа Долькайм-Ковров тордированный (?) браслет, характерный для периода E1. В погребении 39 были обнаружены фибула типа Брейтенфурт, периода E1, подвязная фибула, которая может иметь широкую дату, по период E1 включительно, ременный наконечник с перехватом периодов E1 – раннего E3, тордированный браслет.

Фаза 2 (520–570-е гг.) (рис. 4: *3*). Она в целом совпадает с периодом E2a западнобалтский хронологии – 520–570 гг. – и характеризуется сочетанием пряжек с крестообразным язычком (погребения 10, 12, 25, 26, 49, 68) и фибул с площадкой на ножке типа Митино 2 (погребения 10, 12, 13, 15, 49). Находка фибулы типа Даумен-Тумяны в погребении 25 подтверждает

такую датировку. К этой же фазе может относиться и перстень из погребения 15, если его декор в самом деле, как мне кажется, относится ко второму звериному стилю.

Погребение 13 с фибулами типа Митино 2, не содержавшее характерных вещей западнобалтского периода Е2, может относиться как к фазе 1, поскольку подобные застежки известны уже в период Е1 (см. выше), так и к фазе 2. Две другие могилы также имеют сравнительно широкую дату. Это погребение 27 с рубчатой пряжкой, которые существуют в течение V – раннего VII в. и позволяют отнести данное захоронение как к фазе 1, так и к фазе 2 некрополя.

Соотнесение предлагаемых здесь датировок с планиграфией могил в целом подтверждает наши выводы. Как уже говорилось, на участке, раскопанном в 1893 г., выступают два скопления погребений, вытянутых с севера на юг, возможно, соответствующих двум разным группам (семьям? кланам?), составлявшим сообщество, которому принадлежал некрополь. Можно заметить, что погребения фазы 1 концентрируются в южной группе захоронений, а погребения фазы 2 – в северной (за исключением погребений 49 и 68), где лишь одно погребение 6? (о нем см. выше) может принадлежать финалу фазы 1.

Гендерные индикаторы

С помощью антропологических исследований на могильниках самбийско-натангийской культуры удалось установить набор предметов погребального инвентаря, типичных для мужских, женских и детских могил меровингского времени (*Мастыкова, Добровольская,* 2013; *Mastykova, Dobrovolskaia*, 2013). Эти данные уже были использованы при изучении могильника Заостровье-1 (*Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. С. 29, 30), применяются они и здесь, тем более что никаких антропологических данных для раскопок 1893 г. не имеется.

Выяснилось, что для самбийско-натангийской культуры эпохи переселения народов и меровингского времени мужские погребения отличаются наличием шпор, ременных наконечников, браслетов. Присутствие в погребальном инвентаре ножа также скорее указывает на мужскую принадлежность погребенного. Можно обоснованно предполагать, что погребения с оружием также являются мужскими. Признаки женских захоронений выступают не так четко. Можно тем не менее считать, что наличие трех арбалетных фибул, булавок и керамических пряслиц является скорее индикатором женских могил. Впрочем, глиняные пряслица известны и в могилах с оружием, обычно интерпретируемых как мужские (например: *Prassolow*, 2018. Taf. 1: *3*). Скорее всего, погребения с бусами также являются женскими. Погребения с конями не определяются столь однозначно. На могильнике Митино они скорее являются индикаторами мужских захоронений, но на Заостровье-1 они связаны примерно в равной степени как с мужскими, так и с женскими захоронениями, определенными антропологически (*Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. С. 30).

По этим признакам к числу мужских погребений можно отнести следующие захоронения могильника Шлакалькен-3: 1, 10, 12, 14, 20, 28, 52. Видимо, погребения 13, 39, 43, 49, 53, 58, 66, содержавшие мужские и женские вещи, также являются мужскими, куда женские вещи попали в качестве приношений, или коллективными. Вероятно, к женским можно отнести погребения 3, 15, 16, 35, 45, 53, 59, 60, 62, 63, 65, 68, где встречены бусы, пряслица, три фибулы (погребение 53).

Социальная дифференциация

Для самбийско-натангийской культуры заключительной фазы эпохи Великого переселения народов и меровингского времени нами уже был предложен и применен общепринятый в «варварской» археологии Европы принцип выявления социальной дифференциации по степени богатства погребального инвентаря и особенностям погребального обряда (*Казанский, Мастыкова, Скворцов*, 2017; *Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. С. 30–37)[18].

[18] Разумеется, не следует искать в археологическом материале прямого отражения социальной шкалы, выявленной по письменным свидетельствам; соотношение данных разных дисциплин нуждается в отдельном изучении.

При этом было выявлено три уровня погребений:
– уровень 1. Привилегированные погребения;
– уровень 2. Погребения «среднего класса»[19];
– уровень 3. Погребения «низов».

На могильнике Шлакалькен-3 погребения уровня 1 не выявлены, зато уровни 2 и 3 хорошо представлены.

Уровень 2. Погребения «среднего класса»

В европейской археологии к этому «народному» уровню, соответствующему значительной части населения, т. н. среднему классу варварского общества (по марксистской терминологии – «свободные общинники»), относят рядовые могилы с недорогими металлическими украшениями и деталями костюма (*Амброз*, 1968. С. 22; *Christlein*, 1973 и др.). Данный уровень хорошо представлен на могильниках Самбии V–VII вв., в частности, на Митино и Заостровье-1 (*Скворцов*, 2010. С. 35, 36; *Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. С. 34, 35). К нему относятся погребения с металлическими, часто массивными украшениями и элементами костюма (фибулы, браслеты, элементы ременной гарнитуры) из недорогих цветных металлов или даже из железа, присутствует оружие и/или всадническое снаряжение, чаще всего боевые ножи-скрамасаксы, копья, шпоры.

На могильнике Шлакалькен-3 выделяются три страты, представленные и на других самбийско-натангийских памятниках.

Уровень 2а. В самбийско-натангийской культуре эпохи переселения народов к этому уровню относятся погребения, выделяющиеся своим инвентарем, например, захоронения с оружием, в частности, со скрамасаксами (*Prassolow*, 2018) или всадническим снаряжением (шпоры на могильнике Шлакалькен-3 не представлены), отдельными редкими предметами, типичными для «привилегированных» погребений, но оказавшимися в рядовом контексте. Из женских погребений к этому уровню следует отнести могилу 53 с особо богатым личным убором, включающим три фибулы, браслет, пряжку, бусы (рис. 5: *3*). К этой же страте на могильнике Шлакалькен-3, видимо, относятся погребения с оружием 10, 20, 28, 49, 66, может быть, погребение 12 (рис. 5: *2*). Набор оружия – копья и скрамасаксы – в целом типичен для самбийско-натангийских могил поздней фазы переселения народов и меровингского времени (см. каталог погребений со скрамасаксами: *Prassolow,* 2018). Сюда же, возможно, надо отнести и погребения с конями 3, 24, 26 (и находившиеся неподалеку погребения 25 и 28?) (рис. 5: *1*) независимо от состава и количества их инвентаря.

Уровень 2в. Погребения с более или менее устойчивым набором вещей или его составляющими: фибулы, пряжки, отдельные бусы, керамика. Как уже говорилось, пряслица отмечены чаще в женских захоронениях, а браслеты и кольца – в мужских. В некрополе Шлакалькен-3 это погребения 1, 11, 13, 14, 15, 16, 25, 27, 35, 39, 43, 45, 52, 58, 59, 60, 64, 68, может быть, погребение 6.

Уровень 2с. Погребения с единичными вещами: 5, 9, 22, 57, 62, 63.

Поэтому все попытки прямолинейно применить к археологическим стратам дефиниции, полученные из анализа письменных источников, остаются более чем спорными. Еще более неоправданно использовать социальные модели и терминологию, выработанные для других варварских социумов, поскольку все эти сообщества имели свои особенности социальной структуры. Наконец, надо помнить, что погребальный обряд есть табуированное, законсервированное выражение взглядов древнего населения, в нем могут отражаться не только социальная позиция, но и обстоятельства и время смерти, возраст, происхождение, род занятий, конфессиональные различия и пр. Поэтому прямая социальная реконструкция по обряду требует особой осторожности и при отсутствии письменных свидетельств всегда является сугубо гипотетической (*Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018. С. 30, 31).

[19] Этот термин уже довольно давно применяется для определения средней страты погребений самбийско-натангийской культуры, см.: *Bitner-Wróblewska,* 2001. P. 121.

Уровень 3. Погребения «низов»

К данному уровню относятся погребения без инвентаря, за исключением керамики, без конских сопровождающих захоронений. Скорее всего, они принадлежат социальным группам, рассматривавшимся в древних социумах как низшие. Их количество, как правило, велико для любой варварской археологической культуры. Так, Ф. Бирбрауер напоминает, что для восточных германцев V в. этот тип захоронений является наиболее многочисленным (*Bierbrauer*, 1989. S. 76). Надо подчеркнуть, что в ряде случаев соотнесение бедного погребального обряда и низкой социальной позиции может быть ложным, все зависит от особенностей погребального обряда. Далее, в эту категорию механически попадают все разрушенные погребения, где инвентарь не сохранился.

К уровню 3 на могильнике Шлакалькен-3 относятся погребения 2, 4, 7, 8, 17, 18, 19, 21, 23, 29, 30, 31, 31, 32, 33, 48, 50, 51, 54, 56, 61, 65, 67, 69, 70, может быть, погребение 6.

Разумеется, количество могил вряд ли отражает реальное соотношение выявленных уровней: ряд членов социума мог быть захоронен в другом месте или по археологически неуловимому обряду (подвешивание на деревьях, потопление в воде и т. д.) или вообще не подвергаться захоронению (новорожденные младенцы?), не говоря уже о том, что мы не знаем, какая часть могильника была раскопана в 1893 г., проводилось ли тотальное вскрытие всего исследованного участка и насколько тщательно велись работы по фиксации находок.

Легко заметить, что северная группа могил некрополя Шлакалькен-3 дала наибольшее число погребений с оружием и с сопровождающими конскими захоронениями. Возможно, такая планиграфия связана с социальной неравнозначностью этих двух групп могил (семейных? клановых?).

Неравномерность выявляется и при сравнении материала из разных погребальных памятников самбийско-натангийской культуры. Так, некрополь Шлакалькен-3 является вполне рядовым по сравнению с такими памятниками, как Долькайм-Коврово (*Кулаков*, 2004; *Кулаков*, 2007), Лаут – Большое Исаково (*Skvorzov*, 2007) или Хюненберг-Доброе, где для поздней фазы переселения народов и меровингского времени имеется заметное число погребений с металлическими украшениями и оружием. Еще отчетливее эта разница выступает при сравнении с натангийским некрополем Варникам – Первомайское (*Tischler, Kemke*, 1902. S. 41–45; *Кулаков*, 1997), где обнаружено 84 погребения позднеримского – раннемеровингского времени. Из них некоторые, судя по инвентарю, принадлежат периоду Е1 (450–520е гг.), в том числе два привилегированных «вождеских» захоронения уровня 1в – погребения 1 и 4. В то же время Шлакалькен-3 выглядит явно богаче, чем основная часть могильника Митино (*Скворцов*, 2010) или могильника Заостровье-1 (*Казанский, Зальцман, Скворцов*, 2018; о его соотношении со Шлакалькеном-3 см. выше).

Подтверждается и наблюдение, сделанное в свое время на материалах могильника Митино: исследованные широкой площадью погребальные памятники финальной части эпохи переселения народов и меровингского времени в самбийско-натангийском регионе выглядят беднее, чем могильники конца римского времени и начальной фазы эпохи переселения – погребений с металлическим инвентарем меньше, набор вещей скромнее (ср., например: *Кулаков*, 2005. С. 289–341). Так, в мужских погребениях в период D3 практически исчезают металлические детали щитов, отсутствует ременная т. н. самландская гарнитура (о ней см. выше), их постепенно заменяют гарнитуры с языковидными наконечниками и пряжками с крестообразным язычком. Впрочем, для этого же времени переселения народов и эпохи ранних меровингов на могильниках самбийско-натангийской культуры зафиксирован ряд привилегированных погребений с богатым инвентарем, явно связанные с правящими элитами. Эти захоронения представлены на могильниках Варникам-Первомайское, Тенген-Ушаково, Экриттен (Ekritten) II – Ветрово I, Коддиен, Варенген-Котельниково, Кляйн-Меденау (Klein-Medenau) – Логвино, Митино I, Кляйнхайде-Гурьевск, Гаутен-Путилово 2, Шоссейное, Гросс Заусгартен – Березовка (Gross Sausgarten) (подробнее: *Скворцов*, 2022)[20]. При этом разрыва традиций между римским

[20] К несколько более позднему времени относятся богатейшие погребения позднемеровингского / вендельского периода из могильника Алейка-7, см.: *Скворцов и др.*, 2018.

и меровингским временем ни в погребальном обряде, ни в композиции инвентаря не наблюдается. Можно предположить, что наблюдаемые изменения имели скорее социальную подоснову при сохранении общих культурных традиций.

Раскопки 1893 г. Каталог погребений

Погребение 1. Верхняя часть кладки, диаметром 2 м, в центральной части состояла из трех слоев камня, ниже которых находился черный подзолистый грунт, немного кальцинированных костей.
Находки:
– небольшая бронзовая фибула, среди кальцинированных костей;
– бронзовая пряжка, среди кальцинированных костей;
– два небольших бронзовых кольца, среди кальцинированных костей;
– небольшой железный нож, среди кальцинированных костей.

Погребение 2. Три камня, под которыми находился черный подзолистый грунт, видимо, остатки погребального костра.
Находки:
– керамический сосуд-приставка, в черном подзолистом грунте.

Погребение 3. Верхняя часть кладки, диаметром 3 м, состояла из весьма крупных камней. Под центральной частью кладки на глубине 1,60 м в слое грунта, содержавшем следы горения, находились останки коня и скопление (кальцинированных?) костей, к западу находилось большое скопления угля.
Находки:
– керамический сосуд-приставка, рядом со скоплением костей;
– две «совершенно необработанные» янтарные бусины с просверленными отверстиями, на скоплении костей;
– осколок кремня, на скоплении костей;
– стеклянный шлак, в скоплении угля, к западу от костей;
– железные (?) удила, с останками коня.

Погребение 4. Нарушенная каменная кладка включала несколько небольших камней. В центральной части она состояла из трех слоев камня, под которыми находилось немного кальцинированных костей, подзолистый грунт, видимо, остатки погребального костра.
Находок нет.

Погребение 5. Верхняя часть кладки, диаметром 2 м, из крупных камней. В центральной части она состояла из трех слоев камня, ниже которых находился черный подзолистый грунт, видимо, остатки погребального костра, почти без включений (кальцинированных?) костей.
Находки:
– бронзовое кольцо, в черном подзолистом грунте;
– фрагмент обшивки (отделки), материал не указан, в черном подзолистом грунте;
– необработанный янтарь, в черном подзолистом грунте.

Погребение 6 (рис. 6: *1–3*). Каменная кладка, диаметром 3 м, состояла из одного слоя камней, под которыми находилось немного коричневого грунта.
Находки:
при описании погребения находки не упомянуты, однако в архиве Ф. Якобсона имеются зарисовки трех предметов, отмеченные как происходящие из погребения 6.
– бронзовая гривна (браслет?) со стержнем тордированным, или обмотанным проволокой;

– фибула типа Долькайм-Ковово;
– небольшая пряжка.

Погребение 7. Нарушенная каменная кладка со скоплением золы.
Находок нет.

Погребение 8. Нарушенная каменная кладка, под ней подзолистый грунт и немного коричневого грунта, костей не было.
Находок нет.

Погребение 9. Нарушенная каменная кладка состояла из одного слоя камней. На глубине 0,80 м находился горелый грунт без включения костей.
Находки:
– остатки бронзовой фибулы, в горелом грунте.

Погребение 10 (рис. 6: *4*, *5*). Каменная кладка была не совсем правильной формы, в центральной части состояла из трех слоев камня, ниже каменной кладки находилось немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– два железных копья, сверху, среди камней (может быть, они изображены в картотеке Ф. Якобсона как происходящие из погребения 12?);
– бронзовая фибула, среди костей;
– бронзовая пряжка, среди костей;
– необработанный янтарь, среди костей.

Погребение 11. Нарушенная каменная кладка, под ней находился слой черного грунта, почти не содержавший (кальцинированных?) костей.
Находки:
– две бронзовые фибулы, одна сохранилась не полностью, среди костей.

Погребение 12 (рис. 7: *1*–*6*). Нарушенная каменная кладка, среди камней находилась каменная зернотерка, под каменной кладкой находился мощный слой горелого грунта, включавший немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– каменная зернотерка, среди камней кладки;
– керамический сосуд-приставка, в слое горелого грунта;
– бронзовая фибула, в слое горелого грунта;
– две бронзовые пряжки, в слое горелого грунта;
– железный нож, в слое горелого грунта;
– необработанный янтарь в слое горелого грунта;
– копье (в описании не упомянуто, есть на рисунке Ф. Якобсона, может быть, оно происходит из погребения 10?);
– малое копье-дротик (в описании не упомянуто, есть на рисунке Ф. Якобсона, может быть, оно происходит из погребения 10?).

Погребение 13 (рис. 7: *7*–*9*). Каменная кладка не совсем правильной формы, в центральной части состояла из трех слоев камня. Под кладкой находился мощный слой горелого грунта и значительное количество (кальцинированных?) костей.
Находки:
– керамический сосуд-приставка, в слое горелого грунта, среди костей;
– две бронзовые фибулы, в слое горелого грунта, среди костей;
– серебряное кольцо, сильно согнутое (*stark tordiert*), в слое горелого грунта, среди костей;

– янтарная бусина, в слое горелого грунта, среди костей;
– железный нож, в слое горелого грунта, среди костей.

Погребение 14. Каменная кладка составляла 2,60 м в диаметре, и под ней на глубине 1,00 м находился мощный слой горелого грунта с (кальцинированными?) костями.
Находки:
– железный нож, в слое обгорелого грунта;
– необработанный янтарь, в слое обгорелого грунта;
– головка фибулы, материал не указан, в слое обгорелого грунта.

Погребение 15 (рис. 8: *1–3*). Каменная кладка неправильной формы, 1,50 м в диаметре. Под центральной частью кладки находилось еще несколько камней; среди них и под ними – небольшой слой коричневого грунта и костей.
Находки:
– две бронзовые фибулы, в слое коричневого грунта и костей;
– фрагмент орнаментированного серебряного кольца (перстня), в слое коричневого грунта и костей;
– грубо вырезанная янтарная бусина, в слое коричневого грунта и костей;
– необработанный янтарь в слое коричневого грунта и костей.

Погребение 16. Каменная кладка 2,50 м в диаметре. На глубине 1,30 м – два скопления горелого грунта, западное и восточное.
Находки:
– шесть бронзовых бусин, в западном скоплении;
– резная янтарная бусина, в западном скоплении;
– необработанный янтарь, в западном скоплении;
– фрагмент бронзовой накладки, в западном скоплении;
– фрагмент железного шила, в западном скоплении;
– оплавленная бронза, в западном скоплении.

Погребение 17. Каменная кладка была нарушена, она состояла из нескольких камней, под которыми находился горелый грунт.
Находок нет.

Погребение 18. Каменная кладка, 1,80 м в диаметре, состояла из одного слоя камней, под которыми находился мощный слой горелой земли, содержавшей немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– керамический сосуд-приставка, в слое горелой земли.

Погребение 19. Кострище под несколькими камнями.
Находок нет.

Погребение 20. Каменная кладка, 2,30 м в диаметре, в центральной части состояла из трех слоев камня. Ниже кладки находилось немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– железное копье, под вторым слоем камней;
– керамический сосуд-приставка, среди костей.

Погребение 21. Каменная кладка, 1 м в диаметре, под крупным камнем в центре кладки находился мощный слой горелого грунта.
Находок нет.

Погребение 22. Каменная кладка, 1,30 м в диаметре, камни располагались в два слоя. Под кладкой находился слой коричнево-черного грунта, немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– бронзовая фибула, среди костей.

Погребение 23. Каменная кладка, 1,50 м в диаметре, состояла из трех слоев камня. Под кладкой – слой коричневого грунта, в восточной части слоя находилось скопление (кальцинированных?) костей.
Находки:
– керамический сосуд-приставка, у костей.

Погребение 24 (рис. 8: *4*). Каменная кладка, нарушена при добыче гравия. На глубине 1,30 м находился скелет лошади, который также уже был нарушен рабочими, сохранился только череп с удилами.
Находки:
– железные (?) удила, у черепа коня;
– маленькая серебряная «головка» (видимо, заклепка) на фрагменте кожи (на кожаной основе или непосредственно на остатках шкуры коня?), на черепе коня.

Погребение 25 (рис. 9). Каменная кладка, нарушена при добыче гравия, отмечен слой горелого грунта.
Находки:
– керамический сосуд-приставка, в слое горелого грунта;
– «прекрасно отделанная» бронзовая фибула, в слое горелого грунта;
– бронзовая пряжка, в слое горелого грунта;
– металлическая тордированная гривна (отсутствует в описании и на карточке в архиве Ф. Якобсона, но изображена на карточке из Prussia-Museum, сохранившейся в Берлинском музее до- и пре- истории: Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbezitz; Museum für Vor- und Frühgeschichte; Archiv der vor- und frühgeschlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr.: Nachlasse / Nachfragmente. Nachlassfragment Kurt Voigtmann. Arbeitsmaterial zu verschiedenen ostpreussischen Fundorten; Prussia-Archiv, Signatur PM–IX f 2 b-18 Bd. 1).

Погребение 26 (рис. 10: *1–4*). Каменная кладка была нарушена, на глубине 0,80 м находился конь, лежавший головой на юг.
Находки:
– бронзовая пряжка, в центре погребения;
– «множество бронзовых головок» (видимо, заклепки), на черепе коня;
– бронзовая пряжка, на черепе коня;
– фрагмент бронзовой накладки, на черепе коня;
– железные (?) удила, между зубами коня.

Погребение 27 (рис. 10: *5*). Каменная кладка, 1 м в диаметре, состояла из одного слоя камней. Под ними находился мощный слой горелого грунта.
Находки:
– разбросанные фрагменты керамического сосуда-приставки, в слое горелого грунта;
– железная пряжка, среди фрагментов сосуда-приставки;
– оплавленная бронза, среди фрагментов сосуда-приставки.

Погребение 28. При добыче гравия рабочие обнаружили ряд предметов.
Находки:
– серебряный браслет;
– железный «кинжал» (видимо, скрамасакс или боевой нож);

– керамический сосуд-приставка.

Погребение 29. Каменная кладка нарушена, под ней горелый грунт, немного (кальцинированных?) костей.
Находок нет.

Погребение 30. Каменная кладка нарушена, горелый грунт с включением небольшого количества (кальцинированных?) костей.
Находки:
– фрагменты керамического сосуда-приставки, рассеяны в слое горелого грунта.

Погребение 31. Под большим камнем – горелый грунт с включением небольшого количества (кальцинированных?) костей.
Находок нет.

Погребение 32. Каменная кладка, 3,00 м в диаметре. Остатки кострища непосредственно под кладкой.
Находки:
– фрагмент керамического сосуда-приставки, на кострище.

Погребение 33. Каменная кладка, 4 м в диаметре, состояла из достаточно крупных камней, 0,30–0,40 м в диаметре. В северо-восточной части на глубине 0,50 м находилось скопление золы с небольшим количеством (кальцинированных?) костей.
Находок нет.

Погребение 35 (рис. 10: *6–10*). Описания нет.
Находки (по рисунку Ф. Якобсона):
– две арбалетные фибулы;
– пряжка;
– две бусины;
– пряслице;
– тордированное кольцо с крючками на концах (упомянуто в карточке погребения в архиве Ф. Якобсона, изображение отсутствует. Может быть, соответствует гривне из погребения 25?).

Погребение 39 (рис. 11). Описания нет.
Находки (по рисунку Ф. Якобсона):
– двупластинчатая фибула;
– арбалетная фибула;
– две пряжки;
– наконечник ремня;
– нож;
– витой браслет;
– две крупные бусины из плохо обработанного янтаря.

Погребение 43 (рис. 12). Описания нет.
Находки (по рисунку Ф. Якобсона):
– арбалетная фибула;
– пряжка;
– браслет;
– янтарная крупная бусина;
– кольцевидная бусина, материал не ясен.

Погребение 45 (рис. 13: *1–7*). Описания нет.
Находки (по рисунку Ф. Якобсона):
– арбалетная фибула;
– пряжка;
– шесть малых металлических колец;
– бусы, в том числе из янтаря, материал других не указан;
– грушевидная подвеска.

Погребение 48. Каменная кладка, 2 м в диаметре, состояла из двух слоев камня. В центре находился слой горелого грунта с рассеянными остатками (кальцинированных?) костей.
Находок нет.

Погребение 49 (рис. 13: *8–10*). Каменная кладка, 2,50 м в диаметре, на глубине 1,30 м находился небольшой слой горелого грунта с большим количеством (кальцинированных?) костей.
Находки:
– раздавленный керамический сосуд-приставка, в слое горелого грунта;
– фрагменты еще двух керамических сосудов, в слое горелого грунта;
– бронзовая фибула, среди костей;
– бронзовая пряжка, среди костей;
– янтарная бусина, среди костей;
– оплавленная бронза, среди костей;
– железное копье, рядом с костями;
– железный нож, рядом с костями.

Погребение 50.
Каменная кладка нарушена, под одним из камней – слой горелого грунта.
Находки:
– фрагменты керамического сосуда-приставки, из слоя горелого грунта.

Погребение 51. Каменная кладка, 1,50 м в диаметре, состояла из одного слоя камней, в центральной части – небольшой слой горелого грунта без костей.
Находок нет.

Погребение 52. Каменная кладка, 2,00 м в диаметре, состояла из двух слоев камня. Под ней находился мощный слой горелого грунта, в котором было рассеяно немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– фрагменты керамического сосуда-приставки, рассеяны в слое горелого грунта;
– железный нож, в слое горелого грунта;
– оплавленная бронза, в слое горелого грунта.

Погребение 53. Каменная кладка, 2,40 м в диаметре, состояла из трех слоев камня. На глубине 1,30 м находился слой коричнево-черного грунта, в котором были рассеяны кости. В нем же находился большой камень, под которым было скопление (кальцинированных?) костей.
Находки:
– фрагменты керамического сосуда-приставки, рассеяны сверху, в слое горелого грунта;
– две бронзовые бусины, сверху, в слое горелого грунта;
– бронзовая фибула, сверху, в слое горелого грунта;
– две бронзовые фибулы, в скоплении костей;
– бронзовый браслет, в скоплении костей;
– бронзовая пряжка, в скоплении костей;
– янтарная бусина, в скоплении костей.

Погребение 54. Каменная кладка из небольших камней, 4,00 м в диаметре, под ней – черное пятно (видимо, остатки погребального костра).
Находок нет.

Погребение 55. Информации нет.

Погребение 56. Нарушенная каменная кладка, под одним из камней – небольшой слой горелого грунта.
Находок нет.

Погребение 57. Каменная кладка, 2,00 м в диаметре, состояла из трех слоев камня. Под ней находился слой коричнево-черного грунта, в котором было рассеяно небольшое количество (кальцинированных?) костей.
Находки:
– янтарная бусина, среди костей.

Погребение 58. Каменная кладка, 2 м в диаметре, состояла из двух слоев камня. Под ней находился весьма значительный слой горелого грунта, скопление (кальцинированных?) костей.
Находки:
– фрагмент браслета, материал не указан, скорее всего металл, среди костей;
– бронзовая пряжка, в горелом грунте;
– керамический сосуд-приставка, в горелом грунте;
– пряслице, материал не указан, скорее всего керамика, в горелом грунте.

Погребение 59. Каменная кладка, 2,00 м в диаметре, состояла из трех слоев камня. Под ней находился небольшой слой горелого грунта, рассеянные (кальцинированные?) кости и разбросанные вещи.
Находки:
– несколько фрагментов керамики, в слое горелого грунта;
– пряслице, материал не указан, скорее всего керамика, в слое горелого грунта;
– бронзовая бусина, в слое горелого грунта;
– спиралевидное бронзовое кольцо, в слое горелого грунта;
– язычок пряжки, материал не указан, скорее всего металл, в слое горелого грунта.

Погребение 60. Каменная кладка, 2,00 м в диаметре, состояла из двух слоев камня. На глубине 1,20 м под кладкой находился мощный слой горелого грунта, в котором были рассеяны (кальцинированные?) кости.
Находки:
– шесть янтарных бусин среди костей;
– оплавленная бронза, среди костей.

Погребение 61. Каменная кладка неправильной формы, под одним из камней – слой горелого грунта без костей.
Находок нет.

Погребение 62. Каменная кладка, диаметром 2 м, состояла из двух слоев камня. Под ними на глубине 1,20 м находился мощный слой горелого грунта, немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– янтарная бусина, среди костей;
– маленький керамический сосуд-приставка, среди костей;
– фрагменты второго керамического сосуда, разбросаны среди костей.

Погребение 63. Нерегулярная каменная кладка, (под ней?) небольшой слой горелого грунта без костей.
Находки:
– янтарная бусина, в слое горелого грунта.

Погребение 64. Нерегулярная каменная кладка, под одним из камней – слой горелого грунта, без костей.
Находок нет.

Погребение 65. Каменная кладка, диаметром 2 м, состояла из трех слоев камня, под которыми находился мощный слой горелого грунта, рассеяно немного (кальцинированных?) костей.
Находки:
– две янтарные бусины, среди костей;
– незаконченная янтарная бусина, с намеченным местом для канала, среди костей.

Погребение 66 (рис. 14). Каменная кладка, диаметром 2,60 м, состояла из трех слоев камня, ниже которых находилось множество (кальцинированных?) костей и слой горелого грунта.
Находки:
– бронзовая фибула, среди костей;
– бронзовый браслет, среди костей;
– бронзовая пряжка, среди костей;
– три янтарные бусины, среди костей;
– керамический сосуд-приставка, стоял рядом с костями;
– железное копье, у восточного края скопления костей;
– железный скрамасакс, или боевой нож («кинжал»), у восточного края скопления костей;
– фрагменты керамического сосуда-приставки, рассеяны в горелом грунте.

Погребение 67. Нарушенная каменная кладка из двух слоев камня. Под ней коричневый грунт.
Находок нет.

Погребение 68 (рис. 15: *1–7*). Каменная кладка, диаметром 2 м, состояла из двух слоев крупных камней, под которыми на глубине 1,40 м находился очень мощный слой горелого грунта. В южной части находилось скопление костей.
Находки:
– четыре янтарные бусины, в слое горелого грунта;
– 11 бронзовых бусин, в слое горелого грунта;
– пряслице, материал не указан, скорее всего керамика, в слое горелого грунта;
– каменная зернотерка, в слое горелого грунта;
– бронзовая пряжка, в слое горелого грунта;
– фрагменты керамического сосуда-приставки, рассеяны в слое горелого грунта;
– бронзовая пряжка, среди костей;
– три спиральных бронзовых кольца-пронизи (нет в описании, изображено на карточке Ф. Якобсона);
– 22 янтарные биконические бусины (нет в описании, упомянуты на карточке Ф. Якобсона).

Погребение 69. Каменная кладка нарушена, остатки кострища.
Находок нет.

Погребение 70. Остатки кострища.
Находок нет.

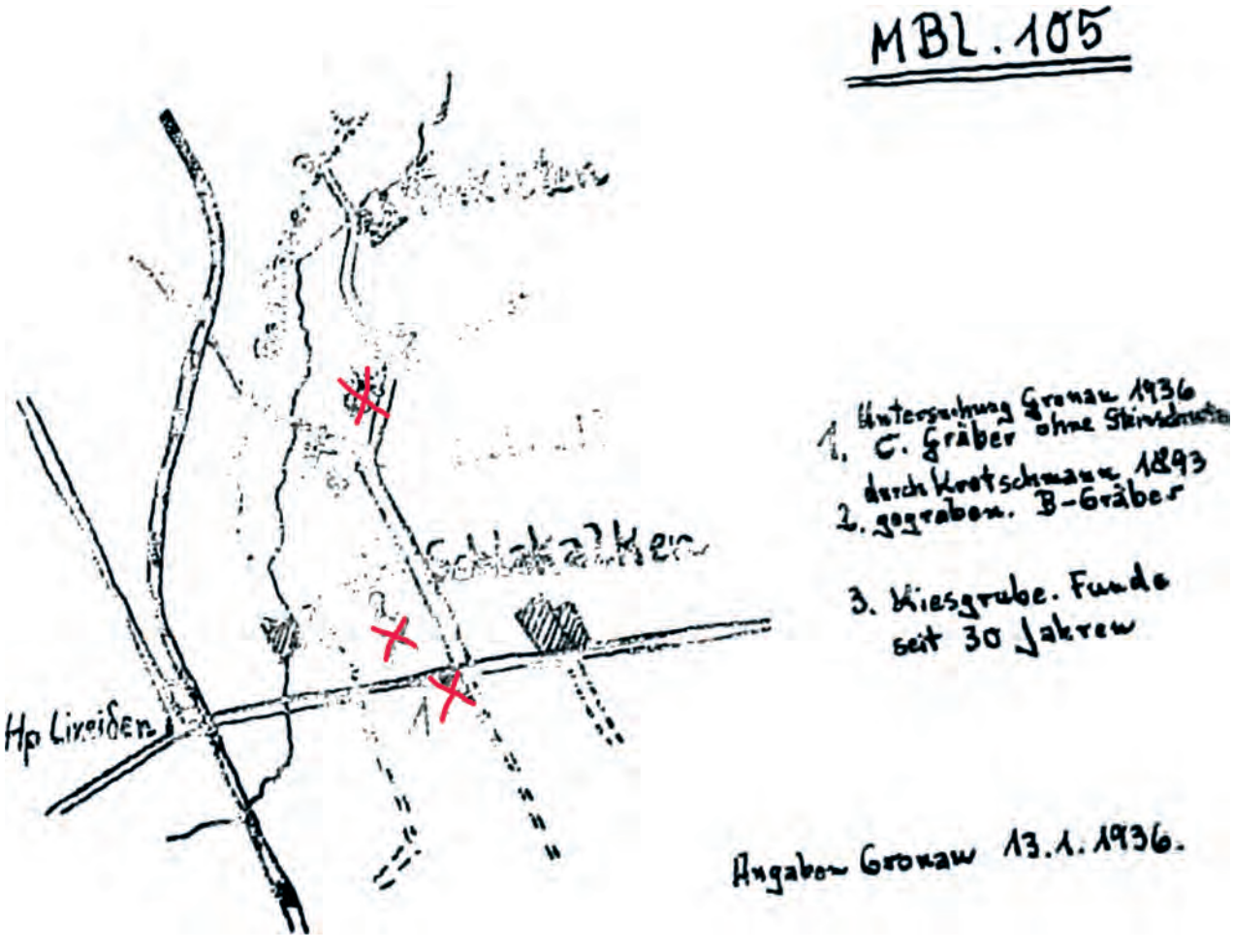

Рис. 1. Место раскопок К. Кретчмана и Г. Кемке в 1893 г.
По: Rudolf Grenz Archiv, B. 39; Samland-Archiv. Fundkartei. MBL 105

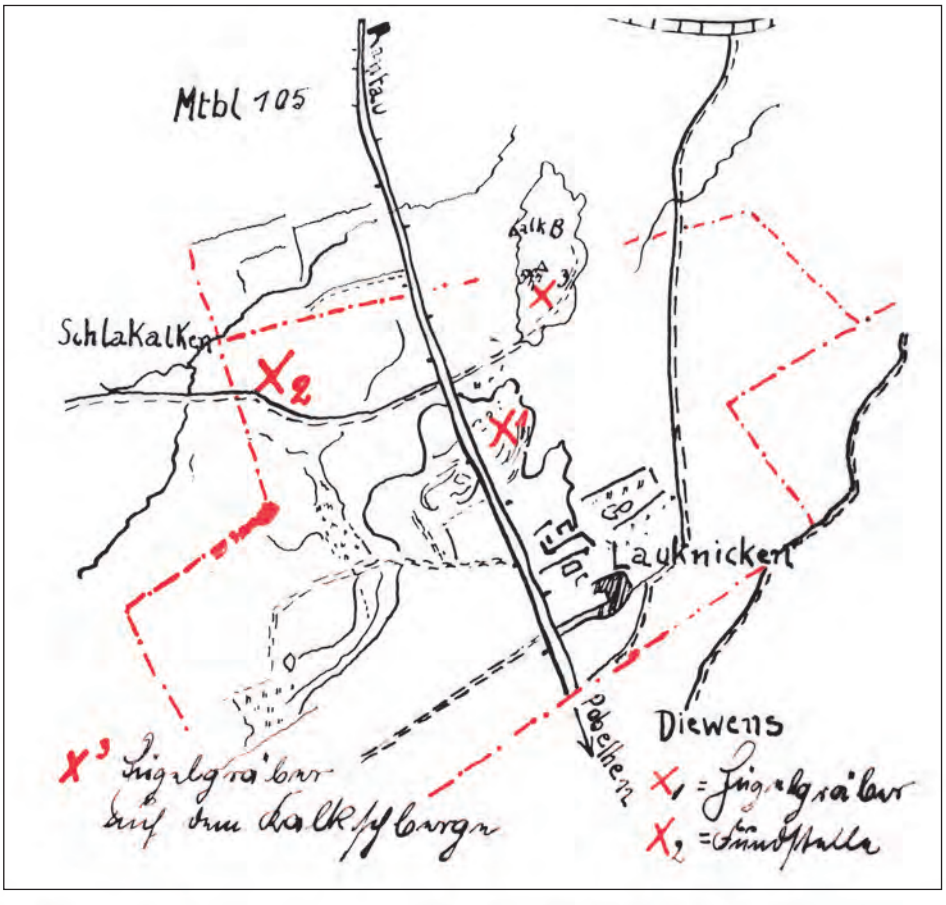

Рис. 2. Местоположение некрополя между хуторами Шлакалькен и Лаукникен
По: Rudolf Grenz Archiv, B. 32; Samland-Archiv. Fundkartei. MBL 105

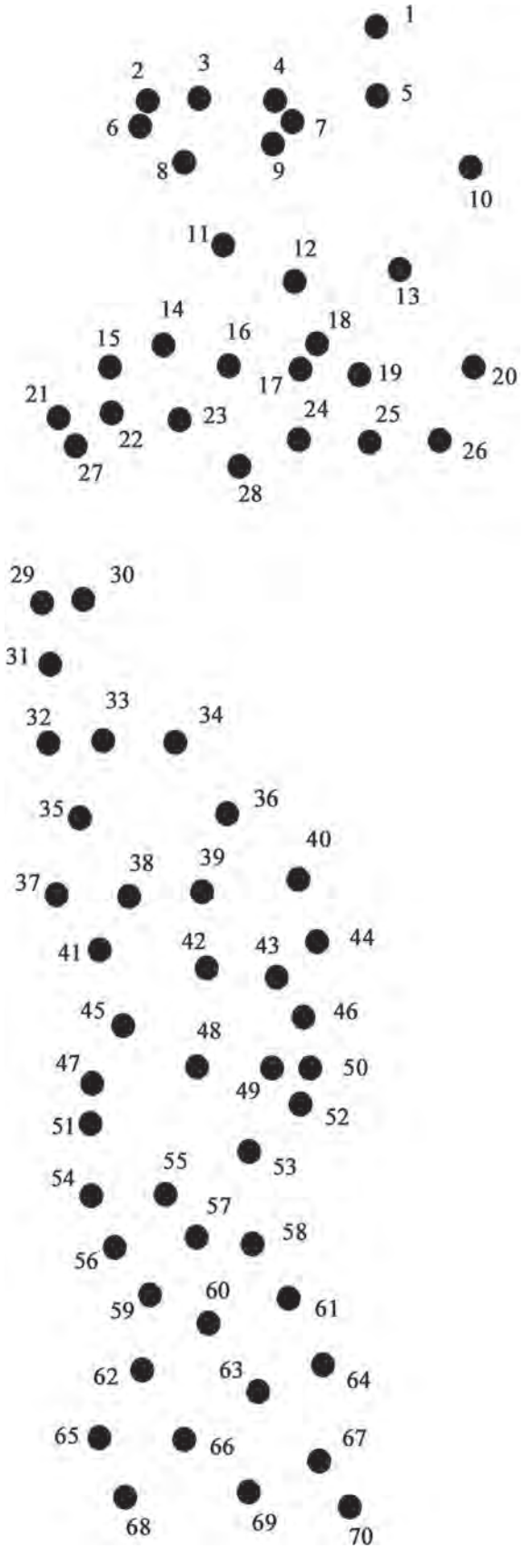

Рис. 3. Схематический план некрополя Шлакалькен-3, исследованного в 1893 г.
По: Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1

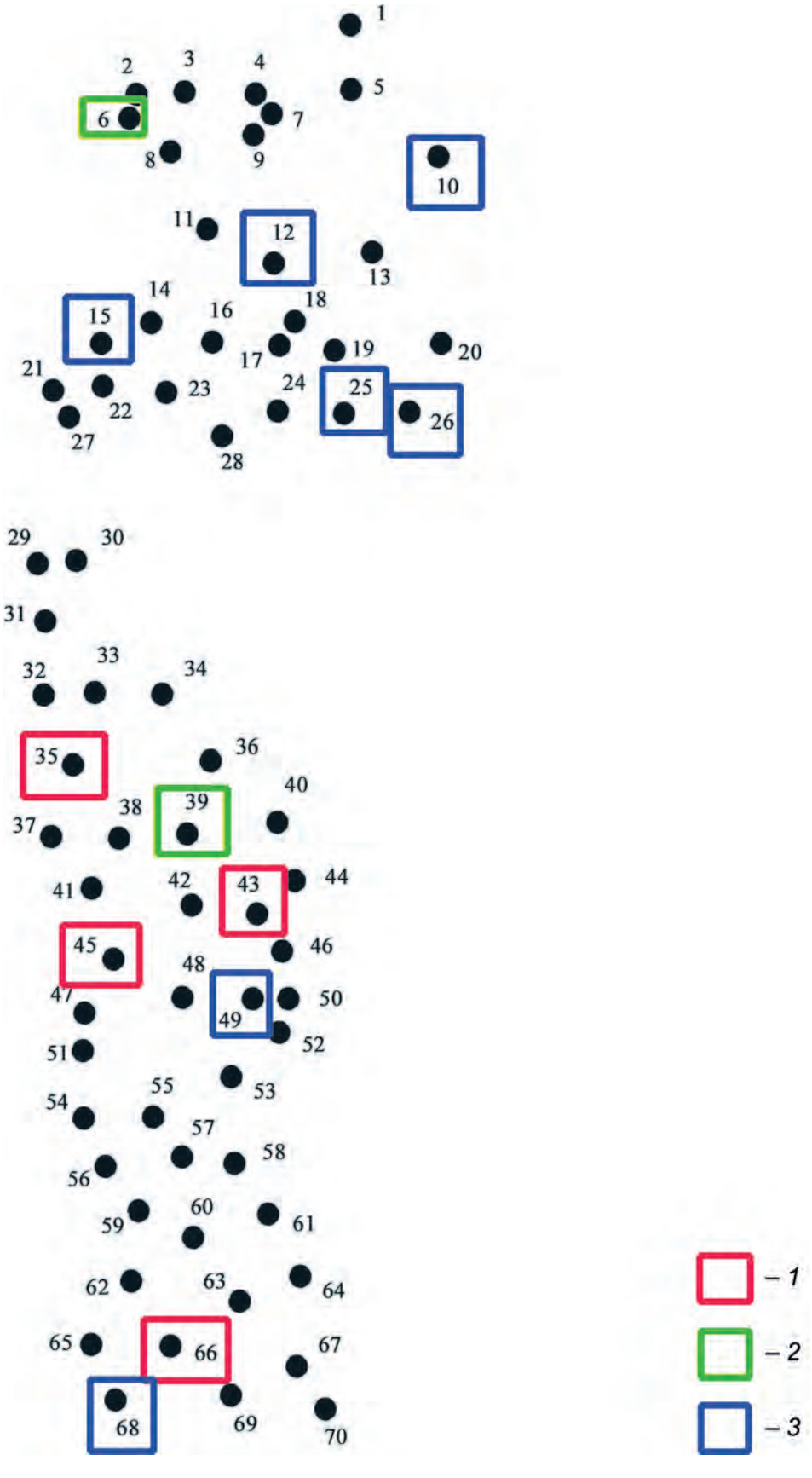

Рис. 4. Хронология погребений могильника Шлакалькен-3
1: фаза 1 (430 – 520-е гг.); *2*: финал фазы 1; *3*: фаза 2 (520 – 570-е гг.)

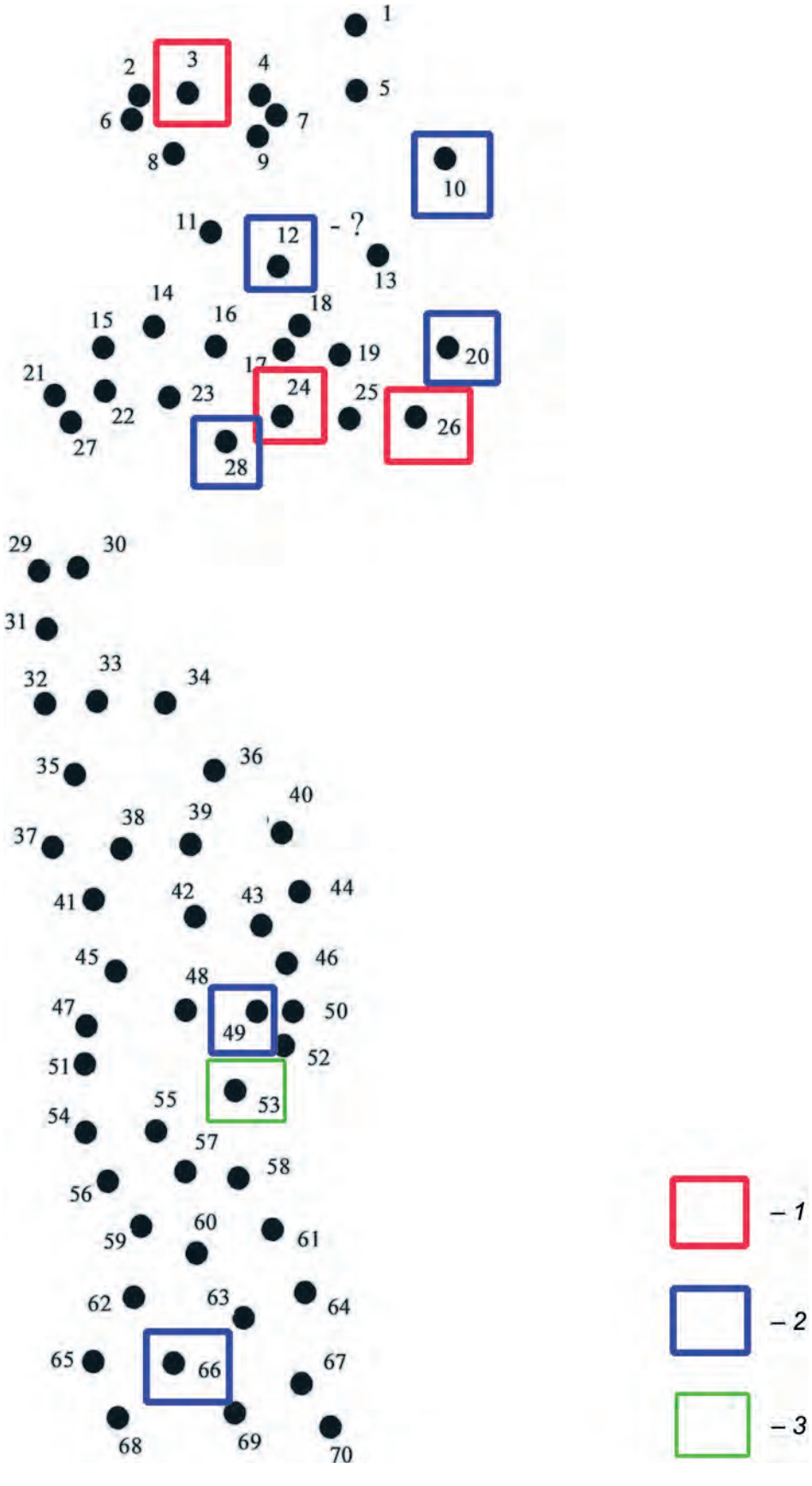

Рис. 5. Социальные признаки в погребальном инвентаре могильника Шлакалькен-3
1: захоронения коней; *2*: погребения с оружием; *3*: погребения с тремя фибулами

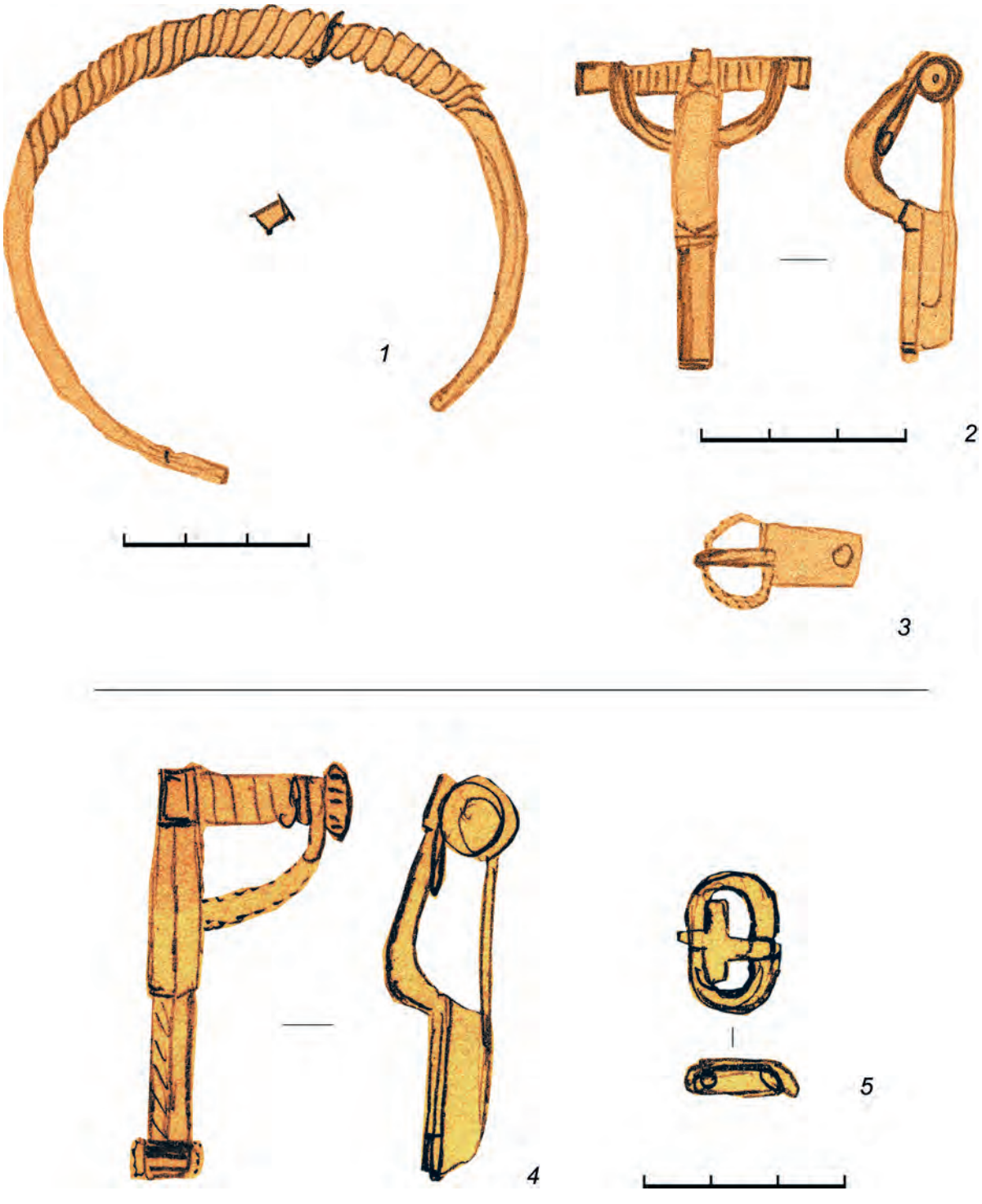

Рис. 6. Шлакалькен-3, погребения 6 (*1–3*) и 10 (*4, 5*)
По: Fēliksa Jākobsona arhīvs

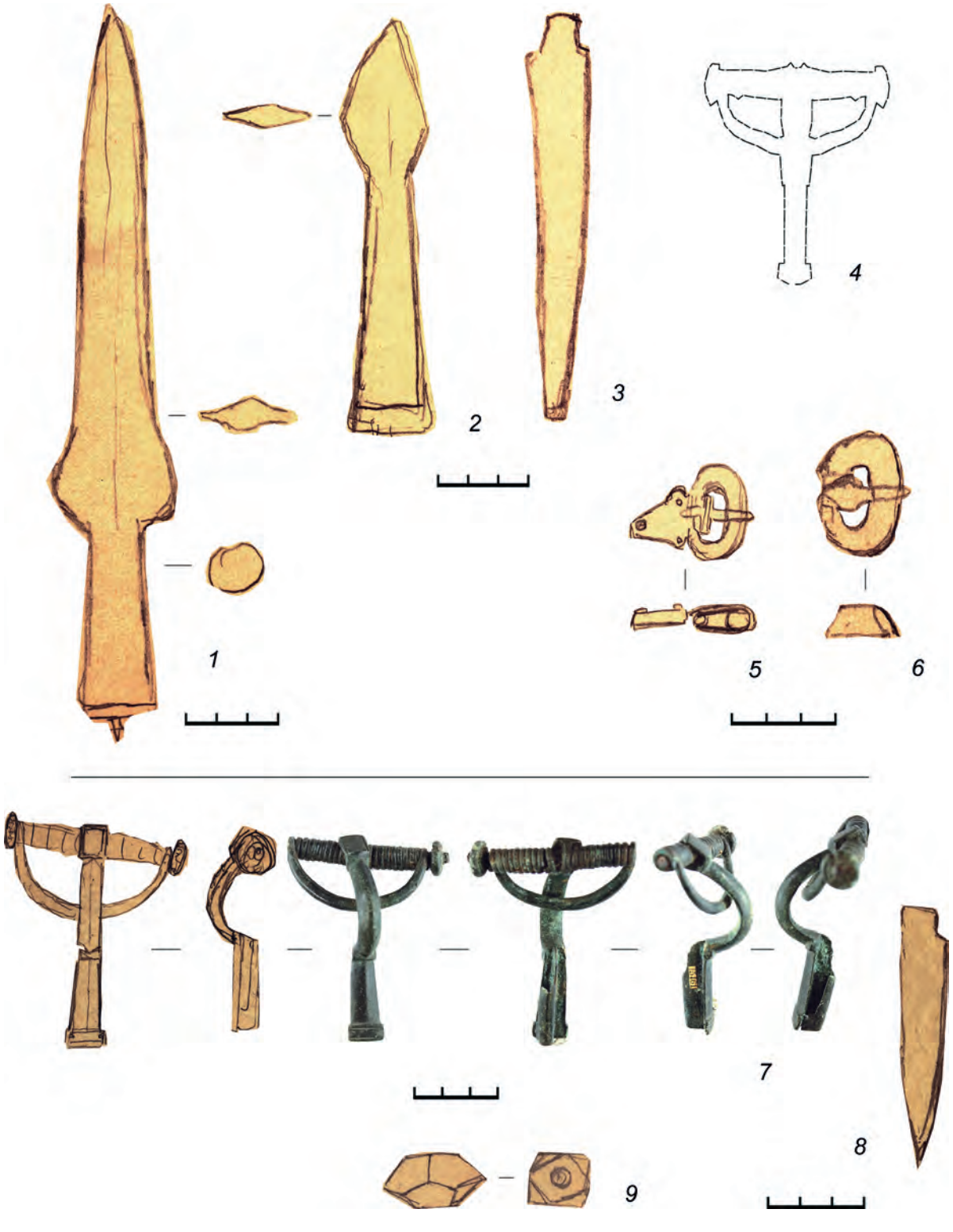

Рис. 7. Шлакалькен-3, погребения 12 (*1–6*) и 13 (*7–9*)
По: Fēliksa Jākobsona arhīvs; фото: Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin (*7*)

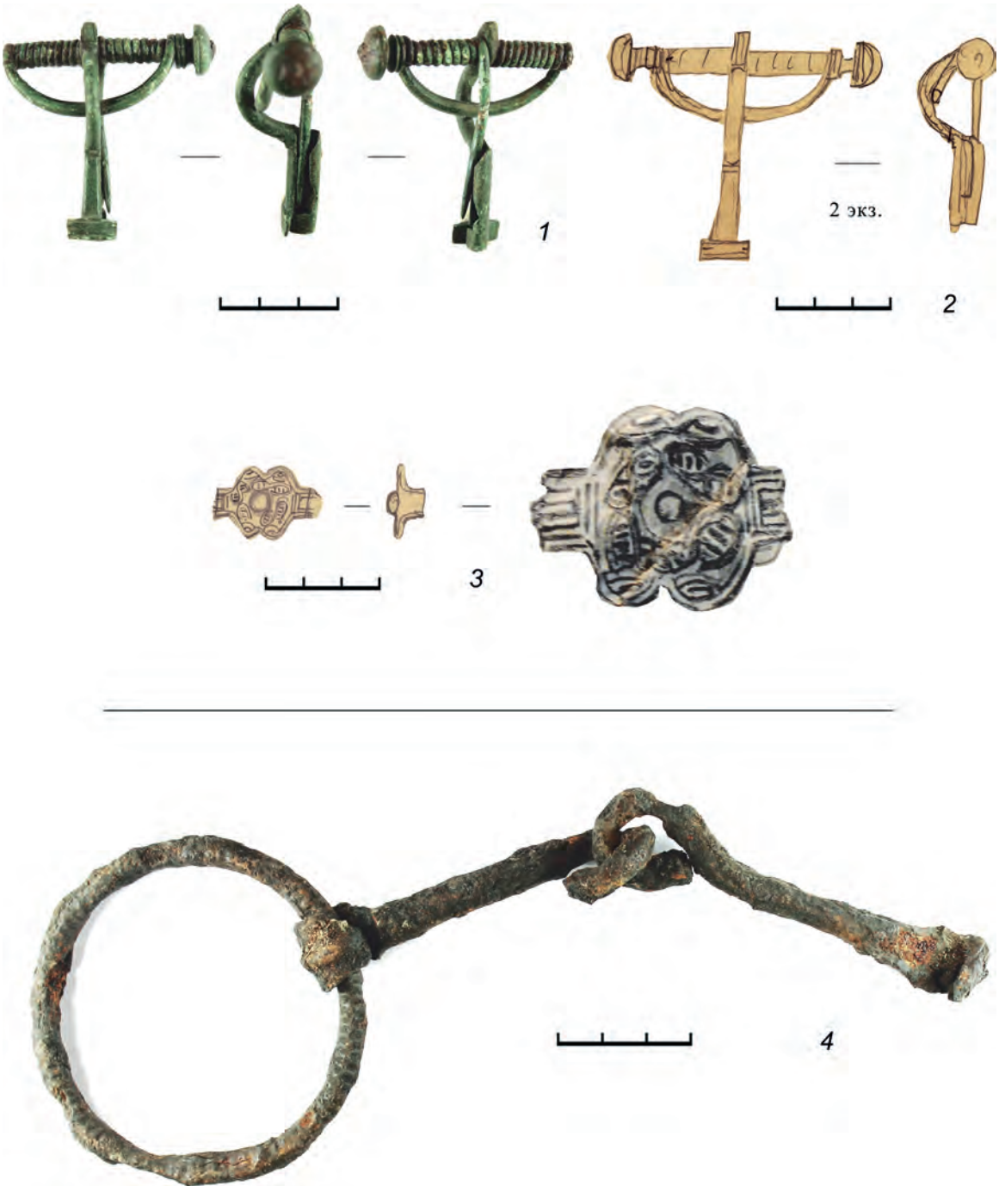

Рис. 8. Шлакалькен-3, погребения 15 (1–3) и 24 (4)
1, 4: фото Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin; *2*: по Fēliksa Jākobsona arhīvs;
3: архив О. Тишлера, по: Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1

Рис. 9. Шлакалькен-3, погребение 25
1: по Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin; по *Aberg*, 1919. Abb. 130; по Fēliksa Jākobsona arhīvs; *2*: по Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin; по Fēliksa Jākobsona arhīvs; *3*: по Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin

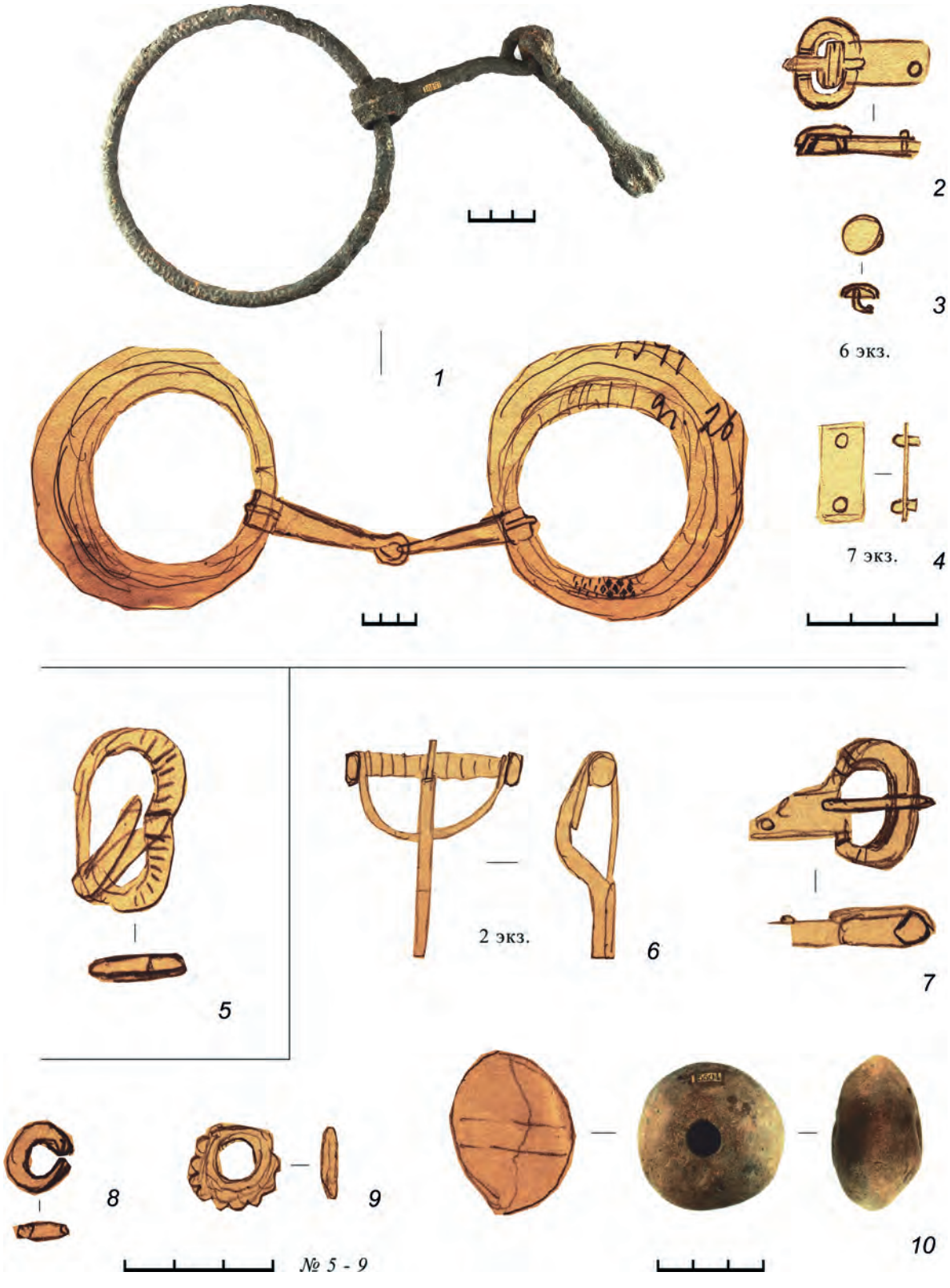

Рис. 10. Шлакалькен-3, погребения 26 (*1–4*), 27 (*5*) и 35 (*6–10*)
По: Fēliksa Jākobsona arhīvs; фото: Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin (*1, 10*)

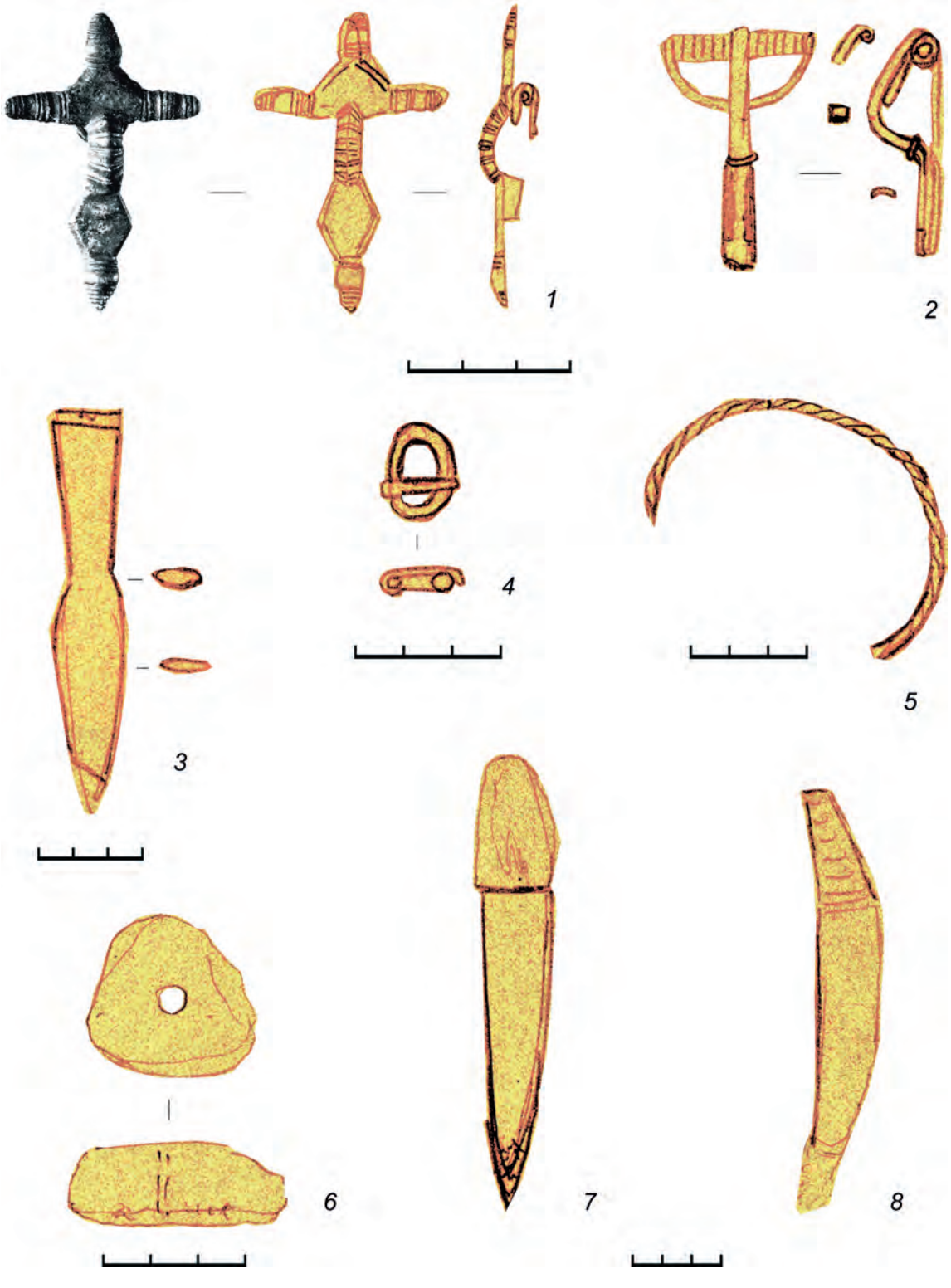

Рис. 11. Шлакалькен-3, погребение 39
Фото: по *Hilberg*, 2009. Taf. 34: *300*; *1–8*: по Fēliksa Jākobsona arhīvs

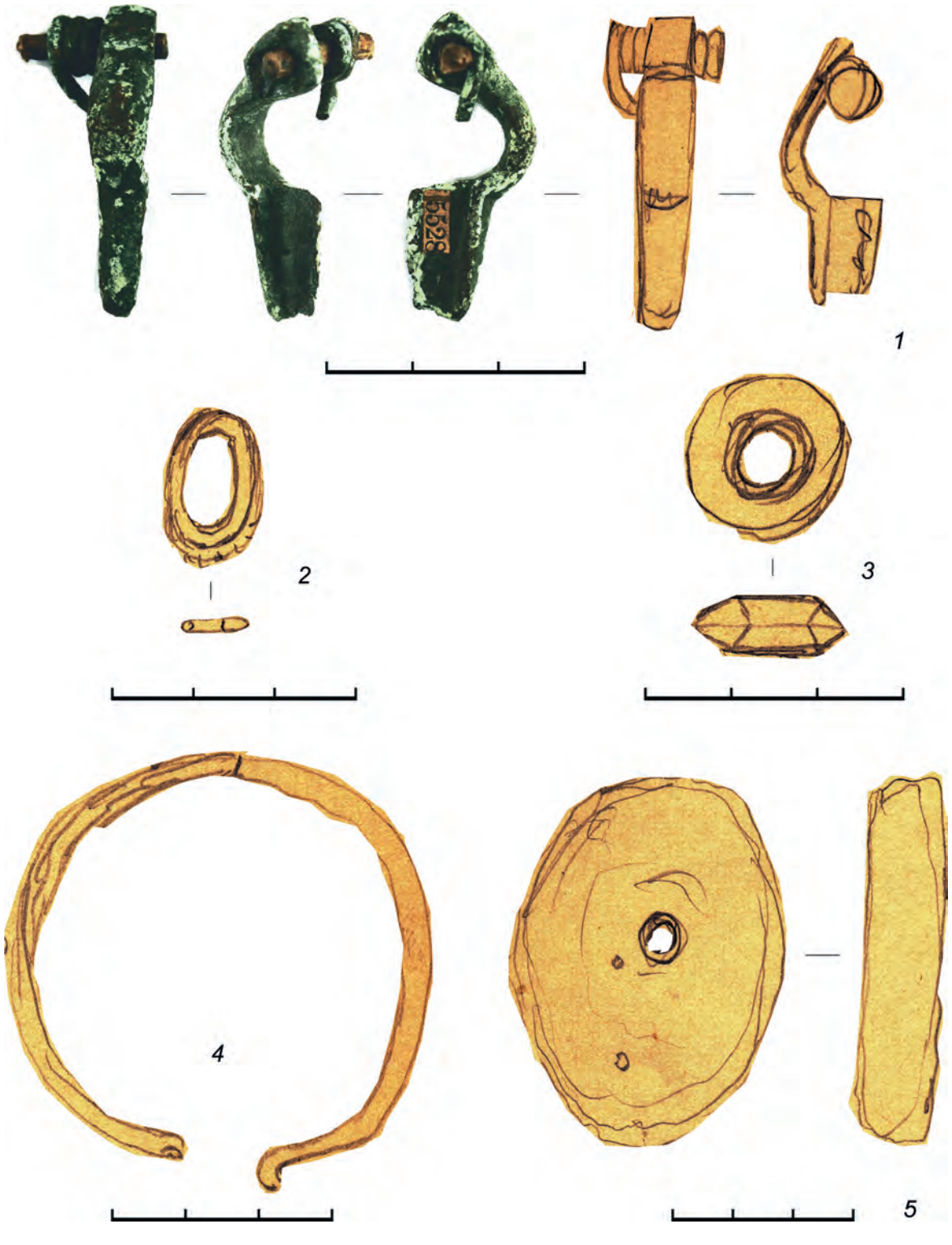

Рис. 12. Шлакалькен-3, погребение 43
Фото: Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin; *1–5*: по Fēliksa Jākobsona arhīvs

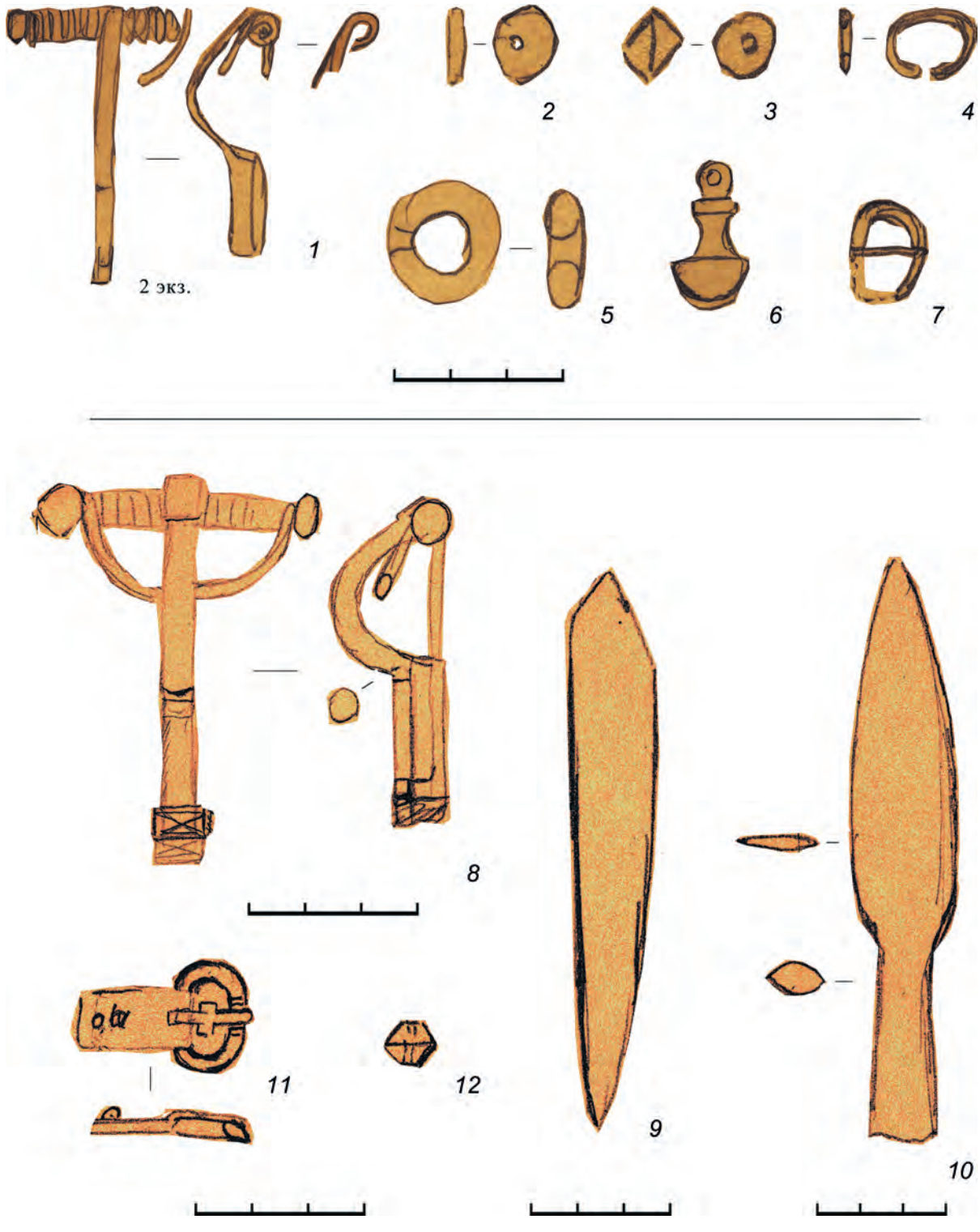

Рис. 13. Шлакалькен-3, погребения 45 (*1–7*) и 49 (*8–10*)
По: Fēliksa Jākobsona arhīvs

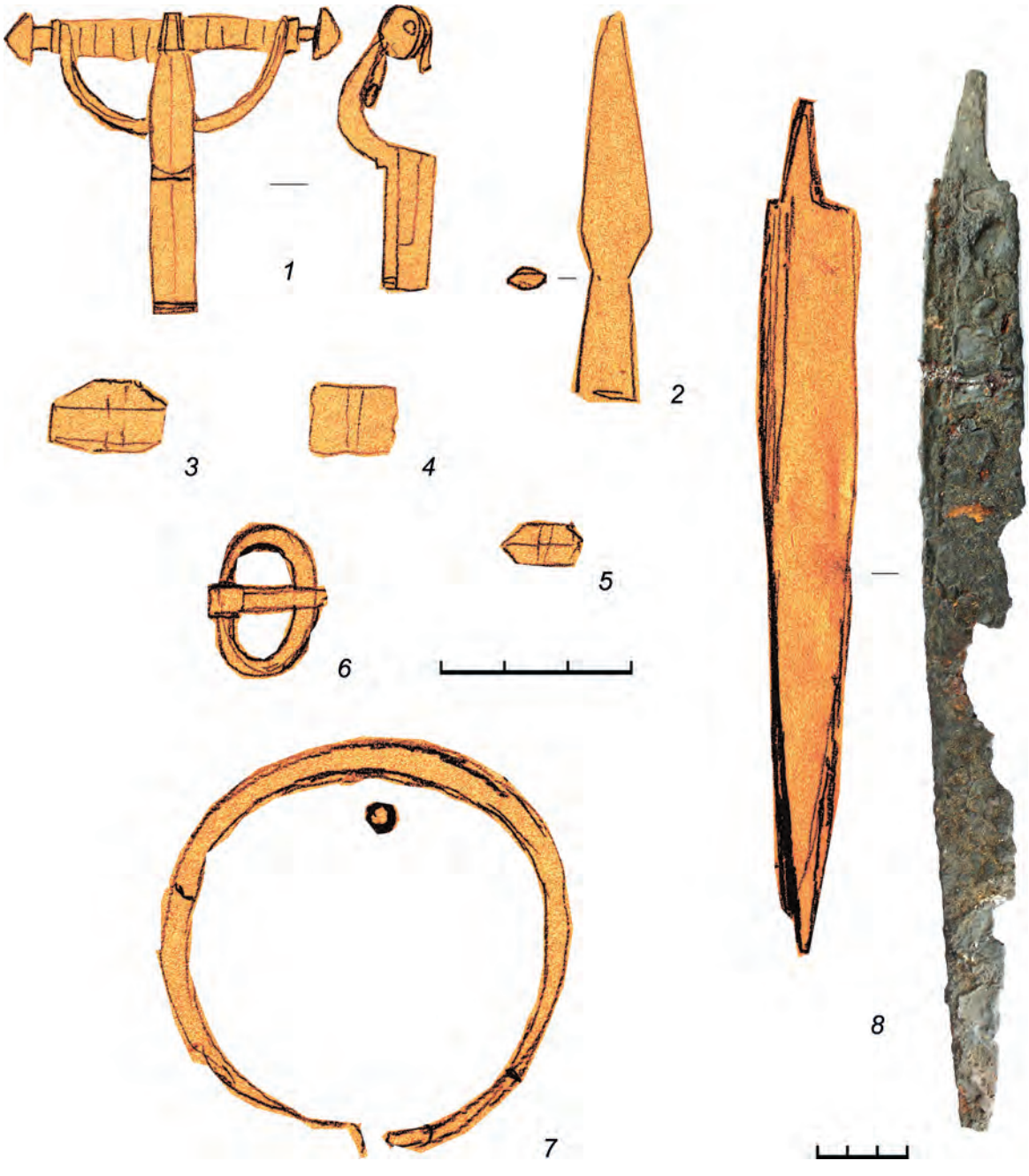

Рис. 14. Шлакалькен-3, погребение 66
По: Fēliksa Jākobsona arhīvs; фото: Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen, Berlin (*8*)

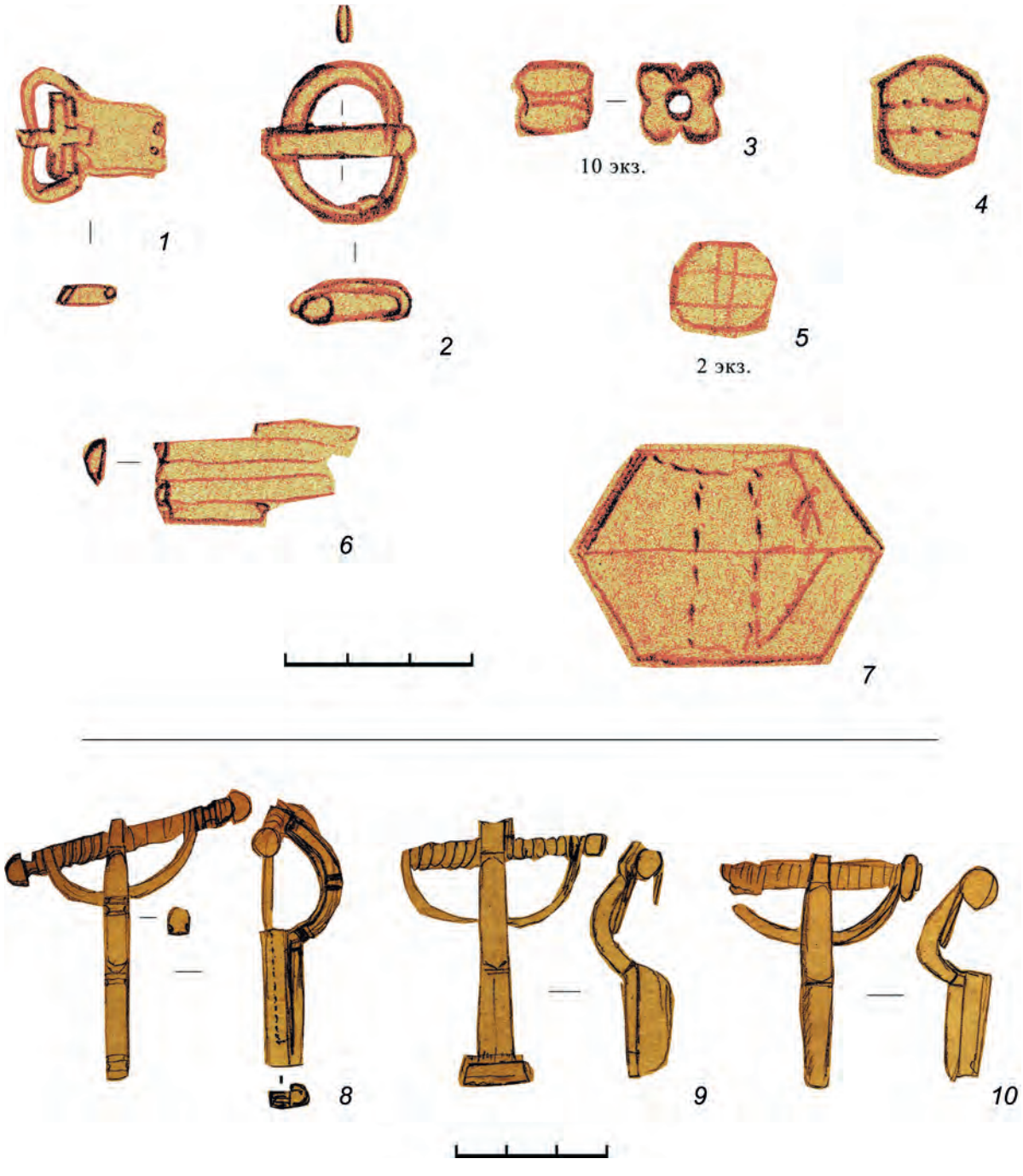

Рис. 15. Шлакалькен-3, погребение 68 (*1–7*) и находки вне контекста (*8–10*)
По: Fēliksa Jākobsona arhīvs

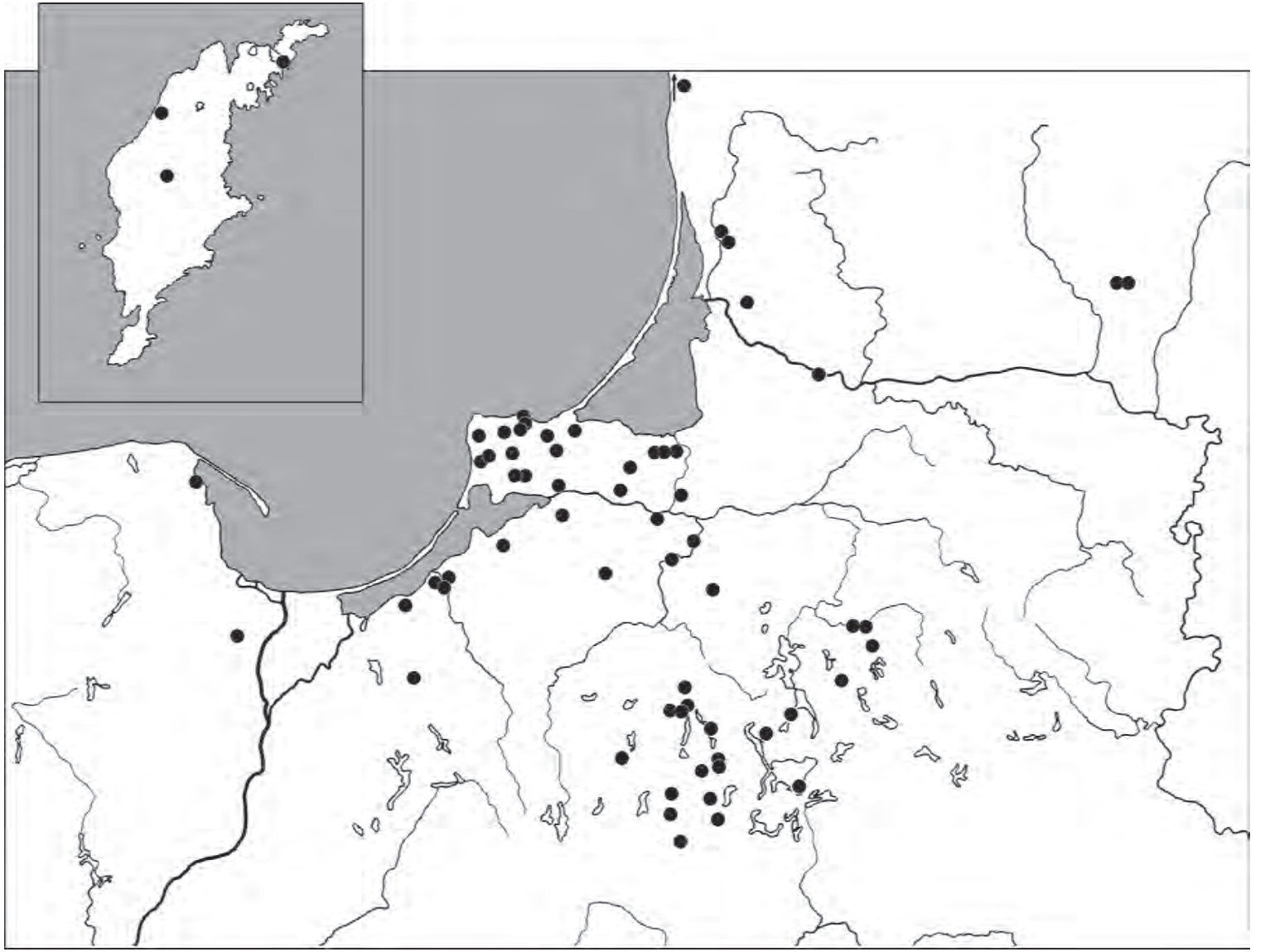

Рис. 16. Распространение фибул с крестообразной ножкой в Юго-Восточной Прибалтике
По: *Kontny, Szymański,* 2015. Ryc. 2

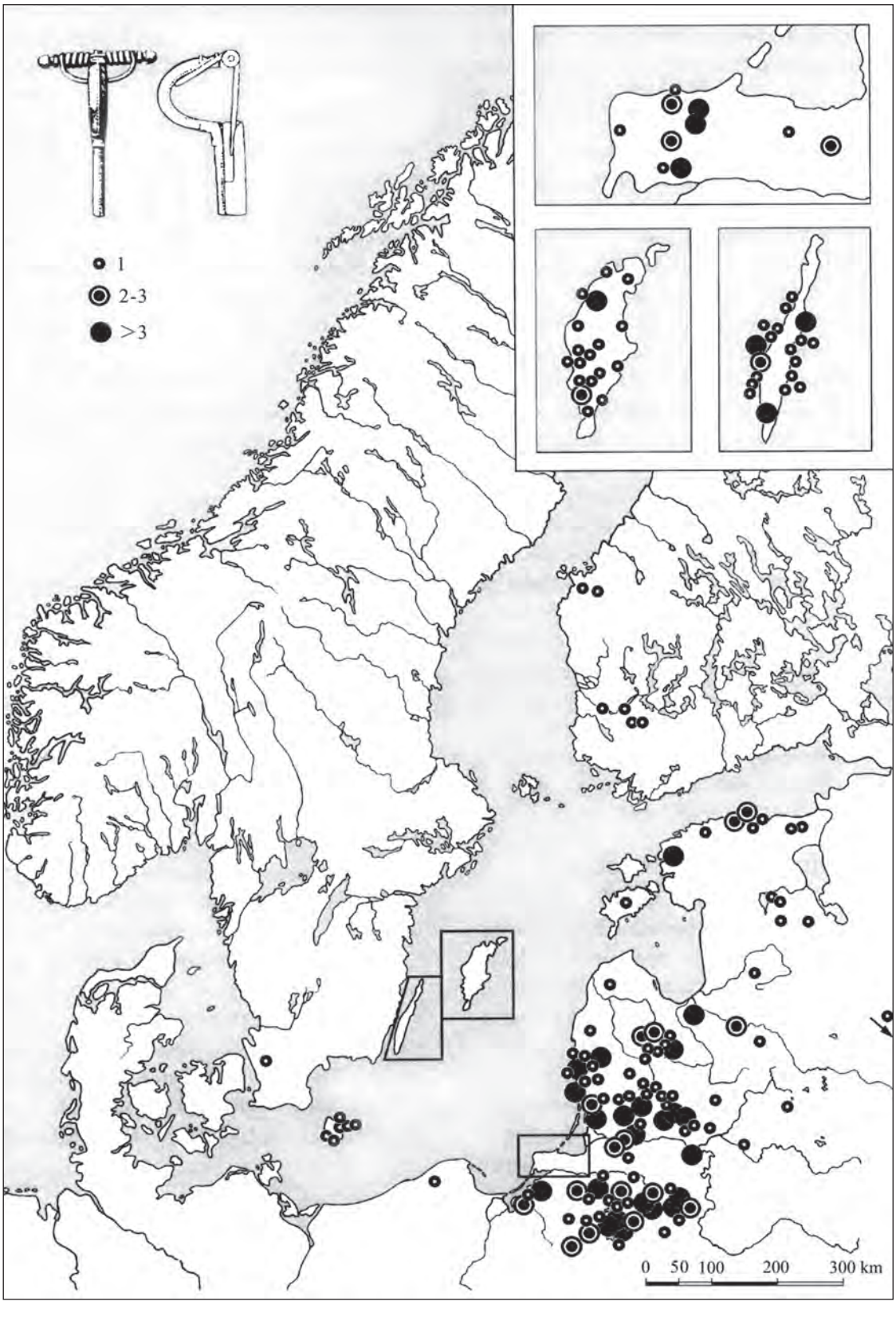

Рис. 17. Распространение фибул типа Долькайм-Коврово
По: *Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 7

Рис. 18. Распространение фибул типа Даумен-Тумяны и находка формочки в Хельгё (черный прямоугольник)
По: *Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 17

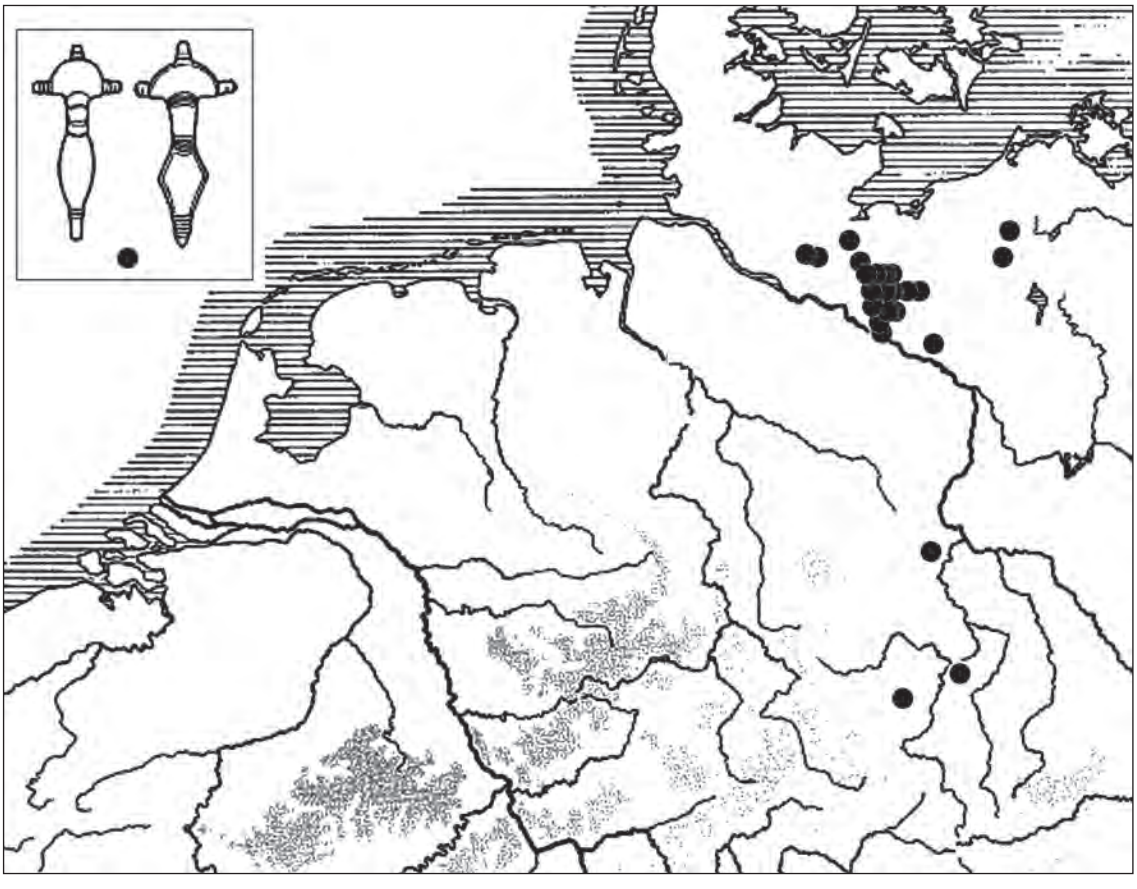

Рис. 19. Распространение фибул типа Брейтенфурт
По: *Böhme*, 1986. Abb. 73

Рис. 20. Распространение скрамасаксов в Юго-Восточной Прибалтике
По: *Prassolow*, 2018. Abb. 21

АРХИВЫ

Arhiiv Martha Shmidehelm. Ajaloo Instituut, Tallinn. Fond № 22, N° 7.1–24.
Fēliksa Jākobsona arhīvs. Ieraksti «Kreis Fischhausen» // Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. Riga.
Prussia-Archiv. Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbezitz, Museum für Vor- und Frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr.
Rudolf Grenz Archiv. Zentralkatalog der ur- und frühgeschichtlichen Funde von Ostpreussen. Fischhausen. B 31, B 39, B 41 // Archäologisches Landesmuseum in der Stifung Schleswig-Holsterinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumantationsarchiv.
Samland-Archiv. Fundkartei. K-P // Archäologisches Landesmuseum in der Stifung Schleswig-Holsterinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumantationsarchiv.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).
Амброз А. К., 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. Вып. 113. С. 10–23.
Атавин А. Г., 2008. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Древности Южной России. Памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН; ТАУС. С. 28–70.
Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: Олион. 192 с.
Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир. 252 с.
Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. С. 28–35.
Гавритухин И. О., 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // В.Ю. Малашев. Керамика раннесредневекового могильника мокрая Балка. М.: ИА РАН. С. 40–49.
Гавритухин И. О., Воронцов А. М., 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 28–90.
Зверуго Я. Г., 2001. Исследование восточнолитовских курганов на территории Беларуси // Lietuvos Archeologija. Т. 21. С. 111–120.
Звяруга Я. Г., 2005. Беларускае Павілее ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі. Мінск: Інститут гісторыі НАН Беларусі. 174 с.
Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Москлас. 160 с.
Казанский М. М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. № 6. С. 404–419.
Казанский М. М., 2007. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // И.П. Засецкая, М.М. Казанский, И.Р. Ахмедов, Р.С. Минасян. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 122–141.
Казанский М. М., 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний Великого переселения народов / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 304–324.
Казанский М. М., 2012. О происхождении скрамасакса // Stratum plus. № 5. С. 111–124.

Казанский М. М., 2013. Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве // Stratum plus. № 5. С. 163–174.

Казанский М. 2014. Удила эпохи переселения народов из погребения в Доложском погосте // Stratum plus. № 4. С. 119–128.

Казанский М. М., 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. № 5. С. 43–95.

Казанский М. М., 2017. Эстии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени // Археологические вести. 23. С. 265–273.

Казанский М. М., 2019а. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / Отв. ред. Э. А. Хайрединова. Симферополь: Antiqua. С. 60–64.

Казанский М. М., 2019б. О военной организации славян в V–VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные // Stratum plus. № 5. С. 15–28.

Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н., 2018. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 312 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 22).

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2013. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 97–112.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., Скворцов К. Н., 2017. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // Российская археология. № 3. С. 28–45.

Кулаков В. И., 1989. Могильники западной части Мазурского поозерья конца V–VIII в. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum. С. 149–275.

Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука. 167 с. (САИ. Вып. Г 1-9).

Кулаков В. И., 1997. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. С. 143–171.

Кулаков В. И., 2004. Долькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Белоруссии. 135 с.

Кулаков В. И., 2005. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н. э. // Stratum plus. № 4. С. 278–382.

Кулаков В. И., 2007. Долькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт истории НАН Белоруссии. 335 с.

Кулаков В. И., 2014. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Barbaricum. Т. 10. С. 199–362.

Кулаков В. И., 2016. Самбийские пояса и их прототипы // Слово.ру. Балтийский акцент. Вып. 1. С. 65–78.

Кулаков В. И., Скворцов К. Н., 2000. Клинки из Кляйнхайде // Гістарычна-археалагічны зборник. № 15. С. 45–52.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (Раннеславянский мир. Вып. 8).

Мастыкова А. В., 2004. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов // Российская археология. № 3. С. 55–67.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангийской культуры // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 74–79.

Михайлова Е. Р., 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка // Отв. ред. О. В. Шаров. Кишинев; СПб.: Высшая антропологическая школа. С. 529–556.

Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 428 с.

Попов Г. С., 2010. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 365–378.

Скворцов К. Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 1. 302 с.; Т. 2. 806 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).

Скворцов К. Н., 2022. Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН. 476 с.

Скворцов К. Н., Макаров Н. А., Хохлов А. Н., Энговатова А. В., 2018. Грунтовый могильник Алейка-7 (Калининградская область, Зеленоградский район) // Городища, селища, могильники. Раскопки 2017 г. / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 346–351. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Хомякова О. А., 2022. Пряслица Юго-Восточной Прибалтики (по материалам культур Калининградского полуострова I–VIII вв.) // КСИА. Вып. 267. С. 242–260.

Шадыра В. І., 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: Інститут гісторыі НАН Беларусі. 150 с.

Шиманski П., Годзеба Л., 2006. Могильник судовской культуры в Червоном Дворе – предварительные результаты исследований в 2003–2005 годах // Archaeologia Lituana. Т. 7. С. 43–53.

Шмидехельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии. Таллин: Эстонское государственное издательство. 272 с.

Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala: A.-B. Akademiska Bokhandeln; Leipzig: O. Harrassowitz. 175 S.

Almgren O., 1897. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm: Habelt. 243 S.

Antoniewicz J., Kaczyński M., Okulicz J., 1958. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym u miejsc. Szwajcaria, pow. Suwalki // Wiadomości Archeologiczne. T. 25. S. 22–57.

Appelgren-Kivalo Hj., 1907. Finnische Trachten aus der Jüngeren Eisenzeit. Helsinki: Tilgman. 60 S.

Aspelin J. R., 1884. Antiquités du Nord finno-ougriennes. V. L'Age du Fer. Antiquités des provinces baltiques. Helsinki; Saint-Pétersbourg; Paris: G. W. Edlund; Eggers et Cie; C. Klincksieck. 74 p.

Astrauskas A., Gleiznienė G., Šimenas V., 1999. Perpetės baltų kraštuose I tūkstantmečio vidryje // Archaeologia Lituana. 1. S. 119–144.

Banute-Rowell R., 2000. Characteristics of the end of the Roman Period according to materiel from Baitai Grave site (near Klaipeda) // Archaeologia Baltica. T. 4. P. 27–44.

Bemmann J., Hahne G., 1994. Waffenfrühende Grabinventare der jüngeren Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Scandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 75. S. 283–640.

Berendt G., 1873. Zwei Gräberfeld in Natangien // Schriften der Königlichen Physikalisch-Ökonomischen Geselschaft zu Königsberg. Jg. 14 / 1. S. 81–101.

Bertašius M., 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Band I. Kaunas: Kauno technologijos universitetas. 296 S.

Bezzenberger A., 1900. Gräberfeld bei Greyszönen, Kr. Tilsit // Prussia. 21. S. 135–153.

Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego. S. 39–106. (Archaeologia Baltica. VIII).

Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland: East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 256 p.

Bitner-Wróblewska A., 2003. Family groups at Netta cemetery. From studies on horizontal stratigraphy // Archaeologia Lituana. 4. P. 33–48.

Bitner-Wróblewska A., 2006. The Key Problems of Late migrations period in the Balt Lands // Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic / Ed. M. Bertašius. Kaunas: Kaunas University of Technology. Department of Philosophy ns culturel Science. P. 7–15.

Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Notrheastern Poland. Warszawa: Panstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie-Fondacja Monumenta Archaeologica Barbarica. 326 p.

Bitner-Wróblewska A. (ред.), 2008. Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия». Olsztyn: Archimum Panstwowe w Olsztyne. 448 с.

Bitner-Wróblewska A., Iwanicki P., 2002. Cmentarzysko w Podliszewie, woj. podlaskie. Między kultura bogaczewską a sudowską // Varia barbarica / Ed. J. Andrzejowski, R. Prochowicz, A. Źórawska. Warszawa; Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 105–184.

Bliujenė A., 2006. Watershed between Estarn and Western Lithuania durning the Early and Late Migration Period // Archaeologia Lituana. 7. P. 123–143.

Bliujenė A., 2007. Lietuvos priešistorės gintatras. Vilnius: Versus aureus. 560 p.

Böhme H.-W., 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung. 384 S.

Böhme H.-W., 1986. Das Ende der Römerherrschaft in Britanien und die angelsächsishe Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 33. S. 469–574.

Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jg. 20. S. 147–180.

Graudonis J., 1974 Agrais dzelzs laikmets // Latvijas PSR Archeologija. III. part. Riga: Zinatne. P. 97–132.

Graudonis J., 2003. Lielupes krastos pirms gadu simtiem // Archeoloģiskie pētījumi Jaunsvirlauskas pagastā. Riga: Latvijas vēstures institūs. 87 p.

Griciuvienė E. (ed.), 2009. The Curonians. Tribe Culture According to the Burial Data. Vilnius: Lietuvos nacinalmuzejus; Riga: Latijas Nacionālais vēstures muzejs. 464 p.

Hackman A., 1905. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors: Finn. Altertumsges. Tilgmann. 377 S.

Hilberg V., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeiziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary, Band 2. Neumünster: Wachholtz Verlag. 615 S. (Schriften des Archaologischen Landesmuseums. Bd. 9).

Hirviluoto A.-L., 1976. Ainolau aseöytö // Suomen Museo. P. 59–67.

Hollack E., 1914. Das Gräberfeld bei Detlevsruh, Kr. Friedland // Prussia. 23 / 1. S. 264–280.

Hollack E., Peiser F. E. 1904. Das Gräberfeld von Moythinen. Königsberg Verlag von Gräfe & Unzer. 58 S.

Hübener W., 1988. Materialen zur Geschichte des merowingerzeitlichen Saxes // Trade und Exchange in Prehistory. Studies in honour of Berta Stjernquist / Ed. B. Hårdh, L. Larsson, D. Olausson, P. Rolf. Lund: Lunds Universitets Historiska Museum. S. 225–236.

Hübener W., 1989. Die Langsaxe der späten Merowingerzeit // Acta Praehistorica et Archaeologica. 21. S. 75–84.

Ibsen T., 2003. Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka / Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet Eine archivalische Studie. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M. A.). Kiel: Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität Kiel. 366 S.

Ilkjær J., 1990. Illeurp Ådal. 1. Textband. Die Lanzen und Speere. Århus: Jysk Arkæologisk Selskab. 404 S.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: ACHCB. 352 p.

Jakobson F., 2009. Die Bradgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary, Band 1. Neumünster: Wachholtz Verlag. 424 S. (Schriften des Archaologischen Landesmuseums. Bd. 9).

Jankuhn H., 1939. Ein Gräberfeld der ersten Jahrhunderte u. Z. aus Schlakalken, Kr. Fischhausen // Prussia. Heft 32/2. S. 245–260.

Jaskanis J., 1961. Wyniki badań przeprowadzonyh na cmentatzysku kurhanowym w miejsc. Osowa, pow. Suwalki w latah 1958–1959 // Rocznick Białostocki. T. 1. S. 131–191.

Jaskanis J., 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w połnochno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stwarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie. 326 s.

Jentzsch A., 1896. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseums in der Jahren 1893–1895. III. Prähistorische Sammlung // Schriften der Königlichen Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Jg. 37. S. 115–125.

Juga-Szymańska A., 2007. Cmentarzysko kultury bogaczewskiej w Gutach (byłe Gutten, Kr. Lötzen). Proba rekonstrukcji wyników badań // Kultura bogaczewska w 20 lat później / Red. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Państwowie Muzeum Archeologiszne w Warszawie. S. 393–412.

Kaczyński M., 1961. Cmentarzysko kurhanowe z V–VI wieku w miejsovości Bilwinovo, pow. Suwałki // Rocznick Białostocki. 2. S. 199–276.

Kazakevičius V., 1993. Plinkagailio Kapinynas. Vilnius: Vilnius Mokslo ir Enciklopedijų Leidykla. 220 p. (Lietuvos Archeologija. 10).

Kazanski M., 1991. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe – Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. N° 4. P. 123–139.

Kazanski M., 1993. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien // Antiquités Nationales. 25. P. 119–127.

Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillipps-Universität Marburg. P. 429–485.

Kazanski M., 1999. L'armement slave du haut Moyen-Age (Ve–VIIe siècles). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // Prehled vyzkumu. 39. P. 197–236.

Kazanski M., 2010. Les Gépides en Gaule // Între stepă şi Imperiu. Studii în onoarea lui Radu Harhoiu / Eds A. Măgureanu, E. Gáll. Bucureşti: Renaissance. P. 127–140.

Kazanski M., Mastykova A., 2005. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des Grandes Migrations et au début de l'époque mérovingienne // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / Dir. J. Plumier, M. Regnard. Namur: Ministère de la région wallone. P. 115–132.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissechaften der Tschechischen Republik Brno. P. 159–194.

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlanfs. Helsinki: Weilin+Göögs AB. 90 S.

Koch U., 1999. Nordeuropäisches Fundmaterial in Gräbern Süddeutschlands rechts des Rheins // Völker an Nord- und Ostsee und die Franken / Hrsg. U. von Freeden, U. Koch, A. Wieczorek. Bonn: Habelt. S. 175–194.

Kontny B., 2008. The latest weapons in the Bogaczewo culture // The Turbulent Epoch / Ed. Niezabitowska-Wiśniewska B. *et alii*. Lublin: UMCS. T. II. P. 87–103.

Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M., 2011. Nowinka. Site 1. The Cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. Gdańsk; Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk. 180 p.

Kontny B., Szymański P., 2015. Bałtyjska zapinka z początku późnego okresu wędrówek ludów z Pucka // Barbaricum. T. 11. S. 333–350.

Kowalski J., 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E) // Archeologia Bałtyjska. Materiały z konferencji. Olsztyn. 24–25 kwietnie 1988 roku / Ed. H. Judzińska. Olsztyn: Ośrodek badań naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie. P. 67–85.

Kühn H., 1974. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. 528 S.

La Baume W., 1934. Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig: Danziger Verlags-Gesellschaft. 167 S.

Lang V., 1996. Muistne Rävala – muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus. 629 p.

Legoux R., Périn P., Vallet F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: AFAM. 66 p.

Lithberg N., 1928. Gotland i Britsh Museum // Fornvännen. 23. S. 193–207.

Lund Hansen U., 1971. Danish Grave Finds of the Fourth and Fifth Centry A. D. // Inventaria Archaeologia. Denmark. Fasc. 8. DK 40 – DK 44.

Mandel M., 2003. Läänemaa 5–13. Samadi Kalme. Tallinn: Estin Ajaloomuseum. 287 lk. (Eesti Ajaloomuseum Töid Ajaloo Alalt. 5).

Mandel M., Tamla T., 1977. Rikassaare relevaleid // Известия Академии наук Эстонской ССР. 26 / 2. С. 158–164.

Mastykova A., Dobrovolskaia M., 2013. Grave Goods in the Semeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts // INTER AMBO MARIA. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds.: I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 272–281.

Michelbertas M., 2002. Gintarų kapinynas // Archaeologia Lituana. 3. S. 34–74.

Michelbertas M., 2006. Akmenių ir Perkūniškės pilkapiai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. 154 p. (Lietuvos Laidojimo paminklai. 2).

Moora H., 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. I. Teil: die Funde. Chr. Tartu: Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. 194 S. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. XXV).

Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. II. Teil: Analyse. Chr. Tartu: Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. 750 S. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. XXIX).

Nørgård Jørgensen A., 1999. Waffen und Gräber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520 / 30 bis 900 n. Chr. København: Der Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 418 S.

Nowakiewicz T. (red.), 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego. 640 s.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. 169 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).

Nowakowski W., 2007. *Aestrum Gladii*. Swords in the West Balt Circle in the Roman Period // Archaeologia Baltica. 8. P. 85–94.

Oexle J., 1992. Studien zu merowingerzeitlichem Pferdegeschirr am Beispiel der Trensen. Denkmäler der Völkerwanderungszeit, Serie A. Bd. 16. Mainz: Verlag Philip von Zabern. 307 S.

Ørsnes M., 1988. Ejsbøl I. Waffenopferfunde des 4.-5. Jahrh. nach Chr. København: Der Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 158 S.

Ørsnes M., 1993. Zaumzeugfunde des 1.-8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa // Acta Archaeologica. T. 62 / 2. S. 183–292.

Petersen E., 1939. Der ostelbische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenfunde des 6.-8. Jahrhunderts. Leipzig: Curt Rabitzsch Verlag. 292 S.

Prassolow J. A., 2018. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreussens. Neumünster: Wachholtz. 328 S.

Quast D., 1999. Auf der Suche nach fremden Männern – Die Herleitung schmalen Langsax vor dem Hintergrund der alamannicsh – donaulandicshe Kontakte der zweiten Hälfe des 5. Jahrhunderts // Germanen beiderseits des spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln; Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissechaften der Tschechischen Republik Brno. S. 115–128.

Ramqvist P. H., 1992. Högom. The Excavations 1949–1984. Part I. Neumünster: Karl Wachholtz. 236 p., 156 pl.

Reich C., 2006. Das Gräberfeld von Oberhof – Kulturelle Beziehungen und Kontakte // Archaeologia Lituana. 7. S. 85–97.

Reichstein J., 1975. Die kreuzförmige Fibel. Zur chronologie der späten römischen Kaiserzeit und der Völkerwandernugszeit in Skandinavien, auf dem Kontinent und in England. Neumünster: Karl Wachholtz. 188 S. (Offa-Bücher. 34).

Rudnicki M., 2008. Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellungen // The Turbulent Epoch. New mateirals from the Late Roman Period and the Migration Period / Ed. B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski. Lublin: UMCS. T. II. S. 291–302. (Monumenta Studia Gothica. V).

Rundkvist M., 2003. Barshalder 2. Studies of Late Roman Age Gotland. Stockholm. 101 p.

Rygh O., 1885. Antiquités norvégiennes. Christiania: Alb. Cammermeyer. 84 p.

Sawicka L., 2007. The Roman Period Single-Edged Sword from the Szurpiły Settlement (Suwałky Région, Poland) // Archaeologa Baltica. 8. P. 171–175.

Schauman-Lönnqvist M., 1988. Iron Age Studies in Salo 3. The development of iron age settlement in the Isokylä area in Salo Helsinki: Finnish Antiquarian Society. 99 p.

Schulze M., 1977. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2). Bonn: Rudolf Habelt Verlag GMHB. 446 S.

Schulze-Dörrlamm M., 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust – und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Cher. Aus den Gebieten westlich des Reins und südlich der Donau // Jahrbuch der Römisch-Germanishcen Zentralmuseums. 33. S. 593–720.

Schulze-Dörrlamm M., 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1. Die Schnallen ohne Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag der Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 258 S.

Šimėnas V., 2006. Etnokultūrinai Procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius: Vilnius Universiteto Leidykla. 125 p.

Sjøvold T., 1962. The Iron Age Settlement of Arctic Norway. Oslo-Tromsø: Norwegian Universities Press. 253 p. (Tromsø Museums skrifter X [1]).

Skvorzov K., 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserziet von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus en Grabungen 1998 und 1999 // Offa. Bd. 62 / 63. S. 111–219.

Sodini J.-P., Kazanski M., 1995. Comte-rendu de: Uenze Syna. Die spätantiken Befestungen von Sadovec (Bulgarien). München, Beck, 1992 // Revue Archéologique. Fasc. 1. P. 163–169.

Stjernquist B., 1955. Simris. On cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. Bonn; Lund: Rudolf Habelt Verlag, GWK Gleerups Förlag. 186 p.

Straume E., 1987. Gläser mit Facettenscliff aus skandinavischen Gräbern des 4 und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo: Universitetsforlaget. 158 S.

Stubavs A., 1976. Ķentes pilskalns un apmene. Riga: Zinātne. 144 p.

Szydłowski J., 1974. Trzy cmentaryska typu dobrodzieńskiego. Bytom: Muzeum górnośląskie w Bytomiu. 162 s.

Szymański P., 2018. Chronologia gołdapskiej grupy kulturowej w okresie wędrówek ludów. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 210 S.

Tallgren A. M., 1926. Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. // Acta et Commentations Universitatis Dorpatensis. VIII. Ser. B. Tartu. 204 S.

Tamla T., 1995. Einige estnische Moorfunde aus dem ersten Jahrtausend // Archaeology Est and West of the Baltic / Ed. I. Jansson. Stockholm: Stockholm University. S. 103–110.

Tautavičius A., 1979. Taurapilio «kunigaikščio» kapas // Lietuvos Archeologija. 2. S. 18–43.
Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austiraca. 77. S. 223–304.
Tejral J., 2011. Einheimische und fremde. Des norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderng. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissechaften der Tschechischen Republik Brno. 466 S.
Tempelmann-Mączyńska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein: Philippe von Zabern. 340 S. (Römisch-Germanische Forschungen. 43).
Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder III // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Geselschaft zu Königsberg. Bd. 19. S. 159–268.
Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch. 86 S.
Uenze S., 1992. Die spätantiken Befestungen von Sadovec (Bulgarien). München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung. 600 S.
Urtans V., 1977. Senākie depozīti Latvija (līdz 1200 g.). Riga: Zinātne. 284 lpp.
Vaitkevičius V., 2005. Vienos teorijos pádsakaiş arba miżusi si jų deginimo poprotys rytų Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. T. 27. P. 49–58.
Vaitkevičius V., 2007. Santakos pilikapiai (Vilnius r.) // Lietuvos Archeologija. T. 30. P. 181–212.
Vaitkunskienė L., 1985. Moters ir vyro statusas žembirbių brndruomenėje V–VI amžaus Lietuvoje // Труды Академии наук Литовской ССР. (История). 1 (90). С. 74–85.
Vaitkunskienė L., 1989. IVa-Lietuvos karys raitels // Труды Академии наук Литовской ССР. Серия А. 3 (108). P. 55–68.
Vinski Z., 1974. Kasnoantički starojednosci u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostzvšini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. T. 69. S. 5–86.
Werner J., 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen uim 4. – 6. Jahrhunderts // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 1. S. 695–701.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

М. В. Добровольская

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАОСТРОВЬЕ-2, РАСКОПКИ 2011 Г.

Предварительное замечание о сохранности материала

Кремации: размерность фрагментов (до 1,5 см) и массовые показатели (до 20 г) скопления кремированных останков не позволили выявить анатомически определимые участки, поэтому экспертные биоархеологические работы не проводились. Определение видовой принадлежности было невозможно по фрагментам костей такого размера и степени сохранности. Можно лишь констатировать: особенности погребального обряда таковы, что сохраняются малые количества мелких кремированных фрагментов стенок трубчатых костей, оставшихся после высокотемпературной кремации.

Ингумации: условия грунта способствуют практически полному исчезновению костных останков, даже разрушению эмали зубов. Существенное положительное влияние на сохранность костной ткани оказывают соединения меди, имеющие ярко выраженное антибактериальное свойство. Сохранились только те участки костной ткани, которые пропитались соединениями меди благодаря их присутствию в погребальных уборах.

Описание скелетных фрагментов

Погребение 40, образец № 77. Закладки первых верхних моляров и фрагмент верхнего премоляра. Очень крупные молодые, формирующиеся первые моляры верхней челюсти. Предположительно останки принадлежат ребенку около 5 лет (4–6 лет). Крупные размеры зубов дают основание предполагать мужской пол ребенка.

1. **Погребение 44,** образец № 74. Разрозненные мелкие фрагменты эмали зубов. Половозрастные определения сделать не представляется возможным.
2. **Погребение 44,** образец № 264. Фрагменты миниатюрных ребер. Постдефинитивных возрастных изменений не обнаружено. Предположительно останки принадлежат взрослому молодому индивиду.
3. **Погребение 44,** образец № 83. Мелкие фрагменты стенок трубчатых костей человека. Половозрастные определения провести не представляется возможным.
4. **Погребение 44,** образец № 261. Фрагмент правой подвздошной кости в области тазово-крестцового сочленения. Судя по форме большой седалищной вырезки, останки могли принадлежать мужчине. Ушковидная поверхность крестцово-подвздошного соединения позволяет предполагать молодой возраст – около 20 лет.
5. **Погребение 44,** образец № 84. Фрагменты стенок ребер очень плохой сохранности. Дополнительную информацию получить не представляется возможным.
6. **Погребение 68,** образец № 128. Эмалевый чехол нижнего правого клыка. Возраст по степени стертости – *maturus*.
7. **Погребение 68**, образец № 127. Фрагмент эмали моляра постоянной смены. Мезиальная или дистальная стенка коронки. По степени стертости возраст можно оценить как *adultus – maturus*.
8. **Погребение 68.** Две коронки моляров: верхнего второго правого и нижнего третьего. Возраст по степени стертости – *maturus.*
9. **Погребение 86,** образец № 179. Фрагмент левой височной кости в области сосцевидного отростка, фрагменты свода черепа. Миниатюрность отростка, грацильность костей черепа позволяют предположить, что останки принадлежат женщине.

10. **Погребение 104**, образец № 183. Все моляры нижней челюсти, левый ряд моляров верхней челюсти, фрагменты эмали зубов правой части зубного ряда верхней челюсти, клыки и премоляры верхней и нижней челюстей. На верхнем левом клыке – следы гипоплазии эмали, на нижнем втором левом моляре – возможно, прикорневой кариес. Можно отметить, что, несмотря на значительную стертость первого верхнего моляра и второго верхнего премоляра, зубы мудрости совершенно слабо стерты. Своеобразие прикуса свидетельствует о миниатюрности челюстей. В связи с этим есть основание предположить, что останки принадлежат женщине. Половозрастные определения низкой достоверности. Предположительный возраст индивида – 30–39 лет.
11. **Погребение 104,** образец № 5. Костный тлен. Определения не представляются возможными.
12. **Погребение 104,** образец № 180. Сильно деформированный фрагмент предположительно плечевой кости в верхней трети диафиза, размеры кости миниатюрны, рельеф в области дельтовидной бугристости хорошо развит.
13. **Погребение 137,** образец № 235. Мелкие фрагменты очень плохой сохранности. Провести половозрастные определения не представляется возможным.

Половозрастные характеристики индивидов

Фрагментарные останки людей из погребений дают основание лишь с очень большой осторожностью выносить суждение об их половозрастной принадлежности. Однозначно можно определить детей и взрослых, все остальное скорее более или менее уверенное предположение.

Погребение 40 – ребенок в возрасте около 5 лет.
Погребение 44 – молодой мужчина около 20 лет.
Погребение 68 – женщина (?) в возрасте 35–45 лет.
Погребение 86 – вероятно, останки принадлежат женщине (?).
Погребение 104 – индивид (женщина?) в возрасте 30–39 лет.

В целом обращают на себя внимание размеры костей, которые могут быть отнесены к разряду малых. Является ли это отличительной чертой этой группы населения или простым совпадением, сложно ответить.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Е. Е. Антипина

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ МОГИЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЗАОСТРОВЬЕ-2 (РАСКОПКИ 2011 Г.)

Остеологическая коллекция могильника Заостровье-2 была представлена для обработки в Лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН в виде отдельных находок, так называемых проб – визуально фиксируемых скоплений костных останков животных, обнаруженных на разных раскопах при расчистке археологических погребений. Находки зарегистрированы под порядковыми номерами в соответствии с полевой записью.

Такая форма сбора материала оказалась вынужденной из-за крайне плохой естественной сохранности костей, при которой в процессе раскопок невозможно было проследить останки скелета или его частей от конкретного животного.

Археозоологическое исследование показало, что коллекция включает в основном останки лошадей, и прежде всего зубы – наиболее прочные элементы скелета. Но даже их наилучшая естественная сохранность может быть охарактеризована лишь удовлетворительной оценкой в три балла по пятибалльной шкале (*Антипина*, 2016). Анализ структуры ткани зубов и некоторых сохранившихся элементов посткраниального скелета позволяет сделать вывод о том, что главным фактором их значительного разрушения были природно-почвенные условия местности, где располагался могильник. Грабительские раскопки и поздние перекопы могильника также усугубили разрушение костных останков.

Такая крайне плохая естественная сохранность остеологического материала не позволила провести археозоологическое исследование в полном объеме; в частности, изучение целого ряда параметров и оценок, размеров посткраниальных элементов скелета и наличия на них следов искусственного воздействия оказалось невозможным. И все же после очистки материала от грунта, закрепления отдельных фрагментов и временной реставрации целостных структур были получены наиболее значимые характеристики, включающие анатомическое и таксономическое определение костных останков, идентификацию возраста животных на момент смерти[1] и фиксацию имеющихся у них патологий.

Результаты исследования приведены ниже в виде описания, фотографий и таблицы с представлением конкретных костных останков под их индивидуальными номерами по погребениям.

Погребение 1 (рис. 1-3)

Проба[2] **№ 27.** Включает 46 крупных и мелких обломков постоянных зубов лошади. Реставрировано: восемь верхних коренных зубов, девять нижних коренных зубов, а также два нижних третьих по счету резца (окрайки). Все эти зубы маркируют череп одного животного.

Реконструированные аркады (последовательности зубов) оказались неполными. Подобраны фрагменты от четырех зубов (P–1,3 M–2,3) правой половины и четырех зубов (P–3 M–1,2,3) левой половины верхней челюсти. От правой половины нижней челюсти обнаружены пять зубов (P–1,2 M–1,2,3), от левой – четыре зуба (P–1,2 M–1,2)[3]. Среди мелких фрагментов могли

---

[1] Индивидуальный возраст лошадей определялся по состоянию и степени стертости отдельных коренных зубов в соответствии с хорошо известными методическими схемами, предложенными М. Левин (1982), с учетом методик, разрабатываемых в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Одновременно были использованы классические таблицы определения возраста живых лошадей по резцам (*Корневен, Лесбр*, 1932).

[2] Здесь и далее номерами обозначены пробы скоплений или отдельных костей животных.

[3] Для взрослой лошади полная зубная формула правой или левой стороны верхнечелюстного и нижнечелюстного ряда включает, как правило, 10 зубов у жеребцов (резцы – In–1,2,3; клык – C–1; предкоренные – P–1,2,3; коренные – M–1,2,3) и 9 зубов у кобыл (резцы – In–1,2,3; предкоренные – P–1,2,3; коренные – M–1,2,3). Иногда

Рис. 1. Заостровье-2. Погребение 1. Положение зубов лошади *in situ*

Рис. 2. Заостровье-2. Погребение 1. Гипоплазия на втором левом нижнем моляре лошади, № 27

Рис. 3. Заостровье-2. Погребение 1. Гипоплазия на втором правом нижнем моляре лошади, № 28

присутствовать обломки и остальных зубов этой особи, однако выявить их не удалось. Это касается и клыков, наличие которых у жеребцов является маркером для определения пола особи. Возраст лошади на момент смерти, установленный по степени стертости реставрированных зубов, составлял 3,5–4 года (см.: табл. 1). Но в этом возрасте у жеребцов клыки могут присутствовать только в виде формирующихся закладок, а прорезаются эти зубы в 4–5 лет. Поэтому обнаруженное скопление зубов (рис. 1) может быть достоверно интерпретировано лишь как останки черепа одной лошади, пол которой остается неустановленным.

Следует особо отметить патологию, зафиксированную на втором моляре (M-2) левой половины нижней челюсти этой лошади (рис. 2). Это так называемая линейная гипоплазия эмали. Она представляет собой резкий поперечный сдвиг (или разрыв) в эмалевом чехле, который является следствием нарушения метаболических процессов в развивающихся зубах. Факторы, приводящие к появлению гипоплазии, могут быть разными – от внутренних болезней и нервного потрясения до смены пищевого рациона, хотя их воздействие одинаково по вызываемому достаточно продолжительному стрессу.

На основе промеров высоты коронки и уровня локализации гипоплазии рассчитан приблизительный возраст ее появления у данной особи. Стрессовый фактор должен был действовать на протяжении возрастного интервала от 18 до 22 месяцев.

Проба № 28. Скопление представляет собой 43 крупных и мелких обломка постоянных зубов лошади. Реставрировано девять верхних коренных зубов и семь нижних коренных зубов. Эти зубы маркируют череп одного животного.

Реконструированы неполные аркады из пять зубов (P–2,3 M–1,2,3) правой и четырех зубов (P–2,3 M–1,2) левой половины верхней челюсти. От правой половины нижней челюсти собрано пять зубов (P–2,3 M–1,2,3), а от левой – всего два зуба (M–2,3). Среди оставшихся фрагментов не выявлены остатки клыков.

Возраст этой особи на момент смерти составлял 3,5–4 года (см.: табл. 1), так что обнаруженное скопление зубов может быть достоверно интерпретировано лишь как останки черепа одной лошади, половая принадлежность которой не определена.

Подчеркну, что зубной набор этой особи поразительно похож на комплект зубов лошади под № 27. Это сходство обнаруживается и в близких размерах одноименных зубов, и в идентичной слабой складчатости их эмали, и в степени сформированности и стертости коронок. Последнее обусловило определение одинакового возраста для этих особей.

Более того, оказалось, что у этой лошади также имеется патология в виде линейной гипоплазии эмали, и эта аномалия фиксируется также на втором нижнечелюстном моляре (M–2) (рис. 3). Только этот зуб происходит от правой ветви нижней челюсти, и аномалия располагается выше на 2 мм, чем на зубе из скопления № 27. Но такое небольшое различие не меняет возрастные рамки появления гипоплазии, рассчитанные для зуба из скопления № 27. У обсуждаемой особи аномалия также возникла еще в молодом возрасте, в период от 18 до 22 месяцев.

Учитывая, что в обоих скоплениях присутствовали практически все моляры и, в частности, вторые (от левой и правой сторон обоих черепов), можно уверенно говорить о наличии сходной патологии у двух близких по возрасту лошадей в погребении 1.

Погребение 10

Проба № 30. Восемь мелких фрагментов происходят от одного из постоянных верхнечелюстных коренных зубов лошади, но не стыкуются между собой. Точная идентификация зуба или зубов по имеющимся обломкам невозможна, поэтому возраст животного на момент смерти можно лишь предполагать в достаточно широких границах от 1 года до 4 лет (см.: табл. 1). Пол лошади остается неопределимым.

у некоторых особей встречается маленький колышкообразный зуб перед всей аркадой коренных зубов, эволюционно считающийся первым предкоренным зубом.

Таблица 1. Могильник Заостровье-2. Возрастные характеристики лошадей (определение по состоянию и стертости зубов из погребений)

Локализация погребений	Возрастные группы			
	12–20 мес.	**24–36 мес.**	**3,5–4 года**	**4–6 лет**
Раскоп 1			Погр. 1, № 28	
			Погр. 1, № 27	
Раскоп 2	Погр. 10, № 30			
				Погр. 50, № 89
Раскоп 4			Погр. 44, № 219	
Раскоп 17		Погр. 121–122, № 214	Погр. 121–122, № 202	
Раскоп 20	Погр. 156, № 238			
Всего по объектам	**7**			**1**

Погребение 44

Проба № 91. Два фрагмента стыкуются между собой и образуют довольно крупный обломок дистального эпифиза левой плечевой кости лошади. Визуальная оценка размеров кости позволяет говорить о том, что, хотя сама лошадь уже достигла размеров взрослого животного (полностью приросший эпифиз свидетельствует о возрасте много старше 2 лет), она была небольших размеров. Пол животного не может быть установлен по данному обломку.

Проба № 210. По пяти фрагментам костей лошади, находившимся в данной пробе, реконструированы половина правой предплюсневой кости (2 фрагмента) и проксимальная часть плюсневой кости (3 фрагмента). Эти кости составляют часть скакательного сустава правой задней ноги одной взрослой особи небольших размеров. Однако эти останки не позволяют определить ни пол, ни точный возраст лошади.

Проба № 218. Проба состоит из 13 обломков костей лошади, по которым реставрированы крупные части трех костей: правой лопатки (4 фрагмента), правой плечевой кости (8 фрагментов) и лучевой кости (1 фрагмент). Кости принадлежат, несомненно, одному взрослому животному небольших размеров, но пол лошади и ее точный возраст по ним установить нельзя.

Проба № 219. В скоплении обнаружились 39 крупных и мелких обломков постоянных зубов лошади и 8 фрагментов стенок ее верхних и нижних челюстей. Реставрировано 12 верхних коренных зубов, 12 нижних коренных зубов, а также 4 резца. Эти зубы маркируют череп одного животного (рис. 4).

Реконструированы полная аркада, включая резцы (I–1,2,3 P–1,2,3 M–1,2,3) правой половины и все коренные зубы (P–1,2,3 M–1,2,3) левой половины верхней челюсти. От нижней челюсти собраны полные аркады коренных зубов правой и левой ее половин (P–1,2,3 M–1,2,3) и только один правый третий по счету резец (I–3). Коренные зубы характеризуются небольшими размерами коронок и слабой складчатостью эмали. Среди оставшихся фрагментов остатки клыков не выявлены.

Собранные полные аркады зубов допускают большую вероятность, что отсутствие клыков (даже в виде закладок) среди останков черепа этой особи является реальным фактом: в таком случае ее надо признать кобылой. Определяемый по состоянию зубов ее возраст на момент смерти оказался соответствующим 3,5–4 годам (табл. 1).

Рис. 4. Заостровье-2. Погребение 44, № 219. Положение зубов лошади *in situ*

Погребение 50

Проба № 89. Два фрагмента зуба составляют один практически целый постоянный моляр (M–3) из правой половины нижней челюсти лошади. Коронка зуба небольших размеров со слабоскладчатой эмалью. Степень стертости жевательной поверхности и высота коронки зуба позволяют определить возраст лошади на момент смерти в рамках 4–6 лет (табл. 1). Половая принадлежность животного остается неустановленной.

Проба № 90. Найденный фрагмент представляет собой обломок каменистой кости черепа взрослой особи из группы крупных копытных животных (оленей, быков, лошадей). Более точная таксономическая идентификация фрагмента невозможна.

Проба № 94. Из шести мелких обломков был реставрирован один фрагмент длинной трубчатой кости взрослого млекопитающего крупных размеров. Однако плохая сохранность фрагмента не позволяет провести более точную анатомическую идентификацию фрагмента. Соответственно, невозможна и более точная таксономическая идентификация животного.

Погребение 55

Проба № 18. Обнаруженный фрагмент представляет собой обломок каменистой кости черепа взрослой лошади. По данному фрагменту ни пол, ни точный возраст лошади не могут быть определены.

Проба № 98. По восьми обломкам посткраниального скелета из данной пробы были реставрированы три кости млекопитающих.

Две из них оказались определимыми до видового уровня – это правая большая берцовая кость лошади, размеры которой соответствовали взрослой особи, и метаподиальная кость взрослой лошади. Состояние этих костей не позволяет верифицировать их принадлежность к одному или двум животным, а также определить их пол и точный возраст.

И третья кость – бедренная (дистальный фрагмент со следами еще не приросшего эпифиза) – происходит от скелета копытного крупных размеров, таксономическая идентификация которого невозможна.

Погребение 58А

Проба № 194. Два фрагмента принадлежат одному постоянному первому по счету коренному зубу (M–1) крупного рогатого скота из левой половины верхней челюсти. Стертость его коронки соответствует у коров возрасту, ограниченному рамками 2,5–3 года. Считается, что это еще молодая особь, но уже полностью достигшая размеров взрослого животного. Пол этого представителя крупного рогатого скота по исследуемому зубу установить нельзя.

Проба № 195. Фрагмент представляет собой обломок тазовой кости взрослого представителя копытных животных (оленя, быка, лошади), пол и точный возраст которого определить невозможно.

Погребение 121-122 (рис. 5)

Проба № 202. Под этим номером оказался почти целый постоянный первый по счету предкоренной зуб лошади из правой половины верхней челюсти (P–1). Зуб имеет небольшие размеры и слабоскладчатую эмаль. Степень стертости его коронки у лошадей соответствует возрасту 3,5–4 года (табл. 1). Определение пола этой особи по данному зубу невозможно.

Проба № 213. Пять фрагментов из данной пробы стыкуются между собой, образуя один крупный обломок внешней стенки левой половины нижней челюсти лошади. Визуальная оценка толщины стенки нижней челюсти позволяет предполагать, что данная особь уже достигла размеров взрослого животного. Однако по этому обломку челюсти ни возраст, ни пол этой лошади не могут быть установлены.

Проба № 214. В скоплении обнаружились 38 крупных и мелких обломков постоянных и молочных зубов лошади, а также два фрагмента от стенки нижней челюсти. Реставрировано 10 верхних коренных зубов, 11 нижних коренных зубов, а также резец. Все эти зубы относятся к черепу одного животного.

Реконструированы неполные аркады из пяти зубов (P–2,3 M–1,2,3) правой и пяти зубов (P–1,2,3 M–1,2) левой половины верхней челюсти. Для нижней челюсти подобраны пять постоянных зубов (P–1,2,3 M–1,2) из правой половины и шесть зубов, включая один молочный (pd–2 P–1,2,3 M–1,2), из левой половины нижней челюсти, что соответствует ситуации смены зубов у данной лошади. Постоянные коренные зубы характеризуются небольшими размерами со слабоскладчатой эмалью.

Исследованный набор зубов лошади соответствует ее возрасту на момент смерти в границах между 24 и 36 месяцами (табл. 1). Пол животного не установлен.

Погребение 156

Проба № 238. В данном сборе обнаружились 63 крупных и мелких обломка постоянных и молочных зубов лошади. Реставрировано 12 верхних коренных зубов, 11 нижних коренных зубов, а также резец. Набор этих зубов маркирует череп одного животного.

Рис. 5. Заостровье-2. Погребение 121–122, проба № 214. Положение зубов лошади *in situ*

Реконструированы неполные аркады коренных зубов (pd–1,2 P–1,2 M–1,2), но одинаковые для правой и левой половин верхней челюсти, которые фиксируют замену молочных зубов постоянными. Для нижней челюсти подобраны полные аркады постоянных зубов (P–1,2,3 M–1,2), соответствующие тому же самому состоянию смены зубов. Коронки постоянных коренных зубов небольших размеров, эмаль слабоскладчатая.

Совокупность молочных и постоянных зубов соответствует возрасту лошади на момент смерти в диапазоне 12–20 месяцев (табл. 1). Пол животного определить невозможно.

Выявленные особенности представленного выше остеологического материала, несмотря на его крайне плохую сохранность, дают основание для нескольких любопытных замечаний и соображений.

1. Прежде всего, в исследованных захоронениях могильника Заостровье-2 были обнаружены главным образом останки лошадей. Только в одном объекте (погребение 58А, № 194) найден зуб молодой особи крупного рогатого скота. Соотношение останков этих двух видов домашних копытных подчеркивает важную роль лошади в погребальной обрядности самбийско-натангийской культуры и одновременно указывает на вариативность ритуальной практики, для изучения которой необходимо поступление новых материалов.

2. Обнаруженные останки лошадей принадлежали разновозрастным особям от 1 года до 6 лет, но большинство животных (семь из восьми) были убиты в возрасте до 4 лет. Это означает, что при погребальных обрядах на могильнике Заостровье-2 в жертву были принесены преимущественно еще молодые лошади. В связи с этой информацией стоит отметить, что только к пяти годам жизни у лошадей заканчивается формирование скелета, и тогда они приобретают максимальную хозяйственную и особенно военную ценность. По-видимому, данные о возрасте жертвенной лошади могут быть использованы как дополнительный показатель относительной ценности животного, а значит, и статуса его владельца. Из восьми заостровских лошадей, вероятно, наиболее ценными можно считать особь, остатки зуба которой обнаружены в погребении 50, проба № 89, а также двух лошадей из погребения 1 – № 27 и 28.

3. Практически все обсуждаемые восемь лошадей могут быть объединены в одну группу на основе идентичности морфологических характеристик постоянных коренных зубов, таких как небольшие размеры коронок и слабая складчатость эмали. Такое сочетание признаков встречается в историческое время у многих популяций домашних лошадей Евразии, и в частности, на территории Восточной Европы от ее северных лесных регионов до причерноморских степей. Специалистами показано также отсутствие у лошадей прямой корреляции между размерами зубов и размерами животных (*Громова*, 1949). У крупных особей встречаются мелкие зубы, и, наоборот, многие мелкие формы лошадей имеют крупные зубы. Поэтому по имеющимся одонтологическим материалам невозможно даже гипотетически оценить рост и конституцию лошадей, а также обсуждать для лошадей из погребений Заостровья-2 нередко указываемые в специальной литературе генетические линии происхождения (западную или восточную). Вместе с тем указанная однородность и малая вариабельность формы и строения зубов исследуемых лошадей дает право отнести их к одной, вероятно местной, популяции.

4. К тому же для двух близких по возрасту лошадей 3,5–4 лет (погребение 1, № 27 и 28) установлено наличие идентичной зубной патологии (линейной гипоплазии), которая возникла примерно в один и тот же период их жизни. Вряд ли это может считаться случайным совпадением. Более вероятно, что эти животные в период с 18 до 22 месяцев находились в одном и том же месте, в одних и тех же условиях, где и произошло с ними некое событие, ставшее причиной нарушения минерализации развивающихся зубов. Обнаружение полностью аналогичной патологии на одном из зубов боевого коня из могильника Романово – Пугачевский пруд самбийско-натангийской культуры (*Антипина*, 2021; *Мастыкова и др.*, 2021) подтверждает неслучайность появления подобного дефекта у самбийских лошадей и показывает наиболее вероятные обстоятельства его возникновения. Это в первую очередь относительно длительное обезвоживание и потребление некачественного корма – факторы, которые присутствуют в обстановке военных компаний или длительных походов. Стрессом для молодой лошади нередко оказывается и ранняя, и слишком жесткая объездка (*Ковалевская*, 1977). Вероятно, две лошади, выбранные для жертвоприношения и захороненные в погребении 1, как раз и прошли подобные тяжелые испытания.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Антипина Е. Е., 2021. Биологическая информация о лошади из могильника Романово – Пугачевский пруд и погребальные традиции самбийско-натангийской культуры // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 193–198.

Громова В. И., 1949. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм. М.–Л.: Издательство АН СССР. 547 с. (Труды палеонтологического института. Т. 17. Вып. 1).

Ковалевская В. Б., 1977. Конь и всадник (пути и судьбы). М.: Наука. 150 с.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., 2021. Воин и боевой конь у эстиев: первые результаты исследования «всаднического» погребения римского времени на могильнике Романово – Пугачевский пруд // Stratum Plus. № 4. С. 61–78.

Корневен Ш., Лесбр Ф. К., 1932. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия лошади, коровы, овцы, свиньи, верблюда, собаки, кошки и домашних птиц. Пер. с франц. Л. А. Третьякова. М.-Л.: Государственное издательство сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы. 254 с.

Levine M. A., 1982. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites / Ed. Bob Wilson, Caroline Grigson and Sebastian Payne. BAR British Series 109. P. 223–250.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

И. А. Сапрыкина

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАОСТРОВЬЕ-2 (РАСКОПКИ 2011 Г.)

Анализ химического состава цветного металла для 89 предметов из раскопок грунтового могильника римского времени Заостровье-2 был выполнен неразрушающим методом безэталонного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Анализ выполнялся с помощью спектрометра M1 Mistral (Bruker, Германия). Метод заключается в получении и обработке спектров выхода флуоресцентного излучения, возбуждаемых рентгеновским излучением. Точность получаемых данных варьируется от 0,001 до 0,01%, при программной обработке спектров процентное содержание элементов приводится к 100%. Анализ выполнялся по трем точкам, далее результаты суммировались для усреднения; полученные данные приведены в таблице 1. Ранжирование результатов, полученных по методу РФА, было выполнено на основе геохимических принципов, где порог легирования определен в 1,0%.

Исследованная выборка состоит из украшений разных типов: орнаментированных браслетов (№ 343, 370[1]), браслетов дротовых кованых (№ 371, 532, 560, 581) и литых (№ 712); привески (№ 261); бусины с двумя кольцами по краям (№ 706), бусины и кольца от ожерелья (№ 719); кольца (№ 208, 545), а также серии фибул (№ 391, 555а, 556а и др.), в том числе глазчатых так называемой прусской серии (№ 264, 293, 386, 394, 400, 555, 556, 583, 584), сильно профилированной (дериват) (№ 292), слабопрофилированной с гребнем у головки (№ 264), ажурной фибулы-броши (№ 686). В целом в выборке хорошо представлены также детали самбийских поясных наборов: большая серия ладьевидных накладок (№ 344, 373, 376, 392, 393, 607, 609, 692, 693, 709, 710, 711, 713, 714, 715, 727); орнаментированных накладок (№ 526, 535, 538, 539, 540, 543, 548, 549, 550) и накладок разных форм (№ 372, 378, 389, 401); поясных наконечников разных типов (№ 261/5–7, 261а, 262/1–4, 266), обоймиц (№ 262) и пряжек (№ 266, 369, 411, 537, 716). Лишь малая доля предметов может быть отнесена к конской упряжи: разделители ремней (№ 255, 261, 267), умбоновидные бляшки типа Цилинг B1 (*Zieling*, 1989) (№ 635, 642, 645, 651). Выборка датируется периодом B2 хронологии варварского Барбарикума (70/80 – 160/170 гг.), и в ряде случаев предметы продолжают бытовать в период B2/C1 (160/180 – 200 гг.).

Результаты исследования по методу РФА

В полученной аналитической выборке из могильника Заостровье-2 доминируют предметы, выполненные из многокомпонентного сплава CuSnZnPb (54 пр.; рис. 1); в англоязычной литературе такой сплав имеет обозначение *gunmetal*, т. е. сплав, многократно переплавленный, в который дополнительно мог быть введен тот или иной легирующий компонент. Для выборки из могильника Заостровье-2 он характеризуется содержанием олова в пределах от 2,083 до 37,363%, высокие процентные значения по содержанию олова (15,136–37,363%) зафиксированы только для 15 предметов из выборки; исключая такие предметы, усредненное содержание этого легирующего компонента составляет 9,8% (рис. 2). Содержание цинка в многокомпонентном сплаве фиксируется в пределах 1,398–15,304%, усредненное значение составляет 4,59%; содержание свинца довольно низко и колеблется в пределах 1,1–5,69%, усредненное значение составляет 2,052%[2]. Следует отметить,

[1] Здесь и далее – номера по полевой описи.

[2] Нельзя исключать того, что такое стабильно низкое содержание свинца в изученной выборке может, по крайней мере для части выборки, диагностировать в том числе использование для составления сплава

что часть предметов из выборки может быть отнесена к категории «многокомпонентный сплав» лишь по формальным признакам, принятым при ранжировании порога легирования: так, сплав накладок ладьевидных орнаментированных (№ 373, 376, 392, 393, 609б), фибулы глазчатой прусской серии (№ 555), кованого браслета (№ 581), поясных наконечников (№ 261/7, 262) и обоймицы (№ 262/21б) характеризуется низким (1,1–1,308%) содержанием свинца, что может указывать в том числе на статистическую погрешность анализа.

Считается, что многокомпонентный сплав с относительно низким содержанием легирующих компонентов использовался при производстве отдельных видов римской военной фурнитуры (*Dungworth,* 1997. P. 903); пониженное по сравнению с оловом содержание цинка в сплаве из выборки могильника Заостровье-2 может указывать на использование в цветной металлообработке мешаного

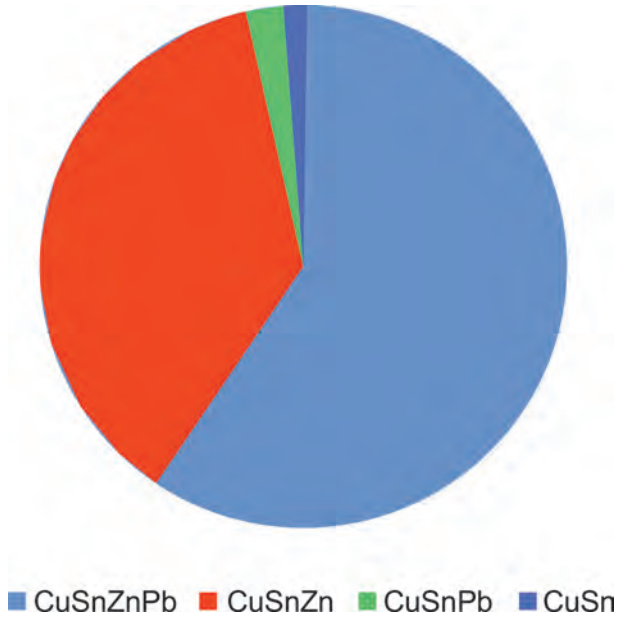

Рис. 1. Номенклатура металлов и сплавов в выборке могильника римского периода Заостровье-2

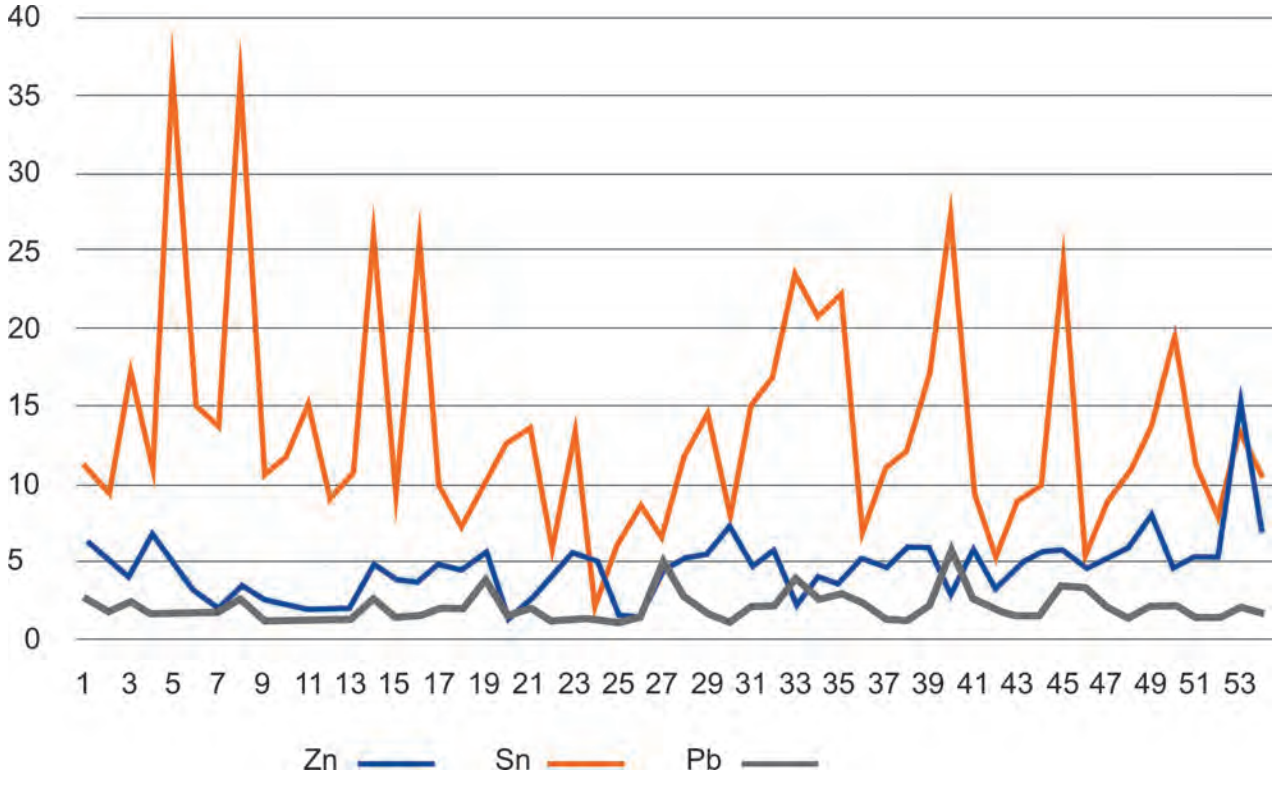

Рис. 2. Гистограмма по содержанию Sn, Zn, Pb для многокомпонентного сплава (*gunmetal*) из выборки могильника римского периода Заостровье-2

«загрязненной» свинцом меди либо быть следствием недостаточной степени очистки поверхности изучаемых изделий перед проведением поверхностного РФА, хотя этот метод позволяет изучать состав бронз на приповерхностном слое до глубины 50 мкн, отсекая тем самым часть загрязнения.

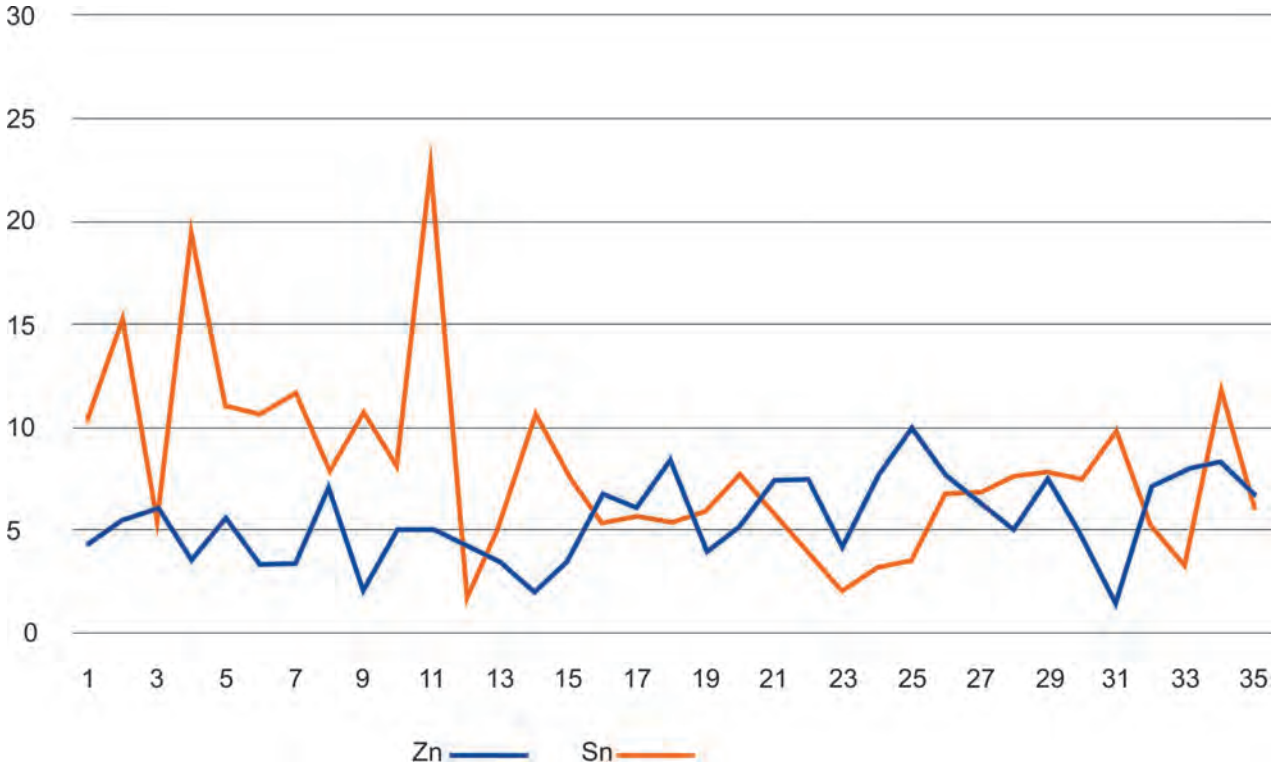

Рис. 2. Гистограмма по содержанию Sn, Zn, Pb для многокомпонентного сплава (*gunmetal*) из выборки могильника римского периода Заостровье-2

(переплавленного)[3] лома цветного металла. Лишь одно изделие – бусина и кольцо от ожерелья (№ 719) – было выполнено из высокоцинкового сплава (Zn-15,304%), что может косвенно указывать, в частности, на минимальную степень переработки латуни до ее смешения с бронзой.

Из многокомпонентного сплава с усредненным содержанием олова 9,8% были изготовлены практически все категории украшений и предметов одежды из анализируемой выборки: накладки ладьевидные орнаментированные (№ 373, 392, 393, 609б-с), накладки ладьевидные без декора (№ 692, 693, 709, 710, 711, 715, 727), накладки орнаментированные (№ 535, 538, 543, 548, 549), пряжки поясные прямоугольные ажурные (№ 369, 411, 716), поясные наконечники (№ 261а, 261/5, 7; 262, 266б), обоймицы (№ 262а, 262/21а-б), фибула глазчатая прусской серии (№ 555), бусина и кольцо от ожерелья (№ 719), кованые (№ 560, 581) и литые (№ 712/погр. 60, 85) браслеты.

Из многокомпонентного сплава с содержанием олова в пределах от 15,136 до 37,363% в приповерхностном слое оказались выполнены также накладки ладьевидные орнаментированные (№ 344, 376), накладка ладьевидная без декора (№ 713), браслеты орнаментированные (№ 343, 370) и кованый (№ 532), поясные наконечники (№ 262/2–4), привеска (№ 261б), фибула слабопрофилированная с гребнем у головки (№ 264), бусина с двумя кольцами по краям (№ 706), игла (№ 536). По крайней мере, в некоторых случаях (браслеты с содержанием Sn-27–37%; игла – Sn-25%; поясные наконечники – Sn-20–23%; бусина – Sn-24%) такое высокое содержание олова, зафиксированное в ходе анализа, может косвенно указывать на присутствие остатков оловянного лужения[4] на поверхности указанных предметов.

[3] Цинк относится к «летучим» элементам, и при переплавке сплава его содержание меняется в сторону понижения.

[4] Повышенное содержание олова в приповерхностном слое также может быть результатом коррозионных процессов. Для выборок фибул из Латвии и Эстонии, где также присутствуют изделия с высоким процентом

Нанесение олова на поверхность – самый простой и недорогой способ повысить статус изделий, придав ему серебристый цвет, и в римский период этот прием получил максимально широкое применение, в том числе для декорирования мелких бронзовых деталей или предметов (*Giumlia-Mair*, 2020). Открытым остается вопрос о методе лужения, т. к. в римское время использовалось несколько методов лужения – методом амальгамирования или методом нагрева самого бронзового изделия с оловянным порошком на поверхности (температура плавления олова составляет 232 °C, при температуре выше запускается процесс диффузии олова в поверхностный слой, происходит механическое сцепление покрытия с поверхностью). Использование лужения характерно и для металлообработки германских племен (*Anheuser, Northover*, 1995) при том, что основной схемой является ковка литой заготовки и литье в составные литейные формы – два наиболее ходовых технологических приема, принятых в римской цветной металлообработке.

Второй по объему сплав в анализируемой выборке – оловянная латунь (CuSnZn) (34 пр.; рис. 3), в этой группе также выделяются несколько предметов с высоким процентным содержанием олова (разделители № 261, 267; фрагмент фибулы № 391) в пределах 15,42–24,11%. Во всех других случаях содержание олова в сплаве варьируется в пределах 1,684–12,132%, усредненное содержание этого легирующего компонента составляет 7,2%. Содержание цинка колеблется от 1,319 до 10% при среднем содержании 5,7%. Из этого слава выполнены следующие категории предметов: пряжка-«омега» (№ 266), пряжка прямоугольная ажурная (№ 537), наконечники поясные (№ 261/6, 262/1), накладки орнаментированные (№ 526, 539, 540, 550), накладка ладьевидная без декора (№ 714), браслеты кованые (№ 371, 581а) и серия умбоновидных бляшек (№ 635, 642, 645, 651).

Из оловянной латуни оказались выполнены практически все фибулы, имеющиеся в выборке: фибулы глазчатые прусской серии (№ 264а, 293, 386, 394, 400, 556, 583, 584), фибула-брошь ажурная (№ 686), сильно профилированная фибула-дериват (№ 292) и фибулы (№ 555а, 556а). Лишь две фибулы глазчатые прусской серии оказались выполненными из латуни с относительно высоким (на общем фоне)[5] содержанием цинка в пределах 8–10% (№ 264а, 584); в основном фибулы как этой серии, так и других типов были выполнены из сплава, содержание цинка в котором сигнализирует прежде всего об использовании мешаных (переплавленных) сплавов. Использование оловянных латуней для изготовления фибул прусского типа было зафиксировано при анализе большой их серии, происходящей из могильников вельбаркской и пшеворской культур *(Łuczkiewicz et al.,* 2022. P. 263–268), но их характеризует в основном высокое содержание цинка; сплав, использованный при изготовлении фибул из могильника Заостровье-2, по своим характеристикам более близок оловянной латуни, использованной для изготовления фибул, найденных на памятниках Латвии и Эстонии (*Roxburgh, Olli*, 2018), близок он также металлу фибул из погребальных памятников Мазовии (*Łuczkiewicz et al.*, 2022. P. 273), а также из памятников римского периода, расположенных на территории римской провинции Нижняя Германия (*Roxburgh et al.*, 2019). Использование таких латуней (с доминированием олова над цинком, содержание которого относительно низко) некоторыми исследователями связываются с работой мастерских, расположенных в Барбарикуме; также высказывается мнение о более поздней общей датировке таких фибул (*Łuczkiewicz et al.*, 2022. P. 273–275). В этом случае лишь пара фибул № 264а, 584 может быть (по повышенному содержанию цинка) косвенно отнесена к работе мастерских, расположенных в границах империи (к одному из таких центров производства, работавшего, как считается, для распространения продукции в Барбарикуме, исследователи относят Аугсбург; *Riederer*, 2001. P. 233–235; *Łuczkiewicz et al.*, 2022. P. 279).

содержания олова, исследователи дают именно такое объяснение.

[5] При анализе методом РФА цинкосодержащих предметов необходимо иметь в виду, что такие предметы могут быть подвержены особому виду коррозии (обесцинкованию), в результате которого содержание цинка из сплава может быть искажено (*Roxburg et al.*, 2019. P. 66–67).

В выборке присутствует также два предмета, выполненные из оловянно-свинцовой бронзы (накладка круглая с отверстием, № 389; накладка ладьевидная орнаментированная, № 607) и из оловянной бронзы (накладка ладьевидная орнаментированная, № 609а). Содержание олова, как легирующего компонента тройной (оловянно-свинцовой) бронзы, составляет 10,28 и 15,469%; содержание свинца, как и в многокомпонентном сплаве, низко и составляет 1,574 и 3,363%. Оловянная бронза характеризуется довольно схожим с другими типами сплавов содержанием олова на уровне 9,219%.

Заключение

Здесь можно отметить довольно интересную корреляцию по номенклатуре металлов и сплавов с данными, полученными при анализе химсостава цветного металла предметов I–II вв. из памятников, расположенных на территории Литвы (*Bliujiené et al*., 2021), Латвии и Эстонии (*Roxburg*, 2023a. P. 16. Fig. 5), особенно обращает на себя близость выборки из могильника Заостровье-2 по номенклатуре сплавов и их доле к выборкам из памятников Центральной Эстонии и Северной Латвии. Некоторой особенностью выборки из могильника Заостровье-2 остается единичное присутствие бронз и крайне низкое содержание свинца во всех сплавах по сравнению, к примеру, с выборками из литовских памятников этого периода (*Bliujiené et al*., 2021. P. 52); в то же время каких-то кардинальных отличий не наблюдается.

Исследователи отмечают, что большие серии личных украшений II в. н. э. (фибул, в т. ч. глазчатых прусской серии, брошей), найденные на территории Северо-Восточной Эстонии, также изготавливались не из бронз, а из латуней с повышенным содержанием олова (*Roxburg*, 2023a. P. 22); в этом регионе (или на территории современной Литвы: *Bliujiené et al*., 2020. P. 197) предполагается «точка входа» для импорта в том числе металлического сырья, которое затем могло быть использовано для производства местных копий импортных фибул и других категорий предметов. Отмечается исследователями и присутствие следов использования такой техники, как оловянное лужение. По соотношению латуни и многокомпонентного сплава выборка могильника Заостровье-2 близка группе 1 эстонской серии фибул (*Roxburgh, Olli*, 2018. P. 225), что позволяет предварительно отнести исследованную выборку к римским провинциальным центрам изготовления и импорта подобной продукции (*Roxburgh*, 2023b).

Отметим, что изделия и из многокомпонентного сплава (CuSnZnPb), и из оловянной латуни (CuSnZn) в основном встречаются в одних и тех же комплексах могильника Заостровье-2, поэтому говорить о какой-то этапности в использовании разных типов цинкосодержащих сплавов не представляется возможным. Так, в погребении 44 основная часть вещей выполнена из многокомпонентного сплава (72%), часть (28%) – из оловянной латуни; в погребении 68 находки из многокомпонентного сплава составляют 53%, находки из оловянной латуни занимают 41%, и единична находка из тройной бронзы (условно, 6%). Лишь в трех комплексах ситуация по присутствию предметов из разных типов сплавов несколько иная: в погребении 118 присутствуют предметы из многокомпонентного сплава (50%), тройной бронзы (25%) и оловянной бронзы (25%); в погребении 135 все находки относятся по номенклатуре сплавов к оловянной латуни, а практически все изделия из погребения 137 выполнены из многокомпонентного сплава (93%), и лишь одно изделие было из оловянной латуни. Массовое использование именно цинкосодержащих сплавов (латуни и многокомпонентного сплава) для изготовления фибул, предметов поясного набора может косвенно указывать как на специфику самого могильника Заостровье-2 (считается, что такая номенклатура сплавов использовалась в военных мастерских, обслуживавших военнослужащих в лагерях: *Roxburgh et al*., 2016; *Roxburgh, Olli*, 2018. P. 226–227), так и на работу местных мастерских, переплавлявших римскую латунь и оловянные бронзы, циркулировавшие на данной территории еще с эпохи бронзы (*Roxburgh*, 2023b).

Таблица 1. Результаты анализа химического состава предметов из цветного металла из выборки могильника римского периода Заостровье-2 (метод анализа – РФА; аналитик – И. А. Сапрыкина)

№	№ п/о	Памятник	Наименование предмета	Паспорт	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
					с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
1	555	Заостровье-2	фибула глазчатая прусской серии	Р-1, объект 1	86,523	2,034	0,000	0,000	3,936	0,222	0,089	5,723	0,235	1,238	0,000	0,000
2	556	Заостровье-2	фибула глазчатая прусской серии	Р-1, объект 2	85,002	0,994	0,000	0,000	7,395	0,223	0,084	5,771	0,185	0,346	0,000	0,000
3	208	Заостровье-2	кольцо	Р-3, объект 36	75,803	2,956	0,000	0,000	6,341	0,318	0,364	11,167	0,425	2,627	0,000	0,000
4	255	Заостровье-2	разделитель ремней	Р-4, объект 44	80,801	1,966	0,000	0,000	5,041	0,455	0,200	9,455	0,250	1,831	0,000	0,000
5	261	Заостровье-2	разделитель для удил	Р-4, объект 44	72,363	4,930	0,000	0,000	5,425	0,235	0,260	15,420	0,388	0,979	0,000	0,000
6	262	Заостровье-2	обоймица	Р-4, объект 44	70,456	4,537	0,000	0,000	3,951	0,519	0,305	17,456	0,495	2,281	0,000	0,000
7	262а	Заостровье-2	обоймица	Р-4, объект 44	77,552	2,877	0,000	0,000	6,702	0,087	0,146	10,545	0,346	1,745	0,000	0,000
8	267	Заостровье-2	разделитель (накладка?)	Р-4, объект 44	72,175	2,538	0,000	0,000	3,553	0,328	0,295	19,697	0,421	0,991	0,000	0,000
9	261/5	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	75,334	2,533	0,000	0,000	5,553	0,000	0,145	14,466	0,349	1,620	0,000	0,000
10	261/6	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	85,898	0,941	0,000	0,000	7,070	0,000	0,091	5,077	0,197	0,726	0,000	0,000
11	261/7	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	81,221	2,260	0,000	0,000	7,157	0,000	0,110	7,826	0,225	1,201	0,000	0,000
12	261а	Заостровье-2	наконечник с кольцом	объект 44	73,410	4,280	0,000	0,000	4,641	0,000	0,236	14,993	0,338	2,102	0,000	0,000
13	261б	Заостровье-2	привеска	объект 44	72,707	2,043	0,000	0,000	5,663	0,000	0,243	16,832	0,355	2,155	0,000	0,000
14	262/1	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	87,416	0,73	0,000	0,000	7,888	0	0,099	3,191	0,167	0,509	0,000	0,000
15	262/2	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	58,255	11,742	0,000	0,000	2,067	0,117	0,303	23,332	0,445	3,738	0,000	0,000
16	262/3	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	66,756	5,218	0,000	0,000	4,019	0,070	0,247	20,630	0,473	2,587	0,000	0,000
17	262/4	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	66,765	3,662	0,000	0,000	3,560	0,000	0,298	22,214	0,557	2,945	0,000	0,000
18	262/21а	Заостровье-2	обоймица	объект 44	82,300	2,801	0,000	0,000	5,207	0,087	0,126	6,712	0,293	2,474	0,000	0,000
19	262/21б	Заостровье-2	обоймица	объект 44	78,826	3,474	0,000	0,000	4,747	0,043	0,186	11,064	0,353	1,308	0,000	0,000
20	262	Заостровье-2	наконечник поясной	объект 44	77,996	2,275	0,000	0,000	5,901	0,034	0,236	12,080	0,261	1,217	0,000	0,000
21	264	Заостровье-2	фибула слабопроф., с гребнем у головки	объект 44, Р-4, гл.-142 см	69,540	4,460	0,000	0,000	5,931	0,000	0,262	17,092	0,446	2,269	0,000	0,000
22	264а	Заостровье-2	фибула глазчатая прусской серии	объект 44, Р-4, гл.-142 см	77,660	0,503	0,000	0,000	8,297	0,000	0,154	12,132	0,286	0,970	0,000	0,000
23	266а	Заостровье-2	пластина	объект 44	56,26	5,03	0,000	0,000	2,97	0,00	0,75	28,29	1,02	5,69	0,00	0,00
24	266б	Заостровье-2	наконечника фр-т	объект 44	78,568	2,937	0,000	0,000	5,772	0,258	0,261	9,172	0,406	2,626	0,000	0,000
25	292	Заостровье-2	фибула дериват сильно профилированный	Р-2, объект 51	79,212	2,426	0,000	0,000	5,640	0,190	0,128	11,066	0,243	1,095	0,000	0,000
26	293	Заостровье-2	фибула глазчатая прусской серии	Р-2, кв.О-51	84,939	0,480	0,000	0,000	3,336	0,000	0,120	10,653	0,183	0,289	0,000	0,000

№	№ п/о	Памятник	Наименование предмета	Паспорт	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
					с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
27	343	Заостровье-2	браслет орнаментированный	Р-14, объект 68	49,158	5,774	0,000	0,000	4,821	0,283	0,244	37,363	0,484	1,873	0,000	0,000
28	344	Заостровье-2	накладка ладьевидная орнаментированная	Р-14, объект 68	75,004	4,187	0,000	0,000	3,071	0,183	0,333	15,136	0,345	1,742	0,000	0,000
29	369	Заостровье-2	щиток пряжки прямоугольный ажурная	Р-14, объект 68	77,937	3,78	0,000	0,000	2,053	0,201	0,284	13,66	0,373	1,712	0,000	0,000
30	370	Заостровье-2	браслет орнаментированный	Р-14, объект 68	51,559	4,254	0,000	0,000	3,423	0,304	0,268	37,147	0,465	2,58	0,000	0,000
31	371	Заостровье-2	браслет кованый	Р-14, объект 68	82,351	1,246	0,000	0,000	7,186	0,169	0,117	7,864	0,254	0,812	0,000	0,000
32	372	Заостровье-2	накладка, фр-т	Р-14, объект 68	80,795	3,903	0,000	0,000	2,571	0,184	0,284	10,646	0,296	1,321	0,000	0,000
33	373	Заостровье-2	накладка ладьевид. орнаментированная	Р-14, объект 68	81,605	2,381	0,000	0,000	2,379	0,120	0,291	11,783	0,313	1,127	0,000	0,000
34	376	Заостровье-2	накладка ладьевид. орнаментированная	Р-14, объект 68	77,577	3,058	0,000	0,000	1,958	0,064	0,366	15,359	0,332	1,285	0,000	0,000
35	378	Заостровье-2	накладка, фр-т	Р-14, объект 68	83,054	2,264	0,000	0,000	1,952	0,205	0,265	10,832	0,345	1,085	0,000	0,000
36	386	Заостровье-2	фибула глазчатая, прусской серии	Р-14, объект 68	82,633	2,478	0,000	0,000	5,103	0,322	0,135	8,053	0,257	1,02	0,000	0,000
37	389	Заостровье-2	накладка круглая с отверстием	Р-14, объект 68	71,417	6,893	0,000	0,000	0,754	0,902	0,562	15,469	0,641	3,363	0,000	0,000
38	391	Заостровье-2	фибулы фр-та	Р-14, объект 68	65,752	3,184	0,000	0,000	5,052	0,068	0,302	24,110	0,440	1,092	0,000	0,000
39	392	Заостровье-2	накладка ладьевид. орнаментированная	Р-14, объект 68	84,493	2,637	0,000	0,000	2,002	0,169	0,218	8,919	0,316	1,247	0,000	0,000
40	393	Заостровье-2	накладка ладьевид. орнаментированная	Р-14, объект 68	82,409	2,957	0,000	0,000	2,026	0,000	0,273	10,765	0,279	1,290	0,000	0,000
41	394	Заостровье-2	фибула глазчатая прусской серии	Р-14, объект 68	92,321	1,202	0,000	0,000	4,143	0,170	0,090	1,684	0,177	0,213	0,000	0,000
42	400	Заостровье-2	фибула глазчатая прусской серии	Р-14, объект 68	86,967	2,273	0,000	0,000	3,437	0,311	0,171	5,632	0,208	1,001	0,000	0,000
43	401	Заостровье-2	накладка, фр-ты	Р-14, объект 68	82,395	2,828	0,000	0,000	1,962	0,076	0,318	10,962	0,388	1,071	0,000	0,000
44	526	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15/15а, объект 86	84,903	2,614	0,000	0,000	3,597	0,112	0,122	7,611	0,228	0,814	0,000	0,000
45	532	Заостровье-2	браслет кованый	Р-15/15а, объект 88	62,218	2,345	0,000	0,000	4,799	0,124	0,351	27,036	0,534	2,594	0,000	0,000
46	535	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	83,062	2,48	0,000	0,000	3,816	0,2	0,218	8,488	0,292	1,445	0,000	0,000
47	536	Заостровье-2	игла	Р-15а, объект 86	58,647	9,452	0,000	0,000	3,604	0,286	0,333	25,669	0,488	1,521	0,000	0,000

№	№ п/о	Памятник	Наименование предмета	Паспорт	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
					с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
48	537	Заостровье-2	щиток пряжки прямоуг., ажурный	Р-15а, объект 86	83,636	3,184	0,000	0,000	6,816	0,129	0,073	5,407	0,159	0,595	0,000	0,000
49	538	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	81,216	0,984	0,000	0,000	4,797	0,231	0,324	10,121	0,489	1,837	0,000	0,000
50	539	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	85,631	1,796	0,000	0,000	6,045	0,127	0,097	5,668	0,164	0,472	0,000	0,000
51	540	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	84,257	1,083	0,000	0,000	8,495	0,129	0,076	5,416	0,129	0,415	0,000	0,000
52	543	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	79,064	6,907	0,000	0,000	4,417	0,247	0,119	7,132	0,221	1,894	0,000	0,000
53	545	Заостровье-2	колечко	Р-15а, объект 86	76,246	3,491	0,000	0,000	5,481	0,176	0,375	9,875	0,616	3,742	0,000	0,000
54	548	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	78,673	4,456	0,000	0,000	1,446	0,290	0,314	12,632	0,509	1,680	0,000	0,000
55	549	Заостровье-2	накладка орнаментированная	Р-15а, объект 86	77,866	3,337	0,000	0,000	2,489	0,066	0,342	13,432	0,496	1,973	0,000	0,000
56	581	Заостровье-2	браслет кованый	Р-16/16а, объект 88	87,947	2,850	0,000	0,000	5,045	0,104	0,377	2,083	0,414	1,179	0,000	0,000
57	581а	Заостровье-2	браслет кованый	Р-16/16а, объект 88	90,635	1,519	0,000	0,000	4,038	0,191	0,288	2,060	0,246	1,022	0,000	0,000
58	583	Заостровье-2	фибула глазчатая, прусской серии	Р-16/16а, объект 88	88,042	0,560	0,000	0,000	7,482	0,000	0,083	3,143	0,158	0,533	0,000	0,000
59	584	Заостровье-2	фибула глазчатая, прусской серии	Р-16/16а, объект 88	85,39	0,372	0,000	0,000	10,053	0,091	0,08	3,533	0,176	0,305	0,000	0,000
60	555а	Заостровье-2	фибула	уч. 3, объект 103, гл.-144 см	84,295	1,038	0,000	0,000	5,288	0,228	0,234	7,838	0,196	0,884	0,000	0,000
61	556а	Заостровье-2	фибула	уч. 3, объект 103, гл.-146 см	87,006	0,831	0,000	0,000	7,464	0,200	0,117	3,778	0,125	0,478	0,000	0,000
62	560	Заостровье-2	браслет кованый	уч. 3, объект 103, гл.-148 см	76,398	2,170	0,000	0,000	5,517	0,062	0,283	13,858	0,333	1,380	0,000	0,000
63	607	Заостровье-2	накладка ладьевидная орнаментиров.	Р-17, объект 118	82,563	3,383	0,000	0,000	1,008	0,512	0,253	10,280	0,427	1,574	0,000	0,000
64	609а	Заостровье-2	накладка ладьевидная орнаментиров.	Р-17, объект 118	86,827	1,575	0,000	0,000	0,596	0,368	0,313	9,219	0,508	0,594	0,000	0,000
65	609б	Заостровье-2	накладка ладьевидная орнаментиров.	Р-17, объект 118	87,146	2,936	0,000	0,000	1,683	0,410	0,151	6,283	0,290	1,100	0,000	0,000
66	609с	Заостровье-2	накладка ладьевидная орнаментиров.	Р-17, объект 118	82,752	4,401	0,000	0,000	1,398	0,543	0,213	8,607	0,371	1,715	0,000	0,000
67	635	Заостровье-2	бляшка умбоновидная	Р-19, объект 135	82,714	1,344	0,000	0,000	7,619	0,187	0,166	6,849	0,274	0,847	0,000	0,000

№	№ п/о	Памятник	Наименование предмета	Паспорт	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
					с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
68	642	Заостровье-2	бляшка умбоновидная	Р-19, объект 135	83,365	2,351	0,000	0,000	6,335	0,266	0,149	6,838	0,257	0,440	0,000	0,000
69	645	Заостровье-2	бляшка умбоновидная	Р-19, объект 135	84,087	1,518	0,000	0,000	5,084	0,170	0,182	7,681	0,443	0,835	0,000	0,000
70	651	Заостровье-2	бляшка умбоновидная	Р-19, объект 135	81,523	1,452	0,000	0,000	7,608	0,000	0,312	7,880	0,543	0,682	0,000	0,000
71	411	Заостровье-2	щиток пряжки, прям., ажурный	объект 137, Р-20, кв.О-137	64,828	24,014	0,000	0,000	3,322	0,059	0,242	5,293	0,330	1,912	0,000	0,000
72	692	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	81,582	2,738	0,000	0,000	4,746	0,053	0,233	8,860	0,288	1,500	0,000	0,000
73	693	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	79,369	3,152	0,000	0,000	5,560	0,123	0,245	9,730	0,362	1,459	0,000	0,000
74	706	Заостровье-2	бусина с 2 кольцами по краям	объект 137, Р-20, кв.О-137	61,406	3,926	0,000	0,000	5,773	0,000	0,404	24,656	0,488	3,346	0,000	0,000
75	709	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	84,733	1,624	0,000	0,000	4,553	0,053	0,189	5,396	0,294	3,159	0,000	0,000
76	710	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	79,524	3,731	0,000	0,000	5,167	0,108	0,240	8,833	0,356	2,040	0,000	0,000
77	711	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	77,779	3,418	0,000	0,000	5,826	0,117	0,268	10,775	0,374	1,441	0,000	0,000
78	712	Заостровье-2	браслет литой массивный	объект 137, Р-20, кв.О-137	73,702	2,088	0,000	0,000	7,861	0,000	0,218	13,649	0,398	2,084	0,000	0,000
79	713	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	67,235	5,368	0,000	0,000	4,717	0,051	0,449	19,629	0,545	2,005	0,000	0,000
80	714	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	83,921	1,998	0,000	0,000	6,728	0,062	0,158	6,055	0,234	0,844	0,000	0,000
81	715	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	77,770	3,297	0,000	0,000	5,320	0,060	0,273	11,470	0,362	1,447	0,000	0,000
82	716	Заостровье-2	щиток пряжки, прям., ажурный	объект 137, Р-20, кв.О-137	81,553	3,167	0,000	0,000	5,330	0,120	0,197	7,940	0,298	1,395	0,000	0,000
83	719	Заостровье-2	бусина и кольцо от ожерелья	объект 137, Р-20, кв.О-137	64,680	3,752	0,000	0,000	15,304	0,111	0,173	13,570	0,473	1,937	0,000	0,000
84	727	Заостровье-2	накладка ладьевидная, б/з декора	объект 137, Р-20, кв.О-137	76,700	3,472	0,000	0,000	6,998	0,021	0,279	10,517	0,385	1,628	0,000	0,000
85	712	Заостровье-2	браслет литой	Р-20, объект 137	76,834	2,976	0,000	0,000	5,136	0,000	0,167	11,860	0,327	2,700	0,000	0,000
86	677	Заостровье-2	изделия фр-т	Р-20, объект 145	80,717	2,358	0,000	0,000	4,318	0,636	0,154	6,540	0,387	4,891	0,000	0,000
87	686	Заостровье-2	фибула-брошь ажурная	Р-20, объект 145	85,760	1,257	0,000	0,000	4,620	0,086	0,101	7,484	0,308	0,384	0,000	0,000
88	266	Заостровье-2	пряжка-омега	Р-4, объект 44	84,658	3,296	0,000	0,000	6,030	0,137	0,114	5,077	0,217	0,470	0,000	0,000
89	550	Заостровье-2	накладка ладьевидная орнаментиров.	р-15а, объект 86	87,670	1,127	0,000	0,000	3,972	0,000	0,172	6,033	0,302	0,725	0,000	0,000

ЛИТЕРАТУРА

Anheuser K., Northover P., 1995. Gilded archaeological metals: Celtic, Romano-British and Saxon // Proceedings of the Objects Specialty Group Session. Vol. 3. 23rd Annual Meeting in St. Paul, Minnesota.

Bliujiené A., Petrauskas G., Bagdzevičienė J., Suzdalev S., Babenskas E., 2020. Early Roman Iron Age jewellery in the Northern Barbaricum: between stylistic and technological simplicity and luxury // Studies in archaeometry. Archaeopress Publishing Ltd. P. 175–217.

Bliujiené A., Petrauskas G., Bagdzevičienė J., Babenskas E., Rimkus T., 2021. Essential Changes in the Composition of Copper Alloys Reveal Technological Diversities in the Transition from the Earliest Iron Age to the Early Roman Period in Lithuania // Archaeologia Baltica. 28. P. 39–62.

Dungworth D. 1997. Roman Copper Alloys: Analysis of Artefacts from Northern Britain. Journal of Archaeological Science. 24. P. 901–910.

Giumlia-Mair A., 2020. Plating and Surface Treatments on Ancient Metalwork // Advances in Archeomaterials. 1. P. 1–26.

Łuczkiewicz P., Gan P., Kleemann J., Kuzioła A., 2022. Research of Roman-period Metallurgy on the Chemical Composition Analyses of the Eye Brooches of the Prussian Series from the Burial Ground in Malbork-Wielbark // Sprawozdania Archeologiczne. 74/2. P. 249–288.

Riederer J., 2001. Die Berliner Datenbank von Metallanalysen kulturgeschichtlicher Objekte III. Römische Objekte. Berliner Beiträge zur Archäometrie. 18. P. 139–259.

Roxburgh M. A., Heeren S., Huisman H., Van Os B., 2016. Early Roman copper-alloy brooch production: a compositional analysis of 400 brooches from *Germaina Inferior* // Journal of Roman Archaeology. Vol. 29. P. 411–421.

Roxburgh M. A., Olli M., 2018. Eyes to the North: a multi-element analysis of copper-alloy eye brooches in the eastern Baltic, produced during the Roman Iron Age. Germania. 96. P. 209–233.

Roxburgh M. A., Heeren S., Huisman D. J., Van Os B. J. H., 2019. Non-destructive Survey of Early Roman Copper-alloy Brooches using Portable X-Ray Fluorescence Spectrometry // Archaeometry. 61 (1). P. 55–69.

Roxburgh M. A., 2023a. A «Roman Brass» Age: a transformation in copper-alloy composition in Estonia and northern Latvia during the Roman Iron Age, identified by pXRF // Estonian Journal of Archaeology. Vol. 27 (1). P. 3–29.

Roxburgh M. A., 2023b. A long-distance copper alloy trade to the North Eastern Baltic during the late pre-Roman and Roman Iron Age (250 BCE – 450 CE) explored with lead isotope MC-ICP-MS // Archaeometry. Vol. 65 (4). P. 798–815.

Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. BAR IS 505. V. 3. Oxford: B.A.R. 1065 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

К. Н. Скворцов

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О МЕСТНОСТИ ХУТОРА ШЛАКАЛЬКЕН

Название *Slakelauks (Slakalauks)* состоит из двух компонентов: **slak-* и *lauks*. Второй компонент – прусс. *lauks* – известен во всех балтийских языках и означает «поле». Первый компонент **slak-* неясен. Гр. Блажене и В. Петерайтис сравнивают его с литовскими именами собственными *Šlakaitis, Šlakys*, которые, как они предполагают, могут быть связаны с лит. *šlakas* – «капля» (*Blažienė*, 2000. S. 144; *Pėteraitis*, 1997. P. 391), т. е. связано с «брызгать», «капать». Таким образом, имя *Šlakys* можно понять как «тот, кто брызгает, капает». Интересный факт приводит К. Буга, сопоставляя самбийское *Slaka-lauks* с куршским названием *Slacken-kappen* и земгальским *Slaka kapai*. Второй компонент *kapai* в обоих названиях означает «могилы», «курганы». В окрестностях куршской местности *Slacken-kappen* также есть название *Schlagunen* (ныне *Slagūne*) (*Būga*, 1961. P. 261). Учитывая ареальную связь *Slacken-kappen* и *Schlagunen* (возможное семантическое наслоение **slak-* и **slag-* как результат народной этимологии), а также то, что компонент **slak-* семантически может быть связан с контекстом могил, можно предположить, что **slak-* связан с мифологическими представлениями.

Проследим, как семантика «капания» связана в мифологии и фольклоре балтов с душами мертвых. В позднем фольклоре литовцев и латышей есть схожий по функциям мифологический персонаж, персонификация ночных кошмаров, литовский *Slogutis*, латышский *Lietuvēns*. *Slogutis* – существо, приходящее первый раз во сне, потом посещает человека и наяву. Кроме того, *Slogutis* в фольклоре также представляется душой умершего, чаще всего ребенка (*Beresnevičius*, 2001. P. 174). Этимологически *slogutis* – «тот, кто давит, тяготит». Ту же семантику несет в себе литовское слово *sloga* «насморк» (*Fraenkel*, 1965. II. S. 834). И данная «тягость» (насморк), как известно, сопровождается «капанием» из носа. Латышский ночной кошмар *Lietuvēns* в фольклоре больше связан с представлениями о душах убитых детей (*Šmits*, 1940. L. 96). Этимологически латышский lietuvēns означает «тот, кто льет» (*Būga*, 1961. P. 369). У литовцев это существо (Lietuvonis) сформировалось как бог дождя. Бересневичюс предполагает, что Lietuvonis является одним из аспектов («льющим») Перкунаса (*Beresnevičius*, 2001. P. 107).

Не совсем ясно, как мифологическое существо с именем «тот, кто льет» в народных представлениях стало «душой умершего». По всей видимости, «тот, кто льет» мог быть «дождевым» эпитетом Громовика-Перкунаса, со временем смешанным с представлениями о черте (поскольку гремящий Перкунас преследует черта), а впоследствии и с представлениями о других представителях хтонического мира. Схожая модель видна и из местного фольклора (см. ниже): камни, находящиеся в окрестностях Шлакалькена, «отмечены» как Перкунасом (здесь он имеет эпитет «тот, с синим кнутом»), так и чертом (*Reusch*, 1838. S. 32–33). Если допустить семантический переход **slak-* (?) «льющий, капающий»/«душа мертвого», тогда можно трактовать *Slaka-lauks* как «поле мертвых душ».

Оба компонента названия сохранялись до середины XIX в. Неизвестно, как понималось населением видоизмененное название *Schlakalken*. В словаре Фришбира (прусского диалекта немецкого языка) первое значение слова *Schlack* – «гром», «удар грома» (*Frischbier*, 1883. II. S. 278). Если со второй половины XIX в. *Schlak-* в видоизмененном названии *Schlakalken* стало пониматься населением как «удар грома», то в целом это бы соответствовало фольклорным представлениям об этой местности.

Ранние упоминания Шлакалькена относятся к 1315 (*Slakalauken*), 1333 (*Slakelauks, Slakelauch*s), 1405 (*Slakalaux*), 1435 (*Slawkelawken*), 1439 (*Slakaylawken*), 1562 (*Schlackaylauwcken*), 1670 (*Schlaylaucken, Schlaglaucken*) гг. В XIX в. поселение известно как *Schlakalicken* (1803 г.) и *Schlakalken* (1844 г.) (*Blažienė*, 2000. S. 144).

Шлакалькен довольно часто упоминается в орденских документах. Так, 7 сентября 1333 г. в Побетене хохмайстер Лютер фон Брауншвейг передал братьям Нассандиру (Nassandir), Ханнусу (Hannus), Ейканту (Eykant) и Вольдемеру (Woldemer) восемь хаков (участков) в Слакелауке (Slakelauks) (Preußisches Urkundenbuch, 1962. II. 1. 94). 11 марта 1435 г. в Побетене обер-маршал Конрад фон Эрлихсхаузен передает Вильгельму Грису (Wilhelm Grysz) два хуфа (участка) в Слакелаукене (Slawkelawken) (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 269). 24 июня 1439 г. в Вальдау обер-маршал Хайнрих фон Рабенштайн выделил Хансу Толнеге (Hans Tolnege) и его братьям Петеру, Альбрехту, Никелю и Амброзиусу 13 хаков в Слакалаукене (Slakaylawken) (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 281). Наконец, 20 октября 1458 г. в Шаакене комтур Мемеля Ханц Хецель фон Жешинген (Hans Hetzel v. Zscheschingen) продал в Шлакалькене два с половиной хуфа Ханцу и Никлусу, братьям Петера фон Шлакалькен (Peter von Schlakalken), по поручению великого магистра Людвига фон Эрлихсхаузена, (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 341).

Судя по именам, упоминаемым в документах, первые владельцы Шлакалькена были пруссы: *Nassandir* (*Trautmann*, 1974. S. 67), *Eykant* (*Trautmann*, 1974. S. 27), *Woldemer* (*Trautmann*, 1974. S. 121), *Hannus* (Р. Траутманн дает варианты этого имени: *Trautmann*, 1974, S. 37). *Wilhelm Grysz*, скорее всего, тоже был прусского происхождения. В списке прусских имен Р. Траутманна есть пруссы *Petir Grise, Grezym* (*Trautmann*, 1974. S. 36). *Tolnege* – широко распространенное прусское имя, зафиксированное во многих ареалах Пруссии (*Trautmann*, 1974. S. 109).

С 1576 года *Schlakalken* (вместе с соседними деревнями *Lixeiden* и *Tenkieten*) стал относиться к церковному округу *Sankt Lorenz*. До этого они относились к церковному округу *Pobethen* (*Schlicht*, 1922. S. 221).

В доорденский период Пруссии окрестности Шлакалькена, скорее всего, находились на пограничной территории (пустоши) между двумя волостями: между волостью Баттау и волостью Побетен. По мнению Р. Венскуса, пограничное пространство между двумя землями на Самбии чаще всего имело сакральный статус (*Wenskus*, 1986. S. 310). В межплеменных пустошах часто локализируется мир мертвых (*Žulkus*, 2004. P. 179).

Что касается фольклора об окрестностях Шлакалькена, то здесь упоминается множество чертовых камней. На пальве (мшистая пустошь, часто поросшая можжевельником) у Шлакалькена можно найти много таких камней, на которых черт то сидел, то стоял (т. е. углубления на этих камнях трактуются людьми как отпечатки копыт черта или его зада) (*Reusch*, 1838. S. 32). Про один из таких чертовых камней записана история, которая, возможно, произошла в поле между Шлакалькеном и Тенкитеном:

«У Тенкитена отец овдовевшей Л. Шульц из Раушен имел пастбище. На нем лежал камень, на котором черт играл в карты. На нем еще по-прежнему отчетливо видны отпечатки подошвы сапога и бычьего копыта. В то время как черт играл в карты, стоя на камне, приближалась небольшая гроза. «Ого! – воскликнул он. – Теперь мне пора убираться отсюда, потому что сюда едет тот с синим кнутом!» Камень был очень высок, и черт опустился, чтобы сесть, причем своим задом он сделал отпечаток в камне. Тогда страшный удар молнии попал в камень. Мальчики-пастухи рассказывали, что это было так, словно что-то разорвалось на куски. На другой день они обнаружили в указанном месте черные пятна, как будто была разлита бочка смолы» (*Reusch*, 1838. S. 32–33).

Шлакалькен также встречается в фольклоре в рассказе о колдовстве пастухов на Самбии. Упоминается старый пастух Ш. из Шлакалькена, который пас стадо не сам, а при помощи колдовства. Пастух приводил стадо на пастбище. Втыкал в землю посреди стада свой особый посох с полостью, в которую вкладывались краденные из костела облатки. Он надевал на посох свою шапку. Обводил стадо вокруг посоха, благословляя его золой святочных ночей и кладбищенской землей. Произносил заклинания и мог уходить с пастбища. Стадо паслось само вокруг посоха, если все жители деревни выполняли строгие запреты в первый день выгона. Считалось, что следует сжечь посох и шапку, чтобы пастух, пользовавшийся колдовством, в смертный час смог обрести покой (*Frischbier*, 1870. S. 148). Около *Diewens* крестьянин видел змеиного короля (*Reusch*, 1863. S. 42). Напротив *Diewens* на холме *Butzkeberg*

духи позвали крестьянина на праздник. Полученные от них липовые листья превратились в золото (*Reusch*, 1863. S. 11).

В заключение представляется интересным привести информацию о средневековых населенных пунктах в окрестностях Шлакалькена. Ближайшие деревни (в порядке упоминания в документах) вокруг Шлакалькена в пределах 2–3 км – это *Lauknicken* (1301 г.), *Posselau* (1365 г.), *Battau* (1258/1384 г.), *Tenkieten* (1391 г.), *Lixeiden* (1396 г.), *Diewens* (1493 г.), а также гора *Kalxte* (*Die Kalksch/Kalkberg*) (1460 г.).

В частности, *Lauknicken* в округе *Battau* упоминается в ряде орденских документов. В 1301 г. ландмайстер фон Гольдбах передает пруссам *Swentike* и *Kerse* один хуф земли как *villa Leukeniken* (*Schlicht*, 1922. S. 234). 13 марта 1409 г. в Побетене обер-маршал Фридрих фон Валленроде заключает сделку с Диваном фон Лаукникеном (*Dywan von Laucknicken*) по поводу деревни *Battau* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 188). 31 марта 1420 г. в Кёнигсберге обермаршал Мертин Кемнатхер передал трактирщику Паулю два моргена пашни в *Pobethen* и половину хака в поле у *Lauknicken* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 234). 20 мая 1460 г. в Кёнигсберге великий магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен передал Томасу, трактирщику из *Pobethen*, три хуфа в *Lauknicken* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 344).

Tenkieten в округе *Battau* упоминается несколько раз. 3 марта 1421 г. в Побетене обермаршал Мертин Кемнатхер заключил сделку с братьями Захарией (Zacharias) и Диваном (Dywon) и их матерью Girdrudt по поводу деревни *Tenkyten* в округе Побетен (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 236). 4 декабря 1493 г. в замке Бранденбург комтур Бранденбурга Мельхиор Кехлер фон Швандорф сообщил, что фрау Барбара Риппе (Barbara Rippe) и ее сын Захарияс Риппе (Zacharias Rippe) должны продать секретарю великого магистра Либориусу Накеру половину усадеб и деревень *Diewens, Tenkieten* и *Deutsch-Battau* в округе Побетен с трактиром *Rockelkaim* (Pr.-Rockels)[1] (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 407). 4 ноября 1496 г. в Кёнигсберге великий магистр Иоганн фон Тифен передал главному секретарю Либориусу Накеру купленные у ныне покойного Захарияса Риппе 12 хуфов в *Diewoen* (*Diewens*) с трактиром в *Parrockeln* (*Pr.-Rockels*), шесть хуфов в *Tenkieten* и шесть хуфов в *Deutsch-Battau* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 413).

Posselau в округе *Battau* появляется в орденских документах несколько раз. 4 января 1384 г. в Мариенбурге великий магистр Конрад фон Ротенштайн передал Диву (Dywe) наследственных восемь хуфов в Побетене около конского пастбища наполовину с одной и наполовину с другой стороны от ручья и восемь хуфов в поле между *Posselau* и *Battau* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 453). 11 января 1399 г. в Кёнигсберге обер-маршал Вернхер фон Теттинген передал Мадлиоту (*Madlioth*) и Пострейду (*Postredt*) четыре хака в поле у Посселау (Passelo) (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 164). 12 ноября 1438 г. в Побетене обер-маршал Хайнрих Рабенштайнер передал Ханносу Патабелю (Hannos Patabel) четыре хуфа в *Posselau* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 279). 17 февраля 1443 г. в Кёнигсберге великий магистр Конрад фон Эрлихсхаузен перезаключил с Захарией Йомой (*Zacharias Jom*) сделку великого магистра Конрада фон Ротенштайна от 4 января 1384 г. с Дивом (*Dywe*) по поводу восьми хуфов в Побетене у конского пастбища по обеим сторонам ручья и восьми хуфов между *Posselau* и *Battau* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II. 292). 17 ноября 1461 г. в Кёнигсберге великий магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен передал Касп. Талаву (*Kasp. Talaw*) два хака в *Posselau*, которыми ранее владел *Jackel von Alexwangen* (Regesta historico-diplomatica, 1949. II 345).

Kalxte упоминается в 1479 г., когда «мы впервые слышим о трактирщике близ кирхи Побетен. Ему было передано три хуфа земли и бесплатно передана древесина в Калькстe, Калькберг. В 1527 г. трактирщику было позволено продавать винный спирт, зато в 1689 г. хвалебно подчеркивается, что никакого спирта в Побетене больше не разливают» (*Schlicht*, 1922 S. 227)[2].

---

[1] Деревня Pr.-Rockels (в 1336 г. – Porruckeln) названа по имени судава *Rukals* (*Blažienė*, 2000. S. 133).

[2] Видимо, О. Шлихт не видел более ранних документов о трактирщике из Побетена (см. выше документы от 1420 и 1460 гг. о трактирщике из Побетена).

О. Шлихт указывает, что в орденских документах эта гора описывается как «примечательная округлая лесистая гора». Жители окрестностей некогда брали древесину из Калькстe. О. Шлихт обращает внимание на то, что название *Kalk/Kalxte* не связано с немецким *Kalk* – «известь». Содержание извести там незначительное (*Schlicht*, 1922. S. 231). Он указывает, что на Самбии подобные названия встречается довольно часто. Их следует считать прусскими, а не немецкими (*Schlicht*, 1922. S. 14). До сих пор лингвистами не дается этимология прус. **kalk-st-*. Однако можно заметить, что все подобные названия на Самбии связаны с обозначениями холмов, возвышенностей. На данном этапе можно лишь предположить, что **kalk-* могло образоваться в результате смешения **kauk-* – «мифологическое существо хтонического характера, часто связанное с холмами», и **alk-* – «священная гора». О. Шлихт также упоминает, что в Калькберге – скопление камней. С северной стороны горы был устроен каменный карьер (*Schlicht*, 1922. S. 231).

Из данных прусских названий можно с большой долей вероятности трактовать значения следующих:

– Lauknicken: **Laukenīks* – «землевладелец», дословно «владеющий полем» (*Blažienė*, 2000. S. 79).
– Posselau: **Pasilawa* – «место, находящееся около пустоши» (*Blažienė*, 2000. S. 121).
– Lixeiden: **Līgsēdjai* – «находящиеся на ровном» (т. е. не на холме) (*Pėteraitis*, 1997. P. 229).

ЛИТЕРАТУРА

Beresnevičius G., 2001. Trumpas lietuvių ir prūsų religijos žodynas. Vilnius: Aidai. 218 p.
Blažienė G., 2000. Die baltischen Ortsnamen im Samland. Hydronymia Europaea; Sonderband II. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 187 S.
Būga K., 1961. Rinktiniai raštai. T. III. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. 1007 p.
Fraenkel E., 1965. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I, II. Heidelberg: Carl Winter. 1560 S.
Frischbier H., 1870. Hexenspruch und Zauberbann: ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens in der Provinz Preussen. Berlin: Verlag A. Enslin. 167 S.
Frischbier H., 1883. Preussisches Worterbuch: Ost- und westpreussische Provinzialismen in alphabetischer Folge. Band 2. Berlin: Verlag A. Enslin. 563 S.
Pėteraitis V., 1997. Mažosios Lietuvos ir Tvankstos vietovardžiai: Jų kilmė ir reikšmė. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 607 p.
Preußisches Urkundenbuch. Band II (1309–1335) / Hrsg. M. Hein, E. Maschke. Aalen: Scientia. 1962. 680 S.
Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum, 1198–1525. Teil 1, 2 / Hrsg. E. Joachim, W. Hubatsch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1949. 496 S.
Reusch R. F., 1838. Sagen des preussischen Samlandes. Königsberg: Hartung. 108 S.
Reusch R. F., 1863. Sagen des preussischen Samlandes. Zweite Auflage. Königsberg: Hartung. 139 S.
Schlicht O., 1922. Das westliche Samland: ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen, Pillau vom Jahre 1725 bis zur Gegenwart. Band 1, 2. Dresden: Verlag von Kolbe & Schlicht. 312 S.
Šmits P., 1940. Latviešu tautas ticējumi. Lietuvēns. Riga: Latviešu folkloras krātuve. 1744 l.
Trautmann R., 1974. Die altpreussischen Personennamen: ein Beitrag zur baltischen Philologie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 204 S.
Wenskus R., 1986. Ausgewählte Aufsätze zum frühen und preußischen Mittelalter. Festgabe zu seinem siebzigsten Geburtstag. Sigmaringen: P. Patze. 508 S.
Žulkus V., 2004. Kuršiai Baltijos jūros. Vilnius: Versus Aureus. 253 p.

СОКРАЩЕНИЯ

ГИМ	– Государственный исторический музей, Москва
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук, Москва
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
РАН	– Российская академия наук, Москва
САИ	– Свод археологических источников
AÚ SAV	– Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied, Nitra
AV ČR	– Akademie věd České republiky Brno
UMCS	– Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Liublin

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипина Екатерина Евстафьевна,
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН, Москва.
e-mail: bikanty@mail.ru

Добровольская Мария Всеволодовна,
доктор исторических наук, член-корр. РАН, заведующая Лабораторией контекстуальной антропологии Института археологии РАН, Москва.
e-mail:mk_pa@mail.ru

Казанский Михаил Михайлович (Michel Kazanski),
доктор хабилитат археологии, ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований (CNRS), Лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье», Париж.
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Лагуткина Елена Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, заведующая Учебно-научной лабораторией по археологии Тверского государственного университета, Тверь.
e-mail: and_lagutkin@mail.ru, Lagutkina.EV@tversu.ru

Мастыкова Анна Владимировна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Москва.
e-mail: amastykova@mail.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Москва.
e-mail: dolmen200@mail.ru

Скворцов Константин Николаевич,
научный сотрудник Отдела сохранения археологического отдела Института археологии РАН, Москва.
e-mail: sn_arch_exp@mail.ru

Юганов Кирилл Леонидович,
директор Научно-производственного центра по охране, учету и реставрации памятников истории и культуры Калининградской области, Калининград.
e-mail: npckgd@gmail.com

ZUSAMMENFASSUNG

A. V. Mastykova, K. L. Juganov

ZAOSTROVIE-2. GRÄBERFELD DER RÖMISCHEN ZEIT IN NORDSAMLAND

EINLEITUNG. HISTORISCHE UND GEOGRAFISCHE MERKMALE DER REGION, ALLGEMEINE MERKMALE DES FUNDORTES, GESCHICHTE DER ARCHÄOLOGISCHEN ERFORSCHUNG DES FUNDORTES

Das Gräberfeld Zaostrovie-2 befindet sich im nördlichen Teil der Halbinsel Samland, Rajon Zelenogradsk, Kaliningrader Gebiet. Die Nekropole liegt zwischen dem Bach Motyl und dem Fluss Spokojnaja, nämlich 1,45 km südwestlich des südlichen Dorfrandes Zaostrovie und 3,1 km nordwestlich des nördlichen Dorfrandes Romanovo. Der heute unbedeutende Fluss Spokojnaja mündet mit seinen kleinen Nebenflüssen in die Ostsee an der Nordküste der Halbinsel. In der ersten Hälfte des letzten Jahrhunderts waren diese Flüsse wasserreich, unter günstigen hydrologischen Bedingungen gelangten darin wirtschaftlich wichtige Fischarten. Die Umgebung ist eine leicht hügelige Ebene, deren Oberfläche bis neulich aktiv gepflügt wurde. Die Ackerschicht begann sich erst im 18. Jh. zu bilden.

Heutzutage stellt das Gräberfeld ein vergrastes Feld – früher wurde es als Ackerfeld genutzt – dar. Der Höhenunterschied der Oberfläche variiert hier innerhalb von 1,5 m mit einer Neigung nach Südosten. Nach Ergebnissen archäologischer Vorkriegsforschung zu urteilen, bedeckt das Gräberfeld mit Abmessungen von 70 m (Westgrenze) × 100 m (Nordgrenze) × 70 m (Ostgrenze) × 100 m (Südgrenze) eine Fläche von 7000 m^2.

Das Gräberfeld Zaostrovie-2 gehört zu den sogenannten Bestattungsfeldern der samländisch-natangischen Kultur (Kultur Dollkeim-Kovrovo nach der Terminologie der polnischen Archäologen). Der Fundort war seit der zweiten Hälfte des 19. Jhs. als Schlakalken (Kreis Fischhausen) nach dem Namen des in der Nähe liegenden Gehöftes bekannt. Nach dem 2. Weltkrieg wurde er in Beiträgen als Jaroslavskoe nach dem Namen einer heute schon nicht existierenden Ortschaft bezeichnet. Die Nekropole liegt westlich des Gehöftes Schlakalken auf zwei unhöhen Sandhügeln und wurde erstmals im Sommer 1893 von Carl Kretschmann und Heinrich Kemke, die die Physikalisch-ökonomische Gesellschaft in Königsberg vertraten, erforscht. Die Ausgrabungen wurden westlich und südwestlich des Gehöftes Schlakalken, nördlich eines Feldweges zum Gehöft Lixeiden, sowie östlich davon durchgeführt. Dabei wurden 38 Bestattungen untersucht, die von Herbert Jankuhn 1939 veröffentlicht wurden. Die Forscher datierten alle entdeckten Fundobjekte in die Römerzeit.

Wie H. Jankuhn berichtet, waren bis 1939 insgesamt drei Gräberfelder auf dem Gelände des Gehöftes Schlakalken bekannt:

– Eines nördlich des Gehöftes, schon damals sehr zerstört, unter Nummer 1;

– Ein weiteres westwerts, auf dem Weg zum Gehöft Lixeiden, nur zu einem kleinen Teil untersucht, unter Nummer 2 (in Unterlagen des Prussia-Museums sowie im R. Grenz-Archiv wird das von H. Jankuhn 1939 veröffentlichte Fundmaterial aus dieser Nekropole als aus dem „Gräberfeld Schlakalken-IV“ bezeichnet);

– Noch eines südostwerts, unter Nummer 3 (siehe: Anhang 2).

Anscheinend entspricht das Gräberfeld Nr. 2 dem römischzeitlichen Gräberfeld Zaostrovie-2.

Dieses Gräberfeld wird mehrmals in wissenschaftlichen Werken erwähnt. Manche Zeichnungen, Grabungsdokumentation und Funde sind in Staatlichen Museen zu Berlin, nämlich im Preußischen Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Fundarchiv der Prussia-Sammlung erhalten. Erhalten geblieben sind ebenfalls Notizen und Abbildungen zum Beitrag von H. Jankuhn, die im Schloss Gottorf im Archiv von Herbert Jankuhn und Rudolf Grenz des schleswig-holsteinischen Archäologischen Landesmuseums aufbewahrt werden. Über manche Informationen zu diesem Gräberfeld verfügt das Lettische Nationalmuseum für Geschichte, Feliks Jakobsons Archiv, in Riga.

2010 nahm eine Forschungsgruppe der Samländischen Archäologischen Expedition aus dem Instituts für Archäologie der Russischen Akademie der Wissenschaften unter der Leitung von E. V. Lagutkina die Arbeiten an diesem Gräberfeld (heute Zaostrovie-7) wieder auf. Insgesamt wurde eine Fläche von 1537 m² ausgegraben und 17 Objekte aus der Römerzeit, darunter 10 Bestattungen und 7 Gruben entdeckt (siehe: Anhang 1). 2011 wurden die Ausgrabungen der Samländischen Archäologischen Expedition unter der Leitung von A. V. Mastykova und K. L. Juganov fortgesetzt. Dabei wurde eine Fläche von 1760 m² untersucht, auf der 42 Objekte aus der römischen Zeit entdeckt wurden. Das untersuchte Gelände wurde lange als Ackerfeld genutzt, wodurch eine Kulturschicht weitgehend geschädigt wurde. Die in den Ausgrabungskampagnen 2010 und 2011 untersuchten Abschnitte der Gräberfelder Zaostrovie-7 und Zaostrovie-2 korrelieren mit der Vorkriegsfundstelle Schlakalken-2, die zweifellos zusammen mit der Fundstelle Schlakalken-4 zwei Teile eines Gräberfeldes darstellte.

Mit Rücksicht darauf, dass der publizierte Fundort von verschiedenen Forschern in verschiedenen Jahren untersucht wurde und dennoch einheitlich ist, bietet der vorliegende Band eine kombinierte Bezeichnung „Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4)“, die alle Ausgrabungskampagnen umfasst. Somit kommen insgesamt 99 Objekte, darunter 92 Bestattungen und 7 Gruben in Betracht. Im Text wird jede Grabnummer zusammen mit dem Jahr der Ausgrabungskampagne angegeben, wie beispielsweise:

– 1.1893 usw. für die Bestattungen, die von C. Kretschmann and H.Kemke 1893 freigelegt wurden;

– 1.2010 usw. für die Bestattungen, die von A. V. Lagutkina 2010 ausgegraben wurden;

– 1.2011 usw. für die Bestattungen, die von A. V. Mastykova und K. L. Juganov 2011 untersucht wurden.

Bei ausgegrabenen Objekten handelte es sich um Grabgruben aus der römischen Eisenzeit (das 1. und 2. Jh.), sowie um Siedlungsanlagen aus der Frühbronzezeit, der Früheisenzeit und um Objekte aus der Bestehenszeit des Gehöftes Schlakalken. Im vorliegenden Band werden die Objekte außerhalb der Römerzeit nicht betrachtet.

Während der wissenschaftlichen Auswertung des Fundortes haben uns deutsche Kollegen, dank deren Zugang zu Archiv- und Museumsmaterialien in Deutschland erhalten wurde, große Hilfe geleistet. Darüber hinaus haben sie uns mit ihrer freundlichen Beratung zu den Altertümern Ostpreußens sehr weitergeholfen. Unseren tiefsten Dank möchten wir dafür Dr. Claus von Carnap-Bornheim, Dr. Dieter Quast, Dr. Heino Neumayer, Dr. Volker Hilberg, Dr. Timo Ibsen, Dr. Mara-Julia Weber, Dr. Jörg Nowotny aussprechen.

1. KAPITEL. BESTATTUNGSBRAUCH

Das Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) befand sich auf einer Anhöhe, was für die Gräberfelder der samländisch-natangischen Kultur üblich ist. Es stellt eine für die samländisch-natangische Kultur der Römerzeit typische Nekropole mit Flachgräbern – Körper- und Brandbestattungen – dar, die oben mit einer Steinplatte versehen worden sind. Im Großen war solcher Biritualismus, der die Körper- und Brandbestattungen kombinierte, in der samländisch-natangischen Kultur der Römerzeit gebräuchlich. Birituelle Gräberfelder sind in der benachbarten Wielbark-Kultur an der Unterweichsel und in Skandinavien bekannt, wo ihre Zahl in der römischen Zeit zugenommen hat. Sie sind jedoch für die Przeworsk-Kultur des Weichselbeckens nicht charakteristisch, wo die Brandbestattungen – sowohl in Urnen als auch urnenlose – vorherrschen, obwohl es einzelne Körperbestattungen gibt.

Körperbestattungen

Die Körperbestattungen sind zahlenmäßig dominant. Der Brauch der Körperbestattung ist auf den Gräberfeldern der samländisch-natangischen Kultur der Römerzeit wohlbekannt. Die größte Konzentration solcher Bestattungen fällt bei den Westbalten auf die Halbinsel Samland.

Wegen der Bodenbeschaffenheit blieben menschliche Überreste in Grabgruben nur in wenigen Fällen erhalten (siehe: Anhang 3). Die Gruben besitzen eine ovale oder quasi rechteckige, oft unregelmäßige, manchmal fast abgerundete Form, ihre Wände sind schräg, aber recht steil. Die Maße der größten Grabgruben betragen 3,4 bis 3,5 m entlang der Nord-Süd-Achse und 1,9 bis 2 m entlang der West-Ost-Achse, die größte Tiefe ist vom anstehenden Gestein bis zu 1 m. Meistens waren die Grabgruben entlang einer Nordsüdachse mit zum Teil sogar erheblichen Abweichungen orientiert.

Die Bestatteten wurden höchstwahrscheinlich in einer gestreckten Rückenlage in die Gräber gelegt. Dokumentiert wurde die Bestattungslage mit dem meistens nach Norden, seltener nach Süden orientierten Kopf. Die Orientierung des Kopfes nach Norden wurde ebenfalls an anderen Fundorten der samländisch-natangischen Kultur aus der römischen Zeit sowie darüber hinaus in den westbaltischen Kulturen, in der benachbarten Wielbark-Kultur und in Südskandinavien in der frühen römischen Zeit, sowie auf Gotland festgestellt. In zwei Fällen wurden Reste verfallener Holzsärge freigelegt, wie sie häufig auf den Gräberfeldern der samländisch-natangischen Kultur zu finden sind. Holzsärge sind ebenfalls in der Wielbark-Kultur, sowie in Skandinavien, vor allem in Gräbern mit Steinstrukturen bekannt. Nicht selten enthalten die Gräber Spuren von Kohlen oder kleine Kohleschichten. Ähnliche Kohlereste sind bei Körperbestattungen auf anderen Gräberfeldern der samländisch-natangischen Kultur verbreitet und werden von Forschern als eine Art Bestattungsritual ausgewertet.

Die Gräber mit Körperbestattungen waren fast überall mit Steinplatten abgedeckt, die auf anderen Gräberfeldern der samländisch-natangischen Kultur ebenfalls zu finden sind. Sie werden in anderen baltischen Kulturen der Römerzeit sowohl bei Körperbestattungen als auch bei Brandbestattungen entdeckt. Gräber 1.1893, 3.1893, 13.1893, 14.1893, 20.1893, 29.1893 waren mit in einer Kreisform gelegten Steinen eingerahmt. In Gräbern 1.1893, 13.1893, 14.1893, 29.1893 befanden sich darüber hinaus die in einer länglichen rechteckigen Form aus Steinplatten errichteten Kisten mit den entlang der Nord-Süd-Achse orientierten menschlichen Überresten im nördlichen Teil des Kreises.

Gräber mit verschiedenen Steinstrukturen (Steinplatten, Grabhügeln, Steinkisten usw.) sind in der römischen Zeit ebenfalls in Skandinavien und in der Wielbark- und Przeworsk-Kultur verbreitet. Bestattungen innerhalb von Steinkreisen finden sich auf anderen samländisch-natangischen Gräberfeldern und sind in anderen westbaltischen Kulturen bekannt. So werden Spuren einer kreisförmigen Verkleidung bei Hügelgräbern der Sudauen-Gruppe freigelegt. Die mit Steinkreisen umgebenen Hügelgräber mit Körperbestattungen treten in der Römerzeit bei den Ostbalten, beispielsweise in Samogitien auf. Bestattungen innerhalb von Steinkreisen gelten üblicherweise als Beleg für einen germanischen Einfluss auf den Bestattungsbrauch der samländisch-natangischen Kulturträger und sogar für deren germanische Zugehörigkeit, mindestens eines deren Teils. Immerhin wie bereits erwähnt wurde, sind Strukturen in Form von Steinkreisen aus der Römerzeit ebenfalls in baltischen Kulturen gut bekannt. Solche Steinkisten sind in den Nekropolen der Wielbark-Kultur sowie in Skandinavien, unter anderem in Gräbern mit Steinkreisen, beispielsweise auf Gotland zu finden. Dort stellen manche Bestattungen in Steinkisten aus der frühen Römerzeit die Körperbestattungen mit dem nach Norden orientierten Kopf dar. In der römischen Eisenzeit kommen die mit Steinkreisen eingefassten Steinkisten mit Körperbestattungen gleichfalls bei den baltischen Finnen, in Estland vor. Allerdings gehören Hügelgräber mit Steinkreisen und je einer sich oft am Rand des Kreises befindenden Steinkiste mit Urnenbrandbestattungen in Ostpreußen schon zur früheren Zeit, zur westbaltischen Grabhügelkultur der frühen Eisenzeit. Höchstwahrscheinlich ist die Rede über einen Bestattungsbrauch, der sich zur Bronzezeit und zur frühen Eisenzeit gewissermaßen in einem bedeutenden Teil der zirkumbaltischen Region von Finnland und Schweden bis Ostpreußen verbreitete. Römischzeitliche Bestattungen in rechteckigen Steinkisten innerhalb eines Steinkreises enthielten auf Gotland Waffen. Als Arbeitshypothese ist zu vermuten, dass solche Bestattungen (1.1893, 13.1893, 14.1893, 29.1893) in Schlakalken-2 (4), die in drei von vier Fällen beigelegte Waffen aufweisen, die Anwesenheit einer Gruppe von Einwanderern aus Skandinavien belegen könnten.

Brandbestattungen

Brandbestattungen sind nicht so zahlreich; dieser Brauch wird durch Urnen- und urnenlose Flachgräber repräsentiert. Brandbestattungen finden sich sowohl ohne Steinplatten als auch mit solchen abgedeckt. Die Anzahl der gebrannten Knochen ist bei Bestattungen meist gering, obwohl es Ausnahmefälle gibt. Bei urnenlosen Brandbestattungen werden sie allerdings oft verstreut gefunden. Bei den Brandbestattungen, bei denen die Urnen unzerbrochen erhalten sind, befanden sich gebrannte Knochen nicht nur als eine Schicht am Boden der Grabgrube, sondern auch am Boden der Urnen.

Pferdebestattungen

Sowohl Körperbestattungen als auch Brandbestattungen wurden mit Pferdebestattungen begleitet. Aufgrund der Bodenbeschaffenheit sind nur einzelne Knochen, meist Zähne, erhalten (siehe: Anhang 4). Sie werden in 11 Gräbern dokumentiert. Meistens handelt es sich um Einzelbestattungen, zweimal werden paarige Pferdebestattungen freigelegt. Bei Körperbestattungen befinden sich Pferdeknochen meist westlich im südlichen Bereich der Grabgruben. Darüber hinaus sind solche Bestattungen mit zwei oder drei, einmal mit vier Steinschichten bedeckt. Eine Einzelbestattung eines Pferdes wurde einmalig ohne menschliche Überreste entdeckt. Vereinzelte Pferdegräber kommen in den Nekropolen der Westbalten selten vor, obwohl sie beispielsweise auf dem Gräberfeld der Bogaczewo-Mojtyny/Moythienen-Kultur vorhanden sind.

Auf dem untersuchten Gräberfeld begleiten Pferdebestattungen sechs „männliche“ Bestattungen mit Waffen und Reitausrüstung; sie werden niemals bei Bestattungen mit Frauentrachtzubehör oder bei denen, die anhand anthropologischer Daten als weiblich definiert werden, dokumentiert. Im Ganzen belegt dies eine gängige Auffassung, dass die Pferdebestattungen in der samländisch-natangischen Kultur zumindest für die römische Eisenzeit als ein Indiz für männliche Bestattungen dienen. Später, in der Merowingerzeit, ändert sich die Situation, und auf den Gräberfeldern Mitino und Zaostrovie-1, wo anthropologische Forschungen durchgeführt wurden, begleiten Pferdebestattungen männliche, weibliche und kindliche Brandbestattungen. Das bedeutet, dass eine Beziehung von Pferdebestattungen ausschließlich auf die Männergräber zu Beginn des Mittelalters nicht eindeutig ist.

Das Beisetzen eines Pferdes ist in der Römerzeit typisch für die Bestattungen der samländisch-natangischen Kultur und für die Balten. Die größte Konzentration von Pferdebestattungen wird bei den Westbalten auf der Halbinsel Samland dokumentiert. Hier finden sich ebenfalls häufig Bestattungen mit Pferdegeschirr. Die Pferdebestattungen tauchen zusammen mit der Entstehung der Kultur selbst in den Zeitstufen B1 und B2 (10/20–70/80 bzw. 70/80–160/170) nach der Chronologie des europäischen Barbaricums auf und kommen bis zur „spätheidnischen“ Zeit (Phase H nach der westbaltischen Gliederung), d. h. bis ins 13. Jahrhundert vor. Sie treten recht häufig auf den Gräberfeldern anderer westbaltischer Kulturen/Gruppen, insbesondere in der Bogaczewo-Kultur, sowie bei den Ostbalten auf.

Die Pferdebestattungen fehlen bei benachbarten Kontinentalgermanen, d.h. bei den Wielbark-Bevölkerung im unteren Weichseltal vom 1. bis zum 5. Jh., obwohl Sporen in den Bestattungen der Wielbark-Kultur häufig gefunden werden. In der römischen Zeit treten Pferdebestattungen im germanischen Barbaricum selten auf, obwohl der Brauch bei den Germanen von Tacitus bereits Ende des 1. Jhs. bezeugt wurde. Die Pferdebestattungen tauchen an der unteren Weichsel erst auf, als die Elbing-Gruppe mit einer deutlichen baltischen Kulturkomponente hier in der Völkerwanderungszeit die Wielbark-Kultur ablöste. In Skandinavien zeigen sich die Pferdebestattungen als eine bemerkbare Erscheinung relativ spät, nämlich in der Vendelzeit. Eine Ausnahme bildet ein Fund bei einer „Fürsten“-Bestattung aus der spätrömischen Zeit im dänischen Varpelev. Allerdings sind Pferdeopfer, die keinen direkten Zusammenhang mit Bestattungen haben, im skandinavischen Raum bereits in der Bronzezeit bekannt.

Bestattungen mit Waffenbeigaben

Die Männerbestattungen verfügen auf dem untersuchten Gräberfeld über Waffen, was in den ersten Jahrhunderten ebenfalls für andere Nekropolen in Samland und Natangen üblich war. Waffenbeigaben wurden in 16 Gräbern gefunden, von denen nur zwei Bestattungen anthropologisch als männlich bestimmt werden. Die Verbreitung des Brauchs, die Bestattungen mit Waffen zu versehen, ist mit Auswirkungen und sogar Anwesenheit von Einwanderern aus dem Przeworsk-Kulturraum und aus Skandinavien verbunden. In den Bestattungen der Przeworsk-Kultur finden sich Waffen und Reitausrüstung – Lanzen, Schilde, Sporen, Schwerter – wohl überall. Obwohl Waffenbeigaben in Skandinavien in der Römerzeit nicht zahlreich sind, stellen sie jedoch als Grabinventar nichts Außergewöhnliches dar. Auf Gotland finden sich Waffen im Zeitraum IV:2 nach der lokalen Chronologie (100–250) bei 13 % der Körperbestattungen. Bezeichnend ist, dass manche Bestattungen, nämlich die nach Norden orientierte Körperbestattungen und die mit Grabhügeln bedeckten und mit Steinkreisen umgebenen Brandbestattungen, darunter in Steinkästen, Analogien auf dem Gräberfeld Schlakalken-2 (4) haben.

Zu bemerken ist, dass Waffen und Reitausrüstung wie Lanzen, Schilde, Sporen und Äxte in der römischen Zeit in den baltischen Kulturen sowohl bei den West- als auch bei den Ostbalten verbreitet waren, so lohnt es sich möglicherweise nicht, die Rolle eines äußeren Faktors überzubetonen. Die Waffenbeigaben könnten bei Bestattungen einen Prozess der Militarisierung der Ästier beispielsweise als Folge der Konfrontation mit Wielbark-Nachbarn während der Entstehung der samländisch-natangischen Kultur archäologisch veranschaulichen.

2. KAPITEL. GRABINVENTAR

Die Grabbeigaben aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) sind typisch für Nekropolen der samländisch-natangischen Kultur in der Stufe B2 – B2/C1 (70/80–160/180–200). Fast alle Arten der Funde finden sich gewissermaßen in Samland und Natangen an anderen Fundorten der römischen Eisenzeit.

Trachtzubehör und Gürtelgarnitur

Bei Bestattungen, die sowohl im 19. Jh. (1893) als auch in den Ausgrabungskampagnen der Samländischen Archäologischen Expedition (2010, 2011) untersucht wurden, wurden über 20 Fibeln aus der frühen Römerzeit freigelegt. Sie sind alle Armbrustfibeln mit gegossenen Füßen und gehören zu den Typen, die im Barbaricum der römischen Eisenzeit, insbesondere in der Zeitstufen B2 und C1, verbreitet waren.

Das sind Rollenkappenfibeln vom Typ Almgren 42; stark profilierte Fibeln vom Typ Almgren 72, Serie 1, 80 und 92; Abarten von „röhrenförmigen" stark profilierten Fibeln von Typen Almgren 74-84, 80 und 92; schwach profilierte Fibeln mit einem Kamm am Kopf der Serie 8, Abarten von Typen Almgren 120 und 123; Augenfibeln der Hauptserie vom Typ Almgren 52 und der „preußischen" Serie vom Typ Almgren 57-61; sowie profilierte Dreisprossenfibeln vom Typ Almgren 96.

Metallelemente der Gürtel- bzw. Riemenverzierung, die aus diesem Fundort stammen, sind für die samländisch-natangische Kultur typisch und wohl gut untersucht. Auf dem Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) finden sie sich bei Bestattungen, sowohl als einzelne Objekte als auch als ganze Garnituren, die eine Vorstellung vermitteln können, wie ein Gürtel aussah. Das sind sogenannte samländische Gürtel von der Frauentracht, Omega-Schnallen, eiserne ovale und rechteckige Schnallen, kahnförmige und schmale rechteckige, sowie abgerundete Gürtelbeschläge, U-förmige Riemenhalter, Nieten, stark profilierte Riemenzungen, darunter vom Typ Raddatz O 1-3 oder Madyda-Legutko I/3-4 usw.

Bei manchen Bestattungen können Gürtelgarnituren rekonstruiert werden. Beispielsweise die Gürtelgarnitur in Männerbestattung 44.2011, die aus einer Schnalle, Riemenzungen, Ösenbeschlägen und einem U-förmigen Riemenhalter besteht. Ähnliche Gürtel sind im mitteleuropäischen

Barbaricum bei der Przeworsk- und Wielbark-Bevölkerung, sowie bei den Germanen in Mähren und im Elbbecken bekannt. So werden ebenfalls die Garnituren samländischer Frauengürtel mit typischen Schnallen und kahnförmigen, rechteckigen und U-förmigen Beschlägen aus Bestattungen 3.1893, 20.1893, 68.2011, 86.2011, 137.2011 rekonstruiert.

Armringe, die auf dem Gräberfeld Zaostrovie-2 gefunden wurden, sind charakteristisch für die samländisch-natangische Kultur der frühen Römerzeit. Am von uns untersuchten Fundort finden sich glatte Armringe ohne jegliche Verzierung, glatte Armringe mit kugelförmigen Enden und schlangenförmige Armringe mit profilierten Enden.

Zum Frauentrachtzubehör gehörten Perlenketten. Insgesamt wurden ca. 635 Perlen gefunden, die je nach Material in drei Gruppen eingeteilt werden: aus Bernstein, Glas und Metall. Die Perlen innerhalb jeder Gruppe sind nach Form und Farbe unterteilt. So werden 6 Arten von Bernsteinperlen, 5 Arten von einfarbigen gläsernen Perlen, 5 Arten von gläsernen Perlen mit einer Einlage aus goldfarbigem Metall und eine Art von gläsernen Perlen mit einer Einlage aus silberfarbigem Metall, 10 Arten von polychromen gläsernen Perlen und eine Art von Metallperlen unterschieden. Solche Perlen haben zahlreiche Parallelen im mitteleuropäischen Barbaricum der frühen Römerzeit sowie in Antiquitäten des nördlichen Schwarzmeergebiets.

Zu den Elementen des Frauenkopfschmucks gehören buckelförmige Zierbesätze und Zierbesätze mit Halteklammern auf der Rückseite. Ähnlicher Kopfschmuck mit Zierbesätzen in unterschiedlicher Form ist in der Römerzeit im Bereich der baltischen Kulturen und auf Gotland verbreitet.

Leider lässt eine geringe Zahl der anthropologisch definierbaren Bestattungen mit Trachtzubehör auf dem untersuchten Gräberfeld keine eindeutigen Schlüsse zu. Den Frauenbestattungen werden in der Regel die Bestattungen zugeordnet, die neben einer bis drei Fibeln weitere Fundobjekte wie Perlen, Armringe und samländische Gürtel enthielten. Solche Definitionen werden anthropologisch belegt. So stellte Bestattung 68.2011 die Überreste einer 35–45 Jahre alten Frau mit drei Fibeln, Metallelementen einer Gürtelgarnitur, drei Armringen und Perlen dar und bei der vermutlich weiblichen Bestattung 86.2011 wurden Teile einer Gürtelgarnitur und Perlen gefunden (Anhang 3).

Drei Fibeln stammen aus Bestattungen 3.1893 und 68.2011. Bezeichnend ist, dass die sogenannten samländischen Gürtel, die möglicherweise eine hohe soziale Stelle seiner Besitzerinnen betonen, in beiden Bestattungen gefunden wurden.

Ein Fibelpaar enthielten mindestens fünf Bestattungen mit Frauentrachtzubehör (Armringen, polychromen Perlen, metallischen Zierröhrchen, Teilen einer Gürtelgarnitur). Bei zwei solchen Bestattungen wurde jeweils eine Fibel freigelegt.

In der samländisch-natangischen Kultur gelten Bestattungen mit Waffenbeigaben als männlich. Bei solchen Bestattungen finden sich meistens nur Elemente einer Gürtel- bzw. Riemengarnitur, daneben manchmal zwei Fibeln.

Waffen, Ausrüstung von Reitern und Pferden

In manchen Gräbern der untersuchten Nekropole wurden Waffen sowie Pferde- und Reitausrüstung gefunden. Meistens werden Lanzenspitzen mit je einer Tülle freigelegt, die sich voneinander mit Größe, Größenverhältnis von Blatt und Tülle, Form des Blattes unterscheiden. Dabei weisen alle Typen einen breiten Kreis von Analogien in Mitteleuropa und Skandinavien auf. Außer Lanzenspitzen finden sich weitere Artefakte dieser Kategorie wie Griffelemente von Klingenwaffe oder eiserne keltische Äxte. Die letzten kommen an Fundorten des südöstlichen Baltikum in der frühen Römerzeit recht zahlreich vor, während sie in anderen Regionen des Barbaricums zu dieser Zeit kaum noch benutzt werden.

Schutzwaffe stellen Metallteile der Schilde dar: vier Schildbuckel der Typen Zieling A1-A1a / B1a-B1b, C2d und ein Schildgriff vom Typ Zieling V1. Diese Typen sind im frührömischen Barbaricum bei den Germanen und Balten verbreitet.

Zur Reit- und Pferdeausrüstung gehören Sporen mit kurzer Bügelplatte oder mit geschwungenem Bügel und Ringtrense der Typen Ørsnes 2A–2B und OA–OB. Sie sind für das Barbaricum charakteristisch und treten am häufigsten in den Stufen B2 und C auf.

Spektrum der auf dem Gräberfeld gefundenen Waffen ist typisch für die samländisch-natangische Kultur der römischen Eisenzeit. Die Waffenbeigaben entsprechen unterschiedlichen Ebenen von samländisch-natangischen Bestattungen mit Waffen:

Ebene 2a. Bestattungen mit „professionellen" Waffen (Klingenwaffen und Schilde), Pferdeausrüstung und Sporen: 1.2011 (Trense, Schild, Sporen), 44.2011 (Trense, Sporen);

Ebene 2b. Bestattungen mit „professionellen" und „unprofessionellen" Waffen (Lanzen und Äxte): 12.1893 (ein Schild, zwei Lanzen, eine Axt), 13.1893 (ein Schild, eine Lanze, eine Axt), 14.1893 (ein Schild, eine Lanze), 16.1893 (eine Parierstange eines Dolches), 22.1893 (ein Schild, eine Lanze, eine Axt), 26.1893 (zwei Lanzen, Pferdegeschirr?);

Ebene 3. Bestattungen mit „unprofessionellen" Waffen: 1.1893 (zwei Lanzen, eine Axt), 15.1893 (zwei Lanzen), 18.1893 (eine Lanze), 10.2011 (eine Lanze), 18.2011 (eine Lanze), 59.2011 (zwei Lanzen), 1.2010 (zwei Lanzen), 5.2010 (drei Lanzen, eine davon ist ein Wurfspieß, eine Axt).

Die Einteilung der Bestattungen in diese Ebenen beruht auf einer weiten Verbreitung von Gräbern mit solchen Waffenkombinationen in der gesamten samländisch-natangischen Kultur der Römerzeit. Allerdings besteht kein hinreichender Grund für eine sinnvolle soziale Zuordnung einer bestimmten Gruppe von Bestattungen mit Waffen.

Persönliche Gebrauchsgüter und Werkzeuge

Freigelegte Artefakte des alltäglichen Gebrauchs sind ebenfalls auf sonstigen Gräberfeldern der samländisch-natangischen Kultur der römischen Eisenzeit verbreitet. Die meisten solcher Funde wie Messer, Ahlen, sichelförmige Messer, Pinzetten, Nadeln, Spinnwirtel usw. finden sich bei samländisch-natangischen Bestattungen sowohl mit männlichem als auch mit weiblichem Grabinventar.

Keramik

Alle Tongefäße (Schalen, Becher, Gefäße mit mehrteiligem Henkel vom Typ Wiekau, bauchige Gefäße mit einem Henkel und ohne Henkel, kleine zylindrische und zylindrisch-konische Gefäße) von Zaostrovye-2 sind handgeformt, manche davon besitzen eine geglättete Oberfläche. Sie haben Analogien zum Fundmaterial an anderen Fundorten der samländisch-natangischen Kultur sowie der benachbarten baltischen und germanischen Kulturen.

3. KAPITEL. AUSWERTUNG DES FUNDMATERIALS

Planigraphie

In dem 1893 untersuchten Abschnitt, der westlich des Gehöfts Schlakalken lag, bilden die ausgegrabenen Gräber drei Gruppen: die nördliche (Bestattungen 1–17.1893), die südwestliche (Bestattungen 18–34.1893) und die südöstliche (Bestattungen 35–38.1893). Im 2010 ausgegrabenen Abschnitt befinden sich alle Gräber in seinem südlichen Teil, dabei erstrecken sich zwei Gräberreihen von Westen nach Osten. Im 2011 untersuchten Abschnitt, der südöstlich des ehemaligen Gehöfts Schlakalken (dessen Reste 2010 durch Ausgrabungen freigelegt wurden) liegt, befinden sich fast alle Bestattungen in der nördlichen Hälfte des erforschten Geländes. Solche Gräberlage deutet an, dass die südliche Grenze des Gräberfeldes während der Ausgrabungskampagne von 2011 festgestellt wurde. Die entdeckten Fundobjekte der römischen Eisenzeit lassen sich auf dem Plan in zwei Gruppen einteilen: die nordöstliche (Bestattungen 2, 3, 4a, 10, 12, 15, 18, 20, 51, 58A, 73, 85, 86, 88, 116, 117, 118, 120, 121–122, 123, 130, 135, 151) und die südwestliche (Bestattungen 1, 36, 40, 42, 44, 50, 53, 54, 55, 59, 68, 69, 102, 104, 114, 137, 138, 145, 156), die voneinander durch einen freien „Korridor" getrennt werden.

Chronologie

Eine große Anzahl der Funde fällt bei Bestattungen des Gräberfeldes Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) in die Stufe B2 der Chronologie des Barbaricums (70/80–160/170). Dabei bleiben manche Artefakte weiterhin in der Stufe B2/C1 (160/180–200) bzw. in der Phase 1 der W. Nowakowskis Periodisierung der samländisch-natangischen Kultur in Gebrauch. Repräsentativ sind solche Fundobjekte wie Fibeln vom Typ Almgren 42, 57-61, 72/1 und 120, samländische Gürtel, schlangenförmige Armringe, Schildbuckel vom Typ Zieling B1, Lanzen, Sporen, Trensen, Keramikgefäße, die dem Typ Wiekau ähnlich sind, usw. Anscheinend entspricht dieser chronologische Abschnitt von der zweiten Hälfte des 1. Jhs. bis zum Ende des 2. Jhs. der Belegungszeit im untersuchten Teil der Nekropole.

Hierbei werden manche Grabbeigaben gefunden, die etwas früher datiert werden könnten. Vor allem ist die Rede über eine Fibel vom Typ Almgren 52 aus Bestattung 104.2011, die zum Ausgang der Stufe B1, d.h. zur Stufe B1b (20/40–70/80) oder zum frühen Abschnitt der Stufe B2 (ca. 70/80) gehört, sowie über eine Omega-Schnalle aus Bestattung 44.2011, dessen Alter ebenfalls im Rahmen vom späten Abschnitt der Stufe B1 bis in den frühen Abschnitt der Stufe B2 bestimmt wird.

Geschlechterindikatoren und Stratifizierung der Bestattungen

In Frauengräber wird vor allem Frauentrachtzubehör gefunden. Als Unterscheidungskriterium dienen weniger Fibeln, die in dieser Nekropole auch in männlichen Bestattungen mit Waffenbeigaben zu finden sind, als vielmehr Perlen und Armringe, sowie samländische Gürtel.

Die Armringe finden sich bei Bestattungen 68.2011 und 104.2011, die anthropologisch als weiblich definiert werden. Perlen wurden bei anthropologisch als weiblich bestimmbaren Bestattungen 68.2011, 86.2011, 104.2011 sowie bei Bestattung eines Jungen 40.2011 gefunden. Zum Grabinventar derselben Bestattungen 68.2011 und 86.2011 gehören Teile der samländischen Gürtel. In der Bestattung 86.2011 wurde außerdem eine Nadel freigelegt. Solche Nadeln kommen bei Frauenbestattungen der benachbarten Wielbark-Kultur häufig vor.

Je nach der Fibelanzahl werden Bestattungen, die bedingt den Frauenbestattungen zugeordnet werden, in folgende Kategorien eingeteilt:

Kategorie 1. zwei Bestattungen mit drei Fibeln: 3.1893 und 68.2011;

Kategorie 2. fünf Bestattungen mit zwei Fibeln: 20.1893, 10.2010, 88.2011, 104.2011, vielleicht 123.2011;

Kategorie 3. drei Bestattungen mit Frauentrachtzubehör, darunter einer Fibel: 24A.1893, 29.1893, möglicherweise Grab 3.2010 / Bestattung 2;

Kategorie 4. sieben Bestattungen mit Frauentrachtzubehör, dabei ohne Fibeln: 5.1893; 2.2010; 86.2011, 118.2011, 135.2011, 137.2011, 145.2011.

Es ist schwierig zu bestimmen, welchen sozialen Gruppen bzw. Altersgruppen diese Kategorien entsprechen. Samländische Gürtel, die als Zeichen für einen relativ hohen sozialen Status gelten, wurden bei Bestattungen der Kategorie 1 (68.2011, 3.1893), 2 (20.1893) und 4 (86.2011, 137.2011) gefunden. Bemerkenswert ist, dass samländische Gürtel immer mit prachtvollen Halsketten aus polychromen Perlen kombiniert werden. Am häufigsten finden sie sich jedoch bei Frauenbestattungen zusammen mit zwei oder drei Fibeln. Bestattungen mit prestigeträchtigen samländischen Gürteln gehören zu einer Bevölkerungsgruppe, die eine recht hohe gesellschaftliche Stellung innehatte und mit dem Bernsteinhandel verbunden war. Wenn der privilegierte Charakter der Tracht mit diesen Gürteln keine besonderen Zweifel aufkommen lässt, erscheint uns ihre konkrete Zuschreibung verfrüht. Samländische Gürtel könnten von Frauen getragen werden, die verschiedene angesehene Funktionen ausübten, sowohl soziale (z.B. Übermutter, Familienmitgliederin eines lokalen Herrschers) als auch sakrale (Priesterin) oder wirtschaftliche (Bernsteinhändlerin) – bislang ist jede Interpretation hypothetisch.

In den Männerbestattungen finden sich Waffenbeigaben, die typisch für römerzeitlichen Fundorte der samländisch-natangischen Kultur sind. Bestattungen des Gräberfeldes Zaostrovie-2 (7) /

Schlakalken-2 (4) lassen sich in drei Ebenen einteilen, die mehr oder weniger der „Mittelschicht" der alten Ästier entsprechen (siehe: oben). Wahrscheinlich hängen unterschiedliche Waffenkombinationen in den Gräbern von einem bestimmten sozialen Status der Bestatteten ab. In Ermangelung anderer Quellen, vor allem schriftlicher, können diesbezüglich jedoch nur Vermutungen ausgehend aus einem allgemein anerkannten Sachverhalt angestellt werden, dass die soziale Lage einer bestatteten Person umso höher war, je mehr Waffen beigelegt worden sind.

Pferdebestattungen begleiten Bestattungen mit Waffen 1.1893, 26.1893, 1.2011, 1.2010, 1.2011, 10.2011, 44.2011 und fast nie (in dieser Nekropole) Gräber mit Frauentrachtzubehör. Es ist bekannt, dass die Bestattung eines Pferdes in der Römerzeit als ein soziales Zeichen diente. Später, in der merowingischen Zeit, wie Studien über die Gräberfelder von Mitino und Zaostrovie-1 zeigen, wo anthropologische Untersuchungen durchgeführt worden sind, begleiteten Pferdebestattungen nicht nur Männer-, sondern auch Frauen- und Kinderbrandbestattungen.

Bestattungen, die sich voneinander mit Kombination von Grabbeigaben unterscheiden, bilden auf dem Nekropolenplan keine Gruppen. Inzwischen ist festzustellen, dass Frauenbestattung mit dem aus drei Fibeln und einem samländischen Gürtel bestehenden Frauentrachtzubehör 68.2011 aus Ebene 1 sowie Männerbestattungen mit vollem Waffensatz 1.2011 und 44.2011 aus Ebene 2a zur südwestlichen Gräbergruppe gehören, die 2011 ausgegraben wurde.

Frauenbestattungen mit zwei Fibeln und/oder samländischen Gürteln wurden im 2011 untersuchten Abschnitt in beiden Gruppen entdeckt. 1893 kamen sie nur in der nördlichen und südwestlichen Gruppe vor und fehlten in der südöstlichen Gruppe. Gräber mit „professionellen" Waffen befinden sich im östlichen Teil der nördlichen Gruppe (12.1893, 13.1893, 14.1893, 16.1893) und nur eine Bestattung in der südwestlichen Gruppe (22.1893). Anscheinend gehörten die in diesem Abschnitt entdeckten Bestattungsanhäufungen zu Gruppen, die sozial nicht gleichwertig waren.

Schlussbemerkungen. Kulturhistorischer Zusammenhang der samländischen Fundorte in der römischen Zeit

So ist das Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) hinsichtlich sowohl des Bestattungsbrauchs als auch des dazugehörigen Grabinventars ein typischer Fundort der samländisch-natangischen Kultur und entspricht ihrer ersten frühesten Phase, d.h. von der zweiten Hälfte des 1. Jhs. bis zur zweiten Hälfte des 2. Jhs., bzw. der Stufe B2 (70/80–160/170) und B2/C1 (160/180–200) nach der Chronologie des europäischen Barbaricums oder der Phase 1 nach der W. Nowakowskis Periodisierung.

Derzeit sind sich fast alle Forscher darüber einig, die samländisch-natangische Kultur mit den Ästiern in Zusammenhang zu bringen. Nach antiken schriftlichen Quellen besiedelten sie das Gebiet östlich der Weichsel in der Römerzeit, vor allem bernsteinhaltige Gebiete im Zeitraum vom 1. Jh. bis zum 9. Jh. Die Ästier werden meistens als Westbalten identifiziert, zwar wird mögliche Multiethnizität der Gruppe, die auch die Balten umfasste, betont. Geäußert werden sonstige Auffassungen, nach denen sie als Finnen, Germanen, Kelten und „alte europäische" Bevölkerung betrachtet werden.

Eine ausschließlich baltische Zugehörigkeit der Ästier erweckt bei Archäologen begründete Bedenken. Da sich direkte Entwicklung der Kultur der westbaltischen Hügelgräber in der frühen Eisenzeit in die samländisch-natangische Kultur der Römerzeit kaum zurückverfolgen lässt, ist es unmöglich, die Bevölkerung der samländisch-natangischen Kultur als autochthon zu charakterisieren. Angemessen ist, näher auf die Belege für eine äußere, nämlich germanische Komponente in der Bevölkerung der samländisch-natangischen Kultur einzugehen.

Kontakte der Ästier mit ihren Nachbarn, der Wielbark-Bevölkerung, sind anhand einer Reihe von Artefakten (Schmuck und Trachtzubehör, Keramik), deren Prototypen zu Wielbark-Altertümern gehören, festzustellen. Nach der Kartographie der Fundorte der Wielbark-Kultur und der samländisch-natangischen Kultur zu urteilen, bestand dazwischen zunächst eine Zone der „gegenseitigen Angst" ohne Siedlungsspuren entlang der Grenzgebiete dieser Kulturen. Später, als Beziehungen in der Stufe B2 aufgebaut wurden, verschwand dieser unbewohnte Streifen. Besonders enge Kontakte entstanden zwischen den Bevölkerungen beider Kulturen bereits in der Spätrömerzeit.

Bei der Frage eines Einflusses der Wielbark-Kultur auf den Bestattungsbrauch der samländisch-natangischen Kultur ist zu berücksichtigen, dass die bei samländisch-natangischen Bestattungen übliche Beilegung von Waffen in Gräbern bei der Wielbark-Bevölkerung fast vollständig ausgeschlossen war. Ebenfalls fehlen Pferdebestattungen oder beigesetzte Pferdehaut (üblicherweise finden sich Schädel und Beinknochen). Allerdings wird von Forschern immer wieder betont, dass sich die Wielbark-Kultur auf die Sachkultur der Ästier, nämlich auf Keramik und Tracht auswirkte.

Bei der Auswertung germanischer Parallelen zu den Bestattungssitten der samländisch-natangischen Kultur erscheint es vielversprechender solche in Skandinavien der Römerzeit zu suchen, was nicht nur durch gemeinsame Merkmale des Bestattungsbrauchs in beiden Regionen, sondern auch durch Analogien zu der Sachkultur, nämlich durch gleichartige Fibeln und Gürtelgarnituren belegt wird.

Was Bestattungen mit verschiedenen Steinstrukturen in Samland und Natangen betrifft, waren sie in der Römerzeit, wie oben erwähnt wurde, in Skandinavien verbreitet, wobei es sich in erster Linie um Bestattungen in rechteckigen Steinkisten innerhalb eines Steinkreises wie in der Nekropole Schlakalken-2 (4) oft mit Waffenbeigaben handelt. Im skandinavischen Raum werden ebenfalls Parallelen in der Verwendung von Pferdehaut für rituelle Zwecke festgestellt. Für Skandinavien war also auch der Biritualismus, d.h. Kombination von Körper- und Brandbestattungen in einer Nekropole, in der Römerzeit typisch.

Das hier veröffentlichte Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) gehört zu einer Gruppe von Fundorten, die sich in der Römerzeit im nördlichen Teil der Halbinsel Samland befanden. Diese Gruppe wird hier in späterer merowingischer Zeit dokumentiert und entspricht aller Wahrscheinlichkeit nach einer Bevölkerungsgruppe, deren Struktur (ein Stamm? ein Häuptlingstum?) in späteren Forschungen thematisiert werden könnte.

ANHANG 1

E. V. Lagutkina
AUSGRABUNGEN DES RÖMISCHZEITLICHEN GRÄBERFELDES ZAOSTROVIE-7 VON 2010

Im August 2010 führte eine Abteilung der Samländischen Archäologischen Expedition des Instituts für Archäologie der Russischen Akademie der Wissenschaften (Forschungsteamleiterin E.V. Lagutkina) eine Ausgrabung des vielschichtigen Gräberfeldes Zaostrovie-7 durch. Im südöstlichen Teil des Fundortes wurde insgesamt eine Fläche von 1537 m² ausgegraben. In diesem Bereich wurden zehn Bestattungen und sieben Gruben mit Fundmaterial aus der frühen Römerzeit entdeckt, die wohl zur selben Nekropole wie die 1893 untersuchten Gräber gehörten. Möglicherweise könnten einige Gruben zu irgendwelchen rituellen Zwecken benutzt werden.

Im südwestlichen Teil der Grabungsstelle 1 wurden zwei Gräberreihen (entlang der West-Ost-Linie) dokumentiert. Die mit Steinplatten abgedeckten Grabgruben besaßen eine rechteckige Form und waren von Norden nach Süden ausgerichtet.

Die nördliche Reihe umfasste drei Bestattungen 5.2010, 8.2010 und 9.2010, der Abstand zwischen den Gräbern betrug 3,5 bis 5 m. Alle Gräber waren durch während des Zweiten Weltkrieges entstandenen Gruben beschädigt worden. In der zweiten Reihe, die parallel zur nördlichen Reihe in einem Abstand von 1,4–2 m nach Süden lag, wurden 5 Bestattungen, nämlich 1.2010, 2.2010, 3.2010, 4.2010 und 10.2010 untersucht, Bestattungen 6.2010 und 7.2010 blieben nicht freigelegt. Auf dem Fundplatz mit der zweiten Bestattungsreihe, in der der Abstand zwischen den Gräbern von 2,8 m (5.2010 und 6.2010) bis 14 m betrug, wurden Gruben 161-163, 187-188, 191, 198 mit zahlreichen Fragmenten von handgeformter Keramik des 1.–2. Jhs., die offenbar rituellen Zwecken gedient hatten – darunter Scherben von Urnen und verschlackter Keramik – entdeckt.

Zwei der untersuchten Bestattungen, nämlich 8.2010 und 9.2010, waren in der äußeren nördlichen Reihe durch späte Umgrabungen stark beschädigt. Bei sonstigen Gräbern blieben abdeckende Steinplatten erhalten. Die Grabgruben besaßen eine rechteckige Form und waren von Norden nach Süden ausgerichtet. Stark vermoderte Überreste der Bestatteten werden vorläufig als ein

halbwüchsiges Mädchen (10.2010), Männer (1.2010, 5.2010) und Frauen (2.2010, 3.2010 / Bestattung 2) definiert. In übrigen Gräbern könnten, nach dem Grabinventar zu urteilen, Männer bestattet werden (3.2010 / Bestattung 1, 4.2010, 8.2010, 9.2010). Anhand der Knochenspuren und Beigabenlage wurde festgestellt, dass die Verstorbenen nach dem Brauch der Körperbestattung in gestreckter Lage mit dem nach Norden und in einem Fall nach Nordwesten (10.2010) orientierten Kopf und mit typischen Grabbeigaben beerdigt worden waren.

In Gräbern 1.2010, 3.2010 / Bestattung 2, 5.2010 und 10.2010 wurden Beigefäße an den Nordwänden der Grabgruben entdeckt. In der Verfüllung der Grabgruben fanden sich zahlreiche Fragmente von geglätteten Beigefäßen aus Ton, die offenbar absichtlich bei der Bestattung zerbrochen worden waren, sowie Fragmente grober verschlackter Gefäße mit Spuren sekundärer Feuereinwirkung, die als Reste von Trauergaben gelten könnten.

Als Grabbeigaben wurden bronzene Artefakte, darunter acht Armbrustfibeln, eine Pinzette, und ein Anhänger (Besatz?), 44 goldgläserne, einfarbige und polychrome gläserne Perlen, eiserne Fundobjekte, nämlich sieben Messer, vier Lanzenspitzen und ein Wurfspieß, eine Gürtelschnalle, eine Keltenaxt, fünf Fragmente von Eisenartefakte, sowie zwei Schleifsteine freigelegt. Bei Männerbestattung 1.2010 befanden sich Überreste eines mit dem Kopf nach Süden begrabenen Pferdes in der südwestlichen Ecke der Grabgrube.

Aufgrund der oben aufgeführten Merkmale und Grabbeigaben werden die Bestattungen 5.2010, 8.2010, 9.2010 aus der äußeren nördlichen Reihe vorläufig in die zweite Hälfte des 2. Jhs., Bestattungen 1.2010, 2.2010, 3.2010, 4.2010, 10.2010 aus der zweiten Reihe in einen früheren Zeitraum zwischen der zweiten Hälfte des 1. Jhs. und der ersten Hälfte des 2. Jhs. datiert. Solche Datierungen entsprechen den Stufen B2 und B2/C1 (70/80–200) der Chronologie des europäischen Barbaricums.

Die im 2010 untersuchten Abschnitt freigelegten Bestattungen des 1. und 2. Jhs. belegen das Bestehen des 1893 entdeckten Gräberfelds der samländisch-natangischen Kultur an diesem Ort.

Die archäologisch erforschten Bestattungskomplexe stellen wohl den nördlichen Rand der Nekropole dar. Die Gruben mit handgeformter Keramik des 1. und 2. Jhs. und ohne Bestattungsspuren konzentrieren sich ebenfalls im südlichen Teil der Grabungsstelle 1, in unmittelbarer Nähe von der Grabgruben. Diese Gruben – möglicherweise sind das Reste irgendwelcher rituellen Anlagen – markieren die nördliche Grenze der Nekropole.

ANHANG 2

M. M. Kazanski
GRÄBERFELD SCHLAKALKEN-3 NACH DEM BEFUND DER DEUTSCHEN AUSGRABUNGEN VON 1893

Wie H. Jankuhn berichtet, waren drei Gräberfelder 1939 in der Umgebung von Schlakalken bekannt, so werden im vorliegenden Beitrag Fundobjekte aus dem Gräberfeld Schlakalken-3 betrachtet. An diesem Ort befindet sich das Gräberfeld Zaostrovie-1, das von E.B. Saltsman 2010 erforscht und bereits veröffentlicht wurde, aber sein Zusammenhang mit dem Gräberfeld Schlakalken-3 ist nicht vollständig geklärt. Nach den Angaben aus dem R. Grenz-Archiv wurde eine Nekropole aus der Völkerwanderungszeit und dem frühen Mittelalter östlich des Hofes Schlakalken, nördlich der Straße zum Kalkberg und nordwestlich des Dorfes Lauknicken, westlich des heutigen Flusses Spokojnaja, d.h. ungefähr dort entdeckt, wo die Ausgrabungen 2010 durchgeführt wurden. 1893 gruben Carl Kretschmann und Heinrich Kemke ein Gräberfeld in der Nähe des Hofes Schlakalken aus, worüber nur kurze Erwähnungen erhalten sind. Es wird dabei darauf hingewiesen, dass sich Bestattungen sowohl in die Römerzeit als auch in einen späteren Zeitraum, nämlich in die Stufen D und E bzw. von der zweiten Hälfte des 4. Jhs. bis zum 7. Jh. fallen. Ihr Fundmaterial ist aus Archivalien und anhand einzelner Artefakten in Museumssammlungen bekannt. Ausführliche Informationen zu einem gewissen Gräberfeld 3 („Schlakalken – III“), das 1893 ausgegraben wurde, finden sich im O. Tischler-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte in Berlin. Diese Funde werden üblicherweise der Nekropole Schlakalken-3 zugeschrieben. Soweit aus einer Kartenskizze im R. Grenz-Archiv hervorgeht, wurden die Ausgrabungen 1893 nicht östlich des Hofes

Schlakalken, sondern westlich davon und nördlich des Erdweges nach Lixeiden durchgeführt. Es ist daher unklar, ob das hier betrachtete Fundmaterial den Gräberfeldern (möglicherweise einem Gräberfeld?) Lauknicken und Zaostrovie-1 gehört oder es bei den Ausgrabungen westlich des Hofes Schlakalken entdeckt wurde, aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4) stammt und der Spätphase der Belegung dieser Nekropole entspricht.

Planigraphie des Gräberfeldes und Bestattungsbrauch

Im 1893 ausgegrabenen Abschnitt lassen sich zwei Bestattungsgruppen unterscheiden, die sich von Norden nach Süden erstrecken: die nördliche mit 28 Bestattungen und die südliche Gruppe mit 42 Bestattungen. Es ist möglich, dass sie zwei unterschiedlichen Bevölkerungsgruppen (Familien? Clans?) angehören. Alle Bestattungen waren in Grabgruben vorgenommen worden, die zum Zeitpunkt der Entdeckung keine äußeren Anzeichen aufwiesen. Form und Größe der Gruben können anhand der verfügbaren Daten nicht bestimmt werden. Bei allen Bestattungen wurde Steinabdeckung (Durchmesser bis 3 m) freigelegt. Die Gräber enthalten direkt in die Grube gelegte Überreste von Brandbestattungen in Form von Anhäufungen oder verstreuten kalzinierten Knochen, sowie Reste eines Scheiterhaufens. In einem Grab befand sich eine Pferdebestattung unter der Steinabdeckung neben den Überresten einer Brandbestattung. In zwei Gräbern wurden nur Pferdeskelette unter der Steinabdeckung ohne Brandbestattungen freigelegt. Bemerkenswert ist, dass alle Gräber mit Pferdebestattungen zu der nördlichen Bestattungsgruppe gehörten. Die Beigaben lagen meistens zusammen mit Überresten von Brandbestattungen, seltener inmitten den Steinen der Abdeckung. Eine bemerkbare Zahl von Gräbern besaß keine Grabbeigaben.

Grabinventar
Trachtzubehör

Zum Trachtzubehör gehören verschiedene Armbrustfibeln, nämlich mit umgeschlagenem Fuß vom Typ Almgren 162 und mit gegossenem Fuß, mit „kreuzförmigem“ Fußabschluss, vom Typ Dollkeim-Kovrovo und dessen Varianten, vom Typ Daumen-Tumiany, Armbrustsprossenfibeln, sowie Blechfibeln mit Mittelgrat vom Typ Breitenfurt. Elemente der Gürtelgarnitur stellen unterschiedliche Schnallen, nämlich mit kreuzförmigem Dorn, mit ovalem Bügel, mit gerillt dekoriertem Bügel und D-förmige Schnallen, sowie Riemenzungen, rechteckige Beschläge und Nieten dar. Außerdem wurden gedrehte Armreifen (oder Halsringe?), glatte Armreifen mit hakenförmigem Verschluss, Fingerringe, spiralförmige Ringe, Glas- und Bernsteinperlen gefunden. Diese Artefakte sind typisch für die samländisch-natangische Kultur des späten 5. und des 6. Jhs. und haben zahlreiche Parallelen zu den Altertümern der West- und Ostbalten aus der Völkerwanderungszeit und dem frühen Mittelalter.

Waffen- und Pferdeausrüstung

Waffenausrüstung stellen Skramasaxe vom Typ Prassolow 3a und einige Arten von Lanzenspitzen mit Tülle vom Typ Kazakevičius ID, II, IV dar. Skramasaxe und Lanzen gehören zu den Waffen der einfachen Bevölkerung und waren im 5. und 6. Jh. bei den Balten und ihren Nachbarn in Mittel- und Osteuropa weit verbreitet. Aus Pferdeausrüstung wurden zweiteilige Ringtrensen vom Typ Ørsnes OE–OD gefunden, die für die samländisch-natangische Kultur und überhaupt für baltische Altertümer üblich sind.

Persönliche Gebrauchsgüter und Werkzeuge

Bei Bestattungen wurden Artefakte des alltäglichen Gebrauchs und Werkzeuge, darunter Messer, ein Rasiermesser, keramische Spinnwirtel freigelegt. Darüber hinaus wurden keramische Gefäße gefunden, außer dieser Tatsache liegen uns jedoch keine weiteren Informationen darüber vor.

Chronologie des Gräberfeldes

Anhand der Chronologie der Grabbeigaben ist es möglich, die Bestattungen zu datieren und die chronologischen Phasen der Belegung der Nekropole zu bestimmen.

Phase 1 (430–520er Jahre). Dies ist die späte Völkerwanderungszeit. Zu dieser Phase gehören Bestattungen 35, 45, 66, wohl 43 und zu ihrem Ausgang Bestattungen 6 und 39. Die Phase wird durch solche Artefakte wie manche Arten von Armbrustfibeln, Fibeln vom Typ Dollkeim-Kovrovo und Breitenfurt sowie scheibenförmige Bernsteinperlen gekennzeichnet. Eine optimale Kombination dieser Funde fällt in die Stufe D3 (430–450/500er Jahre) nach der Chronologie des europäischen Barbaricums oder Stufe E1 (450–520er Jahre) nach der westbaltischen Gliederung.

Phase 2 (520–570er Jahre). Im Großen und Ganzen fällt sie mit der Stufe E2 der Chronologie des westlichen Baltikums zusammen und zeichnet sich durch eine Kombination aus Schnallen mit kreuzförmigem Dorn und Armbrustsprossenfibeln aus. Solche Datierung wird durch den Fund einer Fibel vom Typ Daumen/Tumiany belegt. In diese Phase führen Bestattungen 10, 12, 13, 15, 25, 26, 49, 68 zurück.

Festzustellen ist, dass sich die Bestattungen der Phase 1 in der südlichen Bestattungsgruppe und die Bestattungen der Phase 2 in der nördlichen Gruppe befinden, wo möglicherweise nur eine Bestattung zum Ausgang der Phase 1 gehört.

Geschlechterindikatoren

Mithilfe anthropologischer Forschungen wurde auf den samländisch-natangischen Gräberfeldern Mitino und Zaostrovie-1 eine Reihe von Grabbeigaben festgestellt, die für Männer-, Frauen- und Kindergräber der merowingischen Zeit typisch sind. Hier werden diese Indizien verwendet, weil jegliche anthropologischen Daten nach den Ausgrabungen von 1893 nicht erhalten sind. Aufgrund der Merkmale, die sich auf das Fundmaterial von Mitino und Zaostrovie-1 beziehen, können Bestattungen 1, 10, 12, 14, 20, 28 und 52 auf dem Gräberfeld Schlakalken-3 als Männerbestattungen definiert werden. Bestattungen 13, 39, 43, 49, 53, 58 und 66, die sowohl „männliche“ als auch „weibliche“ Beigaben enthielten, sind ebenfalls Männerbestattungen mit „weiblichen“ Gaben oder gemeinsame Bestattungen. Den Frauenbestattungen können wohl Bestattungen 3, 15, 16, 35, 45, 53, 59, 60, 62, 63, 65, 68 zugeordnet werden.

Soziale Differenzierung

Für die samländisch-natangische Kultur der späten Völkerwanderungszeit und der Merowingerzeit wurde der in der „barbarischen“ Archäologie Europas allgemein akzeptierte Grundsatz schon vorgeschlagen und angewendet, soziale Differenzierung je nach der Pracht der Grabbeigaben und den Besonderheiten des Bestattungsbrauchs auszuwerten.

Man unterscheidet drei Bestattungsebenen:

- Ebene 1. Bestattungen der gehobenen Schicht;
- Ebene 2. Bestattungen der Mittelschicht;
- Ebene 3. Bestattungen der Unterschicht.

Auf dem Gräberfeld Schlakalken-3 fehlen die Bestattungen der 1. Ebene, dabei wurden Bestattungen der 2. Ebene mit einer gewöhnlichen Kombination der Beigaben (Bestattungen 1, 3,5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 22, 24, 25, 26. 27, 28, 35, 39, 43, 45, 49, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 66, 68) und die der 3. Ebene ohne Beigaben (Bestattungen 2, 4, 7, 8, 17, 18, 19, 21, 23, 29, 30, 31, 31, 32, 33, 48, 50, 51, 54, 56, 61, 65, 67, 69, 70,) entdeckt.

Wohl spiegelt die Anzahl der Gräber kaum ein tatsächliches Verhältnis der Bestattungsebenen wider – eine Reihe von Mitgliedern der Gesellschaft könnte an einem anderen Ort oder nach einem archäologisch schwer fassbaren Brauch (an einen Baum angehängt, im Wasser ertrunken usw.) bestattet oder gar nicht bestattet worden sein (Neugeborene?). Ganz zu schweigen davon, dass wir nicht wissen, welcher Teil des Gräberfeldes 1893 ausgegraben wurde, ob der untersuchte

Abschnitt völlig freigelegt wurde und wie sorgfältig die Funde dokumentiert wurden. Die nördliche Gräbergruppe in der Nekropole Schlakalken-3 wies die meisten Bestattungen mit Waffen und begleitenden Pferdebestattungen auf. Möglicherweise hängt eine solche Planigraphie mit der sozialen Ungleichheit dieser beiden Gräbergruppen (von einer Familie? einem Clan?) zusammen.

Die breitflächig untersuchten Fundorte sehen aus der späten Völkerwanderungszeit und der Merowingerzeit im samländisch-natangischen Raum ärmer als Gräberfelder der ausgehenden Römerzeit und der frühen Völkerwanderungszeit aus: Bestattungen enthalten weniger Beigaben aus Metall, die Beigaben sind bescheidener. Dabei ist ein Traditionsbruch weder beim Bestattungsbrauch noch bei der Komposition der Grabbeigaben festzustellen. Vermutlich hatten die beobachteten Veränderungen eher eine soziale Grundlage und gemeinsame kulturelle Traditionen wurden dabei beibehalten.

ANHANG 3

M. V. Dobrovol'skaja
PALÄOANTHROPOLOGISCHE MATERIALIEN AUS DEM GRÄBERFELD ZAOSTROVIE-2, AUSGRABUNGEN VON 2011

Das untersuchte Knochenmaterial aus dem Gräberfeld stammt aus den Körperbestattungen. Wegen der lokalen Bodenbeschaffenheit, die fast vollständiges Verschwinden von Knochenresten verursacht und zur Zerstörung des Zahnschmelzes führt, blieben nur die Bereiche des aus dem Trachtzubehör mit Kupferverbindungen durchtränkten Knochengewebes erhalten.

Fragmentarisch erhaltene menschliche Überreste lassen sich nur mit großer Vorsicht auf Geschlecht und Alter der Bestatteten schließen. Eindeutig kann man nur Kinder und Erwachsene bestimmen, alles andere ist eher eine mehr oder weniger sichere Vermutung.

Bestattung 40: ein Kind im Alter von ca. fünf Jahren.

Bestattung 44: ein junger Mann im Alter von ca. 20 Jahren.

Bestattung 68: eine 35–45-jährige Frau.

Bestattung 86: wohl eine Frau (?).

Bestattung 104: ein Verstorbener im Alter von 30–39 Jahren (eine Frau?).

Auffallend ist die Größe der Knochen, die als kleine bestimmt werden können. Ob dies ein charakteristisches Merkmal dieser Population oder nur ein Zufall ist, lässt sich schwer beantworten.

ANHANG 4

E. E. Antipina
ARCHÄOZOOLOGISCHER UNTERSUCHUNGSBEFUND TIERISCHER KNOCHENRESTE AUS DEM RÖMISCHZEITLICHEN GRÄBERFELD ZAOSTROVIE-2 (AUSGRABUNGEN VON 2011)

Eine archäozoologische Untersuchung der osteologischen Sammlung aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 ergab, dass das vorliegende Material hauptsächlich Überreste von Pferden und vor allem deren Zähne als haltbarste Elemente des Skeletts umfasst. Die festgestellten Merkmale des osteologischen Materials lassen trotz dessen im höchsten Maße schlechten Zustandes mehrere interessante Schlussfolgerungen ziehen.

1. Auf dem Gräberfeld Zaostrovie-2 wurden hauptsächlich Überreste von Pferden entdeckt. Nur einmal wurde einen Zahn eines Jungviehs gefunden.

2. Die Überreste gehörten den Pferden im unterschiedlichen Alter. Allerdings besaßen alle diese Pferde, auch die jüngsten, zum Zeitpunkt des Todes bereits die Größe erwachsener Tiere. Der Großteil wurde jedoch im Alter von unter vier Jahren getötet: sieben von acht Pferden. Zu betonen ist, dass sich das Pferdeskelett bis zum Alter von fünf Jahren entwickelt. Deswegen erreicht ein Pferd nach seinem 4. Lebensjahr den höchsten wirtschaftlichen und vor allem militärischen Wert.

3. Fast alle diese Pferde können einer Gruppe zuordnet werden, weil morphologische Merkmale von bleibenden Backzähnen identisch sind. Aufgrund des verfügbaren osteologischen Materials

ist es sogar hypothetisch kaum möglich, das Stockmaß und die Konstitution von Pferden aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 sowie genetische Linien ihres Ursprungs (westlichen oder östlichen), die in der Fachliteratur häufig diskutiert werden, zu bestimmen. Zugleich lässt die angegebene Homogenität und geringe Variabilität in Form und Struktur der Zähne bei den untersuchten Pferden vermuten, dass sie aus einer, wahrscheinlich lokalen, Population stammen.

4. Bei zwei gleichaltrigen Pferden im Alter von 3,5 bis 4 Jahren (Bestattung 1.2011) wurde eine identische Zahnpathologie (lineare Hypoplasie) festgestellt, die ungefähr in einer gleichen Lebensperiode begann. Wahrscheinlich befanden sich diese Tiere seit einem Alter von 18 Monaten am selben Ort und unter denselben Bedingungen, wo ihnen ein Ereignis widerfuhr, das zu einer Störung der Mineralisierung der sich entwickelnden Zähne führte.

ANHANG 5

I. A. Saprykina
ERGEBNISSE EINER NE-METALL-ANALYSE AUS DEM GRÄBERFELD ZAOSTROVIE-2

Die Analyse der chemischen Zusammensetzung von Nichteisenmetallen wurde für 91 Objekte aus dem römischzeitlichen Gräberfeld Zaostrovie-2 mittels zerstörungs- und standardfreier Röntgenfluoreszenzanalyse (RFA) mit einem M1 Mistral-Spektrometer (Bruker, Deutschland) durchgeführt. Die Methode besteht in der Gewinnung und Auswertung von Spektren der durch Röntgenstrahlung angeregten Fluoreszenzstrahlung. Die Genauigkeit der erhaltenen Daten variiert zwischen 0,001 % und 0,01 %; durch Softwareverarbeitung der Spektren wird der Prozentsatz der Elemente auf 100 % gebracht. Die Analyse wurde an 3 Punkten durchgeführt, dann wurden die Ergebnisse zur Mittelwertbildung summiert. Die Einstufung der mit der RFA-Methode erzielten Ergebnisse erfolgte nach geochemischen Grundsätzen, wobei der Schwellenswert der Legierung bis 1,0 % bestimmt wurde.

Die untersuchte Stichprobe besteht aus Schmuck verschiedener Art: Armringe, Anhänger, Perlen und Ringe aus Halsketten, Fibeln, Teile von Gürtelgarnituren und Pferdegeschirren. Die Objekte stammen aus der Zeitstufe B2 der Chronologie des europäischen Barbaricums (70/80–160/170) und bleiben in einigen Fällen in der Stufe B2/C1 (160/180–200) weiter in Gebrauch.

In der Stichprobe aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 dominieren Objekte aus der Mehrstofflegierung CuSnZnPb (54 Fundobjekte). Hierbei handelt es sich um eine mehrfach geschmolzene Legierung, in die zusätzlich die eine oder andere Legierungskomponente eingebracht werden konnte. Die Stichprobe zeichnet sich durch einen Zinngehalt von 2,083 % bis 37,363 % aus. Hohe Prozentwerte für den Zinngehalt (15,136 % bis 37,363 %) wurden nur für 15 Fundobjekte festgestellt. Ohne sie beträgt der durchschnittliche Gehalt dieser Legierungskomponente 9,8 %. Der Zinkgehalt schwankt in der Mehrstofflegierung von 1,398 % bis 15,304 %, der Durchschnittswert beträgt 4,59 %. Der Bleigehalt ist recht gering und liegt zwischen 1,1 % und 5,69 %, der Durchschnittswert beträgt 2,052 %.

Es wird angenommen, dass die Mehrstofflegierung mit relativ geringem Gehalt von Legierungsbestandteilen bei der Herstellung von bestimmten Arten römischer Militärausrüstung verwendet wurde. Der im Vergleich zu Zinn geringere Zinkgehalt kann in der Stichprobe aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 auf die Verwendung von geschmolzenem Nichteisenmetallschrott in der NE-Metallverarbeitung hinweisen. Aus einer Mehrstofflegierung mit einem durchschnittlichen Zinngehalt von 9,8 % wurden fast alle Kategorien vom Schmuck und Trachtzubehör aus der analysierten Stichprobe hergestellt. In einigen Fällen kann ein während der Analyse festgestellter hoher Zinngehalt die Spuren der Verzinnung auf der Oberfläche dieser Objekte andeuten. Zinn auf die Oberfläche aufzutragen ist die einfachste und kostengünstigste Weise den Wert eines Erzeugnisses durch eine silbrige Farbe zu erhöhen. In der Römerzeit fand diese Technik die breiteste Anwendung, unter anderem zur Verzierung kleiner bronzener Gegenstände und Einzelteile. Die Verzinnung ist ebenfalls für die Metallverarbeitung bei den Germanen typisch.

Die zweitgrößte Legierung in der analysierten Stichprobe ist Zinnmessing (CuSnZn) (34 Fundobjekte). Zu dieser Gruppe gehören manche Objekte mit einem hohen Zinngehalt von 15,42 % bis

24,11 %. In allen anderen Fällen schwankt der Zinngehalt in der Legierung zwischen 1,684 % und 12,132 %. Der durchschnittliche Gehalt dieser Legierungskomponente beträgt 7,2 %. Der Zinkgehalt liegt zwischen 1,319 % und 10 % bei einem durchschnittlichen Gehalt von 5,7 %. Aus dieser Legierung wurden manche Teile der Gürtelgarnitur, Armringe, Teile von Halsketten und fast alle in der Stichprobe erhältlichen Fibeln angefertigt. Lediglich zwei Fibeln wurden aus Messing mit einem im Vergleich zum den anderen relativ hohen Zinkgehalt von 8-10 % hergestellt. Meistens bestanden die Fibeln aus einer Legierung, deren Zinkgehalt auf die Verwendung gemischter (umgeschmolzener) Legierungen hinweist. Die zur Herstellung von Fibeln aus dem Gräberfeld Zaostrovie 2 verwendete Legierung ähnelt in ihren Eigenschaften eher dem Zinnmessing, aus dem die zur in Lettland und Estland gefundenen Fibeln erzeugt wurden. Sie ähnelt ebenfalls dem Metall bei den Fibeln aus dem Gräberfeld in Masowien sowie römerzeitlichen Fundorten, die in der römischen Provinz Germania Inferior liegen. Die Verwendung solcher Messinge mit einer Dominanz von Zinn gegenüber Zink, dessen Gehalt relativ gering ist, wird von einigen Forschern mit den in Barbaricum gelegenen Werkstätten in Verbindung gebracht. Es wurde eine Meinung über eine spätere Datierung solcher Fibeln geäußert.

In der Stichprobe sind drei Beschläge aus Zinn-Blei-Bronze und Zinnbronze vorhanden. Der Zinngehalt beträgt als Legierungsbestandteil der Zinn-Blei-Bronze 10,28 % bzw. 15,469 %. Der Bleigehalt ist dabei wie bei einer Mehrstofflegierung gering und beträgt 1,574 % bzw. 3,363 %. Die Zinnbronze zeichnet sich durch einen anderen Legierungsarten ganz ähnlichen Zinngehalt von 9,219 % aus.

Zu bemerken ist die Korrelation in der Nomenklatur von Metallen und Legierungen mit den Daten, die anhand einer NE-Metall-Analyse der Objekte des 1. und 2. Jhs. an Fundorten in Litauen, Lettland und Estland gewonnen wurden. Nomenklatur der Legierungen und ihres Anteils ähnelt in der Stichprobe aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 der in den Proben aus den Fundorten in Zentralestland und Nordlettland.

Die Forscher weisen darauf hin, dass große Serien von persönlichem Schmuck des 2. Jhs. (Fibeln, darunter Augenfibeln der preußischen Serie), die im nordöstlichen Estland gefunden wurden, ebenfalls nicht aus Bronze, sondern aus Messing mit einem hohen Zinngehalt hergestellt wurden. In diese Region, sowie auf das Gebiet des heutigen Litauen, wurden vermutlich Metallrohstoffe geliefert, die dann zur Herstellung lokaler Kopien von importierten Fibeln und anderen Waren verwendet werden könnten. Festgestellt werden ebenfalls Spuren der Verwendung solcher Technik wie Verzinnung.

Erzeugnisse, die sowohl aus einer Mehrstofflegierung (CuSnZnPb) als auch aus Zinnmessing (CuSnZn) hergestellt wurden, kommen hauptsächlich in den gleichen Fundkomplexen des Gräberfeldes Zaostrovie-2 vor. Diese Tatsache lässt sich nicht auf die Verwendung verschiedener Arten von zinkhaltigen Legierungen in unterschiedlichen Zeiträumen schließen. Die Massenproduktion von Fibeln und Gürtelgarnituren aus zinkhaltigen Legierungen (Messing und Mehrstofflegierung) könnte indirekt sowohl auf die Eigenart des Gräberfeldes Zaostrovie-2 selbst als auch auf die Produkte lokaler Werkstätten hinweisen, die in diesem Gebiet bereits seit der Bronzezeit zirkulierendes römisches Messing sowie Zinnbronzen schmolzen.

ANHANG 6

K. N. Skvorcov
UMGEBUNG DES GEHÖFTES SCHLAKALKEN. HISTORISCHER HINTERGRUND

Der Name *Slakelauks (Slakalauks)* besteht aus zwei Komponenten: **slak-* und *lauks*. Die zweite Komponente altpreuß. *lauks* ist in allen baltischen Sprachen bekannt und bedeutet „Feld“. Die erste Komponente **slak-* ist unklar. Da *Slacken-kappen* und *Schlagunen* zu einem Sprachraum gehören (mögliche semantische Überlagerung von **slak-* und **slag-* aufgrund einer Volksetymologie) und die Komponente **slak-* semantisch mit Gräbern verbunden werden kann, ist **slak-* vermutlich auf mythologische Vorstellungen zurückzuführen.

Frühe Erwähnungen von Schlakalken fallen in 1315 (*Slakalauken*), 1333 (*Slakelauks, Slakelauch*s), 1405 (*Slakalaux*), 1435 (*Slawkelawken*), 1439 (*Slakaylawken*), 1562 (*Schlackaylauwcken*), 1670 (*Schlaylaucken, Schlaglaucken*). Im 19. Jh. war die Siedlung als *Schlakalicken* (1803) und *Schlakalken* (1844) bekannt.

Schlakalken kommt recht häufig in Ordensakten vor. Nach den Namen aus dieser Quelle zu urteilen, waren die ersten Besitzer Schlakalkens Prußen. Seit 1576 gehörte Schlakalken zum Kirchspiel Sankt Lorenz. In der Vorordenszeit Preußens stellte die Umgebung von Schlakalken höchstwahrscheinlich ein „Grenzgebiet" zwischen Battau und Pobethen dar. Einer leeren Grenzgegend wurde in Samland meist eine sakrale Bedeutung verliehen, dort konnte die Welt der Toten lokalisiert werden.

Die Volksüberlieferung erzählt von zahlreichen „Teufelssteinen" in der Gegend um Schlakalken. Schlakalken erwähnte man im Zusammenhang mit Zauberei der samländischen Hirten. In der nahen Umgebung sah ein Bauer Bei Diewens den Schlangenkönig. Auf dem Hügel Butzkeberg riefen die Geister einen Bauer zu einer Feier und gaben ihm Lindenblätter, die sich in Gold verwandelt haben.

Die nächstgelegenen mittelalterlichen Dörfer um Schlakalken sind Lauknicken (1301), Posselau (1365), Battau (1258/1384), Tenkieten (1391), Lixeiden (1396) und Diewens (1493), nennenswert ist der Berg Kalxte (Die Kalksch / Kalkberg) (1460). Diese preußischen Ortsnamen ermöglichen die Bedeutung weiterer Bezeichnungen aufzufassen:

- Lauknicken: *Laukenīks „Landbesitzer", wörtlich „Besitzer eines Feldes";
- Posselau: *Pasilawa „Ort in der Nähe von einer Ödnis";
- Lixeiden: *Līgsēdjai „sich auf einer Ebene befindend" (d.h. nicht auf einem Hügel).

Der Berg Kalxte (Die Kalksch / Kalkberg) wird in den Ordensakten als ein bemerkenswerter runder bewaldeter Berg beschrieben. Die Komponente *kalk- könnte durch eine Vermischung von *kauk- (ein Fabelwesen chthonischer Natur, das oft mit Hügeln in Verbindung gebracht wird) und *alk- (ein heiliger Berg) entstehen.

ABBILDUNGSUNTERSCHRIFTEN

Abb. 1. Lage des Gräberfeldes Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4)

Abb. 2. Lage der Nekropolen in der Umgebung des Gehöftes Schlakalken nach dem Untersuchungsbefund von deutschen Forschern
1: schematischer Plan der Ausgrabungsstätten aus der Vorkriegszeit bei Schlakalken
1 – Ausgrabungsstätte von W. Gronau 1936, Gräber ohne Steinstrukturen; 2 – Ausgrabungsstätte von K. Kretschmann 1893; 3 – Funde aus der Kiesgrube der 30er Jahre des 20. Jh.
2: Lage der Gräberfelder Schlakalken in der Umgebung des Gehöftes Schlakalken nach H. Jankuhn
1: nach: Rudolf Grenz-Archiv, B. 39; Samland – Archiv. Fundkartei. MBL 105; 2: nach: *Hilberg*, 2009. Abb. 10.41

Abb. 3. Nekropolen bei Schlakalken auf der Karte von E. Hollack
Nach: *Hollack*, 1908. Sektor Karten 21/22. S. 144

Abb. 4.1. Zaostrovie-2. Ausgrabungen von 2011. Nördlicher Abschnitt

Abb. 4.2. Zaostrovie-2. Ausgrabungen von 2011. Südlicher Abschnitt

Abb. 5. Zaostrovie-2. Ausgrabungen von 2011. Gesamtplan von untersuchten Gräbern

Abb. 6. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Plan des 1893 untersuchten Abschnitts
Nach: *Jankuhn*, 1939. Taf. II

Abb. 7. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Pläne der Gräber mit Steinkreisen und -kisten
1: Grab 1.1893; *2*: Grab 14.1893; *3*: Grab 13.1893; *4*: Grab 29.1893
Nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken

Abb. 8. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Topographie der Gräber mit Steinkreisen und -kisten

Abb. 9. Gräberfelder mit Steinkreisen des Baltikums
1: Endregårda, Gotland; *2*: Knuts, Gotland; *3*: Muuksi, Estland; *4*: Rebala, Estland.
1, 2: nach: *Almgren, Nerman*, 1923. Textfigur 154, 155; 3, 4: nach: *Lang*, 2007. Fig. 85, 86.

Abb. 10. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Fibeln
1: Grab 24A.1893; *2*: Grab 4.2011; *3*: Grab 51.2011; *4*: Grab 104.2011; *5*: Grab 44.2011; *6*: Grab 1.1893; *7*: Grab 29.1893; *8*: Grab 1.2011; *9*: Grab 68.2011; *10*: Grab 104.2011; *11, 12*: Grab 68.2011; *13*: Grab 2.2011; *14*: Grab 44.2011; *15, 16*: Grab 88.2011; *17*: Grab 51.2011; *18–20*: Streufunde von 1893; *21*: Grab 1.1893; *22*: Grab 13.1893; *23*: Grab 38.1893; *24*: Grab 10.2010; *25–27*: Grab 1.2010; *28*: Grab 3.2010 / Bestattung 2; *29*: 10.2010; *30*: Grab 5.2010; *31, 32*: Grab 20.1893; *33–35*: 3.1893
Maßstab für die Fibeln aus den Ausgrabungen von 2010 und 2011.

Abb. 11. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Fibeln
1: Grab 51.2011; *2*: Grab 4.2011; *3*: Grab 1.2011

Abb. 12. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Fibeln
1: Grab 2.2011; *2*: Grab 51.2011; *3–5*: Grab 68.2011; *6, 7*: Grab 88.2011

Abb. 13. Verbreitung der Fibeln vom Typ Almgren 42 im südlichen Baltikum
1 – Typ 42; *2* – Typ 41/42
Nach: *Olędzki,* 1998. Abb. 18

Abb. 14. Verbreitung der Fibeln vom Typ Almgren 42
Nach: *Nowakowski*, 1996. Karte 4

Abb. 15. Verbreitung der Fibeln vom Typ Almgren 52 im südlichen Baltikum
Nach: *Chilińska-Früboes*, 2018. Mapa 1

Abb. 16. Verbreitung der Fibeln der preußischen Serie
Nach: *Pfeffer-Frohnert,* 1998. Abb. 1, mit Ergänzungen

Abb. 17. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Bestandteile der Gürtelgarnitur
1, 2: Grab 137.2011; *3*: Grab 68.2011; *4*: Grab 86.2011; *5*: Grab 44. 2011; *6*: Grab 145.2011; *7*: Grab 5.1893; *8–21*: Grab 44.2011; *22*: Grab 3.1893; *23*: Grab 5.1893; *24*: Grab 44.2011; *25*: Grab 20.1893; *26*: Grab 3.1893; *27*: Grab 24A.1893

Abb. 18. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Samländische Gürtel
1, 2: Grab 137.2011; *3*: Grab 68.2011; *4*: Grab 86.2011

Abb. 19. Verbreitung der samländischen Gürtel
Nach: *Chilińska-Drapella*, 2010. Tabl. 1

Abb. 20. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Kahnförmige Gürtelbeschläge
1–8: Grab 86.2011; *9–13*: Grab 118.2011; *14*: 145.2011; *15–23*: Grab 137.2011; *24–32*: Grab 68.2011; *33*: Grab 123.2011; *34*: Grab 3.1893; *35*: Grab 24A.1893; *36*: Grab 2.2010; *37, 38*: Grab 20.1893

Abb. 21. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Riemenbeschläge (*2–22*) und Bestandteile eines Kopfschmucks (möglicherweise *1, 23–29*)
1, 2, 29: Grab 145.2011; *3, 4*: Grab 118.2011; *5–13*: Grab 137.2011; *14–16*: Grab 68.2011; *17–21*: Grab 86.2011; *22*: Grab 123.2011; *23–27*: Grab 135.2011; *28*: Grab 68.2011

Abb. 22. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Armreifen
1–3: Grab 88.2011; *4*: Grab 104.2011; *5-7*: Grab 68.2011; *8*: Grab 137.2011; *9*: Streufunde von 1893; *10, 11*: Grab 29.1893

Abb. 23. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Armreifen
1, 2: Grab 88.2011; *3, 4, 6*: Grab 68.2011; *5*: Grab 137.2011

Abb. 24. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Perlentypologie
1.1–1.6 – Typen von Bernsteinperlen;
2.1–2.5 – Typen von monochromen Perlen aus Glas;
2.6–2.10 – Typen gläserner Perlen mit einer Einlage aus goldfarbigem Metall;
2.11 – Typen gläserner Perlen mit einer Einlage aus silberfarbigem Metall.

Abb. 25. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Perlentypologie
2.12–2.21 – Typen gläserner polychromer Perlen;
3.1 – Typen von Metallperlen.

Abb. 26. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Zierelemente aus Metall
1: Grab 1.2011; *2*: Grab 12.2011; *3*: Grab 36.2011; *4*: Grab 86.2011; *5*: Grab 68.2011; *6*: Grab 145.2011; *7*: Grab104.2011; *8*: Grab 135.2011; *9*: 5.2010; *10, 11*: Grab 29.1893; *12*: Grab 1.2010
Maßstab für die Fundobjekte aus den Ausgrabungen von 2010 und 2011.

Abb. 27. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Waffenausrüstung
1: Grab 10.2011; *2*: Grab 18.2011; *3, 4*: Grab 59.2011; *5*: Grab 18.1893; *6, 7*: Grab 1.1893; *8, 9*: Grab 12.1893; *10*: Grab 13.1893; *11, 12*: Grab 15.1893; *13, 14*: Grab 26.1893; *15*: Grab 22.1893; *16*: Grab 16.1893; *17*: Grab 1.1893; *18*: Grab 22.1893; *19*: Grab 12.1893; *20*: Grab 13.1893; *21, 24–26*: Grab 5.2010; *22, 23*: Grab 1.2010

Abb. 28. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Reiter- und Pferdeausrüstung
1: Grab 1.2011; *2*: Grab 14.1893; *3*: Grab 22.1893; *4, 5*: Grab 13.1893; *6*: Grab 1.2011; *7–9*: Grab 44.2011; *10*: Grab 1.2011

Abb. 29. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Waffenausrüstung
1: Grab 1.2011; *2*: Grab 10.2011; *3, 4*: Grab 59.2011; *5*: Grab 18.2011

Abb. 30. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Reiter- und Pferdeausrüstung
1, 4: Grab 1.2011; *2, 3, 5*: Grab 44.2011

Abb. 31. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Werkzeuge, alltägliche Gebrauchsgüter, Bestandteile der Gürtelgarnitur
1: Grab 1.2011; *2*: Grab 114.2011; *3*: Grab 86.2011; *4*: Grab 68.2011; *5*: Grab 20.2011; *6*: Grab 2.2011; *7*: Grab 121–122.2011; *8*: Grab 44.2011; *9*: Grab 86.2011; *10*: Grab 20.2011; *11–13*: Grab 44.2011; *14*: Grab 68.2011; *15*: Grab 1.1893; *16*: Grab 35.1893; *17*: Grab 1.1893; *18*: Grab 7.1893; *19*: Grab 23.1893; *20*: Grab 20.1893; *21*: Grab 21.1893; *22*: Grab 16.1893; *23*: Grab 5.2010; *24*: Grab 1.1893; *25*: Grab 16.1893; *26*: Grab 18.1893; *27*: Grab 24.1893; *28*: Grab 35.1893; *29*: Grab 31.1893; *30*: Grab 23.1893; *31, 33*: Grab 1.2010; *32*: Grab 3.2010/Bestattung 1; *34*: Grab 5.2010; *35*: Grab 9.2010; *36*: Grab 33.1893

Abb. 32. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Verschiedene Fundobjekte aus Eisen
1, 2: Grab 20.2011; *3*: Grab 68.2011; *4*: Grab 86.2011; *5*: Grab 114.2011; *6*: 121–122.2011; *7, 8, 9*: 44.2011

Abb. 33. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Fundobjekte aus Stein
1, 2, 4: Grab 59.2011; *3*: Grab 86.2011; *5*: Grab 121–122.2011; *6*: Grab 114.2011; *7, 8*: Grab 3.2010/ Bestattung 1

Abb. 34. Gräberfeld Zaostrovie-2 / Schlakalken-2 (4). Keramische Gefäße
1: Grab 116.2011; *2, 3, 4*: Grab 54.2011; *5*: Grab 88.2011; *6*: Grab 53.2011; *7*: Grab 10.2011; *8*: Grab 121–122.2011; *9*: Grab 58A.2011; *10–12*: Grab 130.2011; *13*: Grab 1.2010; *14*: Grab 3.2010/Bestattung 2; *15*: 3.2010/Bestattung 1

Abb. 35. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Keramikgefäße
1: Grab 118.2011; *2*: Grab 116.2011; *3*: Grab 86.2011; *4*: Grab 138.2011; *5*: Grab 145.2011; *6*: Grab 59.2011; *7*: Grab 1.2011; *8*: Grab 123.2011; *9*: Grab 73.2011; *10*: Grab 24A.1893; *11*: Grab 8.1893; *12*: Grab 26.1893; *13*: Grab 12.1893; *14*: Grab 10.2010; *15*: Grab 5.2010
Maßstab für die Gefäße aus den Ausgrabungen von 2010 und 2011.

Abb. 36. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Keramikgefäße
1, 2: Grab 22.1893; *3*: Grab 61.1893; *4*: Grab 24.1893; *5*: Grab 26.1893; *6*: Grab 28.1893; *7*: Grab 15.1893; *8*: Grab 12.1893; *9*: Grab 14.1893; *10*: Grab 17.1893; *11*: gesammelt 1893

Abb. 37. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Keramikgefäße
1: Grab 145.2011; *2*: Grab 10.2011; *3*: Grab 58A.2011; *4*: Grab 121–122.2011; *5*: Grab 53.2011; *6*: Grab 1.2011

Abb. 38. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Keramikgefäße
1: Grab 59.2011; *2*: Grab 116.2011; *3*: Grab 86.2011; *4*: Grab 12.2011; *5*: Grab 130.2011; *6*: Grab 123.2011

Abb. 39. Gräberfeld Zaostrovie-2 (7) / Schlakalken-2 (4). Keramikgefäße
1: Grab 10.2010; *2*: Grab 116.2011; *3, 4*: Grab 130.2011; *5*: Grab 118.2011

Abb. 40. Gräberfeld Zaostrovie-2, Ausgrabungen von 2011. Lage der Gräber mit zwei oder drei Fibeln, samländischen Gürteln, „professionellen" Waffen sowie Pferdebestattungen
1: mit drei Fibeln; *2*: mit zwei Fibeln; *3*: mit samländischen Gürteln; *4*: mit „professionellen" Waffen; *5*: Pferdebestattungen

Abb. 41. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Ausgrabungen von 1893. Lage der Gräber mit zwei oder drei Fibeln, samländischen Gürteln, „professionellen" Waffen sowie Pferdebestattungen *1*: mit drei Fibeln; *2*: mit zwei Fibeln; *3*: mit samländischen Gürteln; *4*: mit „professionellen" Waffen; *5*: Pferdebestattungen

TAFELUNTERSCHRIFTEN

Taf. 1. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 1.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung; *3*: die dritte Schicht der Steinabdeckung; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 2. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 1.2011
1: die vierte Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein mit Fundobjekten

Taf. 3. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 1.2011. Funde

Taf. 4. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 1.2011. Funde

Taf. 5. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 1.2011. Funde im Grab *in situ*, Schicht der Entdeckung: die vierte Schicht der Steinabdeckung
A. *1*: eiserne Trense inmitten einer Anhäufung von Pferdezähnen; *2*: Fibel aus Bronze; *3*: mit Kalotte nach unten liegender Schildbuckel aus Eisen; B. *1*: eiserne Trense inmitten einer Anhäufung von Pferdezähnen

Taf. 6. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 2.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung; *3*: die dritte Schicht der Steinabdeckung; *4*: die vierte Schicht der Steinabdeckung

Taf. 7. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 2.2011
1: die fünfte Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *3–11*: Funde

Taf. 8. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 2.2011. Bronzene Augenfibel der so genannten preußischen Serie
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 9. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 3.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4–7*: Funde

Taf. 10. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 4.2011
1: Steinabdeckung; *2*: anstehendes Gestein mit Fundobjekten; *3–5*: stratigraphische Schnitte des Grabes

Taf. 11. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 4.2011. Funde

Taf. 12. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 4.2011. Stark profilierte Fibel aus Bronze
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 13. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 10.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung

Taf. 14. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 10.2011
1: die dritte Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 15. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 10.2011. Funde

Taf. 16. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 10.2011. Keramikgefäß und eiserne Lanzenspitze im Grab *in situ*, Schicht der Entdeckung: die dritte Schicht der Steinabdeckung

Taf. 17. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 12.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 18. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 12.2011
1: die dritte Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein

Taf. 19. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 12.2011. Funde

Taf. 20. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 15.2011
1: Niveau, auf dem das Grab entdeckt wurde; *2*: untere Schicht der Grabverfüllung; *3*: anstehendes Gestein; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 21. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 18.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 22. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 18.2011. Funde

Taf. 23. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 20.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4, 5*: Funde

Taf. 24. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 36.2011
1: Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4–6*: Funde

Taf. 25. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 40.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4–10*: Funde

Taf. 26. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 42.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3, 4*: stratigraphische Schnitte des Grabes

Taf. 27. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 42.2011
1: anstehendes Gestein; *2–6*: Funde

Taf. 28. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4*: stratigraphischer Schnitt des Objektes 44A

Taf. 29. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011
1: untere Schicht der Grabverfüllung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein

Taf. 30. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011. Funde

Taf. 31. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011. Funde

Taf. 32. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011
1: bronzene Omega-Schnalle mit erhabenen Riemenzungen sowie Fragmente eiserner Trenze im Grab *in situ;* Niveau, auf dem die Funde freigelegt wurden: untere Schicht der Grabverfüllung; *2*: bronzene Omega-Schnalle mit Teilen einer Gürtel- bzw. Riemengarnitur
Foto von A. V. Mastykova

Taf. 33. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011. Bronzene Augenfibel der so genannten preußischen Serie
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 34. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 44.2011. Bronzene schwach profilierte Fibel mit einem Kamm am Kopf
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 35. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 50.2011
1: Verfüllungsschicht mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; 3: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4–7*: Funde

Taf. 36. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 51.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4–5*: Funde

Taf. 37. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 53.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4*: anstehendes Gestein

Taf. 38. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 53.2011. Funde

Taf. 39. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 53.2011. Zerbrochenes keramisches Gefäß im Grab *in situ*; Niveau, auf dem der Fund freigelegt wurde: die zweite Schicht der Steinabdeckung

Taf. 40. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 54.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3–5*: stratigraphische Schnitte des Grabes; *6–10*: Funde

Taf. 41. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 55.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: stratigraphischer Schnitt des Objektes 55A; *3*: anstehendes Gestein mit Fundobjekten; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *5–8*: Funde

Taf. 42. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 58A.2011. Die erste Schicht der Steinabdeckung

Taf. 43. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 58A.2011
1: die zweite Schicht der Steinabdeckung; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 44. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 58A.2011. Die dritte Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten

Taf. 45. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 58A.2011
1: anstehendes Gestein; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 46. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 58A.2011. Funde

Taf. 47. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 59.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3, 4*: stratigraphische Schnitte des Grabes

Taf. 48. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 59.2011. Funde

Taf. 49. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 59.2011. Zwei eiserne Lanzenspitzen (1) und ein Keramikgefäß (2) im Grab *in situ;* Niveau, auf dem die Funde freigelegt wurden: die erste Schicht der Steinabdeckung

Taf. 50. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung

Taf. 51. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011
1: untere Schicht der Grabverfüllung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 52. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011. Lage der Fundobjekte im Grab

Taf. 53. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011. Funde

Taf. 54. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011. Funde

Taf. 55. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011. Funde

Taf. 56. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011. Funde

Taf. 57. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 68.2011
1: polychrome Perle aus Millefioriglas; 2: polychrome Mosaikperle; 3: Fragment eines Halsschmucks mit gläsernen polychromen Perlen und Metallringen sowie einer Metallperle
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 58. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 69.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: untere Schicht der Grabverfüllung mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4*: anstehendes Gestein; *5–14*: Funde

Taf. 59. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 73.2011
1: Niveau, auf dem das Grab entdeckt wurde; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4*: Keramische Urne

Taf. 60. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 85.2011
1: Steinabdeckung; *2*: anstehendes Gestein mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4, 5*: Funde

Taf. 61. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 86.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: anstehendes Gestein; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 62. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 86.2011. Lage der Fundobjekte im Grab

Taf. 63. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 86.2011. Funde

Taf. 64. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 86.2011. Funde

Taf. 65. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 86.2011. Keramikgefäß

Taf. 66. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 86.2011. Halsschmuck aus gläsernen polychromen Perlen und Metallringen
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 67. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 88.2011
1: zerstörte Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 68. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 88.2011. Funde

Taf. 69. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 102.2011
1: Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4, 5*: Funde

Taf. 70. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 104.2011
1: Niveau, auf dem das Grab entdeckt wurde; *2*: untere Schicht der Grabverfüllung mit Fundobjekten; *3*: anstehendes Gestein; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 71. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 104.2011. Funde

Taf. 72. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 114.2011
1: Niveau, auf dem das Grab entdeckt wurde; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4–6*: Funde

Taf. 73. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 116.2011
1: Steinabdeckung; *2*: untere Schicht der Grabverfüllung mit Fundobjekten; *3*: anstehendes Gestein; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 74. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 116.2011. Funde

Taf. 75. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 116.2011
1: zwei keramische Gefäße im Grab *in situ;* Niveau, auf dem die Funde freigelegt wurden: untere Schicht der Grabverfüllung; *2*: keramischer Becher mit einem Henkel im Grab *in situ*

Taf. 76. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 117.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4*: anstehendes Gestein; *5, 6*: Funde

Taf. 77. Gräberfeld Zaostrovie-2. Gräber 118/123.2011
1: Steinabdeckung des Grabs 118.2011 mit Fundobjekten; Niveau, auf dem das Grab 123.2011 entdeckt wurde; *2*: anstehendes Gestein mit Fundobjekten aus dem Grab 118.2011; Niveau, auf dem die keramische Urne mit Fundobjekten in Grab 123.2011 freigelegt wurde

Taf. 78. Gräberfeld Zaostrovie-2. Gräber 118/123.2011
1, 2: stratigraphische Schnitte des Grabes 118.2011; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes 123.2011

Taf. 79. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 118.2011. Funde

Taf. 80. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 118.2011. Keramisches Gefäß

Taf. 81. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 123.2011. Funde

Taf. 82. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 123.2011. Keramische Urne im Grab *in situ*

Taf. 83. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 120.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *4*: anstehendes Gestein; *5–7*: Funde

Taf. 84. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 121–122.2011
1: die erste Schicht der zerstörten Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der zerstörten Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: anstehendes Gestein

Taf. 85. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 121–122.2011
1, 2: stratigraphische Schnitte des Grabes

Taf. 86. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 121–122.2011. Funde

Taf. 87. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 130.2011
1: die erste Schicht der zerstörten Steinabdeckung; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *3*: die zweite Schicht der zerstörten Steinabdeckung mit Fundobjekten; *4*: anstehendes Gestein

Taf. 88. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 130.2011. Funde

Taf. 89. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 135.2011
1: die erste Schicht der zerstörten Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der zerstörten Steinabdeckung mit Fundobjekten; *3*: anstehendes Gestein; *4*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 90. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 135.2011. Funde

Taf. 91. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 137.2011
1: die erste Schicht der zerstörten Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der zerstörten Steinabdeckung mit Fundobjekten

Taf. 92. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 137.2011
1: anstehendes Gestein; *2*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 93. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 137.2011. Funde

Taf. 94. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 137.2011. Funde

Taf. 95. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 137.2011. Bronzene zweiteilige durchbrochene Schnalle eines samländischen Gürtels
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 96. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 137.2011. Bronzener Armreif mit profilierten Enden
Foto von T. Sh. Gatsaeva

Taf. 97. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 138.2011
1: die erste Schicht der zerstörten Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der zerstörten Steinabdeckung mit Fundobjekten

Taf. 98. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 138.2011
1: stratigraphischer Schnitt des Grabes; *2*: anstehendes Gestein

Taf. 99. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 138.2011. Funde

Taf. 100. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 145.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung; *3*: stratigraphischer Schnitt des Objektes 145A; *4*: stratigraphischer Schnitt des Objektes 145A und des Grabes

Taf. 101. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 145.2011
1: die dritte Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: anstehendes Gestein

Taf. 102. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 145.2011. Funde

Taf. 103. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 151.2011
1: Niveau, auf dem das Grab entdeckt wurde; *2*: anstehendes Gestein; *3*: stratigraphischer Schnitt des Grabes

Taf. 104. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 156.2011
1: die erste Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten; *2*: die zweite Schicht der Steinabdeckung mit Fundobjekten

Taf. 105. Gräberfeld Zaostrovie-2. Grab 156.2011
1: anstehendes Gestein; *2, 3*: stratigraphische Schnitte des Grabes; *4*: Fragment eines Artefaktes aus Bronze (Fibel?)

Taf. 106. Gräberfeld Zaostrovie-2. Planzeichen

Taf. 107. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 1.1893
1–5: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 2–6; *5a, 6, 8, 9*: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; *7*: nach: Fēliksa Jākobsona arhīvs. Ieraksti „Kreis Fischhausen"

Taf. 108. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 3.1893
Nach: *Chilińska-Drapella,* 2010. Tabl. 3; Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 2, 3

Taf. 109. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 5.1893 (*1–6*), 7.1893 (*7*), 8.1893 (*8–10*), 17.1893 (*11*), 18.1893 (*12–14*)
1: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 8; *2–6*: nach: Rudolf Grenz-Archiv, B. 31, Kreis Schlakalken, Schlakalken IV; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 4, 7, 8; *7–11, 13, 14*: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; *12*: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 10

Taf. 110. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 12.1893 (*1–7*) und 14.1893 (*8–10*)
№ 5–7 sind in der Kartei von Herbert Jankuhn mit einem Fragezeichen versehen. Ihre Zugehörigkeit zum Grab 12 ist wohl vermutlich.
1–10: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 4; Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz-Archiv,
B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6

Taf. 111. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 13.1893
Nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken

Taf. 112. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 15.1893 (*1–3*), 16.1893 (*4–9*).
1: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 6; *2, 3, 5–9*: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; *4*: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 9

Taf. 113. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 20.1893
Nach: *Chilińska-Drapella,* 2010. Tabl. 4, 5; Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 8, 9

Taf. 114. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 20.1893. Zweiteilige Schnalle für einen samländischen Gürtel
Foto: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv

Taf. 115. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 20.1893. Textil
Foto: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv

Taf. 116. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 21.1893 (*1–3*), 23.1893 (*4–8*)
Nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken

Taf. 117. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 22.1893
1–4: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; *5*: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10; *6*: nach: *Jankuhn*, 1939. Taf. 1: *6*; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 10

Taf. 118. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 24.1893 (*1, 2*) und 24A.1893 (*3–9*)
1: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 11; *2*: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; *3–9*: nach: *Chilińska-Drapella,* 2010. Tabl. 36: *e–h*

Taf. 119. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 26.1893 (*1–8*), 28.1893 (*9*)
1: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 7; *2–9*: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken

Taf. 120. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Grab 29.1893
1–5: nach: Herbert Jankuhn-Archiv. Schlakalken; *6–16, 18, 19*: nach: Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 12–14; *17*: nach: *Jankuhn*, 1939. Abb. 13

Taf. 121. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Gräber 31.1893 (*1*), 33.1893 (*2, 3*), 35.1893 (*4, 5*), 38.1893 (*6, 7*), 61A.1893 (?) (*8–11*)
1, 3–11: nach Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14, 15; *2*: nach: *Jankuhn*, 1939. Taf. 1: *5*; Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 14

Taf. 122. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Unbekannter Fundzusammenhang
Nach: Rudolf Grenz-Archiv, B. 39, Schlakalken, Kr. Fischhausen, Fortsetzung 15

Übersetzung ins Deutsche von Diana Shalyga

INHALTSVERZEICHNIS

Einleitung. Historische und geografische Merkmale der Region, allgemeine Merkmale des Fundortes, Geschichte der archäologischen Erforschung des Fundortes 5

1. Kapitel. Bestattungsbrauch 9
Körperbestattung 9
Brandbestattung 12
Pferdebestattungen 14
Bestattungen mit Waffenbeigaben 17

2. Kapitel. Grabinventar 19
Trachtzubehör und Gürtelgarnitur 19
Tracht 33
Waffen, Ausrüstung von Reitern und Pferden 35
Panoplie 40
Persönliche Gebrauchsgüter und Werkzeuge 41
Keramik 43

3. Kapitel. Auswertung des Fundmaterials 47
Planigraphie 47
Chronologie 47
Geschlechterindikatoren und Stratifizierung der Bestattungen 47

Schlussbemerkungen. Kulturhistorischer Zusammenhang der samländischen Fundorte in der römischen Zeit 50

Abbildungen 55

Katalog 1. Gräberfeld Zaostrovie-2. Ausgrabungen von A. V. Mastykova und K. L. Juganov 2011. Katalog der Gräber 97

Katalog 2. Gräberfeld Schlakalken-2 (4). Ausgrabungen von K. Kretschmann und H. Kemke 1893. Katalog der Gräber 118

Tafeln von Fundkomplexen 131

Bibliographie 250

Archivalien und Literatur 250

Anhange

Anhang 1
E. V. Lagutkina. Ausgrabungen des römischzeitlichen Gräberfeldes Zaostrovie-7 von 2010 263

Anhang 2
M. M. Kazanski. Gräberfeld Schlakalken-3 nach dem Befund der deutschen Ausgrabungen von 1893 302

Anhang 3
M. V. Dobrovol'skaja. Paläoanthropologische Materialien aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2, Ausgrabungen von 2011 363

Anhang 4
E. E. Antipina. Archäozoologischer Untersuchungsbefund tierischer Knochenreste aus dem römischzeitlichen Gräberfeld Zaostrovie-2 (Ausgrabungen von 2011) 365

Anhang 5
I. A. Saprykina. Ergebnisse einer NE-Metall-Analyse aus dem Gräberfeld Zaostrovie-2 373

Anhang 6
K. N. Skvorcov. Umgebung des Gehöftes Schlakalken. Historischer Hintergrund 383

Abkürzungen 387

Informationen zu den Autoren 388

Zusammenfassung 389

Inhalt 417

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Историко-географическая характеристика региона, общая характеристика памятника и история археологического изучения памятника 5

Глава первая. Погребальный обряд 9
Ингумации 9
Кремации 12
Конские захоронения 14
Погребения с оружием 17

Глава вторая. Погребальный инвентарь 19
Предметы убора и ременная гарнитура 19
Костюм 33
Вооружение, всадническое и конское снаряжение 35
Паноплия 40
Бытовые предметы и орудия труда 41
Керамика 43

Глава третья. Анализ материала 47
Планиграфия 47
Хронология 47
Гендерные признаки и стратификация погребений 47

Заключение. Культурно-исторический контекст памятников Самбии в римское время 50

Рисунки 55

Каталог 1. Могильник Заостровье-2. Раскопки А. В. Мастыковой и К. Л. Юганова в 2011 г. Каталог погребений 97

Каталог 2. Могильник Шлакалькен-2 (4). Раскопки К. Кретчмана и Г. Кемке в 1893 г. Каталог погребений 118

Таблицы комплексов 131

Библиография 250
Архивные материалы 250
Литература 250

Приложения

Приложение 1
Е. В. Лагуткина. Раскопки могильника раннеримского времени Заостровье-7 в 2010 г. 263

Приложение 2
М. М. Казанский. Могильник Шлакалькен / Schlakalken-3 по данным немецких раскопок 1893 г. 302

Приложение 3
М. В. Добровольская. Палеоантропологические материалы из могильника Заостровье-2, раскопки 2011 г. 363

Приложение 4
Е. Е. Антипина. Результаты археозоологического исследования костных останков животных из могильника римского времени Заостровье-2 (раскопки 2011 г.) 365

Приложение 5
И. А. Сапрыкина. Результаты исследования химического состава цветного металла из могильника Заостровье-2 (раскопки 2011 г.) 373

Приложение 6
К. Н. Скворцов. Историческая справка о местности хутора Шлакалькен 383

Сокращения 387

Сведения об авторах 388

Zusammenfassung 389

Inhalt 417

Научное издание

А. В. Мастыкова, К. Л. Юганов

Заостровье-2. Могильник римского времени в Северной Самбии

Материалы спасательных археологических исследований. Том 35

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка и дизайн: В. Б. Степанов
Дизайн обложки: В. А. Кулишов
Художник: А. В. Любавина

На странице 8: Деталь пряжки самбийского пояса
из погребения 137.2011 г. Фото: Т. Ш. Гацаев
На странице 54: Фибула из погребения 4.2011 г. Фото: Т. Ш. Гацаев
На странице 96: Браслет с профилированными окончаниями
из погребения 137.20111 г. Фото: Т. Ш. Гацаев
На странице 130: Ожерелье из стеклянных бус с металлическими кольцами
из погребения 86.2011 г. Фото: Т. Ш. Гацаев
На странице 262: Фибула из погребения 1.2010 г. Фото: Т. Ш. Гацаев

Подписано в печать 08.09.2025
Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 49,0. Уч.-изд. л. 42,6
Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в

ISBN 978-5-94375-473-9